

**АЛЕКСАНДР
ЛОММ**

НОЧНОЙ ОРЕЛ

*Издательство
"Детская
литература"*

АЛЕКСАНДР ЛОММ

НОЧНОЙ ОРЕЛ

*Фантастические
повести и рассказы*

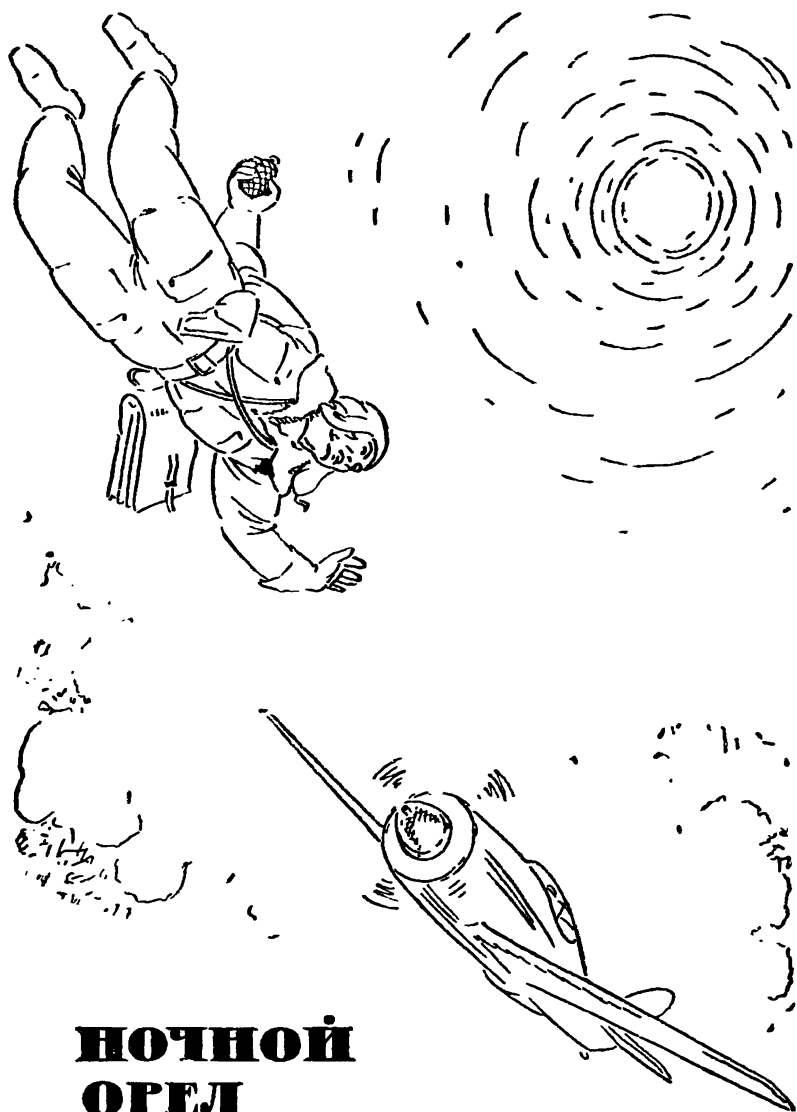
Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973

**Р2
Л74**

Рисунки Л. ФАЛИНА

Л $\frac{0763-494}{101(03)73}$ 574-73

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973 г.

НОЧНОЙ ОРЕЛ

Фантастическая повесть

Часть первая

ГОЛУБОЙ БАРЬЕР ВЗЯТ

1

Самолет был полон тьмы и грохота.

Сердитый рев моторов разрушал не только речь, но и мысль...

Сидеть было тоже неудобно. Парашютная сумка, оружие, боеприпасы, рация — чего только не накручивают на себя десантники, отправляясь в тыл врага! — все это жало, давило, стягивало. Какое уж тут удобство. Скорее бы выброситься из этой гремящей железной коробки и хоть на несколько минут почувствовать себя крылатой птицей!..

Сержант Кожин сидел рядом с пулеметчиком из экипажа и потихоньку тосковал: покурить бы!

А сосед попался говорливый и дотошный — пристаёт и пристаёт с вопросами. Кругом все молчат, о своем думают, а этому никак нельзя без трепы. И охота же надрываться, в самое ухо орать.

— Ну, а звать-то тебя как?

— А звать меня Иваном! А годик мне двадцать второй миновал!

Кожин злился, но кричал в ответ добросовестно — не хотел зря обижать человека. Сосед не унимался:

— Впервой небось в тыл-то?

— Впервые!

— Переживаешь, поди?

— А как же! Весь извелся!..

— Не переживай! Чехи ребята хорошие. Сработаетесь. У нас был механик-чех, мировой парень! На баяне во как давал! Говорил, чехи все к музыке способны... А ты играешь на чем?

— Да я же не чех!

— Удивил! Я к тому, что они это любят... А в гражданке где вкалывал?

— Уголек рубал.

— Ишь ты! Шахтер, значит!.. Ну, давай, шахтер, давай!..

Где-то рядом сквозь гул моторов резанул строгий окрик майора Локтева:

— Разговорчики!

Пулеметчик ненадолго умолк, а потом снова принялся за свое. Ему что, майор ведь ему не начальство...

Это было в глухую сентябрьскую ночь 1944 года.

Тяжелый транспортный самолет с десантной группой майора Локтева на борту шел в Б-ский район оккупированной фашистами Чехословакии. Группе было поручено оказать помощь местным партизанам и согласовать их действия с оперативными планами командования фронтом.

Достигнув заданного пункта, самолет принялся кружить на высоте в три тысячи метров, ожидая условленных сигналов с земли. Внизу, в непроглядной тьме, лежал горный массив, поросший густыми лесами. В этих местах уже больше года действовал партизанский отряд остравского шахтера Горалека.

При заходе на третий круг пилот засек наконец мерцающую огненную точку, затем вторую, третью, четвертую. Линии между ними давали неправильный ромб, что в точности соответствовало инструкции.

В медвежий рев моторов влилась соловьиная трель звонка — сигнал к высадке. Справа от Кожина, возле турели скорострельного пулемета, вспыхнула зеленая лампочка, озарив-

шая неестественным театральным светом круглое курносое лицо говорливого пулеметчика. Кожин лишь мельком глянул на него и рывком поднялся с места.

— Не робей, шахтер! — крикнул пулеметчик напоследок.

В раскрытую дверь ворвался холодный воздух. Здесь уже стоял майор Локтев, невысокий, собранный, в ладно пригнанном снаряжении.

— Па-а-шел!

Двадцать бойцов-парашютистов один за другим отрывались от железных откидных лавок и, молча метнувшись по проходу, проваливались в темноту.

...Четвертый, пятый, шестой... Очередь за Кожиным.

— Сержант, три наряда за болтовню! — прокричал майор, когда высокий смуглый парень оказался у двери.

Кожин лихо козырнул:

— Есть три наряда, товарищ майор!

И тут же смело шагнул в черное ночное пространство.

Мог ли майор предполагать, что этот бесшабашный сибирский богатырь, любимец всего отряда, уже в ближайшие часы доставит ему массу хлопот и что встретится он с ним не скоро, при обстоятельствах загадочных и удивительных...

2

Кожин стремительно пикировал на четыре трепетных огонька, призывно манящих из крошечного мрака.

«Сигнальные костры! Хорошо иду!...»

Распластанное в воздухе тело рассекало холодную тьму. Потоки встречного ветра врывались в глаза, выжигали непрошенные слезы. Сердце билось учащенно, пальцы машинально вцепились в кольцо парашюта.

«Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...»

Досчитав до двадцати, Кожин с чувством облегчения дернул кольцо. Дернул и весь сжался, напрягся, готовясь к удару строп. Секунда, еще секунда... Почему нет удара?! И вдруг понял: парашют не раскрылся!

Все окружающее сразу стало нереальным и страшным, как сон. На мгновение мозг оцепенел, отказываясь принять свершившееся, но тут же снова включился и заработал с небывалой силой, словно машина, сорвавшаяся со всех тормозов.

До земли оставалось сорок секунд стремительного падения, сорок секунд жизни.

Стараясь подавить ужас, Кожин бросил дрожащую руку к кольцу запасного парашюта. Но пальцы его впустую скользнули по бедру. Вспомнил: запасного нет, сам перед вылетом

выпросил у майора разрешение не брать — на рацию сослался...

Гибельно, неотвратимо неслась навстречу грозная чужая земля. Все, конец... Мгновенными яркими видениями мелькнули родные лица: мать, сестренка Валька... И тут же без всякой связи вспыхнула в памяти сценка из далекого детства.

Прокопьевск, поселок Тырган на самой кромке отступающей тайги. Яркий солнечный день. Воздух по-особенному чист и упруг. Шестилетний Ваня Кожин бежит к своему другу поиграть в чижик. Вот на пути широкий ров. Мальчик с разбегу отталкивается, подпрыгивает и легко перелетает через препятствие. Казалось, сам воздух перенес его. Чудесное, радостное чувство полета, чувство полной свободы!..

Если бы оно пришло сейчас! Если бы...

Все ближе и ближе огни сигнальных костров. Кажется, и фигурки людей можно уже возле них различить. А спрятанные где-то в глубинах подсознания часы упорно отсчитывают последние секунды: ...девять, десять, одиннадцать...

Нужно, нужно еще раз перед смертью пережить то удивительное состояние, которое было тогда, в детстве! Пронзительное ощущение победы над силой тяжести! А потом... Двадцать один, двадцать два, двадцать три...

Кожин изо всех сил сжал зубы. Тренированное мускулистое тело напряглось, яростно сопротивляясь падению. Он не понимал, чего от себя добивается. Это было отчаянное желание жить, приступ безумия, титаническое напряжение воли на грани неизбежной смерти.

«Скорее! Скорее! Ведь я в воздухе! Оно должно, обязательно должно прийти!»

И оно пришло.

Каждая клетка в теле Кожина прониклась вдруг ликующим чувством свободы и беспредельного счастья. Страшная сила, влекущая к земле и угрожающая уничтожить сокрушительным ударом об землю, куда-то вдруг ушла, словно растворилась во тьме. Замер свист ветра в ушах. Воздух перестал быть неуловимой пустотой — он теперь нес, держал, пружинил, как туго натянутая парусина.

Огни костров, стремительно летевшие навстречу, остановились, словно в удивлении, потом дрогнули, полетели в сторону и утонули в чернильном мраке.

Исчезло все: время, пространство, события. Это был теперь не сержант Кожин, а просто никто, попавший в никуда. Остались только непроглядная ночь, прохлада на лице, да смутно знакомая сладостная отрешенность в окаменевшем от напряжения теле.

Часы подсознания остановились. Но на наручных светящаяся стрелка продолжает бегать по кругу: что ни шаг — секунда, что ни круг — минута. Пусть бежит! Глаза видят ее, но сознание не воспринимает... Одна минута, вторая, третья... Нет больше страха смерти, нет прожигающего сердце отчаяния. Есть лишь победное проникновение в стихию невесомости, полное слияние с ней.

А неутомимая стрелка все бежит, все бежит: десятый круг, одиннадцатый... Глаза машинально считают обороты.

Странное, небывалое, необъяснимое состояние, вряд ли когда-нибудь испытанное человеком! Сколько оно могло продолжаться?..

Сознание и рассудок включились внезапно, словно яркая лампочка, вспыхнувшая в темной комнате.

Что происходит? Где земля?! Тьма, кругом тьма!..

На мгновение Кожину почудилось, что он разминутся с Землей и падает в бесконечное космическое пространство. Это было страшнее смерти. Сердце похолодело.

«Что, если я схожу с ума? Что, если так всегда бывает перед смертью?.. Нет, нет, я не хочу этого! Не хочу!»

Могучий волевой порыв разом иссяк, погас, растаял. Чудовищное напряжение тела сменилось полным расслаблением. И в тот же миг на Кожина обрушился страшный удар. В ушах затрещало, заскрежетало... Еще удар. Спину и ноги прожгла нестерпимая боль. В глазах замелькали разноцветные пятна. Резко запахло хвоей, лесной сыростью, грибами. В мучительную вечность растянулись секунды, когда руки еще пытались за что-то ухватиться, до крови сдирая кожу, а потом — провал в самую темную из темнот, в глубокое беспмятство.

8

Приземляясь, майор Локтев повредил себе ногу: подвернулась какая-то нора, и пожалуйста — то ли вывих, то ли растяжение связок, но боль адская.

Из-за этой досадной случайности встреча с чешскими партизанами прошла не так, как было задумано. Обменялись паролем, пожали друг другу руки, и все. Майор при этом морщился от боли и забыл все заранее приготовленные чешские слова. Партизаны сразу же бросились тушить сигнальные костры, а Локтев стал свистком собирать своих.

Бойцы сходились медленно, с трудом продираясь сквозь темную лесную чащобу. Объявляли номера и рассаживались на жухлой сырой траве. Карманный фонарик майора метался

по серьезным, заострившимся лицам. Все ли?.. Нет, еще не все... Проклятая нога!.. Он тоже опустился на траву и сделал переключку. Номера седьмой и шестнадцатый не отозвались: Заблудились, что ли?

Скрепя сердце майор выпустил зеленую ракету. Она взвилась в небо, отняла на миг у ночи огромный кусок леса с четко очерченными деревьями и, рассыпавшись каскадами брызг, погасла. Ночь, словно обозлившись, стала еще гуще.

Минут десять весь отряд напряженно вслушивался в незнакомые звуки ночного леса. Где-то жалобным, почти человеческим голосом простонала неведомая птица. Порыв ветра тревожно прошелестел о чем-то в верхушках деревьев. И снова тишина.

Подошли партизаны, человек пятнадцать. Командир — знаменитый Горалек, — узнав о беде, послал партизан на поиски пропавших. Потом опустился на корточки рядом с Локтевым. Майор спросил про обстановку. Горалек мрачно прогудел:

— Пока ничего, тихо. Но лучше поторопиться. Ракету, сами понимаете, далеко видать.

— Ясно...

Локтев приказал своим ребятам снять лишнее снаряжение и прочесать лес. Бойцы бесшумно рассыпались в разные стороны.

Прошло с полчаса. Шестнадцатый номер нашелся. Его сняли с высокой разлапистой ели, в ветвях которой запутались стropy парашюта. Сам десантник, по всей вероятности, ударился головой о ствол и потерял сознание. Впрочем, когда его снимали, он пришел в себя и до места сбора добрался без посторонней помощи.

Осталось разыскать седьмой номер — сержанта Ивана Кожина.

— Вот уж не думал, что с этим возиться придется! Самый надежный парень в отряде, самый дисциплинированный и выносливый — и вдруг на тебе! — ворчал Локтев, растирая ноющую щиколотку.

— Должно быть, случилось что-то, — с философским спокойствием пробасил Горалек, посасывая пустую трубку.

— «Случилось»!.. Что могло случиться? Боевой парень, спортсмен, комсомолец, сто прыжков с парашютом! К тому же сибиряк, шахтер, ни бога, ни черта не боится!

— Шахтер? — оживился партизанский командир. — Ну, ежели он шахтер, можно не волноваться. Другие какие, может, и пропадают, а шахтер ни за что не пропадет. Шахтер обязательно найдется!

Однако уверенность Горалека в живучести шахтерского

племени не оправдалась. Время шло, десантники и партизаны постепенно возвращались, один за другим докладывали: на осмотренных участках нет никаких следов пропавшего. Наконец из поисков вернулся последний и тоже ни с чем.

Локтев встревожился не на шутку.

— Найти! Непременно найти! — крикнул он угрюмо молчавшим людям. — Найти живого или мертвого! Он должен быть где-то здесь. У него рация!.. И вообще... Мы не можем бросить товарища на произвол судьбы! Приказываю: расширить сектор поисков до километра, давать сигналы светом, обшарить каждый куст!

Отряд снова рассыпался по лесу. Замелькали, удаляясь, огни фонариков и наскоро изготовленных факелов.

Командиры закурили: Локтев — папиросу, Горалек — трубку. Короткие вспышки спичек осветили их лица: сухощавое, гладко выбритое — Локтева, и смуглое, обросшее черной кудрявой бородой — Горалека. Быстро оглядели друг друга, остались довольны взаимным осмотром. Потом молча курили.

— А что, товарищ майор... — Горалек задумчиво попыхивал трубкой. — Что, ежели у него парашют не раскрылся?

— У Кожина? Исключено!

— Ну а все-таки?

Локтев помедлил, потом спокойно произнес:

— Если бы у него отказал парашют, товарищ Горалек, нам бы не пришлось искать его. Он лежал бы где-то здесь, на поляне, возле костров и не нуждался бы больше ни в каких докторях.

— Понятно. Значит, парашют у него наверняка раскрылся?

— В этом можно не сомневаться.

— Тогда остается только одно — искать, искать и искать. Он тоже мог зацепиться за дерево и потерять сознание. Уж коли он здесь, мы обязательно найдем его!

Но и на сей раз пророчество Горалека не сбылось. Через час отряд снова собрался вокруг своих командиров. Усталые люди молча садились на траву. Докладывать было нечего — поиски снова не дали никаких результатов.

Командиры принялись было обсуждать новые меры, но тут с поста у шоссе на дороге, проходившей километрах в пяти, прискакал на взмыленной лошади дозорный с тревожной вестью. К посту из города примчался велосипедист и предупредил о выступлении крупной моторизованной части фашистов. По-видимому, командование Б-ского гарнизона бросило на ликвидацию десанта карательный отряд.

О дальнейших поисках Кожина не могло быть и речи. Люди быстро построились, и Горалек повел их в глубь леса.

Майор Локтев ковылял, опираясь на палку. Боль в ноге

становилась нестерпимой. Но сильнее физической боли терзала неотвязная мысль:

«Неужели между появлением карателей и загадочным исчезновением Кожина существует какая-то связь? Неужели Кожин из-за трех нарядов... Фу, какая нелепость! Немцы просто засекли ракету над лесом...»

Но, понимая всю чудовищность, всю дикость этой мысли, Локтев невольно возвращался к ней снова и снова. Да и как ему было не возвращаться? Не мог же Кожин раствориться между небом и землей! Человек, прыгнувший с самолета, в любом виде должен оказаться на земле. В любом виде! Вот именно...

4

Прикорнувший между гор маленький захолустный городок К-ов еще сладко спал, когда главврач местной больницы Вацлав Коринта вышел из дому и, зябко поежившись от холодной утренней сырости, решительно зашагал в темноту.

Миновав с десяток кривых безлюдных улочек и умудрившись при этом не разбудить ни одной собаки, он выбрался на размокший проселок, который тянулся к недалекому лесу. Резиновые сапоги доктора быстро отяжелели от налипшей грязи, но он продолжал быстро идти.

Вот он достиг лесной опушки, остановился, вытер платком вспотевший лоб и, оглядевшись, тихонько засвистел. От едва наступавшей в густых сумерках сосны тотчас же отделилась невысокая фигурка; женский голос робко окликнул доктора:

— Это вы, пан доктор?

— Я, Ивета, я. Не бойтесь. Долго меня ждали?

— Нет, недолго. Минут десять...

Фигурка вплотную приблизилась к доктору и превратилась в миловидную тоненькую девушку, похожую на подростка. Из-под низко повязанного платка блестели большие, немного испуганные глаза.

— Страшно было одной стоять в темноте у леса?

— Ну что вы, пан доктор! Люди спят, а волков тут не водится... — Девушка нервно рассмеялась, поправляя козынку.

— Положим, вы не совсем правы. Волков действительно нет, а вот за людей никогда нельзя поручиться... Впрочем, ладно. Лукошко не забыли прихватить?

— Не забыла. Вот оно.

— Тогда пойдемте. Пока доберемся до места, станет светло.

Они вместе направились к лесу и вскоре исчезли в темной чаще.

Доктор Коринта слыл заядлым грибником. С началом грибного сезона он что ни день затемно уходил из дому, чтобы до утреннего обхода больничных палат побродить часа три по лесу. В охоте за грибами он был непревзойденным мастером. Однако не только ради грибов совершал он свои одинокие прогулки. Его тянуло в лес и по иным причинам.

Отдавая все свое время врачеванию человеческих недугов, Коринта сам нуждался в исцелении и утешении. Слишком много за последние годы накопилось в душе всякой горечи: и проблем, и тоски, и мрачных предчувствий. Тишина леса помогала сосредоточиться, приносила душевное спокойствие и новые силы.

Сегодня одиночество лесных прогулок впервые нарушилось. С превеликой неохотой пошел на это Коринта. Но все же пошел. Слишком уж горячо просила его молоденькая медсестра Ивета Сатранова взять ее хоть раз в лес по грибы. Неужели девушке так сильно захотелось поучиться грибному промыслу? Ой ли! Главврач потому лишь и согласился, что уловил в странной просьбе что-то более серьезное, чем одно лишь желание собирать грибы...

Едва приметная тропинка петляла среди густых зарослей. Раздвигая влажные, холодные ветки, доктор уверенно шагал вперед. Ивета следовала за ним и молчала. Коринта почувствовал, что ей трудно самой начать разговор, и решил помочь.

— Ну, что у вас на сердце, сестра Ивета? Давайте выкладывайте! Не из-за грибов же вы, в самом деле, поднялись в такую рань.

— А вы почему догадались, что не из-за грибов?

— Да уж догадался...

Она помолчала. Он услышал у себя за спиной ее вздох.

— Вы правы, пан доктор. Мне очень, очень нужно с вами посоветоваться. Только, пожалуйста, пусть об этом...

— Ни слова больше!

Коринта остановился и через плечо строго глянул на Ивету.

— Я не мальчик, милая девушка. Мне уже сорок шесть лет. У меня за плечами большая и сложная жизнь. Если вы не уверены во мне, то и неверяйте мне своих секретов.

— Простите, пан доктор... У меня нечаянно вырвалось...

— Ладно, коли нечаянно. Продолжайте!

Коринта двинулся дальше, а девушка, глядя на его широкую спину, принялась торопливо излагать свои заботы:

— Вы, пан доктор, наверное, обратили внимание на того высокого обер-лейтенанта, который часто приезжает в нашу

больницу? Его зовут Крафт, Вилли Крафт. Он ушел в армию с четвертого курса медицинского факультета. Почему-то из всех местных девушек он выбрал для своих ухаживаний именно меня. Пристает и пристаёт! Конечно, он красивый и по-чешски говорит вполне сносно. Да разве это главное! Все равно ведь немец, фашист!.. Я просто не знаю, как быть, пан доктор. Прямо его оттолкнуть боюсь — он отомстить может. Таким все нипочем... А терпеть его приставания сил моих больше нет. Вот я и решила с вами посоветоваться...

Она порывисто вздохнула и затихла. Некоторое время шли молча. Наконец Коринта ответил девушке:

— Путаница у вас получается, Ивета. Не сердитесь, что я так прямо. С одной стороны, и красив этот обер-лейтенант, и по-чешски говорить умеет, с другой стороны — вам противны его ухаживания. Мне кажется, вы все же немножко им увлеклись...

— Что вы, пан доктор!

— Погодите, не возмущайтесь. Вы просили совета, вот я вам и советую. Прекратите, пока не поздно. Я не против смешанных браков и к немцам как к народу не питаю ни малейшей вражды. Задолго до войны я закончил Берлинский университет. Женился на немке. Вы, наверное, слышали, что у меня жена — немка?

— Да, слышала...

— Мне кажется, именно это обстоятельство и толкнуло вас обратиться за советом ко мне, а не к кому-нибудь другому. Вы рассчитывали найти у меня сочувствие. Это понятно. И все же, дорогая Ивета, придется вас разочаровать. Я оставил семью, отказался от научной работы, бросил службу в столице и ушел в ваше захолустье лишь потому, что у меня жена — немка. Точнее, не просто немка, а убежденная нацистка. Сразу после прихода немцев она добровольно вступила в нацистскую партию и пошла служить в эсэсовскую комендатуру... Я знаю, далеко не все немцы такие. Но ваш Крафт безусловно такой.

— Что же мне делать, пан доктор?

— Порвать с ним самым решительным образом. А чтобы не мстил, найдите подходящий предлог. Я, например, заметил, что к вам равнодушен мой заместитель, доктор Майер. Спрячьтесь за Майера, чтобы спастись от Крафта...

— Боже мой, пан доктор, но ведь Майер...

— Знаю, знаю, он далеко не идеал мужской красоты. Толстый, черномазый коротышка. Куда ему до Крафта, этой типичной белокурой бестии. Но Майер чех и честный парень. Кроме того, я уверен, что он согласится совершенно бескорыстно помочь вам. Фиктивные браки теперь не редкость. От

угона в Германию этим спаслись много молодых людей. Для вас Крафт опасен не менее, чем отправка на принудительную работу. Хотите, я сам поговорю с Майером?

— Ах, пан доктор, все это так неожиданно, что я просто...

Коринта не дал ей договорить:

— Погодите, Ивета, помолчите минутку.

Они остановились и прислушались.

Где-то поблизости хрустнула ветка. Девушка вздрогнула и схватила доктора за руку:

— Что это?!

— Ничего... Белка, должно быть.

Коринта старался успокоить Ивету. Однако сам он понимал, что это не белка. Уже несколько минут он улавливал какие-то шорохи, которые раздавались позади, то замирая в отдалении, то приближаясь вплотную.

Поглощенная своими заботами, девушка ничего не заметила. Коринта же слишком хорошо изучил лесные звуки, чтобы оставить без внимания эти странные шорохи. Значение их было слишком недвусмысленно: кто-то, крадучись, шел за ними по пятам, приноравливаясь к их движению. Остановятся доктор с Иветой, и тот сейчас же замирает.

С минуту Коринта чутко прислушивался к привычным звукам пробуждающегося леса. Бродя ничего подозрительного... Неужели почудилось? В таком случае, плохи дела — нервы, стало быть, совсем пришли в негодность.

Осторожно двинулись дальше. Загадочные шорохи медленно возобновились. Как это ни странно, а на душе у доктора стало легче: шорохи настоящие, — значит, нервы пока что в порядке.

Небо над лесом постепенно светлело, стволы деревьев проступили совсем отчетливо.

Скоро начнутся заветные грибные места, а тут на тебе — кому-то понадобилось следить за мирными собирателями грибов. Хорошо, если кто из своих. А если немцы?.. На всякий случай Коринта поменялся с Иветой местами: ее пустил вперед по тропинке, а сам пошел сзади. Девушка была благодарна доктору, потому что теперь тоже слышала легкие шаги неизвестного преследователя и от страха вся похолодела.

Улучив момент, когда они обогнули куст ежевики и очутились на краю глубокого лога, Коринта вдруг бросился обратно за куст и вскоре выволок на открытое место мальчишку лет десяти.

— Так вот кто за нами шпионит! Отвечай, кто таков? — грозно крикнул доктор, держа мальчишку за воротник куртки.

«Шпион» кряхтел, пытался вырваться, но ничего не отвечал. Впрочем, этого и не требовалось — его и без того уже

узнали. Ивета, не успевшая даже испугаться, настолько быстро все произошло, кинулась к мальчишке и схватила его за руку:

— Владик, ты как сюда попал?!

— Вы знаете этого человека, Ивета?

В голосе доктора была напускная строгость, но мальчишку он держал крепко, по-настоящему.

— Это мой брат, пан доктор, Он с вечера еще набивался идти со мной по грибы. Но не могла же я его взять, ведь он еще совсем ребенок! И вот видите...

— Сама ты, Ветка, ребенок,— прохрипел вдруг мальчишка.— Подумаешь, на семь лет старше!..

— Владик, замолчи!.. Пан доктор!.. — Ивета задыхнулась от возмущения.

Коринта усмехался, глядя то на «шпиона», то на его раскрасневшуюся сестру. Помедлил, отпустил мальчишку на волю и сказал:

— Ладно, грибник, пошли с нами.

— Я не грибник,— возразил Владик.

— А кто же ты?

Мальчишка засопел и потупился. Потом вскинул на доктора серьезные глаза и тихо проговорил:

— Я все понимаю, вы к партизанам, да?..

— Не болтай глупости! Мы идем собирать грибы, понял?

Владик шмыгнул носом, недоверчиво осмотрел доктора, но все же кивнул:

— Понял, пан доктор.

— Вот и хорошо.

Коринта стал первым спускаться в лог. Девушка посмотрела ему вслед, потом с досадой обернулась к брату:

— Погоди, достанется тебе от мамы!

На мальчишку это не произвело ровным счетом никакого впечатления. Он независимо поддернул штаны и пошел за доктором.

Миновав сырой и тесный лог, грибники вскарабкались на крутой косогор и остановились передохнуть.

Лес шелестел, готовясь к новому дню. Свежие утренние ветерки шныряли в ветвях елей и сосен, срывали последние золотисто-багряные листья с дубов, осин, кленов. Здесь все дышало миром и покоем. Мужчина, девушка, мальчик — каждый по-своему воспринимали очарование осеннего леса.

И вдруг в этой умиротворенной тишине прозвучал какой-то странный тоскливый крик.

Коринта насторожился и посмотрел на своих спутников:

— Вы ничего не слышали?

— Плачет кто-то,— шепнул Владик.

Все трое замерли, напряженно вслушиваясь в лесные шорохи. Протяжный крик повторился. Не крик, а стон. Потом еще. Где-то совсем близко.

— Пан доктор, это человек! — воскликнула Ивета.

— Да, человек. Человек в беде. Идемте!

Не раздумывая, они бросились в чашу, из которой доносились жалобные стоны неведомого человека.

5

Кожин лежал на боку, в неудобной позе.

Первые минуты, после того как вернулось сознание, он инстинктивно сохранял неподвижность. Вокруг было темно и тихо. Пахло хвоей, грибами. Лес...

Медленно, исподволь включалась память, восстанавливая то, что случилось ночью.

Вспомнилось странно затянувшееся падение с нераскрывшимся парашютом, острый ужас перед космической бездной, секундная стрелка, торопливо бегущая по циферблату... Неужели он падал целых пятнадцать минут?! Чудовищно! Такое не бывает!.. Ему просто померещились эти немыслимые минуты, которые на самом деле, конечно, были обычными секундами... Странно, что жив остался...

Потом вспомнились удары, треск — и кое-что прояснилось.

По-видимому, он упал на развесистое дерево. Ветви спружинили, смягчили смертельный удар об землю. Поэтому и жив остался. Все просто, и никакого чуда нет. Ребята, наверное, скажут: «Ну и повезло же тебе, Иван. Видно, ты в сорочке родился!»

Ребята... Но где же они? Где майор Локтев с отрядом? Где чешские партизаны? Ведь его должны искать! И все они должны быть где-то тут, поблизости. Он помнил, что падал прямо на сигнальные костры... Как темно кругом, как тихо... Неужели уже ушли? Неужели бросили?! Нет, нет, нельзя лежать в полном бездействии! Надо что-то делать!..

Кожин осторожно шевельнул правой рукой, сжал и разжал кулак. Действует! Уже смелее двинул левой рукой — тоже цела! Попробовал перевернуться на спину, но в тот же миг его словно полоснули по груди раскаленным железом. Он закричал от нестерпимой боли и вновь потерял сознание.

На этот раз обморок длился долго. Когда Кожин снова открыл глаза, уже светало. Он поймал себя на том, что издает тихие стоны. Стиснув зубы, заставил себя замолчать. Потом снова осторожно пошевелил рукой и попытался припод-

нять голову. Щека его лежала на чем-то мокром и колком. В нос били запахи сырой земли, грибов, хвои. А кругом прежняя тишина.

Тоскливо заныло сердце: ушли, все ушли — и свои и чехи! Конечно, он провинился — небрежно упаковал парашют. Да и с запасным подвел командира. Вообще это, конечно, ЧП. Но бросить из-за этого человека на произвол судьбы!.. Нет, нет, майор Локтев не мог этого сделать. Здесь что-то не так...

Воображение Кожина стало рисовать картины одну ужаснее другой. Он представлял себе, как десант напоролся на засаду немцев и был частью истреблен, частью захвачен в плен; как в ночном лесу в зареве костров разыгралась короткая кровопролитная схватка, которой он, Кожин, не слышал лишь потому, что лежал в лесной чаще без сознания. Да, да, произошло непременно что-то ужасное и непредвиденное. Иначе ничем невозможно объяснить, что товарищи его бросили, не стали искать ни его, ни рацию и ушли... Что же делать? Прежде всего — освободиться от парашюта!

Кожин осторожно расстегнул пряжки на груди. Но когда попробовал перевернуться на спину, прежняя огненная боль сотрясла его тело. Он громко застонал и мгновенно покрылся испариной. Отдышавшись, подумал:

«Если сломан позвоночник, то выход один: пулю в висок, и конец. А может, только ребра?.. Хорошо, если бы только ребра...»

В этот момент где-то рядом явственно послышался шорох. Словно чья-то рука раздвигала колючие ветки густой еловой поросли. Что такое? Зверь? Враги?.. В любом случае — опасность! Собрав все силы, Кожин приподнялся на руках и сел, прислонившись спиной к шершавому стволу. Эта операция была мучительна до слез, но, выполнив ее, он почувствовал удовлетворение: убедился, что позвоночник цел.

Сумка с парашютом осталась на виду. Ну и черт с ней! Пусть лежит! Спрятать ее все равно нет ни сил, ни времени. Да это теперь и неважно.

Вытащив из-за пазухи пистолет, подвешенный на ремешке под мышкой, Кожин отвел предохранитель и напряженно всмотрелся в чащу. Зловещий шелест повторился ближе. А тут боль в спине и груди снова окатила огненной волной. Только не потерять сознание!.. Только бы не дать себя живым!.. Это теперь самое главное!..

Кожин поднял пистолет. Теперь он отчетливо слышал чьи-то осторожные шаги. Кто-то пробирался к нему через заросли молодняка. Кто? Свои или враги? Кожин приготовился встретиться лицом к лицу с любой неожиданностью.

Шаги затихли на краю чащи. Отчетливо доносилось чье-то

прерывистое дыхание. Кто там затаился? Почему не выходит? Или видит поднятый пистолет и не знает, как поступить?..

— Эй, выходи! Выходи, а то стрелять буду! — крикнул Кожин по-чешски (перед вылетом в Чехословакию его полгода обучали языку).

В ответ послышался шепот и сдавленный женский возглас. У Кожина отлегло от сердца: если женщина, значит, не немцы.

Он опустил пистолет и повторил уже более миролюбиво:

— Выходите, не бойтесь!

Зеленые ветки качнулись, и на поляну вышли мужчина невысокого роста в шляпе, стройная девушка в платке и мальчуган в берете. У мужчины и девушки были в руках лукошки.

6

Доктор Коринта вплотную подошел к Кожину, склонился над ним, несколько мгновений всматривался в его испаряющееся, в страшных кровоподтеках лицо. Покачал головой, раздельно произнес:

— Я врач...

— Что? Врач? Какой врач?..

— Да, я врач. Самый обыкновенный. А вы — советский парашютист, партизан. Вы очень сильно разбились. Я вижу, вы нуждаетесь в помощи, и я помогу вам.

Это было как чудо из волшебной детской сказки. У Кожина даже закружилась голова и все поплыло перед глазами, настолько ситуация показалась ему нереальной. Но он тут же взял себя в руки. Нельзя распускаться, нельзя! Он солдат! Солдат, заброшенный в тыл врага. Это не сказка, а грозная действительность, которую не одолеть без жестокой борьбы...

Кожин вздохнул и облизнул пересохшие губы.

— Врач... — проговорил он через силу, пронзительно всматриваясь в добродушное усатое лицо доктора Коринты. — Врач... Но как вы сюда попали? В такую глушь!.. Ведь до города Б. более пятнадцати километров!..

Коринта покачал головой.

— Вы ошибаетесь, друг мой. До города Б. отсюда не пятнадцать, а целых сорок километров. Мы пришли не из Б., а из К-ова. Это полчаса ходьбы.

— Из К-ова?.. Не слышал... Странно... Но почему так далеко до Б.?.. Впрочем, я не это хотел спросить... Вооруженных людей вы тут, в лесу, не встречали?

— Вы имеете в виду партизан?

— Да, да, партизан!

— Нет, не встречал. Да в этом лесу и не может быть ни-

каких партизан. Это лес небольшой, открытый, окруженный полями и деревнями... Но зачем вам это теперь? Разберетесь потом. Ведь вам плохо, очень плохо!..

— Ладно, доктор... Я вам верю... Скажите еще вот что. В этом К-ове есть немцы?

— Есть. Рота автоматчиков.

— Это скверно... Куда же вы меня денете?

— Не волнуйтесь. Место найдем надежное.

— Ну что ж, спасибо...

Кожин чувствовал, что его одолевает страшная слабость. Коринта ему виделся, как сквозь толстый слой воды.

Доктор осторожно взял раненого за руку. Тот глухо застонал.

— Где больно?

— Грудь... Спина... — через силу прошептал Кожин, и в следующий миг сознание вновь покинуло его. Голова опустилась на грудь, пистолет выпал из ослабевших пальцев.

Коринта выпрямился и подозвал своих спутников, которые все это время боязливо жались в стороне.

— Ивета, Владик, ко мне!

Брат с сестрой подбежали. Коринта положил им руки на плечи и тоном, не допускающим возражений, произнес:

— Мы должны спасти этого человека. Вы, Ивета, отправитесь в город, ко мне на квартиру, и возьмете там все необходимое. Вы знаете, что нужно. Вот ключи. Ты, Владик, беги в сторожку лесника Влада и приведи его сюда. Ничего ему не объясняй. Скажи просто, что я повредил себе ногу и прошу помощи. Туда же, в сторожку Влада, вы, Ивета, несите саквояж с медматериалом. Все. Бегите!

Владик молча кивнул и, поправив на голове берет, со всех ног ринулся в чашу.

Девушка на миг задержалась. Огромные черные глаза с восхищением смотрели на доктора:

— Я знала, пан доктор... Я знала, что вы правильный человек!

Она порывисто схватила руку Коринты и поцеловала.

Когда звук ее шагов замер в густом ельнике, врач посмотрел на свою руку и недоуменно пожал плечами. Почему-то вспомнились слова Владика о том, что идут они не по грибы, а к партизанам. Попробуй теперь докажи ему, что у него и в мыслях ничего подобного не было. Владик, поди, уверен, что они с Иветой знали про этого раненого и отправились специально, чтобы оказать ему помощь.

Коринта грустно усмехнулся: «Партизан поневоле!»

Затем, нахмурившись и пошевелив усами, снова наклонился над потерявшим сознание парашютистом. Осторожно по-

щупал пульс. Осторожно подобрал выпавший из его руки пистолет. Осторожно потрогал парашютную сумку. Убедившись, что парашют в сумке свернут и не тронут, машинально глянул вверх, на развесистую крону сосны.

Мысль о парашюте, с которым этот русский парень приземлился, была естественной даже у такого далекого от военных дел человека, каким был доктор Коринта. В самом деле, где же полотнище использованного парашюта?!

По кроне сосны нетрудно было проследить падение парашютиста на землю — слишком свежи были на ней поломы веток и сучьев, — но при этом ни единого лоскутка на ней не было видно.

— Странно, очень странно... — пробормотал Коринта и, присев на парашютную сумку, погрузился в раздумье.

7

Немецкий гарнизон в К-ове состоял из одной-единственной роты автоматчиков, расквартированных в здании школы. Эту ночь гарнизон провел почти без сна.

Незадолго до полуночи командира роты капитана Фогеля разбудил дежурный офицер. Звонили из штаба дивизии, находившегося в городе Б. На проводе был генерал Петерс.

Вести оказались тревожными. В пятнадцати километрах от Б., среди покрытых лесами гор, где, по данным разведки, скрывался крупный партизанский отряд Горалека, высадился советский парашютный десант.

— Я направил в опасную зону три роты автоматчиков, капитан. Но это может оказаться недостаточным, ибо численность десанта неизвестна. Держите своих людей в полной боевой готовности. Район высадки десанта находится от вас в сорока километрах. По получении приказа вы ровно через час должны ввести роту в бой. Поняли меня?

Голос генерала звучал в трубке резко и раздраженно. «Нервничает старик...» — подумал Фогель, а вслух сказал:

— Так точно, господин генерал, понял!

— Действуйте!

Капитан поднял роту по боевой тревоге, вывел ее во двор школы и приказал погрузиться в автомобили. Сам вернулся в штабную комнату к телефону, где долго и много курил, часто посматривая на аппарат.

Сонные солдаты до самого утра просидели на твердых скамьях в кузовах автомобилей, не смея снимать касок и откладывать оружия. Они вполголоса ругали партизан, совсем шепотом — начальство и разгоняли сон дешевыми сигаретами.

В семь утра из штаба дивизии снова позвонили. На этот раз с капитаном Фогелем говорил старый приятель майор Клоц, адъютант командира дивизии. Он передал капитану приказ об отбое, а затем сказал:

— Солдаты пусть отдыхают, а тебе, дружище Гельмут, придется еще часика два пободрироваться. В штабе для тебя готовят приказ, какого тебе в жизни получать не приходилось.

Последние слова майор сопроводил коротким смешком, давая этим понять, что в секретной диспозиции не будет ничего серьезного. Но Фогелю было не до шуток, ему безумно хотелось спать. От большого количества выкуренных сигарет болела голова.

— Я мечтаю только о постели, дорогой Клоц. Если это не срочно...

— Что ты, что ты, Гельмут! Именно срочно! Посмотрел бы ты, что творится в штабе. Опрашивают десятки людей, составляют десятки протоколов. А старик мой свирепствует, будто накануне решающего сражения!.. Короче говоря, потерпи, скоро все узнаешь.

Капитан Фогель разрешил роте трехчасовой отдых, а сам еще целых два часа провел в штабной комнате, то есть в бывшем кабинете директора школы, где он удобно обосновался.

Наконец в девять во двор с оглушительным треском ворвался мотоциклист, затянутый в кожу. Он привез Фогелю пакет из штаба дивизии.

Содержание этого секретного документа разом отбило у капитана желание спать. Он трижды прочел приказ, а затем срочно вызвал к себе командиров взводов. Когда заспанные и злые офицеры собрались в кабинете, капитан обратился к ним с такими словами:

— Господа! Неприятельский десант ликвидировать не удалось. Вероятно, группа была малочисленной и успела скрыться в горах до прихода наших частей. Это крайне неприятно, ибо небольшими группами забрасывают обычно опытных диверсантов. Но данная группа может оказаться в тысячу раз более опасной, чем целый полк диверсантов. Одно очень странное обстоятельство вызывает подозрение, что данному вражескому десанту поручено испытать в боевой обстановке некое новое секретное оружие. Дело вот в чем...

Капитан подошел к карте района и с минуту молча ее рассматривал. Он явно не знал, с чего начать. Пятеро офицеров за его спиной перемигивались и покашливали. И неспроста. Всей дивизии была известна страсть генерала Петерса к поискам у неприятеля нового секретного оружия. Об этом ходили анекдоты, и именно это привело в смущение капитана Фогеля. Наконец он обернулся и заговорил:

— Прежде всего, господа, прошу к моему сообщению отнестись со всей серьезностью. Итак, слушайте. В момент высадки советского десанта из лесов, окружающих Б., в сторону нашего К-ова пролетел загадочный снаряд. Летел он на высоте от трехсот до пятидесяти метров, медленно снижаясь. Скорость его достигала скорости обычного самолета, но двигался он совершенно бесшумно. Видели его многие: охранники железнодорожного моста, чешский полицейский в деревне Лготка, часовые на вышках лагеря военнопленных и другие. Часовые лагеря успели заметить, что он небольших размеров, продолговатый и темный. Обстрелять снаряд никто не догадался. Специалисты штаба дивизии рассчитали траекторию снаряда и пришли к заключению, что он должен был упасть в лесу, неподалеку от К-ова. В связи с этим генерал Петерс приказывает усилить бдительность и тщательно прочесать все окрестные леса. Генерал уверен, что это новое секретное оружие врага неизвестного, но наверняка крайне разрушительного действия.

Офицеры едва сдерживали улыбку. А один молоденький лейтенант не удержался и прыснул в кулак. Капитан строго на него посмотрел и продолжал:

— Нашей части, господа, дано ответственное задание — найти снаряд, обезвредить его и передать командованию. В поисках поочередно примут участие все взводы. Первым отправитесь вы, обер-лейтенант Крафт.

— Слушаюсь, господин капитан! Но позвольте заметить: я не считаю возможным искать и обезвреживать какой-то неведомый снаряд без опытного сапера.

— Генерал Петерс обещает прислать двух саперов.

— Тогда все в порядке.

— Саперов, по всей вероятности, доставят не раньше чем к вечеру. Чтобы не терять времени, займитесь предварительной разведкой.

— Слушаюсь, господин капитан!

8

День выдался пасмурный, тусклый. В узкое окно лесной сторожки почти не проникало света.

Доктор Коринта и Влах сидели за грубо сколоченным столом и потягивали из стаканов перебродивший черничный сок. Владика, сделавшего с утра немалые концы по лесу, заставили прилечь на лавку. Мальчик недовольно посопел, однако вскоре согрелся и, казалось, уснул.

Час назад на самодельных носилках в сторожку достави-

ли русского парашютиста. На чердаке, где было навалено душистое лесное сено, раненому устроили постель. Коринта внимательно осмотрел все его ушибы и переломы, наложил лубки и повязки. Все это время парень оставался без сознания, так что ничего нового о нем узнать не удалось.

— Пу и история! — гудел вполголоса лесник, теребя рыжую с проседью бороду. — Не думали мы с тобой, доктор, не гадали, и вдруг на тебе!.. А ведь ты собирался всю войну остаться в стороне от схватки.

Коринта вздохнул и осторожно поднес к губам стакан с темно-лиловой жидкостью.

— Я и теперь ни во что не намерен вмешиваться. А попавшему в беду я просто обязан помочь.

Лесник покачал головой:

— Мягкий ты человек, доктор. Мягкий и слишком уж добрый! Не по времени добрый... Потому и жену не сумел подчинить своей воле...

Коринта нахмурился:

— Не надо об этом, Влах. Тут уже ничего не изменишь... Ты парашют и рацию хорошо спрятал?

— Да уж, будь спокоен. Закопал, дерном заложил и хвоей присыпал... А скажи ты мне, доктор, почему парашют у него в сумке упакован? Неужели с перебитой ногой да поломанными ребрами он сумел его снять с сосны и так аккуратно уложить?

— Этого я и сам не понимаю. Тут много несуразностей, Влах. Во-первых, один. Абсолютно один! Во-вторых, наш лес, который рота солдат может за два часа прочесать вдоль и поперек, — место, как видишь, совсем не подходящее для такого дела. В-третьих, тщательно упакованный парашют, который наверняка не был использован. Ну и, наконец, эти ужасные ушибы и переломы, которые несомненно получены от падения на сосну... Можно подумать, что его нарочно подняли над верхушкой дерева и сбросили вниз!

— Постой, постой, доктор! — Влах навалился грудью на стол и горячо зашептал прямо в лицо Коринте: — Уж не провокация ли это? Что ты скажешь, а? Ведь они, гады, на все способны!

— Не думаю... Если бы провокация, парашют был бы обязательно раскрыт и повешен на сосне. Так ведь правдоподобнее... Нет, тут кроется какая-то загадка. Вот придет в себя, тогда узнаем. Если он, конечно, захочет посвятить нас в свою тайну... Ты на лицо его обратил внимание? Симпатичная у него физиономия — открытая, честная, волевая...

В сенях, на лестнице, ведущей на чердак, слышались шаги. Дверь в сторожку раскрылась, вошла Ивета.

Коринта поднялся ей навстречу:

— Ну как?

Девушка заправила под платок выбившуюся прядь волос. Побледневшее личико ее выражало тревогу.

— Температурит, пан доктор, тридцать восемь. И пульс учащенный... А в себя никак не приходит.

— Ну еще бы! Так его всего переломало... Вы вот что, Ивета. Будите Владика и ведите его домой. Потом немедленно идите в больницу. Подайте заявление о внеочередном отпуске. Придумайте что-нибудь. А я часа через полтора приду и наложу резолюцию. Об остальном договоримся потом.

— Хорошо, пан доктор... А это, что вы обещали, вы сделаете?

— Что?.. Ах, вы насчет Майера?

— Да, пан доктор.

— Значит, решили окончательно?

— Да, пан доктор. Я думала об этом все это время. Раз вы говорите, что доктору Майеру можно верить, я согласна.

— Правильно, Ивета. Вы умница. Но об этом мы тоже поговорим потом. А теперь ступайте, пора уже! Влах, ты проводи молодежь немного и заодно осмотришь по сторонам. А я пока побуду у нашего пациента.

— Ладно, доктор, сделаю. На Влаха можешь положиться.

Ивета принялась будить брата, а Коринта ушел на чердак, к раненому парашютисту.

Вскоре со двора донесся громкий лай собаки, прерванный строгим окриком лесника. Это медсестра и ее братишка покидали сторожку.

Майор Локтев сидел на краю обрыва, смотрел на бурлящий глубоко внизу поток и курил папиросу за папиросой. Боль в ноге приковала его на некоторое время к лагерю, лишила возможности участвовать в дальнейших поисках пропавшего сержанта. А тревожные мысли о нем гвоздем торчали в голове, ни днем, ни ночью не давали покоя.

Где этот парень?.. Что с ним произошло?..

Отряд Горалека вот уже третий день обшаривает все окрестные леса, но до сих пор не обнаружил ни малейших следов Кожина. Разведчики, держащие постоянную связь с Б-ским подпольем, вернулись вчера из города, и тоже ни с чем. Они лишь узнали, что отряд немецких карателей, брошенный на ликвидацию десантной группы, прогулялся впустую, нашел в лесу лишь теплую золу потушенных сигнальных

костров и ничего больше. Стало быть, к немцам в лапы Кожин не угодил. Это, конечно, хорошо, но... не мог же он, черт побери, сквозь землю провалиться!

Внизу, у ручья, среди плотных зарослей орешника, раздался строгий голос часового. Ему ответил густой бас Горалек. Поисковая группа возвращалась на базу после очередного прочесывания леса. Неужели опять ничего?..

Майор швырнул окурок в ручей и, прихрамывая, пошел к пещере.

Партизанская база находилась в излучине бурливого горного потока, у подножия скалы. Ручей описывал вокруг скалы почти замкнутую петлю. Омывая с трех сторон отвесные каменные стены, он с четвертой оставлял узкий проход к площадке, заваленной огромными каменными глыбами. Площадка эта одной стороной упиралась в утес, на вершине которого был устроен постоянный наблюдательный пункт, с другой — кончалась обрывом, под которым клочкотал поток. Естественную пещеру в скале партизаны расширили, укрепили и снабдили перегородками. Здесь они жили, здесь у них был арсенал, склад продовольствия и в отдельном отсеке — госпиталь.

База была практически неуязвимой ни с земли, ни с воздуха. Настоящая горная крепость, созданная самой природой.

Локтев остановился возле камня, у входа в пещеру. Вскоре на площадке показался Горалек со своими людьми. Из пещеры стали выходить партизаны и бойцы из группы Локтева. Говорили громко, ничего не опасаясь — шум потока под обрывом заглушал любые звуки.

Горалек был в приподнятом настроении. Он крепко пожал Локтеву руку и прогудел:

— Новости, майор! Пойдем, надо будет выслушать вот этого товарища.

Он указал на низкорослого юношу-горбуна, который пришел вместе с поисковой группой, но которого Локтев вначале не заметил. У горбуна было красивое, почти девичье лицо с тонкими, нервными чертами. Убогая одежда пастушка, котомка, суковатая палка — все это мало гармонировало со спокойным, пристальным взглядом умных темно-карих глаз.

— Что за парень? Откуда? — спросил майор, быстро осмотрев горбуна.

— Из наших. Побольше бы таких парнишек! — горячо воскликнул Горалек, обхватив юношу за плечи.

Они прошли в тесный отсек пещеры, отведенный для штаба. Плотно прикрыли фанерную дверь и уселись у самодельного стола, на котором чадила толстая свеча, вправленная в пустую бутылку.

Высокий, грузный Горалек с его окладистой черной боро-

дой и густыми, уже тронутыми сединой кудрями казался каким-то сказочным духом гор. А юноша-горбун рядом с ним напоминал мудрого молчаливого гнома. Нависшие выступы мрачной каменной пещеры, мерцающая на столе свеча служили естественной декорацией в этой красочной сцене, созданной природой и жизнью.

Но участникам этой сцены было не до романтики.

10

Горалек начал с того, что познакомил майора с гостем:

— Это Яник, наш связной из города К-ова. Он прошел более сорока километров, пока добрался до нас. Но недаром старался, майор! Его стоит послушать! — Он кивнул горбуну: — Давай, Яник, выкладывай свои новости.

— Меня прислал Влах... — тихо заговорил Яник.

Горалек громогласно его перебил:

— Влах — это лесник, майор. Тоже наш. У него сторожка в лесу, близ К-ова. Ну, давай, Яник, давай!

Связной продолжал:

— У Влаха в сторожке находится сейчас раненый русский парашютист по имени Иван Кожин...

— Что? Кожин?! — крикнул майор, пораженный неожиданным сообщением.

— Да, он сказал, что его зовут Иван Кожин, — невозмутимо подтвердил Яник.

— Но почему под К-овом? Как он туда попал?!

— Не волнуйся, майор. Парень расскажет тебе все, что знает.

Яник толково и быстро сообщил о том, как Кожина нашли в к-овском лесу, под сосной, с нераскрывшимся парашютом, и доставили в лесную сторожку Влаха; как он почти сутки пролежал без памяти и как за ним ухаживают врач и медсестра из К-овской больницы.

Когда юноша закончил свой рассказ, в пещере наступила тишина. Горалек ждал, что скажет майор, а Локтев был настолько сбит с толку, что лишь смотрел на свечу да мямл в пальцах папиросу.

— Сорок километров... Нераскрывшийся парашют... Падение на сосну... Нет, нет, это не лезет ни в какие ворота! — пробормотал наконец Локтев, ни к кому не обращаясь.

— Главное — что нашелся! — прорвался Горалек и торжественно добавил: — Я же говорил тебе, что шахтеры не пропадают!

— Брось ты, «не пропадают»! Не в этом дело!.. Ты поду-

май, какая получается петрушка. Если бы был ветер и если бы Кожин приземлялся с нормально раскрытым парашютом, то тогда с большой натяжкой можно было бы допустить снос на такое большое расстояние. И в таком случае это постигло бы наверняка не одного только Кожина. Но ветра не было, а кроме того, если Яник рассказал правду, парашют у Кожина не сработал. Не сработал! Это значит, что Кожин падал к земле камнем! Как же он остался жив и какая сила унесла его за сорок километров?

— Может, его подхватило какое-нибудь мощное воздушное течение? Бывает такое, а, майор? — неуверенно заметил Горалек.

— Чепуха! — ответил Локтев. — Не бывает таких воздушных течений.

— В чем же тогда дело?

— Ума не приложу. Пока ясно лишь одно: Кожин жив, Кожин нашелся. Остальное придется выяснять... Кстати, — обернулся майор к Янику, — ты знаешь этого Коринту?

— Знаю.

— Что он за человек?

— Доктор Коринта? Да как вам сказать. В К-ове он живет недавно, года три или четыре. Прибыл из Праги. До войны учился в Германии. Оттуда и привез жену...

— Значит, жена у него немка?

— Не только немка, а в нацистской партии состоит и с самого начала оккупации служит в пражской эсэсовской комендатуре. Но доктор Коринта разошелся с ней. Из-за этого самого разошелся. Влах его с самого начала знает, говорит, что доктор Коринта правильный человек, что ему можно верить.

— А у него что в К-ове, частная практика?

— Нет, он служит, заведует нашей больницей. Ну, и от себя, конечно, лечит, когда зовут... Люди его хвалят, любят...

— Так. А немцы к нему как относятся?

— Немцы? Не знаю... Не трогают пока... Он ведь ни во что не вмешивается. Занимается своей больницей, и все.

— Не вмешивается, а тут и в лесу оказался ко времени, и советского парашютиста лечить взялся. Ты как на это смотришь, Горалек?

— Бывает...

— Конечно, всякое бывает. Но к этому Коринте надо приглядеться поближе, поговорить с ним.

Горалек кивнул и, видя, что вопросов у Локтева больше нет, сказал связному:

— Вот что, Яник. Спасибо тебе за вести, а теперь иди и отдыхай. Завтра на рассвете наши проводят тебя до дороги.

Юноша удалился. После его ухода Локтев и Горалек долго еще обсуждали ничем не объяснимое приключение сержанта Кожина, строя самые невероятные предположения и догадки.

В конце концов майор сказал:

— Остается одно — навестить Кожина. Сам расскажет, как и что у него получилось. Но сначала мне хотелось бы встретиться с этим доктором Коринтой. Сможешь мне устроить эту встречу?

— Встречу? Конечно, можно. Только зачем же тянуть, майор? Парня надо поскорее в лагерь переправить. Здесь, в госпитале, и долечим. А у Влаха его оставлять опасно...

— Сам знаю. Но спешить с этим не будем.

— Почему не будем? Его там каждую минуту накрыть могут! Ведь под самым носом у немцев!

— И тем не менее перевозить его в лагерь мы пока что не имеем права. Вот выясним, как он в лесу под К-овом очутился, тогда и решим, как быть. А пока нельзя. В отряде об этом тоже до времени распространяться не следует. Пусть пока считают, что Кожин пропал без вести. Ясно, товарищ Горалек?

— Оно, конечно, ясно, товарищ майор, да не совсем ладно... — недовольно прогудел Горалек, но, чувствуя непреклонность Локтева, спорить дальше не стал.

11

Набрав полное лукошко грибов, доктор Коринта поспешно отправился к лесной сторожке. Влах ждал его перед калиткой, держа за ошейник огромную злую овчарку. Тарзан уже знал Коринту, но для порядка рычал на него. Доктор погрозил ему пальцем:

— Молчи, зверюга!.. Как дела, Влах? Как больной?

— Да больной что, больной вроде в порядке. А вообще дела неважные... Цыц ты, непутевый, угомонись!

Влах с силой тряхнул собаку, и та успокоилась.

— Почему неважные? Что случилось?

— Немцы в лесу появились. Что ни день, шляются целым взводом, шарят по всем чащобам, ищут чего-то...

— Уж не Кожина ли нашего ищут?

— Кто их знает. Только думаю, что не человека они ищут. Двое у них с палками железными, в землю ими тычут, под пни, под коряги. Раньше никогда они по лесу моему не шарили. Да и что им тут искать!

— С палками железными? Это, должно быть, миноиска-

тели... Черт знает, что такое! Неужели они предполагают, что в лесу могут быть мины? Но, в таком случае, почему они население не предупредят?! Ведь в лес и дети ходят!

— Ну, на население-то им наплевать. Нас ведь они и за людей-то не считают. Но узнать бы нам не мешало, что они ищут. А то, не ровен час, нагрянут, тогда... Да ты проходи в избу, доктор, чего остановился!

— Ты прав. Надо срочно выяснить, зачем они лес обшаривают, и в случае чего переправить Кожина в другое место.

Коринта прошел в сторожку и поднялся на чердак.

Здесь пахло сеном, шкурами зверей, высохшим деревом балок, пылью и медикаментами. На мягкой постели из сена, под теплой пуховой периной лежал Кожин. Тут же находилась его бессменная сиделка, Ивета.

Вот уже несколько дней у Кожина держалась повышенная температура. Иногда, на короткое время, он приходил в сознание, с тревогой спрашивал, где он и что с ним, а потом снова впадал в забытие.

Его правую ногу, на которой оказалось три простых перелома, пришлось сковать гипсовой повязкой. Грудную клетку, в которой Коринта обнаружил пять поврежденных ребер, стянули эластичными бинтами. Многочисленные внешние ссадины и ушибы заклеили пластырями или просто смазали йодом. Коринта сделал все, что мог, но остался недоволен принятыми мерами. Он опасался возможных внутренних повреждений и, осматривая мечущегося в горячке Кожина, озабоченно качал головой:

— Рентген нужен, рентген! Трудно работать вслепую! Боюсь, как бы не было чего посерьезнее простых переломов. Очень мне не нравится эта устойчивая температура...

— Что же делать? Как нам быть, пан доктор? — робко спрашивала Ивета.

Доктор задумчиво поглаживал подбородок.

— Подождем еще два-три дня. Если не наступит улучшения, придется его переправить в больницу. Это будет рискованно, но другого выхода у нас нет...

Но Кожин не заставил своих спасителей рисковать. На четвертые сутки температура у него спала. Накануне вечером он окончательно пришел в себя и, к великой радости Иветы, сам попросил есть. С волчьим аппетитом очистил целый котелок наваристого супа с куском говядины и на двенадцать часов заснул здоровым сном.

Утром сержант проснулся рано и чувствовал себя отлично. Лежал тихо, с любопытством рассматривал Ивету, которая спала в углу на сене как убитая, и пытался вспомнить, что с ним произошло и как он оказался на чердаке в обще-

стве этой незнакомой девушки. За несколько суток бессменного дежурства Ивета осунулась и побледнела, словно сама была тяжело больна.

На сей раз врач застал бодрствующим своего лесного пациента, а не его сиделку.

Опустившись рядом с Кожиным на ворох сена, Коринта спросил:

— Ну, как мы себя чувствуем, прыгун? Температурить перестали?

— Да вроде перестал. Теперь дело пойдет. Спасибо вам... доктор!

— Спасибо говорить рано. Как голова, не болит?

— Не болит... Лежать мне долго придется?

— Да уж придется... Полтора-два месяца, а то и больше. Ногу надо срастить как следует... Ну, чего хмуритесь? Скучно лечиться?

— Не время мне...

— Об этом надо было думать, когда прыгали... Кстати, раз вы можете говорить, я попрошу вас ответить мне на кое-какие вопросы. Не сегодня, конечно. Вы еще слишком слабы. Завтра воскресенье, времени у нас будет больше, вот и поговорим.

— Хорошо, доктор. У меня к вам тоже есть вопросы...

— Потом, потом, пан Кожин! А сейчас я приготовлю завтрак и покормлю вас. Ивету будить не будем, пусть отдыхает.

Коринта измерил у больного температуру, послушал сердце, измерил давление и, вполне удовлетворенный результатами осмотра, отправился вниз готовить завтрак.

12

За последние дни доктор Коринта заметил в своей психике резкую перемену.

До встречи с Кожиным его душевное состояние всегда было подавленным, мрачным. Он скучал по своей восьмилетней дочке Индре, которую пришлось оставить в Праге у матери, тосковал по друзьям, по научной работе, был из-за этого замкнут, нелюдим. А теперь все вдруг переменялось.

Привыкший заниматься в одиночестве самоанализом, он не мог не признаться себе, что причиной его душевного возрождения оказался Кожин. Вернее, даже не сам Кожин, а тот факт, что из-за Кожина он перестал стоять в стороне от больших событий, включился в борьбу, которая — он и раньше это понимал — была делом не только его родного народа, но и

всего человечества. Пусть его приобщение к борьбе оказалось случайным, но оно совершилось, и этого у него никто отнять не мог.

В его движениях появились уверенность и четкость, в голосе — властность, во взгляде — живая и напряженная работа мысли.

Возвращаясь из лесу с лукошком грибов, Коринта у самых ворот больницы столкнулся с обер-лейтенантом Крафтом.

Этот бывший студент медицинского факультета и раньше делал попытки снискать дружбу главврача больницы, но неизменно наталкивался у Коринты на глухую стену холодной официальности. И вдруг теперь самолюбивый чешский врач охотно остановился с ним поговорить и даже осведомился о его здоровье.

— Здоровье у меня отличное, господин доктор. Благодарю за внимание! — радостно улыбнулся обер-лейтенант Крафт, польщенный столь неожиданной приветливостью сурового главврача.

— Ну что ж, я очень рад... — сказал Коринта и тоже улыбнулся.

— Но я вас не из-за здоровья осмелился побеспокоить, господин доктор, а по иному поводу.

— Пожалуйста, обер-лейтенант, говорите.

— Не знаю, право, как и начать... Впрочем, раз уж вы столь добры... Знаете, господин доктор, мне очень хотелось бы провести с вами вечерок и поговорить по душам. Дело абсолютно пустяковое, но вас оно позабавит. Тем более, что это касается ваших ежедневных лесных прогулок... Кстати, куда вы деваете столько грибов?

— Грибы я сдаю в больничную кухню, — спокойно ответил доктор, хотя внутренне весь сжался и насторожился. — А насчет вашего желания поговорить со мной, то просто не знаю, что вам и ответить. Больница отнимает у меня все свободное время. А в лес по грибы ведь вы со мной не пойдете?.. Впрочем, ладно. Вечер, к сожалению, я для вас выкроить не смогу, а вот сейчас у меня до обхода есть еще с полчаса. Вас устраивает беседа в больничной обстановке?

— О, конечно, господин доктор! Ведь медицина — мое призвание!

Коринта провел гостя в свой кабинет и усадил в кресло. В голове у него вихрем пронеслось множество тревожных догадок и предположений, но он старался казаться беспечным и даже веселым. Решив играть роль радушного хозяина до конца, он смущенно развел руками и сказал:

— Беда, угостить мне вас нечем, обер-лейтенант! Разве что чистого спирту... Угодно?

— О, спиритус вини! Что может быть приятнее для настоящего эскулапа!.. С удовольствием, господин доктор!

Коринта плеснул в стакан спирту, в другой налил воды и поставил угощение перед офицером. Крафт выпил спирт залпом, поспешно хлебнул воды и, крикнув, попросил разрешения закурить. Лицо его расплылось в блаженной улыбке, глаза заблестели. Попыхивая сигаретой, он заговорил:

— Несколько дней назад, господин доктор, произошла странная и непонятная история. За подлинность ее не ручаюсь, но к сведению принять советую. Вы, наверное, слышали о высадке советского десанта в горах близ Б.?

— Нет, не слышал,— искренне ответил доктор, но при этом почувствовал, как по спине у него пробежал неприятный холодок.

— Ну как же! Ведь об этом воробьи трещат на крышах! Я просто поражен вашей неосведомленностью! Из-за больницы и грибов, дорогой доктор, вы полностью утратили связь с реальной действительностью!

Коринта сокрушенно вздохнул и погладил усы.

— Да, обер-лейтенант, вы правы. Отстал я от жизни, совсем отстал. Но что поделать. Врачей мало, а больных не убывает!..

— Хорошо, хорошо, я вас понимаю. Я все понимаю, дорогой доктор, и глубоко вам сочувствую. И занятость вашу понимаю, и ваше душевное состояние. Семейная драма — не шуточное дело... Впрочем, пардон, не касаюсь, ибо не мое дело... А вот про десант и про все, что с ним связано, я вам расскажу.

И обер-лейтенант Крафт, нисколько не заботясь о том, что выбалтывает военную тайну (впрочем, он ни минуты не сомневался, что новое секретное оружие русских — очередной бред генерала Петерса), рассказал доктору Коринте про высадку советского воздушного десанта, про неудачную операцию против него и, наконец, про загадочный бесшумный снаряд, упавший в к-овском лесу.

Коринта слушал рассказ немецкого офицера с вежливым вниманием, но при этом не забывал об обязанностях гостеприимного хозяина. Он дважды еще подливал спирту в стакан Крафта, отчего тот становился еще более говорливым и откровенным.

В заключение Крафт сказал:

— Я, собственно, почему утомляю вас, дорогой доктор, всей этой чепухой? Не подумайте, что просто ради развлечения и поддержания светской беседы. Нет, нет! Я, правда, и сам не верю в реальность какого-то там бесшумного снаряда, однако осторожность никогда не помешает. Вот вы, напри-

мер, каждый день ходите в лес. В наше время всякое может быть. Вдруг эта штука существует? Наткнетесь вы на нее и, не зная, что это такое, толкнете как-нибудь нечаянно. Тут же взрыв, огонь, грохот, и от вас ничего не останется. И тогда ни больных, ни забот, ни грибов...

Коринта передернул плечами.

— Да-а, не хотелось бы так глупо уходить из этого мира.

— Вот именно, дорогой доктор. Потому я вас и побеспокоил. Будьте осторожны во время своих лесных прогулок, внимательно смотрите под ноги. Если этот идиотский снаряд в самом деле упал в лесу, он мог зарыться в мох, валежник... Кстати, вам не попадалось на глаза что-нибудь подозрительное?

— Нет, не попадалось. Но я очень благодарен вам, обер-лейтенант, за дружеское предупреждение. Если что-нибудь замечу, немедленно вам сообщу. Еще стаканчик?

— Благодарю вас, достаточно. Спирт отличный, но сами понимаете — служба!

Гость поднялся и, натягивая перчатку на левую руку, как бы между прочим, небрежно спросил:

— Вы не знаете, господин доктор, куда уехала фрейлейн Ивета Сатранова? Она у вас медсестрой работает. Недавно взяла отпуск и куда-то исчезла...

— Что Сатранова отпуск брала, я помню. Сам подписывал. А вот куда она уехала, понятия не имею. То ли к тетке, то ли еще куда...

— А узнать нельзя?

— Можно. Мать ее, наверное, знает.

— К матери мне неудобно... И надолго она?

— Кажется, на три недели.

— Благодарю вас, господин доктор. Не забывайте об осторожности в лесу. До свиданья!

Проводив Крафта, доктор Коринта сел в кресло и задумался. На него обрушился целый поток самых неожиданных мыслей, догадок и новых забот. Советский воздушный десант... Таинственный бесшумный снаряд... Угроза Ивете со стороны настойчивого обер-лейтенанта... Доктор свирепо потер лоб рукой и встал. Надевая халат, подумал:

«Что ищут немцы в лесу, теперь известно. Кожину это, к счастью, ничем не угрожает. Остальное надо обдумать... А Ивета? Ивету нужно срочно спрятать под броню фиктивного брака с Майером. Сегодня же поговорю с этим парнем...»

Ивете было стыдно, что она проспала приход доктора Коринты в сторожку. Но усталость брала свое. На другое утро девушка снова не смогла встать к раннему приходу врача. Это была естественная разрядка после чрезмерного нервного напряжения.

Проснувшись, Ивета не сразу сообразила, где находится. Откуда эти почерневшие от времени балки, эта косая черепичная крыша, эти вороха сена?.. На чердаке царил полумрак, но скупые лучи света, проникавшие через слуховое окно, говорили о том, что день уже давно наступил.

Остатки сонливости быстро рассеялись, сознание полностью включилось в действительность. До слуха донеслись приглушенные голоса Коринты и Кожина. Ивета невольно прислушалась.

— Нет, вы что-то определенно пропустили! — говорил доктор. — Вспомните хорошенько свое душевное состояние во время падения. Вот вы дернули за кольцо и поняли, что парашют не раскроется. Что же вы почувствовали?

— Ну что почувствовал? Страшно, конечно, стало и обидно, что так глупо помирать приходится, — смущенно пробормотал Кожин.

— А потом?

— Потом стал смотреть на часы и ждать... Только с часами, надо думать, случилось что-то. А может, и ничего не случилось. Может, мне показалось...

— Что показалось?

— Да так, чепуха какая-то. Наверно, с перепугу померещилось.

— Но что именно померещилось? Скажите!

— Почудилось мне, что секундная стрелка на часах вертится как сумасшедшая. Если по ней считать, то упал я не на сороковой секунде, а на пятнадцатой минуте. Чепуха, как видите. Не мог же я так долго падать с высоты каких-нибудь двух тысяч метров!

— Разумеется, не могли. Но вы, друг мой, чего-то не досказываете, — с досадой проговорил Коринта. — Ваши объяснения противоречат собранному мною данным. Давайте по порядку. Прежде всего ваше предположение о том, что самолет неправильно вышел к месту высадки, в корне неверно. Вы ведь прыгали на сигнальные костры, а в нашем лесу их никто раскладывать не мог. Кроме того, мне удалось установить совершенно точно, что в ночь на пятнадцатое сентября, то есть в ту самую ночь, когда вы упали в нашем лесу, в горах близ города Б. высадилась группа советских парашютистов. Могу

вас, кстати, порадовать. Мне доподлинно известно, что немецкие каратели вернулись ни с чем.

— Откуда вы все это знаете? — взволнованно воскликнул Кожин.

— Тише! Ивету разбудите!

— А я уже не сплю. Я уже несколько минут слушаю, как вы спорите, да не хотела вам мешать. С добрым утром, пан доктор! С добрым утром, Иван!

Мужчины ответили на приветствие девушки, после чего Кожин с нетерпением повторил свой вопрос. Коринта не считал нужным скрывать источник своей информации.

— Мне рассказал об этом немецкий офицер из нашего к-овского гарнизона. Но это теперь не имеет значения. Вернемся к делу. Все, что вы мне сообщили, доказывает, что вы, друг мой, покинули самолет вместе со всей группой в сорока километрах отсюда. Ведь вы не замешкались со своим прыжком? Вы прыгали не последним?

— Я шел седьмым номером, — хмуро сказал Кожин.

— Тем более. Кроме того, вы сказали, что ясно видели сигнальные костры. Как же вас отнесло на сорок километров в сторону да еще при нераскрывшемся парашюте?

— Не знаю, доктор...

— Ладно, допустим, что не знаете. Пойдем дальше. Вы упали на развесистую сосну и, проваливаясь сквозь крону, ушибаясь о ветви и сучья, достигли земли. За такое мягкое приземление вы расплатились переломами ног и ребер. Помоему, плата слишком ничтожная, и это тоже не поддается никакому объяснению. Я осмотрел эту сосну, пан Кожин. У нее сломаны лишь верхние тонкие ветки. А ведь если бы вы упали на нее с высоты трех тысяч метров, то и дерево пострадало бы гораздо больше, да и вас самого разнесло бы в клочья! Травмы на вашем теле и повреждения в кроне сосны говорят о падении с высоты пяти, от силы десяти метров.

— Вы уверены, доктор?

— Абсолютно!

— Тогда я сам ничего не понимаю...

— Я допускаю, что вы не понимаете. Но вы не можете не знать, как происходило ваше падение! Ведь вы были в полном сознании вплоть до удара о крону дерева?

— Да, я был в сознании...

— Почему же вы не помните, что с вами творилось в течение целых пятнадцати минут?

Кожин промолчал. В душе его происходила жестокая борьба: открыться полностью этому человеку или попытаться сначала самому во всем разобраться?..

Что, собственно, волнует доктора Коринту? Почему Кожин

остался жив после падения на землю с высоты трех тысяч метров? Но это и для самого Кожина пока что загадка.

Да, он был в полном сознании. Но что он помнит? О чем может говорить как о достоверном факте? О мимолетном воспоминании детства? О странном ощущении полета? О сумасшедшем поведении секундной стрелки?.. Разве это факты?.. Разве стоит об этом говорить?..

А может, доктора интересует другое?.. Но что? Кожину твердят, что он упал близ К-ова, в сорока километрах от места высадки десанта. Говорят... А что, если это неправда? Разве Кожин знает, где он находится? Разве он может полностью довериться этим людям? Кто этот лесник? Кто этот доктор? При чем тут какой-то немецкий офицер?.. Эй, сержант, не забывай, чему тебя учили! Будь осторожен! Враг хитер и коварен! Тебя лечат? Но это еще ничего не значит. С тобой, возможно, ведут какую-то тонкую и опасную игру!..

14

Увлеченный собственными мыслями, доктор Коринта не заметил внезапной перемены в настроении русского десантника и продолжал говорить с прежним жаром:

— Как видите, пан Кожин, я собрал много интересного, пытаюсь пролить свет на вашу таинственную историю. Но это не все. У меня есть для вас еще одно сообщение. Эта новость может показаться несколько фантастической, и к вам она, наверное, не имеет никакого отношения, однако подумать о ней стоит.

— Еще что-нибудь от немецкого офицера? — с открытой неприязнью спросил Кожин.

— Да, от него же, — простодушно признался врач. — Правда, он сообщил мне это как своего рода анекдот, но их командование занимается этим всерьез. Дело вот в чем. В ту ночь, когда вы так неудачно прыгнули с самолета, со стороны города Б. к нашему лесу пролетел какой-то загадочный бесшумный снаряд. Он летел с большой скоростью, постепенно снижаясь, и должен был упасть или приземлиться где-то в нашем лесу. Немцы считают его новым секретным оружием русских и каждый день рыщут по здешнему лесу в надежде найти его. А теперь слушайте внимательно. Я пометил на карте три пункта, где видели этот странный снаряд. В первом пункте его видели на высоте трехсот метров, во втором — на высоте ста метров, в третьем — не более пятидесяти. Если провести прямую через эти три пункта и продолжить ее с учетом постоянной тенденции снаряда к снижению, то получится,

что он должен был упасть где-то возле той сосны, под которой мы вас нашли. Интересно, правда?

— Бред какой-то... — пробормотал Кожин и отвернулся.

Сначала Коринта растерялся. Он смотрел на затылок Кожина и хлопал глазами. Но потом понял, что русский ему не верит, и обиделся. Он медленно поднялся и заговорил в совершенно ином тоне:

— Вот что, пан Кожин. Если это военная тайна, можете мне ничего не говорить, но если это какой-то исключительный случай, о природе которого вы сами не имеете понятия, мы должны в нем разобраться. Сейчас не время для взаимного недоверия и подозрительности. Кроме того, надо помнить и о самой пагубной для нас возможности.

— Какой? — не оборачиваясь, бросил Кожин.

— Самой обыкновенной. Вся загадочность вашего появления в здешних лесах может оказаться просто мистификацией, подстроенной немцами с какой-нибудь провокационной целью. В таком случае всем нам в равной мере грозит гибель.

Кожин резко повернулся и, вызываясь посмотреть на Коринту, сказал:

— Вам такой случай вряд ли чем-нибудь угрожает. Людей, которые водят дружбу с немецкими офицерами, никто не заподозрит в искренней помощи партизанам!

На Коринту этот неожиданный выпад подействовал, как ушат холодной воды. С болью и грустью смотрел он на Кожина, потом горько вздохнул:

— Как вы несправедливы ко мне, пан Кожин!..

Руки врача заметно дрожали, когда он прятал в карман очки и надевал шляпу. Не сказав больше ни слова, он ушел.

И тут на Кожина набросилась молчавшая доселе Ивета.

— Зачем вы обидели доктора, Иван? — спросила она с укором.

Кожин угрюмо молчал.

— Вам не нравится, что он общается с немецким офицером? Вы поэтому скрываете от него правду?

— Если говорить честно, Ивета, то да, не нравится. Все не нравится! И то, что жив остался, и то, что очутился черт знает где, и что доктор появился, как по вызову, и эти его приятельские отношения с немецким офицером. Многое мне не нравится, а уж дружба с фашистом — это вообще ни в какие ворота!

Кожин помолчал, а потом добавил, словно про себя:

— Не хватало еще, чтобы и ты, например, целовалась с немцем!

Ивета залилась краской, но не сдалась.

— Вы ничего не понимаете, Иван! — воскликнула она.—

Да, враг! Конечно, враг! Но вы забыли о нашей обстановке. Мне было двенадцать лет, когда нас забрали немцы. Я успела вырасти при них. Вот как долго они сидят у нас на шее. Поэтому здесь все складывалось иначе, чем у вас. И отношение к немцам, и борьба с ними. Здесь ведь не было фронта. Они просто взяли и включили нашу страну в свою империю, сделали из нас протекторат. Ведь мы уже шесть лет считаемся глубоким тылом Германии! Неужели вам не объясняли этого?

— Объясняли, конечно, но все-таки...

— Что — все-таки? Доктор Коринта честный человек и настоящий патриот. Он всегда избегал немцев. А если он теперь и сблизился с каким-то офицером, то сделал это исключительно ради вас! А вы не доверяете ему, оскорбляете его!..

— Почему не доверяю?..

— Ну, скрываете от него что-то. Какая разница!

— Да ничего я от него не скрываю! Мне нечего скрывать! Я просто не понимаю, что ему от меня нужно. Мне твердят про К-ов, про сорок километров... А тут еще эта нелепость с каким-то загадочным снарядом!.. Боюсь, что доктор сам его выдумал... Только зачем ему?

— Доктор ничего против вас не замышляет, Иван! Мне даже удивительно, что вы можете подозревать его!

— Возможно... Кто знает. Поживем — увидим...

Кожин под влиянием Иветы немного смягчился, но остался при своем мнении. Девушка понимала, что в таком сложном и вместе с тем совершенно беспомощном положении он просто не способен объективно воспринимать действительность, и не стала ему больше надоедать.

15

В два часа пополудни лесное безмолвие вокруг сторожки нарушил отдаленный гул мотора.

Кожин насторожился и вопросительно глянул на Ивету. Девушка бросилась к слуховому окну, из которого просматривался значительный участок лесной дороги. Вскоре на ней показался вездеход с группой немецких солдат в касках.

У Иветы неистово заколотилось сердце.

— Немцы! — крикнула она, отпрыгнув от окна.

— Много?

— Человек двадцать и офицер!

Она торопливо принялась наваливать на Кожина вороха сена. Сержант не сопротивлялся. Он лишь позаботился проделать в сене небольшое отверстие и приготовил пистолет.

«Живым не дамся»,— подумал он с каким-то странным спокойствием.

Ивета снова приникла к слуховому окну, чтобы наблюдать за происходящим. О себе она в эту минуту не думала и даже не приготовилась, чтобы хоть как-нибудь объяснить свое присутствие в лесной сторожке. Лишь разглядев офицера и узнав в нем обер-лейтенанта Крафта, мельком представила себе его удивление и ярость при столь неожиданной встрече.

Вездеход тем временем остановился перед калиткой. Мотор умолк, но зато овчарка лесника подняла неистовый лай. Из сторожки вышел Влах. Он грозно прикрикнул на овчарку, поспешно вышел за калитку и снял свою зеленую шляпу перед такими важными гостями.

С вездехода прыгнул обер-лейтенант Крафт. Солдаты остались на своих местах. Не спеша закулив сигарету, офицер осмотрелся по сторонам и обратился к Влаху:

— Вы здешний лесник, да?

— Так точно, пан офицер! Лесник Войтех Влах к вашим услугам! Угодно зайти в мою берлогу и отведать черничного сока? Если не побрезгаете, я привяжу собаку,— подобострастно ответил Влах, несколько раз поклонившись офицеру.

— Некогда,— небрежно отмахнулся Крафт.— Мне нужно вас кое о чем спросить.

— Слушаю, пан офицер!

— Скажите, Влах, вы делаете ночные обходы леса?

— А как же, пан офицер, обязательно делаю. Только не очень часто. Лес у нас не воруют, а браконьер теперь пошел робкий, больше днем норовит...

— В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое вы были на обходе?

— С четырнадцатого на пятнадцатое? Это, выходит, неделю назад?.. Нет, пан офицер, честно скажу вам, что в ту ночь я спал у себя в избе.

— Жаль... Ну, а после вы не замечали в лесу чего-нибудь такого... э-э-э... странного, такого, что вам показалось бы посторонним и чего прежде никогда в лесу не было?

Влах почесал в затылке, делая вид, что усиленно соображает. Потом со вздохом сожаления ответил:

— Нет, пан офицер, ничего такого не замечал. Если пан офицер имеет в виду партизан, то здесь они, слава богу, не появляются. Наш лес невелик, вокруг поля, деревни. Да и город близко. Здесь они были бы как в мышеловке...

— Я не о партизанах... Вот что, Влах. Вы человек толковый, и с вами приятно иметь дело. Слушайте! Где-то здесь, в вашем лесу, упала одна очень опасная штука. То ли снаряд, то ли что-то на него похожее. Размеры внушительные: метра

полтора-два в длину и с полметра в толщину. Одним словом, не иголка. Будьте при обходах внимательны. Если обнаружите незнакомый предмет, не прикасайтесь к нему и немедленно сообщите о нем в К-ов капитану Фогелю или мне. Вы поняли меня, Влах?

— Так точно, пан офицер, понял. Буду искать эту штуку вместе с моим Тарзаном. А как найду, сразу доложу. Можете на меня положиться. Влах умеет искать, если это нужно!

— Ваше усердие и готовность к сотрудничеству мне очень нравятся. Немного уже осталось таких рассудительных людей среди чехов. Кстати, за находку вас ожидает богатая премия от нашего командования. А лично я обещаю бутылку коньяку и сотню сигарет.

Лесник снова принялся кланяться:

— Премного благодарен, пан офицер! Уж теперь-то я постараюсь!

— Давайте, Влах, старайтесь.

Крафт уже двинулся было к вездеходу, но на полдороге вдруг обернулся и спросил:

— Послушайте, Влах, вы с доктором Коринтой случайно не знакомы?

Лесник насторожился, но виду не подал. Он спокойно прошел за офицером и сказал:

— Очень даже знаком, пан офицер. Доктор Коринта уже четвертый год ходит сюда па грибы.

— А к вам он заходит?

От этого вопроса у лесника заныло сердце в предчувствии беды, но тем не менее он, не колеблясь, ответил:

— Редко, но заходит... Недосуг ему часто бывать. Грибов наберет — и скорей в больницу... А что с ним случилось, пан офицер?

Крафт не ответил на вопрос. Махнув рукой, он сел в машину и дал знак водителю. Вездеход взревел, развернулся на дороге и ушел обратно в город.

Влах постоял еще немного перед калиткой, словно хотел убедиться, что немцы не вернутся, потом решительно нахлобучил на голову шляпу, плюнул в сердцах на дорогу и вернулся в сторожку.

Как только треск мотора затих в отдалении, Ивета поспешно освободила Кожина от наваленного сена и помогла почиститься. Больше всего сухих травинок набилось сержанту в волосы. Покончив с этим делом, Ивета спросила:

— Ну что, Иван, слышали, о чем они говорили?

— Слышал, Ветушка...

— Убедились теперь, что они в самом деле ищут какой-то снаряд, что это не бред и не выдумка доктора Коринты?

— Убедился... Похоже, Ивета, что я зря обидел доктора. И К-ов тут близко, и снаряд немцы действительно ищут. Конечно, при желании все это можно... А впрочем...
Кожин не договорил и глубоко задумался.

16

Доктор Майер оказался на редкость обязательным молодым человеком. Главврач не просил его, лишь вслух при нем подумал: «Где бы достать хоть какие-нибудь книги по парашютизму?..» — а доктор Майер на другой же день к вечеру принес нужные книги прямо главврачу на квартиру. Не всякий способен на такое...

Вытирая в передней ноги, низкорослый, толстенький Майер улыбался во весь рот и радостно докладывал доктору Коринте:

— Пришлось съездить в Б., пан доктор. Но достал! Целых три штуки. Не знаю только, это ли вам нужно. Одна называется просто «Парашютизм», другая — «Психическое состояние спортсмена во время затыжного прыжка», а у третьей совсем игривое название: «Счастье под белым куполом». Больше ничего в нашем районе нет, можете мне поверить на слово!

— Ах, коллега, дорогой коллега! Зачем же вы так утруждали себя! Право, я бы как-нибудь обошелся!.. Впрочем, простите, я так поражен, что начинаю говорить глупости. Я вам бесконечно признателен! Вы и не представляете, как помогли мне!

Доктор Коринта был действительно поражен и глубоко тронут неожиданным вниманием со стороны своего молодого коллеги. Он и прежде считал своего заместителя хотя и недалеким, но очень хорошим, сердечным и честным человеком, а теперь еще крепче утвердился в своем мнении. А Майер словно нарочно задался целью снискать полное расположение начальника, проявил совершенно невероятную скромность. Он не только не спросил, зачем доктору книги по парашютизму, что на его месте сделал бы почти каждый, но, передав их, тут же хотел откланяться, чтобы не мешать главврачу заниматься делом.

Однако Коринта не отпустил его. «Отличный случай поговорить с ним об Ивете», — подумал он и заставил Майера пройти в комнаты.

Уготив молодого человека настойкой из лимонных корочек и грибами собственного засола, Коринта коротко рассказал ему о положении медсестры Иветы Сатрановой, о ее согласии вступить в фиктивный брак, лишь бы избавиться от

преследований со стороны настойчивого обер-лейтенанта Крафта.

— Зная вашу честность и порядочность, дорогой коллега, я подумал, что именно вы не откажетесь помочь девушке в этом щекотливом деле. Надо вам сказать, что она и отпуск взяла только потому, что назойливость Крафта стала для нее просто невыносимой. Перед этим она доверилась мне со своей бедой, и я обещал ей поговорить с вами до ее возвращения.

Майер сидел с опущенными глазами, весь красный от смущения. Он не знал, что ответить. Предложение начальника застало его врасплох и вызвало в нем целый вихрь противоречивых чувств. Наконец он промямлил:

— Я очень ценю ваше доверие, пан доктор. И сестра Ивета... она мне нравится... и я, конечно, с удовольствием помогу... Но... меня смущает этот обер-лейтенант. Он ведь, пожалуй, начнет мстить мне...

— Этого, мне кажется, бояться не нужно. Для него Ивета — просто развлечение от скуки. Убедившись, что она стала недоступной, он оставит ее в покое и осчастливит своим вниманием кого-нибудь другого. Вот и все.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— А когда сестра Ивета вернется?

— Недели через две.

— Хорошо, пан доктор. Передайте ей, что я согласен.

Коринта с чувством пожал пухлую руку Майера:

— Вы благородный человек, дорогой коллега! Я знал, что вы не откажетесь помочь бедной девушке!

А «благородный человек» в это время думал: «Пусть фиктивный, а дальше посмотрим. Стерпится — слюбится...»

Они начали было обсуждать подробности предстоящего бракосочетания, но в передней вдруг прозвучал звонок.

— Неужели к больному? Как некстати! — с досадой проговорил Коринта.

— В таком случае, я пойду, пан доктор. Об остальном мы еще успеем поговорить в другой раз.

Они вместе вышли в переднюю. Майер стал одеваться, а Коринта открыл двери. За порогом стоял братишка Иветы, Владик. Но в каком виде!

На лбу у мальчугана красовалась огромная шишка, лицо было все в ссадинах, левую руку, обмотанную окровавленной тряпкой, он держал на весу; одна штанина была разорвана, и сквозь дыру виднелась зловещая царапина.

— Владик, ты?! Что с тобой? С кем ты подрался? — Коринта даже уронил очки от удивления.

— Здравствуйте, пан доктор. Я не дрался. Я прыгал. Можно к вам? — смущенно проговорил Владик.

— Конечно, можно!

Уже надевший пальто и шляпу Майер спросил:

— Чей это мальчик?

— Брат Иветы, Владислав Сатран.

— Вон как... Ну ладно, пан доктор, не буду мешать. Мое почтение!

— До свиданья, коллега!

Закрыв за Майером дверь, Коринта помог Владiku раздеться и провел его в кабинет.

17

— Снимай с себя, братец, все — рубашу, штаны, чулки — и садись вот сюда... Эх тебя угораздило! Значит, прыгал, говоришь? Зачем же ты прыгал и куда?

Доктор приготовил бинты, йод. Серьезных ран не оказалось, но общее количество мелких красноречиво говорило о том, что Владик побывал в основательной переделке. Пока доктор возился с ним, он лишь пыхтел, краснел да усиленно хлопал глазами. Видимо, ему было не до разговоров. Надо было сдерживать стоны и доказать, что он, Владик, уже не ребенок.

Перевязка завершилась противостолбнячным уколом. Когда Владик снова оделся, доктор перешел с ним в гостиную. Здесь он усадил мальчугана в кресло и сунул ему в руки кулечек с леденцами.

— Соси, дружок, не стесняйся. Я тоже их люблю сосать, когда читаю,— сказал Коринта, видя, что Владик отстраняет конфеты.

Владик покраснел и сунул леденец за щеку.

— Ну, так зачем же ты все-таки прыгал? Расскажешь?

Владик поднял на доктора большие серьезные глаза. В эту минуту он был разительно похож на свою сестру.

— Я не просто прыгал. Это был такой опыт. С крыши сарая хотел через забор на кучу песка. Только не дотянул, в кусты свалился. Еще хорошо, что не на забор!..

— Действительно, на забор было бы хуже... Но в чем же заключался твой опыт? Мне можно знать?

— Можно. Я ведь к вам, пан доктор, не лечиться шел. Я хотел рассказать. Знаете, чего мне хотелось? Мне хотелось, как он.... Я уже догадался, как он очутился в нашем лесу...

— Кто? — нахмурился Коринта.

— Русский парашютист!

Коринта даже крикнул от огорчения. Плохо, очень плохо, что мальчик продолжает думать о недавнем лесном происшествии. Но ругать его не имеет смысла. Тут можно убеждать только по-хорошему.

— Догадался! О чем ты мог догадаться?

— Обо всем!

— Да-а, это немало. Ты говорил об этом с кем-нибудь?

— Что вы, пан доктор! Конечно, ни с кем не говорил. Я же дал вам честное слово, что никому не скажу. Но у нас мальчишки рассказывают про воздушный десант, который пришел на помощь партизанам. А ведь это было далеко, не в нашем лесу. Там, в горах!

— Ну, и что же?

— А наш парашютист тоже из того десанта. Только у него парашют не раскрылся. Я слышал, как вы говорили с Влахом. Вы думали, что я сплю, а я просто так лежал и все слышал. Но догадался я только сегодня и потому сделал опыт.

— О чем догадался?

— Ну! — с раздражением сказал Владик. — О нем. Когда у него не раскрылся парашют, то он, чтобы не разбиться, взял и...

Владик перевел дыхание и внимательно посмотрел на доктора. Тот не спускал с него пристального взгляда, в котором не было ни тени улыбки.

— Ну, так что же он сделал?

— Вы мне, может, не поверите, пан доктор, но он взаправду, чтобы спастись, взял и полетел.

Это было слишком даже для такого добродушного и терпеливого слушателя, как доктор Коринта.

— Полетел?! Как полетел? На чем?

— Ни на чем. Просто взял и сам поднатужился. Это можно, если сильно поднатужиться. Я тоже сегодня пробовал, только у меня почему-то не вышло. Высоты, наверно, мало. Но я знаю, что можно.

Разговор становился абсурдным. Но Коринта решил набраться терпения и довести его до конца.

— Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Сам знаю... Он полетел, а потом, когда долетел до нашего леса, задел в темноте за дерево, упал и разбился. Это было так, уж вы мне поверьте, пан доктор. Я даже представляю себе, как он летел. Закрою глаза и представляю!

Коринта с облегчением рассмеялся. Ничего серьезного в сообщении Владика не оказалось. Детские мечты, и только. Кто мальчишкой не мечтал о свободном полете по воздуху! Но прыгать ему нельзя, это может кончиться плохо.

Снова став серьезным, он взял Владика за руку и сказал:

— Ну хорошо, дружок, допустим, что он летел. Что же из этого следует? Ты ведь не только это хотел мне сказать? По глазам вижу.

— Не только, пан доктор.

— Тогда не тяни и выкладывай остальное.

Владик глотнул слюну и заговорил торопливо, словно боясь, что ему не дадут высказаться до конца:

— Как же так, пан доктор! Мне вы запретили ходить в сторожку, а Ветка там все время! Я-то знаю, что ни у какой она не у тетки! А это несправедливо! Мы ведь вместе нашли парашютиста. А я даже помогал его переносить!.. Да и что ей в нем? Все равно она девчонка! А я хочу у него научиться летать. Я знаю, что это можно, только не умею. Пусть бы он меня научил! Ведь это можно, пан доктор, как вы думаете?

Коринта взъерошил мальчику волосы и откинулся на спинку кресла.

— Насчет полета, дружок, не знаю. Боюсь, что ты зря размечтался. А вот парашютиста нашего, пожалуй, скоро увидишь. Я сам тебя позову, когда будет нужно. Не думай, что я забыл про тебя, и не завидуй Ивете. Русский очень болен и нуждается в уходе, а Ивета умеет смотреть за больными. Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо. Ты, главное, молчи пока. Молчи, молчи и молчи!

— Да я и так молчу. Даже голова от этого болит, как молчу... Ну, тогда я пойду, пан доктор, а то мама будет ругать.

— За штаны?

— И за штаны, и вообще...

— Поделом ругать будет... Вот что, Владик, дай мне слово, что не будешь больше устраивать никаких опытов, пока мы во всем не разберемся. Кто хочет летать, тот прежде всего должен здоровье беречь. А ты смотри, чуть на забор не напорся. Ну, даешь слово?

Мальчишка огорченно вздохнул, но все же протянул доктору руку.

— Даю, пан доктор.

— Вот и отлично!.. А кулек ты с собой забирай. Забирай, забирай, у меня еще есть. Ешь себе на здоровье и мечтай!..

Когда Владик ушел, Коринта взялся за принесенные Майером книги. Самой интересной ему показалась книга под названием «Психическое состояние спортсмена во время затяжного прыжка». За нее он и взялся в первую очередь.

Сначала бегло просмотрел. На глаза попала фраза: «Длительное свободное падение с большой высоты вызывает у спортсменов взвинченное состояние, очень похожее на легкое опьянение. Причины этого эффекта еще не изучены, но предполагается, что его вызывает ощущение невесомости, которое ни в каких иных естественных условиях организму испытывать не приходится...»

Дальше Коринта читать не стал. Какая-то назойливая мысль билась где-то в глубине мозга и мешала сосредоточиться. Вскоре ему удалось вытащить эту мысль на поверхность. Тогда он отодвинул книгу, положил перед собой лист бумаги и принялся что-то чертить и вычислять.

Через час он откинулся в кресле, потер себе лоб и осмотрел комнату, словно впервые ее увидел. Ему сделалось не по себе, и он заговорил вслух, чтобы разогнать наваждение:

— Ерунда какая-то!.. Этак я и сам начну скоро с крыши прыгать. И тем не менее мальчишка прав. Убей меня бог, прав! Прав по всей логике фактов, кроме здравого смысла... А ну, еще разок проверим...

Он снова надолго склонился над бумагой. Потом отбросил перо, вскочил и заметался по комнате.

Математика упрямо стояла на стороне абсурда, доказывала возможность невозможного, перечеркивала все доводы рассудка. Но можно ли поверить числам, не зная фактов? В какое время ночи выбрасывался десант в горах близ Б.? В полночь? В час? Или ближе к утру? Кожаина под сосной нашли около семи часов. Если десант выбрасывался часов за шесть до этого, то за такое время автомашина несколько раз покроет расстояние в сорок километров. Но кому могло понадобиться перевозить Кожиину в к-овский лес и бросать под сосной... вернее, на сосну, потому что иначе ничем не объяснить поломы в кроне дерева, бросать в бессознательном состоянии на произвол судьбы? Ни немцы, ни партизаны к этому непричастны. Это мог сделать только сумасшедший. А сумасшедших в районе нет, значит, и эта версия отпадает... Кроме того, немцы упорно ищут какой-то бесшумный снаряд, полет которого видели ночью многие... Снаряд и Кожин. Неужели Владик прав? Неужели детский ум, не обремененный предрассудками здравого смысла, нашел истину, от которой с негодованием отвернулся бы любой современный ученый?..

Здравый смысл... Сколько раз этот неподкупный страж устоявшихся взглядов мешал приходу новых знаний, новых научных истин! Сколько из-за него было напрасных жертв!.. Нет, на него не всегда можно полагаться... Здравый смысл — это естественное стремление человеческого духа к определенности, к созданию устойчивости положения человека в окружающем мире. Наука всегда разрушала и продолжает разрушать устоявшееся представление о мире. Она всегда боролась и обязана бороться с костностью здравого смысла. Еще недавно эта борьба требовала жертв...

Свободный полет!

Человеческое воображение с древних времен лелеет мечту о свободном полете. Эта мечта красной нитью проходит через всю историю человечества. Неужели она полностью изжила себя в воздушных шарах, дирижаблях, самолетах? Нет, летательные аппараты не убили ее. Мечта о свободном полете, без каких-либо приспособлений, по-прежнему будоражит воображение человека. А коли так, ее нельзя полностью относить к категории абсурда в угоду здравому смыслу, в ней должно быть рациональное зерно...

Стоит ли начинать поиски в этом направлении? Что у него есть? Загадочный случай с Кожиным? Сознание того, что человеческий организм до сих пор не изучен, что в нем могут быть скрыты самые неожиданные возможности? И, наконец, древняя мечта человечества о свободном полете? Этого, конечно, мало для серьезного научного поиска. Но... попытаться нужно. Пусть это ни к чему не приведет, все равно нужно... Это его долг перед наукой...

Возбуждение несколько улеглось. Коринта снова сел за стол и до глубокой ночи набрасывал первые шаткие основания для увлекательного путешествия в неведомую и таинственную область науки.

19

Впервые доктор Коринта пришел в лесную сторожку без грибов. Он был чрезвычайно взволнован. Увидев его пустое лукошко, Влах ухмыльнулся:

— Что, доктор, не повезло сегодня?

— Напротив, Влах, напротив! Сегодня мне чертовски повезло. Не спал всю ночь, но зато такой «гриб» обнаружил, что весь твой лес за него отдать не жалко. Потому и не заходил я на свои плантации. Прямо из города сюда...

— Что ж ты такое обнаружил? Что-нибудь новое по части операций?

— Нет, Влах, не то. Я победил в себе здравый смысл, чтобы раскрыть одну великолепную тайну!

Лесник сочувственно покачал головой:

— Все маешься над вопросом, почему наш Кожин не разбился?

— Не только над этим. Главное тут, пожалуй, в другом. Главное в том, как он очутился в нашем лесу. Это важнее, чем ты думаешь... Если бы только парень доверился мне!..

— А что тут может быть непонятного и важного? Просто парню невероятно повезло... — проворчал Влах, для которого в появлении Кожина у него в лесу не было решительно ничего непонятного.

Коринта не стал ему ничего объяснять и поспешно поднялся на чердак.

Ивета и Кожин ждали его. По их возбужденным лицам нетрудно было догадаться, что они уже успели жарко о чем-то поспорить.

Ответив на приветствие врача, Кожин смущенно сказал:

— Хочу перед вами извиниться, доктор. Прошлый раз я наговорил вам всяких глупостей. Уж вы не сердитесь...

— Сердиться некогда, друг мой! — весело отмахнулся от него Коринта, который уже забыл о недавней размолвке. — У нас с вами такие теперь дела пойдут, что будет не до эмоций!.. Ивета, вы накормили пациента завтраком?

— Нет еще, пан доктор. Мы тут обсуждали...

— Отставить обсуждения! Шагом марш вниз, а мы тут до завтрака немного займемся. Натощак человек лучше соображает...

Ивета побежала готовить завтрак, а Коринта уселся на кучу сена и выхватил из кармана листки бумаги, заполненные какими-то чертежами и длинными вереницами цифр. Вид у доктора был при этом такой, словно он разработал план генерального сражения, которое принесет быструю и полную победу над всеми фашистскими армиями. Глаза его сверкали, усы топорщились, обычно бледные щеки порозовели.

Видя столь необыкновенное состояние своего врача, Кожин приготовился услышать любую сногшибательную новость. Но то, что он услышал, превзошло все его ожидания.

— Слушайте, пан Кожин. Слушайте, смотрите и удивляйтесь!

Доктор протянул Кожину один из листков бумаги и продолжал с большим жаром:

— Вот эту кривую я провел от сосны, на которую вы изволили свалиться. Высоту, с которой вы упали, я условно принял за пятнадцать метров... Погодите, не возражайте, слушайте дальше. Вот три пункта, над которыми в ту ночь заме-

тили загадочный бесшумный снаряд. Наблюдатели всех трех пунктов указывают разную высоту. По мере приближения к К-ову снаряд летел все ниже и ниже. Скорость движения тоже наблюдалась разная. Она почему-то затухала и сходила на нет вместе с высотой. Расчеты показывают, что снаряд мог упасть именно на ту сосну, под которой мы вас нашли...

Кожин не выдержал и ворвался в эти рассуждения:

— Но при чем тут снаряд, доктор? Я ничего не понимаю!..

— Не понимаете?

Коринта откинул голову и, устремив на Кожина торжествующий взгляд, с расстановкой произнес:

— Вы и были тем загадочным снарядом, пан Кожин!

Сержант рассмеялся. Он принял заявление доктора как розыгрыш:

— Вы, конечно, шутите, пан доктор.

— Нисколько. Не стал бы я ради глупой шутки не спать всю ночь и делать все эти расчеты. Картину всего события, пережитого вами, я смоделировал так. Вы прыгаете с высоты трех тысяч метров... Кстати, в котором часу это было?

— В двадцать три часа двенадцать минут. Это абсолютно точно.

— Хорошо... Итак, вы прыгаете и в пределах первой тысячи метров обнаруживаете неисправность парашюта. Вам угрожает гибель. У вас остаются считанные секунды. И тут вы — сознательно или бессознательно, не мне судить, — принимаете какие-то меры для своего спасения. На это уходит еще около двадцати секунд, и в результате вы еще на тысячу метров приближаетесь к земле. Но вот включается новая, никому еще не известная сила, которой вы один умеете пользоваться. И в тот же миг отвесная прямая вашего падения резко отклоняется в сторону. Ваше свободное падение превращается в стремительное скольжение с крутой воздушной горы. Скорость, набранная падением, угасает, и одновременно с этим невидимая воздушная гора становится все более пологой, приближаясь к горизонтали. Если бы вы пролетели от злополучной сосны еще хотя бы один километр, вы приземлились бы мягко, словно на перину, не ощутив ни малейшего удара о землю. Но именно над сосной таинственная сила почему-то отключилась. В тот же миг вы рухнули на сосну всей своей тяжестью...

— Позвольте, доктор! По-вашему, значит, я летел просто так, своим ходом?

— Я не знаю, как, почему или на чем вы летели, но я нисколько больше не сомневаюсь, что вы именно летели, что в наш лес из окрестностей Б. вы попали по воздуху. Мои расчеты основаны на данных о высоте и скорости вашего первоначального падения, после того как вы покинули самолет, о

высоте и скорости полета загадочного снаряда и, наконец, о той предполагаемой высоте, с которой вы упали на сосну. Получилась строжайшая закономерность, которая исключает совпадения и случайности. Взгляните на эту кривую, она не имеет ни зубцов, ни разрывов... Впрочем, пан Кожин, я далек от мысли что-либо вам внушать и отнюдь не настаиваю на том, что вы именно летели. Вам, разумеется, лучше знать, что с вами произошло и как вы попали в наш лес. Можете мне ничего не объяснять. Скажите лишь одно: вы знаете, как сюда попали?

— Нет, доктор, этого я не знаю.

— И у вас нет никаких предположений на этот счет?

— Ни малейших.

— Вы можете дать мне честное слово?

— Даю вам, доктор, честное комсомольское слово, что мне ничего не известно о том, как я попал в ваш лес, и что у меня нет на этот счет никаких разумных предположений. И тем не менее вашей версии о полете я поверить не могу. Это самое нелепое из всего, что тут можно допустить.

Коринта не обиделся. Он понимал, что и в Кожине сейчас говорит обыкновенный здравый смысл, одолеть который не так-то просто. Поэтому он настойчиво продолжал твердить свое:

— К сожалению, пан Кожин, здесь вообще ничего больше нельзя допустить. Разве что ангела-хранителя. Но это, пожалуй, ни вам, ни мне не к лицу... Остается версия о свободном полете. Единственная логически обоснованная версия, которую придется принять, какой бы нелепой она на первый взгляд ни казалась. Главная загадка этой версии заключается в той неведомой силе, которая превратила ваше падение в полет. Мы должны проникнуть в эту тайну, должны узнать, что это за сила и как она действует. Это наш с вами долг, пан Кожин. Долг перед наукой, перед человечеством.

Последние слова Коринта произнес с необычайным волнением и даже торжественно.

Кожин растерянно спросил:

— Но... как это сделать?

— Прежде всего вы должны отбросить ложный стыд и рассказать мне откровенно все, что вы пережили и перечувствовали с того момента, когда покинули самолет, вплоть до того, когда ударились о крону сосны и потеряли сознание. Вам понятно, о чем я вас прошу?

— Понятно... Это не так уж трудно. Я и сам решил рассказать вам все без утайки.

И Кожин подробно рассказал доктору о том счастливом мгновении, которое ему довелось пережить в детстве, и о том

удивительном состоянии, которое он сумел в себе вызвать благодаря этому воспоминанию, находясь на волосок от смерти.

Коринта слушал Кожина с жадным вниманием и, когда тот кончил, взволнованно произнес:

— Как жаль, что вы летели в крошечной тьме!.. Но ничего, теперь мы знаем, что нам нужно искать!

— Искать? Что ж тут можно искать, доктор?

— Ну, уж конечно, не бесшумный снаряд! Этим пусть занимается обер-лейтенант Крафт. А мы с вами будем...

Он не договорил. Во дворе вдруг яростно залаяла собака, заставив собеседников вздрогнуть и насторожиться.

20

— Неужели опять немцы? — шепотом спросил Кожин, доставая из-под подушки пистолет.

Коринта заглянул в слуховое окно:

— Никого не видно...

На лестнице послышались быстрые шаги. На чердак поднялась Ивета.

— Кто там пришел? Немцы? — почти одновременно спросили мужчины.

— Нет, не немцы. К Влаху пришел какой-то горбатый пастушок. Может, нищий, может, корову потерял. Влах с ним во дворе говорит. Слышите, как Тарзан надрывается!..

— Не надо так громко, Ивета. Пастушок или кто другой, про нас никто не должен знать, — строго заметил Коринта.

Девушка тряхнула копной волос и, улыбнувшись Кожину, села в сторонке на сено.

Минут через десять собака успокоилась, но на чердаке продолжало царить молчание. Наконец лестница заскрипела под тяжелыми шагами. В крышку люка трижды стукнули. Раздался громкий голос лесника:

— Все в порядке!

Доктор Коринта встрепенулся и взглянул на часы:

— Мне пора, друзья.

— Но что же мы все-таки будем искать, доктор? — с любопытством спросил Кожин.

— Потом, потом! Все объясню потом. А сейчас мне пора в больницу. И так уже опаздываю... Да и вам завтракать пора. До свиданья, друзья, и будьте осторожны. Осторожность — для нас теперь самое главное. Да, да, Ивета, не улыбайтесь! Это прежде всего относится к вам!.. Кстати, о вашем деле. Вчера ко мне заходил доктор Майер. Я говорил с ним, и он согласился помочь вам.

Девушка зарделась до корней волос и, быстро глянув на Кожина, сказала:

— Я передумала, пан доктор... Обойдусь без Майера...

— Э-э-э, да вы, я вижу, капризная невеста!.. Ну ладно, мы еще успеем поговорить об этом. До свиданья!

Однако Коринте не сразу удалось покинуть сторожку. Внизу его задержал Влах:

— На два слова, доктор.

— Ну, что еще? У меня, право, ни секунды времени!

— Дело серьезное. А задерживать мне тебя не обязательно. Могу проводить.

Они вместе вышли за калитку и двинулись по лесной дорожке в направлении К-ова.

Отойдя от сторожки шагов на сто, Влах сказал:

— Слушай, друг, завтра ты должен прийти ко мне пораньше, совсем затемно. Этак часика в три.

— Зачем это в такую рань?

— Нужно. С тобой хочет поговорить один человек, которому опасно появляться среди бела дня.

Коринта остановился и недоуменно посмотрел на Влаха:

— Что ты плетешь, Влах? Откуда ты взял человека, которому нужно со мной поговорить? Мне ни до кого нет дела, и я ни с кем не хочу встречаться!.. И вообще... Мне кажется, ты что-то скрываешь от меня.

— Не надо так, доктор. Я ничего не скрываю. Ты человек, который немало повидал на свете и должен поэтому понимать. Есть такие дела, про которые даже лучшим друзьям не говорят... Хотя... Э, ладно! Ты теперь Кожина лечишь и, стало быть, все равно наш. Так что мне вроде и ни к чему прощачка перед тобой разыгрывать... Видишь ли, доктор, в чем тут загвоздка. Я немного помогаю нашим... ну, тем, что в горах воюют. Сообщил им, конечно, и про Кожина. Думал, они сразу заберут его к себе, а они медлят. Хотят что-то проверить... Теперь понял?

— Понял, Влах. Ты хорошо сделал, что открылся мне. У меня все это время было такое тоскливое чувство, словно нам с тобой предстоит одним схватиться с огромной сворой волков... Одиночество, брат, поганая штука, даже вдвоем. А теперь я вижу, что мы не одни. Ты у меня с души большой камень снял. Спасибо тебе... Так, значит, этот человек хочет со мной о Кожине говорить?

— Да, о нем. Самому Кожину об этом строго-настрого запрещено сообщать. В чем они парня подозревают, ума не приложу!

— Нетрудно догадаться, Влах. Их беспокоит, каким образом он очутился в нашем лесу. Это дело сложное, запутан-

ное, и распутать его будет нелегко. Ты сообщил им, как мы нашли Кожина?

— А как же, конечно, сообщил. Парашют и рацию тоже передал им. Но, видно, ничего полезного для нашего парня они из этого не вывели.

Коринта подумал, потом сказал:

— Ну что ж, Влах, раз это нужно, я приду к тебе завтра в три часа ночи. Поговорю с твоим человеком. Только вряд ли я смогу сказать ему что-нибудь новое и интересное. Я и сам точно ничего пока не знаю.

— Ладно, разберутся... Ну, будь здоров, доктор!

— До свиданья, Влах!

Они крепко пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны: лесник зашагал обратно к сторожке, врач — к городу.

21

Майор Локтев и провожатый, которого ему дал Горалек, добрались до лесной сторожки глубокой ночью. Когда они, усталые и голодные, приблизились к калитке, собака в ограде разразилась бешеным лаем. Через минуту где-то в крошечной тьме стукнуло открываемое окно, и суровый голос спросил:

— Эй, кто там? Чего нужно?

Провожатый ответил:

— Мы по части беличьих шкурок, хозяин! Шкурки у вас не найдутся?

Это был явочный пароль.

— Шкурки есть, только все старые, прошлогодние,— ответил голос из темноты.

— Не беда, нам и старые сгодятся.

— Вот и хорошо, коли сгодятся. Ждите! Сейчас привяжу собаку и отворю вам.

Захлопнув окно, Влах пошел привязывать Тарзана. В сенях прислушался. На чердаке было тихо. То ли молодые люди затаились, то ли вовсе не проснулись от собачьего лая.

Когда Локтев и провожатый вошли в сторожку, лесник тотчас же приладил на окно плотную занавеску, засветил керосиновую лампу и с любопытством оглядел гостей.

Они были одеты как скупщики шкурок, у обоих за плечами болтались мешки, набитые чем-то мягким. Тем не менее по осанке, произношению и по множеству других едва уловимых признаков Влах сразу признал в Локтеве русского офицера, о котором ему говорили.

— Ну что ж, садитесь, отдыхайте. Поди, немало километров отшагали по лесу,— сказал лесник своим странным ночным посетителям.

Гости оказались сговорчивыми — их не надо было приглашать дважды.

Майор бросил мешок в угол и сел на лавку. Спокойно, хозяйски привернул фитиль в начавшей вдруг чадить лампе, потом пристально посмотрел на Влаха:

— Так, значит, вы и есть тот самый лесник Влах?

— Да, я лесник Влах.

Здоровенный рыжебородый мужик чувствовал себя смущенным, как мальчик. Он впервые в жизни видел советского офицера и не знал, как себя с ним вести. Он понимал, что здесь неуместно то подобострастие, которое он выказывал, разговаривая с обер-лейтенантом Крафтом, понимал, что здесь нужен какой-то совсем простой человеческий тон, каким обычно говорит равный с равным. Но именно это и сбивало его с толку, именно это и смущало, потому что он не представлял себе, каким должен быть этот тон: дружески-сердечный или по-военному сухой и строгий?

А гость продолжал расспрашивать:

— Иван Кожин у вас?

— Так точно, у меня. Но сейчас, поди, спит.

— Пусть пока спит. До него мне нужно поговорить с другим человеком. Вам передавали, с кем я хочу встретиться?

— Так точно, я знаю. Вам нужен доктор Коринта.

— Правильно. Где же он, этот доктор Коринта?

— Обещал быть в три.

— Хорошо, мы подождем.

Наступило короткое молчание. Наконец Влах набрался храбрости и сказал:

— Вы ведь с дороги, товарищ командир. Может, подкрепиться пока чем бог послал?

Локтев улыбнулся и поскреб обросшую щетиной щеку.

— Не откажемся, товарищ Влах. Прошлись мы действительно здорово, а значит, и проголодались.

Пока гости ели холодное кабанье мясо, запивая его черничным соком, лесник рассказывал о том, как немцы в его лесу искали какой-то снаряд и даже ему, Влаху, обещали богатую премию, если он поможет в поисках. Локтев слушал внимательно и порой задавал короткие вопросы. Через полчаса гости покончили с едой, а к тому времени подоспел и доктор Коринта. О его приходе возвестил лаем все тот же бдительный Тарзан.

Лесник вышел и вскоре вернулся в сопровождении доктора Коринты.

Майор внимательно осмотрел пожилого человека в шляпе и шагнул ему навстречу:

— Доктор Коринта?

— Да, я Коринта. С кем имею честь?

— Я майор Красной Армии. Извините, что не называю своей фамилии. В теперешней обстановке не имею права.

— Понятно. Вы хотели со мной поговорить?

— Да, я побеспокоил вас по очень важному делу.— Локтев обернулся к леснику:— Товарищ Влах, не обижайтесь, мне нужно остаться с доктором наедине. Вы можете побыть где-нибудь с моим товарищем?

— Конечно, товарищ командир! Айда, парень, на воздух. Покупим...

Лесник и провожатый вышли из сторожки.

22

Майор пригласил Коринту к столу, предложил ему папиросу. Закурили. Майор сказал:

— Мне известно, доктор, что вы и ваши друзья нашли в здешнем лесу раненого бойца из моей части, сержанта Ивана Кожина. Вы укрыли его и оказали ему медицинскую помощь. Позвольте мне от имени командования Красной Армии выразить вам самую горячую благодарность, а от себя лично — искреннее восхищение вашим мужеством.

— Ну что вы, майор! Это был простой человеческий долг,— смущенно ответил Коринта.

— К сожалению, далеко не каждый понимает, в чем состоит сейчас его человеческий долг. Вы поступили как настоящий патриот. Но не ради этого я потревожил вас в такую пору. Появление сержанта Кожина в здешних лесах не поддается никакому объяснению. Вы можете, доктор, внести в это дело хоть какую-нибудь ясность?

Коринта пожал плечами:

— Вряд ли мне удастся помочь вам в этом...

— Почему?

— Должен признаться, майор, что я немало ломал голову. Быть может, формально меня это и не касается. Нашел, помог, вылечил — и до свиданья. Но в истории Кожина так много загадочного, что не задуматься над ней невозможно. Кроме того, элементарные соображения безопасности требовали полной ясности. Однако ни информация, которую мне удалось собрать, ни рассказ Кожина не пролили на это дело ни малейшего света. Кожин, кстати, и сам не представляет, как сюда попал...

Задумчиво глядя на огонь лампы, Локтев машинально катал по столу хлебные шарики. Сообщение Коринты он принял совершенно спокойно. Интуиция подсказывала ему, что доктору есть о чем рассказать. Надо лишь помочь ему в этом.

— Ну хорошо, не можете,— значит, ничего не поделаешь. Но если вам не трудно, доктор, расскажите, как все это произошло. В общих чертах мне эта история известна по донесениям разведки. Но мне нужны подробности.

— Пожалуйста, майор. Я с удовольствием расскажу, как я впервые в жизни нарушил свой принцип никогда не вмешиваться в политические события и к чему это привело.

Коринта рассказывал долго и обстоятельно.

Увлеченный изложением деталей, особенно обстоятельств, связанных со слухами о загадочном бесшумном снаряде, он, сам того не заметив, изложил майору и свои невероятные предположения, подтвержденные, впрочем, строгим логическим анализом и точным математическим расчетом. Локтев слушал доктора, не перебивая, но к концу рассказа в его серьезных, внимательных глазах появилось выражение иронии. Нервный Коринта тотчас же уловил перемену в настроении собеседника и, оборвав свою речь, обиженно умолк. С минуты в сторожке слышалось лишь тиканье ходиков.

— Это все? — спросил Локтев.

— Пожалуй, все... Вы ведь все равно мне не верите. Во всяком случае, моему предположению не верите.

— Я верю, что построить столь невероятное предположение вас толкнули самые добрые и самые честные побуждения. Верю и тому, что найти естественное объяснение всей этой истории очень трудно, почти невозможно. В вашей версии все связано и закончено, в любой иной — сплошные логические разрывы и неувязки. И тем не менее, доктор, летать Кожин не мог. Не бывает такого.

Коринта рассердился:

— Надеюсь, вы не считаете это настолько веским аргументом, что любые факты должны ему подчиниться?

— Это не аргумент, доктор, это мое личное мнение.

— Основанное на здравом смысле?

— Если хотите, да.

— Но может ли вам здравый смысл подсказать хоть маломальски приемлемое предположение о том, что произошло с Кожиним между двадцатью тремя и семью часами, иными словами,— за тот короткий промежуток времени, который прошел с момента его прыжка с самолета до того, как я нашел его в нашем лесу?

— Это восемь часов. Мало ли что могло произойти за такое время.

— Позвольте! Он всю ночь пролежал под сосной, долго был без сознания. Уж в этом-то я как врач не ошибаюсь!

Майор встал и прошелся по комнате. Потом остановился перед Коринтой:

— Я не медик, доктор, я военный по профессии. Не сердитесь на меня и не удивляйтесь моему упорному нежеланию поверить в возможность вашего предположения. Я не вижу в этом ничего, кроме чудовищной абсурдности.

— Абсурдности? Зачем так сплеча, майор! Мы очень мало знаем о человеке. А ведь человек не просто один из зоологических видов, как мы привыкли его рассматривать. Человек — бесконечная загадка. Мы не знаем и сотой доли его скрытых способностей. То, с чем мы свыклись, нам не кажется ни фантастическим, ни абсурдным. Но почему? Если вдуматься, то такие человеческие способности, как речь, мышление, творчество, неизмеримо более удивительны и фантастичны, чем свободный полет по воздуху. Летают многие живые существа.

— Но у них есть для этого соответствующие органы.

— Согласен. Однако, если бы ту или иную способность определяло только наличие органов, то все млекопитающие, у которых есть и мозг, и нервная система, должны были бы обладать речью, мышлением, сознанием и прочими способностями, свойственными человеку. Организм человека лишь внешне похож на организмы животных. Качественно он стоит неизмеримо выше их. Если ни одно животное без специального органа летать не способно, то утверждать то же самое о человеке по меньшей мере преждевременно.

— Скажите, доктор, вы можете хоть как-нибудь объяснить эту способность летать?

— Пока не могу. Я хочу заняться Кожиным до его выздоровления. Может быть, мне удастся обнаружить, на чем основано это удивительное свойство его организма.

— Ладно, доктор, ищите. В этом, как я вижу, нам с вами сейчас не разобраться. Времени у меня мало, а нужно еще поговорить с Кожиным. Можете меня проводить к нему?

— Могу, но он спит. Кроме того, там девушка, медсестра, которая за ним ухаживает.

— Ничего. Кожина разбудим, а медсестру попросите на полчаса перейти сюда.

Коринта вышел и вскоре вернулся с Иветой. Девушка испуганно уставилась на странно одетого человека. Зябко кутаясь в шаль, на которой остались стебельки сена, она присела на край лавки.

Локтев извинился перед ней и вышел вслед за Коринтой в сени. Доктор зажег свечу и повел майора на чердак.

Кожин не спал. Разбуженный лаем собаки, он давно уже тревожно прислушивался к голосам и движению в сторожке. Когда доктор в полной темноте разбудил и увел Ивету, Кожин ни единым звуком не выдал себя. Он понял, что происходит что-то очень серьезное, и на всякий случай приготовился: вынул пистолет и лег поудобнее.

Когда появился Коринта со свечой, а за ним незнакомый мужчина, Кожин направил на них пистолет и тихо спросил:

— В чем дело? Что вам нужно?

— Успокойтесь, пан Кожин. Я привел к вам не простого гостя... — смущенно улыбнулся врач.

Но в заросшем черной щетиной и одетом в засаленное пальто человеке Кожину трудно было узнать своего всегда подтянутого командира. И только голос незнакомца заставил сержанта вздрогнуть и опустить пистолет.

Локтев сказал:

— Спасибо, доктор. Это действительно Кожин. А теперь будьте добры, оставьте нас одних. Свечу можете унести, мы и в темноте отлично поговорим!

Коринта со свечой ушел вниз. На чердаке вновь воцарилась тьма. Но сержант уже узнал своего ночного гостя.

— Товарищ майор, вы?! — воскликнул он по-русски.

— Да, Кожин, это я. Не ожидал?

— Честно говоря, не ожидал...

— Ну ладно, здравствуй! Как самочувствие?

Локтев ощупью нашел постель Кожина и присел у него в ногах.

— Спасибо, товарищ майор. Самочувствие отличное. Вот только гипс с ноги снимут — и снова в отряд! — взволнованно проговорил Кожин.

— Так, так... Дешево ты отделался... ну, а теперь расскажи, как ты, собственно, сюда попал.

Кожин смутился и ответил не сразу. А Локтев уловил его замешательство и насторожился. Когда сержант заговорил, в голосе его звучало искреннее огорчение.

— Честно вам скажу, товарищ майор, я и сам не знаю, как здесь очутился. Помню, в парашюте что-то заело. Падая на кусты и думал: все, отвоевался. А что потом случилось, и объяснить не берусь. Как меня в этот лес занесло, как я вообще жив остался, понятия не имею. Уж я по-всякому прикидывал, да так ничего и не придумал. Слишком большое расстояние, товарищ майор! По-простому тут ничего не объяснишь...

— А если не по-простому?

Кожин снова замялся, потом вздохнул и тихо произнес:

— Доктор говорит, что я летел...

— Летел? На чем же ты летел, сержант?

В голосе майора появились жесткие иронические нотки. Кожин залился краской. Хорошо, что темнота скрыла его смущение... Ему не верят! Как же быть?!

— Не знаю, товарищ майор... — через силу проговорил он. — Должно быть, так летел, своим ходом...

Кожин понимал, что слова его звучат, как наивный детский лепет. Он уже раскаивался, что заговорил о фантастическом предположении доктора Коринты. Но было поздно — сказанное не вернешь.

Локтев насмешливо спросил:

— А может, тебя ангел-хранитель принес сюда на своих белых крылышках?

Кожин не ответил, только подумал: «Дался им этот ангел-хранитель! То Коринта про него говорил, теперь майор...»

— Вот что, сержант, — сурово заговорил Локтев, — кончай полынку! Ни тебе, ни мне она пользы не принесет. Выкладывай лучше начистоту, что и как с тобой произошло.

— Я вам правду сказал, товарищ майор. Честное слово, одну только правду! Я сам не верю, что летел. Сказал, потому что в этом уверен доктор. А еще потому, что и не представляю себе, как все это можно объяснить по-другому.

— Как объяснить по-другому? — тихо повторил майор. — А вот как, например. Ты благополучно приземляешься с парашютом, заранее направляешь его так, чтобы опуститься подальше от сигнальных костров, собираешь парашют и уходишь к немцам. Они доставляют тебя сюда и устраивают всю эту инсценировку твоего падения на сосну с нераскрывшимся парашютом. Просто и понятно. И лететь тебе было не нужно, потому что времени у тебя на все на это было достаточно... Хотелось бы только знать, с какой целью все это сделано и какое задание обязался ты выполнить для фашистов. И еще хотелось бы знать, почему ты пошел на такое черное дело.

— Товарищ майор!.. — Кожин задохнулся от возмущения. — Товарищ майор! Вы можете отдать меня под суд, можете пристрелить на месте, если считаете предателем, но не смейте мне говорить такое! Не имеете права!

Несколько минут длилось напряженное, тяжелое молчание. В темноте было слышно, как порывисто дышит разволнованный Кожин.

Майор беспокойно задвигался, шурша сеном, сдержанно прокашлялся. Потом заговорил уже значительно мягче и душевнее:

— Ладно, Иван. Твое предательство, пожалуй, такая же фантастика, как и версия Коринты о твоём полете по воздуху. Мы внимательно осмотрели твой парашют. Он действительно не раскрывался. Нашли и причину, по которой он не раскрылся. Нарочно так не подстроишь. Твой парашют действительно не вышел из сумки.

— Вам передали ее?

— Да, передали.

— А рацию?

— И рацию передали.

— Она в порядке?

— В порядке, работает... Так вот, Иван, похоже, что с тобой в самом деле произошло что-то из ряда вон выходящее. Мы искали тебя в ту ночь в радиусе целого километра вокруг сигнальных костров, но все напрасно. Сколь ни чудовищно было предположение о твоём предательстве, оно было единственным разумным объяснением твоего загадочного исчезновения. Да и сейчас у нас нет ничего, кроме этого... Ты говоришь — не имею права. О каких правах может быть речь? Мы находимся в тылу врага. У отряда ответственное задание. Я обязан отчетливо видеть последствия каждого своего решения. Иначе я сам стану предателем. Понятно?

— Понятно, товарищ майор... Но что же мне делать? — упавшим голосом спросил Кожин.

— Что делать тебе — выздоравливать. А мы, когда поправишься, отправим тебя на Большую землю. Там разберутся, что к чему.

— Значит, обратно как несправившегося? Как человека, которому нельзя доверять?

— Да, Иван, как человека, которому я не имею права доверять. Ты комсомолец, ты должен понять, что и тебе на моем месте не оставалось бы ничего другого. На этом давай закончим. Мне пора. Я еще приду, когда поправишься.

— А как быть с доктором Коринтой, товарищ майор? Он упорно настаивает на своём предположении, говорит, что это будет великое открытие...

— Одержимый человек! Все они такие, эти ученые. Видно, по-другому им нельзя. Только Коринта твой зря горит. Он вынул пустой билет. Впрочем, пусть себе занимается своей идеей, лишь бы тебя при этом лечил. Ну, будь здоров, Иван!

— До свиданья, товарищ майор!

Похлопав Кожина по руке, в которой все еще был судорожно зажат пистолет, Локтев поднялся и осторожно прошёл к чердачной лестнице. Крикнул по-чешски:

— Доктор Коринта, будьте добры, посветите мне!

Черные тучи сгустились над головой Кожина.

Сержант знал — время суровое, Родина не простит того, на кого упала злобещая тень подозрения в предательстве.

Несправедливо?

Как ни горько это было, но Кожин должен был признать, что в этом есть высшая справедливость, продиктованная военным временем. Несправедливо было бы в том случае, если бы у него была правда, настоящая, точная, ясная правда, а кто-то не поверил бы этой правде, отказался бы ее признать. Но у Кожина не было такой настоящей правды.

Кожин не знает, что с ним случилось. Летел?.. Об этом он твердо решил никогда больше не говорить. Стыдно и унижительно говорить такое!

Он не предатель! Он готов кричать об этом всему миру! Он не задумываясь пойдет на смерть, лишь бы доказать это!.. Но разве ему дадут такую возможность? Конечно, нет. Он не смеет мечтать даже о штрафном батальоне!.. Его будут допрашивать, от него будут требовать признания, а потом будут судить и...

Чем больше он думал о своем положении, тем глубже проникало в его сознание чувство полной безысходности. Это было не отчаяние, когда хочется куда-то бежать, кричать, плакать, доказывать, умолять, требовать справедливости... Отчаяние — удел слабых. А Кожин к ним не принадлежал.

Еще не до конца сформировавшийся, Кожин тем не менее был человеком самолюбивым, волевым, мужественным. Чувство глубокой безысходности вызвало в нем странное спокойствие. Внешне оно походило на полное равнодушие к своей судьбе. А на самом деле было героическим примирением с неизбежностью. Люди такого склада способны перед расстрелом спокойно вырыть себе могилу, заровнять ее края и стать перед дулами ружей с открытыми глазами. Таких смертью не испугаешь...

Легкой тенью скользнула мысль о самоубийстве. Скользнула и ушла. Самоубийство — тоже удел слабых. Кожин отверг его. Но какой удивительной и достойной восхищения была причина, побудившая его прогнать мысль о самоубийстве! Не жажда жизни (хотя он и любил жизнь), не желание оправдать и очистить себя (он уже знал, что это невозможно) заставили его отказаться от добровольной смерти. Этой причиной был стыд. Стыд перед людьми, которые пошли на огромный риск, чтобы спасти его, которые не жалели для него ни жизни своей, ни трудов, ни времени. Он считал, что это будет грубой, бесчеловечной неблагодарностью, если он возьмет и

перечеркнет все их старания, обратит в ничто их прекрасный подвиг...

Он не спал до самого рассвета и все думал, думал, думал.

Утром Ивета не узнала его. Не потому, что он осунулся и побледнел и что в глазах у него появилась печаль, а потому, что он весь изменился за эту ночь, словно вместо прежнего Ивана Кожина кто-то положил сюда совершенно другого человека.

— Иван, что с вами? Что случилось?

— Ничего, Ивета. Все в порядке. Я просто плохо спал эту ночь... Не обращайтесь на меня внимания!

Он произнес это спокойным, ничего не выражающим голосом и посмотрел на девушку с такой холодной отрешенностью, что у той болезненно сжалось сердце.

Весь день после этого он молчал. Если Ивета за чем-нибудь обращалась к нему, он закрывал глаза и притворялся спящим. Ел машинально, вяло, словно ему было все равно, ест он или не ест.

На вопрос Иветы:

— Ну, как суп, Иван? Вкусный? Не пересолила я его?

Кожин невнятно бормотал:

— Не знаю... Ничего... Вкусный...

Когда снова наступила ночь, Ивета долго слышала, как ворочается и шуршит сеном ее подопечный. Потом он сполз с постели, добрался до слухового окна и, замерев возле него, пристально смотрел в темное, с редкими звездами небо, на черную, дремотно застывшую стену недалекого леса.

Девушке было страшно за него, но вместе с тем она боялась его окликнуть, боялась нарушить его одиночество, его печальные мысли, его глухую ночную тоску.

Так они и пробродствовали до рассвета в глубокой тишине, каждый на своем месте, каждый со своими чувствами.

Утром Ивета пораньше спустилась вниз, чтобы встретить доктора до того, как он поднимется на чердак, и поделиться с ним своими тревогами.

25

Коринта пришел бодрый, жизнерадостный, полный новых интересных идей.

Знакомство и беседа с русским майором произвели на доктора самое благоприятное впечатление и, что самое главное, полностью рассеяли его скрытые опасения относительно Кожина. Доктор очень боялся, что у него отнимут этого исклю-

чительно интересного пациента. Но Кожина не увезли. Почему не увезли, Коринту не волновало. Он считал, что так надо, это «надо» его вполне устраивало, а все остальное было для него пустяками, которыми не стоило заниматься.

Но когда Ивета встретила его вместе с Влахом у калитки и рассказала, какая странная перемена произошла с Кожиным после той ночи, Коринта сразу понял, что это значит, и мысленно обозвал себя старым эгоистичным болваном.

Ведь Кожина черт знает в чем могут обвинить, если он не представит толкового объяснения своей истории! Его могут обвинить в измене, а за это — расстрел!

Майор, по-видимому, не скрыл от своего подчиненного всю сложность и опасность его положения. Этот прямой и честный офицер не стал играть в фальшивую игру со своим сержантом. Отсюда и резкая перемена в настроении Кожина. Шутка ли сказать: подозрение в измене! Такой удар по психике кого угодно может свалить!..

Сообщение Иветы потрясло и Коринту и Влаха.

В тусклом сером свете едва занявшегося осеннего утра трое людей молча стояли у калитки и смотрели друг на друга с немим вопросом в глазах: «Что же теперь делать?»

Чуткий Тарзан уловил настроение людей и тоже, наострив уши, тревожно смотрел на них, словно и он задавал им вопрос: «Что же теперь делать?»

Затянувшееся молчание нарушил Влах. Он поскреб свою рыжую бороду и спросил:

— Что же теперь делать? Ведь этак совсем пропадет парень!..

Никто ему не ответил. Только Тарзан переступил передними лапами и несколько раз вильнул хвостом.

Коринта сунул леснику лукошко с грибами и пошел к сторожке. Влах и Ивета последовали за ним.

Взявшись за ручку двери, Коринта обернулся и сказал:

— Я поговорю с ним... А вы, Ивета, готовьте пока завтрак. И вообще, постарайтесь вести себя так, словно ничего не случилось.

— Хорошо, пан доктор. Я постараюсь...

Коринта поднялся на чердак, а Влах и Ивета вошли в единственную комнату сторожки.

Прошло около часа. Завтрак был уже готов, но Ивета не решалась нести его Кожину — боялась помешать беседе врача с пациентом.

Наконец послышались медленные шаги, и в комнату вошел Коринта. По его мрачному лицу и опущенным плечам Ивета и Влах догадались, что разговор с Кожиным был неудачным.

Доктор опустился на скамью и окинул своих друзей грустным взглядом.

— Мне ничего не удалось сделать,— заговорил он со вздохом.— Он слушал меня, но не поверил ни одному моему слову. Если бы он хоть возражал мне, спорил! Так нет, он просто не реагировал на мои доводы. У него явно появилась навязчивая идея о полной безвыходности его положения. Борьба с такой навязчивой идеей трудно. Если бы Кожин не был так молод, я вообще бы считал это бесполезным занятием. Его может выручить только нетронутый запас оптимизма, которым обладает каждый молодой организм. Но с ним нужно заниматься каждый день по несколько часов. Мне самому заниматься...

— Самому... А как же твоя больница? — проворчал Влах.

— Знаю... Я уже там, наверху, думал об этом. Выход один: придется мне взять отпуск и заменить здесь на месяц Ивету.

— А я вернусь в К-ов? — дрогнувшим голосом воскликнула Ивета.

— Да, сестра Ивета, вам придется вернуться в больницу... Девушка опустила голову.

— Я понимаю ваши опасения,— продолжал Коринта,— но согласитесь, что ваше положение в тысячу раз менее рискованное, чем положение Кожина. К тому же у вас есть выход. Я еще не говорил Майеру о вашем отказе принять его помощь. Вы еще можете ею воспользоваться...

— И не подумаю! — воскликнула Ивета с неожиданной яростью и так посмотрела на Коринту, что тот вздрогнул и поднялся со скамьи.

Смутная догадка мелькнула у него в голове. Подойдя к Ивете, доктор взял ее за руку и тихо сказал:

— Мы не можем здесь оставаться оба, Ивета. Поймите, это опасно.

— Я понимаю, пан доктор, и сделаю все, как вы прикажете. Но Майеру скажите, что я передумала. Авось и так все обойдется.

Ивета схватила поднос с завтраком и поспешно убежала на чердак.

Коринта тоже было пора уходить. Попрощавшись с Влахом, он с тяжелым сердцем покинул сторожку.

Положение осложнялось чем дальше, тем больше. Но сдаваться Коринта не думал. Ему стало ясно, что не ради научного открытия он должен в кратчайший срок доказать правильность своей гипотезы о свободном полете, а ради спасения жизни и доброго имени этого отличного русского парня. С этой мыслью он и вернулся в больницу.

В кабинет главврача доктор Майер всегда входил с каким-то благоговейным трепетом, словно это был не кабинет, а священный алтарь. Вызванный Коринтой по срочному делу, Майер присел на краешек дивана и смотрел на своего начальника с угодливой улыбкой.

— У меня для вас две новости, дорогой коллега,— сказал Коринта.

Майер улыбнулся еще шире.

— Надеюсь, они приятные?

— Одна, мне кажется, будет для вас приятной, а другая не очень. Начнем с той, которая приятна. Я передал сестре Сатрановой о вашем согласии оказать ей дружескую услугу. Она была очень тронута вашей добротой, но почему-то решила не воспользоваться ею. Короче говоря, она избавила вас от этого ответственного бремени.

Улыбка мигом исчезла с лица доктора Майера.

— Очень жаль,— промямлил он обескураженно.— Жаль, потому что я уже многим своим друзьям и родственникам сообщил о том, что женюсь на Ивете Сатрановой. Своим отказом эта капризная девушка поставила меня по меньшей мере в смешное положение... Но позвольте спросить, пан доктор, она что, уже вернулась из отпуска? Вы виделись с ней?

— Да... то есть что я говорю... Конечно, нет! Мы обменялись с нею письмами по этому вопросу, вот и все. Но завтра она придет, и вы сможете поговорить с ней лично.... А теперь вторая новость, дорогой коллега. Новость, которая вас наверняка огорчит. Мне нужно срочно выехать в Прагу. Недели на три, а может быть, и на весь месяц. По семейным делам. Они у меня настолько усложнились, что требуют моего немедленного вмешательства. На это время управление больницей перейдет в ваши руки. Вы не возражаете?

На лицо Майера вернулась сияющая улыбка. По-видимому, новости доктора Коринты он воспринимал и расценивал совсем не так, как сам главврач. Не скрывая своей радости, Майер воскликнул:

— У меня нет ни малейших возражений, пан доктор! Я готов выполнять ваши обязанности, сколько бы вам ни понадобилось. Мне будет приятно оказать вам услугу. Когда вы думаете выехать в Прагу?

— Сегодня вечером.

— Так скоро?!

Коринта сокрушенно развел руками:

— Что делать, дорогой коллега. Мы — рабы наших жизненных обстоятельств. Срочное известие, срочный отъезд...

— Понимаю, понимаю... Свой пражский адрес на всякий случай оставите, пан доктор?

— Я еще не знаю, в какой гостинице остановлюсь. Адрес сообщу потом. Впрочем, я уверен, что вы справитесь с работой и что консультироваться со мной вам не понадобится. Тяжелых случаев сейчас в больнице нет, и будем надеяться, что до моего возвращения они не появятся.

— Хорошо, пан доктор. Когда мне передадите дела?

— Немедленно, дорогой коллега, немедленно!..

Передав управление больницей доктору Майеру, Коринта пошел к себе домой укладываться. По дороге он завернул на главную площадь городка в надежде застать там Владика. Он нашел своего маленького приятеля в компании сверстников возле старинного водоема. Взобравшись на гранитные стенки, мальчишки, мокрые по самые плечи, с увлечением пускали в водоеме бумажные кораблики.

— Вы что тут делаете, сорванцы? Заразы хотите набрать-ся? А ну брысь отсюда! — грозно крикнул доктор.

Мальчишки мигом разбежались, остался один Владик. Повязки он уже снял, но царапины на его руках были еще заметны.

— Пойдем ко мне, я тебя осматрю, — категорически заявил Коринта и повел пленника к себе на квартиру.

Владик не сопротивлялся. Он сразу сообразил, что осмотр — лишь предлог, а на самом деле доктор хочет с ним поговорить.

Дома Коринта усадил мальчика в кресло и сказал ему:

— Владик, ты был прав! Русский действительно совершил перелет в сорок километров. Жаль только, что он сам не знает, как это у него получилось. Не знаю этого и я. Но не будем унывать. Я решил раскрыть эту тайну во что бы то ни стало, и, значит, я раскрою ее. Можешь не сомневаться.

— А меня вы научите летать, пан доктор? — спросил мальчуган, на которого признание правильности его догадки не произвело абсолютно никакого впечатления. Он и так был уверен в своей правоте.

Коринта ласково потрепал его по волосам.

— Непременно научу!.. Ведь если бы не ты, я сам не скоро додумался бы до этого. А может быть, и вообще никогда бы не додумался. Но я не для этого позвал тебя... Слушай, Владик! С работой надо спешить. Мне придется временно поселиться у Влаха в сторожке. Об этом, разумеется, никто не должен знать. В больнице я сказал, что уезжаю в Прагу. Это далеко, и поэтому по служебным делам меня никто искать не станет. Но самому мне нельзя терять контакт с городом. Мало ли что может понадобиться по ходу работы. Да и вре-

мя теперь тревожное, нужно быть начеку. А кому можно поручить связь с городом? Влаху неудобно, да и нужен он мне для других дел. А Ивете опасно — могут выследить. Вот и остаешься один ты, Владик. На тебя никто не обратит внимания... Ну как, берешься?

— Берусь, пан доктор! Я могу хоть каждый день!

— Каждый день это слишком. Достаточно раз в неделю. Скажем, по средам. Ну, а кроме того, в особых случаях, если возникнет острая необходимость, я постараюсь тебя как-нибудь уведомить.

— А с русским парашютистом мне можно будет познакомиться?

— Конечно, можно! Я обязательно тебя с ним познакомлю... А теперь беги. У меня еще дел по горло. В среду увидимся!..

Владик покинул квартиру доктора вне себя от восторга. Еще бы, ведь он получил настоящее боевое задание!

До самого вечера Коринта готовился к отъезду: отбирал инструменты, книги, личные вещи. В результате у него получился довольно объемистый, туго набитый чемодан. Для похода в лес рюкзак был бы несравненно более удобен, но рюкзак нельзя — ведь доктор едет по делам в столицу!

За час до отхода поезда к Коринте неожиданно пожаловал доктор Майер в сопровождении здорового мужчины — санитаря.

— Пришел проводить вас, пан доктор. И вот Бабулу нашего привел. Он поможет отнести вещи на станцию.

Отказаться было невозможно.

— Спасибо, коллега! — сказал Коринта, делая вид, что глубоко тронут вниманием. — И вам, пан Бабула, спасибо!.. Только напрасно вы так беспокоились. До станции-то и километра нет, сам бы как-нибудь добрался.

— И не говорите, пан доктор! Главврачу не к лицу такое. Да и про нас люди нехорошо подумают, если мы вам не поможем. Верно, Бабула?

— Да уж точно, пан доктор!

Пришлось согласиться. Коринта отдал чемодан санитарю, и тот ушел вперед. А доктор замкнул квартиру и, сопровождаемый любезным Майером, вышел из дому, словно на прогулку.

Из-за непрошенных провожающих пришлось купить билет до самой Праги.

«Ничего, — подумал при этом Коринта, — лишнее алиби никогда не помешает!»

Он сердечно распрощался с провожающими и занял свое место у окошка. Поезд был местный, двигался медленно и

останавливался чуть ли не у каждой будки путевых обходчиков.

На безлюдном полустанке, километрах в восьми от К-ова, доктор Коринта вышел из поезда, взвалил чемодан на плечо и пустился пешком через знакомый лес по едва заметным тропинкам. Через два с половиной часа он благополучно добрался до сторожки Влага.

27

Первые дни после того, как Коринта сменил Ивету у постели раненого, прошли в упорной психологической борьбе.

Чувство мрачной обреченности, целиком охватившее Кожина, долго не поддавалось атакам оптимистично настроенного доктора. Любые, самые убедительные доводы в пользу спасительной версии о полете разбивались о глухую стену неверия и безысходности.

Но Коринта был достаточно настойчив и красноречив, а Кожин был еще слишком молод и слишком крепко привязан к жизни. Борьба завершилась именно так, как и должна была завершиться: Кожин в конце концов поверил Коринте, а поверив, отдался его делу со всем жаром и пылом юности. Правда, он увлекся не научной идеей, а лишь возможностью снять с себя подозрение и остаться в отряде, но это обстоятельство не отражалось на их совместной работе.

И вот пошли бесконечные беседы и разговоры. Постепенно доктор Коринта узнал о своем пациенте все, что можно узнать о человеке с его собственных слов. Перебрав все мельчайшие обстоятельства короткой жизни Кожина, они добрались наконец до области подсознания.

Однажды, к немалому удивлению Кожина, врач спросил, видит ли он сны. Уже привыкший к полной откровенности со своим спасителем, Кожин с готовностью ответил, что да, и притом каждую ночь.

— Какие же сны вы видите? — допрашивал Коринта.

— Разные...

— Ну, а все-таки... Или лучше поставим вопрос так: какие сны вы любите больше всего?

— Какие?.. — Кожин задумался, и вдруг глаза его загорелись. — А знаете, доктор, ведь это получается просто здорово!

— Что именно?

— А этот ваш вопрос. Мне часто снятся сны о полетах — как я свободно поднимаюсь в воздух, взлетаю к самому небу и не чувствую тяжести собственного тела. Это очень приятные сны! Я бы сказал, что они и есть мои самые любимые.

— Сны о полетах?!

Коринта насторожился, как боевой конь при звуке военной трубы. Он интуитивно почувствовал, что наконец-то нащупал ту путеводную нить, которая приведет его к заветной тайне. Еще не представляя себе, как за эту нить ухватиться и как использовать ее, он уже понимал, что она настоящая.

С изумлением глядя на Кожина, доктор повторил:

— Сны о полетах!.. В самом деле... Странно, что мне это ни разу не пришло в голову!.. И часто вы их видите, пан Кожин?

— Они стали появляться после того случая в детстве, того прыжка, о котором я вам рассказывал. И снятся до сих пор.

— Даже теперь?

— Даже теперь.

— И во сне у вас бывают такие же приятные ощущения легкости и свободы, как в детстве или как во время вашего недавнего ночного полета?

— Да, доктор, да!

— Друг мой, вы просто молодец! Я готов вас расцеловать! Клянусь, теперь мы быстро разберемся в этом деле! — Коринта вскочил и решительно пошел к люку.

— Доктор, куда вы? — взволнованно спросил Кожин.

Коринта обернулся:

— Не сердитесь, дорогой, но я должен вас на некоторое время оставить. Я буду внизу. Мне надо многое обдумать и записать. Если что-нибудь понадобится, крикните, и я приду. А люк я оставлю открытым.

— Спасибо, доктор. Мне ничего не надо...

28

Несколько часов Кожин пролежал на чердаке в полном одиночестве. Но он не сетовал за это на своего врача — понимал, что, быть может, именно в эти часы решается его участь. Впрочем, ему и без того было о чем подумать.

Когда Коринта вернулся наконец на чердак, Кожин по его довольному, улыбающемуся лицу угадал: удача! С нетерпением спросил:

— Ну что, доктор, помогут вам мои сны?

— Помогут. Очень даже помогут.

Присев на постель к Кожину, доктор потрепал его по плечу:

— Молодец, Иван Кожин!.. Знаете, что мы сделаем с вашим сном о полете? Мы взвесим его!

— Что?!

— Не поняли? Взвесим ваш сон о полете. Вернее, взвесим вас во время этого сна.

— Все равно не понимаю. Наверно, это слишком для меня сложно...

— Глупости! Никакой сложности тут нет. Слушайте внимательно. Вы говорите, что ваши ощущения во время сна о полете похожи на те, которые вам довелось пережить в действительности. Возьмем это за основу. Ощущения, как известно, неотделимы от своей материальной основы. Они могут быть вызваны только тем или иным состоянием организма. Допустим, вы видите во сне пиршественный стол, полный ваших любимых блюд. Вы начинаете их есть и в этот момент просыпаетесь. И что же? Ваш желудок уже выделил соки и просит пищи, ваш рот полон слюны. Как видите, организму все равно, реальна данная ситуация или фиктивна. Мираж, галлюцинация и особенно сновидение воспринимаются человеческим мозгом как реальная действительность, и, стало быть, реагирует на них мозг тоже как на реальную действительность. Тут, мне кажется, открывается широкое поле для самых различных исследований и экспериментов. Но нас интересует лишь одно: какие изменения происходят в вашем организме, когда вам снится сон о полете, и тождественны ли эти изменения с теми, которые возникли во время вашего реального полета. Надеюсь, вы поняли меня?

— Да чего тут не понять? Конечно, понял. Только сомневаюсь я, доктор...

— В чем вы сомневаетесь?

— Как вам сказать... Ощущения мои во сне, конечно, похожи на реальные. Но ведь это просто так, приятное впечатление, и все. Тут может и не быть этих самых изменений в организме.

— Э-э, пан Кожин, да вы можете вести самый настоящий научный диспут! С вами надо ухо держать востро!.. Только тут вы все-таки напрасно сомневаетесь. Давайте рассуждать. Если ваш полет без парашюта и ваши полеты во сне вызывали в организме схожие ощущения и одинаково действовали на психику, то мы имеем право считать их явлениями одного и того же порядка. Во время падения, когда вы находились на волоске от смерти, в вашем организме произошла какая-то гигантская революция, какой-то грандиозный переворот. Где-то в нем молниеносно произошли резкие перемены, совершился какой-то бурный процесс, в результате которого ваша скрытая прежде способность развернулась во всю мощь, придала вашему организму новое великолепное качество. Вы свернули с отвесной линии падения и помчались по гипербо-

лической кривой, постепенно теряя высоту и скорость. Что это был за процесс, мы пока не знаем, но кое-что о нем можно уже и теперь сказать с большой достоверностью. Этот процесс безусловно как-то снимает действие гравитации, то есть избавляет вас от необходимости подчиняться великому закону всемирного тяготения. Против этого трудно что-либо возразить. Ведь иначе вас не было бы в живых. Теперь дальше. Раздражитель одного и того же порядка должен вызывать в организме сходную реакцию — реальная пища и пища, увиденная во сне, вызывают одинаково выделение слюны и желудочных соков; бандит наяву и бандит во сне вызывают одинаковое чувство страха, сердцебиение, испарину; свободный полет в действительности и свободный полет во сне должны вызывать в организме один и тот же процесс. Поскольку мы уже знаем, что в основе этого процесса должно быть непременно сопротивление гравитации, мы имеем право предполагать, что сон о полете вызывает в вашем организме такие изменения, которые можно зафиксировать с помощью весов. Конечно, сопротивление гравитации во сне происходит, по всей вероятности, в приглушенном виде, иначе вы поднимались бы во время сна под самый потолок или, чего доброго, вас выносило бы сквозняком в открытое окно. Но пусть в приглушенном виде! Важно, что этот таинственный процесс происходит и что он доступен наблюдению, изучению и измерению... Ну как, уважаемый оппонент, удалось мне рассеять ваши сомнения?

— Не совсем... Вы хотите сказать, доктор, что во время сна о полете я должен потерять часть своего естественного веса?

— Да, да, именно так! Вы выразились совершенно точно!

— Не верится... А впрочем... Ну, а как вы собираетесь проверить это?

— Очень просто. Для этого достаточно взять обыкновенные десятичные весы с широкой платформой и сбить из досок настил, на котором можно будет поместить вашу постель. Вы будете спать и смотреть сны, а я буду следить за рычагом. Как только замечу, что рычаг опустился, тотчас же разбуджу вас, и вы мне скажете, видели сон о полете или нет. Поскольку вы говорите, что сны о полетах вас посещают чуть ли не каждую ночь, у нас будет неограниченное количество экспериментального материала. Ну как?

— Здорово, доктор! И когда же вы думаете начать?

— Немедленно, немедленно! С завтрашнего дня вы должны спать на весах!..

В тот же день Коринта отправил Влада в районный город, строго-настрого приказав ему без весов в сторожку не воз-

вращаться. Лесник пропадал двое суток, вернулся под хмельком, но весы привез отличные.

— Пришлось два дня спаивать одного гада... Ну, и сам, конечно, тоже... — сказал он Коринте в объяснение своего непривычного состояния и пошел отсыпаться.

С этого дня Кожин стал спать на кровати-весах.

29

Ивета горько раскаивалась в том, что дала согласие на фиктивный брак с доктором Майером и сама поторопила Коринту заняться решением этого дела. Потом она, правда, отказалась от этого шага, причем отказалась не из-за пустого каприза, а по причине серьезной и веской, но все равно было уже поздно. Коринта к тому времени успел поговорить с Майером, а тот с таким восторгом ухватился за возможность соединиться с Иветой хотя бы формальными супружескими узами, что повсюду растрезвонил о предстоящей свадьбе и даже предпринял в этом направлении несколько практических шагов. Последовавший затем отказ Иветы не столько огорчил Майера, сколько озлобил.

Когда Ивета вернулась в больницу, Майер тотчас же вызвал ее в кабинет главврача, который он теперь занимал. Ивета явилась. Сначала доктор Майер расспрашивал ее, как она провела отпуск и довольна ли, что снова приступила к работе, а потом спросил напрямик:

— Кстати, сестра Сатранова, почему вы отказались от своего предложения, переданного мне доктором Коринтой? У вас что, появился другой, более подходящий кандидат?

Ивета смутилась. Она не ожидала, что Майер станет говорить с ней на эту тему. Думала: ну отказалась, и все, Майер будет доволен, потому что вряд ли кому-нибудь охота связывать себя фиктивным браком. Не подготовленная к такому вопросу, она вначале ответила уклончиво:

— Нет, пан доктор, я просто решила не обременять вас таким хлопотным делом...

Но Майер не удовлетворился таким ответом. Лицо его налилось кровью и стало похоже на зрелый помидор. Едва сдерживая себя, чтобы не повысить голос, он медленно произнес:

— А может быть, вы изменили свои намерения в отношении обер-лейтенанта Крафта? Может быть, вы больше не нуждаетесь, чтобы вас кто-то ограждал от его ухаживаний?

Такое подозрение больно задело Ивету.

— Ах, что вы говорите! Как вы можете подумать такое?! Я ненавижу этого немца и боюсь его!..

— В чем же тогда дело? Почему вы отказались от единственной возможности от него избавиться?

Ивета молчала, не зная, что ответить. Майер же распался чем дальше, тем больше:

— Мне, конечно, нет никакого дела до ваших личных переживаний. Но войдите в мое положение! Вы сами попросили меня оказать вам дружескую услугу. Я дал согласие. Чтобы ни у кого не возникло подозрения, что брак фиктивный, я позаботился оповестить своих родственников и друзей о предстоящей свадьбе. Я рассказал о вас своей матери, и она с радостным нетерпением ждет теперь, что я познакомлю ее с моей невестой. Наконец, у меня были на этот предмет даже кое-какие расходы! И все это я делал не для себя, а для вас, сестра Сатранова. Понимаете ли вы, что я окажусь теперь в крайне смешном положении! Разве я заслужил это? Думаю, что нет. Если это с вашей стороны не каприз, если у вас есть уважительная причина, то будьте добры, скажите мне о ней. Это теперь единственное, что вы можете для меня сделать!

Упреки Майера показались Ивете справедливыми. Она была еще слишком молода и не искушена в житейских делах. Пылающий гневом, оскорбленный Майер вызывал у нее жалость. Только поэтому она и решилась открыть ему настоящую причину своего отказа.

— Не сердитесь на меня, пан доктор,— сказала она со слезами в голосе.— Я не думала, что все это доставит вам столько неприятностей. Но поверьте мне, я отказалась не из-за каприза. Я... я полюбила одного человека, и поэтому я не могу теперь вступать в фиктивный брак...

Лицо Майера мгновенно изменило окраску. Кровь отлила от него, и оно стало землисто-серым. Он хрипло спросил:

— Значит, вместо фиктивного вы вступаете в настоящий брак?

— Нет, пан доктор. О браке пока не может быть и речи. Этот человек... этот человек не может пока жениться...

Майера вдруг словно озарило. У него даже челюсть отвисла, настолько сделанное им открытие было простым и вместе с тем неожиданным. Умолчать о своей догадке он был не в силах.

— Так вон оно что! — воскликнул он со злорадным торжеством.— Теперь мне все понятно, сестра Сатранова! Ваш возлюбленный не может на вас жениться, потому что он уже женат! То-то наш тихоня главврач столь поспешно укатил в Прагу по семейным делам! Он поехал оформлять развод!.. И вам не стыдно, сестра Сатранова? Ведь доктор Коринта почти на тридцать лет старше вас!

Такого удара Ивета не ожидала. Настала ее очередь залиться краской стыда и возмущения.

— Это неправда! — крикнула она. — Вы не смеете так думать! Доктор Коринта благородный человек! А вы... вы... — Она не договорила и опрометью бросилась прочь из кабинета.

Однако на этом ее неприятности не кончились.

Когда после работы Ивета собралась домой, доктор Майер навязался ей в провожатые. Свою навязчивость он объяснил так:

— Меня не интересует, кто ваш избранник, доктор Коринта или кто-нибудь другой. Но в настоящее время вы для всего города моя невеста. Пока я не придумаю подходящего предложения отменить объявленную свадьбу, я буду ежедневно провожать вас до дому. Надеюсь, это не будет для вас слишком неприятным.

Ивета хотела было воспротивиться, но вспомнила, что у ворот больницы ее, быть может, подстерегает обер-лейтенант Крафт, и молча согласилась.

А Крафт действительно ждал ее. На толстяка Майера, который вел Ивету под руку, он просто не обратил внимания. Загородив им дорогу, обер-лейтенант стукнул каблуками, взял под козырек и с приятнейшей улыбкой воскликнул:

— Добрый день, фрейлейн Ивета! Я не видел вас сто лет! Разрешите мне проводить вас до дому?

Прежде чем Ивета успела что-либо ответить, Майер еще крепче сжал ее руку и с важностью произнес:

— Извините, обер-лейтенант, но барышня Сатранова моя невеста, и я прошу вас оставить ее в покое!

После этих слов он поспешно прошмыгнул мимо удивленного офицера, увлекая за собой Ивету.

За спиной у них раздался короткий смешок, а вслед за тем небрежно брошенная фраза:

— Я был лучшего мнения о вашем вкусе, фрейлейн Ивета! Впрочем, ничего, я подожду!..

После этого случая обер-лейтенант Крафт перестал преследовать Ивету, но жизнь бедной девушки от этого лучше не стала. Доктор Майер никак не мог придумать подходящий предлог для отмены свадьбы и упорно провожал Ивету и на работу, и с работы. Он мало при этом говорил, ничем не досаждал ей, но все равно его присутствие все больше и больше раздражало ее.

«Проклятый надзиратель!» — думала она о Майере.

Ведь если бы не этот оскорбленный жених, Ивета давно бы нашла время сбегать украдкой в сторожку Влаха, чтобы поведать Коринту... ну, и, конечно, Ивана... Как они там? Что с ними?..

Зато Владик бегал каждую среду в лесную сторожку беспрепятственно. Встречи с Кожиным были для него настоящим праздником. Занятия в школе начинались по средам после обеда, так что он приходил в сторожку с самого утра, когда доктор Коринта еще спал после ночного дежурства.

Мальчику объяснили значение кровати-весов, и теперь он тоже с большим нетерпением ожидал результатов необыкновенного эксперимента. Однако прошла неделя, вторая, а Кожину все не снились и не снились полеты. Что-то нарушилось в механизме этих удивительных снов.

Кожин стал нервничать, страдать бессонницей. Иной раз он до глубокой ночи смотрел из-под полуприкрытых век на Коринту, который, закутавшись в тулуп Влаха, сидел неподдалеку и при тусклом свете замаскированного фонаря читал книгу по медицине. Кожин ни на минуту не забывал о своем задании и, засыпая, всякий раз настойчиво приказывал себе: «Лети! Лети!» Но ему почему-то не леталось. По-видимому, механизм сновидений у него не только не подчинялся руководству со стороны рассудка и сознательной воли, но даже действовал им вопреки.

Когда Владик в третий раз явился в сторожку, он застал Кожина в особенно мрачном настроении. Сердце мальчика сжалось.

— Не вышло, да? — спросил он, чуть не плача.

Кожин зашикал на него и показал на похрапывающего в углу доктора.

— Был сон? — шепотом повторил Владик.

— Нет, дружок, сна не было, — зашептал в ответ Кожин. — Не приходит и не приходит, как назло! А время мое кончается. Сегодня доктор сказал, что можно снять гипс. Кончается мое чердачное заключение, да радости мне в этом мало. Придется домой лететь, отчитываться в своем запутанном деле. А дальше видно будет...

— А как же мы?

— Кто это — мы?

— Ну, я и пан доктор... Мы же хотим узнать, как вы летали, мы хотим научиться... А как же мы без вас?

— Эх, дружок ты мой, разве сейчас до этого?.. — Кожин задумчиво посмотрел на свои похудевшие руки, медленно сжал и разжал кулаки. — Вот расколотим фашистов, тогда и посмотрим, что к чему. А пока что... пока что... Ладно! Рассказывай лучше, что нового в городе, как сестренка поживает. Привет мне она велела передать или нет?

— Велела...

Владик совсем приуныл и неохотно отвечал на вопросы Кожина. Сказал, что нового в городе ничего нет, Ивета ходит на работу, мать тоже, о партизанах ничего не слыхать.

— А немцы?

— Что немцы? Ходят по городу, ездят куда-то в машинах... Ну их, надоели!..

Не дождавшись пробуждения Коринты, Владик убежал домой. Он не мог примириться с мыслью, что летать его в ближайшее время никто не научит, и уносил в сердце горькую обиду на Кожина.

Но Кожин еще не потерял надежды на успех. Его лишь тревожило близкое выздоровление. Ведь оно не сулило возвращения в отряд, к товарищам... Надо спешить! Раз сон о полете не приходит, нужно придумать что-нибудь другое. Но что?.. Собрать всю свою волю и попытаться взлететь наяву?.. Вряд ли из этого что-нибудь получится. Вот если бы снова выброситься из самолета... Эх, куда ни шло! Он согласился бы даже без парашюта!..

В этот день, сразу после обеда, Коринта снял с ноги Кожина гипсовую повязку. Оба они были чрезвычайно взволнованы. Кожин только и смог сказать:

— Спасибо, доктор...

А Коринта отшвырнул разрезанную гипсовую ногу в угол и молча ушел вниз.

До самого вечера Кожин просидел на своей кровати-весах, не отрывая глаз от слухового окна. Он видел кусок серого неба, верхушки темных сосен. Ему казалось, стоит подойти к окну и броситься в него, как он непременно поплывет в это серое небо, над верхушками сосен, над тучами, высоко-высоко... В груди его теснилась какая-то щемящая радость вперемежку с тоской.

Вечером он едва прикоснулся к ужину и с трудом забылся беспокойным сном.

31

И вот случилось то, чего так долго ждали и доктор Коринта, и его необыкновенный пациент.

Кожину приснился сон о полете!

Снилось ему, будто идет он по знакомой улице родного Прокопьевска и видит стайку мальчишек, которые стоят, задрав голову, и смотрят куда-то вверх, на деревья, растущие за оградой. Подошел к ним Кожин и спрашивает:

«В чем дело, пацаны?»

Мальчишки, словно только того и ждали, сейчас же к нему:

«Дяденька, у нас змей запутался! Отцепи его! Ты ведь можешь!»

Смотрит Кожин — действительно, за верхушку высокого, тридцатиметрового дерева зацепился бумажный змей.

«А вы откуда знаете, что я могу снять его?» — спрашивает он у мальчишек.

«Да уж знаем! Мы видели, как ты летаешь!» — хором отвечают мальчишки.

«Ну ладно, коли видели».

Кожин начинает легонько хлопать себя ладонями по груди (во сне он всегда летает таким способом) и тут же поднимается на воздух. Отцепив змея с верхушки дерева, он плавно приземляется.

«Дяденька, полетай еще!» — кричат восхищенные мальчишки.

Кожин с удовольствием выполняет их просьбу.

Он носится над улицей то выше домов, то у самой земли, весь охваченный знакомым чувством легкости, свободы и счастья. Ему хорошо в воздухе, хочется петь и кричать от радости. Разве медленное хождение по земле можно сравнить с этим свободным парением в воздушной стихии? Эх, раздолье!..

Мальчишки хлопают в ладоши, а взрослые, снующие по тротуарам, не только не обращают на Кожина внимания, но даже с презрением отворачиваются от него, как будто он занимается чем-то непристойным и глупым. Кожина это злит. Он принимается откалывать в воздухе самые невероятные курбеты и вдруг, увлекшись, стремительно взмывает к самому небу.

Небо почему-то усеяно звездами, а внизу — черная темень. Кожин сразу забывает и про мальчишек, и про равнодушных прохожих. В лицо ему бьет прохладный ветер, дышится привольно, кругом ничем не ограниченный простор — пари, кувыркайся сколько влезет! Кожина охватывает неудержимый порыв восторга. Он неустанно хлопает себя по груди и старается взлететь как можно выше. Желание столь сильно, что противиться ему невозможно. Выше! Еще выше! Ух ты, что за наслаждение!..

Но тут кто-то начинает толкать Кожина обратно к земле. Он сопротивляется, но это бесполезно. Не успел он понять, в чем дело, как сон исчез. С досадой в сердце Кожин открыл глаза.

На чердаке было темным-темно. Из слухового окна несло холодной сыростью. Кто-то толкал и теребил Кожина.

Это, конечно, был Коринта. Фонарь он потушил, потому что боялся, как бы свет, ударивший Кожину в глаза, не смыл в его памяти легкие следы только что увиденного сна.

— Вставайте, пан Кожин! Проснитесь скорее! Да проснитесь же вы, черт бы вас побрал!

— Что такое?.. Что случилось?.. — бормотал спросонья Кожин.

— Вы летали?

— Отстаньте, доктор... Конечно, летал... Не мешайте мне...

— Ура! Наша взяла!.. — закричал Коринта, да так громко, что всполошил во дворе Тарзана и заставил его долго лаять в ночную тьму.

32

Фонарь был зажжен. При его скупом свете Кожин быстро пришел в себя и тотчас же сообразил, что, собственно, произошло. Ведь он летал во сне! Наконец-то!

— Как вес, доктор?

Кожин быстро сел на постели. Он весь дрожал, то ли от ночного холода, то ли от возбуждения.

— А вот полюбуйтесь! Это больше, чем я ожидал!

Коринта поднес фонарь к чашке весов. Кожин глянул на нее и не поверил своим глазам. С чашки были сняты три килограммовые гири. На десятичных весах это значило, что вес уменьшился во сне на целых тридцать килограммов. Невероятно!

— Доктор, вы не напутали что-нибудь?

— Что вы, какое там напутал! Я и не представляю себе, насколько вы стали бы легче, если бы я не помешал вам. Возможно, сбросили бы и еще десяток килограммов. Но у меня не хватило терпения ждать. Хотелось поскорее узнать, летали вы при этом или нет! Понимал, конечно, что ни при каких иных обстоятельствах такая колоссальная потеря веса невозможна, и все же хотелось проверить... Ну что, здорово полетали?

— Здорово, доктор! Хотите расскажу?

— Обязательно.

Кожин подробно рассказал свой сон. Коринта выслушал его и сказал с необыкновенным волнением:

— Это победа, Кожин! Это огромная победа! Даже если нам не удастся довести дело до конца, то самое главное у нас уже есть. Мы можем когда угодно и кого угодно убедить в том, что человек может летать. Наш эксперимент доказывает это абсолютно неотразимо, а повторить его мы можем в любое время. Да, да, человек способен сопротивляться гравитации, эта способность заложена в его организме самой природой. Пусть мы не представляем себе пока, каким обра-

зом это происходит и где укрыта в человеке та чудесная лаборатория, которая создает состояние невесомости, но мы знаем, что она есть. Мы видели, как она работает. Мы получили уверенность, что наша цель не мираж, не призрак, а реальнейшая из реальностей. А в научных поисках это самое главное!

Кожин сидел на своей экспериментальной кровати, закутавшись в пуховую перину. На его бледном, худом лице блуждала счастливая улыбка. Но глаза были серьезны и внимательны.

Доктор Коринта, запахнув полы огромного тулупа, расхаживал перед ним по тесному пространству между люком и слуховым окном весь какой-то взъерошенный, взбудораженный. Его давно не стриженные усы топорщились и закрывали почти весь рот. Тень от его мечущейся фигуры плясала при свете тусклого фонаря по кривой черепичной крыше. Где-то рядом по-осеннему уныло шелестели деревья.

Сам еще не зная почему, Кожин вдруг почувствовал необычайную уверенность в себе. Сердце его стучало быстро и радостно. Все тревоги куда-то исчезли, будто их и не было.

Слуховое окно зияло черным провалом в неведомое. Кожин представил себе, как он уходит в это неведомое, освободившись от цепей земного притяжения, уходит свободный, особенный, одинокий...

У него сладко закружилась голова.

— Доктор!

— Что, мой друг?

— А почему люди до сих пор не знали об этой своей способности? Ведь если она есть, они давно должны были понять это!

Коринта присел на постель и еще крепче запахнул полы тулупа.

— Люди, дорогой мой, всегда знали об этом. Вернее, не столько знали, сколько смутно ощущали в себе эту удивительную способность. Но она долгое время оставалась укрытой в самых глубоких тайниках подсознания и всплывала лишь в сновидениях. В состоянии сна раскованный, расторможенный организм старается самостоятельно удовлетворить свою потребность в этой необычайной функции. В этом отношении сон и сновидения содержат еще огромное множество замечательных тайн, которые науке предстоит раскрыть.

— И никто ни разу не догадался проверить сон на деле?

— Скорей всего, никто. Во всяком случае, науке об этом ничего не известно. Сновидения о полете всегда сопровождали человека. Он любил их и даже научился вызывать искусственно при помощи различных наркотиков. Отсюда и воз-

никли полеты ведьм на Лысую гору и иные тематически направленные сновидения о полетах. Довольствуясь сновидениями, человек не доискивался до их истинного значения. Тем не менее они будили мечту, вызывали желания, мобилизовали волю. Весьма возможно, что в далеком прошлом человек не раз пытался осуществить эту мечту. Возможно даже, что порой ему это удавалось. Но такие удачи неизбежно окружались суеверием, а в результате лишь порождали легенды, многие из которых сохранились в памяти человечества. В мифах, сказках, преданиях мы часто находим эпизоды о чудесном полете человека по воздуху. Если бы эти эпизоды удалось собрать воедино, рассортировать и внимательно изучить, мы получили бы интереснейшую картину развития этой поразительной темы и, быть может, нашли бы в ней драгоценную крупицу истины. Упорство, с которым эта тема преследует человека, дает вам право считать, что она не просто порождение одной лишь фантазии...

— Значит, все-таки пытались?

— Возможно... Однако те попытки не в счет. Они были слишком далеки от науки, от понимания истинных причин явления. Мы часто теперь убеждаемся, что древние знали гораздо больше нас о возможностях человеческого организма. Но их знания были всего лишь результатом тысячелетних наблюдений. В причинах они разбираться не умели, а потому и приписывали их божествам или демонам. Они пользовались гипнозом, телепатией, астрологией, ясновидением, левитацией. Но пришла наука и перечеркнула все, что было для нее недоступно. Эмпирический опыт и умение жрецов и магов были забыты. Но сами способности из-за этого не исчезли, они ушли обратно в подсознание. В эпоху бурного развития науки и техники организм человека был признан слабой, хрупкой структурой, беспомощной и ограниченной в своих возможностях. Человек устремился к машинам и окончательно забыл о самом себе, забыл о своем титаническом могуществе. Зачем телепатия, если есть телефон и радио? Зачем гипноз, если есть реклама, пропаганда, агитация? Зачем левитация, если есть самолеты, аэростаты, парашюты? Всесильный титан внушил себе, что он слабое, незащищенное создание. Но в отдельных случаях скрытая сила прорывалась наружу. Человек удивлялся этому, но не спешил делать выводы. Кто-то силой воли побеждал смертельную болезнь, кто-то мгновенно совершал сложнейшие математические вычисления, кто-то доживал до ста пятидесяти лет, кто-то взглядом заставлял людей плакать, смеяться, галлюцинировать наяву. Ну и что? Удивлялись, пожимали плечами. Но доколе можно? Пора человеку присмотреться к этим явлениям, разобраться в их механизме и поль-

зоваться ими сознательно. Мы с вами столкнулись с удивительным явлением свободного полета. Но мы должны не только удивляться,— мы должны понять, что это такое, должны научиться управлять этим.

— Вы считаете, доктор, что мой случай не останется исключительным? Я смогу повторить это?

— Да, пан Кожин. Вы будете летать так же естественно, как ходите, плаваете, говорите...

— А другие люди?

— В принципе это доступно всем. Ведь сны о полете в той или иной мере видят все. Но природа ничего не делит поровну. Люди по-разному одарены теми или иными способностями. Поют многие, но не все становятся Шаляпиным или Карузо. Для проявления того или иного таланта необходимы совершенно определенные душевные качества. Мне кажется, что человек, щедро одаренный способностью свободно парить в воздухе, должен обладать смелостью, ясным и гибким умом, несокрушимой волей, ярким воображением, абсолютным умением владеть собой и своим телом, ну, и не в последнюю очередь — кристальной нравственной чистотой. Летающий человек — это человек в полном смысле этого слова, без малейших скидок на присущие человеку слабости!

— Вы преувеличиваете, доктор. В таком случае, я никогда бы не полетел!

— Бросьте скромничать, пан Кожин! Вы уже совершили полет, и это достаточно ясно свидетельствует о ваших личных качествах...

33

После удачного эксперимента по «взвешиванию сна» для Коринты началась главная работа.

Все обязанности по обслуживанию Кожина пришлось взвалить на Влаха. Лесник безропотно выполнял эти нелегкие обязанности: готовил, стирал, ездил в отдаленные деревни за покупками. Но, по-видимому, он не считал все это слишком тяжелым и поэтому вызвался еще дежурить вместо Коринты по ночам у кровати-весов.

Опыт по «взвешиванию сна» пришлось повторить несколько раз, чтобы получить абсолютно точные данные. Это сильно приблизило Коринту к разгадке причин необыкновенного явления.

Свой метод работы Коринта называл «военно-полевым». Ведь у него не было ни самой простенькой лаборатории, ни измерительных приборов, ни подопытных животных. Он ли-

шен был даже такой элементарной возможности, как химический анализ крови. Поэтому приходилось довольствоваться лишь теми данными, которые удавалось выжать из кровати-весов. Все остальное заменили уже имевшиеся знания и опыт плюс интуиция и логика, ну, и плюс еще математические вычисления. Коринта ежедневно исписывал вороха бумаги, по долгу мерил шагами тесную комнатенку сторожки, совсем забывал о необходимости есть и спать.

Влах смотрел на его бледное, осунувшееся лицо с большими обвисшими усами и сокрушенно качал головой:

— Надо же так изводить себя!..

Впрочем, лесник понимал, что надо, и поэтому добровольно превратился в няньку и для врача, и для его пациента. Без его постоянных забот они вряд ли сумели бы добиться в своей работе толку.

Здоровье Кожина быстро шло на поправку. Он уже пробовал ходить по чердаку и каждое утро занимался зарядкой.

Коринта относился к этому с двойственным чувством. С одной стороны, он радовался быстрому выздоровлению Кожина, так как хотел проделать над ним еще один важный опыт, для которого Кожин должен был быть абсолютно здоровым. Но, с другой стороны, он страшно боялся, что советский майор, узнав, что Кожин выздоровел, немедленно его потребует к себе.

Скрыть от начальства истинное положение вещей было трудно, так как Влах по поручению майора каждую неделю отправлял со связным коротенькую сводку о ходе лечения. Коринта пытался воздействовать на Влаха, но тот не поддавался.

— Ну зачем ты пишешь «уже может ходить»? Разве он ходит? Он едва ковыляет, держась за стропила,— возмущенно говорил Коринта, наблюдая, как Влах составляет очередную сводку.

— Да ведь ежели ковыляет, то это и значит «уже может ходить»! Не могу же я написать, что он все еще пластом лжжит! — оправдывался Влах и от растерянности ляпал на записку чернильные кляксы.

— А ты напиши «пытается ходить». Так и правдивее и лучше!

— Пожалуй, верно...

Немало беспокоило Коринту и то обстоятельство, что «отпуск» его тоже близился к концу. Больше одного месяца ему никак нельзя было отсутствовать. Что, если Майер в чем-нибудь запутается и примется разыскивать Коринту в Праге?.. А еще хуже, если обер-лейтенанту Крафту взбредет в голову навестить главврача в больнице. На днях обер-лейтенант про-

ходил с тремя солдатами мимо сторожки (видно, все еще надеется найти в лесу таинственный бесшумный снаряд!) и увидел во дворе Коринту. Доктор не заметил, как подошли немцы, и не успел поэтому спрятаться. Правда, Крафт лишь приветливо козырнул ему и прошел мимо. Но ведь он может зайти в больницу и узнать, что Коринте полагается быть в Праге, а не в лесной сторожке!..

Коринта поделился своими опасениями с Кожиным.

— Скверное дело,— сказал сержант.— Надо быть начеку. А еще лучше поскорее уходить отсюда. Засиделись! Боюсь, как бы мы не подвели Влаху за его доброту. Я уже немного хожу. А по поводу моего приземления в вашем лесу придется положиться на эксперимент с кроватью-весами. Больше мы все равно ничего уже не успеем сделать. Поверит майор этому факту — хорошо, не поверит — пусть отправляет на Большую землю. Там обязательно проверят наш эксперимент и во всем разберутся...

— Не беспокойтесь, пан Кожин, мы успеем проделать еще один эксперимент — с прыжком. Вы должны хоть частично восстановить свои летные способности. Это будет более веским доказательством вашей невинности, чем эксперимент по «взвешиванию сна».

— Вы думаете, мне снова удастся полететь?.. Хотелось бы, доктор, но боюсь, что это уже... фантастика.

Эти слова полоснули Коринту по сердцу, словно острый нож. Всегда сдержанный и мягкий, он вдруг яростно закричал на Кожина:

— Что фантастика? Какая фантастика?! Может быть, ваше приземление с нераскрывшимся парашютом не факт? Может, ваш полет за сорок километров не факт? Может, и весы наши наврали?! Боже мой, какая косность! И это говорит человек, которого природа сверх всякой меры одарила такой изумительной способностью!.. Стыдитесь, пан сержант! Вы можете летать. Понятно вам это или нет? И вы будете летать. Вам не придется с позором покидать поле боя и где-то в тылу доказывать свою невинность. Вы вернетесь в свой отряд и будете с воздуха бить фашистов! Один прыжок с крыши — и вы сами убедитесь в этом. Но помните, в этом деле психика решает все. Малейшая неуверенность в себе, малейшее сомнение, — и вы снова будете прикованы к земле.

Но на Кожина эта вспышка гнева не подействовала. Он нахмурился и, глядя в сторону, сказал:

— Не сердитесь, доктор. Я ведь почему так говорю? У нас считанные дни остались. Обидно будет, если провалимся. Вот ведь в чем тут дело. А про психику вы зря. Скажу вам честно: я даже слишком уверен, что могу летать...

— Слишком? Что это значит?

— А вот что. У меня тут назрел один щекотливый вопрос. Я не заговаривал об этом, потому что не хотел вам мешать. Но теперь об этом нужно поговорить. Мы с вами зашли слишком далеко. А ведь может получиться, что мы зрящее дело затеяли.

— Что за вопрос? Говорите!

Кожин в упор глянул доктору в глаза и медленно произнес:

— Я видел во сне, как люди с презрением отворачиваются от меня за то, что я умею летать. Я казался им чудовищем! Боюсь, что и в действительности я буду вызывать у людей только отвращение...

Коринта рассмеялся.

— Ох и напугали же вы меня, пан Кожин! Я ожидал черт знает каких ужасов. А эти ваши сомнения — чистойшей чепуха! Поверьте мне и выбросьте все это из головы. Я уже говорил вам, что свободный полет — это новый шаг к совершенству, это дальнейшее развитие естественных свойств организма.

— Естественных? Но чем вы можете доказать, что они естественные, а не... уродливые?

— Доказать, что в этом нет ни малейшей патологии, я, конечно, еще не могу. У меня есть только факты предварительных наблюдений и некая рабочая гипотеза. Впрочем, я уверен, что в своей основе эта рабочая гипотеза правильна... Сядьте, пан Кожин, я изложу вам все свои догадки и предположения...

34

Два часа подряд доктор Коринта излагал свою рабочую гипотезу о сущности процессов, позволяющих человеку преодолевать силу земного притяжения, а Кожин слушал его с напряженным вниманием и интересом.

Многое из того, что говорил Коринта, шло вразрез с установившимися научными представлениями, многое звучало почти абсурдно. Перед ученой аудиторией доктор не рискнул бы выступить с такими сомнительными утверждениями. Но его единственный слушатель был настолько не искушен в науке, что перед ним можно было дать полную свободу не только научной мысли, но и воображению. Впрочем, цель этого доклада была не в том, чтобы передать Кожину новые научные истины, а в том, чтобы уничтожить в душе Кожина остатки сомнений и колебаний.

Биологические антигравитационные процессы доктор Коринта приписывал особым ферментам, которые условно назвал *антигравитами*. От этого он и оттолкнулся.

Ферменты еще недостаточно изучены. Наука допускает существование многих до сих пор не обнаруженных ферментов с самыми удивительными свойствами. Ферменты даже в ничтожных количествах способны ускорять в организме сложные химические процессы и несут по группам свою специфическую нагрузку.

Назначение ферментов антигравов состоит в том, чтобы нейтрализовать, а возможно, и превращать в отталкивающую силу земное притяжение. Возникая, они немедленно попадают в лимфу, а лимфа разносит их по всем клеткам и межклеточным щелям организма. Здесь они вызывают молниеносные химические процессы, в результате которых возникает антигравитационное поле той или иной мощности. Это похоже на возникновение биотоков, с той лишь разницей, что интенсивность этого процесса способна достигать гораздо более высокого уровня напряженности. Под действием антигравитационного поля организм начинает сопротивляться гравитации или же, проще говоря, теряет вес.

Прodelав нужную работу, антигравы в силу своей неустойчивости исчезают, и вместе с тем прекращаются те химические процессы, которые вызывают антигравитационное поле. Именно поэтому антигравы ускользали до сих пор от внимания ученых. А ведь они появляются и исчезают в человеческом, а скорее всего, в любом живом организме высшей формы непрерывно, особенно же тогда, когда организм совершает сложную физическую работу.

Но кому могло прийти в голову взвесить, скажем, акробата в момент его головокружительных упражнений на трапеции, лыжника — во время прыжка с трамплина, скалолаза, поднимающегося на отвесный утес, или даже обыкновенную белку в момент ее прыжка с дерева на дерево? Да и технически трудно проделать такие контрольные взвешивания. Поэтому действия антигравов приписывались обычно силе, ловкости, натренированности.

Что же касается снов о полете, то их объясняли такими причинами, что мысль о кровати-весах показалась бы просто нелепой.

Сталкиваясь же с абсолютно неопровержимыми проявлениями работы антигравов, человек, не задумываясь, сваливал все на счастливый случай. Упал парашютист с нераскрывшимся парашютом и остался при этом жив, говорят: «Повезло!» Сорвался кровельщик с крыши пятиэтажного дома и отделался одним испугом — опять: «Повезло!» Примеров такого

рода великое множество, но они всегда и неизменно объясняются удобным и ни к чему, в общем-то, не обязывающим «счастливым случаем». Это вошло в привычку и тоже немало способствовало тому, что в среде ученых не возникало даже подозрения о существовании ферментов антигравов.

Но вот антигравы обнаружены, их нельзя больше игнорировать. Что же теперь делать?

Нужно научиться по желанию вызывать в организме появление этих ферментов в нужном количестве, управлять их потоком, держать антигравитационное поле в активном состоянии столько, сколько это человеку понадобится. Таков путь к свободному полету, путь к новому физическому совершенству человека.

В заключение доктор Коринта сказал:

— Обычным людям, даже с выдающейся способностью выделять ферменты-антигравы, нелегко научиться летать. И дело тут не в физической тренировке. Главное препятствие для человека на пути к свободному полету — психологический барьер. Трудно неподготовленному человеку поверить, что он полетит, что воздух его удержит. А без этой уверенности полет невозможен. Вы же, друг мой, перешагнули через этот рубеж. Пусть это вышло случайно, в момент смертельной опасности, но это произошло, и никто этого у вас больше не отнимет. Природа с исключительной щедростью наделила вас чудесным даром создавать в своем теле мощные, устойчивые потоки антигравов. Но не будь вашего трагического падения с нераскрывшимся парашютом, и не будь в вашем детстве счастливого прыжка через ров, вы так никогда и не узнали бы о своей способности летать. Такое удачное стечение обстоятельств искусственно не создашь. Тут сошлись все оптимальные компоненты: и ваша способность создавать устойчивые потоки антигравов, и пережитое в детстве ощущение свободного полета, и особый душевный накал военного времени, и умение создавать в себе предельное волевое напряжение перед лицом смерти, и многое, многое иное, чего сразу до конца не учесть. Все это, вместе взятое, помогло вам совершить гигантский качественный скачок, повторить который не скоро кому-нибудь удастся. И теперь вы попали в совершенно новую для вас физическую и психическую сферу. Вы должны как можно скорее свыкнуться с ней, чтобы принимать ее как абсолютно естественное состояние. Полет стал для вас нормальной физиологической функцией. Не надо в этом видеть патологию лишь потому, что вы первый из людей овладели этим качеством и что какое-то время вы будете единственным летающим человеком на Земле. Человеческое общество всегда

порождало и впредь будет порождать самых разнообразных «первых и единственных». Когда-нибудь первый человек, отказавшись от скафандра, освоит морские глубины; когда-нибудь первый человек вырвется из объятий Земли в космическое пространство... Многое, бесконечно многое будет совершаться «первыми и единственными», вплоть до биологического бессмертия. И ни в одном из этих случаев не будет ни патологии, ни извращения человеческого естества. Напротив, это будут всё новые и новые шаги к вершине человеческого совершенства. Будьте на этот счет спокойны, пан Кожин, и с гордостью несите свое прекрасное бремя «первого и единственного».

Доктор умолк, утомленный своей продолжительной речью.

Молчал и Кожин, переполненный новыми мыслями и чувствами. Сомнения его полностью рассеялись. Он готов был лететь хоть сейчас.

Свое душевное состояние он выразил наконец в таких словах:

— Спасибо, доктор. Спасибо за все. Вы убедили меня. Я готов на любой риск, на любые опасности, на любые опыты.

По изнуренному лицу Коринты скользнула добродушная улыбка — скользнула и исчезла в густых усах.

— Об опасности, друг мой, думать не будем. А опыт нам придется проделать очень простой: вы должны будете прыгнуть с крыши этой избушки. Высота тут пустяковая, и я уверен, что вы полетите, но на всякий случай хочу, чтобы нога ваша была в полном порядке. Рисковать вашим здоровьем я не имею права.

— Возможно, вы и не имеете такого права, ну, а я-то имею право распоряжаться собой!

В глазах Коринты появилась тревога. Пристально глядя на сержанта, словно впервые его увидел, доктор медленно покачал головой:

— Нет, пан Кожин, вы тоже не имеете права распоряжаться собой и совершать безрассудные поступки. И не только потому, что вы солдат и подчиняетесь воинскому уставу, но и потому еще, что вы теперь первый и единственный человек, овладевший искусством свободного полета.

Кожин на это ничего не возразил, но по его поскуцневшему лицу было видно, что замечание Коринты ему не понравилось. Помолчав, сержант хмуро спросил:

— Когда можно будет проделать этот опыт с прыжком?

— Не раньше чем через неделю.

— Хорошо, доктор, я потерплю...

Роль полновластного хозяина больницы пришлось доктору Майеру по душе. Конечно, он понимал, что за Коринтой ему не угнаться, что положение его временное, что пройдет еще несколько дней, и он снова станет скромным заместителем по административной части. Но сознание всего этого нисколько не угнетало его.

С того дня, когда в больницу вернулась Ивета, доктор Майер поставил перед собой особую цель, и теперь ему казалось, что этой желанной цели он уже достиг.

Он задумал тогда своей настойчивостью и упорством приучить Ивету к мысли, что она его невеста, и одновременно убедить ее, что ему, доктору Майеру, пост главврача больницы вполне по плечу. Честолюбие, страсть и болезненное чувство собственной неполноценности сделали этого человека непоколебимым в достижении намеченной цели.

В душе Майер продолжал считать Коринту своим главным соперником, но говорить об этом больше не решался. Он довольствовался тем, что Ивета терпит его, не уклоняется от его провожаний, и строил на этом далеко идущие планы. В день возвращения Коринты он решил еще раз предложить Ивете свою руку и сердце, причем самым серьезным образом, без всяких фиктивностей.

Но совершенно неожиданные события вконец расстроили его планы.

Однажды в полдень, когда в больнице шла раздача скудных, бескалорийных обедов, доктора Майера позвали к телефону.

— Женщина какая-то звонит, главврача спрашивает, — доложила дежурная сестра.

Майер прошел в свой кабинет и взял трубку.

— Главврач слушает! — с удовольствием крикнул он слова, само звучание которых приятно щекотало его самолюбие.

— Что? Какой главврач? Мне нужен доктор Коринта! — раздался в трубке взволнованный женский голос.

— Доктора Коринты нет, он в отпуске. А кто его спрашивает?

— Это говорит его жена, Марта Коринтова. Я только что приехала с дочерью из Праги, сижу на станции...

— Что?! — срывающимся фальцетом закричал доктор Майер. — Вы жена главврача Коринты? Вы приехали из Праги?!

— Да, да, из Праги... Чему вы, собственно, удивляетесь?

— Минутку, милостивая пани, одну минутку! Да, я крайне

удивлен, но по телефону неудобно объяснять, что и почему. Я немедленно приду на станцию и все вам объясню. Ждите меня, минут через десять — пятнадцать я буду у вас!

— Это странно... но... Хорошо, я подожду вас,— сказал женский голос в трубке, и тут же телефон дал отбой.

Сбросив с себя халат, доктор Майер схватил плащ, шляпу и, одеваясь на ходу, помчался на своих коротеньких ножках по больничным коридорам к выходу. Врачам и медсестрам, которые попадались ему по пути, он, не останавливаясь, коротко бросал:

— Шеф пропал! С доктором Коринтой что-то случилось!.. Главврач Коринта исчез!.. Вернусь — все расскажу! Не задерживайте меня!..

По улице он бежал трусцой, тяжело отдуваясь и то и дело хватаясь за сердце. Ему было и радостно, и вместе с тем страшновато сознавать, что соперник его исчез, пропал, быть может, даже навсегда. В голове его плясали отрывочные мысли:

«Время военное, всякое может случиться... Вдруг Коринта попал в дороге под бомбежку и погиб... Или его грабители ночью подкараулили... или машина в темноте сбила... или... Да не все ли равно, где и как он пропал! Важно, что пропал!.. Важно, что пропал!..»

Войдя в здание вокзала и немного отдышавшись, Майер привел себя в порядок и спокойным шагом направился в буфет — единственное приличное место в этом унылом казенном здании. В буфете он и нашел жену и дочку доктора Коринты, которых прежде никогда не видел.

Марта Коринтова оказалась красивой полной брюнеткой с большими серыми глазами и с ямочками на щеках. Возраст ее определить было трудно: может, тридцать пять, а может, и все сорок.

Доктор Майер подошел к ней и снял шляпу:

— Простите, вы пани Коринтова?

Женщина сидела у столика и уговаривала бледную капризную девочку лет восьми съесть бутерброд и выпить чай. В ответ на обращение Майера она внимательно оглядела его, словно сфотографировала, и спокойно сказала:

— Да, я Коринтова. Вы из больницы? Это с вами я говорила по телефону?

— Со мной, милостивая пани. Разрешите представиться: доктор Карел Майер, заместитель главврача здешней больницы.

Он почтительно пожал небрежно протянутую руку и, заметив на груди у женщины нацистский партийный значок, gusto покраснел от смущения.

— Вы пришли мне что-то сообщить?

— Да... но... — Майер глазами дал понять, что при девочке об этом говорить не следует.

— Индра, иди погуляй. Только не выходи на улицу.

Девочка охотно вылезла из-за стола и убежала. А Майер, пробормотав: «С вашего разрешения!» — присел на краешек стула и, держа шляпу на коленях, заговорил:

— Месяц назад... точнее говоря, двадцать шесть дней назад ваш муж, милостивая пани, взял неожиданно отпуск и уехал в Прагу. Я сам провожал его. Мне он объяснил свой внезапный отъезд тем, что, мол, ему необходимо срочно уладить семейные дела. Он обещал, что по прибытии в Прагу сообщит свой адрес, но... по сей день от доктора Коринты не было никаких вестей.

В глазах красивой женщины мелькнула тревога.

— Странно... Уехал в Прагу по семейным делам, а к семье даже и не наведалься... Странно... А когда он обещал вернуться?

— Точных сроков он не указывал, но отпуск взял ровно на месяц.

— Так. Значит, через неделю он должен вернуться...

— Через пять дней, милостивая пани.

— Через пять дней... Ну что ж, мы с дочкой подождем его. Вы сможете нам помочь с жильем, доктор Майер?

— Разумеется, милостивая пани! Позвольте предложить вам комнату в моей квартире. Места у меня достаточно, и маменька моя будет очень рада...

— Благодарю вас, доктор. Я с удовольствием воспользуюсь вашим любезным гостеприимством... У меня есть к вам еще несколько вопросов, но, думаю, их можно отложить. Носильщики тут есть?

— Какие носильщики! В нашей дыре вообще ничего нет... Но не волнуйтесь, милостивая пани, до моего дома отсюда буквально рукой подать. Доберемся как-нибудь и без носильщика.

Через минуту, нагруженный двумя увесистыми чемоданами, доктор Майер уже семенил по тихим улочкам К-ова. За ним с дорожной сумкой в руках величественно шествовала пани Коринтова. Рядом, с любопытством глаза по сторонам, уныло ковыляла худенькая девочка.

Майер обливался потом, но усталости не чувствовал. С каждым шагом в нем росла и крепла уверенность, что Коринта исчез, погиб, пропал навсегда. Уверенность эта и придавала ему силы.

Устроив семью Коринты у себя на квартире, доктор Майер поспешно вернулся на службу.

За час, в течение которого он отсутствовал, тихая больница превратилась в гудящий улей. В палатах, кабинетах, по коридорам и лестницам — всюду велись взволнованные разговоры об исчезновении главврача. Его любили все: и подчиненные и пациенты.

Как только Майер появился, его тотчас же засыпали вопросами. Но пани Коринтова строго-настрого приказала ему держать пока язык за зубами. Помня о ее нацистском значке, Майер не посмел нарушить приказ. Он напустил на себя непроницаемую важность и на все вопросы давал одни и те же уклончивые ответы:

— Не имею права о чем-либо говорить. Но дело серьезное, очень серьезное! В ближайшие дни все выяснится...

Больше чем кого-либо другого слухи об исчезновении Коринты взволновали и встревожили сестру Ивету. Понимая, какая страшная опасность за ними кроется, девушка решила во что бы то ни стало узнать причину этих неожиданных слухов.

Уверенная, что ей-то Майер не откажется открыть правду, она решительно отправилась в кабинет главврача. Однако Майер встретил ее на сей раз холодно. По-видимому, он весь был сейчас во власти своих честолюбивых устремлений и отодвинул любовь на второй план.

— Что вам нужно, сестра Ивета?

— Я хочу знать, пан доктор, что случилось. Почему все говорят, что доктор Коринта пропал без вести? Его кто-нибудь ищет?

Майер подумал, снова вспомнил нацистский значок пани Коринтовой, но махнул рукой и решил сказать Ивете правду. Пусть знает, что на Коринту ей рассчитывать нечего!

— Меня просили не говорить. Я дал честное слово. Но от вас, Ивета, я не хочу скрывать правду. Из Праги приехали жена и дочка доктора Коринты. Девочка так соскучилась по отцу, что даже заболела от этого. Вот почему пани Коринтова привезла ее сюда. О том, что доктор Коринта уехал в Прагу, она не знала, так как в Праге он у нее не показывался, хотя и сказал мне, что уезжает по семейным делам. Пани Коринтова очень этим обеспокоена. До конца отпуска доктора Коринты она решила подождать, а потом примет меры. Нетрудно догадаться, что это будут за меры. Ведь пани Коринтова немка и член нацистской партии... Вы удовлетворены, Ивета?

— Спасибо, пан доктор...

— Только смотрите, никому ни слова. Иначе и меня подведете, и себе доставите массу неприятностей!

— Я знаю...

Девушка вышла из кабинета не только не успокоенная, но еще больше растревоженная. Она понимала, что доктора Коринту необходимо немедленно предупредить о неожиданном прибытии семьи. Если он вернется этими днями, все может обойтись. Жене и Майеру он как-нибудь объяснит свое странное исчезновение. Но хуже будет, если жена встретится со здешними немцами и обмолвится им о том, что у нее пропал муж. Ведь Крафт видел Коринту во дворе сторожки!..

Идти в лес самой никак нельзя: «надзиратель» Майер глаз с нее не спускает. Остается одно — послать Владика.

Ивета глянула на часы, висевшие в вестибюле.

«Боже мой! Уже половина второго! У Владьки уже кончились занятия, и он с минуты на минуту будет проходить мимо больницы домой!»

Она со всех ног бросилась к выходу, пробежала через больничный дворик и выскочила за ворота. Как раз вовремя! Владик в компании двух одноклассников уже подходил к воротам. Мальчишки двигались не спеша, размахивали сумками и о чем-то оживленно спорили.

— Владик!

Увидев сестру, мальчик опередил своих приятелей и подбежал к ней:

— Что случилось, Ветка?

— Идем! Мне нужно кое-что сказать тебе!

Ивета провела братишку через двор, завернула за угол больничного здания и направилась в небольшой сад, разбитый для прогулок пациентов. В эту холодную осеннюю пору в саду было безлюдно и тихо. Лишь вороха желтых листьев шуршали под ногами. В глубине аллеи виднелась покосившаяся будка садовника. Уверенная, что там им никто не помешает, Ивета торопливо затащила брата в будку.

Но лишь только они скрылись в ней, с черного хода больницы в сад вышел доктор Майер. Он случайно заметил в окне, как Ивета ведет к будке какого-то школьника, и, заподозрив неладное, решил узнать, в чем дело. Не рискуя идти прямо по аллее, Майер протрусил по размякшему газону, среди редких голых деревьев, и осторожно подкрался к будке с другой стороны.

Вот что он услышал, приложив ухо к тонкой стене будки:

— ...и скажи доктору Коринте, что ему нужно как можно скорее возвращаться домой. Лучше всего сегодня вечером или завтра утром. Но никак не позже. Иван уже ходит, с ним может побыть один Влах. Ты понял меня?

— Понял, Ветка. А если пан доктор спросит, что случилось? Ведь он же обязательно спросит!

— Ну еще бы! Скажи ему, что из Праги приехали сегодня его жена и дочка. Еще скажи, что в больнице полно разговоров о том, что он исчез и что жена, наверно, станет его искать с помощью полиции. Оставаться в сторожке ему больше нельзя. Это опасно и для него, и для Ивана, и для всех нас! Сумку с книжками оставь пока здесь. Потом заберешь. Ну, беги!

Владик шмыгнул носом.

— Привет Кожину передать? Он всегда спрашивает, есть ли от тебя привет.

— Конечно, передай! Ну, пошли!

Они выскочили из будки и остановились как вкопанные. Перед ними, растопырив руки, стоял толстяк Майер.

— Я все слышал! — проговорил он хрипло. — Это... это... преступление! Мальчишка никуда не пойдет!

Ивета опомнилась. Она отпрянула вместе с мальчиком назад и крикнула ему:

— Убегай, Владик! Скажи Коринте, что нас подслушали! Пусть все спасаются! Беги!

— Ветка, а ты?

— Я задержу этого негодяя! Беги!

— Нет, он никуда не побежит! — завизжал Майер и ринулся к Владиду.

Но Ивета бросилась вперед и схватила доктора за руки. Владик воспользовался моментом, прошмыгнул мимо них и во весь дух помчался по аллее. Ивета продолжала бороться с толстяком. Майер пытался, ругался, но никак не мог отделаться от крепко держащей его девушки. Наконец ему удалось вырваться. С криком: «Держите его!» — он хотел было броситься прочь, но Ивета подставила ему ногу, и толстяк во весь рост растянулся на грязной аллее.

Поднявшись, Майер со злобой уставился на Ивету. Оба тяжело дышали. Глаза девушки горели решимостью. Доктор понял, что ему не легко будет от нее отделаться. Тогда он решил прибегнуть к хитрости.

37

Отряхнув с белого халата листья, Майер изобразил на лице некое подобие улыбки и сказал:

— Неужели вы поверили, Ивета, что я собираюсь на вас донести? Меня просто поразило все это, и я погорячился немного. Но доносить? Нет, нет, я не таков! Мне, конечно, горь-

ко и обидно было узнать, что и вы, и доктор Коринта замешаны в какое-то темное дело и помогаете какому-то советскому диверсанту! Но ведь я собираюсь жениться на вас, Ивета! Поднимется ли у меня рука, чтобы погубить вас?

Ивета не отвечала, и весь вид ее свидетельствовал, что она все еще готова помешать Майеру уйти.

— Ну, что вы молчите? — продолжал толстяк. — Вы до самого вечера думаете меня держать здесь? Ведь это глупо! Кто-нибудь выйдет, увидит нас и бог весть что подумает. Да и холодно! Мы оба простудимся... Не лучше ли нам пойти ко мне в кабинет и по-дружески обсудить положение? Поверьте мне, Ивета, я вам желаю только добра...

Решив, что Владик убежал уже достаточно далеко и что ее борьба с Майером действительно может привлечь чье-нибудь внимание, Ивета пошла на предложение перенести «разговор» в кабинет главврача. Про себя подумала: «Мне уже терять нечего. А этому негодяю я все равно не дам снести с немцами. Буду мешать, пока сил хватит».

— Хорошо, пан доктор, пойдемте к вам в кабинет, — сказала она презрительно. — Но учтите: если вы посмеете совершить свое гнусное предательство раньше чем через два часа, вам будет плохо!..

Она не сказала ему, что с ним сделает, потому что и сама не знала этого. Но в ее голосе прозвучала такая угроза, что толстая физиономия Майера вся скривилась от страха.

— Идите вперед! — приказала Ивета, и Майер не посмел ей не подчиниться.

Они молча прошли по аллее, вошли в больницу с черного хода, поднялись на третий этаж, в кабинет главврача. У пациентов в это время был «мертвый час», коридоры больницы были безлюдны. Их никто не увидел.

У себя в кабинете Майер почувствовал себя более уверенно. Он сел за стол и крикнул:

— Вы злоупотребляете моей добротой, сестра Сатранова! Но я не намерен терпеть ваши выходки!

— Как вам угодно, пан доктор, — холодно ответила Ивета, зорко следя за каждым движением своего врага.

У нее не было ни малейших сомнений в том, что Майер способен донести. Может быть, раньше она и не поверила бы этому, но его поведение у будки убедило ее, что он человек трусливый и подлый. Это и заставляло ее быть начеку.

Не удивительно поэтому, что, как только Майер протянул руку к телефону, Ивета с ловкостью и быстротой хищного зверька метнулась к столу, схватила старый скальпель, которым Коринта пользовался для очинки карандашей, и одним взмахом перерезала телефонный шнур.

— Не выйдет, пан доктор! Если вы хотите звонить фашистам, то пожалуйста в вестибюль! Там тоже есть телефон. Но знайте, я подниму крик на всю больницу, и вам придется при всех совершить свое предательство!

— Вы сумасшедшая девочка! — завизжал Майер. — Я хотел позвонить домой! Посоветоваться с пани Коринтовой!..

— Нашли с кем советоваться! С немкой, с фашисткой! Вы что, дурочкой меня считаете?

Ивета, не выпуская из руки скальпель, отошла от стола и села на диван. Майер вскочил и принялся бегать по кабинету, размахивая руками и взвизгивая от бессильной ярости.

— Вы поплатитесь за это, сестра Сатранова! Вы заходите слишком далеко! Ваши большевистские штучки вам не помогут. Вы сами для себя готовите веревку, и будьте уверены, я не стану вас выгораживать. Я думал, вы умная девушка, с которой можно говорить по-человечески, а вы самая настоящая бандитка!.. Положите скальпель на место! Я не могу смотреть, как вы им играете!

Если бы не скальпель в руках Иветы, быть может, Майер так и просидел бы в кабинете два часа, на которые девушка его арестовала. Но вид скальпеля наводил на него ужас. Ивета, поняв, чего он боится, неосторожно сказала:

— Я не играю, пан доктор! Скальпель мне очень может понадобиться — им ведь не только операции делают.

Этого ей не следовало говорить. Обезумевший от страха Майер вдруг выскочил из кабинета, захлопнул за собой дверь и дважды повернул ключ в замке. Ивета, не ожидавшая от него такой прыти, опоздала буквально на несколько секунд. Она дернула ручку двери и крикнула:

— Вернитесь! Доктор Майер, вернитесь!

Но в ответ ей раздался лишь злобный истерический смешок да быстро удаляющиеся шаги по коридору.

Поняв, какую страшную оплошность она совершила, Ивета сразу утратила всю свою стойкость и мужество. В глубоком отчаянии упала она на диван и горько расплакалась.

38

Капитан Фогель и обер-лейтенант Крафт трудились над донесением для штаба дивизии о безрезультатных поисках бесшумного снаряда. В самый разгар их работы появился штабс-фельдфебель роты и доложил о приходе доктора Майера.

— Что ему надо? — недовольно поморщился капитан Фогель.

— В больнице что-то случилось, господин капитан. Ему нужно срочно вас видеть.

— Какое мне дело до больничных происшествий? Я занят!

Но тут вмешался обер-лейтенант Крафт:

— Примите его, господин капитан. Этот тип отбил у меня девушку. По пустому делу он не посмел бы к нам соваться.

— Вы думаете? Ну ладно, штабс-фельдфебель, позовите его.

Доктор Майер был без пальто и без шляпы. Он выскочил из больницы в белом халате, на котором виднелись еще пятна грязи, и в таком виде явился в комендатуру.

Поздоровавшись и не дожидаясь вопросов, он выпалил:

— Я обнаружил диверсантов, господи офицеры!.. Совершенно случайно я подслушал разговор. В сторожке Влаха скрывается советский диверсант. Да, да, это точно! Нужно спешить! Мальчишка побежал предупредить их!.. В это замешаны главврач Коринта, медсестра Сатранова...

— Сатранова? Ивета? — воскликнул Крафт.

— Да, да, Сатранова Ивета! Она послала своего брата...

— Но ведь она ваша невеста, господин Майер!

— Бывшая невеста... Но не в этом дело. Надо спешить, иначе...

— Погодите! — резко оборвал его Фогель. — Вы слишком много болтаете, а толку никакого. Сядьте и расскажите все по порядку.

Майер сел и рассказал все по порядку, начиная с внезапного приезда жены Коринты и кончая бегством из собственного кабинета.

— Он говорит правду, господин капитан. Три дня назад я сам видел доктора Коринту во дворе лесной сторожки. Но я не знал, что ему следует находиться в Праге, — сказал Крафт.

— Вот видите, видите! — радостно подхватил Майер.

— Молчите и отвечайте на вопросы! — гневно крикнул капитан и тут же спросил: — Когда мальчишка удрал из будки?

— В половине второго, господин капитан.

— Сейчас у нас десять минут третьего. До сторожки отсюда семь с лишним километров. Значит, он еще в дороге... Обер-лейтенант, слушайте мой приказ!

Крафт вскочил и вытянулся. Фогель продолжал:

— Возьмите автомат, каску и гоните на мотоцикле за мальчишкой. Постарайтесь его задержать. Если не успеете, займите удобную позицию и держите сторожку под обстрелом. Любыми мерами задержите бандитов до нашего прихода. Выполняйте!

— Есть, господин капитан!

Крафт щелкнул каблуками и выбежал из кабинета.

— Штабс-фельдфебель! — крикнул капитан.

Штабс-фельдфебель мгновенно появился:

— Слушаю, господин капитан!

— Поднять роту по боевой тревоге! Офицеров ко мне! Через пятнадцать минут выезжаем!

— Есть, господин капитан!

Здание школы наполнилось грохотом солдатских сапог, отрывистыми криками команды. В кабинет Фогеля один за другим вбегали офицеры, на ходу оправляя оружие и застегивая каски. Последним вошел штабс-фельдфебель.

— Господин капитан, по вашему приказанию рота погрузилась в машины и готова к выезду.

— Хорошо. Вы, штабс-фельдфебель, от операции освобождаетесь. У вас будет особое задание. Отправляйтесь с доктором Майером в больницу и помогите ему постеречь девицу Сатранову. Можете с ней особо не церемониться, но помните одно: она нужна нам живая. Ясно?

— Так точно, господин капитан, ясно!

— Доктор Майер, имейте в виду, если с Сатрановой что-нибудь случится, вам придется отвечать за это перед гестапо. Запереть ее в комнате со скальпелем в руках! Если эта истеричка что-нибудь над собой сделает, вам придется плохо! Ступайте!

Бледный, растерянный, вконец перепуганный доктор Майер молча пошел прочь. Здоровенный краснорожий штабс-фельдфебель загрохотал сапогами вслед за ним.

Не успели они отойти от школы и ста шагов, как у них за спиной взревели и один за другим помчались через город к лесу автомобили, груженные солдатами.

В больницу Майер пришел как раз вовремя. У дверей его кабинета собралась толпа, а санитар Бабула копался в замке отмычкой, пытаясь открыть двери.

— Вы что тут делаете? — взвизгнул Майер.

— Там кто-то плачет. Мы думали, что-нибудь случилось! — раздались смущенные голоса.

— Р-р-разойдись! — густым басом проревел штабс-фельдфебель.

Но при виде немца толпа и без приказа стала рассеиваться. Первым ретировался санитар Бабула. Когда перед дверьми не осталось ни души, Майер прислушался и сказал:

— Плачет. Значит, все в порядке. Вы, штабс-фельдфебель, будете караулить здесь, а я внутри. Если понадобится ваша помощь, я позову. Согласны?

— Мне, доктор, все равно. Лишь бы девчонка осталась в сохранности. Капитан не зря говорил про гестапо...

— Не беспокойтесь, я все понимаю.

Майер отомкнул дверь и вошел в кабинет вместе со штабс-фельдфебелем. Ивета по-прежнему лежала на диване и всхлипывала. На вошедших она даже не посмотрела.

— Видите, штабс-фельдфебель, она в порядке.

— Да, она в порядке...

— А теперь прошу вас, берите стул и садитесь за дверь. Да гоните всех любопытных.

— Сам знаю!

Штабс-фельдфебель взял стул и вышел. А Майер замкнулся изнутри и тоже сел на стул поближе к двери.

Бедная Ивета оказалась в тюрьме и сразу при двух надзирателях.

39

Теперь, когда Кожин мог ходить, Коринта по пять-шесть раз в день выгонял его на прогулку, заставлял тренироваться.

Опираясь на палку, Кожин осторожно спускался с чердака и гулял по довольно просторному двору сторожки. Влах на это время забирал Тарзана и уходил с ним в лес караулить дорогу.

Так было и в этот злополучный день.

Плотно пообедав и отлежав в постели обязательный «мертвый час», Кожин спустился во двор, а Коринта, как обычно, зорко наблюдал за ним, развлекал его беседой и в случае необходимости делал массаж.

Влах вскинул на плечи двустволку, взял Тарзана на поводок и отправился в лес следить за окрестностью.

Настроение у лесника было отличное. Он радовался успехам Кожина, которого успел полюбить, как сына, радовался и тому, что непонятная работа его друга доктора тоже идет удачно. Он понимал, что своим скромным трудом немало способствовал всем этим успехам, и это сознание наполняло его законным чувством гордости.

Хорошее настроение хозяина передавалось обычно и собаке. Но сегодня Тарзан вел себя как-то странно. Прогулка явно не радовала его. Взгляд у него был угрюмый, настороженный. Он часто останавливался, взъерошивал шерсть на загривке и глухо рычал.

Поведение собаки обеспокоило Влаха. Он знал своего Тарзана, знал, что тот не станет волноваться попусту.

— Ну что, Тарзанушка, что с тобой? Заболел ты у меня или беду какую почуял?

Лесник гладил собаку, но та не отвечала на ласку, как

обычно, а смотрела на хозяина умным пристальным взглядом, словно хотела сказать: «Берегись! Я чувствую что-то нехорошее!»

Эти сторожевые обходы Влаха делал не по дороге, а по лесной чаще, но так, чтобы дорога постоянно оставалась на виду. Обычно он ходил не далее одного километра в одну и в другую сторону от сторожки. На сей раз беспокойное поведение Тарзана заставило его сделать более длинный конец в сторону К-ова. Там немцы, и, стало быть, опасность может угрожать только оттуда.

Пройдя километра два, Влах остановился и прислушался.

Со стороны К-ова, с трудом пробиваясь сквозь толщу леса, донесся едва уловимый стрекот мотора. Звук заметно нарастал, и вскоре нетрудно было определить, что это мотоцикл. Тарзан ошетинился и грозно зарычал.

Влах уже снял с плеча двустволку, чтобы условленными выстрелами предупредить Коринту и Кожина об опасности, но в это время послышались чьи-то быстрые шаги и хриплое, прерывистое дыхание. По дороге кто-то бежал, выбиваясь из сил.

В этом месте дорога уходила в неглубокую балку, по обочинам которой плотной стеной нависали густые еловые заросли. Просматривался лишь небольшой участок дороги, так как она делала здесь несколько крутых поворотов и, лишь миновав капризные извилины балки, стелилась по прямой до самого К-ова.

Влах напряженно уставился на ближайший поворот дороги. Через несколько секунд из-за него вынырнула фигурка мальчика. Влах сразу узнал его: Владик! Но что такое? Почему он бежит, выбиваясь из сил?

Высунувшись из своего зеленого укрытия, Влах громко крикнул:

— Владик! Постой!

Мальчик испуганно дернулся, припустил было еще быстрее, но, увидав знакомую рыжую бороду лесника, остановился. Он дышал, как загнанный зверек. Губы его прыгали, по измученному лицу стекали струйки пота.

— Что случилось? Кто за тобой гонится?

Кое-как справившись с дыханием, мальчуган хрипло проговорил:

— Меня послала... Ивета... Все раскрылось... Нас подслушали, пан Влах!.. Ивета велела сказать... Всем надо... спасаться! Я убежал, а Ветка... осталась... Задержать этого... толстого...

Он не договорил и снова стал дышать быстро и жадно.

Отдаленный звук мотора угрожающе нарастал.

— Мотоцикл этот за тобой, что ли?

— Не знаю, пан Влах...

— Понятно. Ну ладно, дружище, иди в сторожку, только не беги так. Коринта и Кожин во дворе. Расскажи им все толком. А мотоциклиста этого я тут попридержу... Ну, ступай, а то он вот-вот появится!

Владик кивнул и быстро зашагал дальше. А Влах с Тарзаном прошли немного навстречу мотоциклисту и засели над самым поворотом дороги.

Вынув из кармана два патрона с картечью, лесник торопливо перезарядил ружье и приготовился. Ждать ему пришлось недолго. Минуты через две лес наполнился оглушительным треском мотора. Из-за поворота стремительно вылетел мотоцикл. Влах увидел немецкую каску, автомат и, ни секунды не раздумывая, нажал спусковой крючок.

Грнул выстрел. Мотоцикл с разгону врезался в глинистый обрыв и перевернулся. Седока выбросило на самую середину дороги. Он раслаптался лицом вниз, несколько раз дернулся и затих. Держа ружье наготове и увлекая за собой собаку, лесник прыгнул с обрыва и подбежал к неподвижному телу. Перевернув его, удовлетворенно пробормотал:

— Вишь, кого нам довелось убрать, Тарзан! Того самого пана офицера, который нам коньяк обещал!..

Медвежий заряд картечи сразил обер-лейтенанта Крафта наповал.

Оставив убитого на дороге, Влах вскинул ружье на плечо и тяжелой рысью пустился к сторожке. Владика он нагнал почти у самой калитки.

40

Непосильный пробег довел отважного маленького гонца почти до обморочного состояния. Доктору пришлось повозиться с ним, прежде чем он хоть немного пришел в себя и смог более или менее связно рассказать о том, что произошло в больничном саду и какую новость поручила ему передать Ивета.

Коринта и Кожин внимательно выслушали мальчика и принялись было наперебой задавать ему вопросы, но Влах остановил их. Леснику и так все было ясно, тем более после того, как он разделался с фашистским офицером.

— Не до разговоров теперь, доктор! Немцы, поди, не ограничатся одним мотоциклистом и вот-вот нагрянут сюда. Думать тут нечего, надо уходить. Забирай Кожина, мальчонку и двигай отсюда в сторону Б. А я засяду в своей берлоге и постараюсь завести с немцами разговор подольше...

— Кожин еще не может ходить! — резко ответил Коринта. — Он не одолеет и километра!

— Правильно, доктор! — подхватил сержант. — Забирайте мальчика и уходите вместе с Влахом. Я для вас буду только обузой. Вся эта каша заварилась из-за меня, значит, мне ее и расхлебывать. Жалко, Влах, что вы не догадались снять с убитого автомат. Он здорово бы мне теперь пригодился!

— Мне и в голову не пришло... Я ведь не умею из автомата.

— Зато я умею!.. Но ничего, хватит с меня и пистолета!.. Ну, давайте собирайтесь. Чего вы стоите?

Вдали, за лесом, послышался глухой рокот моторов.

Коринта стоял неподвижно, крепко сжав губы и насупив брови. Казалось, он прислушивается к отдаленному рокоту и что-то в уме подсчитывает. Но вот он провел рукой по усам и твердо сказал:

— Я старше вас всех, друзья мои... Да, да, Влах, я старше и тебя почти на год. Так вот, слушайте и выполняйте мои приказы. Ты, Влах, единственный из нас, кто умеет разбираться в здешних лесах и знает дорогу к партизанам. Стало быть, ты и должен спасти Владика. Мы не имеем права рисковать жизнью ребенка. Забирай его и немедленно уходи в лес. И не смей больше ввязываться ни в какую драку. Ясно?

— Ясно-то ясно, но как же вы-то с Кожинным, доктор?

— Выполняй приказ, Влах, и ни о чем не спрашивай. Мне некогда давать тебе объяснения!

— Ну что ж, коли так, то прощайте! — проворчал лесник.

Он неуклюже обнял Кожина, потом Коринту. Взяв Владика за руку, он молча повел его в дальний конец двора. Тарзан по-прежнему бежал за ним на поводке.

Рев моторов приближался неумолимо, как судьба. Но Коринту это, по-видимому, нисколько не беспокоило. Он взял Кожина за локоть и решительно сказал:

— Идемте, пан Кожин.

— Куда?

— Не спрашивайте!

Доктор отвел сержанта в сторожку и помог ему подняться на чердак. Когда они медленно поднимались по лестнице, Кожин недоуменно спросил:

— Что вы задумали, доктор?

— Я должен завершить свой труд. Я должен увидеть вас в полете, — с фанатичным упрямством ответил Коринта.

— Вы с ума сошли?! — рванулся Кожин.

— Ни слова! — свирепо зарычал доктор, встопорщив усы. — Вы должны лететь! Должны! Иначе вся наша работа пойдет к черту!

— Работа! А что будет с вами?

— О себе я сам позабочусь. Убить меня они не посмеют. А дальше видно будет.

Кожин сдался.

Поднявшись на чердак, они подошли к слуховому окну. Машины уже ревели где-то совсем рядом. Казалось, они вот-вот выскочат к сторожке.

— Лезьте на крышу,— приказал доктор.

Кожин подтянулся на руках и в одно мгновение очутился на крыше. Коринта высунулся за ним в слуховое окно.

— Иван!— с каким-то странным спокойствием заговорил Коринта, впервые назвав Кожина по имени. Сержант вздрогнул и почувствовал в горле комок.— Иван, ты сейчас полетишь. Ты обязательно полетишь. Ты веришь в это?

— Верю, доктор. Я знаю, что сейчас полечу,— изменившимся, но тоже совершенно спокойным голосом ответил Кожин.

— Да, да, ты полетишь! Но помни, Иван, для быстрого полета тебе нужно набирать большую высоту. Подняться, стремглав броситься вниз и перейти на бреющий полет. Без этого ты будешь тихоходным мешком, который снимут с одного выстрела. Запомни это!

— Запомню, доктор!

Грохот моторов оборвался метрах в ста от сторожки. Вместо него послышались резкие лающие команды.

Коринта заторопился.

— Дай твою руку, Иван! Вот так... Ну, лети, мой орел, лети!

Кожин смело шагнул к самому краю крыши, набрал полную грудь воздуха, как перед прыжком в воду, и ринулся вниз.

Забыв обо всем на свете, Коринта с замершим сердцем следил за ним.

Исчезнув за краем крыши, Кожин в то же мгновение вынырнул из-за него и круто пошел вверх. Он был похож на пловца, выплывающего из глубины на поверхность. Движения его были неторопливы и плавны.

Через минуту он поднялся над темными верхушками сосен и скрылся в низко нависших свинцовых тучах.

Коринта перевел дыхание и, отвернувшись от окна, медленно пошел к люку. Он спускался по крутой деревянной лестнице навстречу смертельной опасности. А внутри у него все пело, все ликовало, и никто на свете, даже сама смерть, не смог бы отнять у него эту радость.

А дверь сторожки уже трещала под ударами прикладов.

Часть вторая

ЭТО СДЕЛАЛ НОЧНОЙ ОРЕЛ

1

Первый сознательный полет сержанта Ивана Кожина длился недолго. Ощущения, вызванные им, были настолько сильны, что быстро истощили еще не окрепший после долгой болезни организм.

В первые мгновения после прыжка, поняв, что таинственная сила, заключенная в нем, подчиняется волевому усилию и безотказно поднимает его над землей, Кожин почувствовал такой мощный прилив нестерпимо острой радости, что у него сладко закружилась голова, словно он хлебнул натошак стакан вина. Он и не заметил, как очутился в плотной полосе туч. Серые клубы густого тумана облепили его со всех сторон и разом отрезали от всего мира. Появилось ощущение нере-

альности, сказочности происходящего. Оно вычеркнуло из памяти прочные связи с действительной жизнью, исчезло все — и прошлое, и будущее, исчезли все заботы, тревоги, желания. Осталось одно упоение неслыханной властью над собой, восторг неограниченной свободой движений.

Грудь Кожина дышала бурно, сердце мощными частыми ударами разгоняло кровь по невесомому телу. По шее, по спине словно расплясались тысячи маленьких горячих иголок. И это тоже было невыразимо приятно.

«Выше! Выше!» — билась мысль, и Кожин усилиями мышц старался ускорить медленный подъем. Он выбрасывал вверх руки и весь вытягивался в струнку. Потом резко ударял руками по воздуху и снова вскидывал их вверх. Эти движения нисколько не отражались на скорости подъема, но Кожину они давали иллюзию целенаправленной работы, увеличивали наслаждение свободным полетом.

В таком состоянии он находил несколько минут и успел подняться метров на семьсот. И тогда его внезапно охватила страшная усталость. Очарование разом рассеялось. Он почувствовал, что задыхается в густом беловатом тумане.

«Довольно! Пора вниз! Надо отдохнуть!» — приказал он себе мысленно, и послушная сила осторожно понесла его вниз. Это тоже обрадовало и удивило Кожина.

Выскользнув из туч, он увидел холмистую равнину, покрытую темно-зеленым с оранжевыми пятнами лесом; вдаль — полосы полей и деревушки с красными черепичными крышами; в другой стороне, за лесом, — небольшой, причудливо разбросанный городок с игрушечным готическим собором на площади; прямо под собой — дорогу, на ней полдюжины машин, знакомую зеленую сторожку, двор, огороженный частоколом, а во дворе и на дороге десятки серо-зеленых фигурок, суетливо перебегающих с места на место.

Это вернуло Кожина к действительности.

Еще не совсем понимая свои намерения, он скользнул вниз, к верхушке высокой сосны и, выбрав сук покрепче, уселся на нем, прижавшись к смолистому стволу.

Густая разлапистая крона надежно укрывала его, давая вместе с тем возможность наблюдать за тем, что происходило на дороге и вокруг сторожки.

Отдышавшись и сосредоточившись, Кожин отчетливо понял, что именно привело его в такую опасную близость к врагам. Это была безотчетная тревога за судьбу доктора Коринты. Разве мог Кожин улететь, не убедившись, что его друг, этот мужественный чешский врач, который не только спас его от гибели, но и фактически подарил ему удивительную способность летать, остался жив, что фашисты лишь захватили

его, не посмеяв расправиться с ним на месте. Он понимал, что немцы озлоблены убийством обер-лейтенанта Крафта и теперь способны на все.

«Если они посмеют расстрелять Коринту, я... я...» — Он не представлял себе, что в таком случае сделает, и лишь в бесспильной ярости сжимал рукоятку пистолета.

Время тянулось медленно. Часы на руке у Кожина показывали пять, а немцы все еще суеились вокруг сторожки.

Одну из машин подали к самым воротам. В нее погрузили кровать-весы, книги, гипсовую повязку с ноги Кожина, кипу бумаг, исписанных Коринтой, его саквояж с медицинскими инструментами и чемодан, а также многие вещи, принадлежавшие Влаху, но показавшиеся немцам подозрительными. Само же Коринты все еще не было видно.

Наконец в половине шестого, когда уже стало смеркаться, из сторожки вышли трое офицеров, а за ними под конвоем двух автоматчиков появился доктор Коринта. Он был в пальто, но без шляпы. Седоватые волосы его были растрепаны, на лице виднелись кровавые ссадины, но шел он твердо, со вскинутой головой, устремив взгляд куда-то вверх, в небо.

Кожину мучительно захотелось помахать доктору рукой, крикнуть: «Держитесь, доктор! Я с вами! Я не оставлю вас, пока жив!» — но он лишь одними губами прошептал эти слова, не отрывая глаз от этого ставшего навсегда родным лица.

Коринту посадили в грузовик между конвоирами. Прозвучали отрывистые слова команды. Солдаты торопливо расселись по машинам. Взревели моторы, и через минуту вокруг разграбленной сторожки воцарилась глубокая тишина.

2

Отдых полностью восстановил силы Кожина, а уверенность, что Коринта жив, вернула ему спокойствие и твердость духа.

Надвигалась ночь. Кожину предстояло лететь за десятки километров, искать в темноте среди незнакомых лесов и гор базу партизанского отряда. Однако он не торопился отправляться в этот далекий и сложный полет.

Прежде чем покинуть к-овский лес, ему захотелось побывать в самом К-ове и хоть что-нибудь узнать об участии Иветы Сатрановой. Конечно, скорей всего, она арестована... Но вдруг сй каким-нибудь чудом удалось уйти?.. Надо узнать, обязательно надо узнать! Может быть, ему даже удастся найти ее и чем-нибудь ей помочь... В любом случае он не оставит в беде эту чудесную девушку.

Кожин представил себе хрупкую фигурку своей терпеливой сиделки, и сердце его отозвалось на этот милый образ частыми ударами. Полный решимости, он мысленно приказал себе: «Вперед, сержант»!

В этот раз он обошелся без прыжка вниз. Просто оттолкнулся ногами от толстого пружинящего сука и сразу поднялся в воздух.

Никакого головокружения он теперь не почувствовал. Сознание того, что он сам, по собственной воле и благодаря усилиям собственного тела, поднимается над землей, снимало ощущение нереальности, ограждало от опасного упоения полетом. Сердце работало лишь немного учащенно, как при быстрой ходьбе, дыхание было легким, ритмичным.

Он даже не волновался теперь. Им овладели какая-то странная уверенность в себе и холодное спокойствие. Самый факт полета воспринимался рассудком как нечто абсолютно естественное и закономерное. Этим ситуация в какой-то мере походила на сон. Но чувство ликующего счастья не приходило, как это всегда бывало в сновидениях. Вместо него Кожиным овладело огромное, глубоко реальное чувство свободы и независимости. Это было гордое и спокойное чувство.

Земля уже окуталась мраком. Меж тучами образовались прорывы, и в них сверкнули первые звезды.

Кожину вспомнился недавний разговор с майором Локтевым. Захотелось тут же лететь в партизанский лагерь и всему отряду показать свою удивительную способность. Наверно, после этого майор и не подумает посылать его на Большую землю как не оправдавшего доверия... Но Кожин подавил в себе это мальчишеское желание. Сначала нужно в К-ов, узнать, что с Иветой!

Его стал пробирать холод. Прикинув на глаз высоту и определив ее в тысячу метров, Кожин остановился и сделал несколько глубоких вдохов, готовясь броситься вниз. На мгновение мелькнула предательская мысль: «А вдруг не сумею снова перейти на полет?...» Но, поспешно отогнав эту опасную мысль, он трижды, словно творя заклинание, произнес вслух:

— Теперь я всегда буду летать!..

После этого, не раздумывая, ринулся к земле головой вниз, вытянув руки вперед, словно нырял в воду. Упругий холодный воздух ударил ему в лицо, грудь, засвистел в ушах, принялся яростно рвать одежду. Скорость падения возростала с каждой секундой.

— Восемь, девять, десять. Стоп!

Падение прекратилось, как по мановению волшебной палочки, и перешло в стремительное скольжение с невидимой воздушной кручи. Кожин даже засмеялся, до того ему это по-

навралось. Теперь он мчался по гиперболической кривой со скоростью курьерского поезда, постепенно теряя высоту.

Через две-три минуты он увидел внизу, на глубине двухсот метров, темные очертания городских улочек. Сделав над К-овом широкий круг для погашения скорости и снизившись при этом до пятидесяти метров, Кожин принялся внимательно рассматривать черные силуэты домов. О том, где находится к-овская больница, он знал по рассказам Иветы. Сейчас это пригодилось.

Отыскав здание больницы, Кожин спустился к нему со стороны сада и стал изучать окна третьего этажа. Ведь Коринта, помнится, говорил, что его кабинет на третьем этаже. Если бы Ивета оказалась здесь!.. Нет, нет, это маловероятно... Но, может быть, этот мерзавец Майер задержался на работе?.. Уж его-то Кожин заставит сказать, что случилось с Иветой!

Все окна были затемнены. Однако черная бумага не везде прилегала плотно. Сквозь узкие, едва заметные просветы можно было разглядеть небольшую часть помещения. Кожин плыл от окна к окну, зорко всматриваясь в узкие полоски света. Палата, еще палата, хирургический кабинет, комната медсестры. А вот окно как раз напротив аллеи, на которой темнеет будка садовника. Только отсюда Майер мог увидеть Ивету и ее братишку. Значит, это и есть кабинет главврача. Но, черт побери, затемнение прилажено аккуратно! Ни малейшей щелочки! Кожин прильнул ухом к окну и чутко прислушался. И тут же до него донесся приглушенный голос Иветы. Здесь! Она здесь!

Сержант не раздумывал ни единой секунды.

3

Доктор Майер сидел на стуле у запертой двери и старался не слушать, что ему говорила Ивета. Прикидываться ему было уже не нужно, он вел теперь открытую игру. Тем не менее, когда девушка, всласть наплакавшись, поднялась с дивана и стала бросать ему в лицо злые слова о подлости, трусости и грязном предательстве, толстяк покраснел и беспокойно заерзал на стуле.

— Вы гнусный предатель, доктор Майер! Вы трусливый негодяй! Думаете, ваша подлость вам поможет? Не надейтесь! Немцев все равно отсюда прогонят, а вас повесят! Да, да, повесят на фонаре! — говорила Ивета дрожащим от негодования голосом, и глаза ее пылали жгучей ненавистью.

— Погодите, барышня, не расстраивайтесь! — блеял в ответ Майер. — Скоро за вами придут, и вы познакомитесь с

мальчиками из гестапо! Уже недолго осталось ждать, миленькая! Потерпите!

Однако чувствовал себя Майер неважно. Роль надзирателя тяготила его. Ведь теперь, наверное, вся больница, весь город знает, что он донес на Ивету Сатранову... Боже мой, и чего эти немцы так долго не идут! Доколе ему, доктору Майеру, завтрашнему главврачу клиники, придется еще так вот сидеть и выслушивать грубости этой маленькой фурии?!. Хоть бы штабс-фельдфебель поскорее вернулся! Уже полчаса прошло, как он ушел в гарнизонную кухню за ужином, и до сих пор его нет!..

И вдруг сетования Майера окончились. Но как!

Окно кабинета внезапно с треском распахнулось, бумажное затемнение отлетело в сторону, и в кабинет ворвался незнакомый худощавый человек с пистолетом в руке.

— Иван! — крикнула Ивета и со всех ног бросилась к незнакомцу.

У Майера похолодело сердце: «Русский!»

Он смотрел на пистолет, направленный ему в лицо, и клал от страха зубами.

— Иван, милый, как ты сюда попал?!

— погоди, Ивета. У нас времени — считанные секунды. Надо сначала разделаться с этим гадом. Здесь найдется что-нибудь для перевязки? Бинты, вата, полотенце... Давай все, что есть, давай!

Кожин чувствовал себя полным хозяином положения. Ивета быстро собрала весь перевязочный материал, который нашелся в кабинете.

— Ты убьешь его, Иван?

— Обязательно. Только не сейчас...

Он подошел к толстяку с длинным жгутом из бинтов.

— А ну, мерзавец, заворачивай руки за спину! Живей, живей! Вот так, молодец... Ивета, лови конец, мотай его вокруг стула!.. Так, так, отлично! Покрепче затягивай, не жалей его!..

Через минуту Майер превратился в огромный белый кокон, накрепко соединенный со стулом. Кожин спрятал пистолет и тщательно проверил узлы. Потом он приказал толстяку открыть рот.

— Пошире, пошире, подлец!

Майер послушно выполнил это требование, откинув голову, как в зубо врачебном кресле. Кожин вогнал ему в рот огромный кляп из ваты, а сверху для прочности наложил еще повязку из бинтов. Майер лишь сопел да ворочал глазами.

— Все! Пошли, Ветушка!

Кожин выключил в комнате свет, поднял затемнение и на-

стежь распахнул окно. Заметно припадая на больную ногу, он взобрался на подоконник и протянул девушке руку.

— Давай, Ветушка, не робей!

— Мы будем прыгать, Иван?

— Что-то в этом роде. Не бойся, целы будем!

— Значит, ты все-таки умеешь?

— Молчи! Конечно, умею!

— Ты необыкновенный человек, Иван!

Ивета легко вскочила на подоконник. Кожин подхватил ее на руки и шепнули

— Держись за меня крепче!

Она обхватила его руками за шею. Он услышал, как неистово бьется ее сердце. Оттолкнувшись от подоконника, он решительно прыгнул вниз.

«Лететь!» — приказал он себе, хотя и знал, что с такой ношей вряд ли сможет полететь.

Однако чудесные антигравы послушно сработали, и Кожин с Иветой на руках мягко приземлился на газоне.

Поставив девушку на ноги, Кожин сказал:

— Слушай внимательно, Ветушка! Беги сейчас домой и скажи матери, чтобы она немедленно уезжала куда-нибудь подальше. Немедленно! Через час уже может быть поздно. О Владике позаботится Влах. Так матери и скажи. Владик в безопасности, ему ничего не угрожает. Сама после этого беги по такому вот адресу: улица Островская, дом пять, Ян Митковский. Это тот самый горбатый пастушок, который приходил к Влаху. Расскажешь Митковскому обо всем. Он поможет тебе добраться до партизанского лагеря. Можешь ему верить. Все поняла?

— Все, Иван. А как же ты?

— Обо мне не волнуйся. Я бы пошел с тобой, если бы не нога. А так боюсь, что долго шагать не смогу. Но ничего, у меня есть другое средство передвижения... Повтори адрес!

— Островская, пять, Ян Митковский. Мы увидимся, Иван?

— Увидимся. Скорее! Ну, беги! Только не по улицам! Если можно, дворами и переулками. Есть тут ход?

— Есть!.. Иван... поцелуй меня!

Он быстро обнял ее и поцеловал.

— Беги, Ветушка, беги! В отряде встретимся!

Ивета птицей помчалась по аллее и скрылась за темной будкой садовника.

Еще несколько минут Кожин постоял перед темным зданием больницы. Вокруг царил гробовая тишина. Маленький городок рано отходил ко сну.

В душе у Кожина боролись два противоречивых чувства: желание немедленно скрыться, улететь на поиски своих и жгучая жажда мести.

Подлец Майер заслуживает смерти. Предательство нельзя оставлять безнаказанным. Но имеет ли Кожин право совершать именно теперь этот акт справедливого возмездия? Ивета еще в городке и выберется из него не скоро. Что, если убийство Майера вызовет перепролох и помешает Ивете скрыться? Ему, Кожину, бояться нечего. Он сделает свое дело и улетит... А кроме того, доктор Коринта, над которым и без того уже нависла угроза из-за смерти Крафта...

Колебания Кожина были прерваны стуком тяжелых кованых сапог. Это возвращался после ужина штабс-фельдфебель. Выглянув из-за угла и различив в темноте огромную фигуру немца в каске, направлявшегося от ворот ко входу в больницу, Кожин, не раздумывая, вновь поднялся к только что оставленному окну. Войдя в кабинет, где сидел связанный Майер, он опустил затемнение и включил свет.

Толстяк со свистом втягивал воздух носом и ворочал налитыми кровью глазами. Лицо его посинело. Он явно задыхался. Увидев, что русский диверсант вернулся, он задержался на стуле и замычал.

Кожин показал ему пистолет:

— Цыц! Замри!

Толстяк скорчился и затих, продолжая лишь с натугой сопеть носом.

Кожин, прихрамывая, подошел к столу, быстро нашел чистый лист бумаги и крупным, размашистым почерком написал:

«Это сделал Ночной Орел. Смерть фашистам и предателям!»

Одернув на себе гимнастерку и держа в одной руке лист бумаги, в другой — пистолет, он торжественно приблизился к Майеру.

Толстяк снова замычал и отчаянно завертел головой. Он понял, что наступил конец. Об этом красноречиво говорили холодные, неумолимые глаза русского парня.

За дверьми в коридоре загрохотали подкованные сапоги. Медлить было нельзя. Чуть-чуть приподняв пистолет, Кожин дважды нажал спуск.

Выстрелы гулко прозвучали в тихом здании и разом всполошили немцев. Кованые сапоги загремели в тяжелом беге, где-то захлопали двери, послышались крики ужаса.

Кожин бросил на колени обвисшему Майеру приготовлен-

ный лист, выключил свет, рывком сдернул с окна плотную бумагу затемнения и перемахнул через подоконник.

Словно оттолкнувшись от невидимой пружинистой сетки, он, не долетев до земли, сразу пошел вверх.

Десять... двадцать... пятьдесят метров. Выше, выше, еще выше!..

Набрав высоту метров в двести, Кожин глянул вниз. В темноте возле здания больницы мелькали огоньки, металась темные силуэты, слышались крики людей и треск моторов.

«Быстро они подоспели! — подумал Кожин. — Теперь бы в них парочку гранат для полноты впечатления! Не так бы еще забегали!»

Сержант покрепче нахлобучил шапку и снова стал набирать высоту. Вскоре городок К-ов пропал в непроглядной тьме.

5

Лес, лес, бесконечный лес... Черным, угрюмо шелестящим покровом он стелется по склонам гор, по глубоким лощинам и кажется повсюду одинаково плотным и безлюдным.

Кожин долго кружил над обширным районом, где по сведениям, полученным от Влаха, должен был находиться лагерь партизанского отряда. В непроглядной ночной тьме все сливалось в однообразный хаос, в котором невозможно было различить ни малейших ориентиров. То поднимаясь к самым тучам, то проносясь над безмолвными верхушками деревьев, Кожин обследовал десятки мест — и все напрасно. Под ними были глушь и полное безлюдье.

Он измучился, продрог и давно уже чувствовал зверский голод. Медленные подъемы на высоту и резкие переходы на бреющий полет вконец измотали его. Он уже решил приземлиться посреди леса и где-нибудь на дереве дожидаться утра, но вдруг заметил внизу матово сверкнувшую полоску. Снизившись, услышал плеск воды. Ручей! Вспомнилось, как Влах говорил, что скала, у подножия которой расположена партизанская база, омывается ручьем. Только куда теперь направиться — вниз по ручью или вверх? Придется сделать и то и другое. Впрочем, не исключено, что это вообще не тот ручей...

Приземлившись, Кожин попил из ручья, несколько минут отдохнул, а потом прямо с земли снова стал набирать высоту. Но на очень большой разгон у него не хватило сил. Он летел медленно, стараясь не потерять ручей из виду.

Горный поток причудливо петлял, набирая лишние километры, но Кожин упорно держался его русла.

Через полчаса под ним показался могучий утес, смутно се-реющий на фоне черного лесного массива. Ручей огибал ска-лу почти замкнутой петлей. Сердце Кожина радостно заби-лось. Влах именно так описывал положение скалы.

Бесшумной ночной птицей проплыл Кожин над утесом, пристально в него всматриваясь. Один круг, второй, третий... Нет, ничего — ни малейших признаков человеческого жилья!

Тогда, махнув на все рукой, Кожин решил спуститься на площадку, примыкающую к утесу, и заночевать на ней. Он чувствовал, что не в состоянии продолжать поиски.

Черной тенью, без единого звука, приземлился он на ка-менную площадку и двинулся по ней к стене утеса, надеясь найти там какую-нибудь подходящую для ночлега нишу. Но не успел он сделать и десяти шагов, как раздался строгий окрик:

— Стой! Кто идет?

Кожин вздрогнул от неожиданности и остановился как вкопанный. От радости он даже забыл, что нужно ответить. Собравшись с духом, крикнул:

— Свой! Русский!

Вспыхнул фонарик и осветил Кожину лицо.

— Не наш! — сурово сказал один голос.

— Ясно, что не наш! — отозвался второй голос и тут же крикнул: — Руки вверх, приятель!

Кожин повиновался. Фонарик неотступно следил за ним. Быстрые руки обшарили его и выхватили из кармана писто-лет.

Первый голос после этого спросил:

— Как попал сюда? Кто такой?

— Я сержант Кожин из десантной группы майора Локте-ва. Доложите обо мне майору.

— Кожин? Сержант Кожин?! Который без вести... Гонза, ступай разбуди майора! Скажи, что Кожин нашелся!.. Пого-ди, сержант, не опускай пока руки! Это непорядок!.. Как же ты все-таки попал сюда?

— Да уж попал... — неопределенно ответил Кожин.

Через минуту стукнула дверь. Раздался удивленный голос майора Локтева:

— Черт! Откуда ты взялся, Иван?! Все правильно, ребя-та, это мой человек. Пошли!

Кожина повели по каким-то темным подземным переходам, пропитанным крепкими застоявшимися запахами. Потом рас-пахнулась грубо сколоченная дверь, и Кожин увидел неболь-шой грот, тускло освещенный свечой.

На стенах блестела сырость. Тяжелый спертый воздух казался непригодным для дыхания. Обстановка была более чем скромной: стол, три ящика вместо стульев, две раскладные койки.

На одной из коек лежал смуглый бородатый мужчина. Увидев Кожина, он вскочил и сунул ноги в резиновые сапоги.

Локтев плотно прикрыл за собой дверь и остановился возле нее, внимательно разглядывая Кожина. Потом спокойно сказал:

— Здравствуй, сержант. Прибыл, значит? Это хорошо, что прибыл!

Он произнес эти слова по-русски и лишь после этого, словно спохватившись, обратился к бородачу по-чешски:

— Знакомься, Горалек. Это мой сержант Кожин. Тот самый...

У бородача оказался на диво густой и гулкий голос:

— Ишь ты! Выходит, сам пришел... Садись, сержант, отдыхай!

Кожин опустил на ящик. Устало подумал: «Осторожно принимают. Не верят. Ничего, потом поверят. Только бы не заставляли прямо сейчас все рассказывать. Дали бы сначала поесть да выспаться!»

Горалек словно прочел его мысли.

— Есть хочешь, шахтер? — спросил он.

— Честно говоря, хочу. Очень хочу! — признался Кожин.

Перед ним появились колбаса, хлеб, бутылка пива. Кожин принялся за еду, а Локтев и Горалек молча на него смотрели. Когда он наелся и поблагодарил за угощение, майор спросил:

— Как же ты, сержант, в лагерь-то к нам попал? Провел кто?

— Никто не провел, я сам. Прилетел и спустился прямо на площадку... Я весь лес облетал, пока нашел вас!

Локтев и Горалек переглянулись.

— «Прилетел, облетал»... Это как же понимать, сержант? В переносном смысле или буквально? — нахмурился Локтев и резким движением поправил накиннутую на плечи шинель.

— Конечно, в буквальном, товарищ майор.

— Значит, прав оказался твой доктор? Летаешь?

— Так точно, товарищ майор, доктор Коринта оказался прав!

— А почему ты покинул сторожку, не дожидаясь приказа?

— У нас, товарищ майор, большая беда произошла. Нас предали. Доктора Коринту взяли, а...

И Кожин скупно поведал о недавних событиях в К-ове.

Когда он закончил свой рассказ, Горалек крикнул и поскреб бороду. Он впервые услышал о способности Кожина летать. Считая это дело заведомой чепухой, Локтев не рассказывал ему о гипотезе Коринты. Поэтому бородач был просто поражен невероятной новостью. Он загудел так, что пламя свечи затрепетало и чуть не погасло.

— Что же это такое?! Майор, ты понимаешь что-нибудь? Ведь он врет! Мы его накормили, а он нам врет! Но ведь мы его сейчас же выведем на чистую воду!

— Я не вру,— сухо сказал Кожин.

Горалек даже растерялся от такой неслыханной наглости.

— Ну, знаешь... Если ты, парень, не врешь, то, значит, совсем спятил!

Вмешался Локтев:

— Успокойся, Горалек. Я тоже думаю, что он не врет. Иначе как бы он очутился в нашем лагере? Часовые, надеюсь, не спят?

— Еще бы... Я бы им показал спать!

— Значит, все ясно.

— Нет, не ясно. Ты что же, майор, думаешь, я поверю...

— погоди, Горалек, скоро все поймешь.

Майор подумал и обратился к Кожину:

— Вот что, сержант. Ты, я вижу, устал, поэтому сейчас, ночью, мы никаких проверок устраивать не будем. Время терпит. А завтра... завтра покажешь мне и товарищу Горалеку свое летное искусство. Покажешь, сержант?

— Покажу, товарищ майор. Это очень просто.

— Вот и хорошо. До завтра товарищ Горалек тебя извинит. А теперь идем, я провожу тебя на место.

Кожин поблагодарил Горалека за ужин и вышел вместе с Локтевым.

Снова они пошли по темным переходам, пока не очутились в просторном помещении, где слышался храп спящих.

Майор чиркнул спичкой, осветил пустую койку.

— Вот тебе и свободное место, Иван. Ложись и отдыхай. А завтра во всем разберемся.

Оставшись в темноте, Кожин сбросил куртку, сложил ее под голову и лег. Все тело его сразу заняло, как избитое.

«Налетался с непривычки»,— подумал он.

Было приятно ощущать под собой прочную опору после многих часов, проведенных в зыбкой воздушной стихии; было приятно сознавать, что снова находишься среди своих; было приятно представлять себе, как удивятся завтра командиры, когда он покажет им свое умение двигаться в воздухе, и, может быть, именно потому, что все это приятное было проч-

ным, надежным и неотъемлемым, в душе с новой силой поднялась тревога за Ивету, за доктора Коринту, за Влаха с Владиком. Как они проводят эту ночь? Каково им?

Он долго ворочался с боку на бок, пока усталость не взяла свое. Уснув же, он и во сне продолжал летать над темным незнакомым лесом, стараясь разыскать в нем своих пропавших друзей — Ивету, доктора, бородатого лесника и Владика.

7

Не спалось в эту ночь и командирам отряда.

Сознавая свою вину перед Горалекком, Локтев во всех подробностях посвятил его в удивительную гипотезу доктора Коринты. Объяснил он ее по-своему, упрощенно, но тем не менее достаточно точно. Уже поверив, что Кожин действительно умеет летать, майор говорил об этом без малейшей иронии, хотя и без особого увлечения.

Однако бородатый партизанский командир был человеком слишком здравомыслящим, чтобы с ходу поверить в такое чудо. К сообщению Локтева он отнесся крайне скептически. Он был уверен, что майор его разыгрывает.

— Никогда не слышал, чтобы шахтеры по воздуху летали, — загудел он насмешливо. — Акробаты в цирке — другое дело. Эти обязаны летать. Но шахтеры!.. Нет, ни за что не поверю, пока своими глазами не увижу.

— Поверить трудно, — согласился майор.

— Послушай, друг, — с жаром заговорил Горалек. — Вот ты мне изложил теорию этого доктора Коринты. А скажи ты мне такое. Сам-то Коринта видел хоть раз, как Кожин летает?

— Когда я с ним говорил, у него не было ничего, кроме этой гипотезы. У Кожина ведь тогда еще гипс на ноге был.

— Не видел, а доказывал... Как хочешь, майор, а тут что-то нечисто. Перестал мне нравиться этот главврач, у которого жена немка. И Кожин из-за этого перестал нравиться. Боюсь, что парня втянули в какое-то грязное дело!

— В таком случае, Горалек, я снова вынужден спросить: как же он на базе очутился?

— То-то и оно!.. Пойдем-ка, майор, проверим караулы и усилим их на всякий случай. Иначе мне не уснуть — сердце будет не на месте.

Майор с удовольствием согласился пройтись по воздуху. Ему хотелось покурить, а в гроте, который плохо проветривался через узкий дымоход в стене, курить было невозможно. Опасений Горалека он не разделял, но против усиления

караулов возражать не стал, полагая, что излишняя осторожность никогда не повредит.

Командиры оделись и вышли из пещеры.

Ближайший караул стоял на площадке, возле входа в пещеру. Партизаны, задержавшие Кожина, еще не сменились, и поэтому Горалек решил их допросить.

— Как сержант очутился в расположении базы? С какой стороны он появился?

Часовые, смущенные своей неосведомленностью, отвечали неуверенно и крайне неопределенно:

— Подошел он вроде со стороны обрыва, товарищ командир. Точно сказать трудно. Темень ведь, хоть глаз выколи. Сначала тихо было, только вода под обрывом гудит. А потом вдруг шаги. Осторожные такие, словно человек не знает, куда идет. Ну, мы его и окликнули...

— Значит, как он попал на площадку, вы не знаете?

— Не знаем, товарищ Горалек... Ей-богу, он точно с неба свалился! Верно, Гонза?

— И впрямь точно с неба!..

— «С неба, с неба»! Заладили!.. Вот что, ребята. Когда вас придут сменять, передайте начальнику караула, чтобы поставил здесь четверых. Ясно?

— Ясно, товарищ командир! Передадим!

Ничего не добившись от первого поста, командиры направились к более отдаленным. Но те вообще ничего не знали о появлении Кожина. На их участках не было ни малейшей тревоги.

Удвоив все посты и приказав людям быть в эту ночь особенно осторожными и бдительными, командиры вернулись на площадку и присели на краю обрыва. Закурили, послушали монотонный шум воды в потоке, потом снова разговорились.

— Значит, доктор Коринта считает возможным, чтобы человек взял и сам собой полетел? Без пропеллера, без крыльев, без ничего? — в который раз уже допытывался Горалек.

— Да, Коринта считает это возможным, — сдержанно ответил майор.

— А ты, товарищ Локтев? Ведь ты человек образованный, не чета мне, простому шахтеру, как ты сам на это смотришь?

— Трудно сказать. Доктор Коринта показался мне честным человеком. Кожина я знаю давно и уверен, что он врать не станет... Но с другой стороны, трудно поверить такому невероятному. Есть вещи, Горалек, доступные человеческому воображению, но абсолютно невозможные по самой своей сути. Невозможные просто потому, что противоречат основным законам природы. Можно фантазировать о том, что человек дышит под водой, как рыба, или читает мысли другого чело-

века, как открытую книгу. Можно представить себе человека-невидимку или человека абсолютно неуязвимого и бессмертного. Воображение человеческое достаточно гибко для этого. Но допустить все это всерьез никак нельзя. Так и с полетом по воздуху. Одно дело — во сне или в мечтах, а другое дело — в действительной жизни... Впрочем, не будем забегать вперед. Может, и прав доктор Коринта, что в человеке еще много нераскрытых загадок. Жаль, что он сам попался к фашистам в руки. Но будем думать, что это дело поправимое и что нам удастся его вызволить...

— Об этом пока рано думать, майор...

После этих слов Горалек надолго замолчал. Попыхивая трубкой, он задумчиво поплевывал в невидимые волны потока. Потом вздохнул и, словно про себя, прогудел:

— Чепуха это, определенно чепуха!.. А все-таки, ежели пораскинуть умом, то хорошо бы было этак вот взять и взаправду полететь... Эх, и задали бы мы гитлеровцам перцу!

Локтев на это ничего не ответил. Он думал о возможности полета в совершенно ином разрезе...

Посидев с час на свежем воздухе, командиры вернулись в душный грот и улеглись на койки. Но, задув свечу, они долго еще не могли уснуть и вполголоса переговаривались о необыкновенном сержанте и его удивительных приключениях.

8

Начальник отделения гестапо, оберштурмбанфюрер Штольц любил оставаться на службе до позднего вечера. Благодаря этому он первым из немецких районных властей узнал о событиях в К-ове. Доложил ему о них сам к-овский комендант капитан Фогель, прибывший в Б. в девять часов вечера.

Выслушав доклад капитана, начальник гестапо задал ему несколько неприятных вопросов.

— Насколько мне известно, капитан, вам в свое время было поручено найти в к-овском лесу некий таинственный предмет, заброшенный туда советскими диверсантами. Скажите, вы догадались в связи с этим заданием сделать обыск в сторожке лесника?

— Должен признаться, господин оберштурмбанфюрер, что о необходимости обыскать сторожку мы не подумали. В приказе по этому делу ясно сказано, что искать надо какой-то бесшумный снаряд. Нам прислали для этого саперов. Мы добросовестно обшарили в лесу каждый куст, каждый овраг. Но в сторожке... нет, нам просто в голову не пришло, что снаряд может оказаться у лесника в сторожке.

— Снаряд, разумеется, к леснику попасть не мог, но это не давало вам права отказываться от обыска. Вы могли напасть на какие-нибудь следы. А теперь мы видим, что там были не только следы, а настоящее бандитское логово. Я считаю это серьезным упущением, капитан. Теперь дальше. В погоню за мальчишкой вы послали одного обер-лейтенанта Крафта. Почему одного? Ведь вы уже знали, что в сторожке укрываются диверсанты!

Капитан Фогель опустил голову. На это ему нечего было ответить. Штольц сделал небольшую паузу и продолжал чеканить страшные, обвиняющие слова:

— Я не могу не отметить, что гибель Крафта произошла исключительно из-за вашей нераспорядительности. Вам придется за это ответить, капитан. Но это не все. Сторожить медсестру вы поручили гражданскому лицу, дав ему в помощь штабного увальня. В результате мы потеряли полезного человека, а преступница бежала из-под ареста и теперь гуляет на свободе. Почему вы не взяли ее сразу и не посадили в более надежное место у себя в казарме?

— Я очень спешил, господин оберштурмбанфюрер. Я боялся упустить бандитов, засевших в сторожке...

— Так, так... Вы спешили... А скажите, что это еще за Ночной Орел, который убил доктора Майера? Вы слышали о нем что-нибудь?

— Нет, господин оберштурмбанфюрер, не слышал. Это что-то совершенно новое. Должно быть, это тот русский, который скрывался в сторожке Влага.

Начальник гестапо погладил выбритый подбородок и огорченно вздохнул:

— Трудно работать с такими людьми, как вы, капитан. Вас любая девчонка способна обвести вокруг пальца. Вот вы говорите, что сняли с Коринты предварительный допрос. Что же вы узнали? Чем этот хитрый эскулап занимался в лесной сторожке?

— Мы нашли много подозрительных предметов, но Коринта отказался что-либо объяснять. Мы ничего от него не добились.

— Твердый, должно быть, орешек. Ничего, у нас он расколется. Ну, а чем вы, капитан, объясняете его присутствие в сторожке? Почему все, даже мальчишка, скрылись, а этот человек остался? Вам не кажется это странным?

— Да, господин оберштурмбанфюрер. Мне сразу показалось подозрительным, что Коринта без всякого сопротивления отдался нам в руки. Я спрашивал его об этом.

— Ну, и что же?

— Он сказал, что не чувствует за собой никакой вины, а

потому и не считает нужным скрываться. Это все, что мы от него узнали.

— Мало... Ну ладно, капитан, Коринту вы взяли, и это единственное, что вас спасает от немедленного ареста. Идите и оставайтесь в Б. до особого распоряжения. Людей своих отправьте в К-ов, а тела обер-лейтенанта Крафта и этого врача Майера оставьте вместе со всеми конфискованными предметами у нас. Этим займутся эксперты. Ступайте и постарайтесь впредь быть порасторопней.

— Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер!

Капитан, пошатываясь, вышел из кабинета гестаповского начальника. На душе у него было очень скверно, во рту пересохло. Он чувствовал, что совершил непоправимую ошибку, за которую рано или поздно ему придется расплачиваться.

9

Гестапо занимало здание старой районной тюрьмы. Все немногочисленные камеры ее были забиты до отказа.

Коринту посадили в темный, сырой подвал и продержали в нем без еды и питья ровно двое суток. Стараясь сберечь силы, доктор все это время пролежал почти без движения на охапке гнилой соломы, которую нашел в углу подвала. Чтобы не думать о голоде и жажде, он мысленно сочинял трактат о чудесных ферментах антигравитации. Впрочем, это был не столько трактат, сколько фантастическое сочинение о блестящих перспективах великого открытия.

Его воображение рисовало феерические картины причудливых воздушных городов, созданных летающим человечеством. Он представлял себе то великолепное время, когда люди, полностью овладевшие секретом биологической антигравитации, окончательно покинут двухмерное жизненное пространство и перейдут в более совершенное — трехмерное. Это будет новая ступень на восходящей лестнице физического и нравственного совершенства. Прекрасные бескрылые существа будут свободно парить в воздухе, покорять могучие атмосферные реки, строить легкие воздушные города, направлять движение облаков... А покоренная Земля будет лежать под ними — не владычица больше, а кормилица...

Перед внутренним взором Коринты проносились все новые и новые светлые образы будущего, мысли текли неудержимо. Ни темнота, ни холод, ни сознание обреченности не в силах были уничтожить мечту.

А гестаповские эксперты тем временем трудились не покладая рук. Они легко установили, что обер-лейтенант Крафт

убит из двуствольного охотничьего ружья, а доктор Майер — из пистолета советского образца; что гипсовая повязка, сохранившая форму человеческой ноги, снята совсем недавно; что саквояж с медицинскими инструментами ясно доказывает: доктор Коринта лечил в сторожке неизвестного раненого человека. Единственное, что поставило экспертов в тупик, была кровать, соединенная с десятичными весами. По этому предмету эксперты не смогли высказать какое-либо четкое суждение.

Убедившись, что экспертиза не в состоянии внести в дело полную ясность, оберштурмбанфюрер Штольц решил допросить своего пленника, доктора Коринту. Он был уверен, что двухсуточный пост в темном подвале сделал свое дело и в достаточной мере размягчил неподатливого врача.

И вот Коринту вывели из холодного подземного мрака на свет. Поднимаясь по лестнице в кабинет начальника гестапо, доктор судорожно хватался за перила. Измятый, грязный, обросший седой щетиной, с длинными, обвисшими усами, он от слабости едва держался на ногах. Лишь глаза на его изнуренном лице светились сухим лихорадочным блеском, красноречиво свидетельствуя о том, что дух его не сломен, что он полон решимости бороться до конца.

10

Начальник гестапо встретил узника вежливо, усадил в кресло, поднес стакан воды.

— Нам очень, очень неприятно, господин доктор, что пришлось с вами так поступить. Трудно соблюдать все нормы в военное время. А дело ваше оказалось весьма странным и щекотливым. Но поверьте, как только вы ответите на некоторые интересующие нас вопросы, вам будет немедленно возвращена свобода.

— Благодарю вас господин... э... э...

— Полковник, господин доктор. Можете меня называть полковником.

— Благодарю вас, господин полковник. Я готов удовлетворить вашу законную любознательность.

— Вот и хорошо, господин доктор! Я знал, что мы с вами сумеем найти общий язык. Итак, вопрос первый. Объясните, пожалуйста, почему вы на службе объявили, что уезжаете в Прагу по семейным делам, а на самом деле находились в сторожке лесника Влаха? Кстати, ваша супруга, эта в высшей степени достойная и уважаемая женщина, приехала в К-ов, чтобы показать вам вашу дочку. Ей горько было узнать, что вы запутались в каком-то темном и грязном преступлении.

— Что с моей дочерью, полковник? — глухо спросил Коринта.

— О, поверьте, сущие пустяки! Женщины всегда преувеличивают. Я сам видел ее. Вполне здоровая на вид девочка и очень, кстати, похожая на вас!.. Итак, что же вы делали в лесной сторожке?

— Занимался научными опытами, господин полковник. До времени не хотелось это разглашать. Поэтому и сказал на службе, что уезжаю в Прагу. Конечно, я солгал. Но ведь в этой лжи, надеюсь, нет ничего преступного?

— Разумеется, нет! Значит, вы занимались научными опытами? Это очень интересно! Мы, немцы, глубоко уважаем науку и оказываем ученым всестороннюю помощь... Но позвольте, а кровать-весы, которая была обнаружена на чердаке сторожки, она что, тоже имеет отношение к вашим научным опытам?

— Самое прямое, господин полковник!

— В таком случае, если вам не трудно, объясните коротко суть вашей работы.

— С удовольствием. Я, видите ли, задался целью изучить структуру человеческого сна. Помимо всего прочего, мне хотелось выяснить, возникают ли в человеческом организме весовые колебания под влиянием тех или иных сновидений. На весах спал я, а контролировал весы лесник Влах по моим указаниям.

— Отлично! Все становится на место. И, конечно, подозрение в том, что вы лечили в сторожке раненого советского диверсанта, полностью отпадает, не так ли?

— Советского диверсанта?.. Странно слышать. Я в жизни не видел ни советского, ни какого-либо иного диверсанта, господин полковник.

— Я так и думал! Остаются сущие пустяки. Кто убил обер-лейтенанта Крафта? Где лесник Влах? Где мальчишка, брат вашей сообщницы, медсестры Сатрановой? С чьей ноги вы сняли на днях гипсовую повязку? Зачем вам был нужен саквояж с медицинскими инструментами? Вы можете ответить на эти вопросы, господин доктор?

— Попытаюсь. О том, что обер-лейтенант Крафт убит, я впервые слышу от вас. Мой друг лесник Влах за час до моего ареста ушел на обход леса. Ни о каком мальчишке я не знаю, никаких сообщниц у меня нет.

— А гипсовая нога?

— Да, еще эта гипсовая повязка. С месяц назад Влах сильно повредил себе ногу, а в больницу идти ни за что не хотел. Я опасался перелома и на всякий случай наложил гипсовую повязку. Для этого я принес с собой и саквояж с инстру-

ментами. Перелома у Влада не оказалось, и десять дней назад я освободил его ногу от повязки.

— Подумать, как все просто!.. Ну, а вот этот документ, господин доктор, вам ничего не напоминает?

С этими словами Штольц подал Коринте листок, на котором рукой Кожина было написано: «Это сделал Ночной Орел. Смерть фашистам и предателям!»

Коринта пожал плечами:

— Ничего не понимаю, господин полковник. Кто предатель? Что за Ночной Орел?

Изумление его было совершенно искренним, хотя он и начал уже смутно о чем-то догадываться.

— Не понимаете, господин доктор? — В голосе гестаповца появились металлические нотки. — Тогда придется освежить вашу память!

Штольц на минуту задумался, играя костяным ножиком для вскрывания писем. Он словно накапливал в себе злобу, чтобы разом обрушить ее на упрямого пленника. Вот он выпрямился и устремил на Коринту холодный гипнотизирующий взгляд.

— Через три часа после вашего ареста в больнице был убит ваш заместитель, доктор Майер. Одновременно исчезла медсестра Ивета Сатранова вместе с матерью и младшим братом. Вы, конечно, скажете, что не знаете, кто убил доктора Майера, а нам известно, что доктор Майер выдал вас, Сатранову и Влада и что, стало быть, предателем он мог быть прежде всего для вас, Сатрановой и Влада. Вы утверждаете, что за час до вашего ареста лесник Влах ушел на обход леса, а мы знаем, что Сатранова послала своего братишку именно к вам и что отправленный за ним в погоню обер-лейтенант Крафт был убит из охотничьей двустволки. Вы говорите, что лечили Влада, а мы знаем, что в сторожке скрывался раненый советский диверсант по имени Иван и что лечили вы именно его. Об этом достаточно четко свидетельствует подслушанный Майером разговор между Сатрановой и ее братом. Вам не кажется, что все эти факты уличают вас настолько, что ваш рассказ о каких-то там экспериментах со сном выглядит наивным детским лепетом.

— Возможно, господин полковник... И тем не менее я не могу вам сказать ничего иного.

Коринта почувствовал ужасную слабость. Комната закачалась и поплыла. Гестаповец сделался маленьким и далеким.

Заметив, что арестованному дурно, Штольц снова подал ему стакан воды.

— Не время падать в обморок, господин доктор. Наш разговор еще не окончен.

Вода освежила Коринту, сознание его прояснилось. Штольц продолжал в прежнем тоне:

— Мы уверены, что Крафта застрелил лесник Влах. Но Майера убил не он. Не могла этого сделать и Сатранова. Ночной Орел, оставивший свою визитную карточку на коленях убитого, должен быть человеком молодым, решительным, ловким и к тому же романтически настроенным. Он был вооружен пистолетом советской системы. Это наглядно свидетельствует о том, что нить ваших тайных связей, господин доктор, тянется не только к местным партизанам, но и дальше, через линию фронта, к самому большевистскому логову. Этих улик с лихвой достаточно, чтобы приговорить вас к расстрелу. Но мы не будем спешить. Нам нужно расследовать это дело до конца. С виду совершенно ясное, оно тем не менее содержит ряд непонятных для нас загадок, за которыми, несомненно, кроется нечто гораздо более важное, чем помощь диверсанту и двойное убийство. Помимо кровати-весов, меня крайнестораживает тот факт, что вы, доктор Коринта, имея полную возможность скрыться вместе с остальными преступниками, остались почему-то в сторожке и добровольно отдали себя в наши руки. Вы не могли рассчитывать, что мы поверим вашей беспомощной лжи о научных экспериментах. Вы должны были знать, что вас ждет расстрел. И тем не менее вы остались. Каким же важным должно было быть то таинственное дело, ради которого вы решились принести себя в жертву! Это было очень серьезное дело, не правда ли, господин доктор?

Коринта не ответил. Видя, что с ходу его не возьмешь, гестаповец изменил тактику и заговорил с необыкновенной мягкостью:

— Послушайте, господин доктор, я уверен, что вас случайно вовлекли в эту опасную игру. Ваше безупречное прошлое дает основания надеяться, что вы одумаетесь и отвернетесь от врагов великой немецкой нации. У вас немецкая семья, вы не можете считать нас своими врагами. Поверьте мне, за чистосердечное признание мы не только вернем вам свободу, но и обеспечим должное положение и полную безопасность... Кстати, вы слышали что-нибудь о бесшумном снаряде, который в середине сентября упал в к-овском лесу?

— Слышал, господин полковник. Мне рассказывал о нем обер-лейтенант Крафт.

— И только?

— Да, и только. Крафт предупредил меня, чтобы я был в лесу осторожным.

— Ясно. А скажите, ваши бумаги с какими-то вычислениями и с набросками каких-то траекторий относятся тоже к вашей научной работе?

— Несомненно.

— Странно. Когда я просматривал эти непонятные заметки и схемы, я подумал было, что вы увлекаетесь баллистикой... Но это лишь к слову. Я не настаиваю на вашем немедленном признании. Я дам вам возможность подумать. На сегодня достаточно. В течение одной недели, господин доктор, вас будут содержать не как преступника, а как моего личного гостя. А через неделю мы продолжим наш интересный разговор.

— Хорошо, господин полковник.

После этого Штольц позвонил и приказал дежурному офицеру отвести доктора Коринту в баню, выделить для него чистую, светлую камеру и выдавать пищу из офицерской столовой.

«Спасибо и на том,— подумал Коринта.— Наберусь пока сил, а дальше видно будет. Кожин парень решительный. Он, наверное, не бросит меня в беде...»

Но купание, сытный обед и новая камера с удобной койкой и одеялом не размягчили первооткрывателя антигравов. Он понимал, что за недель сносного тюремного существования последуют такие казни египетские, что и темный подвал с гнилой соломой покажется ему райским уголком. Ему дали отсрочку? Ну что ж, он использует ее для того, чтобы подготовиться к дальнейшей борьбе.

11

Хотя командирам не терпелось узнать правду о Кожине и его необыкновенной способности, испытание сержанта в первый же день после его прибытия осуществить не удалось.

Утром на базу прискакал на лошади связной из партизанского отряда, действующего в соседнем районе. Отряд вел тяжелые бои с превосходящими силами фашистских карателей, от которых никак не мог оторваться и которые угрожали ему окружением и полным уничтожением.

Горалек и Локтев, отложив все дела, повели свой отряд на помощь соседям.

Трое суток прошли в тяжелых кровопролитных боях. Несмотря на то, что к карателям каждый день прибывало подкрепление, объединенным партизанским отрядам удалось отразить все атаки, оторваться от врага и вывести из-под угрозы окружения людей и обозы с материальной частью. Забрав у соседей, вынужденных искать новое место для укрепленного лагеря, всех тяжело раненных, отряд Горалека вернулся на свою базу.

Кожин не участвовал в этой операции. Майор не только не взял его в дело, но даже отказал ему в просьбе нести караульную службу на базе. Это было тяжелым ударом по самолюбию сержанта, который был уверен, что, вернувшись в отряд, сразу же восстановит свою пошатнувшуюся репутацию и займет в отряде то особое положение, на которое ему давали право его исключительные, уникальные способности.

Дни, проведенные в полном бездействии и в тяжком раздумье о своей странной безрадостной участи, наложили на психику Кожина глубокий отпечаток. Ни приход Влаха и Владика, которые на другой же день к вечеру благополучно добрались до лесной крепости партизан, ни желанная встреча с Иветой, которую горбатый Яник привел на базу ранним утром, на вторые сутки после к-овских событий, не вывели Кожина из угнетенного состояния. Ему было мучительно стыдно перед друзьями за свое изолированное положение в отряде, и поэтому он после первой радости встречи избегал более близкого общения с ними, чтобы не отвечать на их вопросы.

Проводя долгие часы в уединении темной пещеры, где теперь, когда весь отряд ушел на задание, царил глубокая подземная тишина, остро напоминавшая Кожину штреки его родной шахты, он в мыслях своих невольно возвращался к доктору Коринте. Ведь это был теперь единственный человек, который знал о нем всю правду, верил в него, любил его и не задумываясь принес себя в жертву ради закрепления в нем, Кожине, его удивительного таланта.

Как ужасно, что этот единственный близкий человек подвергается теперь пыткам, истязаниям, а быть может, и опасности потерять жизнь. Если бы Коринта был здесь, все было бы по-другому. В его присутствии Кожин чувствовал бы себя более уверенным в своей правоте, в своем праве на внимание со стороны командиров.

Коринту нужно спасти! Это первое, чем займется Кожин, после того как убедит Локтева и Горалека в своей способности летать. Он освободит Коринту любой ценой, даже если ему придется выполнить это дело одному. Впрочем, он уверен, что майор не только не будет возражать против операции по спасению Коринты, но и сам в нее включится, как только поймет, какую огромную ценность представляет собой этот пока никому не известный провинциальный чешский врач...

А до этого? Неужели до этого он обречен на полное одиночество? Неужели даже с Иветой он не может поделиться своей тоской, своими сомнениями?

Слов нет, Ивета для него тоже близкий и дорогой человек. Но ведь это совсем, совсем другое. Разве можно рассказать Ивете о том, что командиры ему не доверяют, что в отряде он

находится на положении заразного больного, которого все сторонятся, хотя, быть может, и сочувствуют ему? Нет, Ивете такое не расскажешь. Ивета сама нуждается в поддержке, в утешении...

Девушка всем сердцем стремилась к нему, старалась использовать каждую свободную минуту, чтобы побыть с ним. А ему это было в тягость. Он избегал общения с ней, прятался от нее, а если иногда и не мог уклониться от встречи, то вел себя так, что Ивете хотелось плакать.

— Иван, что с тобой? Неужели ты не рад, что вернулся к своим и что мы теперь всегда-всегда будем вместе? — со слезами в голосе спрашивала Ивета.

— Не надо об этом, Ветушка, не надо, дорогая. Конечно, я рад... Рад, что все так сложилось, что мы опять вместе... Ведь я люблю тебя...

— Почему же ты такой мрачный? Почему избегаешь меня, словно тебе противно меня видеть?

— Это пройдет, Ветушка... Не обращай внимания... Это пройдет... Прости, мне надо побыть одному и кое о чем подумать!..

И он поспешно уходил в пустой отсек пещеры и подолгу сидел в темноте, отдаваясь своим невеселым мыслям...

После трехдневных тяжелых боев отряду, понесшему серьезные потери, был предоставлен заслуженный отдых. Бойцы отсыпались, приводили себя в порядок, чистили оружие. В заполненном до отказа госпитальном отсеке стонали раненые. Ивета нашла здесь широкое применение своим скромным медицинским познаниям. Тяжелая ответственная работа, требующая всех душевных сил, помогла ей забыть огорчения, причиняемые ей странным поведением Кожина, его непонятной холодной отчужденностью.

Кожин с возвращением отряда тоже приободрился. У него вновь появилась надежда, что командиры вспомнят о нем и устроят ему обещанное испытание.

Он не ошибся. Локтев и Горалек решили воспользоваться передышкой и вплотную заняться таинственным сержантом. Вечером, после возвращения с операции, они вызвали Кожина в штабной отсек.

— Ну, как дела, Иван? — приветливо спросил его Локтев.

— Скучно, товарищ майор, без дела сидеть, — мрачно ответил Кожин.

А Горалек осмотрел сержанта с нескрываемой иронией и прогудел своим бесподобным басом:

— Без дела у нас, товарищ, никто не сидит! Ты лучше скажи мне как шахтер шахтеру, врал ты нам про полеты свои или нет?

— Зачем говорить? Пойдемте, товарищ Горалек, на воздух, я с удовольствием покажу вам на деле, что не врал.

— Ишь ты какой самоуверенный!.. А вдруг ты разучился за это время, а?

— Этого не может быть, товарищ Горалек. Скорей я ходить разучусь, чем летать.

— Ладно, Иван, завтра посмотрим, как ты летаешь,— вмешался майор.— В шесть утра будь готов. Я зайду за тобой.

Кожин ушел из штабного отсека в приподнятом настроении. Его час настал. Завтра все решится!

12

Эту ночь Кожин спал плохо. Задолго до рассвета он был уже на ногах и с нетерпением ожидал прихода майора. Сердце его тревожно стучало: «Хоть бы ничего не случилось! Хоть бы не передумали!»

Но командиры не передумали. Ровно в шесть Локтев заглянул в общий отсек и тихо окликнул Кожина:

— Иван, пора!

Кожин мягко спрыгнул с койки и бросился к выходу.

Не сказав никому ни слова о цели своей отлучки, командиры повели Кожина в лесную глушь, подальше от посторонних глаз.

Было сыро и ветрено. Осенний рассвет с трудом преодолевал ночную темень. Пелена серых туч плотно застилала все небо. Под ногами чавкала набрякшая водою земля.

Выбрав подходящую поляну на пологом склоне холма, Локтев остановился и сказал:

— Место вполне удобное. Давай, Иван, показывай, на что ты способен.

Кожин молча кивнул, огляделся по сторонам, набрал полную грудь сырого холодного воздуха и вдруг, оттолкнувшись здоровой ногой от земли, стал медленно подниматься над поляной.

Зрелище это было настолько поразительным, настолько неожиданным, что у обоих экзаменаторов вырвался возглас изумления. Готовясь к испытанию, они в глубине души допускали, что произойдет нечто не совсем обычное, но не представляли себе, что это будет настолько просто и великолепно до головокружения.

Кожин поднялся высоко в небо, скрывшись на минуту в серой пелене туч, потом камнем упал вниз, заставив на короткий миг оцепенеть своих наблюдателей от ужаса, и, перейдя на бреющий полет, стремительно пронесся над самой головой

Локтева и Горалека, от чего те невольно пригнулись и чуть не уронили шапки.

После первого потрясения Локтев быстро справился со своими чувствами и с напряженным вниманием следил за действиями Кожина. Совершенно по-иному вел себя бородатый Горалек. Он словно обезумел от восторга, махал Кожину руками, кричал «ура» и, казалось, готов был сам лететь вслед за сержантом.

Кожин не ограничился показом одного лишь полета. Он снова поднимался выше туч, падал вниз, метал камни в муравьиную кучу, демонстрируя, насколько точно он может накрывать гранатами наземные цели, стрелял на бреющем полете из пистолета в ствол дерева, замирал в воздухе в полной неподвижности, словно живой воздушный шар, затем осторожно опускался на вершину дерева, показывая, как сможет подкрадываться с воздуха к окнам неприятельских штабов.

Наконец, запыхавшийся, раскрасневшийся, он мягко приземлился на поляне в трех шагах от командиров и, взяв под козырек, взволнованно произнес:

— Ваш приказ, товарищи командиры, выполнен. Достаточно ли этого, чтобы считать испытания законченными?

— Достаточно! Молодец! Лучше не покажешь! — наперебой ответили Локтев и Горалек.

— В таком случае, разрешите вернуться в строй и с воздуха бить фашистских гадов!

Локтев невольно улыбнулся юношеской горячности своего сержанта и крепко пожал ему руку. А Горалек заключил Кожина в свои медвежьи объятия, расцеловал в обе щеки и прогремел от полноты чувств:

— Шахтер! Герой! Правильно! Мы еще покажем! Нас еще узнают!..

Подождав, пока бородач успокоится, Локтев сказал:

— Вернуться в строй, Иван, ты, конечно, имеешь право, но об этом должен быть особый разговор. Не спеши! Летаешь ты здорово, лучше, чем можно мечтать. Это верно. И удивил ты меня, прямо скажу, сверх всякой меры. Никогда бы не поверил, что человек способен на такое, если бы сам не увидел! Но одно дело, Иван, талант, а другое дело — его применение.

— Не понимаю, товарищ майор...

— А что тут понимать? Ты — первый человек, оказавшийся способным двигаться в воздухе. Ты в своем роде феномен, каких не было и какие, надо думать, не скоро появятся...

— Но ведь именно поэтому, товарищ майор, именно поэтому надо использовать мои качества для боевых операций! — воскликнул Кожин.

— Надо? Лично я в этом сомневаюсь. А ты, Горалек, что скажешь?

Шахтер смотрел на Кожина с восторженным изумлением, как на живого марснанина. На вопрос Локтева он, не задумываясь, ответил:

— Черт меня побери! Летает он просто здорово! Ни в одном цирке такое не увидишь! Стреляет и бомбит на лету, как бог! Ему можно поручить многое: разведку, диверсии, связь...

— ...и в результате потерять его при операции, с которой превосходно могли бы справиться обычные люди! — закончил за него Локтев и, покачив головой, добавил: — Узко мыслишь, товарищ Горалек! На исторический факт смотришь с точки зрения собственной колокольни!

— Почему?! — возмутился шахтер.

— А потому. Не по-государственному смотришь!.. Но об этом мы еще потолкуем, времени у нас достаточно. Прежде чем возвращаться в строй, Кожину еще нужно подлечить ногу. Он хоть и летучий, но из-за хромоты своей все равно не годится в дело.

— Но ведь мне, товарищ майор...

— Знаю, знаю, Иван! Знаю, что ты хочешь сказать: что ноги тебе в полете не нужны. Согласен. Но, во-первых, я даже формально не имею права вернуть тебя в строй, пока ты не станешь вполне здоровым. А во-вторых... во-вторых, Иван, ты просто не до конца понимаешь, каким исключительным талантом одарила тебя природа, и я не могу допустить, чтобы из-за этого своего непонимания ты совершил какие-нибудь непоправимые глупости.

— Значит, в строй пока нельзя? — упавшим голосом спросил Кожин.

— Пока нельзя. А дальше посмотрим.

— А как же быть с доктором Коринтой, товарищ майор? Ведь я понял свой талант и научился им пользоваться только благодаря доктору Коринте! Без него я никогда в жизни не догадался бы, что умею летать. Без него... без него я вообще пропал бы! Разрешите мне, товарищ майор, выполнить единственное задание — освободить доктора Коринту. А потом делайте со мной что хотите!

— Успокойся, Иван. Неужели ты считаешь, что мы способны бросить Коринту в беде? Мы займемся этим немедленно и сделаем все, чтобы вырвать у фашистов этого замечательного ученого! Правильно я говорю, Горалек?

— Правильно, майор. Такого башковитого мужика нельзя отдавать фашистским палачам. Мы вызволим его из беды, чего бы это нам ни стоило!

— Ты слышишь, Иван?

— Слышу, товарищ майор. Но согласитесь, что мне...

— Хватит! — перебил его Локтев. — Спорить тут не о чем, и все твои возражения я заранее отвергаю. После сам убедишься, что я был прав. А теперь пора домой. Дел у нас непочатый край!

На обратном пути они молчали, думая каждый о своем.

13

Появление в отряде Владика вызвало вначале неудовольствие со стороны Горалека. В тот же день, когда лесник привел мальчика в лагерь, командир вызвал его к себе для серьезного разговора.

Влах стоял перед Горалеком, переминаясь с ноги на ногу, ожидая, что ему достанется за провал наблюдательного поста в к-овском лесу. Но командир принял его отчитывать его за то, что он притащил в лагерь партизан ребенка, за которым тут некому присматривать и которому вообще полагается сидеть возле матери, ходить в школу и заниматься играми, а не болтаться в лесу среди партизан, подвергаясь вместе с ними смертельной опасности.

— Ты что, не понимал, куда тащишь мальчишку? Почему не пристроил его где-нибудь в деревне, у родни или у знакомых? — бушевал шахтер, бешено сверкая своими цыганскими глазами.

— Он сам просился, товарищ командир... — смущенно оправдывался лесник, теребя свою рыжую бороду.

— «Сам»? А ты-то, борода, о чем думал?

— Я-то? Да я, по правде говоря, и сам не очень хотел оставлять его на чужих людей. Вдруг, думаю, про него немцы узнают, пропадет мальчонка! Ведь гестаповцы, сам знаешь, ни стариков, ни детей не щадят. А мальчонка, скажу тебе, Горалек, не простой, а особенный. Он не только был с Коринтой, когда Кожина нашли, он еще и связным у нас был, о провале нас предупредил... Да мало ли что! Вот Коринта мне как-то говорил, что без Владика ему ни в жизнь было бы не разгадать какой-то там научный секрет по поводу Кожина. Владик, вишь, ему идею подсказал, и тогда у него все пошло, как по маслу. Одним словом, боевой мальчонка!

— Идею, говоришь, Коринте подсказал? Это интересно! Выходит, Влах, ты прав... — Горалек смягчился и, подумав, сказал: — Ну ладно, пусть пока живет! После придумаем, куда его определить. Может, к матери отправим, может, еще куда... А ты, Влах, присматривай за ним. На твою ответственность его оставляю. Понял?

— Понял, товарищ командир!

Так Владик остался у партизан. Он был занесен в списки личного состава и во время утренних проверок, стоя на левом фланге, звонко кричал: «Здесь» — когда командир называл его фамилию.

Мальчик ошалел от радости. Ему казалось, что он спит и видит волшебный сон. Еще бы! Скалистая крепость посреди дремучих лесов, настоящие партизаны, увешанные оружием, темная пещера, ежедневные рассказы о боевых подвигах, от которых захватывает дух, — ну какой мальчишка не почувствовал бы себя счастливейшим человеком, попав в такую изумительную обстановку!

Но чему Владик был особенно рад, это присутствию в отряде сержанта Кожина. Мечта научиться летать не покидала его. Если бы Кожин позволил ему, мальчик не отходил бы от него ни на минуту.

Что касается Иветы, ее появление в лагере приветствовали все без исключения. Отряд ощущал острую нехватку в медработниках. Единственный врач — пожилой хирург из Остравы, пришедший в отряд вместе с Горалеком, — не справлялся с работой по уходу за ранеными. Девушке отгородили отдельную каморку возле госпитального отсека, выдали белый халат и сразу загрузили работой.

Ивета была тоже по-своему счастлива, но счастье ее не было таким безоблачным, как счастье Владика. Ее беспокоило сумрачное настроение Кожина, мучила неизвестность о судьбе матери, не покидала тревога за доктора Коринту. Поведение Кожина она истолковывала по-своему: «Иван еще хромает, его не берут на боевые операции, вот он и хандрит, слоняясь по лагерю без дела». С одной стороны, она сочувствовала Кожину, но с другой — была рада, что он хотя бы временно не участвует в опасных партизанских делах.

В то утро, когда Кожину дали наконец возможность доказать, что он действительно умеет летать, Ивета, обнаружив, что Ивана нет в лагере, страшно разволновалась. Работа валилась у нее из рук. Владик, который всегда точно знал, где находится Кожин, еще спал. Оба командира отсутствовали. Из партизан никто Кожина не видел.

Наткнувшись на Влаха, который вместе со своим верным Тарзаном готовился идти на сторожевой пост, Ивета так и набросилась на него:

— Влах, вы не видели Кожина?

— Не видел, сестричка, не видел. А чего это ты мечешься?

— Как — чего! У Кожина нога больная, ему еще нельзя ходить, а его нигде в лагере нет!

— Раз нет, значит, так надо. Не век же твоему Кожину

без дела сидеть. Он и сам уже от тоски извелся... А ты не волнуйся, Ветушка! Вернется твой Кожин, никуда не денется."

Влах улыбнулся в рыжую бороду, вскинул на плечо винтовку и пошел прочь из лагеря...

14

Когда Кожин вернулся, Ивета была занята раздачей раненым завтрака. Радостную весть ей принес Владик. Он лишь мельком заглянул в лазарет, крикнул сестре, что сержант пришел, и снова убежал. Торопливо закончив раздачу пищи, Ивета бросилась разыскивать Кожина.

Она нашла его за утесом, на краю обрыва.

Иван сидел, свесив ноги со скалы, задумчиво швырял в ручей камешки и при этом рассеянно толковал о чем-то с Владиком, примостившимся рядом со своим кумиром. Лицо у Кожина было пасмурное, а это свидетельствовало о том, что в его положении не настало никаких перемен.

С приходом Иветы юноша немного оживился, но, поздоровавшись с нею, тут же снова впал в мрачную задумчивость.

Ивета отослала братишку посмотреть, как партизаны чистят пулеметы, а сама присела на его место.

— Ты чего такой грустный, Иван? У тебя неприятности?

— У меня, Ветушка, ничего, кроме неприятностей, последнее время и не бывало. Такая уж, видно, полоса наступила. Впрочем, ничего особенного не произошло... Расскажи лучше о себе. Письмо матери сумела отправить?

— Нет еще. В город никто из наших не ходил, из города тоже никого не было. А сообщить маме надо. Она, наверное, умирает от страха за Владика и за меня. Да и мы о ней ничего не знаем. Поехала она к своей сестре, тете Баре, в Кнежевесь у Праги, а как она до нее добралась, как там устроилась, ничего не знаем. Владiku-то что, он и не думает об этом. А я как вспомню ночью, реву, как дурочка. Всякое ведь на ум приходит! Вдруг маму на дороге задержали или выследили и арестовали вместе с тетей Барой... Страшно подумать о таком!

Кожин погладил Ивету по волосам:

— Не надо, Ветушка, не расстраивайся. Я уверен, что твоя мама благополучно добралась до места и ничего с ней не случилось. Но чтобы тебе было спокойнее, напиши письмо и отдай мне. Я его на днях смогу отправить...

— Ты, Иван? Тебе можно уже вылетать на задания?

— Тише! — Кожин осторожно осмотрелся по сторонам. — Разве тебе не говорили, что эта моя способность строжайше засекречена?

— Говорили, Иван... Прости, я нечаянно...

— Смотри, попадет тебе от Горалека, если проболтаешься!.. И вот еще что. Письмо твое я, конечно, отправлю, но это должно остаться исключительно между нами. Никому ни слова, ни Владу, ни кому-либо другому. Понятно?

— Понятно, Иван... Но послушай, а как же командиры? Они ведь должны знать о каждом письме, которое уходит из лагеря на волю. Они даже содержание всех писем должны знать. Мне Горалек говорил, что это одно из основных правил внутреннего распорядка...

— Ничего, твое письмо может пойти и непрочитанным. Я уверен, что ты не будешь в нем описывать наши укрепления и подступы к лагерю. А о том, что письмо отправлено, я сам им потом доложу.

— Ну хорошо...

Наступило молчание. Кожин задумчиво смотрел в прозрачные волны ручья, а Ивета с возрастающим беспокойством наблюдала за его лицом. Не нравилось ей поведение Ивана, ой, не нравилось! И чем больше она смотрела на него, тем тревожнее замирало ее сердце.

Наконец девушка не вынесла затянувшегося молчания и тихо окликнула Кожина:

— Иван!

— Что, Ветушка?

— Иван, ты что-то от меня скрываешь! Тебя что-то мучает! Скажи мне, в чем дело?

Кожин долго, с тоской смотрел в расстроенное лицо девушки, словно готовясь открыть ей что-то необыкновенно важное, но так ничего и не сказал. Не решился. Лишь обнял ее за плечи и привлек к себе.

— Дай-ка я лучше поцелую тебя!

Ивета смутилась:

— Не надо, Иван, увидят!

Он сразу отпустил ее.

— Ну, не надо так не надо...

Снова наступило молчание. Через минуту Ивета прошептала:

— Ты идешь на какое-то опасное дело, Иван. Я чувствую это! Тебе, наверное, запретили летать... Ведь правда, а? И я знаю, что ты задумал: ты хочешь помочь доктору Коринте. Я прямо так и чувствую, что ты думаешь именно об этом!.. Ну, чего ж ты молчишь?

Кожин лишь нахмурился, но ничего не ответил.

— Ладно, не говори. Но будь осторожен, Иван! Умоляю тебя, будь осторожен! Я умру, если с тобой что-нибудь случится!

Сержант еще крепче прижал к себе девушку и этим движением словно подтвердил ее догадку.

В этот момент со стороны пещеры донесся крик:

— Кожин! Сержант Кожин!

Тут же примчался Владик и выпалил:

— Иван, тебя командиры требуют!

Кожин нехотя поднялся, кивнул Ивете и пошел к пещере.

В помещении штаба его ждал один Локтев. Майор пристально посмотрел сержанту в лицо и сказал:

— Ну что, фенсмен, все еще не в духе? Ничего, привыкай, у тебя теперь должность особенная.

— Да я и так, товарищ майор... — неопределенно отозвался Кожин.

— Смотри у меня, Иван! Я знаю, какой ты тихоня, с прежних времен знаю. Меня не проведешь... Я тебе вот что хотел сказать. Летать не смей. Ни при людях, ни тайком. Об этой твоей способности не должна знать в отряде ни одна живая душа. Кто из твоих друзей, помимо Коринты, знает об этом?

— Ивета знает.

— А Влах и этот мальчик Владик?

— Влах, возможно, смутно догадывается, но точно ничего не знает. Да он и не пытался ни во что вникать. Ему это ни к чему. А вот Владик совсем другое дело. Этого пацана никто ни во что не посвящал. Он сам догадался, что я умею летать. Мечтает, что его я тоже научу.

— Горалек мне говорил о нем. Он в тебе души не чает. Вот ты им и займись. Мальчишка он смысленный и молчать, как видно, умеет. Растолкуй ему, что болтать об этом нельзя.

— Это можно, товарищ майор. Меня он послушает... А самому мне чем прикажете заниматься?

— Пока ничем. Лечи ногу, отдыхай, готовься к большим делам... Скоро я тебя отправлю в Москву, там и налетаешься!

Кожин вздрогнул, как от удара, и побледнел. Майор не спускал с него пристального взгляда.

— Понял, Иван?

— Как не понять, товарищ майор. Все ясно, как майский день.

— Ну, ступай, коли ясно. Я верю тебе, Иван, верю в твое благоразумие, в твою дисциплинированность.

Кожин вышел из штабного отсека совершенно убитый.

До конца дня после этого он не выходил из пещеры, лежал в темноте на койке, усиленно что-то обдумывая. От обеда отказался и лишь вечером, при раздаче ужина, появился перед окошком кухни со своим котелком. После ужина отыскал Ивету, взял у нее письмо и снова скрылся, ничего не ответив на тревожные вопросы девушки.

А глубокой ночью, когда весь партизанский лагерь погрузился в глубокий сон и лишь часовые бодрствовали на своих постах, Кожин тайком вышел из пещеры, проскользнул в темноте мимо поста на площадке и скрылся за выступом скалы. Здесь он с минуту постоял над обрывом, прислушиваясь к неугомонному переплеску волн в потоке, потом поправил на себе одежду, потуже затянул пояс и вдруг, мягко оттолкнувшись от твердой каменной опоры, поднялся в воздух. Никем не замеченный, он, словно призрак, растаял в ночном небе, и лишь чуткий Тарзан лесника Влаха недолго полаял ему вслед.

Прошел час, второй. В лагере ничего не изменилось. По-видимому, отсутствие сержанта Кожина никого не встревожило. Спустя два часа летающий человек так же незаметно приземлился на краю обрыва за утесом и как ни в чем не бывало вернулся в пещеру на свою койку.

15

Этой ночью начальник гестапо, оберштурмбанфюрер Штольц пережил такое ужасное и невероятное приключение, что надолго лишился душевного покоя.

По своему обыкновению, он допоздна засиделся на службе. «Работа» его не отличалась особым разнообразием: допросы, пытки, протоколы, затем снова допросы и снова пытки. И тем не менее «работа» требовала большой собранности и выдержки. Ведь приходилось иметь дело с людьми ужасно упрямыми и несговорчивыми: на них не действовали никакие угрозы, никакие истязания. Это, конечно, было утомительно.

Здание гестапо, построенное бог весть когда — может быть, даже во времена Яна Жижки, — было мрачным и грубым сооружением. Однако Штольцу оно нравилось, особенно своей круглой средневековой башней, поднимавшейся над въездом в тюремный двор. Гладкий конус башни возвышался над остальными строениями метров на двадцать. Под самой крышей, словно бойницы древней крепости, виднелись узкие окна.

Здесь, на недостижимой высоте, оберштурмбанфюрер Штольц и оборудовал себе рабочий кабинет. Здесь он вершил допросы и делал предварительные внушения.

В час полудни, отправив очередную жертву в подвальную камеру башни для «окончательной доработки», Штольц решил немного передохнуть и освежиться в одиночестве крепким кофе с коньяком.

Тут-то оно и случилось.

В окно, затемненное плотной черной бумагой, кто-то вдруг постучал. Стук был настойчивый, довольно громкий и быст-

рый. Он повторился три раза подряд с короткими промежутками.

Штольц посмотрел на окно и замер с чашкой в руке. Нет, он не испугался. Ему и в голову не пришло, что это может быть человек. Ведь такая высота!

«Птица, должно быть»,— решил гестаповец и, осторожно поставив чашку на стол, поднялся с кресла.

Он был страстным охотником, этот кровавый палач с внешностью благообразного пастора. Быстро выключив свет, он рывком поднял бумажное затемнение и распахнул окно.

В лицо ему повеяло холодом и сыростью. В непроглядной тьме не слышалось ни малейшего шороха. Лишь где-то далеко, на окраине города, лаяли собаки.

Решив, что птица улетела, Штольц разочарованно захлопнул створки окна и только тут заметил, что на стекле с внешней стороны что-то белеет. Что бы это могло быть?.. Снова открыв окно, он пощупал белое пятно рукой. Бумага! Бумага, приклеенная к стеклу!

У охотника мигом пересохло во рту. Вывхватив карманный фонарик, он осветил не успевший просохнуть листок и осторожно снял его со стекла. Затем торопливо закрыл окно, опустил на него затемнение и включил в кабинете свет. Тут же, не отходя от выключателя, прочел на листке следующие четкие строки, написанные химическим карандашом:

«Требую немедленного освобождения доктора Вацлава Коринты, главврача к-овской больницы. В случае отказа вас ждет неминуемая смерть. В моей силе и решимости вы уже убедились на примере подлого предателя Майера, которого я казнил. Не доводите меня до крайности. Ночной Орел».

Оберштурмбанфюрер почувствовал легкое головокружение. С трудом передвигая ослабевшие ноги, он прошел к столу и упал в кресло. Это был нервный шок от испуга. Но вызвало его не содержание записки, а тот загадочный, совершенно необъяснимый способ, которым она была доставлена на вершину абсолютно недоступной башни.

Как этот таинственный Ночной Орел добрался до окна? Ни с земли, ни с крыши этого сделать невозможно. У ворот тюрьмы стоят часовые, вход в башню тоже охраняется. На крышу можно попасть, разве что спустившись с парашютом...

Ночной Орел!.. Кто это? Человек или... или... Нет, тут не придумаешь никакого разумного объяснения. Если почтовый голубь, то голубь никак не смог бы приклеить записку на стекло. Это мог сделать только человек, а человеку по гладкой двадцатиметровой стене сюда не добраться. Фантазмагория какая-то!

Ясно одно: нужно немедленно вызвать этого упрямого чеха

Коринту. Если Ночной Орел знает Коринту, то Коринта обязан знать Ночного Орла.

Штольц нетерпеливо нажал кнопку звонка. Тотчас же явился дежурный офицер.

— Коринту ко мне! Немедленно!

— Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер!

Фигура в черном мундире повернулась на каблуке и исчезла.

Штольц нетерпеливо заходил по комнате, мысленно допрашивая Коринту. Жестикуюя руками, он подошел к стулу, на котором должен был бы сидеть Коринта, и прокричал вслух:

— Ну-с, милейший доктор, теперь вы тоже будете все отрицать?!

Резкий звук собственного голоса отрезвил Штольца. Он опустил руки, постоял еще минуту над пустым стулом и вернулся к своему столу. Сев в кресло, он закурил и стал, собирая мысли, готовиться к допросу.

16

Когда четверть часа спустя в кабинет Штольца привели доктора Коринту, гестаповский начальник еще находился в крайнем расстройстве чувств.

— Садитесь и прочтите вот это! — крикнул он и протянул доктору злополучный листок.

Коринта сел на стул, надел очки и внимательно прочел листок. Он сразу понял, в чем дело, и сердце его затрепетало от радости. «Молодец Кожин! Немного наивно, конечно, но для начала неплохо...» — подумал он, а вслух сказал:

— Простите, господин полковник, эта записка, хотя она и касается меня, ровно ничего мне не говорит. Уверю вас, я не знаю никакого Ночного Орла.

— Не знаете?! — заорал вдруг Штольц, теряя остатки вежливости. — Вы продолжаете нагло утверждать, что не знаете?! Этот проклятый Ночной Орел убил доктора Майера, который сообщил нам о ваших грязных проделках, освободил вашу сообщницу Сатранову, только что подсунул мне эту бумажку, в которой с неслыханной дерзостью требует вашего освобождения, а вы твердите, что ничего не знаете?! Не кажется ли вам, что отрицать эту безусловную связь между вами и Ночным Орлом по меньшей мере глупо!

— Я действительно ничего не знаю, господин полковник, и поражен появлением этой записки не меньше, чем вы.

— Берегитесь, господин доктор, запирательство вам не по-

может! Будь вы таким невинным, каким прикидываетесь, за вами не тянулась бы эта уличающая цепь преступлений!

Гестаповец перевел дух и постарался взять себя в руки. Накричав на Коринту, он получил нервную разрядку и почувствовал себя гораздо лучше. К нему вернулось прежнее самоблагодание.

— Вот что, господин доктор. В настоящий момент меня не интересуют ваши преступные связи. В этом мы с вами разберемся потом. Но вы не можете не знать, каким образом этот ваш Ночной Орел добрался до верхушки башни и приклеил на мое окно записку. Откройте мне этот секрет, и я на неделю продлю срок, отпущенный вам на размышление.

Коринта в ответ лишь недоуменно пожал плечами. Это вновь вызвало у Штольца приступ ярости.

— Ведь вы знаете, как он это сделал! Вы не можете не знать! Ну говорите же, черт бы вас побрал! Не доводите меня до бешенства!

— Я ничего не знаю, господин полковник. Это какое-то ужасное недоразумение! Я могу допустить, что какие-то неизвестные мне лица пытаются выручить меня, но даже отдаленно не могу себе представить, кто бы это мог быть. В здешних краях я, как вы знаете, человек новый. К тому же я трудно схожусь с людьми. У меня не было здесь близких друзей, кроме разве что лесника Влаха, такого же любителя уединения, как и я. Но Влах пожилой человек, вряд ли он способен на такие проделки...

— Не морочьте мне голову! Вы лжете! Я вижу, что лжете! Говорите немедленно! Ну! Как он добрался до окна, этот ваш таинственный покровитель. Он воспользовался каким-нибудь аппаратом? Летательным аппаратом, да?.. Что?.. Не желаете отвечать? Одумайтесь, господин доктор! Своим упорством вы оказываете себе плохую услугу!

— Простите, господин полковник, но сейчас я, право, ничего не могу вам сказать. У меня нет ни малейших предположений на этот счет. Дайте мне собраться с мыслями и подумать до конца назначенного вами срока. Ведь осталось немного. Уверяю вас, для меня все это такая же загадка, как и для вас. Но, быть может, мне удастся что-нибудь придумать, чтобы помочь вам в этом запутанном деле.

Несколько минут Штолец молча смотрел на доктора Коринту. Раздражение его постепенно улеглось, и он снова взял себя в руки.

— Ну хорошо, господин доктор. Трое суток действительно не такой уж большой срок. Думайте. Только мой вам дружеский совет: думайте быстро и правильно! Потому что, если вы ничего не придумаете и попытаетесь снова водить меня за нос,

мне придется поговорить с вами несколько по-иному. Вы пожалеете тогда, что родились на свет!

Гестаповец позвонил. Вошли двое охранников и увели доктора Коринту обратно в камеру.

17

Случилось невероятное: Кожин впервые в жизни не подчинился приказу своего командира, сознательно нарушил его строжайший запрет. Еще месяц назад он и подумать бы о таком не посмел, а теперь не только подумал, но и сделал.

Своим своевольным поступком сержант совершил сразу три преступления: летал, отлучался без разрешения из лагеря, отправил частное письмо без ведома командиров.

В эту ночь он действительно слетал в город Б., где не только опустил в почтовый ящик письмо Иветы, но и доставил собственное послание начальнику гестапо. Он был уверен, что после расправы над предателем Майером угроза подействует и Штольц освободит доктора Коринту. Но недаром сам Коринта назвал про себя поступок Кожина «немного наивным». При всей своей сообразительности и смелости Кожин в то время просто не знал еще всех повадок немецкого гестапо.

Ночная отлучка Кожина продолжалась не более двух часов и совершилась под покровом темной ночи. Тем не менее Локтев узнал о ней. Соседу Кожина по койке в ту ночь почему-то не спалось. Он заметил, что сержант на целых два часа отлучался из пещеры, и доложил об этом Горалек. А Горалек немедленно поделился тревожной вестью с майором.

Утром, когда большую часть отряда Горалек увел в недалекую лошину обучаться стрельбе из трофейных фаустпатронов и база на некоторое время почти опустела, у Локтева с Кожиным состоялся весьма серьезный разговор.

Чтобы никто даже случайно не смог подслушать, о чем они говорят, Локтев предложил сержанту выйти на воздух. Они расположились на камнях у обрыва и разговаривали под мелодичный переплеск ручья.

Майор был по-настоящему разгневан и, с трудом себя сдерживая, курил папиросу за папиросой. А Иван слушал его с таким видом, что это не предвещало ничего хорошего.

— Итак, сержант, этой ночью ты куда-то летал,— заговорил Локтев.— Не оправдывайся! Молчи! Я пока не спрашиваю тебя, куда и зачем ты летал. Это особый вопрос, и разбираться в нем мы тоже будем особо. А пока о самом факте. Я строго-настрого запретил тебе летать. У меня были для этого очень серьезные основания. Ты обещал мне соблюдать запрет.

— Обещал, товарищ майор.

— Так. Обещал. А сам? В тот же вечер, словно вор, прокрадываешься из пещеры и улетаешь, никому не сказавшись! Ты понимаешь, что ты совершил?

Кожин не ответил. Плотнo сжав губы, он смотрел в волны потока, и весь вид его говорил о том, что он не только все понимает, но и ни в чем не раскаивается. Подождав немного, Локтев продолжал:

— Что с тобой, Иван? Ты всегда был образцовым, дисциплинированным солдатом, который умеет подчинять свои прихоти воинскому долгу. Ты был настоящим советским воином. И вдруг такая анархия! В чем дело? Неужели твой исключительный талант настолько ударил тебе в голову, что ты забыл и о присяге, и об уставе, и даже о простой человеческой порядочности? Что и говорить, у тебя обнаружился совершенно особенный талант, и это, безусловно, ставит тебя в совершенно особенное положение. Не скрою, не будь твоего таланта, я не обсуждал бы сейчас твой поступок, а обошелся бы с тобой по закону военного времени. Ты сам должен знать, что это такое.

— Не будь моего таланта, товарищ майор, не было бы и никаких проступков: меня бы просто не было в живых... Я не для забавы летал, товарищ майор. Я предпринял первую попытку освободить доктора Коринту, которому я обязан всем: и талантом своим, и жизнью... И вообще, я хочу воевать, а не отсиживаться в пещере!

Кожин произнес эти слова, не отрывая взгляда от бурлящего потока. Майор швырнул в волны окурок и тут же снова достал папиросу. Он чувствовал, что разговор уходит из нужного русла, и это ужасно его раздражало. Но он по-прежнему старался себя сдерживать, понимая, что с таким особенным, единственным в своем роде человеком нужно и говорить как-то по-особенному.

— Насчет твоей попытки, Иван, мы поговорим позже. Боюсь, что своим самовольством ты только усложнил ситуацию. А насчет твоего желания воевать скажу тебе так. У тебя появилась необыкновенная, можно сказать, уникальная способность, такая, какой не наблюдалось ни у одного из многих миллиардов людей, живших и живущих на нашей планете. Если бы эта способность обнаружилась раньше, никто и не подумал бы посылать тебя на фронт, где ежедневно, ежеминутно тебя может убить шальная пуля. Твой талант оберегали бы как огромное народное достояние. Можешь в этом не сомневаться. А уж коли так случилось, что способность твоя проявилась у тебя здесь, в боевой обстановке, твой командир обязан о тебе позаботиться. Вот и выходит, что я просто не имею права рисковать твоей жизнью. Сегодня я передал о тебе под-

робное донесение. Уверен, что на него отреагируют и что с ближайшим самолетом тебе придется отправиться на Большую землю. Тобой займутся настоящие ученые, Иван. Не простые врачи, как твой Коринта, а большие ученые, академики. И не на чердаке лесной сторожки тебя будут изучать, а в институтах, лабораториях...

Лицо Кожина обострилось, на челюстях заиграли желваки.

— Все ясно, товарищ майор,— произнес он сквозь зубы.— Люди будут воевать, умирать за Родину, а я буду отлеживаться в тылу, валяться по лабораториям в роли подопытного кролика!

— Это твой долг, Иван. Долг перед Родиной, перед человечеством!

— Красивые слова, товарищ майор! Я не кролик, я живой человек! У меня есть свои чувства, мысли, свое отношение к людям. Меня послали воевать, и я буду воевать! Так велит мне моя комсомольская и солдатская честь. Я не согласен на роль подопытного кролика! Неужели вы меня не понимаете, товарищ майор?!

— Понимаю, Иван. Конечно, понимаю! Но личные желания и цели приходится забывать, на то и война.

— Я хочу воевать! Разве это личная цель?

— Поскольку тебя толкает на это твое тщеславие и самолюбие, то да, безусловно личная. Твоя война, Иван, будет другой. Тебе, надо полагать, поручат дело, которое никто, кроме тебя, не сможет выполнить. Не нам с тобой решать, Иван, где наше место в этой великой битве с фашизмом. Где нам прикажут, там и будем стоять до конца.

— На фронте — да! Но в тылу?!. Нет, в тылу я не согласен!

Локтеву эти пререкания надоели. Несколько мгновений он в упор смотрел на несговорчивого сержанта, поджав губы. Затем, решив, по-видимому, что дальнейшие уговоры ничего не принесут, встал на ноги, расправил плечи и негромко, но четко подал команду:

— Сержант Кожин, стать смирно!

Кожин мгновенно вскочил и вытянулся.

— Слушайте мой приказ, сержант Кожин! — заговорил майор сурово.— Начиная с настоящего момента и впредь до отмены я категорически запрещаю вам покидать территорию базы. За малейшую попытку отлучиться, а также за малейшую попытку предать разглашению свою способность летать по воздуху вас ждет военный трибунал. Вы поняли значение приказа, сержант Кожин?

— Так точно, товарищ майор! — одними губами произнес внезапно побледневший Кожин.

— Надеюсь, вы не уроните честь бойца Красной Армии и

не нарушите присягу. Выполнение вами данного приказа я буду каждый день проверять лично. Все. Можете быть свободны!

И, круто повернувшись, майор удалился в пещеру.

Кожин еще долго стоял, неподвижный, как изваяние, и глядел вслед ушедшему командиру. Потом снова сел на камень и глубоко задумался.

Локтев был уверен, что сержант не посмеет полностью выйти из повиновения, и поэтому воздержался пока брать его под арест. Но уверенность майора основывалась на слишком простых и зыбких выводах. Он не учел одного очень важного фактора, а именно: что с появлением нового физического качества в психике сержанта произошло много сложнейших изменений.

18

О чем же размышлял Кожин, глядя в прозрачные волны неумолчно бурлящего потока? Какие новые замыслы появились у него в голове после неприятного разговора с командиром?

Кожин думал о том, что счастье почему-то никогда не бывает полным, к нему обязательно примешивается беда. Причем так примешивается, что не отделишь ее от счастья, сколько ни бейся!

Разве не счастье — уметь летать? Конечно, счастье, и немалое! Умение летать вызволило Кожина из величайшей беды — сняло с него подозрение в измене. Умение летать помогло освободить Ивету и наказать предателя. Счастье? Конечно, счастье! И вдруг — словно гром среди ясного неба: из-за способности летать Кожина лишают воинской чести, разлучают с родным отрядом, посылают в тыл, превращают в подопытного кролика. Это ли не беда? И как примешалась, как присосалась к счастью — ничем ее не отделишь!

При мысли о подопытном кролике в Кожине все начинало клекотать. Как, боевой сержант, снайпер, парашютист, подрывник, а теперь еще и летун будет валяться в каких-то лабораториях и ученые слабосильные старцы будут сквозь лупу его рассматривать? А другие в это время будут воевать, бить фашистов?! Да будь она трижды проклята в таком случае, эта его способность летать! Пусть бы ее лучше не было, и пусть бы Кожин разбился вдребезги об землю, когда у него не сработал парашют!

Ему приказано сидеть на этой скале, пока самолет не увезет его на Большую землю. Сидеть, как арестант!.. Кругом горы, леса... Всем людям они доступны... а тут!

Кожин со всей остротой почувствовал, как горько и тяжело

быть исключительным человеком, и впервые позавидовал обыкновенным людям, рядовым бойцам отряда.

Сзади подошла Ивета, тронула его за плечо:

— Иван, что случилось?

Он долго медлил с ответом, не отрывая взгляда от широкой панорамы лесных гор. Потом обернулся и со странным спокойствием сказал:

— Нам скоро придется расстаться, Ветушка.

— Почему, Иван?

— Нам придется расстаться на короткое время, чтобы избежать разлуки навсегда.

— Не понимаю...

— Я не могу сейчас объяснить тебе все до конца... Нет, нет, я верю тебе! Просто боюсь, что ты неправильно поймешь. Да и никто не поймет, кто на себе не испытает... Я ведь стал другим человеком, Ветушка. Не знаю, лучше или хуже, но знаю, что другим. Раньше я смог бы многое принять, заставил бы себя подчиниться, даже если бы это было для меня неприятно. А теперь не могу! Вот смотрю на эти горы, леса, на это серое небо, на эти туманные дали и чувствую — не могу!.. Не знаю, так ли это, но мне кажется, что наземные животные легче привыкают к неволе, чем птицы. Разве сравнишь, например, свободу орла со свободой волка? Свобода орла измеряется объемным и, значит, несравненно более совершенным пространством, чем свобода волка, а потому и терять свободу орлу должно быть гораздо труднее, чем волку...

— Тебя хотят лишить свободы, Иван? Но за что?!

— Нет, Ветушка, меня никто не собирается лишать свободы. Но то, что со мной собираются сделать, разлучит меня с тобой и полностью лишит собственной воли. А это то же самое. Даже хуже. Я не могу на это пойти, я должен этого избежать! Хотя бы теперь!.. Посмотри, Ветушка, посмотри вон туда!

Кожин снова повернулся к горам и указал на отдаленную вершину, на которой четко выделялось гигантское дерево.

— Видишь вон ту гору, на которой огромное дерево?

— Вижу, Иван.

— Так вот, слушай теперь внимательно. Если что-нибудь случится и я не смогу появиться на базе, приходи каждую среду в шесть часов вечера к этому дереву. Там мы будем с тобой встречаться!

— Но что может случиться? Почему ты так говоришь, Иван? Ты задумал уйти из отряда? Но ведь это безумие! Ты пропадешь один!

— Довольно, Ветушка. Ни о чем пока не спрашивай. Может, еще ничего и не будет. Я ведь только так, на всякий случай говорю. Вдруг потом все завертится так быстро, что и до-

говориться не успеем... Но главное — ты верь мне, верь и всегда помни, что я честный человек и что люблю я тебя по-настоящему... Не забудь же, каждую среду в шесть вечера на той вон вершине горы, где высокое дерево. Должно быть, это дуб... Придешь, если понадобится?

— Приду, Иван!

— Придешь, даже если обо мне будут говорить плохо?

— Приду. Я верю тебе!

— Спасибо, Ветушка, спасибо, моя умница!

— Но, Иван...

— Молчи, молчи! Больше об этом ни слова!

Ивета прижалась к плечу Кожина и затихла. Она не представляла себе, чего, собственно, опасался Иван, почему он говорил о разлуке с ней и о каком-то лишении свободы, но в сердце ее поселилась новая тревога — тревога и страх за этого смелого русского парня, который, она чувствовала, навсегда вошел в ее жизнь.

Прошло несколько дней. В поведении Кожина не было заметно никаких перемен. Казалось, он примирился со своей участью и не помышлял больше ни о какой самостоятельной борьбе. Локтев это приписывал его дисциплинированности и исполнительности, а Ивета решила, что непонятная опасность, о которой говорил Кожин, миновала.

Однажды пополудни майор вызвал сержанта и сказал ему, что получен приказ о его переброске в Москву.

— Приготовься, Иван, чтобы потом не возиться. Самолет может быть со дня на день.

— Есть приготовиться, товарищ майор! — с какой-то отчаянной лихостью козырнул Кожин.

В тот же вечер, едва дождавшись, когда на окрестные леса опустятся ранние осенние сумерки, сержант Кожин оделся потеплее, прошел за утес и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, прыгнул с обрыва и поплыл вверх, к темному пасмурному небу.

Он улетел из партизанского лагеря, ни с кем не простившись и прихватив с собой лишь свое личное оружие — пистолет.

19

Погода не благоприятствовала Кожину. Моросил ледяной мелкий дождь, и дул пронизывающий северный ветер. Но Кожин не замечал их.

Он стремительно мчался над черными лесами по направлению к К-ову. Лицо его, иссеченное встречными брызгами, за-

мерзло и было мокро, словно от обильных слез. Но он не закрывал лица и не вытирал холодную влагу. Ему было тоскливо и горько. Он понимал, что совершает роковой шаг, исправить который никогда и ничем не сможет. Чтобы заглушить тоску, ему нужны были активность, динамичность, смелые, рискованные действия.

Полет продолжался недолго.

Примчавшись в К-ов, стремительно, словно бесшумный снаряд, Кожин сделал над городом несколько кругов, чтобы погасить скорость. Затем осторожно спустился к школе, которую занимал фашистский гарнизон. Ни часовые, ни кто-либо из прохожих не заметили, как откуда-то сверху, из ночной тьмы, вынырнул человек и припал к одному из окон.

Капитан Фогель стоял в своей комнате перед зеркалом и брился. Он готовился идти на свидание. Вдруг окно его комнаты с треском распахнулось, а бумажное затемнение отлетело в сторону.

«Неужели ветер?» — подумал Фогель и повернул к окну свою намыленную физиономию.

Но это был не ветер. Это было что-то из области кошмарных снов и галлюцинаций.

Из распахнутого окна в комнату прыгнул худощавый парень в ватной куртке, перетянутой ремнями. На летном шлеме его алела звездочка. Советский парашютист? Откуда?! Пришелец был страшен. Его холодные серые глаза, полные ярости и беспощадной жестокости, мгновенно парализовали Фогеля. Капитан не смог даже крикнуть, позвать на помощь. Кошмарный гость из тьмы, заметно хромая, приблизился к нему вплотную и три раза подряд выстрелил из пистолета. Капитан замертво свалился на пол, обливаясь кровью.

— Это тебе за Коринту, гад! — процедил сквозь зубы Кожин и, прыгнув к двери, повернул в ней ключ.

Он сделал это вовремя. В коридоре послышались крики и топот. Подбежав к столу, Кожин на первом попавшемся листке бумаги написал: «Это сделал Ночной Орел».

В комнату уже ломались, когда он выключил свет и метнулся за окно. Но улетать он еще не собирался. Подождав, пока немцы вышибут дверь и ворвутся в комнату, он открыл по ним беглый огонь из пистолета и прекратил его лишь тогда, когда кончилась вся обойма. После этого он взмыл кверху, облетел крышу и с другой стороны здания вертикально пошел в небо.

Это внезапное дерзкое нападение причинило к-овскому гарнизону немалый урон. Кроме капитана Фогеля, были убиты еще один офицер, ефрейтор и двое солдат. Несколько солдат были ранены.

В поисках таинственного террориста, называющего себя Ночным Орлом, немцы обшарили чердак, крышу и все закоулки школьного здания. Но их старания не принесли никаких результатов. Неизвестно откуда появившись, загадочный Ночной Орел исчез столь же таинственно и бесследно.

Но сделанное не утолило терзавшую Кожина тоску. Он лишь еще сильнее и глубже почувствовал свою исключительность и свое одиночество. Чтобы тоска не задушила его, он должен был действовать, действовать и действовать.

Набрав высоту в три тысячи метров, он ринулся вниз и помчался обратно в Б.

Снова в лицо ему хлестали холодные брызги дождя, снова под ним простирались черные леса без единого огонька.

Наконец внизу появились смутные очертания улиц районного города. Пора было гасить скорость. Сделав широкий круг, Кожин устремился к высокой круглой башне, господствовавшей над всеми городскими строениями.

Оседлав верхушку мокрой черепичной крыши, Кожин передохнул, чутко прислушиваясь. Кругом царила глубокая тишина. Казалось, страшная гестаповская тюрьма спит безмятежным сном. Но Кожин знал, что это впечатление обманчиво, что в камерах за толстыми стенами страдают узники, а в глубоких подвалах фашистские палачи, несмотря на ночное время, совершают свое кровавое дело.

Эх, знать бы, в какой камере они прячут доктора Коринту! Он сумел бы к нему прорваться через фашистские трупы и вывести его на волю!.. Но искать по всей тюрьме невозможно — и Коринте не сможешь, и сам пропадешь... Но ничего. Пока он покажет фашистам, что Ночной Орел не бросает слов на ветер.

Насухо вытерев лицо и руки носовым платком, Кожин перезарядил пистолет и, бесшумно снявшись с крыши, опустился к знакомому узкому окну. Найдя едва заметный просвет в затемнении, прильнул к нему глазом. Ему удалось увидеть стол, заваленный бумагами, спинку кресла и черный рукав эсэсовского мундира. Тишина свидетельствовала о том, что гестаповец в кабинете один.

— Сейчас я дам тебе прикурить, гадина! — злобно пробормотал Кожин.

Он сильным ударом ноги вышиб створки и тут же, вслед за посыпавшимся стеклом, ворвался в комнату.

Оберштурмбанфюрер Штольц успел лишь повернуть голову. Схватиться за оружие и вскочить с кресла у него уже не было времени. Увидев перед собой страшного мокрого человека со звездой на шлеме и с пистолетом в руке, он в ужасе проговорил:

— О боже! Ночной Орел!..

Это были последние слова оберштурмбанфюрера Штольца. Пистолет выстрелил раз, другой, и голова гестаповца безжизненно свесилась на грудь.

Кожин прыгнул к столу, чтобы оставить свою «визитную карточку». Но в это время дверь распахнулась и кто-то испуганно вскрикнул по-немецки:

— Что случилось, господин оберштурмбанфюрер?

Резко обернувшись, Кожин увидел в дверях молодого эсэсовского офицера. Их взгляды встретились. Офицер, бледный как мел, стал дрожащей рукой расстегивать кобуру пистолета. Но Кожин опередил его. Снова грянул выстрел, и офицер замертво рухнул на ковер.

Через минуту, оставив на столе бумажку со словами «Это сделал Ночной Орел», Кожин выключил в кабинете свет и, выпрыгнув в окно, растаял в ночном ненастье.

20

Москва, дом Наркомата обороны.

Поздним вечером в просторном, ярко освещенном кабинете встретились два спокойных, умных пожилых человека. Оба по горло занятые важными государственными делами, они сидели друг против друга, а на столе между ними лежало нечто ни с чем не сообразное, явившееся из области сказок и наивной человеческой фантазии, но при этом решительно претендующее на реальную действительность, на признание и внимание со стороны этих умных, серьезных людей.

Это нечто было заключено в нескольких строчках, поместившихся на узком, вырванном из блокнота листке бумаги. Оно проникло в обычную деловую радиограмму с донесением из маленькой воинской части, заброшенной в тыл врага. Все, что было написано до него, вполне соответствовало действительности; все, что было написано после него, тоже не шло вразрез с привычной действительностью. И лишь это самое нечто не лезло ни в какие ворота.

— Петр Алексеевич, вы уверены, что этот ваш майор Локтев находится в здравом рассудке?

Профессор Батулин задал свой вопрос совершенно спокойно. Он не успел еще ни взволноваться, ни даже просто удивиться.

Генерал устало улыбнулся:

— В том-то и дело, Николай Николаевич, что, прежде чем вас беспокоить, мы навели точнейшие справки о майоре Локтеве. Все данные говорят о том, что этот офицер не может быть

ни маньяком, ни мистификатором. К тому же донесение его подписано командиром чешского партизанского отряда, неким Горалекком, который был свидетелем опыта.

— Все это интересно, но согласитесь...

Не договарив, Батулин взял со стола листок и еще раз прочел фантастическую радиограмму:

«По делу сержанта Ивана Никифоровича Кожина, о котором сообщал раньше, считаю нужным довести до сведения командования новые данные. На днях сержант Кожин неожиданно вернулся в отряд. Сообщил, что лечивший его чешский врач Вацлав Коринта схвачен фашистами в сторожке лесника Влахы и что ему, Кожину, в последний момент удалось оттуда уйти благодаря его способности летать. Таким образом, по воздуху он добрался и до отряда, пролетев расстояние свыше сорока километров. Вчера в уединенном месте я и командир партизанского отряда Горалек подвергли сержанта Кожина испытанию, чтобы убедиться в правдивости его показаний. Среди белого дня он у нас на глазах поднимался в воздух, снижался на стремительном бреющем полете, вел прицельный огонь из пистолета и проделывал многие иные операции. После испытания сержант Кожин попросился обратно в строй, но я отказал ему, сославшись на то, что он еще не полностью вылечился и хромает. Считаю способность Кожина явлением исключительным, достойным внимания ученых, и жду на этот счет особых указаний командования...»

Дальше шло об операциях отряда — обычные деловые факты.

— Ну как? — спросил генерал.

— Затрудняюсь сказать вам что-либо определенное. Поверить трудно, а не поверить нельзя... Работы у меня сейчас невпроворот, так что вроде бы и некогда отвлекаться проверкой таких фантастических сообщений, которые вполне могут оказаться липой. Но, с другой стороны, заманчиво...

— Вот именно, с другой стороны! — подхватил генерал. — Вы не подумайте, Николай Николаевич, что я агитирую вас. Я ведь и сам этому почти не верю. Но все же — почти. Если тут кроется нечто реальное, а мы по своему скептицизму отмахнемся, это будет громадным упущением.

— Значит, вы считаете, что заняться этим стоит?

— Безусловно.

— Хорошо. В таком случае, позаботьтесь доставить этого феноменального сержанта в Москву.

— Мы уже позаботились об этом. Приказ о доставке Кожина в Москву был передан Локтеву сразу по получении его радиограммы. Но с тех пор обстоятельства изменились. Перевоска Кожина стала несуществующей.

— Почему? Он ранен?

— Нет. Он здоров. Но от Локтева поступило новое донесение. Кожин самовольно ушел, вернее, улетел из отряда и принялся воевать с немцами в одиночку. Он назвал себя Ночным Орлом и стал грозой всего района. Локтев потерял с ним связь, хотя и знает обо всех его подвигах. Вот, прочтите!

Генерал вынул из ящика стола новый листок и подал его профессору. Тот внимательно прочел его и пожал плечами.

— Чем же я, в таком случае, могу помочь?

— Если захотите, сможете. Для этого вам придется слетать в тыл врага, в отряд Горалека, и лично заняться розысками Кожина. Я уверен, что присутствие в отряде представителя науки заставит сержанта одуматься и вернуться в часть. В противном случае мы рискуем рано или поздно потерять его. Его могут убить и, что еще хуже, взять в плен. Летающий человек обязательно заинтересует ваших немецких коллег, а выжимать секреты они, как вы знаете, большие мастера.

Последнее замечание генерала стало решающим. Примириться с тем, что летающий человек может попасть в руки фашистских ученых, было для Батурина неприемлемо.

— Это меняет дело,— произнес он, нахмурившись.— Когда прикажете быть готовым к выполнению задания?

— Зависит от вас, Николай Николаевич. Ведь вам придется передать на время все свои дела. Но медлить, разумеется, тоже нельзя.

— Понятно, Петр Алексеевич. Я завтра же приступлю к передаче дел. Как только буду готов, позвоню...

21

Генерал не преувеличивал, когда говорил, что Ночной Орел стал грозой всего района. Это действительно было так.

С той ночи, когда Кожин покинул партизанский лагерь и совершил свои первые нападения на фашистов, в этом горном районе началась короткая, но блистательная и сокрушительная эра беспрецедентных подвигов Ночного Орла.

Каждую ночь то в одном конце района, то в другом происходили неслыханные по своей дерзости и смелости диверсии. Перемещаясь со скоростью самолета, Кожин в одну ночь успевал осуществить три-четыре операции в местах, отстоящих на десятки километров одно от другого.

Создавалось впечатление, что это действует группа в несколько сот человек. В своих реляциях, рапортах и донесениях вышестоящему начальству районные немецкие власти, отчитываясь за действия Ночного Орла, неизменно писали о нем

как о «большой и разветвленной подпольной организации большевистских бандитов». Они ни за что не поверили бы, что это действует один-единственный человек.

Удары Ночного Орла всегда были точны и неотразимы. Но не сами эти удары заставляли оккупантов нервничать, а порой и впадать в панику. Больше всего их пугало то непостижимое обстоятельство, что любые меры предосторожности, любая охрана и любые ловушки оказывались бессильными перед вездесущим и неуловимым Ночным Орлом. Его дерзкие налеты поражали воображение врагов не столько своей кровавой эффективностью, сколько неожиданностью и загадочностью.

О том, что удары наносятся с воздуха, никто не знал, да и мысль подобная никому не могла прийти в голову. Все свои операции Ночной Орел совершал исключительно под покровом ночи, проносясь черной бесшумной тенью то над одним, то над другим концом обширного района. И всюду, где он появлялся, гремели взрывы, полыхали пожары и оставались десятки вражеских трупов. Можно было подумать, что само небо карает фашистов за их зверскую жестокость.

Неизвестно, как и откуда, просто из темноты, из воздуха, кто-то невидимый расстреливал из автомата немецкие патрули, швырял гранаты в окна штабов, резал телефонные провода, поджигал усиленно охраняемые склады с горючим, снимал караулы на мостах, а затем беспрепятственно взрывал эти мосты, уничтожал самолеты прямо на аэродромах. Дошло до того, что фашисты нигде себя не чувствовали в безопасности, даже дома, в постели. Ночь несла с собой ужас, смерть, разрушения, и никто не знал, чей наступает черед.

Вот идет военный эшелон с людьми и техникой для фронта. Путь проверен и усиленно охраняется. И вдруг — столб огня, грохот, страшный взрыв раскалывает темноту ночи. Поезд на полном ходу срывается под откос, вагоны превращаются в щепки, сотни солдат, не добравшись до линии фронта, гибнут под обломками эшелона.

А как это произошло, никто не заметил.

Ни одна живая душа не видела, как навстречу поезду из темного ночного неба стремительно вылетел человек, метнул на полотно перед самым паровозом несколько гранат и тут же ушел в черную высь. Лишь потом где-нибудь среди обломков находили небольшие листки с надписью: «Это сделал Ночной Орел». А если и не находили, то все равно догадывались, чьих рук это дело, и в очередной сводке сами писали о Ночном Орле, величая его не иначе, как крупной подпольной организацией, раскинутой по всему району.

Но не успеют районные власти исправить железнодорожное

полотно, убрать обломки и сосчитать убитых, как с другого конца района уже звонит, надрываясь, какой-нибудь одуревший от ужаса вояка и докладывает о новой потрясающей диверсии.

Он, капитан, сделал все, чтобы доверенный ему объект был огражден от любых проникновений подпольщиков. Он лично каждую ночь проверял посты. Он не виноват, что вдруг, неизвестно каким путем, на объект проникли бандиты, и теперь — теперь здесь лишь развалины, пепел и трупы. Но у него есть оправдательный документ. Он нашел листок с надписью «Это сделал Ночной Орел»...

И так было каждую ночь. То там, то здесь гремели взрывы, полыхали пожары и меткие выстрелы поражали гитлеровцев. Дошло до того, что при одном лишь имени Ночного Орла фашисты вздрагивали и бледнели, словно им напоминали о неминуемой гибели...

22

Одной из самых блестящих операций Ночного Орла было нападение на лагерь советских военнопленных близ К-ова. По смелости, оперативности и четкости эту операцию нельзя сравнить ни с одной. Здесь Кожин превзошел самого себя.

О существовании лагеря он узнал от Влаха, когда еще, весь стянутый повязками, лежал на чердаке сторожки и представлял свое будущее в самых мрачных красках. Сведения, полученные от лесника, были общего порядка. Да Кожин и не думал тогда, что они смогут ему пригодиться. Позже, находясь уже в отряде, он слышал от чешских партизан, что лагерь близ К-ова не простой, что в нем содержатся исключительно кадровые командиры Красной Армии, что среди пленных советских офицеров есть даже два полковника.

В партизанском отряде часто говорили о лагере военнопленных. Этот лагерь был постоянным укором совести для всех местных партизан. Операцию по освобождению военнопленных планировали многие партизанские отряды, в том числе и отряд Горалека. Но осуществление операции было связано с трудностями, почти непреодолимыми.

Лагерь был слишком хорошо укреплен. Лес вокруг него был вырублен на двести метров во все стороны; все окружающее пространство заминировано, проходы через него держались в секрете и менялись каждые двое суток; сам лагерь был окружен бетонной стеной и тремя линиями проволочного ограждения; на четырех вышках были установлены пулеметы и прожекторы; охрана лагеря состояла из двух эсэсовских взводов

и дюжины специально тренированных овчарок. Три лагерных барака, в которых находились пленные, стояли буквой «П», причем все окна и двери выходили внутрь «буквы», наружные же стены были глухими. Напротив открытой стороны «П» стоял большой бункер, в котором жила охрана лагеря и находились все его хозяйственные отделы.

Лагерь, как видно, был небольшой, но взять его было не просто.

Готовясь к операции, Кожин учел все эти факты. Он понимал, что с земли лагерь неприступен. Главным образом из-за минного заграждения. Но с воздуха его взять можно. Для этого надо выбрать подходящее время и продумать все детали молниеносной операции.

Несколько ночей Кожин посвятил разведке. Он часами кружил над лагерем на безопасной высоте, изучая периодичность вечерних лагерных проверок, смены караулов и распорядок лагерной жизни в ночное время. Таким образом ему удалось установить, что самым подходящим временем для налета будет вечерняя поверка, которая происходила между девятым и десятым часом вечера. В это время все пленные выстраивались на плацу перед бараками, а весь личный состав охраны стоял перед бункером с автоматами на груди.

Покончив с изучением обстановки, Кожин одну ночь посвятил заготовке боевых припасов. В лесу, в противоположных концах от лагеря, на расстоянии двух километров одно от другого он соорудил в кронах сосен гнезда, где сложил запас гранат и дисков для автомата.

И вот настал решающий вечер.

Ровно в девять часов Кожин появился над лесом и в трех километрах от лагеря стал набирать высоту. При нем были автомат с полным диском и десять связанных попарно гранат. Больше он поднять не мог, не рискуя сорваться с бреющего полета и разбиться о верхушки деревьев.

Набрав высоту в две тысячи метров, он ринулся вниз и, тут же перейдя на бреющий полет, стремительно помчался к лагерю. В течение считанных секунд он успел забросать гранатами все четыре сторожевые вышки и улетел к гнезду за новыми боеприпасами. Не успели немцы опомниться, как он снова появился над лагерем, сея смерть и разрушения. После этого он ворвался на одну из вышек, добил из автомата часовых и из стоявшего там тяжелого пулемета принялся косить метавшихся перед бункером насмерть перепуганных эсэсовцев.

Как он и рассчитывал, пленные не остались пассивными свидетелями боя. Они ринулись на разбегавшуюся охрану, хватали оружие убитых, разоружали и связывали живых, расстреливали яростно мечущихся собак, загораживали выходы.

Не прошло и десяти минут, как бой был окончен, неприступный лагерь был взят.

Убедившись, что пленные не нуждаются больше в его помощи, Кожин, никем не замеченный в крошечной тьме, поднялся в воздух и с высоты двухсот — трехсот метров наблюдал некоторое время за происходящим в лагере. Сердце его пело от радости.

Освободившиеся узники действовали быстро и решительно.

Разобрав оружие, боеприпасы, провиант и одежду, бывшие пленные в сомкнутом строю покинули лагерь и ушли в леса. Кто-то из них, по всей вероятности, успел перед уходом подобрать один из оставленных Кожиним листков с лаконичной надписью: «Это сделал Ночной Орел». А может быть, они и так догадались, кто был их неожиданным избавителем. Так или иначе, но возникший самостоятельный партизанский отряд назвался гордым именем Ночного Орла. Отряд этот с боями двинулся навстречу фронту, нанося фашистам немалый урон...

23

Молва о подвигах Ночного Орла разнеслась во все концы обширного района. Дошла она, конечно, и до партизанского отряда шахтера Горалека.

Бойцы отряда были уверены, что это действует какая-то новая группировка смелых и опытных подпольщиков, объединившихся под общим названием «Ночной Орел». Как видно, не только немцев, но и партизан ввели в заблуждение многочисленные диверсии летающего человека.

Разговоров по этому поводу было в отряде превеликое множество. И какие это были разговоры! Они были проникнуты не только восхищением, но и вполне законной завистью, которую в сердцах партизан вызывала боевая отвага неизвестных патриотов.

И это было вполне понятно. Ведь группа «Ночной Орел» возникла недавно, однако за неделю она умудрилась сделать больше, чем отряд Горалека за все время своего существования. Едва возникнув, она покрыла себя славой! По донесениям разведки, немцы вообще теперь перестали интересоваться партизанскими отрядами. Все свои силы они бросили на борьбу с группой «Ночной Орел»...

Учитывая настроение, создавшееся в отряде, Локтев и Горалек решили осуществить ряд крупных диверсий. То обстоятельство, что оккупанты были всецело заняты Ночным Орлом, создавало благоприятную обстановку для активных действий широкого масштаба.

Командиры отлично знали, что Ночной Орел не новая подпольная группа, а их строптивый подопечный — летающий сержант Кожин. Но они молчали об этом, чтобы не дать распространиться слухам об этом удивительном человеке. Эти слухи могут дойти до немцев, и Кожин тогда не только потеряет преимущество внезапности и загадочности своих ударов, но и подвергнется серьезной угрозе попасть в смертельную западню.

Горалек не скрывал своего глубокого восхищения Кожиным, его беспримерными дерзкими подвигами.

В то утро, когда обнаружилось, что Кожин покинул базу, Горалек говорил вконец расстроенному майору:

— Это ты сам виноват, дружище Локтев. Надо было сержанта приспособить к какому-нибудь немудреному делу. Парень он горячий, боевой! Такого заставь без дела сидеть, так он, пожалуй, и спать может. А у Кожина еще и эта его летучесть. Ты представляешь, каково ему было выполнять твои приказы и соблюдать твои запреты? Кругом леса, небо, простор, друзья-товарищи ходят на боевые дела, а тут сиди, словно ты арестант или паралитик какой-нибудь... Нет, майор, такое даже я бы не вынес, а Кожин в свои двадцать два года и подавно. Дал бы ты ему отдушину, позволил бы хоть в разведку по ночам летать, он бы и успокоился, потому что был бы при деле. А теперь нищи-свищи его!

Локтев молча согласился с доводами шахтера и лишь попросил его говорить в отряде, что сержант Кожин отправлен на особое секретное задание.

Когда слава о Ночном Орле стала греметь по всему району, Горалек открыто восторгался им и, оставаясь с Локтевым наедине, не забывал уязвить своего друга:

— Ну что, майор, кто из нас мыслит по-государственному? Мы с Кожиним или ты? Ведь Кожин-то герой, а? Герой или нет?

— Что герой, я не отрицаю. Но трибунала ему все равно не миновать, — сухо отвечал Локтев.

— Врешь! — кипятился Горалек. — Ты просто дразнишь меня! Какой трибунал? За что?!

— За злостное нарушение воинской дисциплины, за невыполнение приказа в боевой обстановке, за самовольный уход из части, за анархистское поведение, за срыв мероприятия государственной важности. Ты, Горалек, партизан и рассуждаешь по-партизански. По-твоему, раз бьет фашистов, значит, и хорош. А ведь Кожин — боец Красной Армии и к тому же комсомолец. Он обязан подчиняться уставу, дорожить честью бойца. За подвиги его, конечно, следует наградить, но за анархистские настроения и действия строжайше наказывать...

— Не верю! Нельзя Кожина наказывать!.. — загремел Горалек. — Ну как ты его накажешь, если он единственный на Земле человек, умеющий летать! Как ты его накажешь? Расстреляешь? В тюрьму посадишь? Чепуха все это! С такой редкой птицей надо обращаться бережно. К нему твои мерки неприменимы!

Где-то в глубине души Локтев понимал, что Горалек прав, но признаться в этом ему было трудно. И поэтому возражения его звучали далеко не столь убедительно, как ему хотелось:

— Не увлекайся им, Горалек. С Кожиным еще будет серьезный разговор! Его способностью заинтересовалась Москва, я получил приказ о немедленной отправке его в распоряжение столичных ученых, а он сбежал! Своими сумасшедшими налетами на фашистов он старается оправдать свой поступок, но это не поможет ему. Рискую своей жизнью, он наносит вред советской науке, а стало быть, и Советскому государству.

— Вред? Кожин наносит вред?! Ну, майор, это уж ты преувеличиваешь!

— Нисколько. Вред, потому что это время можно было бы использовать гораздо лучше. Что он сделал? Ну, пустил в расход две-три сотни фашистов, взорвал мост, эшелон пустил под откос, поджег несколько складов да ликвидировал с десятком самолетов и полсотни машин...

— И освободил пленных советских офицеров, которые вернулись в строй и снова бьют фашистов! — вставил Горалек.

— Правильно, — согласился Локтев. — И тем не менее это не оправдывает его уход из части, не оправдывает риск, которому он себя подвергает. Все это было бы сделано и без него. А вот изучать причины, благодаря которым человек может летать, без Кожина никак невозможно. Если Кожин из-за своей безудержной лихости погибнет, науке, всему человечеству будет нанесен такой урон, что и представить себе трудно. Даже если Кожин сделает в тысячу раз больше, но в конце концов все-таки погибнет, он не оправдывает себя этим перед современниками.

— Сухарь ты, майор, вот что я тебе скажу, — хмуро заявил Горалек. — Может, ты и правильно все говоришь, но слушать тебя тошно. По-моему, ты забываешь о самом главном — о том, что Кожин не птица, а живой человек. Если бы ты думал об этом, Кожин не ушел бы из отряда. Любой, даже самый ценный для общества человек, имеет право поступать так, как ему велит его человеческая душа. Вот у вас был великий поэт Пушкин. Ты что, не пустил бы Пушкина на войну, если бы он рвался сражаться за Родину?

— Не пустил бы, — не колеблясь, ответил Локтев.

Видя, что майора не переспорить, Горалек огорченно крикал и переводил разговор на другую тему...

Споры эти велись ежедневно и никогда не приводили к согласию. Однажды во время подобного разговора Локтев сказал:

— Вот что, друг шахтер. Восхищаться Кожиным, молиться на Кожина я тебе не возбраняю, это твое личное дело. Но, помимо личного, есть еще и дело государственное, народное, которому мы оба служим. А для пользы этого дела нам необходимо как можно скорее связаться с Кожиным и убедить его, чтобы он прекратил свои гусарские выходки и делал то, что ему положено делать.

С таким подходом к делу Горалек согласился:

— Ты, майор, в самую точку попал. Связаться с ним нужно. В любом случае!.. Только как это сделать? Он ведь летучий. Трудно даже представить себе, как он живет, где спит, куда прячет трофейное оружие... Это будет трудная задача!

— Трудная, но выполнить ее надо. Скоро к нам должен прилететь видный ученый из Москвы, профессор. Специально для того чтобы заняться Кожиным, убедить его вернуться, не дать этому сумасшедшему пропасть за здорово живешь. Стыдно будет, Горалек, если мы к приезду профессора не сумеем хотя бы связь с Кожиным наладить!

— Базу его надо искать, базу.

— База у него, скорей всего, где-нибудь в горах. В населенных пунктах ему опасно оставаться.

— Это верно...

— Вот и прикинь, где он мог устроить базу. Ты ведь лучше меня знаешь здешние горы.

Горалек сгреб в кулак свою великолепную черную бороду и крепко задумался.

— Задачу ты мне задал, майор... А впрочем, почему бы и не прикинуть? Если бы это мне довелось летать, как наш друг Кожин, и пришлось искать, где бы соорудить базу, я бы выбрал для этого Чертов Палец. Самое подходящее место.

— Что это за Чертов Палец?

— Скала такая. А вернее, высокий каменный столб. Высоты в нем метров двести, стороны отвесные, как стена. Ни один человек не забирался на его вершину. Один скалолаз из Праги пытался в тридцать шестом, да сорвался, бедняга, с половины и расшибся насмерть. Так этот Чертов Палец до сих пор и стоит непокоренный. Одни птицы на нем гнездятся. Лучшей базы Кожину не придумать.

— А что там, на вершине-то, пещера, что ли, какая есть или так просто, гладкое место?

— А кто его знает. Снизу не разобрать. А с соседних гор

тоже не видно, потому что далеко. Да ведь это неважно, есть там пещера или нет. Одному человеку большой дыры не нужно, всегда можно выдолбить. К тому же Кожин-то шахтер, подрывник, небось сумеет заложить взрывчатку и сделать себе пещеру, если природа не позаботилась.

— Ну хорошо. А где находится этот Чертов Палец?

— Да как тебе сказать?.. Где Медвежий лог знаешь?

— Знаю.

— Так вот, ежели миновать Медвежий лог и взять направление на гору Белый Горб, то километров через двадцать и наткнешься на Чертов Палец.

— Далековато...

— Это нам с тобой далековато, а Кожину пустяки: пять минут — и он дома.

— Что правда, то правда, — сказал майор. — Надо будет понаблюдать за этим Чертовым Пальцем...

24

Горалек попал в самую точку. Его предположение относительно возможной базы летающего человека оказалось совершенно правильным. Да и не удивительно — в окрестных горах не было для такой базы более удобного места, чем одинокий каменный столб, прозванный Чертовым Пальцем.

Кожин обнаружил его не сразу.

Первые ночи, возвращаясь с боевых операций, он, усталый и голодный, подолгу кружил над пустынными горами в поисках надежного убежища. Ничего не подыскав, он пристраивался для отдыха где-нибудь на дереве. Но что это за сон! Привязанный ремнями к стволу, он не столько спал, сколько дрожал от холода да то и дело тревожно озирался по сторонам, заслышав какой-нибудь подозрительный шорох.

Кожин понимал, что так ему долго не протянуть. Ночные операции требовали больших физических усилий и душевной собранности. Для этого ему необходимо было найти такое место, где он мог бы отдыхать в тепле и безопасности. Да и само осуществление операций требовало, чтобы в запасе всегда было достаточное количество нужного оружия и боеприпасов. Нужна база. Постоянная, надежная, безопасная база...

И вот на исходе четвертой ночи Кожин обнаружил среди гор высокий каменный столб.

«Вот где будет гнездо Ночного Орла!» — обрадовался сержант и, убедившись в полной неприступности утеса, опустился на его вершину.

Но здесь его ожидало горькое разочарование. Вершина

Чертова Пальца оказалась совершенно не приспособленной для сооружения жилья. Она представляла собой два выщербленных зуба, между которыми была небольшая покатая площадка, продуваемая ветром. На площадке даже стоять было невозможно, не говоря уж о какой-либо работе.

Однако Кожин не бросил своей находки. Он принялся медленно летать вокруг каменного столба, опускаясь все ниже и ниже и тщательно осматривая все выступы, закоулки и расщелины причудливой скалы. Вскоре его терпение было вознаграждено

Метрах в сорока ниже вершины он наткнулся на глубокую нишу, скрытую за острым уступом. Это была маленькая пещера, над созданием которой дожди и ветры трудились много тысячелетий. Вход в углубление был отгорожен от внешнего мира высоким зубцом.

— Вот я и дома! — воскликнул Кожин, осмотрев пещеру. Он понимал, что лучшего убежища ему не найти.

На востоке уже брезжил рассвет. Кожин себя чувствовал настолько усталым и разбитым, что решил основательное благоустройство своего нового жилья отложить на другое время. Он лишь очистил маленький грот от птичьего помета да слетал разок за охапкой хвойных веток. Устроив себе прямо на камнях примитивное ложе, он лег спать, впервые после бегства из партизанского лагеря наслаждаясь безопасностью положения и удобством постели.

В этот день Кожин спал долго и крепко. Проснулся от странного щемящего беспокойства. Открыв глаза, долго лежал неподвижно, вдыхая аромат свежей хвои и усиленно стараясь понять причину своего волнения. И вдруг его озарило: «Да ведь сегодня среда!»

Глянул на часы — пять. Вот это называется богатырский сон! Целых десять часов!

Наскоро подкрепившись плиткой шоколада, Кожин вылетел из грота и, взяв разгон с небольшой высоты, помчался к той заветной горе, на которой назначил встречи с Иветой.

День был погожий, небо почти чистое, а видимость настолько хорошая, что Кожину пришлось из осторожности летать над самыми верхушками деревьев.

А вот и гора с огромным развесистым дубом на вершине. Кожин опустился в крону дерева и осторожно осмотрелся. Никого. Голые, уже полностью лишенные листвы ветви плохо укрывали. Пришлось перебраться на соседнюю ель.

Два часа ждал Кожин Ивету, но девушка так и не пришла. Было уже совсем темно, когда он решил наконец покинуть место встречи. Улетал в подавленном состоянии духа.

Неужели Ивета обманула? Неужели она поверила коман-

дирам, которые, наверное, объявили Кожина дезертиром, а может, даже и предателем! Или, может быть, случилось что-нибудь такое, что помешало Ивете покинуть лагерь и прийти на свидание?.. Можно думать все что угодно, а на деле остается только одно: ждать следующей среды.

Кожину было и горько, и обидно, однако он не мог слишком долго предаваться этим чувствам. Новые заботы вскоре отвлекли его от печальных мыслей. У него теперь есть собственный дом, этот дом надо устраивать, отделять, превращать из пустой холодной пещеры в настоящее гнездо Ночного Орла.

В гнезде должно быть все: и постель, и еда, и тепло, и даже склад боеприпасов, необходимых для ночных вылазок. Но все это нужно где-то и как-то достать, пользуясь своими возможностями. Ему предстояло добывать для существования абсолютно все, добывать действительно как орлу — неожиданно бросаясь с высоты на добычу, предварительно выследив ее.

25

Заботы по устройству теплого жилья, в котором не страшно будет встретить приближающуюся зиму, не отвлекали Кожина от его основных боевых дел. Ни на одну ночь он не оставлял фашистов в покое, не давал им ни малейшей передышки. Но теперь он забирал у немцев не только оружие и боеприпасы, но и самые различные вещи домашнего обихода: одеяла, одежду, посуду, аккумуляторную электроплитку, продукты и прочее в этом роде. Одновременно он ликвидировал и свои прежние тайники, перенеся их содержимое в пещеру на Чертовом Пальце.

Через несколько дней пустой каменный грот преобразился до неузнаваемости. Вход в него плотно закрыла палатка из маскировочного брезента; внутри появилась настоящая постель с кучей одеял и даже с подушкой; небольшой ящик, в котором Кожин принес продукты, отлично заменял стол; для освещения служили стеариновые свечи, которых удалось добыть несколько пачек. Но самым главным для Кожина был аккумуляторный радиоприемник, конфискованный им в сторожевом помещении возле аэродрома. Теперь он был в курсе всех событий в мире, мог ежедневно слышать голос Родины.

Постепенно в его убежище накопился и целый склад боеприпасов: гранаты, мины, автоматные и пулеметные диски, фаустпатроны, пакеты со взрывчаткой и прочее. Появилось и новое оружие: пять пистолетов, три автомата, легкий пулемет. Теперь он мог спокойно приступить к самым различным опе-

рациям, не страшись никаких сложностей. Действия его после этого стали еще более сокрушительными. В этот период он и совершил такие великолепные диверсии, как взрывы мостов, уничтожение эшелона, поджог склада с горючим, налет на лагерь военнопленных и так далее.

Теперь он не просто искал подходящего случая нагнать ужас на фашистов. Вначале его диверсии сводились к импровизированным налетам и больше походили на охоту, чем на продуманные операции. Теперь же он заранее продумывал каждую очередную диверсию, собирал необходимые данные о намеченном объекте, искал самые действенные приемы для его уничтожения. Возвращаясь под утро после очередного дела, он тщательно анализировал свои действия, восстанавливая весь ход событий, и тем самым совершенствовал тактику своих небывалых в военном деле воздушных ударов.

Для учета причиняемых фашистам потерь он завел дневник, в который ежедневно записывал лаконичные данные о своих боевых успехах, набрасывал контуры новых задуманных операций.

Если ему удавалось проникнуть в штаб какой-нибудь части, он теперь не просто убивал, уничтожал, сжигал, а старался захватить карты и документы, из которых узнавал потом о намерениях и планах гитлеровцев. Важность некоторых из захваченных таким образом документов навела Кожина на мысль, что они могут представлять ценность не только для него самого, но и для партизанских отрядов и даже для командования Красной Армии. Он понял, что оставаться в полной изоляции ему нельзя, что связь с людьми, участвующими в кровопролитной войне против фашизма, ему просто необходима.

Таким образом, к личным мотивам, побуждающим его желать встречи с любимой девушкой, присоединились мотивы, продиктованные сознанием своего патриотического и воинского долга. Теперь он ждал встречи с Иветой с еще большим волнением.

Наконец долгожданная среда приблизилась.

Накануне ночью Кожин работал с особенным азартом. Он совершил дерзкий налет на штаб дивизии в Б., расстрелял несколько фашистских солдат и офицеров, подорвал сейф и похитил из него целую пачку секретных документов. Перед тем как скрыться, забросал караульное помещение штаба гранатами. В другом конце района он в ту же ночь поджег из фаустпатрона фашистский танк, стоявший во дворе казармы.

Вернувшись в свое убежище, Кожин долго не мог заснуть. Нервы его были взвинчены, сердце никак не хотело успокоиться. Ведь этим вечером ему предстояло убедиться в верности

его дорогой Ветушки, а кроме того, наладить связь с партизанским отрядом и передать для Локтева и Горалека первый ценный подарок — добытые этой ночью секретные документы фашистского штаба.

26

Во второй половине дня, когда командиры разрабатывали для своего отряда новую боевую операцию, в дверь штаба, робко постучавшись, вошла Ивета.

— Вам что нужно, сестра? — недовольно спросил Локтев.

— Я к товарищу Горалеку... Товарищ Горалек, позвольте мне сегодня отлучиться из лагеря часа на три. От пяти до восьми вечера, — скороговоркой проговорила девушка и вся при этом залилась краской.

— Отлучиться из лагеря? Куда же это ты собираешься? — удивленно прогудел Горалек.

— Мне тут недалеко, в лес... В одно место... Это близко, километра три-четыре, не больше. Я быстро обернусь и к восьми уже снова буду здесь. У доктора я уже отпросилась...

— Погоди, «у доктора»... Скажи-ка лучше, зачем тебе в лес понадобилось? Может, ты наслушалась разных рассказней и собираешься на поиски ночных орлов?

— Что вы, товарищ Горалек! У меня личное дело!

— Ах, вон как! Личное... Тогда проходи, садись. Вот так! А теперь, сестра Ивета, слушай. У партизан не бывает личных дел. Они не смеют отлучаться из отряда, если командир не знает, куда и зачем они идут. От этого зависит наша общая безопасность. Уловила?

— Да, товарищ Горалек...

Ивета сидела на краешке ящика и нервно теребила платочек. Она не ожидала такого поворота и теперь готова была расплакаться. И зачем она только пришла сюда! Почему не отказалась от встречи с Иваном, как в прошлую среду?..

Заметив ее растерянность, Горалек стал строгим и официальным:

— Итак, сестра Ивета, куда и зачем вы намерены отлучиться из лагеря?

Локтев постукивал пальцами по столу и с интересом прислушивался к разговору. У Иветы задрожали губы.

— Я не могу... — всхлипнула она.

— Ах, вон как даже! Тогда скажите, почему вы не можете?

— Я... я... должна встретиться с человеком, которого люблю...

У Локтева поднялась одна бровь и дрогнули уголки губ. В черных глазах Горалека мелькнула смешинка. Однако тон вопроса он не смягчил:

— Кто этот человек?

— Не надо, товарищ Горалек, не спрашивайте!.. Это хороший человек, но вы... вы... можете неправильно отнестись к нему и напрасно его обидеть... Я лучше никуда не пойду! Разрешите мне вернуться к раненым!..

— Нет, Ивета, не разрешу! Сидите! Дело зашло слишком далеко. Мы уважаем ваши чувства, мы согласны признать, что ваш избранник хороший человек, но мы должны знать, с кем вы встречаетесь. И среди наших врагов, среди немцев, есть хорошие люди. Есть сочувствующие, а есть и такие, которые поняли, что фашизм — зло для всех людей, и поэтому активно нам помогают. Не бойтесь сказать правду. Этот человек немец, да?

— Немец?! Ну что вы, что вы, товарищ Горалек! Разве я стала бы дружить с немцем!.. Он русский! — горячо воскликнула Ивета.

Командиры многозначительно переглянулись.

— Вы говорите, он русский? — спокойно заметил майор. — Но если русский, то в чем же дело? Почему вы боитесь, что мы обидим его?

Ивета подавленно молчала. Она поняла, что и так уже сказала слишком много.

— Или, быть может, он из этих... из власовцев? — нахмурившись, сурово спросил Локтев.

— Нет, нет, он настоящий советский! Он наш! — воскликнула с жаром Ивета и вдруг залилась слезами.

— Он наш!.. Он честный человек!.. — говорила она сквозь рыдания. — Только вы... вы... товарищ майор... вы неправильно относитесь к нему!.. Он... он... должен скрываться!.. У него секрет!..

— Все ясно, — коротко бросил Локтев Горалеку и поднялся, заметно взволнованный. — Сестра Ивета! — заговорил он с нажимом. — У вас сегодня свидание с сержантом Иваном Кожиным, да? Говорите правду!

Ивета кивнула. Говорить она не могла.

Горалек вскочил, чуть не опрокинув шаткий стол. Он схватился за бороду и прикусил губу. От радости ему захотелось закричать «ура» и расцеловать эту милую плачущую девушку, и лишь строгий предостерегающий взгляд Локтева заставил его сдержаться.

После короткого молчания Локтев перевел дыхание, и спокойно, почти равнодушно произнес:

— Это меняет дело. Напрасно вы, Ивета, сразу не сказали

нам правду. Не было бы этого неприятного для вас разговора. Кожину мы не собираемся причинять никакого вреда. Ваши опасения на этот счет совершенно напрасны. Ведь вы же знаете, что он выполняет ответственное задание...

Ивета потупилась и покраснела.

— Я видела Ивана перед тем, как он... улетел... Я знаю... я не поверила, что у него задание... Он сам... Потому я и боялась сказать о нем...

— И зря вы не поверили. Приказ по отряду — документ официальный. Раз в приказе сказано, что Кожин выполняет особое ответственное задание, стало быть, это так и есть. Конечно, ему не следовало назначать с вами встречу, однако серьезного проступка мы в этом не видим. Но так как он выполняет особо важное и секретное задание, вы должны хранить в глубочайшем секрете место ваших встреч. От этого зависит безопасность Кожина. Что же касается самого свидания, мы не против. Идите! Но перед уходом загляните еще сюда. Мы воспользуемся вашей встречей и пошлем с вами пакет для передачи Кожину... Товарищ Горалек, подтвердите мои слова!

— Да, да, сестра Ивета, Кожин не скрывается. Он в самом деле выполняет важное задание. Такого смелого и честного парня я в жизни не встречал! Одно слово — шахтер! Тебя можно только поздравить, Ивета, — с готовностью прогудел Горалек.

У Иветы мгновенно высохли слезы и глаза засияли от радости.

— Это правда? Значит, он не самовольно улетел? А я сомневалась! Думала, вы так только, для отвода глаз...

— Что ты, что ты! Кожин — и вдруг самовольно!.. Только о том, что он именно улетел, ты помалкивай!

— Да, да, товарищ Горалек... Я понимаю!

— Вот и молодец. Ну, беги давай, готовься. Да не забудь зайти за пакетом...

Ивета выбежала из штабного отсека, не чуя под собой ног от внезапно свалившегося на нее счастья.

После ее ухода Локтев сказал:

— Вот это удача, Горалек! Вот это удача! Теперь Кожин от нас никуда не денется. Теперь мы его подтянем! А там и профессор из Москвы подоспеет!..

Горалек с довольным видом поглаживал бороду.

— Здорово получилось, ничего не скажешь! Мы тут думаем, голову себе ломаем, а решение вот оно — рядом ходит! И до чего же, майор, интересно иногда в жизни получается! Казалось бы, что такое любовь? Уж такое личное дело, что дальше некуда. А смотри-ка, выходит, что иногда и любовь

помогает решать важные государственные задачи. Ты согласен со мной?

— Согласен, Горалек...

Неожиданная возможность установить с Кожиным непосредственную связь настолько воодушевила командиров, что на некоторое время они перестали заниматься вопросом, где у Кожина устроена база, положившись на то, что смогут на него подействовать через Ивету.

27

Хотелось идти быстрее, а ноги не слушались... Может, от усталости? Ведь это только издали казалось, что до вершины с развесистым деревом рукой подать. Или, может, от волнения?..

Поднимаясь по крутому склону горы и погружаясь при этом по самые щиколотки в багряно-золотистые листья, Ивета шла все тише, все тяжелее. Она задыхалась, ей было жарко. Волосы выбились из-под платка, щеки покраснелись.

Вон и дуб-великан стоит, раскинув во все стороны могучие руки-ветви. Стоит голый, некрасивый, словно стыдится своей наготы и загораживает Ивете дорогу: «Куда ты идешь? Чего тебе здесь нужно?..»

А кругом тихо, безлюдно... Где же Иван?

Нет Ивана. В сердце просочилось горькое сомнение. Вдруг он обиделся, что в прошлую среду она не пришла, и решил не посещать больше заветную вершину?.. Это будет ужасно!.. И пакет... как же она передаст ему пакет?..

Добравшись до вершины, Ивета остановилась и осмотрелась по сторонам. Тяжело переводя дыхание, она старалась уговорить громко стучащее сердце, чтобы оно не мешало ей слушать окружающую тишину.

Неподалеку лежало огромное, вывороченное с корнями дерево. Ствол его был в два раза толще, чем у здорового дуба. Должно быть, старик дуб упал под напором урагана, уступил место молодому. Ивета подошла к поверженному гиганту, присела на торчавший в сторону обломок ветви и затихла. Она не могла сразу уйти. Решила посидеть хотя бы полчаса. Время еще было не позднее...

Она не услышала ни малейшего шороха. Кто-то сзади бесшумно подкрался к ней, чьи-то теплые ладони прикрыли ей глаза. Ивета громко вскрикнула от неожиданности и вскочила.

По другую сторону лежавшего на земле ствола стоял Иван и смеялся над ее испугом.

Ивета сразу узнала его, хотя внешне он за эти две недели сильно изменился. Лицо его еще больше похудело, заострилось и обросло черной щетиной, обещавшей в недалеком будущем превратиться в густую бороду. Вместо прежней ватной куртки на нем был трофейный летный комбинезон с застежками-«молниями», перетянутый ремнями, маскировочная плащ-палатка, мягкие офицерские сапоги. Только шапка осталась прежняя: кожаный шлем со звездочкой. Кроме того, он весь был увешан оружием, отчего вид у него был воинственный и грозный. Высокий, широкоплечий, он показался Ивете сказочным богатырем...

— Боже мой, Иван!..

Кожин, опершись на руку, легко перемахнул через ствол и заключил Ивету в свои могучие объятия.

— Ветушка, милая, как хорошо, что ты пришла!

Он целовал ее губы, щеки, глаза. Она радостно смеялась и лишь слабо ему сопротивлялась.

— Ой, Иван!.. Погоди... ты колючий!.. И... и... ты прямо ходячий арсенал!.. Мы взорвемся, Иван!..

— Не бойся, глупая! Не взорвемся!.. Я так рад, так рад, что с ума можно сойти!.. Ну, дай я хоть посмотрюсь на тебя!.. Ты все такая же маленькая! Нисколько не подросла!

— Зато ты скоро станешь высотой вот с этот дуб!

Они наперебой болтали те милые пустяки, которыми все влюбленные на свете выражают радость и счастье долгожданной встречи.

Успокоившись немного, они вспомнили о деле. Уселись на поваленное дерево и принялись обмениваться новостями.

Когда Ивета рассказала о сегодняшней беседе с партизанскими командирами, Кожин счастливо рассмеялся. Сбылось его заветное желание: с него сняли вину в самовольном уходе, придали его положению законную окраску особого боевого задания. Теперь можно действовать еще более решительно. Но Ивете он ничего не сказал о своем самовольном уходе. Зачем ее зря беспокоить.

— Правильно, Ветушка! Правильно тебе сказал майор! Я действительно выполняю важное секретное задание командования! Зря ты сразу не поверила, когда они объявили об этом в приказе. Ты, поди, потому и не пришла прошлую среду, что заподозрила меня в самовольном уходе из отряда?

— Нет, Иван, не потому... Я просто побоялась отпрашиваться у Горалека... Побоялась, что выдам тебя нечаянно...

— Ну ладно. Что прошло, то прошло. Хорошо, что теперь не побоялась... А я для командиров тоже кое-что приготовил.

Он открыл пристегнутую к поясу кожаную сумку, вынул из нее толстую пачку бумаг, перевязанную шпагатом.

— Вот мой подарок Локтеву и Горалеку. Возьми и передай им. Они будут очень рады!.. А для тебя, Ветушка, у меня тоже есть подарок. Смотри!.. — Из той же сумки он вынул изящный маленький браунинг и протянул его Ивете.

Девушка не поверила своим глазам:

— Это мне, Иван?!

— А то кому же? Конечно, тебе! Отличная дамская игрушка! Но, между прочим, из нее можно уложить здоровенного эсэсовца.

— Но что я-то с ней буду делать? Я же и стрелять-то не умею!

— Научишься! Попроси ребят, они тебя с удовольствием научат. Я бы и сам, да не хочу тут шуметь. Услышит кто-нибудь выстрелы, и придется нам с тобой искать новое место для встреч.

— Нет, новое не надо. Здесь хорошо... Спасибо, Иван!

Ивета осторожно опустила пистолет в карман и только теперь вспомнила о пакете, который ей поручили передать Кожину. Она хлопнула себя по лбу:

— Ну и раззява же я! Чуть не забыла самое главное. У меня ведь тоже кое-что для тебя есть. Письмо от майора Локтева. На, читай!

Кожин повертел конверт в руках, хотел было сунуть его в сумку, но Ивета остановила его:

— Велено прочесть при мне и дать ответ. Читай, Иван!

Кожин подчинился и вскрыл конверт.

По мере того как он читал послание майора Локтева, лицо его становилось скучным и пасмурным. Дочитав, он вздохнул и сказал:

— Передай, Ветушка, товарищу майору, что встретиться с профессором я согласен. Но все остальные его советы я учту только тогда, когда мы полностью разобьем фашистов и закончим эту большую войну. Скажи ему так: сержант Кожин готов выполнить любое, самое трудное боевое задание. И еще скажи: он до конца останется верен своему воинскому долгу и будет бить фашистов, чего бы это ему ни стоило. Запомнишь?

— Запомню, Иван... А что это за профессор?

— Ученый из Москвы. Приедет специально, чтобы изучать мои летные способности...

— Как доктор Коринта?

— Да, Ветушка.

Она помолчала, потом, опустив глаза, тихо спросила:

— А что будет с доктором Коринтой, Иван? Ты совсем забыл о нем?

Кожин обиделся:

— Как ты можешь думать обо мне такое?! Разве я могу забыть его? Ведь это такой человек, такой человек!.. Нет, Ветушка, напрасно ты меня подозреваешь в неблагодарности. Я не только не забыл Коринту, я считаю, освободить его — мое самое главное, самое святое дело! Нашего доктора я фашистам не отдам!

— Ну, прости, Иван, прости, что я хоть на миг в тебе усомнилась. Больше не буду! Никогда!

Он улыбнулся и поцеловал ее.

— Ты говоришь, как ребенок...

Время летело быстро. Да и поговорить молодым людям было о чем. Когда они спохватились, стало уже совсем темно.

— Как же теперь быть, Иван? Мне страшно идти одной по лесу!

— И не надо одной. Я провожу тебя как можно дальше, а потом сверху прослежу, чтобы ты благополучно добралась до самого лагеря. Так что бояться тебе нечего. У тебя есть надежный провожатый! Ну что ж, пойдем!..

Они взялись за руки и медленно побрели вниз по склону. Под ногами у них тихо шуршали увядшие листья...

28

В городках и селах района появилось объявление:

«Лица, проживающие в районе города Б. и не зарегистрированные по месту жительства, и все, кто достиг пятнадцатилетнего возраста, должны немедленно зарегистрироваться в полицейском управлении. Крайний срок для регистрации — воскресенье 19 ноября 1944 года. Тот, кто в понедельник 20 ноября окажется незарегистрированным, будет расстрелян. Равным образом с понедельника 20 ноября 1944 года будут приговариваться к расстрелу лица, скрывающие у себя незарегистрированных. От обязательной регистрации освобождаются только германские подданные.

Уполномоченный по управлению делами Коринг, оберштурмбанфюрер СС и полковник полиции».

Объявление висело на домах и заборах, оглашалось по радио, зачитывалось под барабанный бой деревенскими стражниками.

Так военные и гражданские оккупационные власти начали массовое наступление на чешских патриотов, на участников Сопротивления, на загадочную подпольную группу «Ночной Орел».

Положение оккупантов стало в последнее время просто невыносимым.

Недавно появившаяся шайка диверсантов, именуемая себя собирательно «Ночной Орел», наносила удар за ударом по гарнизонам и военным хозяйствам района, разрушала коммуникации, причиняла серьезный урон в людях и материалах. Скрыть эти факты от начальства районные власти не могли. Как ни смягчались донесения, истина из них все равно выпирала, словно шило из мешка. Начальство проявляло законное беспокойство, требовало принятия эффективных мер, грозило суровыми карами за нерасторопность. А какие меры можно было принимать против неуловимых ночных призраков?..

Генерал Петерс требовал объявить в районе чрезвычайное положение, расстрелять каждого десятого из жителей, взять в качестве заложников двести женщин и детей, ввести комендантский час...

— Я теряю больше всех! — кипятился генерал. — Дивизия тает на глазах, словно на самом тяжелом участке фронта. Я требую принятия самых решительных мер!

Но хозяином в районе был не он, и поэтому его предложения долго не находили поддержки.

Уполномоченный по району оберштурмбанфюрер Коринг, он же после бесславной кончины Штольца и начальник районного отделения гестапо, решительно противился таким суровым мерам. На выпады генерала Петерса он отвечал сдержанно, но решительно:

— Я не могу рисковать, господин генерал. Близость фронта и без того до предела накалила обстановку. Если мы прибегнем к массовому террору, которого чеки безусловно заслуживают, здесь может вспыхнуть всеобщее восстание. Угроза гибели делает людей отчаянными и готовыми на все. Ни ваших, ни моих сил не хватит для подавления всеобщего вооруженного восстания. В районе живет около ста пятидесяти тысяч взрослого населения. В лесах оперирует несколько партизанских отрядов, численность которых известна одному господу богу. В самом Б. давно работает подпольная организация. А теперь еще этот «Ночной Орел», который столь неожиданно свалился на нашу голову... Нет, нет, все, что хотите только не чрезвычайное положение и не расстрел заложников. Будем бороться иными радикальными мерами...

Такой радикальной мерой Коринг считал тщательную проверку всех жителей района и выпустил для этого строжайшее постановление об обязательной регистрации.

Когда срок, указанный в постановлении, миновал, во всем районе начались облавы, повальные обыски, внезапные ночные проверки. Однако результаты этого мероприятия оказались ничтожными. Несмотря на то что арестовано было более двухсот «подозрительных личностей», на след подпольной ор-

ганизации «Ночной Орел» гестаповским ищейкам напасть не удалось. А удары этих загадочных мстителей продолжали сыпаться один за другим и становились все более и более сокрушительными.

В конце концов сведения о критическом положении в районе достигли Берлина. Генеральный штаб направил в Б. военного инспектора, опытного контрразведчика из абвера.

Этим рейхсинспектором оказался моложавый щеголеватый полковник, барон фон Норденшельд.

Прибыв на место и ознакомившись с делами, барон наговорил оберштурмбанфюреру Корингу массу неприятных вещей, а генералу Петерсу рекомендовал срочно созвать военный совет.

В роты и батальоны дивизии, расквартированные по городкам и селам района, помчались на мотоциклах вестовые с пакетами. К вечеру в особняке генерала Петерса собрался весь командный состав дивизии. Кроме офицеров, были также приглашены представители полиции и суда и сотрудники гестапо.

29

Совещание происходило в гостиной. Собравшиеся с трудом разместились за тремя длинными столами.

Вступительное слово произнес генерал Петерс. Он долго и монотонно рассказывал о положении в районе, детально перечислял все крупные и мелкие диверсии, совершенные подпольной организацией «Ночной Орел», приводил подробные данные о потерях дивизии. В заключение он сказал:

— Самым странным и необъяснимым, господа, представляется то, что бандиты из шайки «Ночной Орел» всюду оставляют свои визитные карточки, но при этом никого из них не только не удалось задержать, подстрелить или хотя бы коснуться в рукопашной схватке, а даже мельком увидеть. Они неуловимы, как призраки. Все меры, которые мы до сих пор принимали, оказались недейственными. По всей вероятности, эти ловкие разбойники придумали какой-то новый метод для своих бандитских налетов. В силу этого я считаю, что и мы с вами должны разработать новую тактику для борьбы с диверсантами, подпольщиками и партизанами. Я уверен, господа, что у вас найдется немало дельных предложений. Однако, прежде чем начать высказывания, я предлагаю, господа, выслушать присутствующего здесь господина оберштурмбанфюрера Коринга. У него есть на этот счет особые соображения, так как под его опекой находится человек — единственный жи-

вой человек, господа! — который каким-то образом связан с бандой «Ночной Орел» и который, стало быть, при желании мог бы о ней кое-что рассказать. Господин оберштурмбанфюрер, прошу вас.

Маленький, тщедушный Коринг, внешне похожий чем-то на знаменитого рейхсминистра пропаганды Геббельса (чем он очень, кстати, гордился!), заговорил с места крикливым, неприятным голосом:

— Господа! Мой несчастный предшественник, оберштурмбанфюрер Штольц, погиб от руки бандита из шайки «Ночной Орел». За несколько дней до этого бандиты подбросили ему письмо, в котором нагло требовали освобождения некоего доктора Коринты, а в случае отказа угрожали расправой. Оберштурмбанфюрер Штольц был человек смелый и решительный. Он не освободил Коринту и был за это убит в собственном кабинете вместе со своим адъютантом. Подробности этого потрясающего убийства вам известны. Протоколы допросов доктора Коринты, с которыми я внимательно ознакомился, вступив в должность, а также новые допросы, проведенные мной самим, не внесли в дело ни малейшей ясности. Коринта начисто отрицает какую-либо связь с «Ночным Орлом» и упорно твердит, что ему абсолютно неизвестно, почему неведомые бандиты требуют его освобождения и совершают ради него убийства...

Гестаповец сделал трагическую паузу, обвел всех мрачным взглядом и продолжал:

— Вчера ночью, господа, я самым загадочным образом тоже получил письмо от «Ночного Орла». Короткое и категорическое. Да, господа, мне, как и моему предшественнику Штольцу, угрожают смертью, если я не выпущу доктора Коринту на свободу. Если оберштурмбанфюрер Штольц мог не придать угрозам бандитов никакого значения, то у меня, господа, есть все основания считать эти угрозы абсолютной реальностью. «Ночной Орел» за это время слишком убедительно доказал, что он способен на все. Я, разумеется, принял кое-какие меры. Снабдил, например, окна кабинета и квартиры решетками. Но, господа, не вам мне объяснять, что стрелять можно и через решетку! Взвесив все это, господа, и поняв, что никакими мерами от «Ночного Орла» не спастись, я решил выполнить требования бандитов и освободить доктора Коринту из заключения...

По гостиной пронеслась волна оживления. Офицеры заговорили между собой вполголоса, возбужденно жестикулируя. Коринг поднял руку:

— Один момент, господа! Я еще не кончил!.. Я решил освободить Коринту, господа, но не из страха перед смертью. У ме-

ня возникла идея. Будучи на свободе, Коринта может послужить отличной приманкой! Ведь он нужен этим бандитам из «Ночного Орла». А раз нужен, значит, бандиты непременно попытаются связаться с ним. Дальнейшее не нуждается в пояснениях. Элементарно простая засада — и бандиты окажутся в мышеловке, в которой Коринта сыграет роль аппетитного куска сыра!.. Мне кажется, господа, это дельная мысль, и я сегодня же ночью намерен ее осуществить...

— Ваша мысль, господин оберштурмбанфюрер, говорит лишь о том, что вы изрядно струсили! — с барственной небрежностью, но достаточно громко произнес барон фон Норденшельд, сидевший рядом с генералом Петерсом во главе стола.

— Вы позволяете себе слишком много, господин полковник, — возмутился Коринг. — То, что вы служите в генштабе, еще не значит...

— Вы правы, господин оберштурмбанфюрер, — бесцеремонно перебил его барон. — То, что я служу в генеральном штабе и в настоящее время являюсь рейхсинспектором по вашему району, не имеет для вас решающего значения. А вот мои дружеские отношения и в некотором роде родственные связи с рейхсфюрером СС господином Гиммлером, я надеюсь, что-нибудь значат даже для вас. Вы не находите, господин оберштурмбанфюрер?

Коринг мгновенно сник и в полнейшем замешательстве пробормотал:

— Простите, господин полковник... Я был несколько резок...

— Ничего, господин оберштурмбанфюрер, я не злопамятен. Однако я вот что хочу сказать вам. Я верю в реальность и неотвратимость угрожающей вам опасности и отнюдь не намерен отдавать вас на растерзание «Ночному Орлу». Но освобождение Коринты я считаю опрометчивым шагом. Прошу извинить меня, господин оберштурмбанфюрер! Мне известно дело, по которому Коринта взят. Это очень интересное дело, господа!

Барон медленно поднялся и говорил дальше стоя, обращаясь ко всем собравшимся:

— Я сопоставил некоторые факты и сделал из этого кое-какие выводы. Вы все, господа, наверное, помните историю загадочного снаряда, который появился в ту самую ночь, когда в горах вашего района высадился советский воздушный десант. Вскоре после этого, через месяц или немногим больше, по доносу своего коллеги был взят главврач к-овской больницы доктор Коринта. Обстоятельства его ареста, предметы, обнаруженные при обыске, наконец само поведение преступ-

ника вызвали целый ряд недоуменных вопросов, которые до сих пор остаются без ответа. Коринта утверждает, что он занимался какими-то научными опытами. В пользу этого утверждения говорят его записки и некоторые найденные при нем предметы. Но наряду с этим существует целая взаимосвязанная цепь преступлений, которые имеют к Коринте непосредственное отношение, но от которых Коринта упорно отмежевывается. В доносе на него упоминается какой-то советский или, во всяком случае, русский по имени Иван...

Взяв двумя пальцами со стола лист бумаги с заметками, барон заглянул в него и затем продолжал:

— Это начало цепи. Дальнейшие ее звенья выглядят так: медсестра Ивета Сатранова посылает брата предупредить Коринту об опасности и борется с доктором Майером, чтобы выиграть время; посланный вдогонку за мальчишкой оберлейтенант Крафт убит из охотничьей двустволки; лесник Влах и мальчишка, брат Сатрановой, бесследно исчезают; Коринта добровольно отдает себя в руки капитана Фогеля и прикидывается невинным агнцем; доносчика, доктора Майера, убивает неизвестный, именующий себя Ночным Орлом, причем убивает из пистолета советской системы; после убийства Майера бесследно исчезают сестра Сатранова и ее мать; через несколько дней после этих событий оберштурмбанфюрер Штольц получает от Ночного Орла письмо с требованием освободить Коринту; еще через несколько дней открывается серия диверсий Ночного Орла, причем начинается она убийством капитана Фогеля, который арестовал Коринту, и убийством оберштурмбанфюрера Штольца, который отказался Коринту освободить; и, наконец, по прошествии какого-то времени, в течение которого Ночной Орел наводил ужас на весь ваш район, снова требование освободить доктора Коринту, адресованное на сей раз оберштурмбанфюреру Корингу. Эта цепь преступлений, господа, свидетельствует, во-первых, о том, что доктор Коринта прочно связан с организацией «Ночной Орел», и о том, во-вторых, что ценность доктора Коринты для этой тайной организации безгранична.

Бросив листок с заметками обратно на стол, фон Норденшельд вытер губы носовым платком и тонко улыбнулся. Собравшиеся смотрели на него с огромным интересом, боясь пропустить хоть одно его слово.

— А теперь, господа,— снова заговорил барон,— давайте посмотрим, входит ли в набросанную мной схему история о бесшумном снаряде. Думаю, что не только входит, но и как нельзя лучше дополняет эту схему. Создается следующая цепь причинно-следственных связей.

В его руках снова очутился листок с заметками.

— Советский воздушный десант — сведения о бесшумном снаряде, упавшем в к-овском лесу, — раненый советский диверсант в сторожке у Влаха — научные опыты и странное поведение Коринты — неуловимость и загадочность действий диверсантов из «Ночного Орла» — настойчивое стремление этой организации освободить доктора Коринту. По-моему, эта цепь убедительна и создает совершенно новую картину. Диверсии «Ночного Орла» в вашем районе отнюдь не основная цель этой организации. Этими диверсиями вас хотят только запугать, заставить отказаться от доктора Коринты. Трудно предугадать, как поведет себя эта подпольная организация, после того как добьется освобождения Коринты. Но, во всяком случае, нам не приходится ожидать от нее чего-либо хорошего. Поэтому я считаю, что лучший способ избавить район от зверского террора «Ночного Орла» — это освободиться от присутствия в районе Коринты. Этого интересного заключенного нужно увезти отсюда, причем как можно скорее и как можно дальше. После этого «Ночной Орел» либо последует за Коринтой, либо развернет свою деятельность по-другому и покажет свои подлинные намерения. Это основное. Но не надо забывать и о более конкретных мерах. Я уверен, что эта подпольная шайка опирается на партизанские отряды в горах. Эти отряды нужно ликвидировать в первую очередь. Между нами говоря, господа, через месяц, через два здесь, возможно, будет проходить линия фронта. К этому времени в горах не должно быть ни одного партизана. Этим придется заняться вам, господин генерал. А вы, господин оберштурмбанфюрер, возьмете на себя транспортировку вашего ценного пленника. Вы отвезете его в Прагу, где им займутся более сведущие люди. Я дам вам сопроводительное письмо и скажу, куда Коринту доставить. — Барон снова вытер губы и спокойно опустился на свое место.

— Благодарю вас, господин полковник! — радостно крикнул начальник гестапо и хозяин района. Он понял, что для него это единственный путь к спасению.

После этого совет занялся разработкой плана генерального наступления на партизан.

30

Страх перед местью беспощадного Ночного Орла заставил оберштурмбанфюрера Коринга действовать быстро и решительно.

Получив от полковника фон Норденшельда обещанные документы и инструкции, Коринг вытребовал у генерала Пе-

терса военный транспортный самолет для доставки необыкновенно ценного пленника в Прагу. Лишь покончив со всеми хлопотами и убедившись, что самолет благополучно оторвался от земли, гестаповец понял, что опасность для него миновала, и вздохнул с облегчением.

Доктор Кориита не знал, куда его увозят. Но это, в общем-то, не очень его волновало. Не все ли равно куда! Важно, что увозят, а это плохо. Очень плохо!.. Пока он был в Б., у него была еще пусть совсем ничтожная, но все же надежда на избавление: вдруг Кожин и его друзья найдут способ, как его вырвать из гестаповской тюрьмы. Теперь и эта слабая искра надежды угасла. Везут, надо полагать, куда-нибудь очень далеко, где даже за стенами тюрьмы у него не будет друзей, которые знали бы о нем и сочувствовали бы его тяжким страданиям. Ведь для узника даже это важно! А там он будет один среди врагов, и если придется погибнуть, то и могила его останется безвестной...

Сидя на холодной железной скамье транспортного самолета, со скованными руками, окруженный гестаповскими охранниками, доктор мысленно пересматривал все подробности своей необыкновенной истории, начавшейся встречей с советским десантником в к-овском лесу и завершившейся гестаповской тюрьмой и этим неожиданным путешествием в неведомое.

Самолет басовито ревел, ныряя в воздушные ямы, встряхивался и снова набирал высоту с протяжным нарастающим воем. Бледные охранники морщились и с ненавистью косились на Корииту, который, казалось, и не замечал этой неприятной болтанки.

Пленнику было не до этого. Он думал о своем.

Совершил ли он в чем-нибудь ошибку? Не жалеет ли он, что под самый конец войны изменил своему принципу полного невмешательства в политику и погрузился неожиданно в самую гущу грозных событий?

Нет, он ни о чем не жалеет. Пусть его ждут пытки и даже смерть. Ему не в чем упрекнуть себя. Как врач и как человек он не мог поступить иначе. А если бы смог, то навсегда потерял бы к себе уважение. Но он сохранил свою честь, он не оставил человека в беде. А главное — он, простой провинциальный врач, сумел подняться до прозорливости гениального ученого и в результате приоткрыл завесу тайны над удивительнейшей из человеческих способностей. Он проложил путь к великому научному открытию, он доказал, что человек способен летать, видел сам человека в полете.

Этого у него никто не отнимет.

Кожин жив, Кожин на свободе, Кожин летает и сражается,

Кожин дождется победы и тогда расскажет другим ученым, всем людям мира, как в убогой сторожке лесника доктор Коринта открыл ему глаза на его удивительную способность летать, научил его сознательно пользоваться этой чудесной способностью. Пусть могила Коринты останется безвестной, имя его не умрет.

Люди будут летать и всегда будут с благодарностью вспоминать того, кто указал им путь в воздушную стихию...

Через час самолет приземлился. Коринту вывели наружу и, не дав осмотреться, втолкнули в закрытую машину. Да он и не мог ничего увидеть, кроме обширного поля с сотнями военных самолетов, пасмурного неба да жухлой травы под ногами.

Машина шла быстро по гладкому асфальту и вскоре достигла города. Но что это за город?.. Коринта чутко прислушивался к уличным шумам и вскоре по трамвайным звонкам, по особому гулу толпы, по запаху даже догадался, что это Прага. На сердце стало немного легче: все-таки среди своих!

Машина въехала во двор огромного мрачного здания в самом центре города. Коринту повели по бесконечным коридорам. Всюду была идеальная чистота, звуки шагов поглощались толстыми коврами дорожками. Навстречу то и дело попадались высокие полицейские и военные чины.

«Не тюрьма», — понял Коринта.

Его ввели в огромную приемную, где толпилось много народа. Велели сесть и ждать. И Коринг, и сопровождавшие Коринту охранники вели себя здесь скромно, приниженно, разговаривали вполголоса.

— Снимите с него наручники! — прошипел Коринг охранникам и, сопровождаемый щеголеватым эссовским офицером, скрылся за высокой дверью, обитой кожей.

Коринта, с удовольствием разминая затекшие руки, спокойно думал:

«Пытки, кажется, откладываются. Похоже, что опять будут призывать к сотрудничеству, обещать всяческие блага, а потом снова угрожать самыми ужасными карами. Ну что ж, у меня уже есть опыт, меня уже не застигнешь врасплох!...»

Оберштурмбанфюрер долго оставался за дверью. Наконец он появился, заметно побледневший от волнения и хрипло крикнул:

— Доктора Коринту! Быстро!

И вот Коринта увидел знакомое по газетам и кинохронике лицо одного из главных палачей чешского народа.

Сесть арестанту, конечно, не предложили. Да и сам оберштурмбанфюрер стоял навтыжку перед хозяином кабинета.

Высокий нацистский чин восседал за огромным письменным столом, на полированной поверхности которого не было

ничего, кроме трех разноцветных телефонных аппаратов да бронзового бюста Гитлера. Лицо высокого чина казалось добродушным, серые глаза спокойно и насмешливо рассматривали худого, замызганного, обросшего седой щетиной арестанта. Трудно себе было представить, что этот чистоплотный, с мягкими чертами лица человек, работающий в таком просторном светлом кабинете, ежедневно подписывает сотни смертных приговоров и посылает в газовые камеры тысячи детей, женщин, стариков...

— Так это и есть ваш перспективный заключенный доктор Коринта?

И голос у него добрый, бархатный, без резких гортанных звуков.

— Так точно, господин бригаденфюрер!

Тщедушный Коринг старательно вытягивался, словно ему ничего так не хотелось, как показаться начальству высоким и мужественным.

— Подойдите ближе, доктор!

Коринта шагнул к столу.

— Так, так... Вы интересный человек, доктор Коринта. Ваше сотрудничество с подпольной группой «Ночной Орел»...

— Я не знаю никакого Ночного Орла! — хрипло проговорил Коринта.

Бригаденфюрер удивленно вскинул брови: его смели перебить! Но при этом оставался невозмутим и продолжал как ни в чем не бывало:

— Ваше сотрудничество с подпольной группой «Ночной Орел» заинтересовало не только военные круги рейха, но и зихерхайтсдинст¹. А это предreshает все. Вы напрасно упрямитесь, доктор. Ваша вина доказана, а законы военного времени вам, надеюсь, известны.

— Я не боюсь смерти!

— И об этом мы тоже знаем. Впрочем, на этот счет вы можете быть спокойны. Нам не нужна ваша смерть, доктор Коринта. Нам нужны ваши знания и, стало быть, ваша жизнь. Вы будете работать для нас и передадите нам все, что вам известно о новом оружии русских. Я не спрашиваю вашего согласия. У нас это не принято. Мы чтим лишь приказ, приказ и еще раз приказ. Вы получите специальную лабораторию, лучших специалистов в помощники и будете работать.

— Это какое-то недоразумение! Ошибка! Я не понимаю, о какой работе вы говорите! Мне ничего не известно!

Доктор Коринта отрывисто бросал эти слова, едва справ-

¹ Зихерхайтсдинст (СД) — служба безопасности в нацистской Германии.

ляясь с волнением. Во рту у него пересохло, голова закружилась.

Бригаденфюрер холодно посмотрел на Коринга:

— Оберштурмбанфюрер, оставьте нас одних. Я позову вас.

Коринг щелкнул каблуками и вышел.

Бригаденфюрер посмотрел на Коринту с добродушной улыбкой, словно перед ним был капризный ребенок, и сказал:

— Мы знаем, доктор, что Ночной Орел — это удивительный феномен: летающий человек. Это и есть новое биологическое оружие русских. Вам этот секрет известен. А от вас его узнаем и мы. В этом и будет заключаться ваша работа. Отрицать ничего не пытайтесь. Как видите, нам известно больше, чем вы предполагали. Сотрудничество с нами — единственный выход из положения, который у вас остался. Кроме, разумеется, смерти. Но как раз умереть-то мы вам и не позволим.

Доктор Коринта был настолько поражен, что не нашелся что и ответить. Он молча смотрел на бригаденфюрера и то-скливо думал:

«Боже мой, боже мой! Им все известно! Но кто выдал? Кто?..»

А бригаденфюрер тем временем вновь вызвал Коринга.

— Оберштурмбанфюрер, примите доктора под свою опеку. Я поручаю его вашим заботам и вашей ответственности. Подробную инструкцию о новом вашем назначении получите завтра. Можете идти!

— Слушаюсь, господин бригаденфюрер!

Коринту снова повели по коридорам, снова посадили в закрытую машину и повезли в другой конец города. Но теперь он ни к чему не прислушивался и не пытался определить, по каким улицам Праги проходит его темная тюрьма на колесах. В голове у него раскаленным гвоздем сверлила одна мучительная мысль:

«Откуда они узнали о летающем человеке? Кто выдал?..»

31

Доктор Коринта волновался напрасно. Тайну летающего феномена никто не выдавал, однако внимательному и вдумчивому человеку нетрудно было самому о ней догадаться.

Выступая на военном совете, барон фон Норденшельд высказал далеко не все свои выводы и догадки относительно Коринты и организации «Ночной Орел». Самые интересные из них он доверил лишь генералу Петерсу. А потом изложил все

в сопроводительном письме, отправленном вместе с Коринтой в Прагу.

После того как участники военного совета разъехались по своим частям, оставшиеся наедине генерал и рейхсинспектор перешли в уютный салон и занялись коньяком и сигарами.

Утопая в глубоком кожаном кресле, барон фон Норденшельд затягивался ароматной гаванской сигарой, прихлебывал трофейный французский коньяк и делился с генералом Петерсом своими самыми важными соображениями по поводу происшедших событий. Генерал слушал высокого гостя внимательно, даже с некоторым почтением и чем дальше, тем больше поражался его проницательности.

Барон начал так:

— Я уже имел честь высказать на совете кое-что из моих соображений, дорогой генерал. Как ни странно, ни вы, ни кто-либо из господ офицеров не вникли в главную суть моих слов. А ведь даже то, что я нашел возможным высказать, не могло не натолкнуть на некоторые весьма интересные мысли.

— Что вы имеете в виду, барон?

— Охотно поясню, мой генерал. Я имею в виду поразительную связь между появлением бесшумного снаряда, тайным пребыванием доктора Коринты в лесной сторожке и разрушительной деятельностью бандитов из группы «Ночной Орел». На совете я сказал лишь, что эта связь безусловно существует, и проиллюстрировал свою мысль логической цепью фактов. Это все, что я мог себе позволить. Вам же, генерал, я могу сказать больше. Вы помните свою первую мысль, когда вам доложили о загадочном бесшумном снаряде, который пролетел над районом и упал в лесу близ К-ова? Помните вашу поразительно верную догадку?

— Как же, барон, конечно, помню! Мне подумалось тогда, что это новое секретное оружие врага.

— Совершенно правильно! Ваша мысль, генерал, была исключительно правильной. Секретное оружие!.. Неужели вам не понятно, что этот загадочный снаряд только потому и не был найден, что с первой же ночи находился в лесной сторожке, которую ваши люди не удосужились осмотреть, пока не получили сигнал от доктора Майера? Да, это было так. Но сначала ваши люди не догадались, а потом уже было поздно. Благодаря вмешательству доктора Коринты снаряд удалось отрегулировать и ввести в действие. Группа «Ночной Орел» пользуется этим снарядом для своих диверсий. Только этим можно объяснить, что «Ночной Орел» наносит вашей дивизии такой урон, словно вы сражаетесь на фронте, а сам остается неуловимым и неуязвимым.

— Но позвольте, дорогой барон, позвольте! Что вы, соб-

ственно; подразумеваете под этим вашим снарядом? — удивленно воскликнул генерал.

— Трудно сказать что-либо определенное, но, по-моему, это должен быть некий компактный летательный аппарат для одного или двух человек, работающий совершенно бесшумно, имеющий необыкновенную маневренность и способный развивать большую скорость...

— В таком случае, непонятно, каким образом тут замешан Коринта. Ведь он не механик, а врач. Если аппарат в первую же ночь поломался, то для его исправления...

— Одну минутку, генерал! Во-первых, аппарат не обязательно должен был поломаться. Пострадать мог его экипаж. И доктор Коринта, в таком случае, просто лечил вражеских летчиков или, возможно, одного летчика. Гипсовая повязка, найденная в сторожке, наилучшее этому доказательство. А во-вторых... во-вторых... могло быть и так... — Барон задумался, вертя в пальцах пустую рюмку.

— Как могло быть? — нетерпеливо спросил генерал.

— Вам это покажется странным, но могло быть и так, что никакого аппарата не было, а был только летчик.

Седые брови генерала взлетели к самым волосам. В голове мелькнула мысль: «Уж не балуется ли этот аристократ каким-нибудь наркотиком?..»

Но вслух он удивленно спросил:

— Один летчик? Как же он летел?!

Норденшельд задумчиво улыбнулся:

— Очень просто, дорогой генерал. Ведь секретное оружие может быть не технического, а биологического порядка. Представьте себе средство, которое дает человеку возможность преодолевать земное притяжение. Советские ученые открыли его и решили испытать в действии, в условиях тыловых диверсий. Лучшего применения такому средству во время войны не найдешь. Направили человека с особым заданием, включив его в состав обычной десантной группы. Человек прыгнул с самолета, полетел, но, приземляясь, сломал себе ногу. Его обнаруживает лесник и зовет на помощь Коринту, который, как известно, дружил с лесником и часто ходил в лес по грибы. Летающего человека доставляют в сторожку Влага, где врач и лечит его. Человек открывает секрет своего появления и предупреждает, что вес его тела строго рассчитан. Тогда и появляется кровать-весы, с помощью которой контролируется вес раненого... Мне думается, это единственное объяснение странной кровати, сооруженной на весах.

— Но ведь это фантастика, дорогой барон!

— А то, что происходит в вашем районе, разве не фантастика?

— Ну, положим, здесь нет ничего такого...

— Фантастика, генерал, чистейшая фантастика! Вас бьют призраки! Если к этим призракам приложить мою теорию летающего человека, то все сразу станет на место. Об этой версии я обязательно доложу по начальству. А Коринту необходимо срочно переправить в надежное место. Что же касается вас, генерал, то вам я советую вот что. Прикажите своим солдатам зорко следить за воздухом. Особенно с наступлением темноты. Кроме того, нужно придумать какие-нибудь ловушки. Если тут в самом деле действует летающий человек — неважно, с аппаратом или без аппарата, — его нужно взять живым. Коринта ценен, но кто знает, известен ли Коринте весь секрет этого нового оружия. Самому же Ночному Орлу этот секрет наверняка известен. Если вам удастся поймать эту опасную птицу, вы компенсируете командованию все потери, которые ваша дивизия понесла за истекшие две недели.

— Хорошо, барон, я подумаю о вашем предложении...

Норденшельд допил коньяк и поднялся. Прощаясь с генералом, он вдруг странно рассмеялся и сказал:

— А все-таки я завидую вам, дорогой генерал!

— Почему? — удивился Петерс.

— Вы имеете дело со странными, фантастическими силами. А ведь я в душе романтик!.. Кстати, генерал, вы не боитесь, что Ночному Орлу может понадобиться ваша голова?

— Этого я не боюсь, — самодовольно ответил генерал. — Ночной Орел появляется только ночью, а на ночь мой дом превращается в неприступную крепость. Если ваш летающий человек не дурак, он не сунется сюда. Так что и вы, дорогой барон, можете себя чувствовать в полной безопасности под моим кровом!

Они понимающе улыбнулись друг другу и разошлись по своим комнатам.

32

Упорство гестаповцев, с которым они, несмотря ни на что, продолжали держать доктора Коринту в заключении, доводило Кожина до иступленного бешенства.

Он был уверен, что после убийства Штольца и его адъютанта и особенно после огромного числа сокрушительных диверсий, обрушившихся на весь район, новый гестаповский начальник будет сговорчивей, но проходили дни, а гестаповцы и не думали как-либо реагировать на второе, еще более грозное и решительное послание Ночного Орла. Они делали вид, что их это просто не касается.

Да, тут было отчего прийти в бешенство!

Непрерывные опасности, связанные со смертельным риском, истощение физических и душевных сил, постоянное недосыпание, одиночество и тревоги — все это не могло не отразиться на психике летающего человека. Даже для такого богатыря, как Кожин, это была страшная, губительная нагрузка.

И тем не менее, несмотря на издерганные нервы и расшатанную психику, Кожин сохранял остроту мышления и трезвость суждений. Он понимал, например, что разгром тюрьмы и освобождение Коринты ему одному не осуществить.

Одним стремительным ударом каменное здание не возьмешь. Тут неизбежны и длительная перестрелка, и перебежки по коридорам и лестницам, и рукопашные схватки в борьбе за каждый этаж. Для такой операции нужен крупный отряд, способный не только подавить сопротивление охраны, но и отразить атаку целого полка егерей, расположенного неподалеку в казармах. Но и это не все. Нужно еще продержаться в этой битве с превосходящими силами противника так долго, пока заключенные не укроются в надежных местах.

Сколько для этого нужно людей? Много, очень много! Во всяком случае, один отряд Горалека не справится...

Кожину оставалось одно: припугнуть фашистов так, чтобы они сами отпустили Коринту на волю. А это означало — новые диверсии, новые угрозы, новые требования.

В ночь на 1 декабря Кожин швырнул гранату в кабинет начальника гестапо. В кабинете в это время никого не было, и поэтому жертв эта диверсия не вызвала. Но раненые все же были. Взрывом не только разнесло в щепки всю обстановку кабинета, но и вырвало часть пола. Груды пылающих обломков рухнули в нижний этаж. А там была спальня тюремных надзирателей. Многих из них обожгло и покалечило.

Пожар потушили, раненых увезли в госпиталь. Но о восстановлении злополучного кабинета в тюремной башне не могло быть и речи.

Неподалеку от тюремных ворот караульные подобрали пакет, адресованный оберштурмбанфюреру Корингу. Согласно особому приказу, всю документацию, касающуюся Ночного Орла, следовало теперь доставлять рейхсинспектору, полковнику фон Норденшельду. В приказе особо подчеркивались слова: «немедленно, в любое время суток». Помня об этом, караульные доставили пакет рейхсинспектору через полчаса после взрыва, когда башня еще пылала над городом.

Разбуженный среди ночи, барон вскрыл пакет и нашел в нем короткое письмо, написанное в выражениях энергичных и ясных:

«Последнее предупреждение кровавому гестаповскому псу

Корингу! Если ты не освободишь сегодня, 1 декабря 1944 года, доктора Коринту, то в ночь на 2 декабря умрешь, где бы ни находился. Приказываю доставить доктора Коринту сегодня в 15.00 к часовне у леса, что стоит при дороге на К-ов. Неприкосновенность сопровождающих гарантирую, но предупреждаю: не вздумай устраивать засаду. Уничтожу всех до одного, а ночью тебе все равно будет капут. Ночной Орел».

Генерал Петерс, уже привыкший к непрерывным ночным происшествиям и приказавший не будить себя из-за них, разве что взлетит на воздух штаб дивизии, на сей раз из уважения к высокому гостю тоже поднялся и, надев халат, вышел в салон.

Норденшельд дал ему ознакомиться с посланием Ночного Орла, а затем сказал:

— Обратите внимание, генерал, что все бумаги Ночного Орла написаны одной и той же рукой. Это еще одно доказательство, что тут действует не группа, а какой-то одиночка. Лично я уверен, что он летает. Только летающий человек смог бы бросить гранату в окно двадцатиметровой башни.

Генерал зевнул и, не желая вступать в спор, устало согласился:

— Вы убедили меня, барон. Я начинаю верить вашей теории о летающем человеке... Что с башней?

— Горит. Ее теперь, наверно, видно издалека.

— Ничего, потушат... А что вы намерены предпринять в ответ на это наглое послание? Коринту вы удалили, Коринга тоже. Не кажется ли вам, что этот летающий убийца, обозленный нашим упорством, осатанеет окончательно и превратит наш район в настоящий ад?

— Ваши опасения вполне справедливы, дорогой генерал. Наш таинственный противник не знает и не может знать, что Коринты в городе нет. Выход один: нужно сделать так, чтобы он узнал об отъезде Коринты и Коринга. Этот ультиматум дает нам возможность поставить господина Ночного Орла в известность о том, что в деле освобождения его милого друга мы не можем оказать ему ни малейшего содействия. Думаю, что после этого он успокоится и покинет эти места.

Генерал не удержался и зевнул во весь рот.

— Извините, барон... Ваше предложение весьма остроумно, но, боюсь, оно не принесет ожидаемых результатов.

— Положитесь на мою интуицию, генерал. Мне кажется, я начинаю понимать психологию этого летающего демона. Если вы позволите, я сам составлю ответ Ночному Орлу. Ну, а вам, как командующему военными силами района, придется этот ответ подписать.

Генерал Петерс нахмурился, но ничего не возразил.

Опасаясь засады, Кожин задолго до рассвета занял в лесу удобную позицию для наблюдения за часовней. Он устроился на вершине горы, в трех километрах от дороги, ведущей из Б. в К-ов.

Укрытый в кроне высокой сосны, он мог в бинокль наблюдать за всеми подступами от города к лесу, а главный объект — часовня — был ему виден как на ладони.

Закутавшись в плащ-палатку, Кожин то дремал, прислонившись к шершавому стволу, то устало подносил к глазам бинокль и осматривал окрестности. Время тянулось медленно. Ночной Орел закоченел в своем открытом воздушном убежище.

Наступившее утро было туманным, холодным. Лишь ближе к полудню немного прояснилось и потеплело. Временами из-за серой пелены показывалось скупое осеннее солнце.

На дороге то и дело появлялись одинокие пешеходы и велосипедисты. И те и другие двигались медленно по разбитой, давно не чиненной дороге. Кожин зорко присматривался к этим людям, но ничего подозрительного в них не находил. Вон едет усатый крестьянин с бидоном, привязанным к багажнику велосипеда. Он сдавал на сборном пункте молоко от своей единственной коровенки. Вон идет старушка с сумкой. Эта определенно понесла что-нибудь в деревню для обмена на продукты. А вон из лесу показались двое в синих блузах. Это рабочие, которые живут в деревне, а работают на одном из заводов... Да, все это местные жители, которые ходят по дороге туда и обратно по своим немудреным делам.

Чтобы снять усталость и рассеять сон, Кожин то и дело жевал твердый трофейный шоколад. Страшно хотелось курить. Но этого он себе позволить не мог — боялся обнаружить свое убежище. Не исключено ведь, что и фашисты разместили в укрытиях своих наблюдателей, которые глаз не спускают с окрестностей вокруг часовни.

В половине третьего Кожин спустился с дерева и побегал немного вокруг него, чтобы размяться и расшевелить застоявшуюся кровь. Глоток спирта из походной фляги помог избавиться от остатков сонливости. Согревшись, Кожин поспешно вернулся на наблюдательный пункт. Близился решающий час.

Неужели он скоро увидит доктора Коринту?.. Скорей всего, да. Фашисты не могут без конца терять своих главарей из-за одного заключенного... А как он поступит, когда они приведут доктора?.. Надо думать, они догадаются оставить его у часовни одного и уйти... А потом? Потом его нужно будет проводить через лес в партизанский лагерь...

Без четверти три на дороге показался мотоциклист. Разглядев на нем немецкую каску, Кожин насторожился.

Мотоциклист, не доезжая до часовни метров сто, резко затормозил, оставил машину у кювета и двинулся дальше пешком. По дороге он выхватил из кармана белый платок и принялся им размахивать над головой. Возле часовни он задержался лишь на мгновение: бросил на подставку возле статуи мадонны белый пакет и быстро зашагал обратно, боязливо озираясь по сторонам и не забывая размахивать белым платком. Достигнув машины, он торопливо сел на нее и умчался обратно в город.

— Все ясно! — злобно проговорил Кожин, привыкший в одиночестве произносить свои мысли вслух. — Даром они доктора Коринту решили, видно, не отдавать. Торговаться надумали! Требуют, поди, чтобы за Коринту я вообще их оставил в покое... Не выйдет, гады! И так заставлю!..

Взять пакет при дневном свете Кожин не рискнул. На дороге хоть и редко, но все еще появлялись люди. Пришлось потерпеть еще часа три.

Когда достаточно стемнело, Кожин поднялся в воздух и осторожно, на небольшой скорости полетел к часовне. Кругом было тихо. Он спустился, быстро схватил пакет и сразу ушел ввысь. Взяв основательный разгон, стремительно помчался над лесами домой, к Чертову Пальцу.

У себя в гроте Кожин, не раздеваясь, нетерпеливо разорвал конверт и вынул письмо. Оно было отпечатано на машинке на чешском языке. Читая сухие вежливые строки, Иван почувствовал, что его начинает душить непреодолимая ярость.

В письме было написано:

«Господа диверсанты из организации «Ночной Орел»!

Ваш ультиматум на имя имперского уполномоченного господина Коринга, касающийся освобождения из-под ареста доктора Вацлава Коринты, удовлетворить не представляется возможным. Обвиняемый в государственной измене доктор Коринта по приказу имперских властей изъят из нашей компетенции и передан в распоряжение центральных органов, местонахождение которых нам неизвестно. Во всяком случае, ни в городе Б., ни где-либо в районе заключенного В. Коринты в настоящее время нет. Интересующий вас господин Коринг также откомандирован в другие места.

Уведомляя вас о беспредметности вашего ультиматума, предлагаю со своей стороны следующее:

1. Ваша организация «Ночной Орел» немедленно прекращает диверсии, складывает оружие и сдается нашим вооруженным силам.

2. Я гарантирую всем сдавшимся членам организации

«Ночной Орел» личную неприкосновенность и гуманное обращение, согласно правилам международной конвенции о военнопленных.

В случае, если наше предложение о сдаче не будет принято до 24.00 часов 2 декабря с. г., с вами будет поступлено, как с бандитами и уголовными преступниками. Ваша организация будет уничтожена, а пленные расстреляны без суда.

Командующий войсками генерал-лейтенант Петерс».

Дочитав письмо, Кожин скомкал его, швырнул на землю и долго в бессильной ярости топтал ногами. А когда приступ ярости миновал, он, измученный, упал на постель. Тяжело дыша, долго лежал с закрытыми глазами.

В гроте было тихо. Лишь потрескивала свеча да снаружи приглушенно доносился заунывный вой ветра, метавшегося по расселинам Чертова Пальца.

Наконец Кожин поднялся и мрачным взглядом обвел свое дикое убежище.

— Хорошо,— проговорил он хрипло,— хорошо!.. Коринту вы у меня отняли!.. Запрятали в надежное место!.. Ничего... Сами вы от меня никуда не уйдете! И прежде других — вы, генерал Петерс!.. Я вам покажу конвенцию о военнопленных!..

В эту ночь Кожин оставил фашистов в покое. Ему необходимо было основательно отдохнуть и подготовиться к утру. Впервые за всю свою боевую деятельность Ночной Орел решил совершить вылазку среди белого дня...

34

По утрам, прежде чем покинуть постель, генерал Петерс имел обыкновение звонить в штаб и узнавать, какие новости появились в районе за истекшую ночь. Последнее время ни одной ночи не проходило без происшествий. И вдруг в это утро — приятнейший сюрприз. Майор Клоц радостным голосом доложил:

— За минувшую ночь, господин генерал, по району не отмечено никаких чрезвычайных происшествий. Во всех подразделениях дивизии полный порядок! Ни подпольщики в населенных пунктах, ни партизаны в лесах не проявляли ни малейшей активности. Желаю вам доброго дня, господин генерал!

— Благодарю вас, майор!

Генерал встал в бодром настроении и за завтраком поделился приятной новостью с Норденшельдом.

— Сегодня была удивительно спокойная ночь, барон...

— Вот видите, генерал! Наше письмо к Ночному Орлу при-

несло свои первые положительные плоды. Я уверен, что этот опасный господин улетел уже за тридевять земель, вдогонку за своим Коринтой! — сказал барон с самодовольной улыбкой.

— Да, дорогой барон, теперь я полностью преклоняюсь перед вашей проницательностью и находчивостью! Адмирал Канарис может гордиться таким подчиненным, как вы. Клянусь честью, я нисколько не удивлюсь, если этот летающий бандит в самом деле явится к нам с повинной!.. Кстати, барон, если вам нужно сейчас в штаб, я охотно подвезу вас на своей машине.

— Благодарю вас, генерал. Я немного задержусь. В штабе я буду примерно через час.

— Как угодно... Желаю удачи!

Генерал бодрым шагом вышел из дому и сел в автомобиль. Путь до штаба был недалекий, но генерал не любил ходить пешком по улицам города — предпочитал даже короткие концы делать на машине. Город оккупированный, жители настроены враждебно — зачем рисковать?..

Штаб дивизии находился в доме, окруженном высоким забором, в северной части города. Машина командующего вошла в ворота двора и остановилась перед длинной каменной дорожкой, которая вела ко входу в штаб.

Покряхтывая по-стариковски, генерал медленно вылез из машины. По каменным плитам дорожки ему предстояло сделать шагов тридцать.

День выдался погожий. Было свежо, почти морозно, но тихо, безветренно. По голубому небу плыла единственная беловато-серая туча, не предвещавшая, однако, дождя. Туча двигалась медленно, лениво колыхая своими круглыми дымчатыми боками. В тот момент, когда генерал Петерс вылез из машины, она была как раз над самым штабом.

И вот из этой-то совершенно невинной тучи на генерала вдруг посыпались гранаты-лимонки.

После взрыва первой гранаты генерал с перекошенным от ужаса лицом бросился бежать тяжелой рысью, стремясь поскорее укрыться в доме. Вторая граната ранила его осколком в ногу. Он упал, но тут же снова поднялся и побежал дальше, сильно хромая и оставляя на плитах дорожки кровавые пятна. Третья граната dokonала генерала, разорвавшись у самых его ног. Получив смертельную порцию осколков, генерал упал и затих навсегда.

Рванулась еще и четвертая граната, но она уже не смогла причинить генералу никакого вреда.

Все вышеописанное произошло буквально в течение нескольких секунд. Солдаты охраны и выскочившие из штаба офицеры подхватили мертвого генерала и поспешно унесли

в дом. Штабной двор в одно мгновение опустел, словно его вывели.

Адъютант генерала майор Клоц, который направлялся на встречу командующему и наблюдал эту сцену из дверей штаба, бросился к телефону и принялся вызывать ближайший военный аэродром.

— Пришлите немедленно самолет! — кричал он в трубку. — В туче над штабом дивизии прячется неприятельский воздушный шар!.. Что?! Я вам покажу сумасшедшего! С вами говорит адъютант командира дивизии майор Клоц! Извольте выполнять приказ! Они только что убили гранатами генерала Петерса!.. Да, только что. Минуту назад. Я собственными глазами видел, как гранаты падали из тучи! Что же там может быть, кроме воздушного шара?! Через десять минут чтоб самолет был здесь!..

Через десять минут самолет действительно появился. Для ликвидации воздушного шара аэродром направил тихходный двухместный сторожевик с открытыми кабинами. Экипаж его состоял из пилота и пулеметчика.

К этому времени в штаб прибыл и барон фон Норденшельд, тоже вызванный по телефону. При мысли, что он совершенно случайно избежал верной гибели, барон нервно передернул плечами. О том, что он стал невольной причиной смерти генерала, ибо склонил его подписать письмо Ночному Орлу, рейхс-инспектор не думал.

Когда майор Клоц доложил ему о происшедшем, барон лишь побледнел и спросил:

— Генерал мертв?

— Более чем мертв, господин полковник. Он изувечен до неузнаваемости!

Заметив в небе над штабом самолет, барон поморщился:

— Это вы, майор, вызвали самолет?

— Я, господин полковник. В туче прячется неприятельский воздушный шар! Я абсолютно в этом уверен!

— Шар?.. Возможно... Разрешите ваш бинокль, майор.

— Пожалуйста!

Клоц услужливо поднес барону бинокль. Тот рассеянно взял его, направил на тучу и долго ее рассматривал, не говоря ни слова. Самолет тем временем подходил все ближе и ближе к опасному месту. Сотрудники штаба, наблюдавшие за происходящим из окон, умолкли и затаили дыхание.

— Я ошибся в его психике, страшно ошибся... И все же будет глупо, если они убьют его... — пробормотал Норденшельд словно про себя.

— Кого, господин полковник? — удивленно спросил майор Клоц.

- Очень ценного и очень нужного нам человека...
 - Простите, господин полковник, но ведь там...
 - Внимание! Начинается!
- Самолет вплотную приблизился к туче.

35

Кожин не стал уклоняться от воздушного боя.

Взвинченные нервы требовали разрядки, а для этого небывалая, рискованная ситуация подходила как нельзя лучше.

Отдыхая у себя в гроте, сержант не раз представлял себе сражение с вражескими самолетами, обдумывал тактику такого неравного боя. Теперь, когда эта игра воображения превратилась в грозную действительность, многие из придуманных уловок сослужили ему службу.

Главным его преимуществом было то, что его скрывала туча. Враг не видел его и даже не представлял себе, с кем имеет дело. И уж конечно, он обладал неизмеримо лучшей маневренностью, чем неуклюжий самолет устаревшего образца.

В этом небывалом в истории авиации сражении он непременно должен одержать победу.

Охваченный волнением и счастьем боевого азарта, Кожин, однако, не утратил способности ясно мыслить, точно расценивать обстановку, действовать быстро и решительно.

Заняв позицию на самом краю тучи, он приготовил пистолет и напрягся, не спуская глаз с приближавшейся железной птицы.

Самолет беспечно стрекотал, подбираясь к туче. Сидевший в нем пожилой пилот спокойно улыбался. Вероятно, он не очень-то верил в реальность неприятельского воздушного шара, который ему поручили ликвидировать. Кожин совершенно отчетливо увидел лицо пилота — усталое, в морщинках, с мешками под глазами, обыкновенное человеческое лицо. Впервые в жизни ему стало не по себе при мысли, что сейчас он должен убить этого человека. Это была не жалость, а обычное отвращение человека к убийству себе подобных. Но выбора не было: не убить было нельзя.

Подпустив к себе самолет на двадцатиметровую дистанцию, Кожин двумя меткими выстрелами уложил и пилота и пулеметчика. Потом посторонился, пропустил самолет под собой. Врезавшись с разгона в тучу, старая машина тут же потеряла управление и, беспомощно вихляясь, полетела к земле, словно подбитая птица.

Наземные наблюдатели вскрикнули в один голос.

Потрясенный до глубины души, полковник фон Норденшельд вытер лоб белоснежным платком и сокрушенно проормотал:

— Как я ошибся в его характере! Как жестоко ошибся!..

После этого он снова припал к биноклю. Ему хоть мельком хотелось увидеть летающего человека, но он не видел ничего, кроме сизой тучи, медленно проплывавшей по небу.

А майор Клоц уже кричал в телефонную трубку:

— Ослы! Болваны безмозглые! Присылайте немедленно три истребителя!.. Что?! Без возражений! Ваша тихоходная этажерка уже горит на земле!.. Экипаж?! К черту экипаж! Истребители давайте!..

И вот появились истребители.

Они вынырнули из-за темной кромки леса и, строго сохраняя строй треугольника, с оглушительным ревом пронеслись над крышами домов. Сделав над городом широкий круг, они устремились к туче.

— Теперь дело пойдет всерьез! Держись, сержант! — проговорил Кожин и вынул гранату.

Головной самолет ему удалось поразить. Граната гулко рванулась на обшивке мотора. Самолет загорелся и пошел вниз, оставляя за собой длинный шлейф дыма. Он упал за городом на трубу кирпичного завода. Пилот из него выброситься не успел.

Два других самолета прошили тучу пулеметными очередями, но проскочили сквозь нее, ничего не заметив.

Увидев гибель своего ведущего, летчики, вероятно, сообщили, что лететь в тучу опасно. Они избрали более простую тактику: начали описывать вокруг тучи круги и поливать ее огнем из пулеметов. Если в туче укрылся воздушный шар, они и так его доконают...

Кожин понял, что положение его становится безнадежным. Пули пока что свистели где-то у него под ногами, но рано или поздно они должны были настичь его. Как ни велика туча, а долго в ней укрываться от такого ураганного огня невозможно. И тогда Кожин решил оставить тучу и уйти от назойливых истребителей.

Он вынырнул из молочно-серого облака и пошел вертикально к небу. В запасе у него оставались три гранаты и совершенно бесполезный теперь пистолет.

С земли Кожина не было видно — его полностью заслоняла туча. Но летчики вскоре заметили его. Один самолет сошел с круга и круто ринулся вверх. Второй продолжал поливать тучу пулеметным огнем, будучи уверен, что главный объект остался там.

Летчик, путившийся вдогонку за Кожиним, не стрелял,

По всей вероятности, человек, улетающий в небесную высь без всяких приспособлений, глубоко поразил воображение фашистского аса. Весьма возможно, что ему захотелось рассмотреть странного летающего человека вблизи.

Кожин не мог состязаться в скорости подъема с мощной машиной. Он хотел было камнем броситься вниз и, перейдя на бреющий полет, умчаться в горы, но было поздно. Неумолимый самолет был уже слишком близко, падать пришлось бы прямо на него.

Выругавшись, Кожин выхватил гранату. Сильный взмах руки, и граната полетела прямо в стремительно надвигавшийся и грозно ревевший винт. Взрывная волна отбросила Кожина в сторону. Возле головы его тоненько пропел осколок. Но самолет уже горел и, переворачиваясь в воздухе, падал вниз.

В это время, сделав заход снизу, на Кожина шел третий истребитель. Кожин решил больше не испытывать судьбу. Будь что будет — надо падать и уходить прочь!

Между ним и самолетом оставалось расстояние метров в пятьсот. Но с каждой секундой это расстояние сокращалось. Человек и машина стремительно сближались. Летчик дал короткую очередь из пулемета, но промахнулся — цель была слишком мала.

Кожин падал на него вниз головой. Одну руку он вытянул вперед, другую, с гранатой, откинул для броска. Секунда, вторая, третья... Фашист не выдержал этого испытания нервов. Боясь столкновения со странным летающим существом, он отклонился от курса и открыл Кожину плоскости крыльев.

— Ага, гад, струсил!! — торжествуя заорал Кожин и с силой швырнул приготовленную гранату.

Третий истребитель загорелся и косо пошел к земле.

Трудно описать ужас наземных наблюдателей: солдат, офицеров штаба и тех любопытных горожан, высыпавших на улицы, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем. С земли все казалось странным, удивительным, необъяснимым. Воздушного боя они видеть не могли, но тем сильнее поразили их результаты этого боя. Казалось, сама туча уничтожала фашистские самолеты.

Перейдя на бреющий полет, Кожин давно уже умчался в горы, а зенитные батареи, расположенные в Б. и на ближайшем аэродроме, еще целый час обстреливали тучу ураганным огнем, пока не растрепали ее в клочья и не убедились, что в ней ничего нет.

— Какое великолепное оружие!.. — прошептал барон фон Норденшельд, опуская бинокль.

Умолкла стрельба зениток, разошлись по своим комнатам возбужденно переговаривавшиеся офицеры, а рейхсинспектор все еще стоял у окна, словно окаменев. Отложив бинокль, он задумчиво смотрел на медленно плывущие по небу белые расстрепанные клочья, оставшиеся от большой и пышной тучи. Он еще надеялся, что среди них появится хоть на миг таинственный виновник гибели четырех самолетов.

Но небо было чистое и выглядело невинно, словно фокусник, который только что на глазах у публики затолкал в шляпу гуся и вот уже показывает всем пустую шляпу, притворяясь, что и сам удивлен исчезновением большой белой птицы.

— Господин полковник, вас просит начальник штаба генерал Рейникс!

Норденшельд вздрогнул и обернулся:

— Хорошо, майор. Скажите генералу, что минут через десять я приду к нему.

Майор Клоц шелкнул каблуками и удалился.

Полковник вынул сигару и задумался, так и забыв раскурить ее.

Он знал, о чем с ним хочет говорить начальник штаба. Убийство генерала Петерса требует принятия каких-то экстренных мер. От него, представителя генштаба, ждут на этот счет советов и указаний. Об этом надо подумать...

До сегодняшнего утра он думал о Ночном Орле несколько отвлеченно. Понимал, что летающий человек способен на многое, но тем не менее рассматривал его как интересный биологический феномен, а не как опасную боевую единицу. Но то, что он увидел сегодня, произвело на него такое сильное впечатление, что его мысли сразу приобрели новое направление.

Ему стало ясно, что летающий человек — не просто удивительное достижение науки, а грандиозный переворот в военном деле, переворот, открывающий новые безграничные возможности для использования человеческих ресурсов армии. Развитие техники свело на нет значение солдата как живой физической единицы, превратило его в безликого исполнителя приказов. Солдат обслуживает боевую технику, может бегать, маршировать, ползти, колоть штыком, окапываться, переплывать реки, прыгать с парашютом... Что еще? Пожалуй, это все. Возможности тактики и стратегии здесь исчерпаны, ничего существенно нового не придумаешь.

А если солдат будет летать?

О, это откроет новые великолепные горизонты!.. Вермахт выдыхается. Германский военный гений попал в тупик. Толь-

ко солдат, наделенный новым физиологическим качеством, сможет возродить германский военный гений, спасти рейх от неминуемого поражения. Что для этого нужно? Для этого нужно овладеть тайной Ночного Орла. Как это сделать? Взять Ночного Орла живым. Иного пути нет...

Генерал Рейникс спросит, какие меры надлежит принять для поимки убийц генерала Петерса. Если ему сказать, что Ночной Орел не подпольная организация, а летающий человек, это нарушит секретность и может погубить весь замысел. Но если не сказать, это приведет к новым человеческим жертвам... Пусть! Игра стоит свеч. Прежде чем что-либо предпринимать, нужно доложить генштабу, начальнику абвера, ставке и добиться от них одобрения своих действий.

Приняв такое решение, барон отправился к генералу Рейниксу...

Не получив от рейхсинспектора никаких определенных указаний, начальник штаба вспомнил о давнишнем намерении генерала Петерса прибегнуть к чрезвычайным мерам и решил осуществить желание убитого командира.

В тот же день был объявлен новый приказ военных властей:

«В связи с подлым убийством командующего вооруженными силами генерал-лейтенанта Вальтера Петерса, совершенным преступниками из банды «Ночной Орел», объявляется:

1. На основании параграфа 1 распоряжения имперского протектора Чехии и Моравии о чрезвычайном положении от 27 августа 1941 года, на всей территории района, начиная с сегодняшнего дня, вводится чрезвычайное положение.

2. На основании параграфа 2 вышеуказанного распоряжения объявляю: тот, кто укрывает лиц, совершивших преступление, или других лиц из банды «Ночной Орел», или оказывает им помощь, или, зная что-либо об их местопребывании, не сообщит об этом, будет расстрелян вместе со всей своей семьей.

3. Данное распоряжение вступает в силу сразу после объявления его по местному радио.

Б., 3 декабря 1944 года. И. о. командующего вооруженными силами генерал-майор Рейникс».

Норденшельд знал, что шаг, предпринятый усердным начальником штаба, опасен и чреват неприятными последствиями, но он даже не попытался помешать этому. Все мысли его были теперь заняты Ночным Орлом. Несколько дней он посвятил составлению обширной докладной записки, в которой изложил все свои взгляды на летающего человека и на возможности его использования в военном деле.

После этого он стал срочно готовиться к возвращению в Берлин.

При последнем свидании с генералом Рейниксом барон передал ему подробную диспозицию о генеральной карательной экспедиции против партизанских отрядов. Разгром местных партизан Норденшельд считал самой действенной мерой по созданию благоприятных условий для поимки Ночного Орла. Оказавшись в мертвой зоне, лишенный баз и помощи единомышленников, Ночной Орел неизбежно попадает в одну из хитро расставленных ловушек. Кое-кого придется посвятить в эти планы. Лучше всего, пожалуй, кого-нибудь из офицеров танкового дивизиона...

Устроив все дела, барон стал готовиться к отъезду. Выбор времени для поездки на аэродром заставил Норденшельда задуматься. Очень не хотелось ему оказаться жертвой Ночного Орла. Сначала решил ехать днем, но потом, вспомнив, как сокрушительно действовал летающий человек среди белого дня, решил все же ехать ночью.

В середине декабря, когда в горах уже выпал первый снег, барон фон Норденшельд выехал из Б. к аэродрому. Для охраны его генерал Рейникс выделил взвод егерей и три бронетранспортера.

Ночь выдалась ненастная, вьюжная...

37

Четыре раза уже встречалась Ивета с Иваном Кожиным, четыре раза передавала ему письма от Локтева, а от Ивана доставляла в штаб рулоны карт, фотоснимки и документы, похищенные у фашистов: четыре раза по целому часу говорила она с любимым в густых вечерних сумерках на вершине горы. Но положение его так и осталось для Иветы тайной.

У нее снова появились смутные подозрения, что Иван действует не по приказу командования, а по собственной воле, вопреки желанию майора Локтева. Она понимала, что Иван оказывает отряду неоценимые услуги, но при этом от нее не ускользнуло, что Локтев им недоволен, и, как это ни странно, чем ценнее были документы, добытые Иваном с огромным риском, тем сильнее становилось недовольство его командира. А это могло означать лишь одно: Локтев не одобряет отчаянно смелые вылазки своего сержанта...

Сегодня Ивета пришла на пятое свидание с Кожиным.

Лесные тропинки и поляны были уже замечены снегом. До Нового года оставалось десять дней.

Вместе с белым покровом в леса пришла глубокая и не-

множко тоскливая тишина. В суматохе партизанского лагеря она не замечалась, но стоило отойти подальше в лесную чащу, как она обступала со всех сторон, заставляла замирать сердце. И все же в этой томительной зимней тишине было что-то странное, непривычное, волнующее. Особенно отчетливо улавливалось оно в вечерние часы.

Вот и теперь, добравшись до заветного дуба и убедившись, что Ивана еще нет, Ивета прижалась к шершавому стволу лесного великана и, затаив дыхание, стала вслушиваться в густые синие сумерки. Волнующая странность не заставила себя ждать. Вот она, вот, вот!..

Откуда-то издали, из-за невидимого темного горизонта и вместе с тем словно бы из-под земли, поплыл едва уловимый тяжелый грозный гул. Ивета радостно улыбнулась. Она уже знала, что это такое.

Это фронт!

Где-то там, за сотню километров от нее, шли грандиозные сражения, и тысячи тысяч смелых парней, похожих на ее Ивана, громили фашистские полчища уже на земле ее родины. Фашистский исполин, покоривший всю Европу, пятится, отступает, истекает кровью под ударами еще более могучего исполина, несокрушимую силу которого и представить себе невозможно.

«Что было бы с нами без советских людей! — думала девушка. — Что было бы со всеми народами мира!»

Она вздохнула, перевела взгляд на темные лесные заросли и прислушалась уже по-иному: не скрипят ли по склону шаги ее Ивана? Не спешит ли он к ней через лесную чащу?..

Нет, ничего не слышно. Не идет еще... А может быть, он и не прилетит сегодня? Может быть, с ним случилось что-нибудь ужасное и непоправимое? Ведь прежде всякий раз, когда она приходила, он ждал ее уже близ дуба и даже выходил навстречу, чуть-чуть припадая на правую ногу...

Но Кожин прилетел. Он бесшумно приземлился неподалеку, за спиной Иветы. Едва коснувшись ногами мягкого снега, он тотчас же крикнул в темноту:

— Ветушка, ты здесь?

Она вздрогнула от неожиданности и со всех ног бросилась к нему:

— Здесь, Иван! Здравствуй!.. Ты так тихо подлетаешь, что я ни разу еще не видела, как ты опускаешься на землю!

Он крепко обнял ее, торопливо расцеловал и лишь после этого ответил:

— Ничего, Ветушка. Придет время, буду летать только для тебя! Сегодня мы последний раз встречаемся здесь тайком. Скоро все переменится. Слышишь, наши идут!

Они вместе прислушались к ночной тишине. Уловив далекий гул фронта, Кожин взволнованно повторил:

— Идут!.. Три дня назад еще ничего не было слышно. Значит, идут! А как у вас? Что нового?

— Тебе опять письмо от майора.

Ивета принялась расстегивать полушубок, чтобы вынуть пакет. Кожин сразу помрачнел.

— Тяжело мне, Ивета... Возможно, Локтев и прав... А впрочем, он наверняка прав. Только я иначе не могу!.. Вот отпразднуем победу, тогда и будем делать то, чего требует майор. А сейчас нужно воевать, всем воевать!.. Ну, давай, что ли, письмо... А майору скажи, что с профессором, когда он прилетит, я встретиться не отказываюсь. Но в отряд пока вернуться не могу. Особенно сейчас!

— Значит, ты все-таки не по заданию, Иван?

— Не надо об этом. Потерпи. Скоро все узнаешь...

Он сунул пакет в карман и повел Ивету к поваленному ветром дереву. Обметая свежий пушистый снег, они сели рядом на полусгнивший ствол.

— Слушай, Ветушка. Сегодня нам нельзя долго засиживаться,— сказал Кожин.

— Ты спешишь, Иван?

— Да, милая. Есть очень серьезное дело. Горалеку и Локтеву необходимо срочно передать важные документы. Я добыл их пять дней назад и насилу дождался нашей встречи. Хотел даже сбросить ночью на площадку базы, да побоялся, что потеряются... В прошлую пятницу мне удалось пригласить одного барона. Думал, так кто-нибудь, из местного начальства, а он оказался важной птицей — полковником генштаба. В Берлин собрался лететь, к аэродрому ехал. Ну, я его послал подальше, чем в Берлин: прямым ходом в фашистский рай! А охраны с ним было дай боже — три полных бронетранспортера! Пришлось повозиться... Но ничего, управился.

— Иван, ты ужасно рискуешь! Я боюсь за тебя!

— Ну что ты, Ветушка! Они и не знали, кто и откуда их бьет. Темнота была, метель... Впрочем, барон должен был знать. Но об этом потом. А пока слушай и крепко запоминай. Донесение я не успел написать. Занят был последнее время, просто ужас! Вот здесь портфель этого барона. Передашь его Локтеву. В портфеле есть все, что нужно. Даже больше. Сами они с Горалекком разберутся. Но на словах ты им все же скажи. Немцы готовят на послезавтра большую операцию против партизан. Попрут всей дивизией при поддержке танков и самолетов. А теперь самое важное. Скажи Локтеву и Горалеку, что главные силы немцев пойдут через Медвежий лог. Это который за Святыми Муками. Горалек знает. Скажи, что в

Медвежьем логу я устрою немцам встречу. Отряд должен занять позиции вокруг лога к двум часам дня. Пока буду действовать я, пусть партизаны в бой не вступают. Сигнал к бою дам красной ракетой. Поняла?

— Поняла, Иван!.. Но боже мой, ведь это будет днем! Они убьют тебя, Иван!

— Глупости! Я уже вылетал днем на Петерса, и, как видишь, цел остался... И вообще, я буду рисковать не больше, чем любой из наших ребят. У меня все продумано. Три молниеносных налета — в колонне паника, сумятица, а тут вступают наши и быстро все кончают.

— Ты так просто говоришь об этом, а мне и представить себе страшно!.. Иван, скажи честно, тебя послали воевать так вот, в одиночку, или ты сам все придумал?

— Зачем тебе?

— Нет, ты скажи!

— погоди, Ветушка! Повтори лучше, что ты должна передать.

Ивета горько вздохнула и опустила голову. Не хочет Иван отвечать. Значит, все-таки сам...

— Хорошо, Иван. Пусть будет по-твоему... Надо передать, что немцы на послезавтра готовят большое наступление на партизан. Партизаны должны занять позиции вокруг Медвежьего лога к двум часам дня. В бой не вступать, пока будет действовать мой упрямый Ночной Орел. Сигнал к бою будет дан красной ракетой. Правильно?

— Правильно, умница!.. А теперь довольно разговоров, беги на базу. Отряду нужно подготовиться, да и мне тоже. Братишке своему Владику привет передай!

— А его уже нет у нас. Его к маме отправили, в Кнежевесь, у Праги. На прошлой неделе... А когда мы увидимся, Иван? В следующую среду?

— Нет, Ветушка, раньше. На днях должен появиться этот профессор из Москвы. Неудобно заставлять его ждать. Давай встретимся в воскресенье. Ты приведешь его сюда, а потом проводишь обратно до лагеря. Ну, а если он окажется ветхим старичком и не сможет добраться сюда, то договоримся с тобой, где устроить встречу. Значит, до воскресенья... Дай я тебя поцелую!

Кожин проводил Ивету, убедился, как обычно, что она благополучно добралась до лагеря, а потом высоко поднялся в ночное небо и помчался в другой конец района по своим неотложным делам...

Хищным зверем метался майор Локтев по тесной каморке партизанского штаба. Он был разгневан и возмущен до голубины души. Потрясая кулаками, ругался:

— Черт знает, что такое! Этот наш сержант стал законченным анархистом и маньяком! Чего придумал, а? Приказывает нам, где и как давать немцам генеральное сражение!

Горалек сидел за столом над картой. Он сокрушенно прогудел:

— А что нам остается делать, кроме как выполнить его приказ?

— В том-то и дело! Хочешь не хочешь, а придется занять позиции вокруг этого Медвежьего лога! Занять и ждать его ракеты! Ведь он там будет настоящим чертом носиться над немецкой колонной! Откроем огонь и, чего доброго, сами же его, дурака, угробим!

В сильнейшей досаде Локтев присел на ящик и машинально схватился за папиросы. Но тут же вспомнил, что в пещере договорились не курить, расстроился еще больше и отшвырнул коробку.

Горалек задумчиво смотрел на карту района и накручивал на палец завиток бороды.

— Медвежий лог... Так, так... Посмотри-ка, майор, ведь ежели вдуматься, то это не такая уж плохая позиция. Вот только народа у нас маловато. Придется собирать все, что есть в лесах...

— Не в позиции дело, — отозвался Локтев уже гораздо спокойнее. — Да и тот факт, что Кожин взял на себя инициативу по разработке операции, меня не очень волнует. Пусть это будет Медвежий лог. Меня возмущает другое. Не могу согласиться с тем, что завтра он очертя голову полезет в самое пекло! Мало ему было боя с немецкими истребителями, ему еще нужно столкнуться один на один с целой дивизией! Показать себя среди бела дня! Глупый, тщеславный мальчишка!.. А ну как немцы сообразят, что это хоть и феномен, но все же человек, и откроют по нему огонь из всех стволов? Ведь они тогда обязательно доконают его!.. А послезавтра прилетает профессор из Москвы. Что я ему скажу? Что недоглядел?.. Эх, знай я заранее, что он способен выкинуть такой номер, взял бы ребят, пошел бы тайком за Иветой и велел бы его попросту схватить и связать! И надо это было сделать, уже в прошлую среду надо было!..

— Связать? Ночного Орла связать?! — Горалек удивленно уставился на Локтева.

— Брось ты, Горалек! Дело не в Ночном Орле... Вон не-

мец, Норденшельд этот, видал, как далеко смотрит? Этот барон был умнейшая бестия. Недаром он один только и раскусил, что Ночной Орел не организация, а летающий человек. Его докладную для генштаба я обязательно передам профессору. В ней много интересных мыслей. А ты все восторгаешься подвигами одиночки. Этой докладной фашистского полковника следовало бы бить по голове и тебя, и Кожина, пока не поумнеете!

— Ну-ну, майор, разошелся...

— Ладно, не сердись. Лучше знаешь что? Сходи-ка ты, брат, за Иветой, если тебе не трудно.

— Зачем она тебе?

— Хочу кое-что еще спросить.

Шахтер пожал плечами и вышел. Минуты через две он вернулся в сопровождении Иветы.

Локтев усадил девушку перед собой, взял ее за обе руки и спросил:

— Ивета, скажите мне, вы в самом деле любите Кожина?

— Люблю, товарищ майор... — растерянно проговорила Ивета, не понимая, зачем ее об этом спрашивают.

— Очень любите?

— Очень!..

— Тогда вы должны помочь мне найти Кожина. Мне он очень нужен. Срочно!

— Я не знаю, чем я могу вам помочь, товарищ майор...

— Скажите, где находится его база.

— Какая база?

— Ну, то место, где он живет, — спит, ест, держит боеприпасы, оружие, укрывается от непогоды...

— Я не знаю, товарищ майор. Я никогда не спрашивала его. Я думала, вы это знаете... Вы сказали, что он выполняет секретное задание, поэтому я не решалась задавать ему такие вопросы...

Локтев отпустил руки девушки и посмотрел на Горалека. Тот лишь кашлянул в кулак и поскреб свою пышную бороду.

Майор огорченно вздохнул.

— Да, Ивета, я сказал вам. И в приказе мы об этом объявили. Но, к сожалению, это не так. Тогда я не хотел вас расстраивать, да и надеялся, что Кожин одумается. Я писал ему, уговаривал его, но он упрямо стоял на своем. А теперь скрывать больше не к чему. Мне нужно непременно связаться с Кожиным. Непременно! Это вопрос его жизни... Вы не знаете, где его можно найти? Неужели у вас не был условлен какой-нибудь сигнал, какой-нибудь особый знак на видном месте на случай, если вы неожиданно друг другу понадобится?

— Нет, товарищ майор. Он просил меня приходить каждую

среду в шесть часов вечера на одну гору. Ее видно с нашей базы. На вершине ее растет большой дуб. Вот я и приходила. Для меня это были не только свидания. Я была уверена, что мне поручено быть связной между вами и Иваном...

— Вы сможете проводить меня на эту гору?

— Когда?

— Завтра утром.

— Конечно, товарищ майор. Только завтра его там не будет. Следующая встреча у нас назначена на воскресенье. Он велел привести к нему профессора, который прилетит из Москвы.

— До воскресенья ждать нельзя. Кожина необходимо найти завтра же! Найти и любыми мерами заставить отказаться от участия в сражении с карателями. Мы обязаны сделать это, чтобы спасти летающего человека!

— Спасти? — испуганно воскликнула Ивета. — Разве ему что-нибудь угрожает?

— Ему угрожает смертельная опасность. Если он начнет выполнять свою затею в Медвежьем логоу, то почти наверняка при этом погибнет.

— Боже мой!..

— На горе под дубом вы Кожина не найдете, — решительно вмешался Горалек. — Днем он по лесу не летает, дома отсиживается. А дом у него не иначе, как на Чертовом Пальце. Давно уже надо было выяснить это дело. Когда еще разговор-то был...

— До Чертова Пальца далеко.

— Ничего, на лыжах быстро сгоняем!

Они договорились отправиться на другой день утром к Чертову Пальцу. Ивету решили взять с собой. Не послушается строптивый сержант приказа командиров, авось поддастся на уговоры любимой.

39

Четыре противотанковые мины, шесть фаустпатронов, две дюжины гранат, связанных по три штуки... Пожалуй, достаточно для трех налетов...

Сначала нужно ударить в голову колонны, чтобы устроить затор и остановить движение вперед. Вторым ударом надо отрезать путь к отступлению, то есть разгромить хвост колонны. Третьим ударом нужно посеять панику по всему фронту. Для этого достаточно связок гранат, которые можно разбросать бесприцельно.

Кожин осмотрел свой арсенал и задумался.

Вроде все в порядке, а на сердце почему-то тревожно, словно осколок стекла покалывает. Может быть, не учел что-нибудь? Или это предстоящий второй вылет днем вселяет тревогу?..

Что и говорить, риск тут немалый.

Риск... Нет, думая о риске, Кожин не за свою жизнь беспокоился. В нем настолько прочно утвердилась уверенность, что с ним ничего не может случиться, что он вообще отвергал всякую возможность собственной гибели.

Он избежал верной смерти при падении с нераскрывшимся парашютом, обнаружил в себе исключительную способность летать, овладел этой способностью. Может ли он после этого вдруг взять и погибнуть? Конечно, нет. В природе должен существовать некий закон равновесия, по которому гибель такого человека, как он, просто невозможна...

Рассуждение, как видно, наивно, и тем не менее оно помогло: сохраняло Ивану непоколебимую уверенность в себе.

А что касается риска, то Кожина волновал совсем другой риск — риск полного разоблачения.

После первой дневной операции ему удалось скрыться незамеченным. Никто, кроме летчиков, не видел летающего человека, а летчики погибли. Тайна, таким образом, сохранилась. Об этом свидетельствует и приказ генерала Рейника по району. В нем говорится об организации «Ночной Орел», а не о летающем диверсанте.

Правда, в портфеле Норденшельда была докладная для германского генштаба, в которой барон высказал свою догадку о летающем человеке. Но докладная попала не в германский генштаб, а в штаб партизанского отряда. Ну, а сам догадливый барон больше никогда ни о чем не будет догадываться... Стало быть, пока что все в порядке.

Другое дело — Медвежий лог. Тут о сохранении секрета нечего и мечтать. Кожина увидят в воздухе тысячи людей: и своих и врагов... Похоже, что это будет последняя операция Ночного Орла... Последняя!..

Может, отказаться от нее?..

Кожин откинул угол палатки, плотно закрывавшей вход в пещеру, и, присев на ящик возле отверстия, закурил трофейную сигарету. В отверстие потянуло стужей. Маленький грот, едва нагретый электроплиткой, быстро наполнился холодом.

Было девять часов утра. Над горами начинался короткий зимний день. Кожину давно бы следовало забраться в постель и отоспаться до следующей ночи. Ведь этой ночью ему предстояло сделать несколько очень трудных полетов: перебросить подготовленные боеприпасы из Чертова Пальца к Медвежье-

му логу и разместить их там в двух тайниках, устроенных в кронах сосен. Но Кожин чувствовал, что все равно не сможет уснуть.

Может, все-таки отказаться?..

Разве он что-нибудь потеряет, если откажется? Нет, не потеряет. Побудет еще Ночным Орлом, погремит еще в районе до прихода Красной Армии, а там была не была — отдаст себя в распоряжение командования и ученых...

Он сделал несколько глубоких затяжек.

И Локтев одобрит такое благоразумие, и Ивета будет рада...

К черту благоразумие! Отказываться нельзя! Пусть это будет последний бой Ночного Орла, но отказываться нельзя. План сражения передан, и по этому плану уже, наверное, разрабатываются приказы для отдельных партизанских частей. Пусть будет так... А после боя... после боя придется предстать перед Локтевым с повинной. То-то будет рад майор! Наверное, скажет: «Ну что, сержант, навоевался?» А Ветушка-то, Ветушка как обрадуется...

Его мысли были прерваны протяжным криком, который донесся до него откуда-то снизу:

— О-о-о-и-и-и!!!

Вздрогнув от неожиданности, Кожин быстро затоптал сигарету и настороженно прислушался.

Протяжный крик повторился. В нем можно было различить два разных голоса: мужской и женский.

С бьющимся сердцем Кожин схватил пистолет, бинокль и, откинув полог, выглянул из пещеры. Отсюда он ничего не увидел — мешал торчавший перед входом каменный зуб.

В третий раз прозвучал настойчивый крик. Теперь Кожину показалось, что это зовут его. Крик замер и тут же — бах! бах! бах! — прогремели три ружейных выстрела, гулко раскатившихся по горам.

Кожин перемахнул на узкую площадку и притаился за выступом зуба. Потом осторожно высунулся и глянул вниз.

У подножия Чертова Пальца стояли трое лыжников. Их лица трудно было различить. Кожин навел на них бинокль и даже крякнул от удивления:

— Ну и дела!

Неожиданными гостями оказались Локтев, Ивета и Горалек.

— И-и-ва-а-ан!!! — отчетливо прозвучал звонкий голос Иветы.

Кожину нестерпимо захотелось спуститься вниз, обнять друзей, которых он так долго не видел. Его наполнила такая бурная радость, что он едва владел собой.

— Нашли... догадались... — шептал он растроганно.— Молодцы... Хорошо бы поговорить, уточнить обстановку, подробности завтрашней операции... К себе вот только не позовешь... неподходящий у меня дом для нелетающих гостей... Эх, хоть так поговорим!..

Он уже хотел подняться во весь рост и крикнуть ответное приветствие, но вдруг ужалила мысль: «А зачем они пришли? Что им нужно? Ведь, наверное, неспроста, коли накануне боя...»

Радость медленно угасла, сердце тревожно заняло.

Нет, нет, показываться нельзя! Они пришли уговаривать, убеждать его, чтобы он отказался от участия в завтрашнем сражении. Они боятся за него. Только ради этого могли они прийти на лыжах в такую даль. Но он не может отказаться от завтрашнего боя. Это решено твердо и бесповоротно. И встречаться поэтому не надо. К чему эти разговоры? Призывы Локтева, упреки Горалека, слезы Иветы... Все равно это не заставит его отказаться. Зря только все расстроится... Нет, нет, встречаться еще рано. Завтра, завтра! После боя он полетит прямо в лагерь отряда. А сегодня нельзя.

Вздохнув, Кожин еще раз глянул на своих непрошенных, но все же бесконечно дорогих гостей, и вернулся в грот. Чтобы не подвергать себя искушению, он плотно задернул палатку и лег.

Некоторое время до него еще доносились призывные крики, дважды прогремели выстрелы, потом все затихло.

«Ушли!» — подумал Кожин и почувствовал вдруг, что к горлу его подкатил нестерпимый комок обиды, горечи, отчаяния...

40

Но они ушли не сразу.

Убедившись, что и крики, и выстрелы остаются безответными, Локтев предложил осмотреть Чертов Палец со всех сторон.

— Если он здесь, какие-то следы должны быть. Как бы он ни был осторожен, как бы ни соблюдал конспиративность, а мелочь какую-нибудь всегда мог недоглядеть: уронить спичку или даже окуроч. А этого достаточно, чтобы показать присутствие человека.

— Лично я уверен, что он здесь,— неожиданно заявил Горалек.

— Почему ты в этом уверен?

— А как же! Ведь раньше на этом утесе сколько птиц гнез-

дилось. Особенно воронья — тучи целые! А теперь мы и кричали, и из ружья палили, однако ни одной птицы не спугнули. Нет их тут. Кто же их мог разогнать, если не Кожин?

— Да, пожалуй, ты прав... — согласился Локтев.

Ивета молчала, подавленная видом одинокого мрачного утеса, такого не похожего на окрестные горы, такого высокого, недоступного и страшного. Он действительно напоминал гигантский палец с кривым, обломанным ногтем — настоящий палец дьявола! Неужели Иван живет в какой-нибудь расщелине этого жуткого столба?..

Медленно двигаясь друг за другом у самого подножия утеса, лыжники внимательно ко всему присматривались. Снег тут лежал нетронутый, девственный, словно свежая накрахмаленная простыня.

Сделав почти полный круг, они нашли наконец неопровержимое доказательство того, что Чертов Палец обитаем, причем не простым человеком, а летающим.

— Посмотрите! Что это? — Ивета лыжной палкой указала на белый, почти незаметный на фоне снега предмет.

Горалек проворно нагнулся, поднял его и торжествующе показал майору.

Это была толстая стеариновая свеча, совершенно целая.

— Да... — только и смог сказать Локтев.

— Лежит поверх снега, следов вокруг нет, — резюмировал находку Горалек, взявший на себя роль сыщика и следопыта. — Ворона ее принести не могла. Значит, обронил Кожин, когда летел домой. Обронил и не заметил, потому что нес их, наверное, несчетное количество, сколько удалось взять. Причем, обронил недавно, не позже чем сегодня утром, потому что ночью валил снег и он засыпал бы свечу, если бы Кожин потерял ее раньше. Кроме того, свеча ведь! Она может понадобиться только тому, кто живет в пещере. По себе знаем, тоже ведь пещерные жители...

— Но почему же он, в таком случае, не отозвался? — огорченно воскликнула Ивета.

— Это другой вопрос, — ответил Горалек. — Если бы он спал, наши выстрелы разбудили бы его, это точно. В его положении люди спят очень чутко, особенно днем. Значит, либо его нет дома, либо он увидел нас и не захотел с нами встречаться.

— Скорей всего, не захотел, — хмуро заметил Локтев. — Вряд ли он днем куда-нибудь полетел.

— Тогда давайте попробуем еще...

Ивете не верилось, что Иван видел ее и не пожелал к ней спуститься.

— Сколько можно кричать... Кожин парень упрямый. Раз

не захотел, значит, зря мы тут будем надрываться,— заявил Локтев.

— Тогда что же, домой? — спросил Горалек.

— Выходит, что домой... К нему ведь не заберешься. Если он видел нас и не захотел показаться, нам тут больше нечего делать. У него есть полная возможность нас игнорировать, стой мы тут хоть до ночи. Снимется в темноте с утеса и улетит. А мы этого даже и не заметим... Остается одно: надеяться, что завтра все обойдется...

На обратном пути они долго молчали, погруженные в печальные мысли. Только лыжи их тихонько поскрипывали по свежему снегу.

Потом Горалек вспомнил о бумагах, извлеченных из портфеля барона фон Норденшельда. Помимо прочего, там был протокол решения об отправке доктора Коринты в Прагу, в распоряжение высших властей протектората.

— Неаккуратно мы работаем, майор,— пробасил Горалек сокрушенно.

— О чем ты?

— Да обо всем... Кожина из рук выпустили, Коринту проморгали. Плохо получилось. С нас ведь за это и спросить могут. У вас, скажут, под носом в тюрьме большого ученого держали, а вы не сумели освободить его! Не партизаны вы, скажут, а увальни трусливые, лежебоки запечные...

— С доктором действительно некрасиво вышло. Можно подумать, что мы бросили его на произвол судьбы. Но ведь это не так. Мы готовились, изучали обстановку и не виноваты, что его вдруг взяли и увезли. Пока он был здесь, освободить его было трудно, невероятно трудно, однако можно. А теперь все: до Праги нам не достать.

— Не тужи, доберемся и до Праги!

— Не сомневаюсь. Но пока доберемся, они десять раз успеют с Коринтой расправиться.

— Хотели бы расправиться — здесь бы расправились. У них это быстро. А раз увезли, значит, он им нужен живой, а не мертвый. Я уверен, что мы еще встретимся с Коринтой...

К полудню лыжники достигли Медвежьего лога и остановились передохнуть. После короткой передышки, во время которой наскоро подкрепились шоколадом, Локтев сказал Ивете:

— Вот что, сестрица. До лагеря тут близко, доберетесь одна, а нам с Горалеком надо осмотреть позиции.

— Хорошо, товарищ майор...

Ивета была рада побыть наедине с собой. Присутствие командиров стесняло ее, мешало думать. А подумать хотелось о многом. Она быстро побежала по проложенной утром лыжне и вскоре скрылась среди белых прозрачных деревьев.

Командиры закурили и осмотрелись по сторонам.

— Первым делом наметим пулеметные точки,— сказал Локтев.

Они достали из планшетов карты-трехверстки и не спеша двинулись в обход Медвежьего лога.

41

Для решающей битвы партизаны всего горного района объединились в один мощный кулак и собрались невдалеке от Медвежьего лога.

К отряду Горалека присоединилось три отряда таких же размеров и более десятка групп по пятнадцать — двадцать человек в каждой. Утром прибыли связные и доложили, что на марше еще три отряда из соседних районов. Они должны прибыть к Медвежьему логу не позже полудня.

Таким образом, к месту генерального сражения с карателями собрались внушительные партизанские силы — до двух тысяч бойцов. Конечно, это было не так уж много по сравнению с численностью и технической оснащенностью карателей, но на стороне партизан было главное преимущество: выбор места для боя и возможность нанести удар первыми. Это и должно было решить исход сражения.

Когда все отряды заняли отведенные им позиции и тщательно замаскировались, над горами появились фашистские штурмовики. Они с ревом носились над безбрежным лесным массивом, пикировали вниз, обстреливали из тяжелых пулеметов и забрасывали бомбами каждый подозрительный объект.

— Хоть бы эти стервятники до появления Кожина убрались! — тихо проговорил Локтев.

Он лежал рядом с Горалеком в кустах на вершине холма, с которого просматривался весь Медвежий лог. Это была глубокая, чуть изогнутая в дугу балка, растянувшаяся более чем на километр. Когда-то по ней проходила лесная дорога, по которой вывозили бревна с лесозаготовок, но, давно заброшенная, она густо поросла кустарником и хвойным молодым.

На замечание Локтева Горалек отозвался густым сдержанным басом, не отрывая от глаз бинокля:

— Уберутся. Им тут нечего делать. Страх только наводят, а толку от них никакого!..

И действительно, минут через пятнадцать, сбросив все бомбы в лесные чащи и не причинив партизанам ни малейшего вреда, штурмовики улетели.

Прошло еще с полчаса в томительной тишине. И вдруг где-то вдали возник рокот множества моторов. Рокот нарастал и постепенно наполнил собой весь лес. Это шли главные наземные силы карателей.

По плану, разработанному бароном фон Норденшельдом, наступление на горы должно было происходить в шести направлениях. Но основной поток — два полка мотопехоты, усиленные танковым дивизионом и батальоном горных егерей, — должен был двигаться через Медвежий лог к месту, где, по данным фашистской разведки, находилась база крупного партизанского отряда, созданная в малодоступном естественном укреплении. Эту базу необходимо было уничтожить в первую очередь.

Грохот моторов достиг максимальной силы. В балке появились «тигры». Они шли колонной по узкой лесной дороге на самой малой скорости. Гусеницы их, подминая кусты, глубоко проваливались в снег и в еще не скованную морозом землю. За танками шли бронетранспортеры и наконец длинная вереница грузовых машин, набитых солдатами в касках. Солдаты сидели в одинаковых позах, словно куклы, и равномерно покачивались на ухабах. Они ехали заниматься делом, а дело требует порядка и дисциплины.

— Тоже мне дурьи головы! С танками в лес поперли! — насмешливо прогудел Горалек.

Грозный боевой порядок немецкой колонны не произвел на шахтера ни малейшего впечатления.

Локтев подумал:

«Боевой командир этот Горалек! Отличный комбат бы из него получился!..»

Но ответить на реплику друга майор не успел.

Колонна немцев к тому времени уже целиком втянулась в Медвежий лог и заполнила его от начала до конца. Танки, бронетранспортеры, грузовики, легкие штабные машины, мотоциклы с колясками, еще грузовики, а в самом хвосте — снова бронетранспортеры и танки. Балка наполнилась грохотом, лязгом и синим дымом выхлопных газов.

И в этот момент произошло нечто странное и неожиданное.

Над балкой пронеслась какая-то тень и тут же скрылась. Несколько секунд спустя прогремели пять взрывов. Два танка и бронетранспортер в голове колонны запылали, высоко выбросив столбы черного дыма. Колонна замедлила движение и остановилась.

— Что это? Неужели Кожин?! — крикнул Горалек.

— К сожалению, он!

— Артист! Вот это артист! Противотанковыми работает! —

восхищенно рокотал Горалек.— Но где же он сам, майор? Ты успел его заметить?

— Вверх надо смотреть, тогда заметишь! — ответил Локтев.

Боевой порядок колонны сломался. В ней явно нарастала паника. Немцы никак не могли понять, кто и откуда на них напал. Горящие танки загородили балку и не давали двигаться вперед.

Локтев и Горалек напряженно следили за воздухом. И вот они увидели Ночного Орла.

Кожин мчался со скоростью истребителя на высоте не более трехсот метров. Теперь он летел над балкой в обратном направлении. Снова загрохотали взрывы, снова взвились к небу фонтаны огня и дыма. Из строя вышли две боевые машины противника, на этот раз в хвосте колонны.

Путь к отступлению был отрезан, оба выхода из балки были накрепко закрыты горами расплавленного металла и пылающими обломками. В промежутке между ними, на протяжении без малого километра, ревели машины и металась люди.

Несколько рот, покинув грузовики, залегли и открыли беглый огонь по заросшим лесом склонам гор. Батальон егерей кинулся было на кручи, но туда, через их головы, стали бить из орудий танки, и егерям пришлось откатиться обратно на дно балки.

Во время второго налета Кожина увидели не только Локтев и Горалек. Многие из немцев тоже догадались посмотреть вверх и заметили стремительно летящего человека. Постепенно бессмысленный огонь по лесу прекратился. Прозвучали резкие команды и в воздух уставились сотни ружейных, автоматных и пулеметных стволов.

— Догадались, дьяволы! — прохрипел Локтев.— Хотя бы он дал уже эту свою красную ракету!.. Пропадет ведь!..

42

Над Медвежьим логом нависла зловещая тишина.

Умолкли моторы, прекратились выстрелы, затихли крики. Тысячи людей — и запертые в балке, и укрывшиеся в зарослях на ее склонах — замерли в ожидании.

Кожин заметил эту странную тишину и понял ее страшное значение. Но азарт боя уже целиком охватил его. Он твердо решил сделать третий налет на вражескую колонну и лишь после этого дать сигнал партизанам. Что ему свинцовая завеса, сквозь которую придется лететь! Он уверен в своем осо-

бом предназначении, уверен, что ни одна пуля его не коснется! Последний боевой вылет! Вперед!

Это и погубило его.

Когда он, вооружившись связками гранат и набрав высоту за пределом видимости со стороны Медвежьего лога, снова устремился к вражеской колонне со скоростью выпущенного из пращи камня, то наткнулся на заслон из сокрушительного огня. Промчавшись по инерции почти до конца колонны, он успел метнуть гранаты и разнести в щепки пять грузовиков. Но уйти уже не смог.

Локтев и Горалек отчетливо видели, как Ночной Орел замешкался в воздухе и, вместо того чтобы умчаться прочь, сделал вдруг кругой разворот, совершенно не нужный и нелепый, ясно показывавший, что Кожин уже потерял способность управлять собой. В этот критический момент он еще нашел в себе силы выстрелить красную ракету, а затем, кружась, словно лист, оторванный от ветки дерева, стал быстро снижаться прямо на фашистские танки.

Майор что-то крикнул, с силой сжав плечо Горалека. Но его слова потонули в невероятном грохоте пальбы. Красная ракета еще не успела погаснуть, как заговорили все тридцать пять партизанских пулеметов и сотни ружей, кося кинжальным огнем мечущихся по балке врагов.

Горные егеря несколько раз бросались в атаку на склоны, пытаясь добраться до линии партизан, но их всякий раз отбрасывали свинцовым шквалом, и они скатывались обратно в балку, оставляя на склонах десятки трупов. Отдельные роты, еще не утратившие способности выполнять команды, залегли за машины и отвечали партизанам ожесточенным, но почти безрезультатным огнем.

Танки тоже принялись бить из орудий по склонам, стараясь подавить партизанские пулеметные точки. Несколько пулеметов захлебнулись и умолкли. Но к танкам уже подбирался специальный отряд, вооруженный трофейными фаустпатронами. Переползая от куста к кусту, смельчаки, несмотря на большие потери, добились своего: несколько танков окутались черным дымом, уставив к небу стволы онемевших орудий.

В это время три уцелевших танка неожиданно развернулись и ринулись прочь из балки, расшвыривая автомашины и давя своих же людей. Это было чудовищное зрелище, ужасное по своей бесчеловечности.

— Мерзавцы! Смотри, что делают! Перехватить гадов! — вне себя от негодования крикнул Локтев Горалеку.

Тот кивнул и отдал короткий приказ связному, который тут же исчез в кустах. Но перехватить танки не удалось. Они вы-

рвались из балки и на предельной скорости ушли по направлению к городу.

— Черт с ними! Пора кончать эту музыку! — сказал Локтев.

Вместо ответа Горалек вынул ракетницу. Над Медвежьим логом одна за другой вспыхнули три зеленые ракеты — сигнал к всеобщей атаке.

— Вперед! Бей гадов!

Горалек и Локтев повели свой отряд в рукопашную схватку.

Одновременно по всей длине высоких берегов балки загремело дружное партизанское «ура». Сотни людей поднялись во весь рост и ринулись вниз по склонам, забрасывая карателей гранатами и поливая огнем из автоматов. Натиск был настолько стремительный, что через десять минут все было кончено. Остатки гитлеровцев не выдержали всеобщей атаки партизан и сдались.

Над Медвежьим логом вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь голосами людей: командами, радостными криками, возбужденным говором, стонами раненых.

Пока Горалек и другие партизанские командиры занимались пленными и трофеями, Локтев со своей значительно поредевшей группой искал тело сержанта Кожина. Он осмотрел не только то место, куда упал Кожин, но и всю балку и даже ближайшие лесные заросли. Но напрасны были его старания — убитый ли, раненный ли, Ночной Орел исчез бесследно, словно сквозь землю провалился.

Локтеву невольно вспомнились другие поиски пропавшего сержанта — сразу после приземления десанта в этих лесах. Тогда исчезновение Кожина тоже было непонятным, а поиски казались безнадежными. И все же Кожин нашелся. Может, и теперь найдется...

Стало смеркаться. Покидая Медвежий лог, партизаны уничтожили все уцелевшие во время боя немецкие машины. Пользоваться ими в лесу они не могли, а оставлять врагу не хотели. По всей балке запылали гигантские костры, освещаая сотни вражеских трупов, разбросанных по всей ее длине.

Тогда и Локтев со своими людьми решил покинуть поле боя и вернуться на базу. На душе у него было тяжело. Как он ни утешал себя везучестью Кожина, как ни уверял себя, что сержант жив и обязательно найдется, чувство вины не покидало его. Он и только он, майор Локтев, отвечает за гибель удивительного летающего человека Ивана Кожина, столь долго, но славно носившего грозное имя «Ночной Орел»...

Победа в Медвежьем логоу досталась партизанам не дешево.

В одном только отряде Горалека было двадцать два человека убитых, а раненых около семидесяти. В группе Локтева осталось двенадцать человек. Раненых у него не было, убитых семеро и один — пропавший без вести.

У Иветы в этот день было работы по горло. На поле боя ее не пустили, но после боя ранеными забили весь госпитальный и два жилых отсека. Девушка работала, не жалея сил, но сердце ее терзала тревога за любимого.

Спрашивать о летающем человеке раненых она не решалась. Помогая партизанскому врачу накладывать повязки, извлекать пули и осколки, сшивать раны и собирать раздробленные кости, она почти не воспринимала всего ужаса этой кровавой работы. Все ждала, что раненые, может быть, сами заговорят о недавнем сражении. Но раненым было не до воспоминаний — они лишь стонали да просили воды.

В лазарет заглянул лесник Влах:

— Сестричка, поди-ка сюда!

— Что у вас, Влах? Вы тоже ранены?

Ивета бросилась к нему в надежде узнать от него что-нибудь о ходе боя и благополучно ли его начал Ночной Орел. Но Влах был в скверном настроении и отказался о чем-либо говорить.

— Нет, я не ранен, — ответил он мрачно, словно сожалея, что вышел из боя невредимым. — Меня командир за тобой прислал...

— Зачем? Что-нибудь случилось?

Влах махнул рукой и отвернулся.

— Почем я знаю! Надо. Идем давай!

Ивета растерянно посмотрела на врача.

— Что ж, Сатранова, идите, коли командир зовет.

Сбросив забрызганный кровью халат, Ивета покинула лазарет и по узким темным переходам пошла вслед за Влахом к штабному отсеку. Лесник проводил ее до дверей и, крепко пожав ей руку, быстро ушел прочь.

Ивета робко постучала и вошла в каморку. Здесь были Горалек и несколько чужих командиров.

Усадив девушку на ящик, шахтер смущенно прокашлялся и, глядя куда-то в сторону, проговорил:

— Вот какое дело, сестра Ивета... Погиб сержант Кожин...

— Не может быть! — шепотом проговорила Ивета, покрываясь смертельной бледностью.

— Погиб, дорогая. Я сам это видел. Он пал, как настоя-

щий герой. Наша сегодняшняя победа нам досталась ценой его жизни... Сиди, сиди! Ты должна знать, как все было!

Не давая Ивете произнести ни единого слова, точно боясь того страшного горя, которое вот-вот вырвется из ее груди, Горалек торопливо рассказал ей, как развертывалось сражение в Медвежьем логу и как был убит Иван Кожин.

Когда он кончил, в штабе долго стояла тишина.

Ивета не плакала. Она лишь смотрела на Горалека широко раскрытыми глазами, не в силах произнести ни слова. Она словно ждала, что Горалек скажет еще что-нибудь и появится хоть какая-нибудь надежда. Но Горалек молчал. И тогда Ивета заговорила сама — тихо, отрывисто, почти бесвязно:

— Почему я не знала, что вы не давали ему задания?.. Почему не сказали мне, что он ушел самовольно?.. Я догадывалась, а вы разубедили меня!.. Если бы я знала хотя бы в тот последний раз, когда его видела!.. Почему я не знала?! Ведь я бы не отпустила его! Я бы уговорила!.. А вы не сказали!.. Почему, почему вы мне ничего не сказали?!

— Не надо, Ивета, не спрашивай... Ошиблись! Не ожидали, что все так обернется... — смущенно бормотал Горалек.

Но Ивета не слышала его. Она была словно в бреду.

— Почему вы мне не сказали?! — крикнула она и, закрыв лицо руками, разразилась безудержными рыданиями.

В это время вошел майор Локтев. Увидев плачущую Ивету, он сразу понял, что тут происходит, нахмурился и громко сказал:

— Тело сержанта Кожина, товарищи, отыскать не удалось. Факт его смерти не установлен. Возможно, он лишь ранен и увезен фашистами в одном из танков, которым удалось вырваться из Медвежьего лога.

Ивета вскочила, сразу перестав плакать.

— Это правда? Вы хорошо искали, товарищ майор?

— Да, Ивета. Мы сделали все, что могли. Но Кожин исчез бесследно. Этому можно дать лишь одно объяснение: Кожин жив и находится в плену. Если бы он был мертв, фашисты вряд ли стали бы его подбирать и увозить. Зачем им мертвый?..

— Жив!.. Конечно, он жив! А что в плену, это ничего! Ведь пленных освобождают. Значит, и Ивана освободят! Ведь вы освободите его, правда, товарищ майор?

— Освободим, Ивета. Конечно, освободим!.. А теперь успокойтесь и возьмите себя в руки. Вас ждут раненые.

— Да, да, там много работы, — пробормотала Ивета и, улыбнувшись сквозь слезы, быстро выбежала из штаба.

После ее ухода все присутствующие так и набросились на

майора. Неужели это правда? Неужели тело Кожина не удалось найти? Неужели немцы в такой суматохе успели захватить его в плен? А может быть, он незаметно отполз в сторону и улетел?

А Горалек по этому поводу вновь напомнил о живучести шахтерского племени:

— Ну и дурак я, что поверил в его гибель! Ведь Кожин — шахтер, а мы, шахтеры, из любой переделки выбираться умеем!

Но Локтёв лишь сокрушенно покачал головой:

— Не увлекайтесь, товарищи. Кожин в плену и наверняка тяжело ранен. Трудно судить, выживет он или нет. Ясно пока одно: он в плену. И лично я не уверен, что плен для него лучше смерти...

Майор помолчал, оглядел командиров сухим, строгим взглядом и уже совершенно другим тоном сказал:

— Ну что ж, товарищи, займемся текущими делами. Первое дело такое: в лесу еще бродит пять недобитых отрядов карателей. Их надо немедленно ликвидировать. Это наше общее дело, и займемся мы им столь же дружно, как и ликвидацией основных сил карателей в Медвежьем логу. Второе дело касается лишь нас с тобой, товарищ Горалек. Этой ночью мы должны принять самолет из Москвы. Нам доверена жизнь известного советского ученого. Нужно сделать все для его полной безопасности...

— Это тот самый профессор, который направлен к нам, чтобы изучать нашего сержанта Кожина?

— Да, тот самый... Третье... третье дело, товарищи, снова касается нас всех. Фронт уже близко. А это значит...

— Это значит, что нам пора самим переходить в наступление! — гаркнул Горалек.

Командиры заговорили все разом, но вскоре снова затихли, склонившись над картой.

Эпilog

ЭСТАФЕТА ПЕРЕДАНА

1

Жарким летним днем по горной тропинке, петлявшей среди густых лесных зарослей, шли парень и девушка. По снаряжению в них нетрудно было узнать альпинистов. За плечами у них были рюкзаки, на ногах — специальные ботинки с шипами.

Только где же они тут собираются тренироваться? Ведь горы в окрестностях Б. пологи и сплошь покрыты лесами.

Солнце изрядно припекало. По загорелым лицам молодых людей струился пот. Выйдя на прогалину, с которой открывалась широкая панорама уходящих вдаль зеленых вершин, парень остановился и подождал девушку, которая немного от него отстала.

— Смотри, Индра,— сказал он,— вон Белый Горб, а чуть правее и ближе, видишь — чернеет что-то вроде столба?

— Вижу, Владик.

— Это и есть Чертов Палец.

Заслонившись рукой от солнца, девушка посмотрела на горы и сокрушенно вздохнула:

— Сколько до него еще?

— Да километров пять... А ты что, устала? Тогда давай передохнем немного. За нами ведь никто не гонится.

Они с удовольствием освободились от рюкзаков и расположились на траве, в тени развесистого клена. Индра вынула пакеты с бутербродами и термос с холодным кофе. Во время еды она спросила:

— А ты уверен, Владик, что база Кожина была на Чертовом Пальце?

— Конечно, нет. Это только предположение Горалека. Накануне сражения в Медвежьем логу он был здесь вместе с Иветой и Локтевым. Нашли на снегу стеариновую свечу. Вот и все...

Индра перестала есть и задумалась.

— Странно,— сказала она через минуту.— Человек живет, с виду ничем не отличается от других людей, а на самом деле... По-моему, Владик, ничего не может быть страшнее потери памяти. Потерять свое прошлое — это в тысячу раз хуже, чем потерять руку, ногу или зрение...

— Ты о ком это, об отце или о Кожине?

— И о том, и о другом. Кожин ничего не знает о Ночном Орле, отец тоже забыл абсолютно все, даже свою профессию. И вот мы теперь ходим, ищем, собираем по крупицам их прошлое... Скажи, Владик, тебе не кажется странным, что и отец, и Кожин потеряли память одновременно, при одних и тех же обстоятельствах?

— Над этим, Индра, многие ломали себе голову, да так ни до чего и не додумались. С Иваном Кожиним всякое могло случиться. В Медвежьем логу его так изрешетили пулями, что он чудом остался жив. Потом плен, эта загадочная лаборатория, где над ним черт знает что проделывали. Тут возможен нервный шок с полной потерей памяти. Другое дело твой отец, доктор Коринта. Он не был тяжело ранен, и в гестаповских застенках его вряд ли подвергали каким-нибудь зверским пыткам. И тем не менее он пережил тот же нервный шок, что и Кожин, с точно такими же последствиями... Но нельзя забывать, что твой отец открыл препарат агравин, искусственный стимулятор свободного полета, и что с его помощью он и Кожин бежали из лаборатории-тюрьмы...

— Может, на них агравин так подействовал?

— Возможно... Формулу аравина твой отец хранил в памяти, а память потерял. Естественной способности летать Кожин лишился из-за пыток в немецком плену, а про подвиги Ночного Орла забыл, потому что тоже потерял память. Теперь мы ходим вокруг этого, как слепые вокруг забора, и не видим ни малейшего просвета... Появилась жар-птица, сверкнула своим ослепительным оперением и улетела. Хоть бы маленькое перышко успели у нее выдернуть!..

— Но, в таком случае, Владик, зачем же мы собираемся рисковать? Сам знаешь, уже был случай, что человек сорвался с Чертова Пальца и разбился насмерть. В тридцать шестом году. Говорят, он был первоклассным альпинистом...

Владик развалился на траве, закинул руки за голову, презрительно свистнул и сказал:

— Вспомнила! Неизвестно, какие тогда были альпинисты! У меня, впрочем, тоже не последний разряд. А потом, твой первоклассный альпинист просто так полез, вот и сорвался, а мы...

— Что — мы?

— А мы на этом Чертовом Пальце можем найти перо жар-птицы... Доказать, что Ночной Орел в самом деле существовал, — разве этого мало? Ведь столько лет прошло, а никто этим делом серьезно не занимался. А почему? Да потому, что не осталось никаких доказательств. Рассказы очевидцев! Да кто станет считаться с этими рассказами, ежели сами герои событий ничего не помнят и ничего не могут подтвердить!

— А если мы на Чертовом Пальце ничего не найдем?

— Будем искать в других местах. У Ночного Орла была какая-то база. Это вне всяких сомнений... Конечно, я рискую с этим Чертовым Пальцем. Но я рискую не ради рекорда, а ради спасения великого открытия. Ради этого я поступил на биохимический, ради этого занимаюсь альпинизмом и парашютизмом, ради этого я могу сделать все, что угодно!

— Значит, ты веришь в Ночного Орла?

— Верю, Индра.

— И веришь, что он снова полетит?

— В этом у меня уверенности нет. Но если Кожин сам убедится, что Ночной Орел не сказка, он здорово поможет нашему делу. А летать? Летать может и кто-нибудь другой...

— Например, ты, да?

— А хоть бы и я! Это заветная мечта моего детства!

— Забавный ты, Владик... — улыбнулась девушка.

Отдохнув, они двинулись дальше. Когда солнце, перевалив через вершину своего пути, уже стало спускаться вниз, они достигли наконец подножия Чертова Пальца.

Снизу каменный столб казался совершенно неприступным. Его темно-серые выщербленные стены отвесно уходили в головокружительную высоту. Все пространство вокруг было усеяно большими и малыми каменными глыбами, густо заросшими травой и кустарником. Над двузубой вершиной Чертова Пальца с криком кружили птицы.

Молодые люди поставили палатку, развели костер. Пообедав разогретыми консервами и отдохнув после трудного перехода, они до самого вечера бродили вокруг диковинного утеса, выбирая удобное место для восхождения...

Утром, задолго до восхода солнца, они были уже на ногах. Позавтракав, Владик проверил снаряжение, опоясался страховочной веревкой, прикрепил к поясу связку железных скоб и решительно направился к каменному столбу. Индра пошла за ним, тоже в полном снаряжении, готовая в любую минуту прийти на помощь товарищу.

— Смотри, Владик, зря не рискуй! Увидишь, что трудно, возвращайся. Лучше в другом месте попытаемся.

— Не беспокойся, не маленький. Я даже права такого не имею — зря рисковать... Ну, я пошел!..

Первые сто метров Владик одолел сравнительно легко, почти не израсходовав скобы. Но дальше каждый метр приходилось брать с бою.

— Вернись! Владик, вернись! — крикнула снизу Индра, заметив, что он выбивается из сил.

Но Владик сделал вид, что не слышит ее зова. Он был уверен, что одолеет Чертов Палец с первой попытки.

Поднявшееся над горами солнце стало припекать все сильнее и сильнее, но Владик лез все выше и выше.

Индра перестала звать товарища. Затаив дыхание она следила за его медленным продвижением вверх. До вершины ему оставалось еще метров пятьдесят.

«Вдруг не доберется?» — с тоской подумала девушка.

Неожиданно Владик исчез, словно куда-то провалился. В первое мгновение Индре показалось, что он сорвался, и сердце у нее замерло, но тут же она убедилась в своей ошибке и успокоилась: «Значит, добрался до какого-то убежища и скрылся в нем...»

А Владик тем временем стоял на узкой площадке за острым зубцом и дышал, как загнанная лошадь. Зубец, скрывавший площадку, снизу был незаметен — настолько он сливался с выступами и расселинами этого гигантского столба. Ноги у Владика подкашивались от усталости, все тело ныло, как избитое. По лицу, смешиваясь с пылью, катились горячие

струйки пота, но глаза его сияли от радости. В скале темнело отверстие, закрытое чем-то пятнистым.

— Вот оно! — проговорил Владик хрипло. — Гнездо Ночного Орла!.. Прав был Горалек, абсолютно прав!..

Чтобы перебраться с площадки в пещеру, пришлось израсходовать две последние скобы. Откинув полуистлевшую плащ-палатку, Владик залез в грот.

Сердце его гулко стучало от волнения: он увидел убежище Ночного Орла таким, каким Кожин оставил его в то холодное зимнее утро конца декабря 1944 года, когда полетел на сражение в Медвежьем логоу. Оставил в надежде, что скоро вернется, но так и не вернулся — никогда.

С благоговейным трепетом осматривал Владик жилье удивительного летающего партизана: постель с ворохом одеял, аккумуляторный приемник, мешок с пустыми консервными банками (приготовленный, вероятно, для выброса где-нибудь подальше от базы) и целый склад заржавевшего оружия — мины, гранаты, автоматные диски...

Но больше всего Владика обрадовала большая, в черных корках тетрадь, в которой оказались краткие заметки самого Кожина о его боевых операциях и планах. Заметки отлично сохранились. Кожин в них неоднократно упоминал о своей способности летать. Одного этого было достаточно, чтобы опровергнуть все доводы скептиков.

Владик так увлекся записками Кожина, что совсем забыл про свою подругу, ожидавшую его у подножия утеса. Но вот до него донесся ее тревожный голос. Владик опомнился. Надо известить Индру, что все хорошо!.. Он осмотрелся и взял из мешка пустую консервную банку. Потом поискал глазами какой-нибудь обрывок бумаги. На приемнике лежала стопочка аккуратно нарезанных пожелтевших листков. Он взял ее и обнаружил, что на всех листках написана одна и та же фраза: «Это сделал Ночной Орел!»

«Визитные карточки Кожина!» — догадался Владик, вспомнив рассказы Горалека о подвигах Ночного Орла.

Взяв из стопки один листок, он сунул его в консервную банку и плотно пригнул не полностью отрезанную крышку. Затем, размахнувшись, швырнул банку далеко за острокопечный зубец. Банка с оглушительным звоном полетела вниз, подскакивая на выступах и распугивая птиц.

«Пусть Индра порадует моему успеху!» — подумал Владик и снова занялся осмотром пещеры...

Напрасно Владик считал, что проблемой Ночного Орла никто серьезно не занимался. В те дни, когда он отправился на штурм Чертова Пальца, в Москве состоялось закрытое заседание специальной комиссии Академии наук СССР. Заседание было последнее, заключительное: пора было подвести итоги десятилетней работы по изучению материалов о так называемом «феномене свободного полета».

Помимо ученых, входящих в состав комиссии, на заседание были приглашены только лица, имеющие непосредственное отношение к делу. Среди них были: Иван Кожин, Вацлан Коринта, полковник Локтев, Ивета Кожина, Марта Коринтова, лесничий Влах, директор одной из остравских шахт Горалек и другие. На специальном самолете были привезены бывшие нацистские чины, ныне военные преступники, отбывающие свои сроки по приговору народного суда.

Председательствовал на собрании профессор Батулин.

Сначала были зачитаны все собранные материалы: докладная записка майора Локтева, составленная в январе 1945 года, протоколы экспертов о секретной лаборатории в Праге, где нацистские ученые пытались раскрыть тайну Ночного Орла, взятого в плен при сражении в Медвежьем логоу, показания очевидцев и участников событий. После чтения, продолжавшегося два с половиной часа, комиссия приступила к последнему опросу главных свидетелей.

Первым попросили высказаться Ивана Кожина. Он заявил:

— Мне трудно говорить от имени Ночного Орла, хотя меня и убедили в том, что именно я и был тем летающим человеком, о котором говорится в докладной записке товарища Локтева. У меня нет подлинного прошлого. Я знаю о своей минувшей жизни лишь по рассказам друзей. Я же сам помню себя лишь с чешской деревни Кнежевесь. Как я в ней очутился, не знаю. Правда, мне подарили, если можно так выразиться, искусственное прошлое, этаким своеобразный психологический протез, которым я могу пользоваться в жизненном обиходе, но который не имеет живой связи с моим теперешним сознанием. Так искусственная нога позволяет человеку двигаться, создает внешнее впечатление его физической полноценности, но она ничем не связана с живым организмом: в ней не пульсирует живая кровь, в нее не идут от мозга тонкие волокна нервных тканей. Даже воспоминания раннего детства, вошедшие в сознание человека по рассказам взрослых, имеют больше права называться живым прошлым, чем тот психологический протез, который заменяет прошлое в мо-

ем сознании. Ночной Орел для меня столь же загадочен, товарищи, как и для вас. Мне рассказали о его подвигах на территории Чехословакии, о пытках, которым он подвергался в плену у нацистов в какой-то секретной тюрьме-лаборатории, о его побеге из этой тюрьмы вместе с товарищем Коринтой. Вы знаете все подробности этих событий не хуже меня. Вернувшись в жизнь с новым сознанием, я много раз пытался обнаружить в себе те необыкновенные способности, которые приписываются Ночному Орлу. Но напрасно. Что-то, видно, нарушилось в нервной структуре моего организма. Я страдаю теперь боязнью высоты, а это ни в коей мере не вяжется со способностью свободно парить в воздухе. С полной ответственностью я могу говорить лишь о последнем десятилетии своей жизни, но это вряд ли может кого-нибудь заинтересовать...

После этого попросили высказать свою точку зрения бывшего врача Вацлава Коринту. Он был предельно краток:

— У меня нет прошлого. В отличие от моего друга Ивана Кожина я не ощущаю приписываемое мне прошлое как психологический протез. Мне противно отождествлять себя с героем каких-то невероятных рассказов о летающих людях. Мне кажется это несерьезным. Мне приписывают открытие принципа свободного полета и изобретение какого-то аэравина — чудесного препарата, способного приводить организм человека в состояние искусственной невесомости. Мне ничего не известно об этих делах. Здесь зачитывались показания гитлеровцев из секретной лаборатории. Они утверждают, что видели действие аэравина на кролике и на эссовских солдатах. Я не знаю, что они там видели, но считаю этот аэравин, равно как и идею свободного полета вообще, полнейшим абсурдом. Это противоречит здравому смыслу. Больше мне нечего сказать по этому вопросу.

— Товарищ Коринта! — обратился к нему профессор Батурин. — Наши эксперты напрасно бьются над загадкой кровати-весов. С этим странным спальным прибором мы столкнулись в секретной лаборатории нацистов. Кроме того, о подобном, хотя и более примитивном приспособлении нам рассказал присутствующий здесь товарищ Влах. Если вы не можете вспомнить о назначении этого прибора, то, быть может, в ваших мыслях заново возникнет какая-нибудь интересная ассоциация в связи с этим несколько непривычным агрегатом? Любое ваше предположение будет ценным...

— Нет, у меня не возникает никаких ассоциаций, — ответил Коринта. — Мне уже сотни раз задавали этот вопрос о кровати-весах, но мне этот прибор кажется просто нелепой технической шуткой.

— Еще вопрос. Вы пытались вернуть себе прежнюю профессию?

— Я ничего не знаю о моей прежней профессии и знать не желаю. Читать и писать я научился, и этого мне достаточно. Я работаю на заводе кладовщиком. У меня есть жена, дочка. Чехословацкое правительство выплачивает мне пенсию по инвалидности. Меня уверяют, что я бывший узник гестапо, участник Сопротивления и прочее в этом роде. Пенсию мне назначили за какую-то психическую травму, в результате которой я полностью потерял память. Пусть так, правительству виднее. Но сам я не чувствую себя инвалидом. Я здоров и вполне доволен своей судьбой.

Тогда профессор обратился к бывшему директору секретной лаборатории, нацистскому профессору Глейвицу:

— Господин Глейвиц, вы можете подтвердить, что выступавший сейчас человек действительно является доктором Вацлавом Коринтой, бывшим узником вашей секретной лаборатории?

— Да, могу. Это и есть доктор Коринта. Он мало с тех пор изменился.

— Что вам говорил доктор Коринта по поводу кровати-весов?

— Он говорил... Ах, да! Он говорил, что кровать-весы показывает весовые колебания в организме человека во время сна. Он говорил, что только так можно установить, пригоден человек для агравинизации или нет.

— О каких весовых колебаниях шла речь и какие данные выяснял доктор Коринта?

— Это был его секрет, который он категорически отказался выдать.

После этого профессор Батурин попросил полковника Локтева и директора шахты Горалека рассказать о полетах Кожина. Локтев рассказал об испытании Кожина и о сражении в Медвежьем логу. Горалек подтвердил, что был очевидцем изложенных событий.

После этого снова вернулись к кровати-весам и попросили лесничего Влаха рассказать все, что он об этом знает. Лесничий подробно изложил, как он в городе Б. доставал для Коринты десятичные весы и как помогал устраивать на них кровать для Кожина на чердаке сторожки. О назначении прибора он ничего не знал.

В заключение дали слово женщинам. Ивета Кожина сказала:

— Я ни разу не видела Ивана в полете. Только один раз он спрыгнул со мной на руках с третьего этажа. Но это был не полет, а просто немного замедленный прыжок. Последний

раз я встретила с Иваном, когда он был еще Ночным Орлом, накануне сражения в Медвежьем логоу. А потом я увидела его уже больным, когда они с доктором Коринтой пришли в Кнежевесь после побега из нацистской лаборатории. Оба были в ужасном состоянии: забыли речь, забыли все человеческие навыки. Взрослые младенцы, которым всему пришлось учиться заново.

Марта Коринтова знала еще меньше:

— Во время войны я выполняла важное задание подпольной Коммунистической партии. Требовалось войти к нацистам в доверие и поступить на службу в комендатуру СС. Мужу я об этом рассказать не могла. Он ушел от меня, добился перевода из Праги в глухую провинцию. О его встрече с Кожиным и о всей его научной работе я ничего не знала. Самого Кожина я впервые увидела в деревне Кнежевесь, куда он и мой муж пришли после побега из нацистской секретной лаборатории. Оба уже были больны...

На этом заседание специальной комиссии закончилось. Последняя попытка пролить свет в загадочную историю летающего человека и найти хоть малейшую нить, за которую можно было бы ухватиться и распутать весь клубок, полностью провалилась. Оставалось составить отчетный доклад и сдать дело в архив.

4

До глубокой ночи засиделся профессор Батурин над составлением окончательного заключения специальной комиссии для представления в Президиум Академии наук. Это была последняя печальная работа по проблеме свободного полета. В тексте доклада приходилось в изобилии употреблять отрицательные частицы: «не обнаружили», «не подтвердилось», «не установили». Работа поэтому не увлекала, подвигалась медленно, с натугой.

Было досадно, что многолетний труд, положенный на скрупулезное изучение истории Ночного Орла и материалов секретной нацистской лаборатории, не принес решительно никаких плодов. Рассудок не желал мириться с этим, воображение то и дело рвалось на простор безудержных мечтаний. Лишь сознание ответственности заставляло ученого держаться тесного русла проверенных фактов.

Время от времени, отложив перо, Батурин принимался расхаживать по тихому кабинету в глубокой задумчивости. Он останавливался у окна и подолгу глядел на бесконечную россыпь огней ночной Москвы или подходил к загадочному

спальному прибору, вывезенному из пражской лаборатории нацистов, и, погруженный в свои невеселые мысли, гладил руками его холодные никелированные части.

«Зачем эта странная кровать-весы? Чему она служит?.. Весовые колебания во время сна? Чепуха! Придумано Коринтой для отвода глаз... Но в ней должен быть какой-то смысл. Ведь в сторожке лесника у Коринты не было надобности морочить кому-либо голову. Нет, нет, это неспроста!.. За этим обязательно кроется что-то очень важное».

Он возвращался к столу и снова садился за постылую работу. И опять из-под его пера бежали глаголы с отрицательными частицами:

«Сознание Ивана Кожина и Вацлава Коринты восстановить не удалось. Сущность летающего феномена, равно как и состав препарата, называемого в протоколах агравином, остались невыясненными. Оба пострадавшие вернулись в той или иной мере к нормальной жизни. Если не считать потери памяти, пережитые тяжелые испытания нисколько не отразились на здоровье Кожина. Он женился на чешской девушке Ивете Сатрановой, с которой познакомился еще до болезни и которая фактически выходила его потом и помогла ему сделать первые шаги в нормальную жизнь. У них родился сын Михаил. Мальчику сейчас девять лет. Это вполне здоровый, крепкий ребенок. Никаких отклонений от нормы — ни физического, ни психического порядка — у него не наблюдается. Сам Иван Кожин, забывший свою прежнюю профессию шахтера, успешно окончил строительный институт. В настоящее время он живет и работает в Москве.

Коринта восстановил отношения с прежней семьей. Причины его расхождения с женой полностью им забыты. Однако психическое состояние у него значительно хуже, чем у Кожина. Три года назад Коринта пережил тяжелый приступ душевной депрессии, сопровождавшийся попыткой к самоубийству. Несколько месяцев провел из-за этого в психиатрической лечебнице в Праге. После ряда процедур депрессия его сменилась сильнейшим возбуждением, которое вылилось в неукротимое желание писать химические формулы. Больной писал их всюду: на стенах палаты, на бумаге, которую ему специально подкладывали, прутиком на песчаных аллеях парка. Все формулы тщательно записывал и фотографировал особо выделенный для этого сотрудник. Появилась смутная надежда, что среди формул окажется формула таинственного агравина. Но надежды эти не оправдались. Все написанное Коринтой представляет собой хаотическое нагромождение цифр и химических символов. Когда приступ кончился, Коринта вернулся в прежнее состояние, и его выписали из боль-

ницы. Живет он с женой и взрослой дочерью в Праге, работает кладовщиком на заводе.

Исходя из вышесказанного, нет оснований рассматривать нынешнего Ивана Кожина как Ночного Орла и нынешнего Вацлава Коринту как первооткрывателя принципа свободного полета и изобретателя агравина...»

Профессор еще несколько раз прерывал работу и расхаживал по кабинету. Отчет близился к концу:

«В процессе работы комиссия собрала большое количество материала о случаях благополучного падения человека с большой высоты. Бывали прецеденты и более счастливого приземления, чем в случае с Кожиным,— люди падали с заоблачных высот в снежные сугробы, на распаханное поле, в стог сена и отделялись пустяковыми царапинами,— но ни в одном из них не наблюдалось каких-либо признаков свободного полета, который, судя по свидетельству очевидцев, довелось пережить Кожину».

Наступил рассвет, когда Батурин дописывал последние слова резюме:

«По всей вероятности, феномен свободного полета возможен в очень редких случаях, при совершенно исключительных обстоятельствах. Воссоздать такие обстоятельства с целью научного эксперимента не только трудно, но и антигуманно. Изобретение препарата агравина следует считать фактом. Однако все данные говорят о том, что этот препарат вызывает не только состояние невесомости, но и парализует центральную нервную систему. Полная потеря памяти у Кожина и Коринты, наступившая одновременно, является, по-видимому, результатом острой токсичности этого препарата. Изучив материалы по делу Ночного Орла и секретной лаборатории в Праге, комиссия пришла к заключению, что в современных условиях продолжать работу по выявлению принципа свободного полета — как естественного, так и искусственного — нет никаких оснований».

Написав последние слова и поставив точку, профессор с отвращением отбросил перо и долго сидел, закрыв лицо ладонями.

Потом решительно поднялся и подошел к кровати-весам.

— Нет никаких оснований... — пробормотал он, поглаживая блестящие поручни загадочного прибора.

И вдруг, крепко сжав кулаки и даже зажмурив от напряжения глаза, громко произнес:

— А все-таки он летал, и я должен узнать, как он это делал!..

От Миши скрывали, что отец его когда-то умел летать. По молчаливому уговору родители никогда не упоминали о Ночном Орле. Но после встречи в Академии наук Ивета нарушила этот уговор. Воспоминания о прошлом вспыхнули в ней с новой силой, и было обидно сознавать, что ученые зря трудились все эти долгие годы, что тайна свободного полета, ослепительно сверкнувшая людям, исчезла безвозвратно.

Выбрав время, когда сына не было дома, Ивета заговорила с мужем о том, что ее волновало:

— Иван, неужели в тебе абсолютно ничего не осталось от твоих прежних способностей? Ведь этому трудно поверить!

Но Ивана, по всей видимости, эта проблема несколько не тревожила. Ночной Орел был для него посторонним человеком. На вопрос жены он недоуменно пожал плечами:

— Не знаю, Ветушка. Скорей всего, так и есть: ничего не осталось... Впрочем... — он вдруг рассмеялся и как-то странно посмотрел на жену.

— Ну чего ты, Иван, говори!

Равнодушие исчезло с лица Кожина, как отброшенная маска. Он стал серьезен. Более того, в глазах у него появилась тоска.

— Зачем тебе это? — спросил он.

— Как это — зачем? Ведь люди работали!.. Говори, Иван! Я вижу по твоим глазам, что ты от меня что-то скрываешь. Кожин вздохнул.

— Ладно, так и быть. Тебе одной... Недавно, Ветушка, мне начали сниться сны о полетах. Я летаю во сне по воздуху с такой легкостью, что трудно передать. И знаешь, при этом не ощущаю ни малейшего страха! Вся моя боязнь высоты куда-то исчезает. Появляется что-то противоположное: меня влечет к высоте и всего охватывает такое чувство, словно я вернулся в родную стихию, которую утратил давно и навсегда... А утром выйду на балкон, чтобы проверить себя, гляну вниз — и опять головокружение, тошнота... — Он безнадежно махнул рукой и отвернулся.

Но Ивета так и вцепилась в него после такого важного признания:

— Иван, почему ты не сказал об этом Николаю Николаевичу?

— Почему?.. Как тебе сказать... Стыдно было. Ведь это только сны, которые, наверное, снятся очень многим людям и причины которых давно изучены и понятны...

— А что, если ученые ошибаются? Что, если... Иван! А вдруг кровать-весы именно и сделана из-за этих снов о по-

лете? — Ивета, взволнованная, подсела к мужу и схватила его за руку. — Ты должен рассказать об этом Батурину, Иван. Вдруг это и есть та ниточка, за которую можно ухватиться и распутать весь клубок? Расскажешь, Иван?

Кожин задумчиво посмотрел на синее небо за окном и медленно покачал головой.

— Нет, Ветушка, не проси меня об этом... Я не могу этого сделать, хотя, если говорить откровенно, меня и самого преследуют эти мысли... Хотелось бы, но при этом... Знаешь, внутренне я до сих пор не уверен, что я тот, за кого меня принимают. Мне говорят, что я был Ночным Орлом, подробно рассказывают историю этого Ночного Орла. А у меня такое чувство, словно я прочел все это в книге, а не сам пережил...

— Но ведь тут не может быть ошибки! Если другие ошибаются, то я-то наверняка не ошибаюсь! Я знала тебя, когда ты был Ночным Орлом! Я любила тебя уже тогда! Неужели ты и мне не веришь?!

— Ну что ты, что ты! Конечно, верю. И тебе, и друзьям верю. Кому интересно придумывать такое... Но верю я, так сказать, рассудком, а в душе все равно сомнения. Это и мешает говорить от имени Ночного Орла и подсказывать какие-то новые эксперименты. Не могу я пойти на такое. Не могу, и всё!.. Боюсь стать обманщиком... Эх, если бы...

Кожин умолк и пристально посмотрел Ивете в глаза.

— Ну что, дорогой? Говори! Мне ты все можешь сказать!

— Да, тебе могу все... Знаешь, Ветушка, я рискнул бы окунуться в новые поиски, даже над собой стал бы работать, если бы была полная уверенность, что Ночной Орел — реальная действительность. Ну, хоть какое-нибудь настоящее, вещественное доказательство!

— Глупый ты мой! Ну где же взять такое доказательство? Разве это возможно?

— А почему бы и нет? До сих пор не обнаружена база Ночного Орла. Горалек говорит, что она должна быть где-то в окрестностях города Б. Называет даже какой-то совершенно неприступный утес Чертов Палец... Вот если бы найти базу Ночного Орла! Ведь там должно многое сохраниться. Это были бы не просто рассказы очевидцев, а доказательства! А мне — мне бы это дало уверенность, что Ночной Орел в самом деле был и что этим Ночным Орлом был именно я... А так и перед собой стыдно, и перед Мишкой. Ведь от него потом не скроешь, если начнутся эксперименты, поиски...

— Я понимаю тебя, Иван. Но это не легкая задача. Я видела Чертов Палец. Это страшная скала... Впрочем...

Ивета глубоко задумалась. Потом подняла голову и решительно сказала:

— Хорошо, Иван. Подождем этих вещественных доказательств. Я напишу в Прагу — в Союз молодежи, в спортивные организации. Буду просить, чтобы организовали экспедицию, осмотрели горы и особенно этот Чертов Палец. Взойти на него совсем не нужно, сейчас с такой задачей вполне может справиться вертолет...

— Вот это дело! — сразу повеселел Иван. — Я бы и сам поехал принять участие в поисках, но какой из меня альпинист или наблюдатель в экипаже вертолета! С балкона и то не могу смотреть... Напиши, Ветушка, а потом решим, как быть — беспокоить Батурина моими снами или бросить все это дело и больше к нему не возвращаться...

6

Ивете не пришлось писать в Прагу. На другой день после откровенного разговора с мужем она получила от брата Владика толстый пакет. В нем было письмо с подробным описанием пещеры Чертова Пальца и найденных в ней предметов и тетрадь с собственноручными заметками Ночного Орла. Живое прошлое властно напомнило о себе.

Этот день стал праздником в семье Кожиных.

Понимая, что Ивану необходимо побыть наедине со своим забытым дневником, Ивета забрала сына и уехала за город, на дачу.

Кожин, оформив отпуск, двое суток просидел дома.

Он не просто читал старую покоробленную тетрадь, — он всем своим существом впитывал каждую строчку дневника, стараясь вызвать в себе воспоминания об утраченном прошлом. Но завеса, скрывавшая это прошлое, упорно не поднималась. Несмотря на все усилия, Кожин помнил себя только с деревни Кнежевесь, словно он там и родился десять лет назад. Двадцать два года жизни оставались в черном провале.

Занявшись тетрадью, Иван прежде всего удостоверился, что записи сделаны его собственной рукой. Он знал, что почерк человека такой же устойчивый фактор, как и рисунок кожи на пальцах. И действительно, почерк его с тех пор ни сколько не изменился. Кожин сразу признал своими эти бледные, полувывцветшие строчки, убористо заполнявшие несколько десятков страниц пожелтевшей бумаги в клетку.

На первой странице было много раз повторено имя Иветы в различных ласкательных формах и неумелой рукой нарисован профиль девушки. Потом стояли два стиха из Лермонтова:

Затем сразу:

«К черту! Холодно! Ужасно холодно! Прямо собачий холод! И ветер воеет, как голодная собака... Трудно быть летающим человеком, особенно зимой. Сейчас бы миску горячих пельменей — да на русскую печку!.. Чепуха! Нельзя раскисать! Буду вести дневник. Может, когда-нибудь пригодится».

Со следующей страницы шли датированные записи. Они были лаконичны, без подробностей, с массой сокращенных слов. Первая запись, сделанная, по всей вероятности, в тот же день, когда было решено вести дневник, была самой длинной — целых две страницы. В ней Кожин умудрился изложить всю свою историю, от прыжка с самолета и кончая устройством жилья в пещере Чертова Пальца. Здесь же было сказано про кровать-весы и про научную гипотезу доктора Коринты. Но до чего коротко сказано, всего четыре фразы:

«Несколько суток спал на весах, пока не увидел сон о полете. Потерял тридцать килограммов веса! Доктор Коринта объяснил про ферменты-антигравы, убеждал, что могу летать. Сначала не верил, но потом пришлось полететь...»

У Ивана чуть сердце из груди не выпрыгнуло, когда он прочел эти строки.

«Умница Ивета! Правильно догадалась про кровать-весы! Вот уж Николай-то Николаевич обрадуется! Ведь это... это... прямое указание!..»

Дальше в дневнике шли короткие записи такого примерно содержания:

«8 дек. Удачная ночь. Летал к аэродрому. Взорвал склад с горючим. Отлично полыхало! Светло было, как днем. Надо устроить фейерверк и на ж.-д. станции. Когда летел домой, заметил там целый состав с цистернами.

9 дек. Настолько освоился с полетами, что даже не представляю себе, как это раньше не умел летать. Боюсь, что разучусь пользоваться ногами. И еще ужасно мерзну, особенно на бреющем. Лицо прямо деревенеет, глаза слезятся, ничего под собой не могу разглядеть. Надо раздобыть очки и кутать лицо в шарф. До цистерн на ж.-д. ст. еще не добрался. Узнал про военный эшелон и пустил его под откос. Тоже красиво получилось!»

Таковыми краткими заметками было заполнено полтетради. Две последние записи были такие:

«21 дек. Виделся с Иветой у нашего дуба. Передал для Лок. и Гор. портфель Норденшельда. Надеюсь, что хоть на этот раз майор похвалит. Пока что ничем ему не мог угодить.

За все ругает и требует, чтобы вернулся в отряд. Особенно за воздушный бой досталось. Но теперь он будет доволен. Как-никак предупредил о генеральном наступлении карателей. Да и план операции в Медв. логу неплохо разработал. Послезавтра второй дневной бой. После этого ликвидирую базу и вернусь в отряд. На Большую землю теперь не отправят. Из Москвы должен на днях прилететь профессор, который будет изучать меня на месте. Если все будет хорошо, в воскресенье с ним встречусь и поговорю... Фронт уже близко, даже отсюда слышно. Скоро конец войне! Нельзя теперь сидеть в тылу и заниматься наукой. Надо воевать до Победы, надо увидеть Победу своими глазами! Если профессор будет уговаривать отправиться с ним в Москву, откажусь. У меня тут еще немало дел. Коринту надо выручить. Век себе не прошу, если он пропадет. Без него я бы так и не полетел!..

22 дек. Меня нашли! Только что видел, как у подножия Чертова Пальца прошли на лыжах Ивета, Локтев и Горалек. Кричали, стреляли из ружей, но я не отозвался. Знаю, зачем приходили: отговаривать от завтрашнего боя. Пустая затея! У меня все приготовлено, все продумано, а я вдруг возьму и откажусь! Да ни за что на свете!..»

Кожин раз десять перечитал весь дневник Ночного Орла и много над ним размышлял. На третьи сутки, усталый до головокружения, но в отличном настроении, он привел себя в порядок и поехал за женой и сыном на дачу.

7

Тропинка к пруду вела через густые заросли бузины.

Кожин медленно брел по мягкой влажной земле, похлопывая в такт шагам зеленой веткой. Он думал о том, как упорно будет теперь над собой работать, чтобы найти хотя бы ничтожную крупицу своих утраченных способностей. Ведь это так важно для успешной работы над проблемой свободного полета! Яркий летний день, купы зелени, чудесный воздух сняли с него усталость, и на берег пруда он вышел бодрым, как никогда.

Гладкая поверхность небольшого водоема ярко сверкала на солнце, а у берегов, под навесом из плакучих ив, казалась бездонной и прохладной. Где-то на другой стороне звенели голоса мальчишек.

— М-и-и-иша-а-а!!! — закричал Кожин.

Из чащи на том берегу выскочил мальчишка в трусах. Узнав отца, он радостно замахал рукой:

— Па-а-ап, я сейча-а-ас!

Кожин думал, что сын побежит к нему по берегу пруда. Но тут случилось такое, отчего бывший Ночной Орел схватился за сердце.

Мальчик разбежался по берегу и бросился в пруд. Но не это так поразило Кожина. Он знал, что Мишка плавает отлично, а пруд был неширок. Все дело было в том, что Миша не поплыл через пруд, а легко побегал по его поверхности, оставляя на ней множество расходящихся кругов. Да, да, мальчуган бежал по воде, как посуху, и это было настолько поразительно, что у Кожина закружилась голова и ёкнуло сердце, словно он смотрел на землю с десятого этажа.

Через минуту мальчик был уже возле отца. Раскрасневшийся, счастливый, пахнувший солнцем, водой и зеленью, он с разбегу бросился на шею Кожину и чуть не опрокинул его.

— Здравствуй, папка! Ты надолго приехал?

Несколько мгновений Кожин был не в силах что-либо ответить. Он смотрел на сына, как на маленькое живое чудо. В голове у него все перемешалось.

«Черт! Не померещилось ли от усталости?» — мелькнула тревожная мысль.

Он схватил сына за плечи и заглянул ему в лицо:

— Мишук, ты как сейчас через пруд-то, а?.. — У Кожина даже голос охрип от волнения.

— А что? — удивился мальчик.

— Ну, это... как ты по воде-то?.. Тут что, совсем мелко?

— Тут мелко? Что ты, папка! Тут тебе с ручками будет!

— Но ведь я видел! Ты ведь не плыл, ты бежал!

— Ты вон про что! — Мальчик небрежно махнул рукой. — Это я давно уже умею. Сначала на лужах тренировался, а теперь через все могу — через реку, через пруд, даже, наверно, через море! А другие мальчишки у нас не умеют. Я их учу-учу, а они никак. Проваливаются! А я умею, и они меня за это обзывают Водомером. Ну и пусть! Мне не обидно... А Вовка знаешь что умеет делать? Ушами двигать! Вот это да! Мне никак не удастся...

— погоди, Мишук, не тараторь. Скажи лучше, как ты это делаешь?

— Что? Ушами?

— Ну тебя с ушами! По воде как ты бегаешь?

— Ах, по воде! Это совсем легко. Нужно сильно-пресильно разбежаться и бежать, бежать, бежать... Вот и все. Ты разве не видел, как я это делаю?

— Нет, Мишук, не видел.

— Хочешь, покажу?.. Или нет, я тебе лучше другое покажу. Я еще одно умею, чего наши мальчишки не умеют. Даже Петька не умеет, а он на руках свободно ходит.

— Что же это такое?

— А прыгать с перебором! Смотри!

Миша разбежался по тропинке вдоль берега, подпрыгнул и пронесся метров десять над землей, перебирая в воздухе ногами. Длина прыжка и этот странный перебор ногами глубоко поразили Кожина. Постепенно он начинал понимать, в чем дело. Сын Ночного Орла унаследовал загадочную способность своего отца и пользовался ею для забавы, не придавая ей никакого особого значения. А другие мальчишки, Мишины приятели, тоже не видели в его способности бегать по воде ничего особенного и ставили ее в один ряд с Вовкиной способностью двигать ушами.

Сердце Кожина захлестнула горячая волна.

А Мишка как ни в чем не бывало подбежал к отцу и даже не заметил, насколько тот поражен и взволнован. .

— Идем к маме, сынок!

— Зачем? Разве уже обедать? А я думал, мы еще погуляем с тобой, искупаемся!

— Потом, потом! Я ведь прямо со станции, надо же маме показаться. Пошли!

Он взял сына за руку и быстро повел по тропинке к даче. Миша бежал за отцом вприпрыжку и что-то весело рассказывал ему о своих мальчишеских делах. Но Кожин не слушал его, поглощенный собственными переживаниями.

Поднявшись на веранду, Иван крикнул:

— Ивета, где ты?

Она тотчас же вышла на зов, вытирая руки о передник.

— Приехал? Вот и хорошо. Здравствуй!.. Ну, как твое свидание с прошлым, Иван?

— Ивета!.. — Голос Кожина предательски дрогнул. — Ты знаешь, кто наш сын?

— А что такое? Опять натворил что-нибудь?

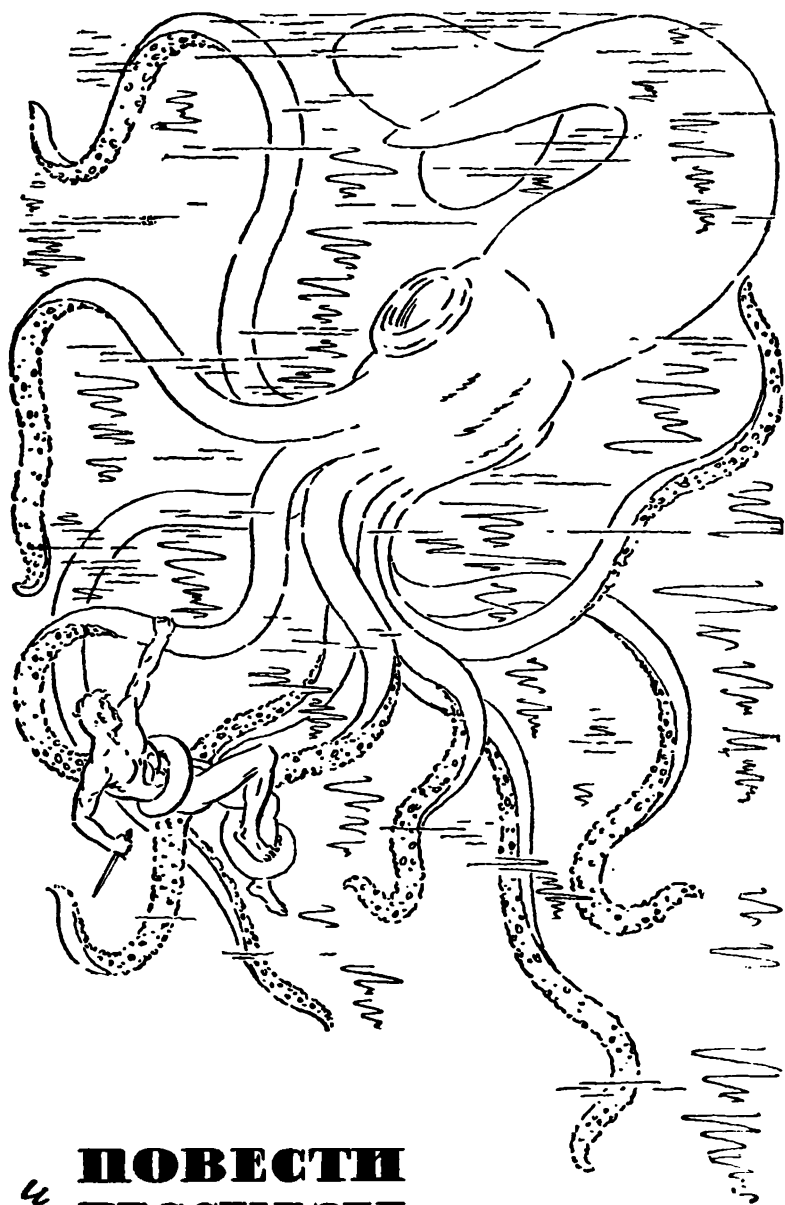
Ивета смотрела то на взволнованное лицо мужа, то на удивленную мордашку сына — босоногого, черноголового, чумазого.

— Наш сын, Ивета, наследник Ночного Орла! — торжественно заявил Кожин и тут же, не дожидаясь вопросов, рассказал о том, чему только что был свидетелем.

— Это правда, Миша? — почему-то побледнев, тихо спросила Ивета и опустила на стул.

— Правда, мама... А что? Разве это плохо? — ничего не понимая, спросил мальчик.

— Что ты, что ты, это хорошо! Это очень хорошо! — пробормотала Ивета и обняла сына. — Орленок ты мой маленький! — воскликнула она и расплакалась.

“ **ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ**

В ТЕМНОМ ГОРОДЕ

Приключенческая повесть

1

Это был самый мрачный период немецкой оккупации...

В первой половине января на Прагу обрушились все стихии сурового севера. Черепичные крыши скрылись под плотными пластами снега. По Вацлавской площади бушевали настоящие сибирские метели. На окнах блестели фантастические морозные узоры. Красавица Влтава оделась в ледяную броню.

Но пражане не испугались этого небывалого разгула зимы. Они мобилизовали все свои жиденькие макинтоши, плащи, накидки, свитеры и лишь быстрее сновали по своим делам лабиринтами узких улиц. Им было не до капризов зимы. Хмурю тревогу и настороженность вызвало на их осунувшихся лицах иное бедствие.

По оккупированной стране проходила волна жесточайшего террора.

Ежедневно на всех заборах, плакатных тумбах и стендах расклеивались новые объявления чрезвычайного имперского суда. Это были широкие листы дешевой бумаги кроваво-красного цвета. Черными буквами на них были отпечатаны (слева по-немецки, справа по-чешски) списки граждан протектората Чехия и Моравия, казненных за «измену великой Германской империи».

Объявления висели всюду: рядом с афишами театров, рядом с рекламными плакатами торговых домов, рядом с напыщенными воззваниями марионеточного правительства протектората. Куда ни повернись, они везде бросались в глаза, кричали о крови, о новых тысячах жертв. Прохожие останавливались, торопливо просматривали списки, ища имена родственников и знакомых, и отходили, пряча лица в воротники то ли от холода, то ли от бессильной ненависти...

И только метель с грозным весельем носилась над городом, швыряла в зловещие листы пригоршни снега, срывала их и крутила по улицам...

Немецкие солдаты не прятались от холода. Они подставляли ветру багровые лица и презрительно поглядывали на горожан. Ходили они всегда целой ватагой, стуча коваными каблуками по промерзшим тротуарам, разговаривали громко, уверенно — хозяева!..

В середине января вдруг наступило резкое потепление. Снег растаял и растекся хлюпкой жижей. С крыш хлынула обильная капель. На улицах суматошно загомонили воробьи. Всюду блестели лужи, а в синем умытом небе радостно засверкало настоящее весеннее солнце.

Но оттепель не смягчила оккупантов. Они с прежним упорством и методичностью продолжали кровавое дело, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. У них была цель: во что бы то ни стало сломить в поработанном народе неукротимую волю к сопротивлению...

2

Пражское гестапо занимало дворец миллионера Петчека, в самом центре города. Почему это мрачное здание называлось дворцом, неизвестно. С виду оно, скорее, напоминало казарму или тюрьму. Тяжелое, из гигантских каменных глыб, с устрашающими чугунными решетками, оно как нельзя более соответствовало своему новому назначению. Пражане его называли коротко: «петчкаря». О подземных казематах и пыточных

камерах этой «петчкарни» ходили в народе самые ужасные слухи...

Штурмбанфюрер Кребс, начальник одного из отделов гестапо, внешностью своей далеко не отвечал идеалу арийской расы. Приземистый, с короткой шеей, он производил впечатление уверенного в своей мощи зверя. Его жесткие черные волосы торчали, как проволока. Челюсть казалась каменной. В запавших глазах светилась непреклонная воля. Взгляд его, казалось, проникал в самую душу.

Сознавая свое волевое превосходство, штурмбанфюрер никогда не кричал на подчиненных. Когда за час до обеда к нему явился руководитель оперативной группы его отдела шарфюрер Вурм и доложил, что арест инженера Яриша ни в коем случае нельзя откладывать до ночи, Кребс даже бровью не повел и не задал ни одного вопроса. Он лишь вперил в долгоязого шарфюрера тяжелый взгляд, и тот немедленно принялся излагать причины:

— Только что звонили из «Юнкерса», господин штурмбанфюрер. Начальник конструкторского бюро инженер Кляйнмихель сообщил, что у него есть все основания подозревать Яриша в съемке копий с секретных документов. Кляйнмихель очень взволнован. Он просит немедленно задержать Яриша. В противном случае он опасается, что преступник успеет вынести снятые копии за пределы завода или передать их своим сообщникам...

— Кляйнмихель осел,— в бешенстве проскрежетал Кребс.— Уже неделю назад ему было строго-настрого приказано не допускать Яриша к подлинным секретным документам. Нам нужен не один Яриш, а вся эта шайка грязных заговорщиков и шпионов...

— С вашего разрешения, господин штурмбанфюрер, я поставил инженеру Кляйнмихелю на вид это обстоятельство. Он путается в объяснениях, ссылается на срочные военные заказы и на перебои в работе бюро... Одним словом, он умоляет немедленно взять Яриша.

Кребс задумчиво уставился мимо шарфюрера на портрет Гитлера в позолоченной раме и сказал:

— Ну что ж, шарфюрер, придется имена сообщников вырывать из глотки этого Яриша... Кстати, вам известно, почему мы производим аресты преимущественно ночью?

— Так точно, господин штурмбанфюрер!

— Почему же мы так поступаем?

— По инструкции, господин штурмбанфюрер! Инструкция предписывает применять ночные аресты и облавы, чтобы застать преступника врасплох, взять его с сообщниками или, во всяком случае, со всей его семьей!..

— Именно со всей семьей. Правильно... А что нам это дает?

Шарфюрер замялся, растерянно заморгал белесыми ресницами и еще сильнее выпятил грудь.

— Не знаете? — равнодушно спросил штурмбанфюрер. Он зевнул, затем внимательно осмотрел неподвижную фигуру подчиненного и тоном наставника произнес: — Зарубите себе на носу, молодой человек. Семья преступника — жена, дети, мать, отец и так далее — нам нужна не просто для полноты впечатления, а для того, чтобы быстрее провести дознание. Видя своих близких в смертельной опасности, преступник делается мягче воска и выдает с головой себя, своих сообщников, всю свою банду. Вот для чего мы берем семьи. Вам понятно, шарфюрер?

— Так точно, господин штурмбанфюрер, понятно!

Кребс помолчал.

— Разрешение на немедленный арест инженера Яриша я вам даю, — проговорил он минуту спустя. — Но вы, шарфюрер, ручаетесь мне головой, что все члены семьи преступника будут взяты сегодня же. Вам ясен приказ?

— Так точно, господин штурмбанфюрер! Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

Шарфюрер молодцевато вскинул руку в нацистском приветствии и, четко повернувшись, покинул кабинет начальника.

3

Пожилая женщина в стареньком потертом пальто и в платке, приспущенном до самых глаз, беспокойно металась в воротах дома. Она то и дело выглядывала на улицу, окидывала ее торопливым тревожным взглядом и снова испуганно скрывалась за воротами. Забившись в темный угол, она крепко, до боли, прижимала руки к груди и прерывисто шептала:

— Господи боже!.. Пресвятая дева Мария, что же это будет?.. Неужели я, старая дура, прозевала его?! Да нет же, нет, не может этого быть!..

И она снова высовывалась за ворота и напряженно всматривалась в редких прохожих.

Проходившие мимо немецкие солдаты вызвали в ней нестерпимые приступы страха, смешанного с острой ненавистью. Она еще крепче сжимала худые руки и шептала:

— Господи, пронеси их, окаянных, чтоб они сдохли, изверги проклятые!..

Было два часа пополудни, и женщина уже совсем измучи-

лась: лицо ее посерело, глаза слезились от напряжения. Но уйти она не могла. Ей во что бы то ни стало нужно было дождаться. И она дождалась...

На противоположной стороне улицы появился худощавый паренек лет шестнадцати. Нескладный, по-мальчишески неуклюжий, он медленно брел по тротуару, щурясь на блестящие лужи. На его впалых щеках горел ровный румянец. Верхнюю губу и подбородок покрывал первый золотистый пушок. Одет был паренек в светло-коричневый макинтош. Синий берет был слегка сдвинут на левое ухо. В правой руке он нес потертый кожаный портфель, беспечно помахивая им в такт шагам.

Увидев его, женщина всплеснула руками и крикнула:

— Мирек!

Паренек оглянулся. Заметив женщину, он широко улыбнулся и направился к ней через улицу.

— Добрый день, пани Стахова. Вы, кажется, звали меня?

Но женщина не ответила на его приветствие. Она судорожно схватила его за рукав и потянула за собой в подворотню.

— Ой, не добрый! Ой, совсем не добрый этот день, Мирек!.. Идем скорее! — бормотала она при этом.

Растерянный Мирек пошел за ней. Поведение женщины было настолько странным и пугающим, что он не догадался даже спросить, что же, собственно, случилось, почему пани Стахова, дворничиха из его дома, так расстроена и куда она ведет его.

В темной подворотне было холодно и сыро. Пани Стахова увлекла Мирека в самый глухой угол, остановилась и тихо заплакала.

— Что с вами, пани Стахова? — всполошился Мирек. — У вас несчастье?

— Тише, мой мальчик, тише! — горячо зашептала женщина, подавив рыдания. — Не у меня горе, а у вас в семье. Тебе нельзя идти домой! Там гестаповцы! Твоего отца взяли на заводе и приехали за матерью и за тобой. Пани Яришева, к несчастью, оказалась дома!.. Всю вашу квартиру гестаповцы перевернули вверх дном. Теперь двое ждут тебя там, а один поехал за тобой в гимназию... Ты должен бежать, скрыться куда-нибудь!..

Мирек был совершенно оглушен этим неожиданным ударом.

— Куда бежать? — шепотом спросил он.

— Не знаю, мой мальчик!.. — И женщина снова расплакалась, беззвучно глотая слезы.

У Мирека задрожали губы. Постепенно он начал сознавать всю тяжесть и непоправимость свалившегося на него горя. Перед его внутренним взором промелькнули образы от-

ца и матери, почему-то из далекого детства — песчаный пляж, лазурная поверхность Махова озера. Отец посадил его к себе на плечи и бежит в воду. Мирек визжит от восторга и страха. «Не утопи его, сумасшедший!» — встревоженно кричит им мать. Она лежит на песке под большим ярко-желтым зонтом. Отец оборачивается: «Ничего! Он мужчина! Пусть закаляется!..»

— А что будет с ними? С отцом, с мамой?

— Не знаю, дорогой... — вздохнула пани Стахова. — Но бог милостив. Может, и обойдется еще все и вы снова соберетесь вместе... — Она всхлипнула и сунула ему в карман макинтоша какие-то бумажки. — Тут сто крон, Мирек, и продуктовые карточки... На хлеб, на мясо... Все, что могла... А теперь беги! Тебе нельзя попадаться на глаза этим палачам! И родителям твоим будет легче, если они будут знать, что ты на свободе. Помни это!.. Дай-ка я поцелую тебя на прощанье... Будь мужчиной!..

Она дрожащими руками нагнула к себе его голову и торопливо расцеловала в обе щеки. Затем почти насильно вывела его за ворота.

— Беги, Мирек, беги!..

Ее страх передался ему. Очутившись на залитой солнцем улице, он еще раз обернулся, глянул на пани Стахову широко раскрытыми глазами и, дико вскрикнув, бросился бежать.

— Беги, мой хороший, беги, беги... — шептала пани Стахова, глядя ему вслед.

Когда паренек скрылся за ближайшим поворотом, она облегченно вздохнула, затащила потуже платок и, сгорбившись, поспешно засеменила в противоположную сторону.

4

Несколько кварталов Мирек пробежал, ничего не соображая, ничего не видя вокруг себя. В мозгу его кричало и билось одно только слово: «Беги!»

И он бежал...

Прохожие удивленно оглядывались, качали головами. На одном из поворотов Мирек с разбегу врезался в группу немецких солдат. Они грубо обругали его, а один даже ткнул кулаком в шею. Но Мирек вырвался от них и побежал еще быстрее.

Вскоре, однако, острое покалывание в боку заставило его перейти на шаг, а потом и вовсе остановиться. Тяжело дыша, он осмотрелся и понял, что бежит к своей гимназии. Но почему к школе? Разве там можно укрыться? Его мозг встрепе-

пулся и лихорадочно заработал. Нет-нет, в школу нельзя! В школе его тоже ждут гестаповцы!..

Надо... надо... Оленька! Как он мог забыть о ней?.. Ведь всего час назад он прощался с ней перед гимназией. Он успел незаметно шепнуть ей: «Сегодня в четыре на нашем месте!» Она засмеялась, кивнула головой в меховой шапочке и убежала догонять подружек.

Но она кивнула. Значит, придет!.. Оленька, смешливая черноглазая Оленька,— единственный близкий человек на свете, которого можно еще увидеть, не думая об опасности...

Мирек немного успокоился. Мысли его потекли более упорядоченно. У него появилась цель — «наше место», — а это в его положении было самое главное.

Он свернул в глухой переулочек и далеким окольным путем зашагал к Вышеграду...

Пустынные аллеи Вышеградского парка, расположенного на высоком холме, с крутыми обрывами в сторону Влтавы, встретили Мирека глубокой тишиной. Снег здесь таял не так быстро, как на городских улицах. Он лежал еще на аллеях и на газонах среди голых деревьев нетронутым влажным покровом и ослепительно сверкал на солнце. С деревьев капало. Какие-то взбудораженные пичуги радостно перекликались среди черных сучьев. Высоко в небе кружили стаи ворон. Пахло размокшей корой...

Мирек отыскал одинокую скамью на крутом склоне холма. Здесь он уже два раза встречался с Оленькой... На скамье лежал тяжелый мокрый снег. Мирек сгреб его на землю и устал опустился на скамью.

Тотчас же со всех сторон на него надвинулась давящая тишина. Она обхватила его, словно стальными тисками, заставила заново пережить весь ужас безвыходного положения.

Мирек вспомнил рассказы о чудовищных застенках гестапо, вспомнил кроваво-красные объявления чрезвычайного имперского суда и так ярко, до ужаса реально представил себе имена отца и матери в черных списках смерти, что, схватившись за голову, глухо застонал и упал на скамью. Только теперь, прижавшись лицом к холодной коже портфеля, он дал волю своему отчаянию и горько заплакал.

5

Шарфюрер Вурм переоценил свои силы. Он вернулся с задания ровно через три часа и предстал перед своим шефом с видом далеко не геройским. Лицо его было бледно, растерянно, а рука, вскинутая для приветствия, заметно дрожала.

— Разрешите доложить, господин штурмбанфюрер?

Голос Вурма предательски дрогнул. Кребс двинул каменной челюстью.

Путаясь и сбиваясь, шарфюрер принялся докладывать о ходе операции. Он пространно поведал о блестяще выполненном аресте инженера Яриша на заводе, об удачном аресте его жены Яришлы Яришевой на квартире, о результатах обыска и... замялся.

Вдавленные в череп глаза начальника недобро сверкнули.

— Младшего Яриша, господин штурмбанфюрер, задержать не удалось,— поспешно заговорил Вурм.— Он почему-то не вернулся из школы домой. Дополнительные поиски ни к чему не привели. Мальчишка исчез бесследно. Я лично ездил в школу, господин штурмбанфюрер. Установил, что Мирослав Яриш был на уроках до конца занятий и ушел домой в самом безмятежном настроении. Значит, в школе он, во всяком случае, никем предупрежден не был. Возможно, что по дороге домой он как-то узнал...

Шарфюрер запнулся и судорожно проглотил слюну. Кребс пристально смотрел на него, играя желваками своих тяжелых челюстей.

— Но, если господин штурмбанфюрер позволит,— упавшим голосом продолжал Вурм,— я осмелюсь доложить свое мнение... На мой взгляд, дальнейшие хлопоты по поимке ни к чему не причастного подростка не оправдают расходов. У нас есть жена Яриша, и это гарантирует нам...

Кребс остановил шарфюрера брезгливой усмешкой, заговорил сам. Заговорил тихо, ровно, даже несколько задумчиво:

— Вы берете на себя слишком много, шарфюрер. Вам не положено рассуждать о целесообразности той или иной операции. Я с предельной ясностью и четкостью обрисовал вам всю важность и ответственность порученного вам дела. Я особо подчеркнул, что семья преступника должна быть задержана полностью. Но вы не оправдали моего доверия, шарфюрер, и провели операцию спустя рукава. Это очень плохо. Для вас... Сколько лет этому мальчишке, который вас так ловко провел?

— Мирославу Яришу, господин штурмбанфюрер, шестнадцать лет два месяца и четыре дня!

— Семнадцатый год. В таком возрасте он мог быть сообщником отца. Плохо, совсем плохо, шарфюрер. Это неизмеримо увеличивает вашу вину.

— Я готов...

— Молчите! Мирослава Яриша необходимо поймать. Он мне нужен. Могу вам дать время до утра. Для вас, шарфюрер, это последний шанс. Если завтра к восьми ноль-ноль мальчишка не будет взят, я немедленно отчисляю вас в действующую

щую армию на Восточный фронт. В эсэсовской дивизии вас научат порядку. Не такое сейчас время, чтобы наниматься с растяпами и ротозеями. Все. Можете идти.

Шарфюрер Вурм вылетел из кабинета начальника как ошпаренный. Созвав молодчиков своей оперативной группы, он устроил им небывалый разнос. Он дал им шесть часов на поимку «проклятого мальчишки» и пригрозил, что всех собственноручно перестреляет. Затем он бросился к телефону и принялся обзванивать городские отделения чешской полиции, железнодорожную охрану, комендатуру СС, радиокомитет и даже почтамты, всюду требуя помощи и содействия.

Штурмбанфюрер Кребс помял ладонями щеки и с хрустом потянулся. Интересно, как этот идиот справится с таким сложным заданием? Он-то, Кребс, знает, как трудно поймать на мушку напуганного убегающего зверя. Мальчишка, конечно, не стоит трудов, которые придется на него затратить, но приказ есть приказ, а инструкция есть инструкция. И Яриш-младший должен быть взят любой ценой!..

6

Стражмистр Йозеф Кованда вернулся с дежурства в половине четвертого. Настроение у него было прескверное. Он молча разделся, огромную черную шинель повесил на крюк, широкий ремень с пустой пистолетной кобурой швырнул в угол. Грузно опустившись на табурет, принялся, кряхтя, стаскивать мокрые сапоги.

Из кухни выглянула его жена Марта, полная сорокалетняя брынетка со спокойным красивым лицом.

— Ты сегодня явился словно дух святой. И не слышно тебя даже! — сказала она, удивленно вскинув брови.

— Здравствуй! — буркнул Кованда, продолжая трудиться над сапогом.

— Здравствуй, здравствуй! — проговорила нараспев пани Ковандова и, выйдя в переднюю, плотно прикрыла за собой дверь. — Что случилось, Йозеф? Почему ты не в духе? — тревожно спросила она.

— Ничего, Марта, не случилось. Просто осточертело все... — Покончив с сапогом, он выпрямился на табурете. — Оленька дома?

— Дома, но собирается уходить. Говорит, что к подруге — делать уроки.

Кованда задумался, глядя перед собой. Затем хлопнул себя по колену и приказал:

— Пошли ее ко мне в столовую.

- Зачем?
- Спросить кое-что.
- А при мне нельзя?
- Можно. Только сначала я хочу поговорить с ней с глазу на глаз. Тебе я потом расскажу.
- Что-нибудь случилось, Йозеф?
- Да нет, пустяки...
- Ну смотри.

Марта удалилась на кухню, а Кованда сунул ноги в теплые туфли и прошел в столовую.

Здесь было холодно и неудобно. Из-за нехватки угля квартира почти не отапливалась.

За окном сгущались ранние зимние сумерки, но было еще довольно светло, а над противоположным домом даже виднелась яркая полоса голубого неба, чуть тронутая нежным розоватым оттенком, брошенным последними лучами заходящего солнца.

Скрипнула дверь, вошла Оленька. Она была в синем пальто с беличьим воротником и в маленькой шапочке, отороченной тем же мехом. На ее смуглом скуластом личике сверкали из-под густых бровей большие лукавые глаза.

- Здравствуй, папа! Ты звал меня?
- Звал. А ты, я вижу, уходит собралась?
- Я только к Зденке, папа. У нас сегодня такая уйма уроков!.. Ты недолго удержишь меня?
- Не бойся, ненадолго... Ну, как дела в школе? Все благополучно?

— Все хорошо. Сегодня меня вызывали по новой немецкой истории, и я все отлично ответила. Вопрос попался такой легкий-прелегкий: биография фюрера. Я так все отчеканила, что наша историчка прямо удивилась... Да ты меня не слушаешь, папа!

Оленька стояла сбоку дивана и, крутя перчатку, с недоумением смотрела на отца. А он рассеянно посасывал трубку и пристально следил за быстро блекнувшей блестящей полоской неба за окном.

— Слушай, Оленька.— Кованда вынул изо рта трубку и повернулся к дочери: — Мирослав Яриш с тобой в одном классе?

Вопрос был столь неожиданный, что застигнутая врасплох Оленька вздрогнула и залилась густым румянцем. Помолчав, она робко сказала, глядя в пол:

— Ну... со мной... А что?

От Кованды не ускользнуло ее смятение. В другое время он не преминул бы воспользоваться случаем и отпустить в адрес дочки несколько добродушных шуток. Однако теперь он

был слишком серьезно настроен и сделал вид, что ничего не заметил.

— Вот что, доченька. То, что я сейчас скажу тебе, нужно сохранить в полном секрете. Ты понимаешь, что это значит?

— Да, папа...

— Ну так вот... Сегодня в час пополудни гестапо арестовало Богуслава Яриша и Ярмилу Яришеву. Это родители твоего одноклассника Мирека. Его тоже должны были взять, но он почему-то не вернулся из гимназии домой. Скорей всего, его кто-то по дороге успел предупредить. Теперь его ищут по всему городу. Гестаповцы впрягли в это всех, кто носит хоть какую-нибудь форму: железнодорожников, почтальонов, кондукторов трамваев, не говоря уж о нас... Тебе понятно, что я хочу сказать?

— Да, папа...

Девушка была бледна как смерть.

— Если его смогли только предупредить, а надежного убежища для него не сыскали, он все равно попадетсЯ,— тихо продолжал Кованда.— Деваться ему некуда. То, что его до сих пор не схватили, чистейшая случайность. Гестапо в таких делах не останавливается ни перед какими расходами. Ночью Мирека непременно поймут...

— Папа!!!

Оленька закричала так громко, что Кованда вскочил с дивана:

— Тише! Ради бога, тише!

— Папочка, миленький, спаси его! Ты ведь это можешь! Я знаю, что можешь!..— горячо зашептала Оленька и, судорожно схватив большую красноватую руку отца, прижалась к ней лицом.

Он обнял ее за плечи и усадил рядом с собой на диван.

— Успокойся ты, глупышка! Успокойся! — гудел он ей в ухо и гладил ее рассыпавшиеся из-под шапки волосы. — Разве можно так кричать о таких делах? Ведь даже у стен есть уши!.. «Спаси»!.. Да ты понимаешь вообще, о чем просишь?

— Ты боишься, папа?

— Тише, не серди меня! При чем это тут — боюсь я или нет. Сообрази, что говоришь. Как его спасти-то? Ведь кто его знает, где он теперь блуждает, перепуганный да голодный...

— А если бы знал, где он, спас бы? — Оленька обхватила обеими руками отца за шею и старалась заглянуть ему в глаза.— Ну скажи, папа, спас бы, а?

Кованда слегка отстранился от дочери, крепко потер подбородок и сказал неопределенно:

— Посмотрим... Посмотрим... Ступай-ка, принеси мне табаку. А то голова что-то совсем не работает...

Оленька быстро сбегала на кухню за табаком. Мать встретила и проводила ее встревоженным взглядом. Но Оленька не обратила на это внимания.

Кованда набил трубку горьким самосадом, раскурил ее, выпустил облако едкого дыма и сказал:

— Хорошо. Допустим, что я мог бы для Мирека кое-что сделать. Но где найти его?

— Я знаю, где найти! — воскликнула Оленька.

— Ты? Откуда же ты можешь знать? — Кованда притворился крайне удивленным и озадаченным.

— Об этом, папа, потом! Это сейчас неважно. Я знаю, где он находится именно сейчас, в эту минуту. Только надо спешить. Он может уйти!..

— Понятно. Мы немедленно пойдем туда вместе! — решительно сказал Кованда.

— Вместе нельзя! — всполошилась Оленька.

— Почему? Ты не веришь своему отцу, Ольга? — В голове Кованды послышались строгость и горечь.

— Нет, папа, я верю тебе. Но Мирек испугается и убежит, если увидит тебя вдруг, без предупреждения. Он ведь знает, где ты служишь...

— Правильно. Ты у меня умница. Говори, где мне ждать вас.

— Под Вышеградом, у железнодорожного моста.

— Подходит. Ну, беги. А я переоденусь в штатское и сейчас же поеду к мосту. К пяти часам я буду уже на месте.

— Бегу, папа!..

И Оленька выбежала из столовой. В передней она столкнулась с матерью.

Пани Ковандова схватила дочь за руку и сунула ей кошелку.

— Держи! Здесь термос с горячим кофе и свежие оладьи с повидлом... Тоже мне заговорщики! Галдят на весь дом, а о том, что мальчонка не ел с утра, и не подумают!

— Ой, мамочка! Милая! — Оленька крепко обняла мать, но вдруг отскочила от нее и бросилась обратно в столовую.

Подбежав к отцу, она умоляюще заглянула ему в лицо:

— Папа, только ты смотри!..

Кованда нахмурился и гневно сверкнул глазами:

— Сейчас же выбрось из головы эту грязную мысль и никогда не смей такое думать! Твой отец не был и не будет предателем! Ступай и выполняй свой долг!

Оленька поцеловала его и через минуту уже стремительно бежала по сумеречной улице с кошелкой в руке.

Похолодало. К ночи обещал быть изрядный мороз. Электрические часы на углу показывали ровно четыре...

На Прагу опускались синие сумерки. Город погружался в темноту.

Со стороны Вышеградского парка, раскинувшегося на крутом косогоре, открывался широкий вид на белую ленту замерзшей Влтавы, на железнодорожный мост, на Смиховский район с шеренгами темных, уже окутанных сизой дымкой пятишестиэтажных домов. Оттуда доносились приглушенные шумы, рокот, далекие звонки невидимых трамваев, короткие гудки автомобилей.

Здесь, на древнем Вышеграде, уже царила глубокая тишина. Седые развалины старой чешской крепости и более поздние, еще вполне сохранившиеся высокие крепостные стены с давно ненужными бойницами и амбразурами погрузились в сон...

Мирек сидел на скамье неподвижно, в глубокой задумчивости. Берет его был натянут на уши, воротник макинтоша поднят, руки глубоко засунуты в карманы. Мороз пронизывал его насквозь, но он не замечал этого. Не хотелось ни двигаться, ни думать о спасении.

Повзрослевший за несколько часов, осунувшийся и даже похудевший, он смотрел на сумеречный город остановившимся взглядом и безучастно слушал его отдаленные, словно подземные, шумы.

Он чувствовал себя абсолютно чужим этому городу, чужим и ненужным. Он был уверен, что, если он, одинокий и затравленный, замерзнет здесь до утра или будет схвачен на этой скамье гестаповцами, городу это будет в высшей степени безразлично...

Шестнадцатилетнее сердце не ведает страха смерти. Решив не сопротивляться судьбе и умереть, Мирек, однако, не вычеркивал себя окончательно из будущей жизни. Его воображению представлялось, как утром в парке обнаружат его окоченевший труп; как люди будут жалеть его, говорить: «Такой молодой и такой несчастный!»; как заплачет Оленька, узнав о его гибели. Да, она заплачет и всю жизнь будет терзаться мыслью о том, что могла еще раз увидиться с ним, могла хотя бы попрощаться с ним, но не сделала этого, не пришла на свидание. Пусть же плачет, пусть терзается!.. Он живо представил себе плачущую обманщицу, увидел ее слезы, и это послужило ему некоторым утешением в его безысходном горе.

В половине пятого, когда он совсем уже потерял надежду на встречу с подругой и весь отдался мрачным мыслям о близкой смерти, в отдаленной аллее послышались быстрые легкие шаги.

Он с трудом повернул голову и в густеющих сумерках увидел знакомый силуэт.

Оленька остановилась шагах в десяти от скамьи и, прерывисто дыша, молча смотрела на него. Горло его сжалось. Каким-то образом по одному ее виду, по кошелке в ее руке, по ее молчанию и нерешительности он мигом понял, что она все знает.

— Здравствуй, Мирек,— тихо сказала она, немного отдышавшись.— Вот, я принесла тебе покушать. Мама посылает...

— Спасибо,— шевельнул он закоченевшими губами.

Пока он ел оладьи с повидлом и, обжигаясь, запивал их горячим кофе из термоса, она тихо, словно мышка, сидела рядом с ним и не спускала с него широко раскрытых глаз, в которых смешались и любовь, и страх, и жалость.

Горячая пища согрела его и вернула к жизни. Он почувствовал могучий прилив бодрости и уверенности в своих силах. Мрачные мысли о смерти, подавленность, обреченность и отчаяние — все это мгновенно улетучилось.

— Спасибо, Оленька! — сказал он.— Большое спасибо! И маме своей передай, что я очень благодарен ей. Теперь мне снова хорошо, и я готов за себя постоять!

— Что ты собираешься делать, Мирек? Куда ты пойдешь? — робко спросила она.

— Еще не знаю. Но живым я им не дам! — ответил он и, подумав немного, добавил: — В Праге мне оставаться нельзя. Буду пробираться в горы, к партизанам!

— А как ты найдешь их?

— Как все. Отец мне как-то рассказывал, что в последнее время партизанских отрядов сильно прибавилось. Они появляются в Крконошах, в Изерских горах, на Шумаве, не говоря уж о словацких Татрах, где в любом ущелье можно встретить партизана. Вот только оружие себе раздобуду и двинусь. С оружием меня скорее примут в отряд!

Он говорил уверенно, даже с некоторой небрежностью, будто приобрести оружие и отыскать партизан было для него самым обычным делом. Но Оленька не поверила этой напускной беспечности. Она грустно сказала:

— Партизаны — это хорошо, Мирек. Даже очень хорошо. Я уверена, что ты будешь драться с немцами, как лев. Но ведь для этого нужно прежде всего выбраться из Праги. А как ты выберешься, если на каждом шагу тебя подстерегают ловушки? На вокзалах, на дорогах — всюду гестаповские заставы. Тебе опасно показываться даже на улицах. Тебя мигом схватят!

— Ночью как-нибудь проскользну. Ночью меня не заметят. А за Прагой, где-нибудь на маленькой станции, залезу в то-

варный вагон и укачу на Моравскую возвышенность, в Бескиды или в Словакию, в Татры. Там я не пропаду...

— Тебе только кажется, что это так легко. На самом деле все гораздо труднее и опаснее, чем ты думаешь. Папа говорит, что если у тебя нет надежного убежища, тебя наверняка до утра арестуют...

— Твой отец? — насторожился Мирек.

— Да, это говорил мой папа. И он согласен тебе помочь. Это он рассказал мне, что твоих родителей забрало гестапо и что тебя теперь ищут по всему городу. Он согласился помочь тебе. Я еще не знаю как, но уверена, что он поможет тебе скрыться. Только надо спешить. Он обещал ждать нас внизу, у железнодорожного моста. Идем скорее!..

— Погоди... — пробормотал он изменившимся голосом и отодвинулся от нее. — Ведь твой отец служит в полиции!

— Ну и что же? Он все равно честный человек! — возразила она.

— Честные люди не служат в полиции протектората! Честные люди гниют за решеткой! Их пытаются и расстреливают!

— Не говори так, Мирек! Моему отцу можно верить! Разве я сказала бы ему, где тебя найти, если бы он мог... — Слезы мешали ей говорить. Она расплакалась от обиды.

Но молодость беспощадна. Она не знает снисхождения. Она либо признает и верит, либо отрицает и ненавидит. Образ полицейского Кованды теперь, после ареста родителей, мигом обрел в его воображении чудовищные черты предателя и палача. Вскочив со скамейки, Мирек схватил свой портфель и крикнул:

— Ты сказала ему, где меня можно найти?! Ты выдала ему наше место! Ты могла...

— Мирек, не надо! Постой! Он же поможет тебе!

Она тоже вскочила. Но он отпрянул от нее, как от прокаженной:

— Не подходи! Ты подслана отцом! Он хочет выслужиться перед немцами! А я-то, дурак, раскис и чуть не попался на приманку! Хороши были олады и кофе, только дешево твой папаша меня задумал взять. Может, он уже где-нибудь тут, поблизости?!

— Мирек, милый, успокойся! Здесь никого нет! — всхлипывала Оленька.

— Врешь! — крикнул он, продолжая пятиться. — Ты предательница! Я ненавижу тебя!..

И, охваченный новым приступом страха, он бросился бежать прочь, в темноту.

— Мирек! — отчаянно крикнула она. — Мирек! Яриш! Вернись!

Шаги его стремительно удалялись, пока не замерли вдали.

Она знала, что он бежит навстречу неминуемой гибели, так как снова найти его будет уже невозможно. Она плакала, но не от обиды, а от отчаяния и острой жалости...

8

Большой грузный Кованда в штатском пальто и в шляпе шел по темной набережной, понутив голову. Он был подавлен, удручен и растерян. Нет, не обидное недоверие перепуганного подростка так расстроило его. Эту неудачу он воспринял как нечто вполне естественное. Пожалуй, он даже заранее знал, что необдуманная попытка спасти Мирека окончится чем-нибудь в этом роде. Но рядом шла Оленька и, глотая слезы, говорила ему слова, горше и больнее которых ему в жизни не приходилось слышать.

— Это ты, ты во всем виноват! — шептала дочь, неистово дергая рукав отцовского пальто. — Зачем ты служишь в полиции? Зачем? Теперь, в такое время, это значит помогать убийцам и грабителям, а не бороться с ними! Мирек сказал, что честные люди сражаются против немцев. В горах и везде... Честные люди томятся в тюрьмах и подставляют грудь под пули палачей! Мирек сказал, что честные люди не могут служить в полиции протектората! Почему же ты?.. Или ты хуже других?! А я-то, я-то всегда была уверена, что мой отец самый сильный, самый хороший, самый добрый, самый честный и справедливый! Но оказалось, даже в беде, даже в смертельной опасности человек не принимает твоей помощи, потому что видит в тебе предателя, изменника родины... Хорошо, если Миреку удастся выбраться из Праги и найти в горах партизан. А если нет? Если его поймают и замучают? Тогда ты один будешь в этом виноват! Ты один, и больше никто!

Слов этих было много, до ужаса много. Прерываемые всхлипываниями и вздохами, они бежали бесконечной вереницей, жалили, кололи, кусали. И что было самым невыносимым — Кованда чувствовал, что не смеет остановить их. Он брел по темной набережной, сам не зная куда, и молчал, молчал...

Наконец ему стало совсем невмоготу. Он остановился и сказал умоляюще:

— Хватит, Оля, перестань!

— Не перестану! Ни за что не перестану! Может, ты бить меня собираешься? Или в гестапо отведешь? Ну что ж, vedi! Лучше уж в концлагере пропадать, чем жить с таким...

— Довольно, детка! Слышишь, довольно! Я прощу тебя...

Он крепко сжал ее руку. Услышав в его голосе не угрозу, которой она ожидала, а мольбу о пощаде, она растерянно умолкла.

Минут десять они стояли над белой рекой. Увидев, что дочь немного успокоилась, Кованда заговорил с грустью:

— Ты во многом права, Оленька. Но во многом и жестоко несправедлива ко мне. Рассуди сама, разве я мог бы узнать об аресте Яришевых и сделать попытку спасти Мирека, если бы не служил в полиции? Конечно, нет. Значит, есть в моей службе какая-то доля хорошего, полезного для наших людей. Это опасная работа, о которой никто не знает, но которую, я уверен, делают по мере сил многие из моих сослуживцев...

— Но ведь ты не спас Мирека! — упрямо возразила Оленька. — Наоборот, ты напугал его еще больше и вдобавок рассорил со мной!

— Это другое дело. Мы оба с тобой допустили ошибку. Вероятно, потому, что не было времени все обдумать и взвесить. Скорей всего, мне следовало применить насилие. Явиться на Вышеград в полной форме и попросту арестовать Мирека. Тогда он притих бы, и его было проще отвести затемно в какое-нибудь укрытие. Впоследствии он и сам разобрался бы, что к чему. Но разве я мог предложить тебе такой план? Разве ты поверила бы мне?

— Нет, наверное, не поверила, — призналась девушка.

— Ну, вот видишь! Я согласился ждать вас у моста и этим фактически погубил все дело. Тут, если хочешь, действительно моя вина. Я опытной тебя, мне и нужно было взять все на себя и действовать более решительно.

— Я понимаю, папа. Я все теперь понимаю, хотя и не согласна с тобой насчет твоей службы. Но об этом потом. Теперь о Миреке. Неужели ты ничего не можешь сделать для него?

Кованда курил и медлил с ответом.

— Неужели мы сделали уже все и теперь со спокойной совестью пойдем домой?

— Мы с тобой, детка, ничего уже больше не можем сделать, — хмуро ответил наконец Кованда. — Но есть люди, которые могли бы еще помочь Миреку...

— Кто они, эти люди?

— Те, с кем, вероятно, были связаны родители Мирека.

— Но что это за люди? Как их найти?

Он наклонился к ее уху и прошептал:

— Эти люди — подпольщики, коммунисты.

— А ты знаешь хоть кого-нибудь из них, папа?

— Нет, дочка, не знаю. Фашисты считают их своими самыми заклятыми врагами и уничтожают без пощады. Те, в свою очередь, платят фашистам той же монетой, но при этом

так скрытно работают, что добраться до них, не имея связи, совершенно невозможно.

— Значит, все... Значит, Мирек погиб...— упавшим голосом промолвила Оленька.

Кованда сделал глубокую затяжку и, выпрямившись, поглядел за реку, на окутанный мраком противоположный берег.

— Мне кажется, Ольга,— проговорил он неуверенно,— что я знаю одного из этих людей...

— Папа!

— Спокойно! Я еще не все сказал. До войны этот человек был наверняка в их партии. Я даже, помнится, пометил его резиновой дубинкой во время одной демонстрации. Но имеет ли он к ним отношение теперь, этого я не знаю. Он затих еще до войны. Забился, как сурок в нору, совсем порвал с политикой. В прошлом году я случайно узнал, что и теперь, при немцах, он не скрывается, живет себе с семьей, держит сапожную мастерскую...

— Едем к нему, папа! — не задумываясь, решила Оленька.

— Ишь ты какая прыткая! А вдруг ошибемся? Ведь это опасно.

— Почему?

— Экая ты наивная... Тут и объяснять-то нечего. Бывший коммунист, а живет при немцах открыто, и никто его не трогает. Нетрудно догадаться, что он, может быть, связан не с подпольщиками, а наоборот, с гестапо.

— Все равно едем! Другого выхода у нас нет. Посмотрим и решим на месте, стоит ему доверять или нет.

Кованда выколотил трубку о каблук и спрятал ее в карман.

— Хорошо,— сказал он.— Пусть будет по-твоему. Я готов пойти на риск, лишь бы убедить тебя и молодого Яриша, что я не бесчестный человек... Пошли!

Минуту спустя отец и дочь, скользя по обледеневшему тротуару, шагали к стоянке такси.

9

Штурмбанфюрер Кребс сидел в полутьме своего кабинета и задумчиво следил, как небо за окном медленно наливалось густой синевой. Рабочий день штурмбанфюрера кончился, но ему не хотелось уходить. Он отдыхал и лениво думал.

Болван Вурм! Придется подать рапорт о его отчислении. Этого сопляка... как его... да, Яриша, он, наверное, не поймает. Уже совсем темно... В любом дворе, под любым кустиком можно укрыться... Тут нужны тысячи людей и сотни собак-

ищеек. Впрочем, черт с ним, с мальчишкой, да и с этим ротозеем Бурмом тоже. Вечер... Где бы провести вечер? Только не дома со скучной Вильмой, которая вечно ревнует, вечно хнычет и вечно чем-то недовольна...

Тишину кабинета расколол пронзительный телефонный звонок. Кребс вздрогнул: какому черту приспичило так поздно? Но его рука привычно спустила на окно плотную бумагу затемнения, включила свет и взяла трубку аппарата.

— Говорит фон Вильден! Добрый вечер, дорогой штурмбанфюрер! Извините, что беспокою так поздно! Но тут на нас насаждает один... ваш подчиненный. Вздуроражил всю комендатуру. Требуется помочь ему в поимке какого-то важного государственного преступника. Это по вашему распоряжению он так неистовствует?

Обершарфюрер СС барон фон Вильден питал к Кребсу нечто вроде дружеских чувств. Гестаповцу весьма льстила эта дружба. Барон был знатен, богат, со связями. От фронта уклонился, всю войну околачивается по комендатурам, а Железный крест как-то выслужил.

Зубы Кребса блеснули в любезном оскале:

— Добрый вечер, милейший барон! В любое время к вашим услугам. Мой подчиненный? Это, вероятно, шарфюрер Бурм. Из моего отдела. У него действительно ответственное задание, но я не уполномочивал его обращаться в комендатуру СС. Он надоедал вам?

— Надоедал? Да он просто приказывал! Дайте ему две роты, и никаких разговоров! Я взял на себя смелость его обогреть...

— Правильно сделали, мой барон. Я тоже одерну этого малюго!

— Вот и отлично. Благодарю вас, дорогой штурмбанфюрер!.. А где вы намерены быть вечером? У вас есть на сегодня какой-нибудь план?

— По совести говоря, никакого. Как раз сижу и думаю, куда бы пойти развлечься. Часов до десяти я буду еще занят. А после десяти... Право, не придумаю. В «Стеллу», может быть? Там, говорят, новая программа...

— Видел я ее, эту программу. Чепуха! Приезжайте лучше к «Патрону»! Кстати, мне очень нужно с вами поговорить, очень нужно!

— Всегда рад... Значит, после десяти у «Патрона».

— Я вас жду, дорогой штурмбанфюрер! Непременно!.. Сервус!

— Сервус, дорогой барон!

Итак, в перспективе — приятнейший вечер. Штурмбанфюрер пружинистым шагом подошел к платяному шкафу и обла-

чился в кожаное пальто. Мягко поскрипывая сапогами, пошел по пустынному коридору. Перед комнатой шарфюрера Вурма задержался, взглянул на часы и без стука приоткрыл дверь.

Шарфюрер кричал в телефон охрипшим от напряжения голосом:

— Что?! Да вы что... Я приказал выставить весь личный состав! Даже больных, черт побери! Это приказ! Как вы смаете? Выполнять! Я говорю, не рассуждайте, а выполняйте!

Трубка с размаху ударилась о рычаг. Вурм поднял глаза, увидел шефа, вскочил и принялся торопливо застегивать китель.

— Вы, господин штурмбанфюрер?

— С кем это вы так бесцеремонно, Вурм? — спросил Кребс, безразлично оглядывая взлохмаченного шарфюрера.

— С префектом чешской полиции, господин штурмбанфюрер. Очень непонятливый господин. Никак не может взять в толк...

— ...что ответственный работник гестапо не в силах самостоятельно справиться со своим заданием? Так, что ли?

Вурм растерянно заморгал.

— Ну что ж, действуйте, как найдете нужным, — сказал Кребс. — Только не превышайте власти. Комендатуру СС беспокоить по этому поводу не следовало. Да и на помощь чешской полиции особенно не полагайтесь. Помните, что на фронте вам придется рассчитывать только на собственную смекалку... Утром доложите о результатах. Хайль!

Часовой у крыльца четко взял на караул. Холодный вечерний воздух приятно хлынул в легкие Кребса. Шофер ловко подвел машину к самым ступенькам...

10

На дверях подвальной квартиры была прибита небольшая дощечка с надписью: «Карел Рогуш, сапожных дел мастер».

Кованда водил по картонке лучом карманного фонарика и невнятно бормотал:

— Карел Рогуш, Карел Рогуш, Карел Рогуш...

— Ну что, папа, он? — с нетерпением спросила Оленька.

— Не знаю, детка... Никак не припомню, как его звали...

— А в лицо ты его узнаешь?

— Еще бы! Конечно, узнаю. Он должен быть одноглазым...

— Тогда нечего раздумывать!

Оленька решительно нажала кнопку звонка. Звонок не работал.

— Стучи! — сказала Оленька.

Кованда привычной рукой энергично забарабанил в дверь. Тотчас послышались торопливые шаги, и женский голос тревожно спросил:

— Кто там?

Кованда чуть было не брякнул: «Полиция!» — но вовремя спохватился и ответил:

— К мастерице!

Щелкнул ключ в замке, дверь распахнулась, и гости вошли в скупое освещенную прихожую. Они поздоровались с пожилой худощавой женщиной, затем Кованда спросил, дома ли мастер Рогош. Женщина подозрительно оглядела громоздкую фигуру переодетого полицейского, но присутствие юной Оленьки, видимо, успокоило ее, и она ответила:

— Дома, дома, проходите, пожалуйста...

Из прихожей Кованда и Оленька попали в скромно обставленную, но чистую и уютную кухню. У стола, покрытого старенькой клеенкой, сидели двое: пожилой человек и юноша. Пожилой был сухопар, смугл, с черной повязкой на глазу. Он набивал табаком папиросные гильзы. А вихрастый и тоже смуглый паренек читал какую-то затрепанную книгу.

Когда гости вошли, одноглазый сразу же прервал свое занятие и встал. А паренек поднял голову от книги и уставился на Оленьку.

— Вы пан Рогош? — спросил Кованда одноглазого.

— Да, я Рогош. Чем могу служить, пан стражмистр?

При слове «стражмистр» женщина, отошедшая было к печке, вздрогнула и быстро обернулась.

— Вы меня узнали? — смущенно улыбнулся Кованда.

— А как же! Вас, пан стражмистр, я до смерти не забуду, — спокойно ответил сапожник и как-то странно подмигнул единственным глазом. — А вот с девушкой я не знаком...

— Это Ольга, — пояснил Кованда. — Моя дочь.

— Ваша дочь, пан стражмистр? — удивился сапожник. — Что ж, очень приятно. Большая у вас дочка и красавица... А вот это, если позволите, мой наследник Ян, ученик слесаря на заводе «Юнкерс». — Он указал на смуглого парня с книгой и тут же сделал ему строгое замечание: — Стидно, Гонза! Встань, предложи девушке раздеться и подай ей стул. Нельзя быть таким увальнем! А это, — обернулся он к женщине у печки, — моя супруга. Прошу любить и жаловать.

Произошло неловкое знакомство со взаимным пожиманием рук и со смущенным бормотанием приличествующих случаю фраз: «Очень приятно, извините за беспокойство». Вихрастый паренек в ответ на замечание отца немедленно вскочил и, залившись краской, принялся неловко ухаживать за Оленькой.

Одноглазый предложил Кованде стул, но тот отказался:

— Я не хочу у вас долго засиживаться, пан Рогуш. Я ведь к вам по очень важному делу, которое не терпит отлагательства...

— Тогда тем более нужно сесть, пан стражмистр. Как же мы будем говорить о деле стоя?

— Но мне бы хотелось поговорить с вами наедине, пан Рогуш. Не найдется ли у вас укромный уголок, где мы с вами могли бы побеседовать с четверть часика?

— Найдется такой уголок, пан стражмистр. У меня в мастерской нам никто не будет мешать. Только по вечерам мы в ней не топим...

— Ничего. Авось не замерзнем... Оленька, побудь пока здесь.

— Папа, ведь мы хотели...— начала было Оленька.

Но Кованда ее остановил:

— Помолчи. Я поговорю с паном Рогушем, а ты подожди меня здесь. Надеюсь, молодой человек не даст тебе скучать.

Одноглазый сапожник и Кованда ушли из кухни, а Оленька, которую Гонза заставил снять пальто, опустилась на стул и приготовилась молча ждать. Но молчать ей не пришлось, во всяком случае, больше одной минуты.

Жена сапожника, пани Рогушева, была не из тех, что равнодушно проходит мимо чужих секретов. Тем более, если эти секреты касаются ее семьи. Воспользовавшись отсутствием Кованды и мужа, она немедленно приступила к делу. В несколько минут она завоевала Оленькино доверие и вскоре узнала печальную историю Мирека Яриша. И, пока Кованда осторожно прошуപ്പывал своего одноглазого собеседника, Оленька уже облегчила сердце и плакала в объятиях пани Рогушевой, а Гонза метался по кухне, ерошил вихры, потрясал кулаками и гневно восклицал:

— Нет, нет! Это так оставить нельзя!..

Когда Оленька успокоилась и вытерла слезы, Гонза остановился перед нею и твердо сказал:

— Слушай, девушка, все, что ты сказала, очень и очень правильно. Человека нельзя покидать в беде, особенно в нынешнее тяжелое время. Миреку обязательно надо помочь. Об этом и говорить не приходится. Только зря ты впутала в это наших стариков. Старики в таком деле — одна помеха. Я уверен, что они не договорятся, даже если до утра будут мерзнуть там, в мастерской. Мой папаша глаз на политике потерял — вышиб какой-то фараон резиновой дубинкой в тридцать шестом году, во время первомайской демонстрации, — и с тех пор он ни о чем, кроме подметок, слышать не хочет. А твоему отцу и подавно нельзя вступать в такую заваруху. Полицейский ведь, что там ни говори! Ему за такое в случае чего —

верная пуля... Ты лучше сама скажи: хочешь вправду выручить этого Мирека Яриша?..

— Хочу! Конечно, хочу!

— Тогда брось киснуть и разводите сырость. Надевай пальто, и айда. Пойдешь со мной?

Оленька была озадачена таким решительным натиском и растерянно посмотрела на пани Рогушеву.

— Не дури, Гонза! — прикрикнула та на сына. — Чего зря баламутишь девчонку? Куда она пойдет, на ночь глядя? Да и тебе нечего петушиться! Ишь какой герой нашелся! Рано тебе с огнем заигрывать. И сам пропадешь, и тому парнишке не поможешь.

— Постой, мама. Я ведь не собираюсь лезть на рожон!

— Как же не собираешься? Этого парнишку Яриша ищут гестаповцы и полиция по всему городу. На каждом шагу для него расставлены ловушки. Задерживают наверняка всех мальчишек его возраста. Ты, Гонза, и двух кварталов пройти не успеешь, как тебя схватят и отведут в участок!.. Что ты тогда в драку с ними полезешь, что ли?..

— Зачем же в драку? Дай мне сказать и не перебивай меня!

— Ну, говори. Только я знаю, что ничего путного...

— Хорошо, хорошо. Ты все-таки послушай. Я рассуждаю так. Ближайшие два-три часа Мирек обязательно проведет в парке. Если не на Вышеграде, то где-нибудь поблизости. В город он не пойдет. Как он ни напуган, а сообразить он должен, что в городе его моментально накроют. Однако гестапо не знает, где он был час назад, а мы знаем. Значит, нам будет гораздо легче его разыскать. И мы разыщем его. Разыщем и спрячем его!..

— А зачем ты тянешь за собой девчонку? — не сдавалась пани Рогушева.

— Как — зачем? Да тут и объяснять-то нечего! Во-первых, Мирек Оленьку знает, хотя он сгоряча и не поверил ей. Я бы на его месте, пожалуй, тоже не поверил, но теперь-то он уже, наверное, все обдумал и понял, что ошибся. Если она придет со мной, без отца, он поверит ей окончательно, а значит, поверит и мне. Ну, а во-вторых, гестаповцы ищут одного перепуганного гимназиста. В этом отношении они всегда строго придерживаются инструкции: раз одного, значит, одного. На влюбленную парочку они, скорее всего, просто не обратят внимания. Таким образом, с помощью Оленьки мы и доставим Мирека куда нужно. Верно, Оленька?..

— Да, конечно! В самом деле, пани Рогушева, отпустите нас! Честное слово, мы будем очень осторожны, и все обойдется хорошо!

Оленька заразилась уверенностью Гонзы и тоже стала поспешно натягивать пальто. Не успела пани Рогушева придумать новое возражение, как Гонза и девушка были уже одеты и готовы исчезнуть.

— У отца бы хоть спросила,— вздохнула женщина.— Что отец-то скажет?

— Папа не будет сердиться,— заявила Оленька.— Он будет доволен, что все так отлично устроилось. И вы, пани Рогушева, не волнуйтесь!..

— Ну, мы пошли, мама! — нетерпеливо произнес Гонза.— А ты не беспокойся. Все будет в порядке. До полуночи мы наверняка управимся. Потом я провожу Оленьку до ее квартиры и тоже явлюсь домой. Так ты и старикам передай, чтобы зря не волновались. До свиданья!..

— До свиданья, пани Рогушева! — Оленька обняла женщину и поцеловала.

— Ладно уж, упрямы, ступайте! Ни пуха вам ни пера! Да смотрите, делайте все с оглядкой!..

Пани Рогушева проводила их до прихожей. Вернувшись в кухню, она присела к столу и припнулась смотреть на старинные ходики с кукушкой, висевшие на стене. Когда кукушка прокуковала семь раз, пани Рогушева встала и отправилась в сапожную мастерскую.

11

Разговор Кованды с одноглазым сапожником затянулся. Кованда старательно прошупывал собеседника, но тот не поддавался ни на какие уловки. Был ли он членом Коммунистической партии Чехословакии? Да, был, и пан стражмистр должен это знать лучше, чем кто-либо иной. Ведь это пан стражмистр сделал его одноглазым калекой. У пана стражмистра очень тяжелая рука. Он, Рогуш, это на всю жизнь запомнил. Урок не прошел для него даром. Потеряв глаз во время первомайской демонстрации, он перестал интересоваться политикой, ушел из партии и занялся своим ремеслом... Остались ли у него связи с кем-нибудь из старых товарищей? Ровным счетом никаких! Да он и не старался поддерживать опасные связи. Немцы его уже два раза допрашивали по этому поводу: в тридцать девятом, вскоре после их прихода, а затем в сорок первом, когда началась война с Россией. Он и немцам ничем не мог быть полезен по этой линии, и они в конце концов оставили его в покое... Как он относится к новому порядку? Так же, как и все добропорядочные чехи, к которым пан стражмистр наверняка себя относит... Что он думает

о войне? Ничего. Это его не касается. Раз господа немцы воюют, значит, так нужно...

Рогуш сидел за своим низеньким сапожным столиком и одну за другой курил набивные папиросы. Кованда же восседал на высоком табурете и, облокотившись на заваленный колодками и разбитыми башмаками небольшой прилавок, раздраженно попыхивал своей трубкой-носогрейкой.

— Трудно с вами говорить, пан Рогуш! — со вздохом заявил наконец Кованда.

— Почему трудно? — удивился одноглазый. — Я, пан стражмистр, очень простой и легкий человек. Не могу я только взять в толк, что вам, собственно говоря, от меня нужно.

— Скользкий вы человек, пан Рогуш, — уныло продолжал полицейский. — Я ведь уже сказал, что пришел к вам неофициально. Потому и дочку с собой прихватил, чтобы вы не косились на меня и забыли на время, что я служу в полиции.

— Этого мне забывать не положено, пан стражмистр. Да и вам я не советую забывать об этом. Не ровен час, узнает ваше начальство про ваши неофициальные визиты к бывшему коммунисту, по головке вас за это не погладят...

Кованда торопливо изменил направление беседы:

— Вы правы, пан Рогуш. Безусловно правы. Я ведь только так сказал о доверии. Как бы испытать вас хотел. На самом же деле у меня к вам совершенно лояльное и для властей приятное предложение. Я убедился, что вы полностью свой человек и что с вами можно говорить начистоту... Правда, я не отрицаю, что пришел к вам, так сказать, по собственной инициативе, но тут важно — с какой целью. А цель у меня правильная. Я предпринимаю этот шаг, если можно так выразиться, из служебного рвения. Вы меня понимаете?..

— Не совсем, пан стражмистр. Но ваши чувства безусловно похвальны.

— Да, да, именно похвальны. Это вы отлично подметили! — подхватил Кованда. — Остальное я немедленно вам разъясню. Дело вот в чем...

Тут он глубоко перевел дыхание и, стараясь не выдать смутения, принялся не спеша чистить и вновь набивать трубку. Сердце его ныло, мысли путались. Он понимал, что своей откровенностью может погубить Мирека. Но навык полицейской работы диктовал ему именно этот шаг. Если Рогуш окажется гестаповским агентом, то, даже узнав о Миреке, он не ухудшит безнадежного положения несчастного парнишки. А если сапожник все же связан с подпольщиками, он обязательно поможет Миреку. Именно такие соображения заставили Кованду пойти на откровенность. Раскурив трубку, он выпустил облако едкого дыма и продолжал:

— Сегодня днем на заводе «Юнкерс» арестован некто Яриш, заподозренный в государственной измене. Как вам известно, пан Рогуш, гестапо в таких случаях задерживает не только самого преступника, но и всю его семью. Желу Яриша удалось взять на квартире. Остался сын, мальчишка лет шестнадцати. Он в это время был в школе. Меры, принятые для его поимки, ни к чему не привели. Мальчишка как в воду канул. Вероятно, какой-нибудь негодяй успел предупредить его. Одним словом, этот парень до сих пор бродит где-то по Праге, и гестапо не в силах разыскать его...

— Откуда вы знаете, что он где-то бродит? Вы что, видели его? — в упор глядя на полицейского, спросил сапожник.

Кованда побагровел и усиленно задымил трубкой.

— Я не знаю точно... Я не видел... Но гестапо предполагает...

— Какое мне дело до того, что там предполагает гестапо! И вообще, я отказываюсь понимать, пан стражмистр, с чего это вы вздумали поверять мне свои служебные секреты. Ведь я человек на подозрении!

Кованда всполошился:

— Ну что вы, пан Рогуш! Какие тут секреты! Об этом знают даже кондуктора трамваев!..

— И все-таки мне непонятно...

— Подождите! Одну минутку! Я все вам объясню. За поимку малолетнего преступника Мирослава Яриша гестапо назначило премию. Мне лично эта премия не нужна. Но я бы не прочь получить повышение в чине. Вот я и подумал, что хорошо бы нам с вами обделать это дело. Почему я выбрал именно вас? Это ясно как день! Вы — бывший коммунист, но тем не менее немцы вас не трогают. Значит, вы оказываете им разные услуги в этом роде, оставаясь для обывателей своим человеком. Я же нуждаюсь как раз в таком помощнике, который легко проникнет в самую гущу населения, не вызвав ни малейших подозрений, и все как следует разузнает. Премию я, конечно, целиком предоставлю вам. С меня довольно будет благодарности начальства и повышения по службе... Что вы на это скажете?

— Я скажу вам, пан стражмистр, что вы негодяй! — резко сказал сапожник. — Мало того, вы самый настоящий государственный преступник! Я вижу вас насквозь! Думаю, что гестапо будет не прочь познакомиться с вами поближе!

Кованда побелел. В груди у него что-то оборвалось, горло перехватило от страха. А Рогуш вперил в Кованду свой единственный глаз и весь дрожал, словно приготовился к прыжку.

Долгая, невыносимая тишина воцарилась в тесной мастерской. И вдруг раздался скрип двери. Мужчины вздрогнули и,

словно по команде, повернули головы. На пороге стояла пани Рогушева. Она пристально всмотрелась в суровое лицо мужа, потом в растерянную физиономию Кованды и, видимо, сразу поняла, что ни до чего хорошего эти двое не договорились.

— Кончайте болтать! — сказала она спокойно и презрительно. — Вижу, вы уже готовы вцепиться друг другу в горло. А дело-то проще простого, и дети наши уже отправились выполнять его.

Рогуш и Кованда вскочили одновременно.

— Какое дело? Кто отправился?! — крикнул сапожник.

— Куда? Почему? Кто позволил? — еле выдавил из себя полицейский.

— «Кто, куда, почему»! — передразнила пани Рогушева. — Кажется, я по-чешски вам говорю. Наши дети, то есть ваша дочь Оленька, пан стражмистр, и наш с тобой сынок Гонза, уважаемый мастер, четверть часа назад пошли спасать Мибека Яриша, которого ловит гестапо. Теперь понятно?

Потрясенные, мужчины переглянулись. Известие оглушило их обоих в одинаковой мере. Разгоревшаяся было смертельная вражда неожиданно исчезла, улетучилась, превратилась если не в дружбу, то, во всяком случае, в общую тревогу...

Первым опомнился Рогуш. Он протянул Кованде руку. Тот с готовностью схватил и пожал ее. Сапожник сказал:

— Маху мы дали, пан стражмистр! Оба мы с вами оказались в дураках. Пошли обратно на кухню... Там и продолжим нашу интересную беседу. Теперь нам есть о чем поговорить!..

12

К ночи мороз усилился. Неожиданная оттепель превратилась в опасную гололедицу...

По улице, скупо освещенной замаскированными фонарями, шли молодой парень и девушка. Крепко прижимая к себе ее локоть, он осторожно вел ее по обледеневшим плитам тротуара. Лиц их в темноте не было видно, но они, наверное, светились счастливыми улыбками. Их приглушенных голосов не было слышно, но о чем могли болтать эти едва оперившиеся птенцы, кроме как о своем маленьком и простеньком счастье!.. Молодость сильнее войны и невзгод!

В темном подъезде, переминаясь с ноги на ногу, зяб один из молодчиков шарфюрера Вурма. Проводив парочку завистливым взглядом, он отвернулся и снова принялся внимательно разглядывать темные силуэты прохожих. Гонза Рогуш и Оленька Ковандова так и не заметили агента гестапо.

— Куда мы идем, Гонза? — тихо спросила Оленька. — Ведь

если к Вышеграду, то нам нужно в другую сторону. А лучше всего выйти на главную улицу и сесть на трамвай...

— Погоди ты с Вышеградом! — досадливо прошептал в ответ Гонза. — Прежде нужно все подготовить, а потом уж и действовать!

— А что тут готовить? Ведь ты сам говорил, что мы должны идти к Вышеграду. Или ты струсил? Тогда так прямо и скажи.

— Не понимаешь, так лучше помолчи. Матери я наговорил первое, что взбрело в голову, лишь бы поскорее удрать. А на самом деле у меня другой план, и выполнять его будем не только мы с тобой, а еще большая группа людей... Это не так просто, как тебе кажется.

— Какая группа? О чем ты говоришь?

— О деле говорю. Только вот не знаю еще, как быть с тобой, — замаялся Гонза.

— Говори сейчас же, в чем дело, а то я никуда с тобой не пойду! — заявила Оленька и отняла руку.

— Идем, идем! Не время теперь фокусы показывать! — Он снова подхватил ее под руку и, немного подумав, спросил: — Ты, Оленька, умеешь держать язык за зубами?

— Умею, когда надо. А что?

— А то, что в нашем деле это особенно важно. Хочу я тебе доверить одну серьезную тайну. Только ты должна поклясться, что никому и ни при каких обстоятельствах ее не выдашь. Ни отцу, ни матери, ни подругам. Клянешься?

— Клянусь, Гонза!

— Даже под пытками не выдашь?

— Даже под пытками...

— Ну смотри. Я тебе верю. Верю прежде всего потому, что ты сама теперь идешь на опасное дело. Значит, ты девчонка крепкая и надежная.

Гонза немного помолчал, словно собираясь с мыслями. Оленька терпеливо ждала, хотя и сгорала от любопытства. Наконец Гонза наклонился ниже к ее уху:

— Слушай. Я изложу тебе все в двух словах... Это еще до войны началось. Мы тогда лопухими мальчуганами были и придумали это, чтобы побыстрее собирать свою ватагу. Играли, одним словом. Каждый вызывал из дому двоих, каждый из этих двух вызывал других двоих, и так далее, по цепочке. Таким образом наша компания мигом собиралась в нужном месте. Когда пришли эти фашистские гады, мы сохранили игру и постепенно превратили ее в... организацию такую. Ты понимаешь?

Оленька молча кивнула.

Гонза продолжал:

— Сначала нас было всего десятка три, а теперь нас много, очень много. Это все ребята четырнадцати — шестнадцати лет, ученики пражских ремесленников, от слесарей до трубочистов. Ребята верные, дружные. Есть и гимназисты, но... А впрочем, пока никаких «но». Вот, больше тебе, пожалуй, сейчас знать и не нужно. Ну, понятно?

— Понятно, — не без робости прошептала Оленька. — Только что же вы делаете?

— Всякое, — ответил Гонза. — Вот сейчас попробуем заняться твоим Мирославом Яришем.

— А куда мы идем?

— Куда? Первым делом нужно созвать ребят и разработать план. На это уйдет не больше часа. А потом... Думаю, к девяти часам Мирека будут искать сотни отборных пражских парней. Вот тогда и посмотрим, чья возьмет. Руку даю на отсечение, что к одиннадцати часам Яриш будет с нами!

Оленька была потрясена. Тайная организация, разработка планов, сотни бесстрашных парней! У нее даже дух захватило.

— Ой, какие же вы молодцы, Гонза! — воскликнула она восторженно и тут же озабоченно спросила: — А девочек вы принимаете?

— Есть у нас и девчонки... — небрежно ответил тот.

Они свернули в совершенно темный переулок. Пройдя шагов тридцать, Гонза остановился у подъезда.

— Подожди меня здесь, Оленька! — скороговоркой зашептал он. — Я мигом обернусь. Мне нужно только вызвать одного, а потом еще другого, который живет неподалеку отсюда. А потом я поведу тебя дальше. Подождешь?

— Подожду, — шепнула в ответ Оленька. — Беги!

13

Вернувшись, Гонза поехал с Оленькой на трамвае в центр города. Они вышли на Вацлавской площади. Здесь было ещелюдно и шумно.

До войны эта главная артерия города сияла потоками электрического света, переливалась разноцветными огнями неоновых реклам. Теперь же она была окутана мраком, который лишь кое-где пронизывали скудные лучи замаскированных фонарей. Фасады домов казались слепыми. Очертания крыш сливались с ночным небом. Лишь кинематографы, кабаре и ночные бары были освещены более сильно, и в них буквально кишели разные подозрительные типы и крикливо разодетые женщины.

Гонза и Оленька поспешно пробрались через людской поток и свернули в примыкавшие к Вацлавской площади узкие и темные улочки Старого Города. Оленька, коренная пражанка, конечно, не раз бывала в этом районе, но она даже днем всегда путалась в лабиринте тесных переулков, неожиданных тупичков и сложной системы проходных дворов. В темноте она сразу потеряла ориентировку и уже через минуту понятия не имела, куда Гонза ее ведет. А он шел уверенно, без колебаний сворачивал в самые немыслимые щели меж черными громадами старинных домов, пересекал пустые дворы.

— А ну-ка, скажи,— обратился Гонза к девушке,— где мы теперь с тобой проходим?

— Не представляю себе...— смущенно призналась Оленька.

— Это хорошо, что не представляешь,— удовлетворенно сказал Гонза.— По правилам мне следовало завязать тебе глаза.

— Зачем?

— Да все затем же. Но раз ты здесь впервые, да еще в такой темноте... Ты и так все время спотыкаешься. Осторожно, теперь сюда...

Они вошли в темные ворота и, миновав их, очутились в глухом дворе, напоминавшем холодный каменный мешок. Гонза остановился.

— Вот мы и пришли. Теперь нужно вести себя тихо...

С минуту он чутко прислушивался, затаив дыхание. Во дворе стояла могильная тишина. Стены домов уходили ввысь и мрачно щурились слепыми глазницами узких черных окон. В бездонном провале неба одиноко трепетала маленькая звездочка. Сюда не доносились даже обычные городские шумы.

— Все в порядке. Идем...

И Гонза повел Оленьку к черной стене дома.

У стены Гонза остановился, пошарил в кармане, затем послышалось легкое царапанье железа по железу. Что-то два раза щелкнуло, и раздался скрип отворяемой двери.

— Заходи! — чуть слышно шепнул Гонза.

Оленька зажмурилась и храбро шагнула в еле видимый черный дверной проем. Гонза последовал за ней, не выпуская ее руки. Шаг, другой... Он остановил ее:

— Стой, не двигайся! Дальше будет лестница. Упадешь с нее — костей не соберешь... Нужно еще закрыть и запереть дверь.

Девушка замерла на месте в непроглядной, крошечной тьме. Она услышала, как Гонза прикрывает тяжелую дверь, как он осторожно нащупывает ключом замочную скважину. Щелк-щелк... Затем послышался еще один щелчок, но более мягкий, и Оленька невольно зажмурилась от яркого света.

Правда, ярким он показался ей только в первую минуту. Горела маленькая запыленная лампочка.

Не успела девушка осмотреться, как Гонза вновь подхватил ее под руку и повел по каменным ступеням лестницы, круто уходящей в подполье. Воздух здесь был сухой, теплый, хотя и затхлый.

— Что это тут? Котельная? — спросила она шепотом.

— Нет. Откуда здесь быть котельной, в таких средневековых хоромаш? Здесь просто глубокий подвал, а дальше будет склад всякой старой рухляди.

— Чей склад?

— Не все ли равно, чей? Старьевщика одного... Или, если хочешь, антиквара...

— А он знает, что вы тут собираетесь?

— Вот еще! Конечно, не знает.

— И вы не боитесь?

— Ох, до чего же ты любопытная девчонка! — воскликнул Гонза укоризненно. — «Знает, не знает»!.. Да разве мы полезли бы сюда, если бы это место не было самым безопасным в Праге? Хозяин склада и не подозревает о нашем существовании. Но у хозяина есть дочка твоих лет, смелая девчонка. Вот она и оборудовала для нас в тайном папашинном складе штаб-квартиру. Отец ее тут спрятал самые ценные антикварные вещи, чтобы фашисты не скупили их и не утащили в свой фатерлянд. Торгует он сейчас всякой ветошью, а склад бережет до окончания войны и оккупации. Так что пока мы тут в полной безопасности. Ну, а после войны это убежище нам больше не понадобится...

Они спустились с лестницы и двинулись по узкой сводчатой галерее, в конце которой оказалась еще одна железная дверь. Гонза отомкнул ее другим увесистым ключом, вошел и щелкнул выключателем. Несколько ступенек за дверью вели прямо в помещение склада...

14

Тусклая лампочка над входом озаряла мягким светом ближайшие предметы. Дальше все тонуло в полумраке.

Сразу перед ступеньками Оленька увидела двух рыцарей, закованных в латы. Несмотря на толстый слой пыли, покрывавшей их плечи, они производили впечатление настоящих живых стражей. Широко расставив ноги, они опирались металлическими руками на устрашающего вида алебарды. Прямо перед рыцарями стоял большой секретер старинной работы, весь в затейливых инкрустациях. На нем в беспорядке

громоздились бронзовые и мраморные статуэтки, настольные часы под стеклянным колпаком, тяжелые резные чернильницы, разнообразные пресс-папье и стопки толстых книг в кожаных переплетах с медными застежками. На почерневших от времени каменных стенах, плавно переходивших в высокий сводчатый потолок, висело старинное оружие, картины в массивных рамах, охотничьи трофеи. Под потолком тянулись вереницы хрустальных люстр. В полумрак уходили ряды шкафов, шифоньеров, диванов, трюмо, кресел, заваленных грудami всевозможных вещей, начиная с фарфоровой посуды и кончая богато расшитыми седлами и рулонами тяжелых ковров. Все было в пыли, паутине. Сухой воздух был насыщен крепкой смесью непонятных запахов.

Оленьке казалось, что она попала в какое-то заколдованное царство.

— Ну, как тебе нравится наша нора? — спросил Гонза.

— Прямо чудеса! — отозвалась она, не в силах оторвать взгляд от всех сокровищ.

— Никаких чудес. Все это старый, никому не нужный хлам, — заявил Гонза. — Пошли!

Оленька хотела возразить, что он ничего не понимает, но побоялась его обидеть. Гонза узким проходом повел ее к дальней стене помещения. Там, в углу, шкафами была отгорожена небольшая площадка, посредине которой стоял круглый стол на витых ножках. На столе красовался тяжелый бронзовый канделябр с толстыми свечами. Вокруг теснились старинные кожаные кресла.

Свет слабой электрической лампочки сюда почти не доходил. Гонза вынул спички и зажег свечи.

— Садись, Оленька, — сказал он. — Вот хотя бы в это кресло. Оно самое удобное. На нем когда-то сидел сам князь Шварценберг.

Но Оленька не успела ни рассмотреть кресло князя Шварценберга, ни расположиться в нем. Заскрипела железная дверь, и в проходе послышались осторожные шаги. Через минуту из-за шкафов вышли двое парней. При виде их Оленька вскрикнула и спряталась за Гонзу.

Это были парни как парни — один в поношенном пальто, другой в куртке с замками-«молниями». Никакого оружия при них не было. Но лица их были закрыты платками. Виднелись только глаза, поблескивавшие из-под надвинутых на лоб кепок. Это придавало им злобный, разбойничий вид.

— Испугалась? — рассмеялся Гонза. — Это свои. Не бойся...

— А почему у них закрыты лица? — тревожно спросила Оленька.

— Потому что так нужно,— ответил Гонза.— Я сказал им о тебе и велел замаскироваться платками. Не обижайся, но ты ведь еще не наша, и тебе нельзя знать в лицо этих ребят... Правильно я говорю, товарищи?

Пришедшие молча кивнули и продолжали стоять поодаль, с любопытством разглядывая Оленьку. Гонза подошел к ним, и они о чем-то зашептались. Мало-помалу Оленька успокоилась и села на мягкое кресло князя Шварценберга.

Вновь загрохотала железная дверь, и на площадке у круглого стола появились еще четверо. Они тоже пришли с закрытыми лицами и вместо приветствия лишь кивнули Оленьке. Один из них сразу же привлек ее внимание. Это был стройный невысокий мальчик в большом, не по росту, плаще-накидке. Голову его украшала широкополая шляпа, лицо было скрыто под настоящей черной маской. Что-то отличало его от остальных парней — не то мягкость движений, не то манера держаться. «Да ведь это девушка! — догадалась вдруг Оленька.— Конечно, это девушка, и она, вероятно, и есть хозяйка штаб-квартиры...»

Девушка уверенно приблизилась прямо к столу и с минуту бесцеремонно рассматривала Оленьку. Затем она разложила на столе план Праги. Гонза и остальные ребята заняли места в креслах. Совещание началось...

Оленьку настолько захватили романтические подробности ее неожиданного приключения, что на какое-то время она не то чтобы забыла, а как-то перестала ощущать свою главную заботу — заботу о спасении друга.

Но едва за круглым столом зазвучали простые, строгие слова, как наваждение мигом улетучилось. Страх за судьбу Мирека с новой силой овладел Оленькой. Более того, ей даже подумалось, что все приготовления идут слишком медленно, что напрасно теряется драгоценное время. С досадой и нетерпением стала она следить за ходом совещания.

Говорил один Гонза. Остальные лишь слушали, изредка подавая реплики явно измененными голосами. Вероятно, это тоже делалось по приказу Гонзы для конспирации. Оленька догадалась, что Гонза тут, очевидно, самый главный, и мысль, что она знакома именно с ним и что он один перед ней не скрывается, очень ее обрадовала.

Гонза рассказал своим товарищам историю Мирека со всеми подробностями. Закончив рассказ, он обратился к Оленьке:

— Правильно я все изложил, товарищ Ковандова?

— Правильно,— вздохнула Оленька и тихо добавила: — Только ты не сказал, Гонза, что я тут кругом виновата. Даже больше всех. Я ведь видела Мирека и говорила с ним и не сумела убедить его...

— Ты и не могла убедить его,— спокойно заметил Гонза.— У тебя нет опыта в такой работе...

Он склонился над планом города Праги и указал пальцем на зеленые полосы Вышеграда:

— Здесь Мирек находился три часа назад. Здесь надо искать особенно тщательно. Сколько человек мы можем вызвать из местных вышеградских ребят?

— Сорок пять! — быстро отозвалась хозяйка.

— Сорок пять? Это мало,— сказал Гонза.— Придется им подкинуть человек сто из соседних районов. Но в этих районах тоже нужно искать. Если Мирек все-таки попытается уйти из Праги, он скорее всего пойдет либо через Подоли и Браник на Модржаны, либо через Нусли и Крч в Крчский лес.

— А Новый Город? — искусственным басом спросил один из парней.

— В Новый Город он пойдет только в том случае, если захочет пробиться к какому-нибудь из центральных вокзалов. Будем надеяться, что такая сумасшедшая мысль ему не пришла в голову, так как в Новом Городе его могут схватить в любую минуту. Это, конечно, не значит, что в Новом Городе вообще искать не нужно. Но там мы вполне можем обойтись силами местных ребят. Сколько их там у нас?

— Тридцать четыре человека,— немедленно ответила хозяйка склада.

— Более чем достаточно,— удовлетворенно сказал Гонза и продолжал: — В других районах города, даже самых отдаленных, вызовем тоже всех. Надо учитывать, товарищи, что после встречи с Оленькой на Вышеграде Мирек из страха облавы мог убежать в любом направлении. Три часа — немалый срок. За такое время можно перебраться в другой конец города. Возможно, что Мирек находится сейчас где-нибудь в Коширжах, в Либоце или в Трое. Одним словом, искать будем везде... А теперь о некоторых деталях. Прежде всего — о транспортировке. В каком бы районе мы ни обнаружили Мирека, нам придется доставить его сюда, в штаб-квартиру. Более надежного убежища нам не придумать. Конечно, он останется здесь лишь на очень короткое время.

С последней фразой Гонза обратился к хозяйке. Та согласна кивнула. Гонза продолжал:

— Довести его сюда пешком будет трудно: и долго и опасно. Трамвай и такси отпадают сами собой. Остается велосипед. В каждом районе нужно приготовить и держать на условленных местах велосипеды. Значит, у кого из ребят они есть, пусть их непременно прихватят с собой. На задание выходить в рабочих спецовках. Всем трубочистам, пекарям, малярам... Это очень важно. Первым делом, после того как Мирек будет

найден, его необходимо переодеть в любую рабочую одежду. Конечно, самой подходящей была бы спецовка пекаря или трубочиста. Тогда Миреку можно выпачкать лицо мукой или сажей. А у пекарей есть еще и то преимущество, что они развозят свои булки на велосипедах и на них даже ночью никто не обращает внимания. На худой конец, сойдет и одежда маляра или просто рабочая блуза. Как я уже сказал, доставить Мирека нужно сюда, в штаб. Местные ребята могут проводить его до Староместской площади. Сопровождающих — не более двух человек. Один пусть едет на велосипеде впереди и выискивает самую безопасную окольную дорогу, а второй — на некотором расстоянии сзади, для прикрытия. На Староместской площади, возле памятника Яну Гусу, буду дежурить я сам. Оттуда я лично провожу Мирека в штаб. Связных посылать тоже к памятнику. Пароль для этой операции будет «Ольга», ответ — «Верность»... Ты, товарищ Ковандова, и ты, — он повернулся к хозяйке, — останетесь здесь и приготовите все необходимое для Мировлава Яриша...

Оленька молча кивнула, а хозяйка сказала:

— Есть приготовить помещение, товарищ командир!

Гонза обвел всех взглядом и, немного подумав, сказал:

— Ну вот, кажется, и все. Вопросы есть?

— Есть! — прохрипел парень с искусственным басом.

— Давай, коли есть!

— Что делать, товарищ командир, если наши ребята обнаружат Мирека как раз в тот момент, когда его будут хватать гестаповцы?

Гонза нахмурился и с минуту молча ковырял спичкой в оплывшем с канделябра мягком стеарине. Парни с закрытыми лицами уставились на него из-под кепок разгоревшимися глазами. Оленька насторожилась. Наконец Гонза откашлялся и тихо произнес:

— Мы не имеем права рисковать, товарищи. У нас нет оружия. Я лично считаю нелепым терять наших ребят и ставить под угрозу всю организацию ради спасения одного человека.

— Это нечестно! — не удержавшись, вскричала Оленька.

— Не согласны!.. Не имеем права бросать его!.. Это плохо!.. Будем драться!.. — возбужденно заговорили парни, позабыв о необходимости изменять голос.

Только хозяйка молчала и пристально смотрела на Гонзу.

— Погодите! Зачем шуметь? — Гонза поднялся со своего кресла. — Покуда я командир и вы признаете меня своим командиром, я отвечаю за организацию и за любого ее члена. Я не могу допустить ненужного ухарства. Это не только мое право, но и мой долг. Но это не значит, что я вообще запрещаю ка-

кое бы то ни было вмешательство, если Мирек будет обнаружен в подобную критическую минуту. Решать в таких случаях нужно будет на месте и с молниеносной быстротой. Если обстановка позволит вмешаться без особого риска, то я, конечно, не возражаю. Но я решительно запрещаю вступать с гестаповцами в открытую драку. Это плохо кончится и для Мирека, и для нас... А теперь довольно разговоров. Время не ждет. Предлагаю немедленно приступить к операции. Сколько на твоих часах, Власта?..

— Двадцать сорок три, товарищ командир! — весело ответила хозяйка и вдруг сдернула с лица свою черную маску.

Оленька увидела миловидное бледное лицо с тонкими чертами и задорные голубые глаза.

— Ты зачем это? — опешил Гонза.

— Считаю, что для меня это совсем лишнее!

— Почему?

— Потому что ты сам раскрыл, что я не мальчишка, и назвал мое имя. Это раз. Потому что с маской на лице мне неудобно будет здесь работать. Это два. А в-третьих, я считаю, что друзьям нужно доверять, товарищ командир! — Она повернулась к Оленьке и протянула через стол руку: — Давай знакомиться. Я Власта Нехлебова.

Девушки крепко пожали друг другу руки. Гонза взъерошил свои вихры, хотел что-то возразить, но передумал и только махнул рукой. Затем он крепко пахлобучил на голову кепку и, повернувшись к пятерым парням, коротко бросил:

— Айда, ребята!

Не сказав больше ни слова, он быстро направился к выходу. Парни вскочили и молча двинулись за своим командиром.

— Желаю удачи! — крикнула им вдогонку Власта.

В ответ ей лязгнула железная дверь. Девушки остались одни на диковинном складе...

15

Гнев сильнее страха. Возмущенный чудовищным предательством Оленьки, Мирек долго блуждал по пустынным аллеям Вышеградского парка, отдавшись новым мучительным переживаниям. В нем крепло негодование, подавляя все остальные чувства. Прижав к груди свой портфель с учебниками, он шагал с опущенной головой, не разбирая дороги, сворачивая на первые попавшиеся дорожки, занесенные снегом, и бормотал:

— Гнусное полицейское отродье! Подлая, мерзкая тварь! Лицемерка проклятая! Нет, погоди, я отомщу тебе! Я жестоко

накажу тебя! Накажу!.. Ты еще узнаешь меня! С оладьями подъехала, с помощью! А сама собиралась к своему отцу заманить! Выдать этому палачу-предателю!.. Нашла дурака! Меня не так просто взять, как ты думаешь! Я еще постою за себя! А тебе не миновать расплаты! Нет, не миновать! Наступит время, когда я все тебе припомню!..

Бастионы, собор, могилы и черные деревья внимали бесильным угрозам оскорбленного юноши и молчали. А мороз все крепчал, все беспощаднее вгрызался в лицо, в дрожащие от усталости колени. Надвигающаяся ночь готовила тысячи опасностей...

Спасаясь от холода, Мирек зашел в один из бастионов. В их мрачных полуобвалившихся казематах, заваленных всяким мусором, было еще холоднее и тоскливее, чем под открытым небом. Постояв немного в темноте под черными сводами, Мирек подумал, что неплохо было бы бросить здесь портфель с учебниками. К чему его таскать с собой, раз он больше никогда не понадобится?.. Но бросить учебники было нестерпимо жаль. Миреку казалось, что тогда оборвется последняя связь с нормальной жизнью. Он не бросил портфеля и, покинув негостеприимные развалины, снова стал кружить по заснеженным аллеям парка...

Шел час за часом. Незаметно для себя он все ближе подбирался к месту свиданий с Оленькой, к их «заветному месту».

Взглянуть в последний раз?.. Он сделал широкий круг и другой стороной вышел к кособоку, круто спускавшемуся к набережной.

Стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы не скрипел под ногами снег, уже подернутый корочкой льда, часто останавливаясь и прислушиваясь, напряженно всматриваясь в темноту, он приблизился к одинокой скамье. Несколько минут он неподвижно стоял за кустами, затаив дыхание... Кругом царила глубокая тишина. Тогда он вышел из укрытия. Пусто. Ни души.

Ушла! Ушла совсем?.. Или, может, она уловила шорох его осторожных шагов и затаилась вместе со своим отцом где-нибудь поблизости? Нелепая мысль! Как она могла знать, что он вернется сюда?.. Более правдоподобно, что ее папаша уведомил гестапо о месте его пребывания и теперь на него готовится облава! Парк, наверное, будут прочесывать. Только бы не вздумали натравливать на него собак. Нет, надо все-таки уходить, пока не поздно, пока не захлопнулась окончательно эта вышеградская западня!

Тишина стала казаться обманчивой, предательской. Тьма очерилась тысячами ружейных стволов. Только город в от-

далении продолжал равнодушно шуметь и тяжело вздыхать, засыпая...

Насторожившись, с нервами, натянутыми до предела, Мирек, крадучись, пошел прочь.

16

Из Вышеграда можно выйти по многим направлениям. Можно извилистыми тропками спуститься к набережной Влтавы, можно через улочку в крепости пробраться в район Нусли, можно через несколько аллей и дорог выйти прямо в Новый Город. Мирек выбрал самые глухие тропинки, выходящие на улицу Люмира на границе Нуслей и Нового Города.

Он торопливо шагал, избегая открытых мест и истоптанных тропок, на которых можно было встретить случайных запоздалых прохожих. На пути ему попалась заброшенная, полуразвалившаяся беседка. Он хотел укрыться в ней, чтобы немного отдохнуть (ноги у него уже ныли от многочасовой ходьбы), но передумал и пошел дальше. Беседка осталась за спиной, когда впереди вдруг послышался разговор и скрип чьих-то тяжелых шагов. Навстречу шли люди.

Мирек замер на месте с бешено стучащим сердцем. Что делать? Шаги приближались, грубые мужские голоса становились все явственнее. Размышлять было некогда. Он повернулся и побежал назад. Снег предательски скрипел у него под ногами. Достигнув беседки, Мирек бросился в нее прямо через кусты. Он забился в темный угол, затаился, как зверек, с ужасом сознавая, что те, неизвестные, не могли не слышать его бегства — скрипа снега, хруста ломаемых кустов, — что они, если пожелают, без труда найдут его в этом ненадежном убежище...

Шаги неизвестных приближались. Хруп, хруп, хруп! Мирек крепко зажмурился, но тут же снова раскрыл глаза: опасность нужно видеть, тогда не так страшно! Через дыры в стене беседки можно было разглядеть белую полосу аллен. Мирек устоялся на нее.

Минута, другая... На аллее показались два темных силуэта. Мирек с ужасом увидел полицейские каски.

«Начинается! — мелькнула отчаянная мысль, а за ней, как молния, мелькнула другая: — Вот она, работа проклятой предательницы! Уж не ее ли папаша один из этих? Тогда не жди пощады...»

Мирек до боли в суставах сжимал ручку портфеля. В эту минуту, перед лицом настоящей опасности, он еле владел собой и чуть себя не выдал...

Полицейские остановились перед беседкой. Они находились не более чем в двадцати шагах, так что Мирек отчетливо слышал каждое произнесенное слово.

— Это был, наверное, он! — сказал один полицейский. — Кому другому взбредет в голову бродить здесь в темноте и шарахаться от людей... Ты слышал, как он задал стрелка?

Говоривший нетерпеливо переступал с ноги на ногу и энергично жестикулировал. Спутник же его был, видимо, человек спокойный и рассудительный. Он ответил лениво и равнодушно:

— Слышал. Ну и что же?

Первый взмахнул резиновой дубинкой и указал на беседку:

— По-моему, он залез вот в эту клетушку. Обыщем?

— Не стоит, — возразил второй. — Я уверен, что это была просто бродячая собака... А впрочем, пусть даже и не собака. Нам-то какое дело! Служи, лови всяких отчаянных прохвостов, а оружие — дубинка да пустая кобура. Тьфу!..

Он сплюнул и закурил сигарету.

— Ты думаешь, он вооружен? — беспокойно спросил первый.

— Все может быть. Ты как хочешь, а я не намерен таскать для господ гестаповцев каштаны из огня голыми руками. Задания давать они умеют, а паршивый пистолет доверить боятся. Ну что хорошего, если из этой беседки в тебя влепят порцию свинца? Да я и не верю, что этот Яриш где-нибудь шляется. Он, наверное, не дурак парень, коли сумел от гестаповцев уйти. С чего бы ему околачиваться в городе и ждать, когда его заметят и схватят? Я бы на его месте знал куда пошел?

— Куда?

— На вокзал Масарика.

— По самым людным улицам?

— Вот именно. Где много людей, там один всегда затеряется, как капля в море.

— Ну хорошо. А как бы ты пробрался на вокзал и к перронам? Там ведь железнодорожная охрана в оба смотрит, да и тайных агентов хоть пруд пруди...

— А я бы и не пошел через здание вокзала. Ты ведь знаешь, что со стороны улицы Флоренции территория Масарикова вокзала огорожена кирпичной стеной. Так вот, в самом конце этой стены, там, где улица сворачивает налево, есть маленькая калитка, вроде как бы черный служебный лаз для путейцев. Эта калитка никогда не замыкается, ни днем ни ночью. Через нее можно пройти прямо к железнодорожному полотну. А там забраться в темноте в собачий ящик вагона

или забиться в теплушку с какими-нибудь мешками — проще простого...

— Ну, не всякий про эту калитку знает и не всякий решится идти, когда его ловят, через многолюдные улицы.

— Тот парнишка мог бы отважиться. Ему ничего другого не остается, может и рискнуть... Холодно как становится к ночи. Пошли, что ли?

— Может, заглянем все-таки?

— Как хочешь. А я пошел.

— Ладно. Пойдем.

Они размеренным шагом двинулись прочь. Вскоре их шаги затихли в отдалении. Это ошеломило Мирека. Ему было абсолютно ясно, что в поведении рассудительного полицейского сказывались не только недостаток служебного рвения и нежелания получить порцию свинца. Было в нем что-то другое, безусловно хорошее и человеческое. Как ловко он запугал товарища, которому явно хотелось выслужиться, как подробно рассказал про калитку в стене вокзала! А ведь он тоже полицейский, тоже служит правительству протектората и немецким оккупантам... Значит, не все они предатели. А вдруг и Кованда?.. Ведь и Кованда может быть таким!.. Но это значит, что зря он, Мирек, не поверил Оленьке, зря так жестоко оскорбил ее!

Мысль о том, что Оленька не предательница, что и она и ее отец с риском для себя хотели помочь ему, хлестнула Мирека прямо по сердцу. Он весь горел от стыда за свою неблагодарность и обругал себя мысленно самыми последними словами. Мирек снова вышел на аллею. Теперь у него был совершенно ясный план действий. Стараясь согреться, он быстро двинулся вперед. На хруст снега под ногами он больше не обращал внимания. Темнота не казалась ему страшной. Всем существом своим он отдался новому радостному чувству — близости к людям, веры в их доброту, честность, дружбу.

Нет больше одиночества и обреченности! Нет чужого равнодушного города! Есть родная Прага, которая не выдаст! Есть преданная Оленька, готовая ради него на любые жертвы!.. Стоит жить и бороться, когда знаешь, что ты не одинок...

Мирек пересек весь Вышеград, спустился с него по извилистой дороге, петляющей среди высоких стен старинной крепости, и через Братиславову улицу вышел в район Нового Города.

Он твердо решил воспользоваться калиткой в стене вокзала и выбраться из Праги на поезде.

В половине десятого Миреку оставалось около трети пути до вокзала Масарика. Он шел самой прямой дорогой, не избегая ни людской толпы, ни подслеповатых фонарей. Шел и размышлял о том, как он до утра будет ехать в товарном вагоне, как выскользнет из него незаметно на далекой глухой станции и пойдет через леса, через снега в горы, к партизанам. Сама собой возникла мысль, что на дорогу не мешало бы основательно подкрепиться или, на худой конец, прихватить с собой что-нибудь съестное. Он вспомнил о деньгах и продуктовых карточках, переданных ему заботливой пани Стаховой, и решил зайти в ресторан.

В те времена Прага изобиловала всякими кабачками, трактирчиками, пивнушками. Они попадались буквально на каждом шагу. В них подавали жидкое пиво, лимонад, подслащенный сахарином, подозрительные блюда из всяких эрзацев.

Мирек выбрал тихий кабачок в темном переулке. В лицо ему пахнуло кислым запахом пивных испарений, едким табачным дымом, но самое главное — теплом. Народу здесь было немного: несколько рабочих, два-три старичка и полная женщина в поношенном платье. За стойкой возвышался грузный хозяин с красной склеротической физиономией и усами. На Мирека почти никто не обратил внимания. Только хозяин при виде его слегка вздрогнул, кашлянул в кулак и подкрутил усы.

Подойдя к столику, за которым сидела женщина, Мирек робко спросил:

— Тут не занято? Можно мне присесть?

— Садись, птенец! Не занято.

Мирек опустился на стул. Портфель с учебниками он поставил у себя в ногах. Его промерзшее, закоченевшее тело постепенно отогревалось. Ему казалось, что никогда в жизни он не сидел на таком удобном стуле, в такой уютной и светлой комнате.

Подошел пожилой официант в лоснящемся от жирных пятен черном смокинге, с грязным полотенцем под мышкой.

— Что угодно молодому пану?

— Что-нибудь поесть...

— А как у вас с карточками?

Мирек поспешно сунул руку в карман и выложил на стол розовые листочки.

— Вот на мясо, на хлеб.

— А жиры?

— Жиров нету...

— Гм... Ну ладно. Отрежем вместо жиров мясо. Есть от-

варная говядина с картофелем и соусом или свиной бок с кнедликом. Супу тоже?

— Да, тоже... А на второе говядину.

— Пива?

— Можно и пива...

Приняв заказ, официант удалился. Когда он проходил мимо стойки, хозяин поманил его к себе и шепнул что-то на ухо. Но Мирек не видел этого, так как в этот момент женщина неожиданно обратилась к нему:

— Ты кто же будешь, хлопчик? Студент или гимназист?

— Студент...

— Молоденький ты студент, совсем молоденький. А чему же ты учишься?

Мирек залился краской, но продолжал врать без запинки:

— На юридическом.

— Ага, адвокатом, значит, будешь. Молодец. А мой сынок в официанты подался. Здесь учиться. Должно быть, сейчас на кухне где-то. Вон тот, толстомясый,— хозяин его. Да не столько он тут учится, сколько мучится... С виду он не моложе тебя, но по годам, наверно, моложе. Ты ж ведь студент уже!.. А у моего жизнь трудная. Гоняют с утра до ночи. И подай, и помой, и прибери. А голова у него светлая, у Франтика моего. Тоже бы, поди, мог на адвоката учиться...

Мирек не знал, что ответить, и упорно глядел в стол.

Снова подошел официант. Он поставил перед Миреком тарелку и налил в нее из чашки теплой водицы с желтыми блестящими маргарина и с тремя нитками вермишели. Мирек поспешно взялся за ложку, чтобы избежать беседы со словоохотливой соседкой.

В эту минуту в комнате появился худощавый большеротый парнишка в черном засаленном пиджачке. Увидев Мирека, он широко раскрыл глаза и на мгновение замер у стойки с полукруглым ртом.

— Держи пиво, чучело, и неси вон тому молодому пану! — рявкнул хозяин.

Парнишка опомнился, закрыл рот и, подхватив кружку с пивом, со всех ног бросился к Миреку.

Поставив кружку на фарфоровое блюдечко, он выхватил из-под мышки тряпку и принялся усердно вытирать и без того сухой стол.

— Стараешься, Франтик? — улыбнулась сыну женщина.

Но Франтик не ответил и даже не взглянул на нее. Было видно, что он чем-то крайне взволнован. Несколько мгновений он молча тер стол, словно собираясь с духом, и вдруг быстро-быстро затараторил приглушенным, охрипшим от волнения голосом:

— Если ты Мирек Яриш, тебе нельзя оставаться здесь ни одной минуты. Наш обер уже куда-то звонит по телефону. Ему хозяин приказал. Определенно в полицию. О том, что ты здесь. Если ты в самом деле Мирек Яриш, пей пиво и молчи. Я скажу тебе все остальное...

Парнишка вздохнул и продолжал тереть стол, не глядя на Мирека. Женщина с изумлением смотрела на сына. Мирек же был совершенно оглушен. Сильно побледнев, он устоялся на паренька, как на выходца с того света. Однако все же схватил дрожащей рукой кружку с пивом и отпил несколько глотков.

Франтик продолжал тереть стол и, глядя прямо в глаза своей матери, снова зачастил чуть слышной скороговоркой:

— Мирек Яриш, немедленно уходи отсюда. Брось все и уходи. Моя мать заплатит за твой суп и пиво. Иди скорей на Вышеград. Там, на паперти собора Петра и Павла, тебя ждут двое верных ребят. Пароль — «Ольга», ответ — «Верность». Эти ребята проводят тебя в надежное убежище. Все.

Паренек сунул тряпку под мышку, выхватил из-под носа у Мирека тарелку с недоеденным супом и убежал с нею на кухню.

Миреку казалось, что все это происходит во сне. Он поднял глаза на женщину. Та ответила ему перепуганным бессмысленным взглядом и беззвучно зашевелила побелевшими губами. Мирек быстро оглядел посетителей. Они спокойно распивали пиво, громко разговаривая о своих делах. Тогда Мирек метнул осторожный взгляд на хозяина заведения и, встретившись с его угрюмыми медвежьими глазками, тотчас же опустил голову. Он понял, что Франтик прав. Этот уса́тый толстяк явно что-то замыслил. Мирек решил действовать без промедления. Взяв одной рукой кружку пива, он другой нащупал под столом ручку портфеля. Выпив пиво до дна, он медленно поставил кружку на блюдечко и вдруг, рывком поднявшись, метнулся к выходу. Он услышал, как яростно закричал хозяин, как взвизгнула от испуга женщина. Через несколько секунд он уже мчался по темному переулку.

На первом же углу Мирек остановился и, тяжело дыша, прислушался. Погони не было. Вероятно, хозяин решил, что ему при его комплекции не угнаться за проворным мальчишкой, а из посетителей никто не поддержал его. Отдышавшись, Мирек обошел несколько кварталов и с другой стороны направился к площади Карла.

Его била нервная дрожь, но чувствовал он себя превосходно. Пережитое приключение необыкновенно взбодрило его. Он еще раз убедился, что в городе у него много друзей, каким-то чудом узнавших о его беде и готовых протянуть ему руку помощи. Но своего первоначального плана он менять не хотел.

Перспектива уехать из Праги на поезде казалась ему слишком заманчивой. Он уже свылся с мыслью о путешествии в товарном вагоне в горы, к партизанам, и ничто на свете не могло его заставить отказаться от этой идеи. Правда, вспомнив о пароле «Ольга», Мирек немного заколебался. Уж слишком близким и дорогим было для него это слово. Неужели Оленька?! Нет, только не может быть. Это случайность. Неизвестно, что с ним будет на Вышеграде и что за верные ребята ждут его на паперти собора. Лучше идти вперед, к вокзалу, к заветной калитке.

Отбросив таким образом все колебания, Мирек решительно вступил на просторную, с густым парком посередине, темную площадь Карла...

18

На оживленном перекрестке, под самым фонарем, стоял ночной ларек с поджаренными колбасками.

Их аппетитный запах ударил Миреку в ноздри и заставил его остановиться.

«Надо же все-таки запастись на дорогу»,— подумал он и направился к ларьку.

Подойдя вплотную к узенькому прилавку, он сунул в карман руку и только теперь сообразил, что все свои продуктовые карточки оставил на столике в ресторане. При нем осталась одна только бумажка в сто крон. Мысленно обругав себя ротозеем, он обратился к продавцу и спросил, можно ли получить две порции колбасок без карточек. Он согласен уплатить вдвое или впятеро дороже, так как забыл карточки дома. Продавец, давно привыкший к подобным просьбам, лишь отрицательно помотал головой и буркнул:

— Проходи! На черта мне нужны твои деньги!..

Мирек вздохнул и хотел уже было идти дальше, но тут его хлопнули по плечу. Он стремительно обернулся. Перед ним стоял настоящий бродяга: оборванный, небритый, в помятой шляпе и в длиннополом латаном пальто. Он подмигнул Миреку, вытер мясистую физиономию ладонью и спросил:

— Что, парень, жрать, поди, хочешь, а?

Глаза у бродяги были маленькие, заплывшие.

— Да нет, не особенно,— стараясь говорить спокойно, ответил Мирек и, поспешно отвернувшись, шагнул в сторону.

Но бродяга остановил его за рукав макинтоша:

— Брось крутить носом, братец! По глазам вижу, что без этих колбасок тебе жизнь не мила...

Не выпуская рукав Мирека из своих крючковатых грязных

пальцев, он другой рукой выудил из своего кармана деньги и карточки, бросил их на прилавок и крикнул продавцу повелительно:

— Две порции молодому пану и два куска хлеба!

Продавец выхватил из жаровни две колбаски, кинул их на бумажку, шлепнул к ним ложку желтой горчицы и все это накрыл сверху двумя ломтиками хлеба.

Соблазн был слишком велик, и Мирек поддался ему. Приняв угощение, он робко предложил бродяге деньги. Тот решительно отказался:

— Лопай! Все уплачено!

К ларьку подошли трое молодых рабочих. Видно, они шли со смены, так как под рваными куртками на них были грязные спецовки, а руки и лица были основательно выпачканы сажей и какой-то бурой смазкой. Они вынырнули из темноты, как черти из преисподней, и, блестя белками глаз и крепкими зубами, заказали себе по одной колбаске без хлеба. Затем они отошли в сторонку и молча принялись за еду.

Помня о необходимости иметь запас, Мирек съел только одну колбаску. Другую вместе с хлебом завернул в бумажку и спрятал в карман.

— До свиданья,— сказал он затем бродяге.— Спасибо за угощение.

— Зачем до свиданья? — удивился бродяга.— А может, нам с тобой по пути? Ты куда теперь?

Мирек неопределенно махнул рукой в сторону парка.

— Вот и мне туда же... Вдвоем всегда веселее. Пошли!

У Мирека заняло сердце. Как отвязаться от этого непрощенного благодетеля? Как ему дать понять, что его компания нежелательна, но не показать себя при этом грубым и неблагодарным? Мирек вздохнул и двинулся прочь от ларька в сопровождении бродяги, который бесцеремонно взял его под руку. Через минуту они были уже под спасительной сенью темного парка.

Не желая выдавать бродяге свои намерения, Мирек поневоле шел через площадь Карла обратно к Вышеграду. В аллеях царил темнота, на скамейках не было ни души. Юноша усиленно придумывал какой-нибудь подходящий предлог, чтобы отвязаться от назойливого спутника. А бродяга вцепился в него, как клещ, и в довершение всего начал приставать с очень опасными вопросами:

— Ты пошто по улицам шляешься в такой холод? Ночь ведь уже. Таким цыплятам спать давно пора... Есть у тебя фатера-то али нету? Да ты не бойся меня, не шарахайся! Я ведь не съем тебя... Может, общество мое не нравится? Так ты прямо и скажи... Я ведь кто такой есть? Вольношляющийся, бро-

дяга бездомный. А ты барчук. При портфельчике. Ишь ты! Со-
всем гимназист, да и только... Что в портфельчике-то у тебя?

Мирек подумал, что бродяга — вор и зарится на его портфель. Он поспешил вывести его из заблуждения:

— В портфеле у меня книги, учебники...

Бродяга восхитился:

— А ну покажь! В жисть свою не видел взаправдашных учебников.

Мирек открыл портфель и показал содержимое, надеясь, что в темноте бродяга все равно ничего не разглядит.

— И впрямь книги! — восторженно воскликнул бродяга. Вдруг он проворно запустил в портфель руку и вытащил один из учебников. — Это про что?

— Не видно. Может, зоология, а может, алгебра, — ответил Мирек, которому поведение наивного бродяги начинало казаться забавным.

— «Может, может»! А вот мы сейчас посмотрим!

Прежде чем Мирек успел помешать ему, бродяга выхватил из кармана электрический фонарик и осветил обложку книги. Яркий лучик ударил в синюю обертку книги с белым ярлыком, на котором было четко написано: «Алгебра, ученик 6-го класса Мирослав Яриш».

Фонарик потух. Мирек с трудом застегнул портфель дрожащими пальцами. Он понял, что совершил большую оплошность, но все еще не видел в бродяге прямой опасности. А бродяга, спрятав фонарик, еще крепче схватил Мирека за руку и молчал, словно что-то обдумывая.

— Ну, я пойду домой, — сказал Мирек, которому это злое молчание начинало не нравиться. — Пустите меня!

Он попытался освободить руку, но бродяга держал его мертвой хваткой.

— Пустите! — прошептал Мирек, чувствуя, как грудь его наполняется холодным ужасом. Он рванулся изо всех сил.

— Стой! Не валяй дурака! — сказал бродяга насмешливо. — Попался, так нечего ерепениться! Я за тобой с пяти часов охочусь. Думал уже забросить это дело, ан ты сам набежал на огонек. Иди теперь смирно, куда поведу, и не вздумай брыкаться, а не то я живо тебя утихомирю!..

— Пустите! Чего пристали?! — закричал Мирек во все горло и принялся бешено вырываться. Отчаяние удесятиряло его силы.

Рука, в которой он держал портфель, была еще свободной. Он ударил «бродягу» портфелем по голове. Тот выругался и выхватил из кармана наручники. Но надеть их в темноте было не так-то просто. К тому же Мирек не стоял смирно, покорно ожидая своей участи. Он рвался, кусался, пинал противника

ногами, бил портфелем. «Бродяга» изрыгал самые гнусные ругательства, а Мирек дрался молча, тяжело дыша и вскрикивая от ужаса и ненависти.

Неизвестно, чем бы кончилось их единоборство, если бы в дело не вмешались новые действующие лица. Ни Мирек, ни «бродяга» не заметили, как из-за темных кустов внезапно вынырнули три тени. Без звука и шороха, словно призраки, они обступили дерущихся, и вдруг на голову, шею, спину «бродяги» обрушились три пары крепких кулаков. «Бродяга» взвыл от боли, выпустил Мирека и, прикрываясь руками, опрокинулся навзничь. Мирек со всех ног бросился бежать, и двое парней немедленно пустились за ним вдогонку. Третий замешкался, всматриваясь. «Бродяга» перевернулся, встал на четвереньки и вытащил из кармана свисток. Темноту разрезала пронзительная трель. И тотчас же захлебнулась: сильный удар буквально вбил свисток в зубы предателя. Через секунду на пустынной аллее уже никого не было. Только мнимый бродяга ползал по обледеневшему асфальту, плевался кровью и сипло орал, призывая полицию...

Неожиданные помощники легко настигли Мирека, который бежал из последних сил, стремясь поскорее выбраться из парка и укрыться в смежных переулках. Поравнявшись с ним, неизвестные не стали его обгонять, хотя на площади уже заливалось не менее трех полицейских свистков, а позади слышался топот кованых сапог, громкие крики и яркими светляками мелькали огоньки электрических фонариков. Парни вели себя так, словно опасность угрожала одному только Миреку. Когда Мирек, споткнувшись, упал и выронил портфель, они мгновенно поставили его на ноги, а один подхватил портфель и уже не выпускал его из рук. Они поддерживали Мирека, показывали, куда бежать, подбадривали его:

— Держись, Мирек Яриш! Уже скоро! Осталось совсем немного!..

— Вы... вы... знаете... меня?..

— Знаем... Мы все слышали... Мы были за кустами...

— Значит, вы... вы... «Ольга»?..

— «Верность»! — откликнулись парни все разом, а тот, что нес портфель, добавил: — Еще метров двести! Держись!..

До крови закусив губу, Мирек собирал последние силы. Виски у него сдавило, легкие разрывались на части, сердце билось о грудную клетку, стремясь вырваться наружу. Но он продолжал бежать, продолжал работать одеревеневшими ногами, ничего уже не видя, ничего не соображая. Все окутало мраком, лишь одна последняя слабая искра горела и билась в его сознании: «Бе-ги, бе-ги, бе-ги!»

Они миновали площадь и ворвались в темный переулок.

Потом свернули направо, налево, еще раз направо. Свистки, крики, погоня — все осталось далеко позади. Спутники Мирека пыхтели, словно маленькие паровые машины. Они тоже изнемогали от быстрого бега, но, как и прежде, не думали о себе. И когда Мирек вдруг остановился и повалился на тротуар, они подхватили его под руки и волоком потащили дальше. Из безмерной дали до него донеслось:

— Прибыли!

Это слово почему-то смешалось с душистым запахом свежеспеченного хлеба, само превратилось в этот запах, ворвалось Миреку в ноздри, в легкие, оглушило и смяло его мягкой, теплой волной...

19

Ночной бар «У Патрона» представлял собой небольшой, но комфортабельно оборудованный винный погребок, приятно освещенный, с круглыми столиками, уютными боксами, мягкими коврами. Когда-то здесь собирались сливки пражской буржуазии. В годы оккупации здесь обосновались немецкие офицеры. «У Патрона» можно было почитать свежие берлинские газеты, поговорить с сослуживцами о положении на фронтах, написать письма родным и даже при желании просто погрузиться в какой-нибудь далекой Кетхен или Лотхен под журчащую музыку радиолы. Тут все дышало немислимой чистотой, скрупулезной размеренностью, изысканностью. Шелестели газетные листы, приглушенно гудели мужские голоса, позванивали бокалы. Черными тенями шныряли официанты.

Когда штурмбанфюрер Кребс вошел в бар, его черный гестаповский мундир был встречен угрюмыми взглядами. Впрочем, эти взгляды быстро прятались за газетные листы или погружались в бокалы с вином.

Барона фон Вильдена Кребс нашел в одном из боксов. Приятель молча обменялся рукопожатием, после чего штурмбанфюрер, извинившись, занялся изучением меню, ибо чувствовал изрядный голод. Официант, записав пожелания высокого гостя, бесшумно удалился. Кребс потер руки и с любопытством посмотрел на своего собеседника. Барон курил дорогую сигару и пил маленькими глотками белое вино, причем его бледное холеное лицо искажалось такими гримасами, словно это было не вино, а яд.

— Итак, дорогой барон, — заговорил Кребс, — вы изволили выразить желание видеть меня и говорить со мной. Хотите начать разговор теперь же или подождете, пока я подкреплюсь ужином?

— Как вам угодно, штурмбанфюрер,— медленно, словно нехотя, прокартавил фон Вильден.— Могу и сейчас. Тем более что тема разговора вам очень близка, и я уверен, она не испортит вам аппетита.

— Начало интригующее. Я вас слушаю, дорогой барон.

— Я жаловался вам по телефону, штурмбанфюрер, на вашего неистового сотрудника. На шарфюрера... как его...

— На шарфюрера Вурма!

— Да, Вурма.— Фон Вильден отпил вина и, скорчив очередную гримасу, продолжал: — Как вы знаете, он просил у меня помощи. Ему было категорически отказано. Не мной отказано, а моим начальством. Лично я отнесся к просьбе этого Вурма с большим сочувствием. Я обо всем расспросил его, и он поделился со мной своим горем во всех подробностях. История мальчишки, сумевшего вырваться из сетей гестапо, чрезвычайно заинтересовала меня... Вы удивлены, мой дорогой штурмбанфюрер? Вижу по вашему лицу, что удивлены...

— Удивлен? Нет, это не то слово, барон. Правильнее сказать — разочарован,— ответил Кребс.— Я не ожидал, что вы собираетесь говорить со мной на эту скучную тему. Я мечтал отдохнуть в вашем милом обществе от всех дел.

— А вы не спешите с заключением, штурмбанфюрер. Я ведь еще ничего не сказал вам.

— Хорошо, продолжайте.

— Я начну несколько издалека. Вы знаете, штурмбанфюрер, что я человек со странностями, что служба в эсэкомендатуре для меня скучна. Я рвусь всем сердцем в самую гущу великих событий, на поля исторических сражений. Но начальство меня почему-то бережет и на фронт не пускает. Для меня такое положение просто ужасно. Однако что поделаешь! Я привык подчиняться дисциплине. Я служу, где прикажут, но унять свою натуру я не в силах. Приходится искать разрядку в ином. Да, так вот. Для своих личных дел, на которых сейчас не стоит останавливаться, я приспособил одного человечка из местных жителей. Существо так себе, совершенно никчемное и подлое. Но ведь вы, штурмбанфюрер, лучше меня знаете насколько упряма, своенравна и несговорчива эта богемская нация, с которой нам с вами приходится иметь дело. Выбирать тут решительно не из чего. Поэтому Бошек — так зовут этого моего добровольного агента — мне вполне пришелся ко двору. Он холуй чистойшей воды и подлец до мозга костей. Но в своем роде он настоящий артист, и я на него не жалуюсь. Служит он в чешской полиции и имеет самый заурядный чин. Как я его выкопал, рассказывать не буду. Ну-с, дальше. Когда ваш неистовый помощник потерпел неудачу в нашей комедатуре, я вспомнил про моего Бошека и предложил шарфюре-

ру использовать его. А Бошек, скажу я вам, стоит в таких делах двух эсэсовских рот. Шарфюрер, правда, не выразил особого восторга, но помощь принял. Я немедленно вызвал Бошека и дал ему экстренное задание: поймать до полуночи мальчишку во что бы то ни стало. Бошек нарядился бродягой и пошел шнырять по городским улицам. Перед уходом он поклялся мне, что, если мальчишка не покинул города, он до полуночи лично доставит его в гестапо... Как вам это нравится, дорогой мой штурмбанфюрер?

Лицо Кребса выражало сильнейшее недоумение. Не отрываясь от ужина, который ему тем временем подали, он косо посмотрел на знатного эсэсовца и произнес невнятно, но очень сурово:

— Вам совсем не нужно было ввязываться в это дело, барон. Гестапо располагает достаточными кадрами, чтобы самостоятельно справиться со своей работой. Если вы подсунули своего Бошека только для того, чтобы развлечься такой необыкновенной охотой, где роль дичи играет политический преступник, а роль гончей собаки — ваш личный агент, то, простите, вы напрасно рассчитываете на мое сочувствие...

— Ах, что вы, штурмбанфюрер! О каком развлечении тут может быть речь? Я искренне, от всего сердца хотел оказать услугу вашему ведомству!..

— Искренне? От всего сердца? — насмешливо переспросил Кребс. — В таком случае, я окончательно перестаю вас понимать, дорогой мой барон. Во всем этом не хватает лишь одной детали: мотивировки. Разрешите мне не верить вашей нежной любви к моему ведомству. Скорее всего, вы чего-то не договариваете. Я чувствую, что у вас есть совершенно определенное намерение. Если вы окажете мне честь своим доверием, я с удовольствием выслушаю вас.

— Я поражен вашей проникательностью... — пробормотал фон Вильден, сильно сконфузившись и стараясь скрыть свое замешательство за облаком табачного дыма. — Да-да, штурмбанфюрер, я просто поражен... Я уже говорил вам, что рвусь на поля великих сражений, а начальство меня не пускает...

— Понятно! — бесцеремонно перебил его Кребс и, глядя в упор на барона, добавил: — Вас отправляют на фронт, да?

Фон Вильден молча кивнул.

— На Восточный?

Еще кивок и сокрушенный вздох.

— И вы по сему случаю предлагаете гестапо свои услуги?

Теперь барон кивнул торопливо, с подобострастием и, весь подобрившись, выпрямился в своем кресле.

Кребс окинул его холодным взглядом и, ничего не сказав, занялся своим ужином. В уютном боксе воцарилось неловкое

молчание. Покончив с едой, гестаовец залпом выпил бокал вина, вытер губы салфеткой и поднялся.

— Разрешите оставить вас на пять минут, барон. Мне нужно позвонить по телефону.

По дороге к телефонной кабине Кребс размышлял о том, что предложение фон Вильдена пришлось весьма кстати. Шарфюрера Вурма так или иначе придется отчислить из-за полной бездарности. Фон Вильден не умнее Вурма, но он богат и знатен. Иметь такого подчиненного и приятно и выгодно.

Тщательно прикрыв дверь кабины, штурмбанфюрер набрал номер своего отдела. Его немедленно соединили с Вурмом.

— Как у вас дела, шарфюрер?— спросил Кребс.

— Блестяще, господин штурмбанфюрер!— возбужденно затараторила трубка.— Я как раз собираюсь выехать на место, где происходит заключительная фаза операции. Нашему агенту удалось схватить Мирека Яриша на площади Карла. Правда, какие-то неизвестные субъекты сумели отбить преступника и временно с ним скрыться, но место их пребывания засечено. Площадь Карла наглухо закрыта нарядами полиции и гестапо. Обыскивается дом за домом. Я уверен, что через час преступники будут задержаны...

— Как звать агента, который опознал и задержал мальчишку?

— Его фамилия Бошек, господин штурмбанфюрер. Он из местных.

— Один момент! В каком состоянии этот человек?

— Неизвестные избили его, но он до конца остался на своем посту.

— Что он сообщил о людях, которые на него напали? Кто они?

— Молодые рабочие, господин штурмбанфюрер! Парни лет семнадцати. Кстати, разрешите доложить, господин штурмбанфюрер! Во время операции наши агенты на каждом шагу сталкивались с мальчишками, которые в этот вечер прямо наводнили Прагу. Я никогда не видел, чтобы по городу в такое позднее время шлялось столько желторотых сорванцов. Это сильно затруднило операцию, так как часто наводило на ложный след. Но теперь, господин штурмбанфюрер, Яриш в ловушке. Разрешите мне отбыть к месту операции!..

— Поезжайте. Возможно, что я тоже туда подъеду. Хайль!

Вернувшись в бокс, Кребс обратился к приятелю начальственным тоном:

— Поздравляю, обершарфюрер! Ваш Бошек отлично оправдал себя. Беру вас вместе с вашей гончей. А теперь едем наблюдать за ходом операции, которой руководит ваш незадачливый предшественник.

— О, благодарю вас, господин штурмбанфюрер! — воскликнул фон Вильден и тут же бросился искать официанта, чтобы уплатить за себя и своего нового шефа.

Через пять минут приятели покинули гостеприимный погребок и помчались на машине к площади Карла.

20

Обморок Мирека продолжался недолго. Очнувшись, он почувствовал, что к его телу прикасаются чьи-то жесткие, шершавые руки. Прикосновения были ритмичные и довольно крепкие. К прежнему хлебному запаху примешивался аромат мяты.

Мирек открыл глаза и увидел, что лежит в одних трусах на деревянном ларе в тесной, полутемной каморке. Кругом стояли мешки с мукой, на полках виднелись бесчисленные ряды банок, бутылок, кульков. Прямо перед собой он увидел по пояс обнаженного старичка в белой шапочке. Старичок наливал в ладонь спирт, настоенный на мяте, и старательно растирал Миреку ноги, руки, грудь. В каморке было жарко. По морщинистому лицу старичка катились крупные капли пота. Его костлявые плечи то поднимались, то опускались.

Растирания вернули Миреку бодрость. Его кожа приятно горела, по всему телу разлилось ощущение легкости. Старичок, не прерывая работы, то и дело посматривал на лицо своего пациента. Заметив, что паренек пришел в себя и открыл глаза, он удовлетворенно фыркнул и, прекратив растирания, выпрямился. Мирек сел, спустив с ларя ноги. В голове у него еще чуть-чуть шумело, но мысли уже были ясные, четкие. Он мигом вспомнил все, что произошло на площади Карла. Глаза его метнулись по каморке в поисках замечательных парней, которые вырвали его из лап гестаповского агента. Но в каморке не было никого, кроме старичка.

— Скажите, пожалуйста, где я? — обратился к нему Мирек.

Старичок улыбнулся всеми тысячами морщинок своего лица и отрицательно покачал головой.

— Не знаю, милоч, ничего не знаю, — проговорил он в ответ тихим, надтреснутым голосом. — Ни я тебя не знаю, ни ты меня не знаешь. Никто никого не знает, но все друг друга уважают и жалеют. Так-то оно правильной, милоч... Меня попросили, и я потрудился. Теперь ты снова молодец, и не нужно ни о чем спрашивать. Ногами-то двигать можешь?

— Могу.

— А ну-ка пройдишь, я погляжу.

Мирек спрыгнул с ларя и сделал несколько осторожных шагов. Тотчас же икру его левой ноги скрутила жестокая судорога. Он вскрикнул и заковылял обратно на ларь.

— Что, милоч, судорога? — участливо спросил старичок.

— Да, в левой ноге.

— Ну что ж, милоч, приляг еще на минутку. Сейчас мы ее разотрем...

Мирек лег на ларь животом вниз и вытянул ноги. Старичок снова принялся растирать его мускулы спиртом с мятой.

— Где моя одежда? — спросил Мирек.

— Не знаю я ни о какой одежде, милоч, — кряхтя от усилий, ответил старичок. — Знаю только одно: тебя нужно привести в человеческий вид, одеть пекарем и отправить куда-то с корзинкой свежих булочек. Ты поедешь на велосипеде с поклажей на спине. Ездить-то хоть умеешь?

— Умею. У меня есть велосипед... то есть он был у меня еще сегодня утром.

— «Есть», «был»! Главное — что умеешь. Ну что, болит еще?

— Нет, уже прошло. Спасибо вам.

— Ну, попробуй пройдишь.

Мирек осторожно слез с ларя и сделал по каморке несколько шагов.

— Все в порядке! — улыбнулся он старичку.

— А ты еще, еще походи, милоч. Вдруг она, проклятая, снова вгрызется в ногу. Тебе ведь сейчас же ехать надо!

Мирек принялся рассказывать все быстрее и уверенней. Ноги его слегка подламывались, но судорога не возобновлялась.

— Ну вот, теперь вижу, что ты молодец. Закусить хочешь?

— Нет, спасибо. Я недавно ел.

— Как хочешь. А вот это вот все-таки выпей. Это не повредит!

Старик отлил из банки в стакан красного сиропу и плеснул в него спирту. Мирек выпил жгучую липкую жидкость и сразу почувствовал, как от желудка по всему его телу разлился приятный огонь.

— А теперь, милоч, давай одеваться...

Старичок извлек откуда-то из-за мешков и бросил на ларь старые штаны, заляпанные мукой и тестом, латаную рубаху, ветхий свитер, куртку, покрытую коркой ссохшегося теста, рваные носки и стоптанные ботинки. Мирек все это молча напялил. Когда он был готов, старичок придирчиво осмотрел его и, видимо, остался доволен:

— Пекарь, милоч! Настоящий пекарь!.. Только еще мучицы надо добавить!..

С этими словами он поддел из мешка пригоршню муки и

обсыпал ею Мирека с головы до ног. Переодетый в заскорузлое тряпье и весь в белой мучной пыли, Мирек действительно был неузнаваем. В довершение ко всему старичок достал с полки белую шапочку и нахлобучил ее Миреку на голову.

— Теперь можешь ехать, милоч, куда угодно. Пойдем!

— Погодите! — Мирек взволнованно схватил старичка за узловатую руку.

— Ну, что еще? — спросил тот ласково.

— Вы так много для меня сделали, а я вас совсем не знаю. Как мне отблагодарить вас?

— А зачем тебе благодарить, милоч? Ты человек — я человек. Ты чех — я чех. Вот тебе и весь сказ. Ну, пойдем. Там уж, вероятно, заждались тебя.

Они вышли из каморки и очутились в пекарне. Воздух здесь был раскален. В огромной печи гудело пламя. Двое полуголых потных парнишек быстро и умело плели из теста крендели и кидали их на широкие листы. Они лишь мельком взглянули на Мирека. Весело засмеялись и снова занялись своим делом. Старичок погрозил им пальцем и, не останавливаясь, вывел Мирека из пекарни в прохладный, сумрачный коридор. Здесь на пустых ящиках сидели двое парней в синих рабочих блузах. Они поднялись навстречу Миреку. По скованности их движений, по настороженным взглядам Мирек сразу догадался, что это не те парни, которые помогли ему убежать с площади Карла. Он недоверчиво покосился на них и остановился в нерешительности.

Тогда один из них подошел к нему вплотную и тихо сказал:

— «Ольга»!

— «Верность»! — поспешно ответил Мирек.

— Как самочувствие?

— Отлично!

— Тогда едем!..

Старичок быстро шмыгнул в пекарню и вынес оттуда корзину со свежими булочками. Парни подняли ее и помогли Миреку продеть руки в помочи. Корзина плотно легла Миреку на спину.

— Не тяжело тебе, милоч?

— Нет, что вы! Совсем не тяжело!..

— Ну, тогда топай! Ни пуха тебе ни пера! — сказал старичок и тотчас же скрылся в пекарне.

Парень, назвавший пароль, обратился к Миреку:

— На велосипеде ездить умеешь?

— Да, умею.

— Вот и хорошо. Поедешь за мной на расстоянии двадцати — тридцати шагов. А где светлее, и того дальше. Смотри в оба. Куда сверну я, туда сворачивай и ты. За тобой, в некото-

ром отдалении, поедет вот этот товарищ. Если сзади появится опасность, он свистнет тебе. Если впереди будет что-нибудь неблагополучно, я мигну тебе фонариком. В обоих случаях сворачивай, не раздумывая, в первый попавшийся переулок и пробирайся самостоятельно к Староместской площади. Там, у памятника Гусу, тебя ждут. Скажешь пароль и получишь дальнейшие указания. Ясно?

— Ясно,— кивнул Мирек.

В конце коридора стояли три велосипеда. Ребята взяли их и по одному вывели на улицу. В лицо Миреку снова пахло морозным воздухом...

Первый парень огляделся по сторонам и, махнув Миреку рукой, покатил вниз по переулку. Мирек, с корзиной на спине, перекинул ногу через седло велосипеда, оттолкнулся, несколько секунд неуверенно балансировал передним колесом, потом выровнял его, налег на педали и поехал за маячившим впереди вожакom. Третий парень немного подождал и тронулся вслед за ними.

Переулок спал глубоким сном. Морозная январская ночь медленно плыла над темным городом, добродушно мигая далекими блестками холодных звезд...

21

Гестаповская машина бешено мчалась по набережной. Сидевший рядом с шофером штурмбанфюрер Кребс угрюмо молчал. Сзади втихомолку ликовал барон фон Вильден.

Ему очень хотелось выразить свои восторги вслух. Но он понимал, что прежние приятельские отношения с Кребсом кончились. Раньше барон не стеснялся с этим выскочкой-гестаповцем из бывших мясников. Он даже позволял себе иногда третировать его. Но теперь все это надо забыть. Штурмбанфюрер превратился для него в сурового начальника, которого нужно уважать и всячески ублажать. Черт с ним! Уважать так уважать!.. Он, барон, знает все слабости этого мрачного гестаповца и наверняка сумеет угодить ему.

Впереди из переулка выехал на набережную велосипедист. Машина промчалась мимо него и тут же едва не налетела на другого велосипедиста, который вынырнул из того же переулка. Шофер увидел перед собой совершенно белое лицо и наполненные ужасом глаза. Рванув машину в сторону, он до предела нажал на педаль тормоза. Раздался противный скрежет. Машина проползла юзом по обледеневшей мостовой и остановилась в трех шагах от незадачливого велосипедиста. Тот, стараясь избежать столкновения, тоже в последнюю се-

кунду круто свернул к тротуару и упал. Из корзины за его спиной на мостовую посыпались румяные свежие булочки.

Кребс только скрипнул зубами от злости и повернул к барону свое каменное лицо. Фон Вильден не ждал приказаний. Он рывком раскрыл дверцу и выскочил из машины.

— Проклятый ротозей!

Он подбежал к парнишке, который неуклюже поднимался, потирая ушибленное колено, и схватил его за шиворот.

— Идиот! Как едешь?! Вот тебе... вот... учись смотреть на дорогу!

Барон отвесил юному пекарю несколько пощечин и, оттолкнув от себя, вернулся в машину.

— Разносчик булочек, господин штурмбанфюрер! — доложил он Кребсу. — Должно быть, уснул на своем велосипеде...

— Вижу, что разносчик, — ответил Кребс и кивнул шоферу: — Вперед, Ганс!

Машина с ревом промчалась мимо пекаря, давя колесами рассыпанные булочки.

А бедный пекарь еще минут пять собирал свою пострадавшую кладь обратно в корзину. Сзади и спереди, затаившись в отдаленных подъездах, за ним с тревогой наблюдали двое других велосипедистов. Собрав булки, пекарь осмотрел свою хрупкую машину, неуклюже взгромоздился на нее и поехал своей дорогой.

Когда машина гестапо выехала на площадь Карла и остановилась неподалеку от ларька с колбасками, Кребс неожиданно повернулся к фон Вильдену:

— Интересно, куда ехал этот разносчик? Магазины ведь еще закрыты...

— Должно быть, в больницу, господин штурмбанфюрер! — немедленно ответил барон.

— Разве что в больницу... А все-таки... — Не договорив, Кребс молча задвигал челюстями. Затем коротко приказал: — Разыщите, обершарфюрер, агента Бошека и доставьте его сюда!

— Слушаюсь, господин штурмбанфюрер!

Барон покинул машину и побежал в парк. Через полчаса он вернулся в сопровождении грязного, взлохмаченного «бродяги». Кребс опустил в дверце стекло и мрачно уставился в распухшее, окровавленное лицо оборванца. Тот вытянулся в струнку.

— Вы агент Бошек?

— Так точно, господин начальник! — прохрипел «бродяга» на ломаном немецком языке и еще сильнее выпятил грудь.

— Это вам удалось опознать и задержать Мирослава Яриша?

— Так точно, господин начальник, мне!

— Но потом вас избили неизвестные люди и бежали вместе с преступником?

— Так точно, избили и убежали!

— Вы доложили шарфюреру Вурму, что преступника нужно искать в пределах площади Карла?

— Так точно, доложил!

— Это ваше подлинное мнение?

«Бродяга» захлопал глазами.

— Я вас спрашиваю, что вы об этом думаете на самом деле. Не бойтесь, говорите правду!

— Если по правде, господин начальник, то преступникам нечего было оставаться на площади. У них было время убежать очень далеко...

— Вы уверены в этом?

— Так точно!

— Хорошо. Благодарю за верную службу. Завтра в девять явитесь ко мне. Все. Можете быть свободны!

— Хайль Гитлер! — «Бродяга» вскинул свою грязную лапу и, повернувшись, быстро исчез в темноте.

Кребс посмотрел ему вслед и затем обратился к барону:

— Садитесь, барон. Едем спать. Здесь нам больше делать нечего. А завтра в восемь я жду вас у себя в канцелярии.

Фон Вильден забрался на заднее сиденье, и машина, развернувшись, ушла с площади Карла, на которой молодчики Вурма продолжали трудиться до самого рассвета, обшаривая дом за домом.

22

Деревянная кукушка высунулась из своей будочки на ходиках и, судорожно дергаясь, прокуковала десять раз.

Пани Рогушева ответила ей тяжелым вздохом и поднялась со стула.

— Пойду прилягу. Голова что-то разболелась... — сказала она и тихо вышла из кухни.

Кованда и одноглазый, сидевшие у стола, ничего ей не ответили и даже не пожелали покойной ночи. Знали они, что все равно бедная женщина не будет спать, пока не дожидется сына. Ведь она и из кухни ушла только потому, что слишком тяжело ей было смотреть на напряженные лица мужа и гостя, слишком невыносимой стала для нее гнетущая тишина с медленным тиканьем часов...

После ухода пани Рогушевой мужчины немного оживились. Присутствие строгой хозяйки связывало их: ни покурить

сколько хочется, ни поговорить по душам. Три бесконечно долгих часа просидели они под ее надзором, не смея поделиться своими тревогами, перебрасываясь пустыми фразами и томясь мучительным ожиданием. Выкурили они за это время самую малость. Теперь другое дело.

Первым, подавая пример, задымил набивной папиросой одноглазый сапожник. За ним расшуровал свою носогрейку Кованда. Кухня быстро наполнилась сизыми облаками дыма.

— Вы, пан Рогуш, не сердитесь. Вижу, что надоел я вам за весь вечер. Но домой я, право, не могу пойти. Что я жене скажу про Оленьку? Что?

— А я ведь не гоню вас, пан стражмистр. Сидите. Мне все равно ждать нужно... А Гонзу своего проучу за самовольство, крепко проучу! Ишь, стервец! Мало того, что сам полез куда не надо, так еще и девчонку потянул за собой!..

— Э-э, оставьте, пан Рогуш, не говорите так. За что его наказывать-то? Парень поступил правильно. Сделал то, что нам самим следовало сделать... Ольгу он не уводил. Та, наверно, сама вызвалась идти вместе с ним. Она у меня знаете какая! Да что тут говорить... Только бы все обошлось! Только бы они вернулись живы да здоровы!..

— Балует мы их слишком, воли много даем! Оно, конечно, время такое. Война, оккупация и прочее. Дети слишком быстро вырастают, слишком рано начинают понимать... Пытаются сами решать. А силенок-то мало, головы-то чересчур горячие. Мы и сами еле справляемся...

— Не согласен я с вами, никак не согласен! — с неожиданной резкостью возразил Кованда.

— В чем же вы не согласны со мной, пан стражмистр? — ухмыльнулся одноглазый.

— В том и не согласен, что придерживать нужно нашу молодежь да направлять! Не всегда это хорошо, пан Рогуш, и не всегда правильно. Взять хотя бы мою Ольгу. Я ведь как на нее до сегодняшнего дня смотрел? Девчонка, егоза, наряды там, зеркало, подружки, то да се. Думал, что она и не сознает, в какой живет обстановке, не понимает, что теперь происходит в мире. А на поверку оказалось, что сознает даже лучше меня: и видит, и понимает, и чувствует, и расценивает острее, правильнее, чем я. Вы бы послушали, как она отчитывала меня за Мирека Яриша, за службу мою проклятую! Предателем обозвала, изменником родины! Слыхали такое? А Мирек? Возьмите Мирека. Он ровесник моей Ольги. Мальчишка! А забрали у него родителей, — думаете, скис? Ничуть не бывало! Как он с Оленькой говорил! Оружие, говорит, раздобуду, к партизанам в горы уйду! А вы — «придерживать, направлять»!.. Не согласен я с вами! У таких детей, как ваш Гонза, как Мирек

Яриш да Оленька моя, нам с вами учиться следует. Да, пан Рогуш, учиться!

Сапожник с интересом вслушивался в сбивчивую речь полицейского. Он курил частыми затяжками, и глаз его разгорался от скрытого веселья. Ему хотелось раззадорить Кованду как следует, и он сказал насмешливо:

— «Учиться!» Скажете тоже, пан стражмистр. Все это одни слова! А до дела от них далеко. Ой, как далеко! Учиться!.. А ну попробуйте, поучитесь у Мирека Яриша. Бросьте свою уютную квартиру в Праге, свою доходную государственную службу с обеспеченной под старость пенсией, бросьте все свое прочное положение и пуститесь куда-нибудь в горы к партизанам, на смертельные опасности. Разве разумный человек пойдет на такой риск? Променяет ни с того ни с сего спокойную, обеспеченную жизнь на сумасшедшую авантюру, на полную неизвестность? Конечно, нет. И вы, пан стражмистр, на это не пойдете, потому бросьте говорить красивые слова. Ни к чему они. А дочку свою уймите, чтобы впредь ей неповадно было пускаться в подобные опасные авантюры.

Кованду настолько поразили слова сапожника, что он забыл на минуту о своей трубке и глядел на одноглазого с непомерным удивлением, с укором и даже со страхом. Новые мысли и чувства, разбуженные упреками Оленьки, целиком охватили его, и все, что шло с ними вразрез, казалось ему теперь порочным и недостойным.

— Эх вы, а еще бывший коммунист! — сказал он с глубокой горечью. — Послушать вас, пан Рогуш, так и не поверишь, что это вам я в тридцать шестом выбил глаз на первомайской демонстрации... Если хотите знать, я не пустые слова говорю. Мне уже давно все это осточертело. А дочка мне окончательно глаза раскрыла. Я бы завтра же бросил все и ушел в горы! Только как уйти? Кто мне, полицейскому, поверит?! А если и поверят, разве их сам найдешь, партизан этих?

— Так бы вот взяли и ушли, пан стражмистр? Врете! А семья? Вы думаете, жену вашу и дочку по головке погладят, если вы бросите службу и удерете в горы бить немцев?

— Знаю, что не погладят, — вздохнул Кованда. — В этом вся и загвоздка. Были бы у меня связи, были бы верные люди, они бы и уладили все эти вопросы. А так... — И он уныло опустил голову.

Сапожник молчал, зорко всматриваясь в огорченное лицо Кованды. Потом он встал из-за стола и принялся расхаживать по кухне. Полицейский продолжал неподвижно сидеть у стола, подперев голову кулаком, погруженный в тяжелые думы. Несколько минут были слышны только мягкие шаги сапожника и монотонное тиканье ходиков.

Вдруг одноглазый подошел к Кованде и, став за спиной, положил ему на плечо руку:

— Брось хандрить, товарищ! — тихо сказал он.

Кованда даже вздрогнул от этого неожиданного обращения.

Сапожник продолжал:

— Я тебе верю. Сиди спокойно и слушай. Чтобы бороться, не обязательно уходить в горы к партизанам. Здесь, в городе, тоже нужны смелые люди. Здесь тоже ведется борьба, еще более сложная и опасная, чем открытые бои в горах. Ты будешь полезен и там, где теперь находишься... Согласен ты, товарищ Кованда, помочь в нашей борьбе?

— Да я, пан Рогуш... да я, если хотите знать! — вскричал Кованда в смятении и рывком поднялся на ноги, опрокинув стул.

Они стояли друг перед другом: огромный, плечистый полицейский, багровый от радостного возбуждения, и худой смуглый сапожник с лицом строгим и четким, словно вычеканенным из меди.

— Так вот вы какой, пан Рогуш! — бормотал Кованда. — А я и впрямь принял вас за фашистского прихвостня. Нет, теперь я вижу, что мои первые мысли о вас были правильные! Значит, теперь все будет как надо, все будет хорошо!..

— Погоди ты изливаться! — строго сказал сапожник. — Ответь сначала на мой вопрос: согласен ты остаться в полиции и посвятить свою жизнь делу борьбы с немецкими оккупантами?

— Согласен! Конечно, согласен! — заорал Кованда и, схватив руку сапожника, стиснул ее изо всех сил. — Ты знаешь, братец, как ты меня осчастливил?! Даже и выразить тебе этого я не сумею! Теперь гора с плеч! Все пойдет по-новому!.. Эх, Оленьке бы рассказать!

— Не смей даже думать про такое!

— Знаю, что нельзя! Сам знаю. Я только так, что, мол, хорошо бы было порадовать дочку. Ну, да все равно. Я и так стал теперь другим человеком!..

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно! — твердо ответил Кованда.

— Ну, довольно ломать мне пальцы. Больно ведь... Садись лучше, я расскажу тебе кое-что о твоей новой работе. Кстати, о дочке ты не беспокойся. Гонза не подведет.

Они снова уселись за стол, и началась увлекательная беседа. Над их головами гуще за клубились облака табачного дыма. Пришпоренное время помчалось бешеным галопом. Они даже не слышали, как деревянная кукушка прокуковала одиннадцать раз...

Несладко стоять в морозную ночь на открытой площади, пусть даже и при полном безветрии. За три часа дежурства Гонза продрог до самой печенки. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, а рот раскрывал лишь с большим усилием. Он мог хотя бы слегка согреться быстрыми движениями. Но здесь нельзя было ни ходить, ни прыгать, ни размахивать руками. По Староместской площади то и дело проходили полицейские патрули. Его могли заметить и спросить, что он, собственно, делает возле памятника Яну Гусу в такой поздний час. Поэтому Гонза двигался лишь в том случае, если полицейские проходили слишком близко от него. Тогда он осторожно обходил памятник и прятался за ним.

Полчаса назад связной от группы ребят из Нового Города сообщил ему, что Мирек найден на площади Карла, что в самую критическую минуту его отбили у переодетого агента и что теперь он находится в надежном укрытии — в маленькой частной пекарне. Больше никаких сообщений не поступало. Только из разговора двух запоздалых прохожих, торопливо протрусивших возле самого памятника, Гонза узнал, что на площади Карла происходит какая-то большая облава.

Гонза нервничал. Теперь, когда главное было выполнено, он боялся, как бы неожиданный пустяк, какая-нибудь непредвиденная мелочь не провалила почти законченную операцию.

«Чего они там копаются? Почему так долго не едут?» — думал он с беспокойством, напряженно всматриваясь в темную площадь. Оттуда, из-за старой ратуши, со стороны малой площади, должны появиться велосипедисты...

И они появились.

Первым из-за ратуши выехал ведущий. Он быстро оглядел пустынную площадь и, пригнувшись к рулю, помчался через нее к памятнику. Подъехав к Гонзе, он резко затормозил и сказал вполголоса:

— «Ольга»!

— «Верность»! — ответил Гонза, еле шевеля одеревеневшими губами, и тут же спросил с нескрываемой тревогой: — Ну как? Порядок?

Парень мотнул головой:

— Порядок. Едет за мной...

Из-за ратуши действительно показался новый велосипедист. Не озираясь по сторонам, он поспешно пересек площадь. Но по скорости он значительно уступал первому. В его движениях сказывалась большая усталость. Подъехав к памятнику, он тоже сказал пароль и, услышав ответ, слез с велосипеда. Его обсыпанная мукой одежда белела на фоне черного памят-

ника, белое лицо казалось странной маской. Он горбился под тяжестью корзины, висевшей у него за спиной.

Гонза смотрел на юного пекаря с нескрываемым восторгом. Его сердце пело и плясало от радости... Вот он, Мирек Яриш! Вот он, тот самый беглец, из-за которого была поставлена на ноги вся пражская полиция, которого искали лучшие ищейки немецкого гестапо. И не нашли, не поймали! Под самым носом у них перехватили добычу. И кто же? Обыкновенные шестнадцатилетние парнишки! Заводские ученики!.. Значит, организация способна выполнять сложные, ответственные задания, коли с честью выдержала такой трудный экзамен!

Гонза мигом забыл про холод. Ему вдруг стало жарко и очень весело. Захотелось тут же ласково намять бока ведущему, этому славному парню, который стоял сейчас перед ним со своим велосипедом, скромно ожидая дальнейших указаний. Вид этого парня напомнил Гонзе, что ему, командиру организации, нельзя предаваться телячьим восторгам.

К памятнику подъехал третий велосипедист. Он уже не назвал парня, а просто поздоровался.

— Молодцы, ребята! — сказал Гонза. — От имени штаба я объявляю вам благодарности! Вы отлично справились с заданием. Происшествия были?

— Были, — ответил ведущий. — По дороге Мирек чуть не попал под машину, в которой ехали немцы, кажется гестаповцы. Мирек упал и рассыпал свои булки. Эсэсовец выскочил из машины и избил Мирека. К счастью, у них не было времени с ним возиться. Они, вероятно, спешили к площади Карла, где в это время началась облава на Мирека и наших ребят. Словом, разносчик булок не вызвал у них подозрений. Значит, маскировка удалась. Дальше мы ехали без происшествий.

— Молодцы! Ваша работа на сегодня закончена. О подробностях операции доложите позже. Велосипед, одолженный Миреку, будет возвращен завтра. А теперь жарьте домой. О дальнейшем я позабочусь сам. Наздар!

— Наздар! — ответили парни и, вскочив на свои велосипеды, укатили с площади в разные стороны.

Тогда Гонза повернулся к Миреку:

— Слушай, друг. Нам предстоит сделать короткий переход. Ноги у тебя целы? Не расшибся, когда упал?

— Колено немного ушиб, — ответил Мирек. — Но это ничего, идти я могу.

— Вот и хорошо, что можешь. На велосипеде тебе дальше ехать нельзя: и темно, и дорога плохая. Поведешь его с собой только для маскировки. Я первым пойду через площадь и поджду тебя на углу Тынской улицы. Дальше пойдем вместе. Понятно?

— Понятно.

Гонза внимательно осмотрел площадь и пошел прочь от памятника Яну Гусу, с удовольствием разминая затекшие ноги. Мирек подождал, пока он скроется в темноте и, тоже осмотревшись, повел за ним свой велосипед...

24

В подземном складе антиквара было холодно, как и во всяком глубоком подвале. Оленьке только поначалу, сразу после улицы, показалось, что тут тепло и уютно. Но вскоре она убедилась, что это далеко не так. Толстые стены подземелья не прогревались, вероятно, ни зимой, ни летом. От них несло вековой стужей.

Штаб поручил девушкам приготовить для Мирека место. Они сделали это с женской тщательностью и основательностью. Выбрав самую удобную старинную тахту, они стянули с нее пыльный чехол и приготовили на ней поистине княжеское ложе. Для этого Власте несколько раз пришлось отлучиться, чтобы доставить простыни, подушки и перины. И она ни на минуту не расставалась со своей шляпой и широким черным плащом.

— Неужели ты в этом наряде выбегаешь на улицу? — удивленно спросила Оленька.

— А зачем мне на улицу? — ответила Власта. — Я ведь живу здесь, в доме. Из подвала есть ход прямо на лестничную площадку, а там на втором этаже наша квартира.

— Но ведь на лестнице тебя может увидеть кто-нибудь из жильцов!

— В нашем доме нет жильцов. Раньше были, а теперь нету. Дом такой старый, что в нем никто жить не хочет. А мы живем. Мой отец ни за что не согласен выезжать из него. Этот дом купил еще его прадедушка в начале прошлого века. С тех пор все Нехлебы так и живут в нем, и все из поколения в поколение занимаются антикварным делом. Нашему магазину уже сто лет стукнуло...

Последнее сообщение Власта сделала без всякой гордости. Напротив, в голосе ее прозвучала грустная нотка. Она чуть-чуть призадумалась, но тут же снова улыбнулась и, взмахнув своей шляпой, сказала:

— Погоди, Оленька, я еще раз домой сбегаю. Надо Миреку что-нибудь на ужин принести. Да и нам с тобой не мешает перекусить.

Власта снова убежала и на этот раз не возвращалась довольно долго. Оленька уже начала беспокоиться, не вмешался

ли в операцию отец, хозяин столетнего магазина. Почему-то она представляла его себе большим, толстым, угрюмым и страшно сердитым, вроде тех мрачных, закованных в латы рыцарей, что неподвижно стояли у дверей склада. Но опасения оказались напрасными. Власта вернулась, волоча за собой объемистую сумку, наполненную различной снедью. Тут были хлеб, колбаса, плавленый сыр, искусственный мед и даже масло. Среди свертков с продуктами стояли три термоса с горячим чаем.

— На всех хватит! — заявила Власта, раскладывая яства на круглом столе. — Давай подкрепляться, товарищ Ольга!

Оленька с удовольствием взяла чашку. Девушки уселись за стол и занялись чаепитием. Чай был, правда, не настоящий — так, настой из различных травок и листьев, именуемый «целебной смесью», — но Оленьке, которая давно уже забыла вкус настоящего чая, он показался изумительно вкусным. Утолив первый голод, девушки разговорились.

— Как это ты, Власта, сумела сюда столько принести? — спросила Оленька. — Неужели ни отец, ни мать не спросили тебя, зачем тебе понадобилось тащить в подвал столько подушек, перин и такую кучу еды?

По бледному лицу под широкими полями шляпы скользнуло печальное облачко.

— У меня нет мамы, — сказала Власта тихо, и губы ее слегка дрогнули. — Давно уже нет. Она умерла, когда я была совсем еще маленькой. Умерла из-за этого старого дома, из-за этого проклятого магазина. От чахотки... Здесь все женщины умирают молодыми от чахотки. И бабушка моя так умерла, и прабабушка. И я, наверно, тоже умру, если... — Она не договорила и тихонько вздохнула. Помолчав и мельком взглянув на притихшую и смущенную Оленьку, она продолжала: — А папа мой ничего не замечает, кроме своих grossбухов да разных там накладных. Он у меня такой старенький, сгорбленный и седой-седой, хотя лет ему еще не так много: всего только сорок восемь. Его тоже дом и магазин изнуряют. А бросать он их не хочет, ни за что не хочет. Я уже сколько раз просила, да все напрасно...

— А кто же тебе готовит, кто вообще за вашим хозяйством смотрит?

— Нянька моя за всем смотрит, — сразу оживилась Власта. — Она у меня знаешь какая, нянька моя! Просто замечательная! Ее ничто не берет, никакие болезни. Сколько я помню ее, она никогда ничем не болела. Такая здоровычка! Большая, толстая и добрая-предобрая! Мы с ней душа в душу живем, и никаких у нас секретов не бывает. Она и про организацию нашу знает, и про штаб здесь на складе. Ей все

можно доверить: могила!.. Только ты, Оленька, не говори об этом Гонзе, а то он съест меня за это. Не скажешь?

— Ну вот еще! Конечно, не скажу!

— Ну смотри. Гонза у нас такой строгий командир, просто беда! Вообще он чудесный!.. Правда, Гонза чудесный?

— Гонза очень симпатичный. Мне он сразу понравился. Иначе разве я пошла бы с ним ночью невесть куда...

— Но ведь ты из-за Мирека пошла?

— Ну конечно, из-за Мирека! А ты думала из-за чего? — вспыхнула Оленька.

— Я ничего плохого не думала, я так только спросила... — тоже сильно смутившись, проговорила Власта.

Девушки умолкли, чувствуя неловкость. В наступившей тишине лишь чуть слышно потрескивало пламя свечей в массивном бронзовом канделябре.

По каменному полу стелилась ледяная стужа. От нее не спасала никакая одежда. Оленька сняла с рук перчатки и принялась греть над свечой заочевшие пальцы. Власта молча собирала со стола остатки ужина и складывала их в сумку.

— Ты сердись на меня, Оля? — спросила она.

— Ну что ты! За что мне на тебя сердиться? Ты ведь просто неправильно выразилась, — ответила Оленька.

— Неправда! — взволнованно возразила Власта. — Я сказала именно то, что хотела сказать. И все-таки я прошу тебя не сердиться... Ну как ты не понимаешь?..

Оленька удивленно посмотрела на хозяйку. Из-под шляпы блеснули широко раскрытые голубые глаза.

— Неужели ты такой наивный человек? Ну скажи, скажи сама, только по правде, по совести, почему ты так хлопчешь о спасении Мирека Яриша? Почему? Неужели только потому, что он твой одноклассник? Неужели из-за одной только дружбы?..

Оленька молчала, чувствуя, как по лицу ее разливается предательская краска.

— Что же ты не отвечаешь? А впрочем, чего тут отвечать... И так все понятно. Ты любишь этого Мирека!.. Правда, любишь?

Оленька кивнула.

— Ну, вот и умница! — обрадовалась Власта. — Я тоже люблю Гонзу. Я бы ради него тоже ничего не побоялась. Он смелый, сильный, умный. И добрый тоже... Он спасет меня от этого старого, мрачного дома, где все пропитано чахоткой. Он не даст мне погибнуть в пыльной лавке... Знаешь, о чем я мечтаю?

— О чем?

— О том, как кончится это жуткое время: война, фашисты, казни... О том, как наступит новая, радостная жизнь, без страха, без тревог, без опасностей... Ведь может быть такая жизнь, когда везде все хорошо и человеку ничего не нужно бояться! Я уверена, что такая жизнь придет. И люди тогда будут веселыми-превеселыми и будут строить большие, светлые дома... И мы с Гонзой станем жить в одном из таких красивых новых домов... Хочешь, я расскажу тебе, как я познакомилась с Гонзой?

— Расскажи.

— Только сначала знаешь что? Сначала давай заберемся на Миркову постель, под перину. Нам там будет удобнее и теплее. А то пока ребят дождемся, совсем превратимся в ледышки!

Оленька охотно согласилась.

Девушки прошли за шкафы, где стояла тахта. Сбросив туфли, они улеглись и плотно закутались в перину. Власта прижалась к Оленьке и, мечтательно глядя на вереницы тускло поблескивающих люстр, начала вполголоса рассказывать о своих сердечных переживаниях...

Уютное гнездышко посреди холодного подземелья, загроможденного причудливыми изделиями давно минувшей старины, таинственный безмолвный полумрак — все это подействовало на Оленьку и расположило ее к откровенности. Она тоже рассказала о своих немногих встречах с Миреком в Вышеградском парке, о сокровеннейших мечтах и надеждах...

Внезапно громко лязгнула железная дверь. Девушки вздрогнули и, соскочив с тахты, поспешно обернулись.

— Идут! — не то радостно, не то испуганно сказала Власта.

По проходу среди мебели застучали шаги двух человек. Оленька и Власта кинулись им навстречу.

И вот они встретились. Встретились посреди склада, в темной узкой щели между какими-то комодами... Сначала Оленька увидела Гонзу. За ним стоял кто-то весь в белом... Кто? Неужели Мирек?! Гонза тут же рассеял все сомнения. Он посторонился и весело сказал:

— Разрешите представить вам героя сегодняшней ночи, товарища Мирослава Яриша! Поздравьте его с благополучным завершением всех опасностей и с прибытием в это гостеприимное и надежное убежище. Подношение цветов и крики «ура» отставить!..

Мирек неловко, но совершенно серьезно поклонился девушкам и невнятно пробормотал:

— Добрый вечер!..

Он не мог разглядеть лица Оленьки. Он не узнал ее. Да и мог ли он ожидать, что встретится с ней здесь! Диковинная об-

становка подземелья, рыцари у входа, Властина мушкетерская шляпа — все это было слишком неожиданно и удивительно. Мирек не знал, как ему следует держаться, а потому стоял молча, понутив голову.

— Мирек!.. Мирек! Ты не узнаешь меня? Ведь это я, Оленька Ковандова!

Вздрогнув, как от удара, он вскинул голову:

— Оленька?.. Ты?.. Ты здесь?

Он протянул руки и шагнул вперед. Девушка бросилась к нему навстречу. Их руки соединились в крепком пожатии. Мирек попытался что-то сказать, но никак не мог справиться с волнением.

— Оленька... Оленька... ты... — твердил он, словно в бреду.

— Ну я, конечно, я! Неужели не узнал еще?.. Ну, пойдем туда, к столу. Там светло. Пойдем.

И она повела его по проходу. Гонза с Властой пошли за ними.

С Мирека сняли ненужную большую корзину с булочками, усадили в самое удобное кресло, в то самое, в котором когда-то сиживал князь Шварценберг, и принялись наперебой угощать ужином, расспрашивать и рассказывать. Мирек уже пришел в себя. Он смеялся вместе со всеми, отвечал на вопросы, пил горячий настой «целебной смеси», но при этом не отрываясь смотрел на Оленьку, словно, кроме нее, тут никого и не было. Гонза заметил это и, лукаво подмигнув Власте, сказал:

— Нам с тобой, товарищ Власта, надо еще кое о чем поговорить. Давай-ка пойдем к рыцарям! — И, обратившись к Оленьке, добавил: — Не беспокойся, товарищ Ковандова, мы ненадолго. На четверть часа, не больше. Я знаю, что тебе пора домой и что я обязан тебя проводить.

— Хорошо, Гонза, — рассеянно сказала Оленька.

Оставшись наедине с Оленькой, Мирек снова почувствовал себя ужасно неловко. Ему хотелось сказать ей так много, но слова почему-то застревали у него в горле.

— Ты сильно измучился? — тихо спросила Оленька.

— Нет, не очень... А ты?

— Ну вот еще!.. Я же не пережила такое, как ты...

— Оленька...

— Ну что?

— Ты... ты простила меня за то, что я там, в парке...

— Не смей даже говорить об этом!

Она решительно закрыла ему рот рукой. Мирек тихонько поцеловал ее холодные пальцы. Оленька быстро отдернула руку и засмеялась.

— Значит, пароль «Ольга»? — спросил он, не отрывая от ее лица сияющего взгляда.

— «Верность»,— чуть слышно ответила она.
— Товарищ Ковандова, пора! — прогудел под сводами голос Гонзы.
Оленька и Мирек стали прощаться...

25

Пани Рогушева так истомилась ожиданием, что внезапный звонок в передней отозвался в ее сердце болезненным уколом. Гонза!.. А вдруг кто-нибудь чужой с ужасной вестью о неправимой беде?! Она поспешно выбежала из спальни и, включив в прихожей свет, кинулась к двери.

— Гонза, ты?

— Я, мама. Открывай!

Пани Рогушева открыла дверь и впустила сына. На сердце у нее отлегло: ее Гонза был цел и невредим. Правда, он слегка осунулся, но вид у него был очень бодрый и веселый.

— Ну, как вы там?..— спросила она, пока Гонза снимал куртку.

— Все в порядке! — улыбнулся Гонза и вдруг насторожился, прислушиваясь.

До его слуха донеслись возбужденные голоса отца и полицейского Кованды. Они, видимо, не слышали, как он пришел.

— Пожар у них там, что ли? — изумилась пани Рогушева. — Гляди, Гонза!

Гонза распахнул дверь. В лицо ему хлынули такие густые клубы табачного дыма, что он закашлялся и невольно остановился. Голоса говоривших мгновенно умолкли. Кованда и отец обернулись к двери и уставились на Гонзу. Тот ожидал, что они накинутся на него с расспросами. Но они молчали, да и смотрели они не на него, а на стоявшую позади него мать, лицо которой не обещало ничего хорошего.

— Молодцы, нечего сказать! — сурово проговорила пани Рогушева. — Дышать нечем!..

— Да, накурили, пожарных вызывать впору!..— смиренно признался Кованда.

— Не сердись, мать,— виновато сказал сапожник.— Это мы нечаянно. Увлеклись мы тут с паном стражмистром интересной беседой... Ну что, герой, вернулся из похода?.. Проходи, садись и все выкладывай. Прежде всего: где Оленька?

— Оленька дома,— ответил Гонза, усаживаясь за стол.— Сам ее проводил до квартиры и передал с рук на руки пани Ковандовой.

— Спасибо тебе, Гонза! — с чувством сказал Кованда и торопливо спросил: — А про меня жена спрашивала?

— Спрашивала. Я сказал, что вы у нас и тоже скоро придете домой.

— Ну, что я вам говорил, пан стражмистр? Чем не деловой парень! — воскликнул сапожник с довольным видом и снова вперил свой глаз в сына. — А как то дело? Получилось у вас что-нибудь?

— Еще бы! Конечно, получилось! — не без важности ответил Гонза.

Рогуш быстро обменялся с Ковандой понимающим взглядом и, тряхнув сына за плечо, вскричал:

— Да ты рассказывай все по порядку и со всеми подробностями! Чего ломаешься?!

— А что рассказывать-то? Тут и рассказывать нечего. Ну, разыскали мы с Оленькой Мирека и доставили его в надежное убежище. Вот и весь рассказ... А теперь я есть хочу и спать!

— Ну и вредный же ты, ну и скрытный! Весь в отца! — восхищенно произнес сапожник. — Только от меня, брат, нелегко отделаться! Разыскали, говоришь? Так вдвоем с Оленькой и разыскали?

— А то с кем же еще? Ясно, вдвоем. Больше с нами, помнится, никто отсюда не пошел. Мама вот набивалась, да мы не взяли ее!..

— А ехидный ты, Гонза, ну прямо вылитая мать! — проговорил одноглазый.

— Ладно, вылитая или нет, не приставай к мальчику! — вмешалась пани Рогушева, задетая замечанием мужа. — В самом деле, почему он будет тебе все рассказывать? Ты ведь с паном стражмистром, не в обиду ему будь сказано, все это время лясы точил, пока наши дети большое и опасное дело делали. Ну и не приставай теперь с пустыми вопросами!..

— Я не с пустыми вопросами, — серьезно возразил сапожник. — Найти человека и спрятать его от гестаповцев — это, слов нет, большое дело. Но это еще не все. Пока Мирек находится в Праге, над ним постоянно висит угроза ареста. Тебе это понятно, конспиратор ты безусый?

— Понятно, — нехотя согласился Гонза.

— Слава богу, понимать начинаешь! Ну, а коли так, то поймешь и дальнейшее. Мирека нужно сегодня же ночью или, во всяком случае, рано утром увезти из Праги. Любое дело, Гонза, нужно доводить до конца, а не бросать на половине. Ты можешь выполнить такую работу со своими загадочными помощниками (что без помощников тут не обошлось, в этом я уверен) или не можешь?

Гонза немного подумал и честно признался:

— Нет, отец, не могу... Точнее говоря, увезти его мы,

то есть я... ну, да все равно! Словом, увезти было бы можно. Не этой, конечно, и не следующей ночью. Но вся штука в том, что для этого нужно место придумать, людей там подыскать... А это история долгая. Мы... то есть я тоже думал увезти его, только не сегодня и не в ближайшие дни, а этак недельки через три...

— Ого! Прямо на глазах ты, брат Гонза, умнеешь! Совсем толково заговорил. И так, сами вы не осилите такой задачи. А ждать три недели опасно. И для Мирека опасно, и для тебя с Оленькой, да и для всех твоих таинственных помощников. Вот тут, значит, и пригодится одноглазый папаша, который только и знает, что подметки ставит да лясы точит.

— Ты, отец?

Гонза удивленно уставился на отца, словно впервые его увидел. Лицо парня постепенно озарялось широкой счастливой улыбкой. Он вдруг все разом понял.

— Да, я, сынок,— твердо сказал Рогуш и поднялся.— Эту ночь тебе не придется спать. Завтра отсыпаться будешь. А теперь быстро ужинай, и пойдем вместе доводить твое дело до конца... Давай, мать, корми своего героя!

Пани Рогушева тоже смотрела на мужа с изумлением. На мгновение ей почудилось, что она видит перед собой своего прежнего Карела, молодого, непреклонного и решительного, каким он был пятнадцать лет назад, в лучшую пору своей деятельности в партии. И радостно было ей видеть такое чудесное превращение, и страшно... Не сказав ни слова, она суетливо бросилась подавать сыну на стол.

Кованда попрощался со всеми за руку и отправился во-свояси. В подворотне он наклонился к вышедшему проводить его сапожнику и шепотом спросил:

— Обойдешься сегодня без меня, товарищ Рогуш?

— Обойдусь, товарищ Кованда,— также шепотом ответил одноглазый и добавил: — Когда понадобится, пришлю человека. Явочный девиз: «Все мы дети одной матери». Ответ: «И руки у нас чисты». Запомнишь?

— Запомню. «Все мы дети одной матери», «И руки у нас чисты».

— Ну, ступай... Привет Ольге!

— Спасибо...

Кованда еще раз от всего сердца пожал сапожнику руку и вышел на улицу. Шаги его гулко простучали по тротуару и постепенно затихли в отдалении...

Через полчаса одноглазый сапожник Рогуш и его сын Гонза тоже вышли из дома и поспешно зашагали в темноту ночи...

...Тревожная ночь миновала. Над проснувшимся городом в сизом мареве позднего зимнего рассвета зарождался новый день. Он нерешительно выплывал на еще заспанный сероватый небосвод, но уже было видно, что он обещает быть таким же голубым, солнечным, по-весеннему теплым, как и вчерашний. Воробьи в ожидании первых ласковых лучей уже возились на карнизах домов и нетерпеливо покрикивали. С седоватых от снега черепичных крыш, украшенных сталактитами ледяных сосулек, начали падать звонкие капли. Детвора с портфелями и ранцами разбегалась по школам, жуя на ходу бутерброды и не пропуская ни одной лужи без того, чтобы не проломить на ней каблуком хрупкую ледяную корку. Тысячи окон поднимали угрюмые веки затемнения, прозревали всеми своими стеклами, недоверчиво всматривались в наступающий день. Каков он будет? Какие радости или печали принесет с собой?..

В мрачном здании гестаповской «петчкарни» уже вовсю кипела работа. Сновали следователи с делами под мышкой, машинистки трещали на бесчисленных «ундервудах», конвоиры выводили на допросы из подземных казематов бледных, измученных узников.

Штурмбанфюрер Кребс сидел в своем кабинете и считывал два только что отпечатанных на машинке рапорта: один — об отчислении шарфюрера Вурма в действующую армию, в эсэсовскую дивизию «Мертвая голова», другой — о предоставлении в его, Кребса, распоряжение обершарфюрера СС барона фон Вильдена.

Определяя судьбы этих двух людей, посылая одного из них на верную гибель, а другого спасая от этой гибели, гестаповец не ощущал решительно никаких эмоций. Он подписал оба рапорта с одинаковым безразличием. Но в тот момент, когда он уже поднес руку к кнопке звонка, чтобы отправить рапорты по назначению, в дверь его кабинета быстро и настойчиво постучали. Отдернув руку от звонка, Кребс строго посмотрел на дверь и крикнул:

— Войдите!

На пороге появился младший гестаповский чин из оперативной группы шарфюрера Вурма. Лицо его было перекошено от ужаса. Забыв о предусмотренном уставом приветствии, он до отказа вытянулся перед начальником и едва выдавил из себя дрожащими губами:

— Раз... разрешите доложить, господин штурмбанфюрер! Только что у себя в кабинете застрелился руководитель нашей группы шарфюрер Вурм! Сотрудники ждут... ваших распоряжений...

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице Кребса. Он раздельно произнес:

— Не знаете устава! Убирайтесь вон!

Младший чин затрепетал и выпучил глаза. Он хотел что-то сказать, но опомнился, щелкнул каблуками и, вскинув руку, исчез без единого звука.

Кребс продолжал смотреть на дверь. Известие о самоубийстве Вурма ошеломило его. Впервые за свою многолетнюю службу в гестапо он почувствовал странную неуверенность в себе. Почва под его ногами заколебалась, всегдашнее душевное равновесие нарушилось...

Вурм застрелился!.. Конечно, он был трус и дурак... Но все же, почему он покончил с собой? Почему?.. Неужели из страха перед Восточным фронтом? Неужели там, за Одером, за Вислой, за Бугом, готовится страшное, неотвратимое возмездие? Неужели оно придет даже сюда, в Прагу, и настигнет его, штурмбанфюрера Кребса? Придет?.. Да ведь оно и теперь уже таинственным образом доходит до Праги и неумолимо карает. Убило же оно шарфюрера Вурма!..

По спине гестаповца пополз противный холодок. Его перевернуло. Он оторвал взгляд от двери и уставился на портрет Гитлера. Он боялся пошевелиться, боялся отвести глаза от портрета, словно ждал от него каких-то указаний. Но портрет молчал, и его остановившийся безумный взгляд не выражал ничего.

— Хорошо, мой фюрер, хорошо! — прошептал наконец Кребс. — У нас есть еще время. Мы еще покажем себя!..

В восемь часов Кребсу доложили о бароне фон Вильдене. Штурмбанфюрер велел ему подождать. В девять явился в полной парадной форме чешский полицейский Бошек. Штурмбанфюрер и его не принял. До самого полудня он просидел в полном одиночестве, тщетно пытаясь вернуть себе утраченную самоуверенность и прежнюю железную непреклонность.

В полдень он дрожащими пальцами разорвал оба рапорта и бросил их в мусорную корзину. Обрекая трусливого барона на скорую встречу со страшным возмездием, он как бы отдалял это возмездие от себя самого. Эта мысль его немного утешила и одновременно ожесточила.

Первым он принял барона, который совершенно извелся длительным ожиданием. Не пригласив приятеля даже сесть, штурмбанфюрер холодно заявил ему:

— Обстоятельства изменились, господин барон. Я не могу воспользоваться вашими услугами!

— Но ведь я слышал, господин штурмбанфюрер, что ваш сотрудник Вурм... — начал фон Вильден.

Но Кребс резко оборвал его:

— Мне некогда объяснять вам причины! Я занят. Извольте удалиться!

Барон позеленел и, пошатываясь, как пьяный, вышел из кабинета.

Тогда Кребс приказал позвать полицейского Бошека. Тот бодро вбежал в кабинет и, вскинув руку, щелкнул каблуками:

— Младший стражмистр Бошек явился по вашему приказанию, господин штурмбанфюрер!

Кребс изучающе осмотрел его и сказал:

— Вы получите у себя на службе отпуск. Это я улажу. Затем примете любое обличье и займетесь поисками Мирослава Яриша. Не только в Праге, но и на всей территории протектората. Документы вам оформят в моем оперативном отделе. Через месяц явитесь с докладом. Все. Можете идти.

— Слушаюсь, господин штурмбанфюрер!

Покончив с этими делами, Кребс вызвал конвоиров и приказал доставить к себе в кабинет арестованных Богуслава и Ярмилу Яришевых. Первый допрос родителей неуловимого мальчишки он решил провести лично.

27

В тот же час холодного рассвета, когда в «петчкарне» глухо щелкнул пистолетный выстрел, оборвавший жизнь незадачливого шарфюрера Вурма, со стороны Тынской улицы на Староместскую площадь вышел тяжелый десятитонный грузовик. Кузов его был закрыт брезентом, под которым громоздились ящики с заводским клеймом «Юнкерса». Если бы можно было опустить левый борт грузовика и потянуть за третий ящик от кабины в нижнем ряду, то оказалось бы, что он ничуть не прижат верхней массой груза и легко выдвигается. Позади него обнаружился бы лаз в темную клетушку, искусно оставленную при укладке ящиков, а в ней, в этой клетушке, можно было бы найти живое человеческое существо.

Но про выдвигающийся ящик, про пустоту под грузом и про затаившегося пассажира не знал никто, кроме двух пожилых рабочих, которые сидели теперь в кабине грузовика — один за баранкой, другой рядом. Им было дано задание, и они добросовестно выполняли его, нисколько не интересуясь ни личностью загадочного пассажира, ни причинами, заставившими его покинуть Прагу. В их обязанности входило: 1) подготовить в кузове грузовика убежище, 2) привести машину в определенное время к такому-то дому на Тынской улице, 3) принять по такому-то паролю в кузов одного человека, 4) высадить этого человека в такой-то точке по пути следования. Вот и все. Пер-

вые три пункта они уже выполнили и теперь вели свой ревущий стосильным мотором левиафан к окраине города.

На городских улицах их несколько раз останавливали полицейские патрули, усиленные двумя-тремя зловещими молодчиками в штатском. Молодчики хмуρο требовали документы, заглядывали в кузов под брезент. Увидев на ящиках клеймо военного завода, они прикладывали к шляпам два пальца и пропускали машину... Но вот последнее пражское строение осталось позади. Вокруг шоссе раскинулись заснеженные поля, холмы, перелески. Грузовик взревел еще громче, рванулся вперед и помчался на предельной скорости.

Загадочным пассажиром, укрытым под грудями ящиков, был Мирослав Яриш. Рано утром Гонза пришел разбудить его, принес ему новую теплую одежду и, еще заспанного, почти не отдохнувшего, вывел из подземного склада. Чужие неразговорчивые рабочие помогли ему забраться под ящики в кузов грузовика, где он нашел ворох суконных одеял.

Лежа в кромешной темноте, он чутко прислушивался ко всем внешним звукам. Он отчетливо слышал голоса полицейских и агентов гестапо, и сердце его всякий раз начинало бешено стучать. Потом, по изменившемуся реву мотора, по рывку, с которым грузовик увеличил свою скорость, Мирек понял, что Прага осталась позади.

Это сознание и обрадовало его, и наполнило грустью. Обрадовало потому, что закончились для него все опасности; опечалило потому, что в Праге остались в беспощадных лапах гестапо несчастные отец и мать, остались беззаботное детство и короткая тревожная юность, осталась Оленька...

Мирек мысленно прощался с родителями, почти не веря, что когда-нибудь их снова увидит. Он клялся жестоко отомстить за них. По щекам его текли горькие слезы, а в сердце горела жгучая ненависть к палачам. Он твердо решил, что, если его друзья будут лишь оберегать его жизнь в разных безопасных убежищах, он воспротивится им, будет требовать оружия и зачисления в действующий партизанский отряд. Он должен сражаться! Он должен убивать фашистских гадин! Мстить! Мстить за мать, за отца, за Прагу...

Мотор монотонно гудел, машина мчалась вперед, мягко покачиваясь на колдобинах. Утомленный горькими мыслями, убаюканный победным пением могучего мотора, Мирек постепенно забылся и вскоре уже спал крепким сном.

Счастливого тебе пути, Мирек! Больших тебе удач в боях за свободу родины и долгой счастливой жизни после победы над всеми врагами! Будь всегда смелым, стойким, мужественным, непреклонным, таким, как твой народ, как твой родной город, который ты оставил, но который не забудет тебя!

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ДИКА МЮРРЕЯ

Фантастическая повесть

В широкое окно свободно лились потоки солнечного света. На их пути оказался старинный овальный стол, покрытый клеенкой в мелкую зеленую клетку. Яркие лучи падали на одну половину стола, и она сверкала, словно грядка молодой зелени.

На теневой половине стояли тарелка с манной кашей и белая фаянсовая кружка с молоком. Перед ними сидел худенький черноглазый мальчик лет четырех. Он смотрел на освещенную половину стола, аккуратно раскладывал кашу по маленьким зеленым клеткам и при этом монотонно тянул:

— Тетя Кле-е-еми, я хочу игра-а-ать! Я не хочу ка-а-аши! Тетя Кле-е-еми!..

— Тише, Дик, тише, мой мальчик! Кушай и не шали! Папе плохо, папе очень плохо! — приглушенным голосом отвечала тетя Клеми, сидевшая в стороне на диване.

По полному, еще красивому лицу сорокалетней женщины катились крупные слезы. Она не смотрела на мальчика, не замечала, как он расправляется с кашей, и лишь машинально отзывалась на его нытье. Глаза ее при этом неотрывно следили за дверью, словно там решалась в эту минуту ее судьба.

— Тетя Кле-е-еми, ты обещала, что я буду играть с кошкой!..

— Тише, Дик, тише!..

Но вот дверь медленно раскрылась, и в комнату вошел толстоватый лысый человек в черном костюме. Его большое розовое лицо с мягкими добрыми чертами выражало глубочайшую скорбь. Это был старый друг семьи доктор Кларк.

Он сел на диван рядом с тетей Клеми, вынул платок и стал молча вытирать вспотевшее лицо.

— Ну как он, доктор? Говорите скорей! — громко всхлипнув, спросила тетя Клеми.

Доктор погладил лежавшую на диване кошку, посмотрел на мальчика и с тяжелым вздохом ответил:

— Плохо, Клементайн, совсем плохо... Он хочет проститься с сыном...

Вот уже два месяца, как Томас Мюррей вернулся из столицы в родной городок и поселился в доме своей старшей незамужней сестры. Много лет о нем ничего не было слышно. Клементайн уже считала его погибшим. И вдруг он вернулся. Но в каком состоянии! Нищий, убитый горем и безнадежно больной! Единственным его богатством был сын — маленький, болезненно-хрупкий мальчик. О судьбе матери Дика Томас ничего не рассказал, а Клементайн постеснялась расспрашивать брата, сердцем чувствуя, что в этом и кроется причина всех его несчастий.

Томас знал, что дни его сочтены, и был готов встретиться с неизбежным. Когда сестра и сын подошли к его постели, он собрался с силами и сказал:

— Клеми, дорогая, я ничего тебе не буду поручать, ни о чем не буду просить. И так все ясно. Дик остается у тебя... Не обижай его... Я ничего не нажил, чтобы оставить сыну... Уж ты прости... Но кое-что я еще могу для него сделать... Поддай мой черный саквояж, Клеми!..

Она достала из шкафа потертый черный саквояж и поставила его на край постели. Дик придвинулся ближе, уверенный, что отец хочет ему что-то подарить.

Мюррей вынул из саквояжа две блестящие никелированные коробки. У мальчика при виде их разгорелись глаза.

— Это мне, папочка, это мне?

Отец погладил его по голове:

— Тебе, мой хороший, тебе... Клеми, сними с него куртку и засучи рукав рубашки.

— Том, милый, зачем? Что ты хочешь делать?! — испуганно спросила Клементайн, не замедлив, впрочем, выполнить просьбу брата.

Бескровные губы больного тронула легкая улыбка:

— Не волнуйся, дорогая. Я просто хочу уменьшить бремя твоих забот. Дик болезненный ребенок. И ест из рук вон плохо... Я сделаю так, что он никогда ничем не будет болеть... Подведи его ближе и поддержи ему руку... Вот так, хорошо...

Из одной коробки Мюррей извлек шприц с тонкой иглой, из другой — небольшой флакон с молочно-белой жидкостью. Проколов пластмассовый предохранитель, он втянул всю жидкость в шприц.

— Может, лучше позвать доктора Кларка? Он еще здесь... Ведь иглу, Том, прокипятить надо, — робко заметила тетя Клеми.

— Не нужно... Никого не нужно... Я сам... А игла в порядке... Ну, сынок, будь мужчиной! Не боишься?

— Не боюсь, папа! Нисколько не боюсь!

Когда из комнаты больного донесся пронзительный детский крик, доктор Кларк вскочил с дивана и со всех ног бросился на голос. Он был уверен, что случилось самое ужасное. Пробежав по коридору, он уже взялся за ручку двери, но голоса из комнаты заставили его остановиться.

— Ты противный! Я не люблю тебя! — кричал мальчик сквозь громкие рыдания.

Тут же послышался голос больного:

— Вот и все... А ты плачешь!.. Отдай ему эти коробки, Клеми, и уведи его. Через час он уснет и проспит до завтрашнего утра... А доктору Кларку об этом ни слова. Обещаешь?

— Да, да, Том, обещаю! — взволнованно ответила женщина.

Доктор Кларк пожал плечами и медленно побрел обратно в комнату, где сел на диван и погрузился в задумчивость.

Тем временем Клементайн одела Дика, сунула ему в руки блестящие коробки и, всхлипывающего не столько от боли, сколько от обиды, поспешно увела прочь.

Мюррей проводил сына широко раскрытыми глазами, полными тоски.

— Прощай, Дик! Я умру, и с этим ничего не поделаешь... Но ты, сынок, будешь жить всегда! — прошептал он, когда дверь за ушедшими закрылась.

Прошло два года. Дик за это время изменился до неузнаваемости. Теперь это был рослый, крепкий, упитанный мальчуган, которому можно было смело дать не шесть лет, а все восемь.

О странной сцене с уколом Клементайн очень скоро забыла. А ведь, говоря по совести, в тот момент поступок больного брата ужасно перепугал ее. У нее даже возникло подозрение, что бедный Томас, находясь в состоянии сильнейшего душевного расстройства, решил не оставлять беспомощного ребенка одного и ввел ему в кровь смертельный яд.

Подозрение ужасное, но вполне простительное — ведь Клементайн десять лет не виделась с братом и ничего не знала ни о его работе, ни о жизни, ни о мыслях. Тревога за маленького племянника настолько захватила ее, что заглушила все тяжелые переживания, связанные с кончиной и похоронами брата. Даже во время ночного переполоха, вызванного смертью Томаса, Клементайн то и дело бегала в комнату Дика и, склонившись над кроватью, со страхом прислушивалась к его мерному дыханию.

Но, к счастью, все ее опасения оказались напрасными. Все обошлось как нельзя лучше...

«Причуда ученого!» — решила тогда Клементайн и перестала думать об удивительном поступке брата.

А блестящие коробки и шприц она упрятала в черный саквояж, который затолкала под кучу старого хлама на чердаке. Ведь эти вещи должны были вызывать у Дика неприятные воспоминания об отце. А это ни к чему. Пусть мальчик до времени думает, что отец уехал в далекое путешествие.

Дик недолго спрашивал об отце. В смутных, мимолетных воспоминаниях или в легких, мгновенно забываемых сновидениях отец являлся ему большим и добрым человеком без определенного лица, без определенного значения.

Дни Дика были заполнены едой, играми, сказками и снова едой. Он много бегал, много ел, его любознательность была неистощима, а поразительной изобретательностью он ставил в тупик даже доктора Кларка.

Весь дом и сад были в распоряжении мальчика, и он пользовался ими во всю ширь своей неукротимой энергии и фантазии.

Но лучшими часами для Дика были те, которые он проводил с доктором Кларком.

Старый врач полюбил Дика, как родного, и отдавал ему все свое свободное время. Собственная судьба сложилась у доктора так, что он не успел обзавестись семьей, и теперь весь неистраченный жар его сердца, вся его доброта и любовь к детям достались Дику. Их общение заключалось в бесконечных беседах, во время которых мальчик задавал уйму вопросов, а старик терпеливо и с увлечением отвечал на них.

Вначале Клементайн порывалась принимать участие в этих беседах, но потом примирилась с тем, что Дик любит толковать с доктором Кларком наедине.

— Ты не обижайся, тетя Клеми! — уговаривал ее мальчик. — Я сильно, сильно люблю тебя, но у нас с доктором такие разговоры, такие разговоры, что ты только помешаешь!

— Ну что это за разговоры, которые мне нельзя слушать? О чем?

— Обо всем, тетя. Честное слово, обо всем!

— Ну, если обо всем, тогда другое дело. Не буду вам мешать...

А доктор Кларк с улыбкой ждал, когда Клементайн сдастся, и с довольным видом уводил Дика в сад.

«И все-таки он мой! Мой и ничей больше!» — утешала себя Клементайн, глядя вслед доктору Кларку и здоровенному мальчугану, кудрявая голова которого уже доходила старику до плеча.

Новые неожиданные заботы возникли, когда Дику пришло время поступать в школу. Дело в том, что мальчик рос все быстрее и быстрее и в свои семь лет больше походил на пятнадцатилетнего подростка, чем на первоклассника. И вот тогда Клементайн впервые заговорила с доктором Кларком о необыкновенном здоровье и бурном росте своего племянника.

Доктор Кларк внимательно выслушал ее и сказал:

— Напрасно вы волнуетесь, Клементайн. Мальчик находится под постоянным медицинским надзором, отлично питается, живет в благоприятном для него климате...

— Но его рост, доктор! Ведь он выглядит на пятнадцать лет!

— Ну и что же? Вы слышали об акселерации, Клементайн?

— Об акселерации? Это еще что такое?

— Ничего страшного. Акселерацией называют доселе неразгаданную способность современных детей расти и развиваться быстрее, чем росли и развивались дети предыдущих поколений. Это явление наблюдается во всемирном масштабе

и объясняется тем, что дети стали лучше питаться и меньше болеть. Разумеется, каждый ребенок подвержен влиянию акселерации по-своему — один больше, другой меньше. Наш Дик, по-видимому, с исключительной силой реагирует на акселерацию. Отсюда его здоровье, его рост, его общее развитие.

— А это не опасно, доктор?

— Напротив. Это очень положительное явление в эволюции человеческого рода.

— А в школе у Дика не будут неприятности из-за этой... акселерации?

— Уверен, что ни малейших!

Прошло еще немного времени, и Дик предстал перед комиссией учителей. Он был выше своей тетки и почти сравнялся с доктором Кларком. Только круглая розовощекая физиономия с большими удивленными глазами да чистый залихватский дискант выдавали в нем семилетнего ребенка.

Школьная комиссия была несказанно поражена видом такого первоклассника.

— Ребенку семь лет. Вот его метрика. Прошу зачислить его в первый класс,— решительно заявила Клементайн и положила на стол документы Дика.

— Что? Семь лет? В первый класс?! Вы, госпожа Мюррей, надо полагать, ошиблись. Вы, вероятно, хотели сказать, что юноше семнадцать лет и он поступает в первый класс лицея?..— в замешательстве проговорил председатель приемной комиссии.

Тогда в разговор вмешался доктор Кларк:

— Никакой ошибки тут нет, господа. Перед вами действительно семилетний ребенок. Это сын уроженца нашего города Томаса Мюррея. Мальчик рос на моих глазах. Три года назад это был худенький малыш, который не дотягивал до своих четырех лет ни по весу, ни по росту. Но три года нормальной жизни, отличное питание, врачебный надзор сделали свое дело. Мальчик побил все рекорды роста. Но это не дает оснований сомневаться в том, что ему действительно семь лет. Его документы выданы в столице, и подлинность их бесспорна.

Члены комиссии переглянулись, потом стали изучать метрику Дика. После этого председатель обратился к самому Дикку:

— Сколько тебе лет... э-э-э... мальчик?

— Семь лет, сударь. Месяц назад исполнилось.

— А как звать тебя?

— Ричард Мюррей.

— Читать ты умеешь?

— Да, сударь. Я очень люблю читать. Книг у меня много-много!

— Ну хорошо, Дик. Выйди пока в коридор и подожди там. Только не шали. В школе шалить нельзя.

— Я не буду шалить. Мне тетя Клеми уже говорила.

Дик неуклюже поклонился и вышел.

Председатель почесал переносицу и сказал:

— Да-а, рост феноменальный... Он даже в парте для малышей не поместится...

— Что поделаешь, акселерация! — глубокомысленно заметила Клементайн и добавила: — А насчет парты не беспокойтесь. Если возникнут особые расходы, я уплачу.

— Что вы, госпожа Мюррей! Какие расходы! Возьмем парту у старшеклассников и поставим вашему Дику. Вот и вся проблема... Вот только если он и дальше будет так расти...

— Это абсолютно исключено, — авторитетно заявил доктор Кларк. — Акселерация ускоряет развитие детей, но отнюдь не порождает великанов. Дик, конечно, обещает быть рослым человеком, но смею вас уверить, это будет в пределах нормы.

— В таком случае, все в порядке. Ваш племянник принят, госпожа Мюррей. Занятия начнутся первого сентября.

— Благодарю вас. Идемте, доктор Кларк!..

Как-то раз, в дообеденное время, когда Дик был в школе, Клементайн вызвала доктора Кларка по телефону. Старик не заставил себя ждать — ведь вызов касался его дорогого Дика, а голос госпожи Мюррей звучал в трубке слишком взволнованно.

— В чем дело? Что случилось? Где Дик?! — вскричал доктор, ворвавшись в гостиную и забыв от волнения снять шляпу.

— Дик в школе. Но я хотела...

— Погодите! Он здоров?

— Здоров, здоров. Позавтракал с аппетитом и с собой взял кучу еды.

— Слава богу!.. Ох, и напугали же вы меня, дорогая Клементайн!

Доктор снял шляпу, вытер лысину носовым платком и усталопустился в кресло.

— Я боюсь за Дика, доктор, — проговорила госпожа Мюррей.

— Чего боитесь? Почему? Чем вызваны ваши страхи?

— Он непрерывно растет, доктор!

— И пусть себе растет на здоровье! Детям положено расти!

— Да, но Дик растет так, что становится страшно! С тех пор как он пошел в школу, я внимательно слежу за его ростом. И что же я обнаружила? Вместо того чтобы расти все медленнее и медленнее, Дик растет все быстрее и быстрее. Первого сентября, когда он первый раз пошел в школу, в нем было семьдесят килограммов весу и сто семьдесят два сантиметра росту. За один только месяц Дик прибавил двенадцать сантиметров! Но это не самое страшное. Хуже то, что за первую неделю он вырос на полтора сантиметра, за вторую — на два с половиной, за третью — на три, а за четвертую — на целых пять сантиметров. Что же будет дальше, доктор?

— Вы в самом деле так тщательно следили за его ростом? Вы не ошиблись, Клементайн?

— Нет, доктор. Я не могла ошибиться. Вот пометки на косяке, вот даты. Еще неделя — и Дик не пройдет в двери, не наклонив головы!..

Доктор Кларк внимательно осмотрел пометки на дверном косяке. Потом он долго сидел в глубокой задумчивости. Наконец поднял на женщину растерянный взгляд.

— Это... это... просто невероятно... Я не слыхал о чем-либо подобном... А как в школе, уже заметили что-нибудь?

— Пока нет, но через месяц обязательно заметят. Ведь если это будет продолжаться, через месяц наш Дик достигнет двух с половиной метров. Это будет просто ужасно! Ведь он совсем еще ребенок!..

— Не надо, Клементайн, не отчаивайтесь. Будем надеяться на лучшее. Я теперь сам займусь Диком. В школу пусть пока не ходит. Сообщите туда, что он заболел.

С необходимостью прервать посещение школы Дик легко примирился. Отчасти потому, что все-таки чувствовал себя неловко среди малышей, отчасти же потому, что скучал на уроках, так как всю программу первого класса успел пройти с доктором Кларком. Возвращение к привольной жизни — к книгам, играм и непринужденным беседам со старым другом — он приветствовал от всей души.

Однако вскоре мальчик стал замечать, что опекуны его чем-то сильно озабочены и уделяют ему гораздо больше внимания, чем прежде. Доктор ежедневно взвешивал и измерял его, следил за рационом его питания, подвергал тщательным осмотрам и различным анализам. А Клементайн забросила все свои дела ради того, чтобы неотступно находиться при Дике. Она смотрела на него печальными, испуганными глазами и часто повторяла:

— Бедный мой Дик! Бедный мой мальчик!

Однажды, гуляя один в саду, Дик подошел к высокому забору, до которого еще летом не мог дотянуться руками, и тут он с удивлением обнаружил, что может смотреть через забор, даже не поднимаясь на носки. Ему стало немного не по себе.

В эту минуту соседские мальчишки, с которыми он летом водил дружбу, заметили над забором его голову и принялись кричать, показывая на него пальцами:

— Смотрите, смотрите, великан идет! Вот так первоклашка! Эй, Дик, достань с крыши воробышка!

— Дураки! — ответил им Дик. — Вот поймаю, плохо вам будет!

Мальчишки поняли, что им и в самом деле может быть плохо, если они попадутся в руки к такому верзиле, и, прекратив поэтому крик, поспешно убежали прочь.

Красный, с трясущимися губами, Дик ушел в самый глухой угол сада, лег на ворох сухих листьев и горько расплакался.

Напрасно звал его доктор Кларк. Мальчик впервые не откликнулся на голос любимого наставника, не прибежал со всех ног по его зову.

В тот же вечер, когда Дик уснул на своем диване, к которому теперь приставляли кресло и два стула, доктор Кларк имел с госпожой Мюррей очень серьезный разговор. Она сидела на диване с вязаньем в руках, а старый доктор расхаживал по гостиной и говорил:

— Я ничего не понимаю, дорогая Клементайн. Мне горько в этом признаваться, но это так. Я подвергал Дика самым тщательным осмотрам и не нашел в нем решительно никаких нарушений. Кровь, железы, печень, гипофиз — одним словом, все органы абсолютно в норме. Нигде и ни в чем ни малейших отклонений! И тем не менее он растет. Растет самым непостижимым образом!

Спицы в руках женщины замерли, лицо побледнело.

— Даже вы ничего не понимаете... Это ужасно, доктор!.. Сколько в нем уже?

— Сегодня он достиг двух с половиной метров. А весит сто сорок килограммов...

— Уму непостижимо!.. Вы и теперь считаете, доктор, что это просто акселерация?

— Нет, Клементайн, не считаю. Это что-то другое.

— Но что, что?!

— Трудно сказать... Я думал посадить его на диету. Но это не поможет, а лишь ухудшит его самочувствие. Он ведь не потому растет, что много ест, а, скорее, наоборот — потому много ест, что быстро растет. Его клетки размножаются как

бешеные. Им нужно все больше и больше материала, чтобы строить это несуразно большое тело. Ведь обычно по мере роста деятельность клеток в организме — я имею в виду их непрерывное размножение путем деления — постепенно затухает. Многие клетки начинают отмирать, чтобы размеры человека оставались в определенных пределах. Это тонкая и сложная механика. Науке еще далеко не все удалось в ней постичь. Во всяком случае, я склонен рассматривать феноменальный рост нашего мальчика как некое нарушение в работе клеток. Но простому врачу эти проблемы не по силам. Тут нужны специалисты, цитологи, которые знают характер клеток и способны уловить малейшие в них изменения...

— Вы хотите пригласить ученых из столицы, доктор?

— Нет, Клементайн, приглашать никого не нужно. Дикую нельзя оставлять в вашем доме. Его нужно самого увезти в столицу, пока это возможно... Погодите, не возражайте! Положение серьезнее, чем вы думаете. Сегодня Дика обидели мальчишки. Увидели над стеной сада его голову и принялись дразнить его. Дик чуткий мальчик. Он обиделся и плакал. Но потом вскочил и крикнул, что изобьет обидчиков. Вы понимаете, Клементайн, что это значит? Дик обладает нечеловеческой силой. Ударом кулака он может свалить взрослого мужчину! И при этом он ребенок, семилетний мальчишка, способный не помнить себя в драке. Сегодня он плакал, а завтра он может перемахнуть через забор и напасть на своих обидчиков. Вы представляете, что тогда будет?! В лучшем случае он их искалечит, но скорей всего просто убьет. И тогда его закуют в цепи и посадят в железную клетку, как опасное для людей чудовище...

— Пощадите, доктор! Довольно! — воскликнула госпожа Мюррей, обливаясь слезами. — Вы убедили меня. Когда вы намерены ехать?

— Сегодня ночью, Клементайн. У меня уже заказаны билеты на поезд...

Вскоре после полуночи Клементайн и доктор Кларк вывели заспанного Дика из дома. На мальчике был короткий макинтош и шляпа. Вся одежда ему была мала, тесна и едва прикрывала его тело. Он ежился от ночного холода и сладко зевал. Ему так хотелось спать, что он даже не спросил, куда это его ведут по темным улицам.

До вокзала было близко, а улицы городка в этот час были совершенно безлюдны. И все же, когда они проходили мимо какого-то подъезда, из него вдруг послышался чей-то приглушенный голос:

— Смотри, смотри, Дик Мюррей идет! Великан идет!

Хорошо еще, что заспанный Дик не обратил на это внимания. Но перепуганные госпожа Мюррей и доктор Кларк чуть ли не бегом повлекли гигантского мальчика к вокзалу...

Пусто и грустно стало в доме Клементайн после отъезда Дика. В комнатах царила гнетущая тишина, а безмолвие сада нарушалось лишь унылым шелестом опавших листьев. Не было больше ни криков, ни смеха, ни громкого топота, сотрясавшего стены старого дома. Осиротел диван с приставленными стульями, осиротели игрушки, книги, осиротели огромные кастрюли на кухне.

Первые дни Клементайн не находила себе места: тосковала, плакала, ходила как неприкаянная по пустому дому. Потом взяла себя в руки и стала думать.

В полной тишине думалось хорошо. Она часами сидела неподвижно в кресле — вспоминала, доискивалась, сравнивала. Ей мучительно хотелось найти первопричину той ужасной и таинственной беды, которая постигла ее дорогого Дика. Что вызвало в нем этот ужасный рост?

Перебирая события всех трех лет, которые Дик провел под ее опекой, Клементайн дошла до последнего свидания мальчика с умирающим отцом. И тут, словно внезапное озарение, в ее памяти вспыхнули слова Томаса: «Я сделаю так, что Дик никогда ничем не будет болеть...»

А ведь Дик за эти три года в самом деле ни разу не болел!

Значит — укол!

Ни секунды не раздумывая, Клементайн бросилась на чердак. Не обращая внимания на пыль, она расшвыряла кучи хлама, нашла черный саквояж и, прижав его к груди, поспешно вернулась в комнату.

Обтерев тряпкой тусклую потертую кожу, Клементайн с терпением открыла саквояж. Вот они, блестящие коробки изпод шприца и неведомого лекарства. А что под ними? Под ними оказалось два десятка толстых тетрадей в клеенчатом переплете. Сердце женщины так и замерло от радости: «Здесь, конечно, здесь хранится объяснение всему, что происходит с бедным Диком!»

Она взяла верхнюю тетрадь и уселась в кресло. Сначала она раскрыла ее наугад где-то посередине. В глазах зарябило от схем, уравнений и формул. Тогда она вернулась к началу. На первых страницах был обычный текст, написанный размашистым, торопливым почерком Томаса. Вот что прочла госпожа Мюррей:

«Жить вечно, жить всегда, никогда не уходить из этого прекрасного мира, никогда не расставаться с милыми нашему сердцу людьми — это ли не самое давнее, самое горячее желание человека! Многие тысячелетия искал человек средство стать бессмертным, многие тысячелетия гонялся за призрачными синими птицами счастья. Но нужно ему было пройти весь огромный и сложный путь развития, чтобы найти наконец то, что было его всегдашней мечтой: ключи к бессмертию.

Где же они оказались, эти золотые ключи? Кто хранил их от человека так крепко и надежно?

Хранителями ключей к биологическому бессмертию природа назначила невидимок — самых крохотных существ в мире. Их нельзя увидеть простым глазом, они меньше острия иглолки, и каждое из них состоит из одной-единственной клетки.

Человек познакомился с этими существами лишь тогда, когда изобрел первый микроскоп. Увидел их человек, удивился и назвал простейшими.

Да, простейшие! Это самые древние живые организмы Земли. Миллиарды лет назад ими буквально кишели теплые воды первозданного океана. В наше время простейшие тоже в основном живут в воде. Но некоторые виды свирепствуют и на суше: расселяются в виде болезнетворных клеток по чужим организмам.

Но где же у них золотые ключи? А вот где.

Одноклеточные малютки с самого начала своего существования наделены теми чудесными свойствами, о которых так страстно мечтает человек: они бессмертны! Каждая самостоятельная клетка, становясь взрослой, делится пополам, и из каждой таким образом возникают две новые клетки. Нет ни смерти, ни трупов — одно лишь вечное деление.

А что такое человеческое тело? Это огромная колония таких же одноклеточных существ. Только здесь они организованы по особому плану, разделены на отряды специалистов и действуют по одной общей программе. В такой колонии у клетки нет собственных интересов, несовместимых с интересами всего организма. Высшая цель деятельности этих клеток — благополучие и процветание всей родной колонии, то есть всего организма. Наши мышцы, кровь, кости, нервные ткани состоят приблизительно из тысячи миллиардов отдельных клеток. Общее устройство каждой из этих клеток ничем, в сущности, не отличается от устройства одноклеточных простейших, обитающих в обыкновенной луже. И там и тут — оболочка, цитоплазма, ядро. Разница между ними лишь в том, что клетки, составляющие сложный организм, несут в себе задатки своей собственной смерти, а клетки неорганизованные, так сказать дикие, — бессмертны.

Если взять отдельные человеческие клетки и поместить их в питательную среду, иными словами — вернуть им перво-зданную свободу и независимость, то вначале они будут вести себя столь же активно, как и их «дикие» собратья. Они будут делиться на новые, омоложенные, клетки, а эти, достигнув зрелости, в свою очередь разделятся пополам. А потом снова и снова. Казалось бы, путь в бесконечность открыт: размножайтесь, человеческие клетки, на свободе, и да не будет этому ни конца, ни предела! Но не тут-то было!

— Но какой-то непонятной причине эти подопытные человеческие клетки теряют вдруг способность к делению и погибают. Да, да, они умирают в самом буквальном значении этого слова, и вскоре в питательном растворе нет ничего, кроме их крошечных трупиков.

Повальная смерть клеток, которая в лабораторных условиях наблюдается после пятидесятого деления, происходит и в человеческом организме. «Трагедия» человеческих клеток начинается приблизительно в тридцатилетнем возрасте. Для самого человека это происходит абсолютно незаметно. Однако в возрасте восьмидесяти лет в человеке умирает уже до десяти килограммов клеток, и это, конечно, заметно отражается как на внешнем облике человека, так и на деятельности всех его органов. Вскоре после этого на колонию обрушивается смерть. Погибает колония клеток, а с нею погибает и человек.

Почему же клетки тела умирают, а свободные одноклеточные, эти самые простейшие, нет?

Ответ на этот вопрос предельно прост:

«Дикие» клетки свободны и независимы. Им ни о чем не нужно заботиться, кроме добывания пищи и деления. Они не служат никаким высшим целям. Другое дело клетки сложного организма — их жизнь и деятельность подчинены высшим целям: неумолимым законам эволюции вида.

Любое многоклеточное существо обязано развиваться и приспосабливаться к изменчивой среде. А это возможно только при непрерывно действующем естественном отборе. В какой-то мере бессмертие клеток здесь заменено бессмертием вида в целом. Не отдельной особи, а именно вида.

Немаловажным фактором в эволюции вида являются и определенные, присущие только данному виду размеры тела отдельной особи. Не поэтому ли гибель клеток в сложном организме начинается тогда, когда особь достигает предела своего роста и дальше расти не смеет? Да, это так. Именно поэтому мышь всегда остается мышью и никогда не достигает размеров слона. У человека рост полностью прекращается где-то в пределах тридцати лет. И что же? Как раз в этом возрасте эволюция наносит первый удар по колонии его клеток.

И, наконец, третьим фактором, определяющим продолжительность жизни колонии клеток, следует считать частоту ритмов в смене поколений. Эта частота определяется продолжительностью жизни отдельной особи, принадлежащей к тому или иному виду. Так, например, человек живет в среднем 80—90 лет, лошадь — 25—30, мышь — 3—5 лет.

Итак, смертный приговор колонии клеток в сложном организме выносит трибунал из трех неумолимых судей. Вот их имена: Естественный Отбор, Предел Роста и Ритм Смены Поколений.

Если клетки в колонии человеческого тела избавить от этого беспощадного трибунала, они будут жить и размножаться вечно. А это и есть золотые ключи к бессмертию. Но вот вопрос: не вызовет ли это непрерывное увеличение человеческого тела? Несомненно вызовет. Однако это увеличение будет настолько незначительным, настолько пренебрежимым, что о нем и говорить не стоит. За тысячу лет человек среднего роста достигнет от силы двух с половиной метров. Прибавки будут менее заметными, чем между двадцатью пятью и тридцатью годами. Объясняется это просто: интенсивность обновления клеток останется сбалансированной в пределах, установленных самой природой.

А теперь конкретное решение проблемы. Для этого прежде всего нужно подвергнуть тщательному анализу клеточный белок — протенин и производителей белка — рибосомы».

И все. Больше Клементайн не нашла ни слова ни в этой, ни во всех остальных тетрадах. Сотни страниц в них были заполнены одними формулами, схемами, уравнениями, диаграммами. Однако и прочитанного было более чем достаточно.

Уложив тетради обратно в саквояж, госпожа Мюррей задумалась.

Биологическое бессмертие! Так вот к чему стремился этот неисправимый гордец Томас!..

Но разве это возможно — жить всегда? Да и зачем? Люди привыкли умирать. Это страшно, но это неизбежно. Вот и сам Томас тоже умер...

Да, сам умер, а сыну перед смертью ввел препарат, в котором что-то важное осталось, по-видимому, недоработанным. За тысячу лет до двух с половиной метров! Какая страшная ошибка! Дик за три года достиг этих двух с половиной метров и продолжает расти все быстрее и быстрее. Томас допустил ошибку в своих расчетах. Это ясно. Но кто сумеет разобраться в его ошибке?

Клементайн встала и взволнованно прошла по комнате.

Ей почудился звонкий голос Дика, прозвучавший где-то в саду. Она вздрогнула и невольно метнулась к двери. Но тут же опомнилась. Это не Дик, это тишина звенит голосом Дика. А может быть, это кричит ее собственное сердце?..

Она остановилась перед черным саквояжем и сжала виски ладонями.

Что делать? Забрать эти тетради и отправиться в столицу? Но где она там будет разыскивать доктора Кларка?.. Нет, нет, так она может лишь напрасно затянуть время. Лучше подождать, когда доктор вернется или как-нибудь о себе сообщит...

Однажды, возвращаясь домой с покупками, Клементайн заметила, что возле газетного киоска на соседней улице собралась большая толпа. Это показалось ей странным, и она пошла посмотреть, что там происходит.

Люди нарасхват раскупали газеты. Из общего возбужденного гула то и дело выделялось слово «сенсация». Когда госпожа Мюррей приблизилась, разговоры умолкли, и толпа расступилась. Купив несколько столичных газет, Клементайн повернулась уходить, но тут ее остановила взволнованная молодая женщина:

— Простите, у меня только один вопрос. Можно?

— Пожалуйста, — согласилась госпожа Мюррей.

— Скажите, чем вы кормили своего племянника Дика, что он вырос у вас такой большой?

— Чем кормила?.. Странно... А откуда вы знаете про моего Дика?

— Да вот из этих газет, которые и вы купили.

Клементайн глянула на газеты и обомлела. Всюду на первых полосах были напечатаны фотоснимки Дика — поясные, на фоне сада, в обществе доктора Кларка. На всех снимках Дик улыбался и выглядел абсолютно нормальным, только чрезмерно большим мальчишкой.

Из глаз Клементайн хлынули слезы. Пробормотав извинение, она схватила газеты и чуть ли не бегом бросилась к себе домой.

— Себя не помнит от счастья! — прогудел ей вслед чей-то завистливый голос.

Дома Клементайн с жадностью набросилась на газеты.

В статьях, посвященных мальчику-великану, не было ни тени тревоги. Тон их был радостный, возбужденный, порой даже восторженный. Одна статья, например, называлась так:

«НАКОНЕЦ-ТО ЧЕЛОВЕК СЛОМАЛ БАРЬЕРЫ РОСТА!»

Прочитав все эти газеты, Клементайн отложила их в сторону и, глядя куда-то в окно, громко проговорила:

— Теперь восторги, восхваления, а что будет через год?.. Ох, скорей бы уж пришло письмо от доктора Кларка!..

Письмо пришло на другой день.

Доктор Кларк подробно описывал поездку, прибытие в столицу и первую встречу Дика со столпами науки.

Мальчик-великан вызвал среди ученых настоящий переполох. Доктор Кларк даже не ожидал, что бедного мальчика окружают таким вниманием и заботами. По указанию правительства была в спешном порядке сформирована специальная комиссия для изучения небывалого в истории человечества феномена. Этой комиссии были выделены огромные средства.

И вот один из самых больших столичных парков обнесли шестиметровой стеной и здесь наскоро собрали для Дика высокий павильон. Комнату Дика сделали восьмиметровой высоты, кровать изготовили пятиметровую — с запасом. Соответствующих размеров были и остальные предметы: стол, стул, шкаф с книгами и даже набор разнообразных игрушек.

Специальный повар готовил для Дика пищу, специальный портной обшивал его, специальные педагоги занимались с ним по школьной программе.

Доктору Кларку разрешили остаться при Дике. Глубоко потрясенный и перепуганный мальчик ни на минуту не хотел расставаться со своим старым наставником. Пришлось руководителю КИРМА (сокращенное название КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РИЧАРДА МЮРРЕЯ) известному ученому-биологу профессору Артуру Джексону зачислить доктора Кларка в штат на должность Главного Опекуна. А доктор, конечно, с радостью согласился остаться.

«А теперь относительно Вас, Клементайн,— писал в заключение старый врач.— Я знаю, что Вам очень хотелось бы повидать и обнять своего Дика. Я уже говорил об этом с профессором Джексонсом. Это очень честный и отзывчивый человек. Он разрешил Вам раз в месяц навещать Дика. Обязательно приезжайте! Искренне Ваш доктор Сэмюэль Кларк».

Известность и популярность Дика росли, пожалуй, быстрее, чем он сам. Прошло всего лишь две недели, как в газетах появились первые снимки мальчика-великана и первые туманные сведения о нем, а он уже стал для всего мира сенсацией.

Толпы репортеров осаждали Павильон Мюррея, требуя доступа к феноменальному мальчику. Телевизионные компании предлагали взять на себя все расходы по содержанию непрерывно растущего великана, если им будет позволено установить в парке и павильоне постоянно действующие телекамеры. Крупнейшие киностудии готовы были уплатить Дику баснословные гонорары за согласие сняться в одном-единственном фильме. Соблазнительные предложения сыпались со всех сторон.

Короче говоря, увлечение было всеобщим и небывалым по своему масштабу. Одни лишь ученые из КИРМа не разделяли этих восторгов. У них не было причин для ликования. За две недели их работа не продвинулась ни на шаг. Материала было собрано много, но из него невозможно было сделать никаких конкретных выводов.

Шло очередное, десятое по счету, заседание КИРМа. Перед собранием именитых ученых выступал профессор Джексон. Глава комиссии был высок, строен, как юноша, с четким орлиным профилем и пышной гривой белых волос. Ему было уже за шестьдесят, но его черные глаза горели молодым задором, а голос звучал чисто и раскатисто, как медный колокол. Он сказал:

— Две недели уже Дик Мюррей находится под нашим наблюдением. Мы подвергли его всем доступным науке исследованиям, исчерпали все возможности современной диагностики, но результаты наших усилий равны нулю. Показатели здоровья Дика абсолютно идеальны, а показатели роста абсолютно беспрецедентны. Это необыкновенно живой, одаренный и жизнерадостный ребенок. Он добр и отзывчив, энергичен и смел, честен и справедлив. В нем собраны все лучшие человеческие качества. Но... он растет, непрерывно растет, так что портной едва успевает шить для него новые костюмы... Несколько дней назад, уважаемые коллеги, к Дику приехала его родная тетка Клементайн Мюррей. Думаю, нам будет полезно поближе познакомиться с этой женщиной и кое о чем расспросить ее. Быть может, нам посчастливится уловить в ее рассказе что-нибудь такое, что послужит нам отправной точкой для дальнейших поисков...

Дик влетел в комнату доктора Кларка, чуть не сорвав с петель высокую дверь.

— Тетя Клеми, идем! Я покажу тебе мое самое любимое дерево, на которое мне разрешают взбираться!

Дик захлебывался от восторга. Присев перед теткой на корточки, он с нетерпением тянул ее за рукав.

— Идите с ним, Клементайн. Теперь он на два часа ваш,— с улыбкой сказал доктор Кларк.

— Не слишком ли много строгостей для такого маленького мальчика, доктор? — ворчливо заметила госпожа Мюррей.

— Так надо, дорогая Клементайн. Санаторный режим!

— Ну, тетечка, ну идем же! — закричал Дик с таким отчаянием, что Клементайн поспешно поднялась и пошла за племянником в парк.

Любимым деревом Дика оказался гигантский платан. На нем Дик продемонстрировал перед теткой свою ловкость и силу. С непостижимой быстротой взбирался он по ветвям могучего дерева, раскачивался на многометровой высоте, так что у госпожи Мюррей от страха замирало сердце, а толстые мускулистые ветви платана гнулись и потрескивали под его тяжестью.

Потом он спрыгнул вниз, бесконечно довольный, запыхавшийся и, не дав себе ни минуты передышки, потащил свою тетку дальше показывать диковинные деревья парка, уже полностью освободившиеся от листьев.

Ни госпожа Мюррей, ни Дик не заметили, что всю сцену у платана заснял на кинопленку маленький юркий человек, укрывшийся в соседних кустах. Когда они ушли, человечек выбрался из кустов, засунул кинокамеру в кожаный футляр и радостно пробормотал:

— Вот это удача так удача!

После этого он бегом припустил к стене парка, где его ждала веревочная лестница.

За огромным круглым столом сидело человек сорок. При появлении профессора Джексона и госпожи Мюррей все встало. Глава КИРМа усадил гостью рядом с собой и сказал:

— Мы все отлично понимаем, сударыня, что необъяснимое состояние организма вашего племянника не сенсация для широкой публики, а странное патологическое явление, чреватое многими последствиями как для самого Дика, так и для человеческого рода в целом. Ваш племянник обладает исключительным здоровьем, и он растет. Мы не знаем, что послужило толчком для такого бурного роста. Мы не знаем, есть ли этому росту какой-нибудь предел. Мы можем лишь предполагать, что Дик будет расти до семнадцати-восемнадцати лет. Однако и в таком случае он достигнет совершенно немислимых размеров. Не буду вас пугать точными цифрами. Скажу лишь, что легче будет прокормить город со стотысячным

населением, чем вашего восемнадцатилетнего племянника. Мы ищем возможности затормозить его рост без грубых посягательств на его исключительное здоровье. Его теперешние размеры еще вполне приемлемы. Даже шесть-семь метров не будут бедствием. Но до десяти метров мы доходить не смеем. Такие размеры полностью исключают Дика из человеческого общества и обрекут на вечное одиночество. Времени у нас мало, сударыня. Мы очень спешим и поэтому убедительно просим вас рассказать без утайки все, что вы знаете о Дике Мюррее...

Женщина выслушала эту тираду с опущенной головой. Когда профессор Джексон умолк, она горько вздохнула и принялась подробно излагать историю Дика.

Ученые мужи внимательно выслушали Клементайн, но ничего нового из ее рассказа не почерпнули. Она повторила лишь то, что они знали уже от доктора Кларка...

Но в чем же дело? Почему Клементайн, так спешившая передать ученым тайну черного саквояжа, вдруг изменила свои намерения и ни словом не обмолвилась ни о роковом уколе, ни о тетрадах в клеенчатом переплете?

Дело в том, что все эти дни, проведенные в столице, ее сердце терзали грозные сомнения. Она поняла вдруг, что, ознакомившись с записками ее покойного брата, ученые бросятся лечить Дика от... бессмертия. Да, да, они начнут отнимать у ребенка «лишние» запасы здоровья, «лишние» годы жизни. Но это еще полбеды. Хуже будет, если они окажутся бессильными перед этим неудержимым ростом и несокрушимым здоровьем. Зная, что Дик бессмертен и что, стало быть, будет расти всегда, ученые не задумываясь убьют его. Убьют по той простой причине, что бессмертный великан, непрерывно увеличивающий свои размеры, станет через десять — пятнадцать лет угрозой для всего человечества... Выходит, что отдав записки Томаса ученым КИРМа, она собственноручно подпишет смертный приговор своему дорогому Диду?

Вот почему Клементайн замкнула свою душу на семьдесят семь замков, упрятав в ее самых сокровенных глубинах тайну здоровья и роста бедного Дика. Она уехала домой и увезла с собой драгоценные записки брата, не показав их даже доктору Кларку, которого считала своим преданным другом.

«Надо об этом крепко подумать, прежде чем совершить непоправимый поступок...» — решила она.

Прошла зима, наступила весна, и всеобщее восхищение Диком Мюрреем постепенно превратилось в панический страх

перед ним. Кумир толпы нарушил к тому времени все границы здравого смысла.

Вот краткие данные его роста за эти месяцы:

Декабрь: рост 4 м 12 см, вес — 554 кг.
Январь: рост — 5 м 76 см, вес — 937 кг.
Февраль: рост — 7 м 93 см, вес — 2233 кг.
Март: рост — 10 м 17 см, вес — 4106 кг.
Апрель: рост — 13 м 69 см, вес — 7701 кг.
Май: рост — 17 м 82 см, вес — 13153 кг.

К тому времени, когда парк украсился свежей зеленью, на Дика Мюррея можно было смотреть, не перелезая через стену. Эта шестиметровая преграда укрывала великана лишь немногим выше колен.

Павильон Мюррея за это время перестраивали трижды, а персонал для обслуживания малолетнего великана пришлось увеличить вдвое.

Дик и сам был немало испуган своим страшным ростом. Порой ему казалось, что его обманывают, что это не он растет, а все люди, сговорившись, начали уменьшаться в размерах вместе со своими домами и машинами, деревьями и животными. Постепенно он утратил веселое расположение духа, стал раздражителен, потерял аппетит и неохотно подчинялся своим наставникам.

По утрам великана трудно было поднять с постели. От зарядки он категорически отказывался. Через силу проглотив завтрак, уходил в парк к своему любимому платану, садился на траву и часами сидел неподвижно, глядя вверх на яркое голубое небо.

Иногда его находили горько плачущим. В такие минуты никто, кроме доктора Кларка, не рисковал подходить к нему. От чужих он отмахивался не глядя, а небрежный взмах его руки мог искалечить или даже убить человека.

Перед воротами парка стали собираться толпы людей с транспарантами в руках. Это были недовольные. Они громко скандировали свои требования:

— Великан, прочь из столицы!

На транспарантах была изображена гигантская рука, сжимающая маленького человечка с вытаращенными глазами. Над рисунком — короткая энергичная надпись: «ЭТОМУ НЕ БЫТЬ!»

Какие-то типы, проезжая близ стены парка, обстреляли Дика из крупнокалиберного пулемета и скрылись. Пули, к счастью, лишь слегка оцарапали великана, но испугали его неимоверно. Он стал бояться выходить в сад и все дни напролет проводил теперь у себя в комнате, довольствуясь обществом доктора Кларка.

...Теперь, чтобы беседовать со своим дорогим Диком, доктору Кларку приходилось устраиваться в кресле прямо у великана на столе. Конечно, это был уже не стол, а гигантский навес на четырех восьмиметровых столбах. Дик сам поднимал старика на стол вместе с его креслом. Бедный доктор Кларк при этом крепко зажмуривался, а лысина его покрывалась испариной.

Как-то раз во время одной из таких бесед Дик спросил:

— Доктор, за что они меня не любят? Почему они стреляли?

— Они боятся тебя, мой мальчик. Ты стал слишком большим.

— Это правда. Мне и самому страшно...— вздохнул великан.

— Не расстраивайся, дорогой. Мы ведь для того сюда и приехали, чтобы вылечить тебя от этого «великанства».

— А когда меня вылечат, я снова стану как все?

— Непременно, Дик, непременно!

Мальчик склонил голову к самому столу и уперся подбородком в могучие кулаки. На доктора в упор уставились два огромных черных глаза, до краев наполненные печалью. Дик тяжело вздохнул и спросил:

— Доктор, а почему вы меня не лечите? Ведь вы тоже умеете лечить больных. Я знаю! Вы даже папу моего лечили!

— Разве ты помнишь его?

— Кого? Папу? Помню, доктор. Мой папа был сильно болен, когда мы приехали к тете Клеми. И вы лечили его. Но потом он умер...

— Кто тебе сказал об этом?

— Никто. Я сам догадался... Жалко, доктор, что мой папа умер. Уж он бы наверно побыстрее вылечил меня!

— Разве твой папа лечил людей?

— Людей? Не знаю... А меня лечил. Он сделал мне укол. Это было очень больно. Но потом я стал много есть и быстро расти...

Доктор вскочил с кресла, словно ему самому неожиданно сделали укол. Лицо его исказилось от волнения, вызванного внезапной догадкой.

— Дик, что ты говоришь? Когда отец делал тебе укол?

— Когда был совсем больной и тетя Клеми повела меня к нему прощаться. Вы еще тогда вошли и погладили кошку. А я сидел за столом и ел кашу. И вы сказали...

— Погоди, довольно! Почему ты не сказал об этом раньше?

— Просто забыл. Да ведь никто и не спрашивал меня про папу... А что такое, доктор? Почему вы так рассердились?

— Я не рассердился, Дик. Но мне немедленно нужно поговорить с профессором Джексон. Ты вот что, Дик, спусти меня обратно на пол. Только поскорее!

А в кабинете профессора Джексона сидел в это время представитель правительства генерал Лоопинг. Это был широкоплечий коренастый мужчина с каменным квадратным лицом и с безукоризненной выправкой военного. Он появился в КИРМе неспроста. Наделенный большими полномочиями, он мог по собственному усмотрению решить судьбу Дика.

Генерал Лоопинг сказал:

— Вчера вечером, дорогой профессор, вопрос о Ричарде Мюррее обсуждался на закрытом заседании парламента. Большинство депутатов высказались за удаление вашего феномена за пределы страны. Правительство поручило мне заняться этим вопросом. Но, прежде чем высказывать свои соображения, я хотел бы услышать что-нибудь о дальнейших планах КИРМа.

— У нас нет никаких планов, генерал,— твердо ответил Джексон.— Наша комиссия зашла в тупик. Мальчик растет, и мы пока что бессильны остановить или хотя бы замедлить его рост.

— Значит, он будет расти без конца?

— В нашей природе ничего не бывает «без конца», генерал. В организме нашего мальчика произошло загадочное разрушение барьера видовых размеров. Человеку не свойственно достигать такого гигантского роста. Но для животного мира в целом рост и вес Дика отнюдь не являются феноменальными. Земля рождала исполинов, во много раз превосходивших своими размерами нашего великана. А в океане и теперь обитают гиганты, вес которых достигает сотни тонн. Однако природа и здесь поставила строгие барьеры. Помимо видовых, существуют общие биологические пределы роста для всех живущих на нашей планете организмов. Животное в тысячу тонн — это нонсенс. Я уверен, что и наш мальчик не вырвется за эти пределы.

— А вам известно, профессор, какими числами может быть обозначен этот биологический барьер?

— Не берусь утверждать, генерал. Фауна океанских глубин еще недостаточно изучена. Там могут скрываться сюрпризы весьма внушительных размеров. Но уверяю вас, что человек-гора нам не угрожает.

— Можно подумать, профессор, что человек-утес вас вполне устраивает... Ответьте мне на такой вопрос. Вы задумывались над тем, какая участь ожидает вашего малыша, если он

не подчинится законам природы и ломает все биологические барьеры роста?

— Не представляю себе...

— Его придется ликвидировать!

Седые брови Джексона резко сдвинулись, глаза засверкали.

— Вам не кажется, генерал, что, помимо биологических барьеров, существуют еще барьеры нравственные, правовые? По какому, интересно, закону вы приговорите к смерти восьмилетнего ребенка, вся вина которого состоит лишь в том, что он непрерывно растет?

— Вы сами отлично понимаете, что ни о какой вине тут не может быть речи. Наводнения, засухи, извержения вулканов и тому подобные стихийные бедствия тоже ни в чем не виноваты, и тем не менее человек с ними борется и устраняет их, потому что они для него опасны. Поэтому за законом дело не станет, уважаемый профессор. Сегодня его нет, завтра будет. Но сейчас нам надо поговорить о другом. Вы, как я понял, намерены продолжать изучение этого феноменального мальчика Ричарда Мюррея. Ну что ж, правительство не возражает и некоторое время еще будет финансировать работу КИРМа в надежде, что когда-нибудь эта работа принесет свои ощутимые плоды. Но вам придется избавить страну от присутствия вашего феномена. Человек-утес становится слишком неудобен и опасен. Вы можете что-нибудь предложить в этом направлении?

— К сожалению, нет. Мне в голову не приходило, что мальчика придется изгнать из его родной страны.

— Давайте без сантиментов. Это не изгнание, а всего-навсего мера предосторожности. Так будет лучше и для Дика, и для нашей общественности. Мне кажется, самым подходящим решением был бы остров. У меня уже есть один на примете. Небольшой клочок земли, скал и леса посреди океана. Размеры его ничтожны: восемнадцать километров в длину и одиннадцать в ширину. Две речушки с отличной водой, пятьсот гектаров леса. Местные обитатели — их там человек семьсот — занимаются рыбной ловлей и скотоводством. Мешать не будут. А если все-таки взбунтуются, переселим их в другое место... Ну как, профессор, хорошая идея?

— Не берусь сразу отвечать, генерал. Мы обсудим ваше предложение, — сдержанно сказал Джексон.

Генералу это не понравилось. Отбросив личину любезного собеседника, он одним движением бровей превратился в грозного начальника.

— Некогда обсуждать, профессор! — сказал он резко. — Действовать надо быстро и решительно. Пока ваш феномен

транспортобен. Завтра же пришлите ко мне представителей для согласования наших действий. Переезжать нужно немедленно! Это приказ!

— А коли приказ, то и говорить не о чем. Завтра в девять ноль-ноль представители КИРМа явятся в ваше распоряжение! — бодро воскликнул профессор, смеясь одними глазами.

Ему вдруг почему-то стало ужасно весело. Но генерал этого не заметил и ушел, вполне довольный собой.

Едва дождавшись ухода важного посетителя, доктор Кларк тут же вбежал в кабинет шефа:

— Потрясающая новость, профессор!

— Рад вас видеть, Кларк. Садитесь и рассказывайте.

Но доктор Кларк не стал садиться. Когда он волновался, ему хотелось двигаться.

— Сегодня Дик вспомнил, что его отец Томас Мюррей, сделал ему перед смертью какой-то укол! — выпалил он.

— Погодите... Какой укол? Почему? Мальчик был болен?

— В том-то и дело, что Дик был абсолютно здоров. Я же видел его! Он говорит, что отец сделал ему укол, когда тетка привела его проститься с умирающим. Я находился в это время рядом, в гостиной. Мальчик пронзительно закричал. Я бросился туда, но у дверей остановился, потому что услышал голос больного. Он отчетливо произнес: «Доктору Кларку об этом ни слова!» Услышав такое, я, конечно, поспешно вернулся в гостиную, уверенный, что дело касается какой-то семейной тайны.

— Значит, тетка Дика присутствовала при этом?

— Вне всяких сомнений.

— Почему же она скрыла от нас такой важный факт?.. Странно... Впрочем, лучше всего поговорить с ней лично. Вот что, доктор, дайте госпоже Мюррей телеграмму, пусть приезжает немедленно. Позже нам трудно будет встретиться с ней. Нас ждут большие перемены.

— Что-нибудь случилось, шеф?

— Да, доктор. Правительство расщедрилось и подарило нам целый остров, который лежит где-то посреди океана. Но при одном условии: мы немедленно должны все свернуть и освободить столицу от своего присутствия.

Как только радио, телевидение и газеты распространили весть о том, что Ричард Мюррей переселяется на далекий остров, жители столицы сразу изменили свое отношение к малолетнему великану. Вместо демонстрантов, требовавших уда-

ления Дика, стали приходить многочисленные делегации с ценными подарками. Их было очень много, этих подарков, и среди них были такие, которые пришлось кстати особенно терпеть, накануне большого путешествия.

Различные фирмы в спешном порядке изготовили для Дика свою продукцию, придав ей небывалые размеры. Фабрика готового платья сшила для Дика огромный матросский костюм и просторный плащ из алого сукна. Шляпная фирма поднесла ему две исполинские шляпы и бархатный берет с пером. Местный обувной король подарил Дику пару ботфуртов и пару башмаков фантастического 216-го размера. Эту чудовищную обувь везли на грузовике, на бортах которого красовалась рекламная надпись: «ФИРМА ХОБАРТ И К° ОБУВАЕТ ВСЕХ, ДАЖЕ ВЕЛИКАНОВ!» Печатники поднесли Дику книгу Свифта «Гулливер в стране лилипутов». Трехметровая книга была в кожаном переплете с золотым тиснением, а на нее пошла самая высококачественная бумага. Главным назначением всех этих подарков была реклама: каждая фирма стремилась продемонстрировать свое превосходство над конкурентами.

Но были подарки и другого рода. Их от чистого сердца давали рабочие профсоюзы и ассоциации ремесленников. Эти отличались не только практичностью, но и бесконечным разнообразием. Чего тут только не было! Гигантские рыболовные снасти, которыми впору было ловить акул; охотничьи ружья величиной с пушку; исполинские бинокль и фотоаппарат; несколько наборов самых разнообразных инструментов; кухонная и столовая посуда; школьные принадлежности и всевозможные игрушки и многое, многое иное. Некоторые предметы были таких невероятных размеров, что даже Дику при его теперешнем росте они казались несуразно большими. Повидимому, они делались, так сказать, навывост.

Клементайн приехала в столицу как раз к началу этого нескончаемого потока подарков. Дика она застала в парке. Разодетый во все новое, он трубил в гигантский медный рожок, хохотал, пел песни и плясал, к несказанному удовольствию многотысячной толпы, усеявшей все зданья вокруг парка.

Заметив тетку, которая уже минут десять стояла, прижавшись к знаменитому платану, и со слезами на глазах наблюдала за своим мальчиком, Дик отшвырнул рожок и присел на корточки.

— Тетечка, милая, наконец-то ты приехала! Смотри, смотри, меня снова все любят! И я уезжаю на взаправдашний остров!

В порыве радости мальчик сел на траву и привлек тетку к себе.

— Тише, тише, увалены! Ты же раздавишь меня! — взмолилась госпожа Мюррей.

— Не бойся, я потихонечку!

Дик поставил тетку на ноги и лег возле нее, чтобы удобнее было заглядывать ей в лицо.

— Ты чуть мне кости не поломал! — ворчала госпожа Мюррей, оправляя на себе платье.— И ради бога, не кричи так громко. Ведь оглохнуть можно!

— Я буду говорить совсем-совсем тихо! — прогремел Дик с широченной улыбкой и принялся рассказывать тетке про остров, про море, про подарки и про то, как его снова полюбили все жители столицы.

Переселение на остров не удалось осуществить так быстро, как хотелось генералу Лоопингу. В конце июня на острове еще шли работы по строительству нового павильона. Но ждать было больше нельзя. Дик к этому времени достиг двадцати метров и весил семнадцать с лишним тонн. Теперь он уже казался не просто мальчиком-великаном, живым воплощением здоровья, красоты и силы, а чуждым для людей пришельцем с какой-то неведомой гигантской планеты.

Генерал Лоопинг, ежедневно следивший за прибавками в росте и весе Дика, решил не дожидаться конца работ на острове и начать переселение немедленно.

— Завтра второе июля, профессор, завтра и отправляйтесь. Я не могу вам больше дать ни одного часа. Общественность сейчас настроена благоприятно, нужно этим воспользоваться. Завтра я направлю батальон гвардейцев для охраны Мюррея, а на шоссе от столицы до порта расставлю усиленные наряды полиции. Завтра отправляйтесь!

Профессор Джексон не считал нужным противиться этому, тем более, что рекомендация генерала и на сей раз звучала как категорический приказ. Он отдал все нужные распоряжения, а вечером выкроил полчаса для беседы с теткой великана.

На столе профессора то и дело звенел один из телефонов, в кабинет заходили усталые люди за указаниями и советами. Разговор из-за этого получился с перебоями.

— Ваш племянник, госпожа Мюррей, рассказал доктору Кларку о том, что умирающий отец сделал ему какой-то укол и что вы при этом присутствовали. Вы помните об этом случае?

Клементайн страшно побледнела и с минуту не могла вы-

молвить ни слова. Джексон не обратил внимания на ее замешательство. Он просматривал в это время какие-то бумаги, принесенные секретарем для подписи.

— Вы говорите, укол?.. Ни о каком уколе я ничего не знаю, профессор. Мальчик, должно быть, перепутал что-нибудь... — проговорила наконец Клементайн.

— Я тоже полагаю, что в воспоминаниях Дика произошла какая-то путаница. Ведь вы бы рассказали нам об этом, если бы что-либо подобное в самом деле произошло?

Профессор отвлекся от бумаг и пытливо глянул на женщину поверх очков.

— Конечно, рассказала бы! — в полнейшем замешательстве вздохнула та и опустила глаза.

На сей раз ее смятенное состояние не ускользнуло от Джексона. Он вдруг встал, подошел вплотную к Клементайн и взял ее за руку. Несколько мгновений он исследовал ее лицо внимательным взглядом, затем тихо и раздельно, проговорил:

— Дорогая госпожа Мюррей, будьте со мной откровенны. Или вы не доверяете мне?

— Что вы, профессор! Клянусь вам...

— Не надо, не клянитесь напрасно. Я вижу, что вы что-то скрываете. Ваш брат Томас Мюррей делал Дику укол в вашем присутствии?

— Зачем?.. Зачем ему было делать укол?.. Ведь Дик был совершенно здоров!..

— Вот именно! Мальчик был совершенно здоров, а отец перед смертью сделал ему какой-то укол и запретил говорить об этом даже доктору Кларку!

Клементайн вздрогнула, испуганно посмотрела на профессора, но удержалась и смолчала. Профессор продолжал:

— Биологический институт, в котором работал ваш брат вплоть до возвращения в родной город, сообщил нам, что, помимо официальной темы, Томас Мюррей занимался в институтской лаборатории какими-то частными опытами над простейшими. На эти опыты он тратил все свои средства. Но цель их держал в строжайшем секрете. Вам известно что-нибудь об этом? Ваш брат ничего вам не рассказывал об этих своих опытах?

— Нет, профессор, он не рассказывал мне абсолютно ничего. Он приехал совсем больной, ему было не до рассказов, — с этими словами госпожа Мюррей смело посмотрела профессору в глаза. Ей стало легче, ей хоть в чем-то дали говорить правду.

— Значит, не рассказывал... А среди его вещей не было каких-нибудь бумаг? Я имею в виду дневники, записки, протоколы опытов.

Клементайн опять вся съежилась и затрепетала.

— Нет, профессор, нет... У него не было ничего такого...

— И все же вы подумайте и постарайтесь вспомнить хорошенько. Я знаю, почему вы не доверяете мне. Вы боитесь за жизнь Дика. Но я даю вам слово ученого, что ни при каких обстоятельствах жизнь вашего племянника не будет подвержена опасности. А вот излечению его ваша полная открытость могла бы помочь. Обещайте мне подумать об этом!

— Хорошо, профессор, я подумаю...— чуть слышно прошептала Клементайн и, чувствуя, что еще минута такой пытки — и она во всем признается, поспешно ушла.

Джексон не стал ее задерживать. Он понял, что теперь эта женщина сама откроет ему тайну своего племянника.

Отъезд Ричарда Мюррея из столицы стал событием номер один. Город узнал об этом накануне вечером и всю ночь провел без сна, в невероятном волнении. Нужно было украсить дома, запастись цветами и флагами, занять лучшие места для наблюдения.

С наступлением рассвета отряды полицейских выстроились вдоль тротуаров и, взявшись за руки, едва сдерживали взбодраженную толпу. Все главные магистрали города, ведущие к морскому побережью, были очищены от транспорта. Шествие мальчика-великана началось ровно в девять часов.

В новом костюме, в ботфортах, с алым плащом за спиной и с широким беретом на голове, Дик перешагнул через стену парка и очутился на улице. На груди у него болтался бинокль, в руке был все тот же полюбившийся медный рожок.

По сигналу зеленой ракеты вперед двинулись броневики. За ними пошла легковая машина, в которой ехали профессор Джексон и генерал Лоопинг. В сотне шагов за машиной, окруженный эскортом мотоциклистов в белых шлемах, медленно двинулся гигантский мальчик в алом плаще. За ним на расстоянии еще ста шагов тронулась машина с Клементайн и доктором Кларком. А в заключение — снова колонна броневиков.

Как только Дик появился на улицах, люди совершенно обезумели. Из окон, с крыш, с балконов хлынул яркий ливень цветов. Со всех сторон оглушительным шквалом налетел восторженный крик из многих тысяч горл. А Дик медленно шел по самой середине мостовой, возвышаясь над улицей до самых шестых этажей. На лице мальчика-великана блуждала растерянная улыбка. Поворачивая голову то налево, то направо, он вздрагивал от множества цветов, которые сыпались на него со всех сторон, ложились на берет, на плечи, а нередко попадали и прямо в лицо.

Вровень с его глазами висели исполинские транспаранты с яркими надписями:

«СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ДОРОГОЙ ВЕЛИКАН!», «ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША ГОРДОСТЬ, САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ РИЧАРД МЮРРЕЙ!», «МИЛЫЙ, МИЛЫЙ ВЕЛИКАН, МЫ ТЕБЯ НЕ ЗАБУДЕМ!», «РАСТИ ДО НЕБА ВСЕМ НАЗЛО, ДРУЖИЩЕ ДИК!»

Этих надписей с самыми различными пожеланиями было бесчисленное множество. Дик читал их и, по детской простоте своего сердца, верил в их искренность и правдивость.

Наконец центральные улицы кончились. Потянулись заводские корпуса, а затем предместья, где жила городская беднота. Дома здесь были низкие — они едва доходили Дикю до колен, но и тут все крыши были усеяны народом. Цветов стало меньше, но восторженного ликования гораздо больше.

Но вот последние строения остались позади. Дик вышел на открытое шоссе и сразу очутился среди полей и рощ. Перед его глазами распахнулся такой чудесный зеленый простор, что он остановился в радостном изумлении. С высоты своих двадцати метров он видел далеко-далеко, и всюду перед ним были поля, перелески, красные крыши ферм, утопавших в садах. А над всем этим раскинулось голубое небо, на котором весело сияло жаркое летнее солнце.

Задняя колонна броневиков мощно рывкнула в мегафоны: — Вперед, Дик, вперед!!!

Дик вздохнул полной грудью и бодро зашагал по шоссе к сверкающему горизонту.

По расчетам генерала Лоопинга, переход от столицы до порта должен был продолжаться ровно неделю. В соответствии с этим он разработал график движения и заранее организовал места привалов и ночлегов. Но все эти расчеты провалились в первый же день.

Прошагав без передышки сорок пять километров, Дик вдруг заявил, что устал и дальше идти не может.

— Мне жарко! Я стер себе ноги! — со слезами на глазах крикнул он выскочившему из машины профессору Джексону.

— Но еще рано останавливаться на ночлег, мой мальчик! Ты должен пройти еще тридцать километров! Там для тебя готовы палатка, постель и ужин!

— Я устал, господин профессор! Я не могу дальше идти!

По потному лицу мальчика-великана катились огромные слезы.

— Слабый он у вас какой-то! — с неудовольствием заме-

тил генерал Лоопинг, который тоже вышел из машины, чтобы проверить, в чем заминка.

Но тут подоспели доктор Кларк и госпожа Мюррей, которой разрешили проводить племянника до порта. Услышав замечание генерала, Клементайн так и вскипела от гнева.

— Мой Дик слабый? Мало вам, генерал, что восьмилетний ребенок отшагал по жаре сорок пять километров, как солдат на ученье, вам хотелось бы до смерти загнать его?!

— Успокойтесь, Клементайн,— вмешался доктор Кларк.— Вам вредно так волноваться...— Потом он обратился к Джексону: — Этого следовало ожидать, шеф. Последний месяц мальчик совсем не занимался гимнастикой. Да и одежда у него... Я же предупреждал, что для такого путешествия его следует одеть полегче. Ботфорты, плащ — это, конечно, эффективно, но для пешего перехода не годится.

— Он ведь сам хотел так одеться... Да и для жителей столицы... Ведь момент был очень торжественный...— смущенно пробормотал Джексон, чувствуя себя виноватым.

Пока они так переговаривались, Дик вдруг крикнул:

— Я не могу больше стоять! Я сяду!

Не дожидаясь разрешения, он перешагнул через кювет и деревья, достиг в несколько шагов недалекого холма и растянулся на нем во всю свою внушительную длину.

Жители окрестных деревень, сбегавшиеся к дороге посмотреть на великана, бросились было врассыпную, но, поняв, что он просто смертельно устал и прилег на холме отдохнуть, стали собираться вокруг него. Они возбужденно переговаривались, удивляясь его невероятным размерам.

Дик посмотрел на них с жалобной улыбкой и сказал:

— Я хочу пить! Пожалуйста, дайте мне пить!

— Дадим! Дадим! Потерпи, Дик, сейчас мы тебя напоим! — закричали собравшиеся, и тут же несколько мужчин во весь дух побежали к недалекому селу.

Со стороны шоссе к холму подошли профессор Джексон, генерал, доктор Кларк и Клементайн.

Тетка погладила Дика по щеке и сказала:

— Разуйся, дитя мое! Дай ногам отдохнуть!

Дик кряхтя стащил с себя ботфорты и поставил их в сторонке. Ими тотчас же заинтересовались мальчишки. Сначала они в немом восторге глазели на гигантские сапоги, но потом, набравшись храбрости, опрокинули их и стали в них со смехом забираться, как в пещеры.

— Ботфорты мы увезем. Я уже распорядился, чтобы тебе доставили башмаки,— сказал Диду генерал Лоопинг.

— Я хочу пить! — прохныкал в ответ Дик густым басом.

— За едой и питьем послано, мой мальчик. Через час придет грузовик, и ты пообедаешь, — сказал профессор Джексон.

— Могли бы этот грузовик с собой взять! — колко заметила госпожа Мюррей. — Броневики нагнали, а о питье для ребенка не позаботились! Эх, вы, мужчины!

В это время со стороны села показались автоцистерна. На ее белом боку красовалась яркая синяя надпись: «МОЛОКО». За первой цистерной показалась вторая, потом третья. Машины остановились под холмом на проселочной дороге. Десятки мужчин вооружились большими белыми ведрами из пластмассы. Наполненные молоком ведра быстро по живой цепи двинулись к Дик, словно вереница лебедей.

С первым ведром к великану подошел пожилой человек в светлом летнем костюме.

— Милый Дик Мюррей, я староста Форт-Хейма, на земле которого ты решил отдохнуть. Будь нашим гостем! Мы напоим и накроем тебя. Пей на здоровье!

С этими словами он подал Дик ведро с молоком. Дик взял его и выпил в три глотка. Лишь после этого он улыбнулся и радостно проворкотал:

— Благодарю вас, сударь! Я в жизни не пил такого вкусного молока!

— Еще бы, сынок! Молоко Форт-Хейма лучшее в мире!

Ведра подавали одно за другим. Лишь опорожнив до конца две цистерны, Дик похлопал себя по животу и весело крикнул:

— Вот это напился так напился! Теперь бы покушать!

Фермеры засмеялись и принялись дружно разгружать подошедшие тем временем грузовики с едой. Тут были и вареные куры, и жареные гуси, и окорока, и куски говядины, и колбасы, и огромные белые хлеба, и круги сыра, и корзины с помидорами и огурцами, — короче говоря, тут было все, что успели наскоро собрать гостеприимные жители Форт-Хейма. Пища была простая, но зато в изобилии.

Насытившись, Дик с блаженством растянулся на холме, прикрыл лицо шляпой и мгновенно уснул.

Во время всей предыдущей сцены в воздухе непрерывно кружили вертолеты с кинооператорами, для которых непредвиденная остановка великана и гостеприимство, оказанное ему жителями Форт-Хейма, были чистой находкой. Когда Дик уснул, вертолеты снизились в километре от холма и высадили десант из доброй сотни фоторепортеров и корреспондентов газет. Все они устремились к профессору Джексону и генералу

Лоопингу, которые расположились в палатке неподалеку от холма.

Посыпались вопросы:

— Сколько часов Дик Мюррей будет спать?

— Чем вызвана неожиданная остановка?

— Дойдет Дик до намеченного для ночлега места или останется ночевать здесь?

— Сколько и каких продуктов съел и выпил великан?

На такие и подобные вопросы профессор отвечал коротко и сухо. Он считал их абсолютно праздным любопытством. И лишь вопрос корреспондента центральной столичной газеты заставил его оживиться. Корреспондент спросил:

— Скажите, профессор, не станут ли для Дика Мюррея пагубными его непрерывно увеличивающиеся размеры и вес?

Джексон внимательно посмотрел на корреспондента и впервые чуть-чуть улыбнулся:

— Что вы имеете в виду, друг мой?

— А тот общеизвестный факт, что кит, например, выброшенный штормом на сушу, погибает от собственной тяжести. Его кости просто не выдерживают нагрузки в десятки тонн и ломаются. Не угрожает ли это и нашему милому великану?

— Мне приятно ответить на первый толковый вопрос со стороны прессы. Могу вас успокоить. Нашему Дику не угрожает участь кита, выброшенного на сушу, даже если его размеры увеличатся еще вдвое. Кит эволюционировал в водной стихии, а в воде вес его не имеет равным счетом никакого значения. Отсюда у кита возникало два существенных, с точки зрения сухопутных животных, недостатка: сравнительно слабый костяк, не приспособленный к серьезным нагрузкам, и гигантские жировые отложения, составляющие половину его живого веса. Что же касается нашего Дика, то его организм развивается абсолютно гармонично. Его скелет прочен и эластичен, словно выкован из стали. А под кожей нет ни грамма лишнего жира. Пока что он даже не замечает собственной тяжести, хотя и весит уже восемнадцать тонн, что лишь в два раза меньше веса самого крупного кита.

— Благодарю вас, профессор. Еще один вопрос. Считаете ли вы непрерывный рост Дика абсолютно патологическим явлением?

— Для мира животных — да. Для живых организмов вообще — нет. Среди растений, например, есть виды, которые практически растут всю свою жизнь. Это и тропическая ротанговая пальма, закрученный ствол которой достигает четырехсот метров, и водоросль макроцистис, которая дорастает до трехсот метров, и мамонтово дерево, секвойя, которая живет бесконечно долго — до пяти тысяч лет! — и непрерывно растёт, дости-

гая более сотни метров в высоту и соответствующей внушительной толщины. В мире животных наука не знает подобных феноменов, но полностью их существование не исключается. Конечно, подозреваемыми здесь могут быть только обитатели океана. Например, медуза цианея или гигантский кальмар...

Продолжать поход в этот день не пришлось. Дик проспал до самого вечера. Когда он проснулся, фермеры из Форт-Хейма снова накормили и напоили его. После этого молодежь из села разожгла вокруг холма костры и устроила для Дика целое представление: песни, пляски, игры, состязания. Потом мужчины соорудили для него палатку и мягкое ложе из парусины и сена.

— Спи, великан! Приятных тебе снов на земле Форт-Хейма!

Поворочавшись с боку на бок на своей душистой постели, Дик вскоре забылся сладким сном. Вокруг холма встали часовые из батальона гвардейцев...

Переход до порта растянулся на три недели. Дик делал в сутки по 40—50 километров и устраивал привалы в самых неожиданных местах. Своей собственной палаткой он так ни разу и не воспользовался. И в городах, и в селах ему оказывали самый радушный прием. А когда он вступил наконец в портовый город, по размерам своим мало уступавший столице, его здесь встретили карнавальным шествием, поднесли массу подарков, а вечером устроили в его честь огромный фейерверк.

Утомленный, счастливый, переполненный новыми яркими впечатлениями, простился Дик поздним вечером 23 июля со своей теткой и по широким прочным сходням перешел с набережной на палубу гигантского авианосца «Хэттинджер». Палуба, принимавшая на свою грудь боевые самолеты, застонала под ударами его могучих каблучков, а он ступал по ней осторожно, словно по шатким мосткам.

Вся пристань была забита празднично одетыми людьми. В небе ввалились и рассыпались причудливыми гроздьями разноцветные ракеты. Все заводы города и все суда в порту гудели на разные голоса. Десятки прожекторов уставились на огромный корабль, словно специально созданный для перевозки великанов, и на высокую фигуру исполинского мальчика, опершегося на орудийную башню.

Наконец сходни убрали, якоря подняли, и гигантский морской левиафан, тяжело развернувшись, пошел на буксире из

бухты в открытое море. За ним потянулись тысячи катеров и яхт. Выйдя на внешний рейд и отдав буксиру концы, «Хэттинджер» коротко гуднул сиреной и, постепенно набирая скорость, двинулся в океан.

Дик долго стоял на палубе, наблюдая, как огни портового города постепенно исчезают во мраке ночи. И лишь когда вокруг не было больше ничего, кроме звездного неба да темной массы воды, он вздохнул и перевел взгляд на ярко освещенную палубу.

У его ног стояли доктор Кларк, профессор Джексон, генерал Лоопинг и незнакомый человек в форме военно-морского офицера.

— Познакомься, Дик. Это наш начальник на время плавания, капитан Фрэнсис Стейнхейл. Ты должен его слушаться и во всем ему повиноваться! — громко сказал профессор Джексон, указав Дику на человека в форме.

Дик опустил на корточки и осторожно коснулся руки капитана.

— Я буду вас слушаться, капитан. Что мне теперь делать?

— Теперь тебе остается только лечь спать, мой мальчик, — с улыбкой ответил Стейнхейл. — Доктор Кларк покажет тебе твое место.

На главной палубе авианосца для Дика соорудили высокую надстройку. Впрочем, высокой она казалась обычным людям, а для Дика это была просто тесная каюта с койкой и столом.

Умывшись в корабельном бассейне и поужинав прямо на палубе в обществе матросов, Дик с удовольствием разделся и растянулся на койке. Корабль, мерно покачиваясь и глухо ворча мощными двигателями, уходил все дальше и дальше от родных берегов. Под эту качку и монотонный гул Дик быстро уснул. Во сне ему привиделся какой-то сказочный остров с дворцами, парками и чудесными пляжами...

Плавание на авианосце продолжалось две недели. Для Дика это было самое счастливое время, какое он когда-либо переживал.

Капитан, офицеры и многочисленная команда корабля баловала симпатичного мальчика-великана, не обращая внимания на просьбы доктора Кларка и строгие окрики генерала Лоопинга.

На другое утро после отплытия капитан Стейнхейл устроил церемонию провозглашения Дика почетным членом экипажа.

На главной палубе выстроились две тысячи матросов в парадной форме. Корабельный оркестр надрывался от веселых маршей. Дик вышел на палубу в матроске, ботфортах и широкополой шляпе. Он понятия не имел, что тут будет происходить. Его разбудил вахтенный офицер, приказал одеться и вывел на палубу.

При виде выстроившихся в ровные шеренги матросов мальчик смутился. Его смуглое лицо залилось темным румянцем, огромные черные глаза до краев налились удивлением. Он машинально снял шляпу и по-детски неуклюже поклонился. Густые черные кудри, как крылья исполинских воронов, разлетелись по его могучим плечам. Он был великолепен в этот момент, и тысячи глаз смотрели на него в восхищении, затаив дыхание.

Но вот перед строем появился сам капитан Стейнхейл, при всех орденах и регалиях. Прозвучала команда «смирно», ряды матросов подтянулись и застыли. Громким, отчетливым голосом капитан зачитал приказ по кораблю. В приказе говорилось, что «невиданный и небывалый среди людей великан Ричард Мюррей объявляется почетным членом экипажа авианосца «Хэттингджер» на вечные времена». Оркестр разразился торжественным маршем, на мачте взвился национальный флаг, из всех орудий трижды прогремел салют.

Разбуженные шумом, на палубу выскочили полуодетые профессор Джексон, генерал Лоопинг и доктор Кларк. Капитан любезно объяснил им причину столь ранней пальбы из орудий и громкой музыки и пригласил их принять участие в торжественном завтраке.

— Вы окончательно испортите мальчишку, капитан Стейнхейл! — проворчал генерал и ушел к себе в каюту одеваться.

Джексон и Кларк лишь молча переглянулись и тоже удалились приводить себя в порядок.

В эту минуту матросы дружно закричали «ура», и тут же над горизонтом поднялось огромное багровое солнце.

После этого события для Дика началась чудесная вольготная жизнь на корабле. Капитан прикомандировал к нему постоянного «адъютанта», молодого лейтенанта Кларенса, освободив его на это время от всех других обязанностей.

Дик и Кларенс все дни напролет проводили вместе. Чаще всего их можно было видеть на носу корабля. Обнаженный по пояс великан стоял, широко расставив ноги, и рассматривал в свой исполинский бинокль безбрежную равнину океана. А Кларенс, тоже без рубашки, сидел у великана на плече, как на выступе орудийной башни, придерживался одной рукой за

прядь его черных кудрей и рассказывал ему обо всем, что попадалось в их поле зрения.

Так Дик узнал много любопытного об авианосце «Хэттинджер», о разрушительной мощи его орудий, о загадочной жизни удивительных обитателей глубин и о грозных повадках самого океана.

Но, увы, всему бывает конец. Две недели промелькнули, как сон, и вот однажды утром корабль приблизился к острову, на котором Дику предстояло провести многие годы, а быть может, и остаться навсегда...

К прибытию на остров Дик достиг двадцати пяти метров и выглядел необыкновенно здоровым и могучим, словно колосс, высеченный из скалы. Лицо его покрылось бронзовым загаром, движения приобрели уверенность и четкость. Однако при всем при этом он оставался ребенком и только ребенком.

Когда авианосцу пришлось время отправляться в обратный путь, а Дику — расстаться со своим новым другом, великан расплакался навзрыд, и его ничем нельзя было утешить. За время плавания он успел привязаться к веселому моряку.

— Я вернусь к тебе, Дик! Даю тебе слово офицера, что вернусь! — взволнованно говорил Кларенс, сидя на плече у Дика и глядя его загорелую шею.

— Оставайся теперь! Почему ты не хочешь остаться со мной, Кларенс?! — всхлипывал мальчик, заливаясь слезами. От горя он ничего вокруг себя не видел.

— Не могу теперь! Клянусь килем «Хэттинджера», не могу! Я ведь служу! Вот кончится контракт, и я навсегда перееду к тебе на остров. Тогда мы знаешь как заживем!..

— Это будет не скоро! А я... как я буду тут один, без тебя?!

— Разве ты будешь один? Гром и молния! С тобой тут будет столько народу! И доктор Кларк, который пойдет за тебя в огонь и в воду, и профессор Джексон...

— Они старые! Разве они будут со мной играть в робинзонов и купаться в море?

— Сто тысяч кашалотов! Я же говорю тебе, что вернусь! Только ты не расти больше. Ты и так уже такой громадный, что любой кит будет скулить перед тобой, как побитый щенок. Обещаешь не расти?

— Обещаю... Только ты обязательно приезжай, Кларенс!

— Приеду!.. Ну, до скорой встречи, морской волк!

Кларенс поцеловал друга в мочку уха, спустился на землю и отбыл в шлюпку на корабль. «Хэттинджер» погудел сиреной, дал три прощальных залпа и пошел прочь от острова. А Дик стоял на утесе, смотрел ему вслед и горько плакал.

...Новый павильон Мюррея был построен без малейших претензий на архитектурное изящество. Его строители явно преследовали сугубо практические цели: вместительность и прочность. Гигантское сооружение напоминало ангар.

Дику отвели в павильоне две комнаты-залы. Это были просторные, высокие, но с виду весьма невзрачные помещения: голые серые стены с десятками стеклянных квадратов вместо окон, обнаженные железные фермы каркаса вместо потолка. Осмотрев свое новое жилье, Дик остался недоволен.

— Разве это комнаты? — с горечью спросил он у доктора Кларка.

— Ты прав, друг мой, — согласился старик. — Им далеко до нашего жилища в столице. Там были настоящие окна со шторами, на стенах росписи... Но ты не унывай, мы и здесь наведем порядок!

— Сами?

— Разумеется, сами!.. Давай перетаскивать сюда наше добро. Сам увидишь, как здесь сразу станет по-другому.

Дик с радостью согласился и тут же начал перетаскивать в свои комнаты горы ящиков и контейнеров, сваленных штабелями неподалеку от павильона. Вскоре жилье великана преобразилось. В рабочей комнате появился радиоприемник, в спальне — телевизор. Стены украсились десятками огромных картин. Железные фермы потолка скрылись под белой парусиной. Кровать, покрытая гигантским пледом, стала вполне привлекательной. На рабочем столе появились книга и письменные принадлежности, на полках под стеклом разместились игрушки.

С головой погрузившись в новое дело, Дик так увлекся, что на какое-то время забыл о том горе, которое причинила ему разлука с лейтенантом Кларенсом.

Когда жители острова узнали, что у них должен поселиться гигантский человек, они сначала просто не поверили этому. Правда, слухи об удивительном великане дошли и до них — у трех рыбаков были радиоприемники, а иногда на остров попадали и газеты, — но в реальность этого великана никто не верил.

Строительство огромного павильона в необитаемой, покрытой сплошным лесом долине островитяне встретили настороженно. Они были уверены, что под видом жилья для великана у них строят какую-то военно-ракетную базу. После посещения авианосца по острову пронесли слухи, что великан прибыл. И вот тогда жители решили проверить правдивость этих слухов.

Делегация островитян из двенадцати человек вынырнула как-то утром из лесной чащи и осторожно приблизилась к павильону. Их долго никто не замечал. Они слонялись вокруг гигантского здания, громко выражая свое удивление. Через час их случайно увидел в окно один из работников кухни и поспешно известил об этом профессора Джексона. Дик в это время находился внутри здания на очередных врачебных процедурах.

Профессор вышел из павильона и окликнул делегатов:

— С чем пожаловали, друзья?

Высокий бородатый рыбак с темным, обветренным лицом вышел вперед, снял шляпу и смущенно прогудел:

— Доброе утро, ваша честь! Дело у нас к вам такое. Дошли до нас слухи, что домину эту для человека-великана построили, для Дика Мюррея. А нас сомнения берут, правда ли это. Боятся наши, что дом этот для каких других, для военных целей построили. А про великана всё так, для отвода глаз. Вот мы и пришли узнать, здесь Дик Мюррей или нет.

— Не верите, значит, властям? — улыбнулся профессор.

— Стало быть, не верим, ваша честь...

— Могу вас успокоить. Дик Мюррей действительно находится здесь. Только он занят сейчас.

— Ничего, мы согласны подождать. Посмотреть надо, ваша честь!

Поняв, что эти простые люди ему не верят, Джексон решил не мучить их долгим ожиданием. Он удалился в павильон и минут через десять вернулся через главный вход вместе с Диком.

Увидев Дика, островитяне рты разинули от удивления. Ведь одно дело слышать рассказы, а другое — увидеть живого сказочного великана, который появился перед ними, как богатырь из древних легенд. Дик поговорил с островитянами, и те удалились, потрясенные и восхищенные, унося в душе ни с чем не сравнимую радость соприкосновения с настоящим чудом.

Клементайн понимала, что от волнения и страха почти проговорила, почти призналась Джексону в том, что ей известна какая-то тайна, касающаяся болезни Дика. Одно обещание подумать выдавало ее с головой.

Проводив Дика до порта и вернувшись домой, Клементайн недолго предавалась внутренней борьбе. Из газет она узнала о счастливом плавании Дика и о благополучном его прибытии на остров. Рассматривая красочные виды гор и лесов вокруг нового павильона Мюррея, она все больше проникалась уверенностью, что к ее мальчику относятся хорошо, что жизнь его

не будет подвержена опасности, даже если тайна его здоровья и роста будет раскрыта.

Кончилось тем, что Клементайн пошла на чердак и снова извлекла из-под хлама заветный черный саквояж. Все его содержимое, не исключая блестящих коробок, шприца и пустого флакона из-под неведомого препарата, она тщательно упаковала в прочный деревянный ящик. Обшив его поверху белым полотном, Клементайн, аккуратно вывела на нем адрес, в котором значились остров, павильон Мюррея и имя профессора Артура Джексона.

Дик сидел за столом и обедал. Неподалеку от его тарелки расположился в кресле доктор Кларк. Великан орудовал гигантской ложкой, словно живой экскаватор ковшом, разве что более ловко и быстро. При этом он внимательно слушал, что ему говорит его старый наставник. А доктор Кларк с необыкновенным волнением рассказывал ему о самых маленьких частичках жизни — клетках.

Через запасную дверцу, проделанную в огромной двери великана, в зал вошел профессор Джексон. Ни Дик, ни доктор Кларк не заметили его прихода. Они увидели его лишь тогда, когда он поднялся по специальной лестнице и очутился на столе.

— Здравствуйте, господин профессор! — радостно прогудел Дик и отложил ложку в сторону.

Джексон ответил на приветствие, пожал руку доктору Кларку и прошел ближе к Дик, на самый край стола. Вид у него был чрезвычайно утомленный, но в выражении лица, в движениях, во всей осанке чувствовалась какая-то приподнятость и даже торжественность.

— Дорогой мой мальчик! — обратился он к Дик, своим бесподобным звучным голосом, который многократным эхом прокатился по всем закоулкам огромного зала. — Я пришел сообщить тебе радостную новость: тайна твоей удивительной болезни раскрыта!

— Разве я болен? — искренне удивился Дик.

— Извини, мой милый, я выразился так по привычке. Не зная ничего о причинах твоего необыкновенного роста, мы считали его болезнью. Но теперь нам ясно: это не болезнь, это другое. Помнишь укол, который сделал тебе твой умирающий отец?

— Да... Тетя Клеми держала мою руку, а папа воткнул иглу... Я хорошо это помню.

— Ты молодец, Дик! У тебя прекрасная память! А теперь слушай. Твой отец был большим ученым. Он сделал велико-

лепное открытие. Беда лишь в том, что ему не удалось его доработать и проверить. Помешали болезнь и смерть. Но он был настолько уверен в своей удаче, что без малейших колебаний использовал свое открытие для тебя. Он ввел тебе в кровь препарат, который должен был дать тебе железное здоровье и бесконечно долгую жизнь. Он не хотел превращать тебя в великана. Это произошло лишь потому, что в расчеты твоего отца вкралась ошибка, а обнаружить ее у него уже не было времени.

В широко раскрытых глазах Дика сверкнули слезы. Губы его скривились. Он готов был расплакаться, но сдержался. Протерев глаза огромными кулаками, глухо прогудел:

— Мне можно узнать... что это за открытие?

— Не расстраивайся, Дик. Ты, конечно, имеешь право знать все. Боюсь только, что тебе этого не понять.

В разговор вмешался доктор Кларк:

— Уверяю вас, профессор, что Дик поймет. Он не только смыслен и сообразителен, но и достаточно узнал от меня о происхождении жизни и различных ее проявлениях. Эти два месяца, с тех пор как пришла посылка от госпожи Мюррей и вы ознакомили нас со вступительным текстом записок ее брата, я готовил Дика к сегодняшнему разговору с вами. Я знал, профессор, что этот разговор неизбежен.

— Благодарю вас, доктор Кларк, вы проявили необыкновенную предусмотрительность!.. Ну что ж, Дик, слушай тогда внимательно. Начнем так. Человеческое тело состоит из огромного числа клеток...

— Это я знаю! — прогремел Дик, и тень грусти сменилась на его лице мягким светом гордости. — Мне доктор Кларк только что об этом рассказывал. Клетки — это кирпичики, из которых построено все живое на Земле. Из клеток состоят и слоны, и деревья, и даже крохотные бактерии, которым дано по одной клетке. И хотя они очень маленькие, эти клетки, они похожи на целые самостоятельные государства. У каждой клетки есть своя столица, это ее ядро, и своя обширная провинция, которая называется... называется...

— Цито... — громким шепотом подсказал доктор Кларк.

— Цитоплазма! — гаркнул Дик во все горло.

— Ого! Ты и в самом деле прекрасно подготовлен, Дик! — похвалил его профессор. — В таком случае, я могу опустить вступление и сразу познакомить тебя с открытием твоего отца!

Профессор Джексон погладил свою пышную шевелюру, немного помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил так:

— Ты правильно сказал, Дик, что основой всех форм жиз-

ни на Земле являются клетки. Их можно назвать квантами жизни. Все, что меньше клетки,— это уже не жизнь. Это правило, но, как и каждое правило, оно допускает исключения. Существуют в природе очень маленькие, меньше любых бактерий, создания, которые не обладают даже одной целой клеткой, а лишь частичкой ее. Эти создания называются вирусами. В отличие от живой клетки — от бактерии, амебы или клетки нашего тела — вирус сам по себе не может жить и размножаться. Чтобы существовать и обеспечить себе потомство, вирус должен проникнуть в клетку и подчинить ее своей власти. Вирусы так и поступают. Тебе все понятно, Дик?

— Да!

— Хорошо. Ты правильно назвал клетку маленьким самостоятельным государством, в котором есть своя столица — ядро, и своя провинция — цитоплазма. Обе эти части клетки чрезвычайно сложны, выполняют множество различных функций, и при этом они крепко связаны друг с другом. Цитоплазма не может долгое время существовать без ядра, а ядро погибает без цитоплазмы. Но столица есть столица, и поэтому именно здесь находится правительство нашего маленького государства. Это правительство разумно управляет всей страной и заботится о новых поколениях. Члены этого правительства называются не министрами, а хромосомами. Что же такое хромосомы? Это длинные цепочки из крохотных бусинок, которые называются гены. А что такое гены, которым доверена самая ответственная задача передавать по наследству признаки и свойства организма? Гены — это ничтожно малые капельки химического соединения, у которого длинное и трудное название: ДЕЗОКСИРИБОНУКЛЕИНОВАЯ КИСЛОТА. Объяснять тебе, что это такое, я не буду. Во-первых, ты не поймешь, а во-вторых, это уведет нас слишком далеко от сути дела. Скажу лишь, что это самое великое чудо природы и что в науке это сокращенно называется ДНК. Запомнил название?

— Запомнил, запомнил! Дезокси... Нет лучше просто ДНК!

— Еще бы! Но вернемся к вирусу. Крошка вирус состоит из молекулы ДНК и ничтожной порции белка. Белок выполняет роль оболочки, внутри которой и заключена ниточка ДНК. Когда вирус нападает на клетку, он прикрепляется к ее поверхности и как бы впрыскивает внутрь клетки свое содержимое, то есть свою ДНК. По сути дела, вирус — это настоящий узурпатор. ДНК вируса свергает правительство клетки и захватывает власть над всем государством. Теперь бедная клетка работает не на себя и свое потомство, а на вирус. Она покорно строит новые нити вирусной ДНК и новый белок для ее оболочек. По сути дела, она рождает вместо вируса его де-

тей. Молекулы ДНК размножаются, каждая из них надевает свою оболочку, клетка, израсходовав все свои силы и возможности, гибнет, а сотни новорожденных вирусов вырываются на волю и спешат захватить новые клетки, чтобы впрыснуть им свою губительную ДНК. Это происходит при всех вирусных заболеваниях, из которых самым распространенным является грипп.

— Это когда простуда, и кашель, и насморк?

— Вот именно. Ты, наверное, испытал это на себе?

— Конечно, сударь. Только это было, когда я был совсем еще маленьким. Потом, когда я стал жить у тети Клеми, я ничем не болел.

— Знаю, дорогой, знаю. Сейчас ты узнаешь, почему ты не болел. Когда твой отец приступил к поискам средства для предотвращения старости и смерти, он отлично понимал, что тут не обойдешься без непосредственного воздействия на ДНК живых клеток человеческого тела. Но как на них воздействовать? И тут, наблюдая за действиями вирусов, твой отец нашел гениально простое решение: нужно создать или, вернее, выпестовать вирус с заданными свойствами ДНК. И твой отец, Дик, создал такой вирус!

— Значит, все-таки болезнь?!

— Погоди. В отличие от диких вирусов, свирепствующих на воле, этот прирученный вирус твоего отца не агрессор, не узурпатор и не паразит. Он не терроризирует клетку и не доводит ее до гибели. Он действует демократично, гуманно, деликатно. Впрыснутая в клетку, ДНК этого вируса не заменяет собой, а лишь дополняет собственную ДНК клетки, направляет ее в сторону непрерывного обновления. Сам прирученный вирус возрождается в ограниченном количестве и лишь до тех пор, пока не охватит, не переориентирует все клетки организма. После этого, убедившись, что все бесконечные миллиарды клеток тела работают по новому плану, прирученный вирус просто исчезает. Нет, он не добровольно обрекает себя на гибель, он просто так устроен, что нападать на измененные клетки ему не дано. Так сказать, сделал свое дело и уходи. К тому времени, когда доктор Кларк привез тебя в столицу и наша комиссия стала тобой заниматься, в твоем теле уже не было ни одного прирученного вируса, созданного твоим отцом. Иначе мы, конечно же, обнаружили бы их!..

После этого профессор Джексон подробно рассказал Дикуну о том, что читателю уже известно из вступления к запискам Томаса Мюррея, и заключил свою речь так:

— Теперь, Дик, перед нами стоит абсолютно конкретная

задача. Прежде всего мы должны овладеть методом твоего отца по выращиванию прирученных вирусов с заданными свойствами. Затем нам придется научиться создавать ту культуру вируса, которую отец ввел тебе в кровь четыре года назад. И только тогда мы сможем заняться выведением такой породы вируса, который направил бы деятельность твоих клеток в совершенно противоположную сторону. И тогда, вместо того чтобы расти, ты станешь уменьшаться, пока не приобретешь нормальные человеческие размеры.

— И тогда я вернусь к тете Клеми?

— А как же! Обязательно вернешься!

После этого Джексон подошел к доктору Кларку и, положив ему руку на плечо, сказал:

— С завтрашнего дня, доктор, КИРМ начнет работать по новой программе. Исследования самого Дика будут прекращены. Вам теперь придется уделять ему гораздо больше внимания. Вас не затруднит это?

— Что вы, профессор! Я готов заниматься с Диком круглые сутки!

— Вот и отлично! До свиданья. До свиданья, Дик!

— До свиданья, господин профессор!

Джексон направился к лестнице, чтобы спуститься со стола. Провожавший его доктор Кларк смущенно заметил:

— Зачем вы утруждаете себя, профессор? Дик в одну секунду снимет вас на пол!

— Я предпочитаю пользоваться собственными ногами, доктор Кларк,— насмешливо ответил Джексон и стал осторожно спуститься по деревянным ступенькам, держась за перила.

Время шло, и показатели роста и веса Дика становились все более и более тревожными. Мальчик продолжал расти, требовал все больше пищи, а его одежду и обувь приходилось все чаще переделывать и увеличивать. Правда, цифры, прибавок стали теперь показывать неожиданные торможения. По-видимому, рост Дика уже вплотную приближался к пределу, дозволенному природой Земли. Но месячные показатели все еще неуклонно толкали вверх кривую роста и веса.

Вот данные за первое полугодие на острове:

Август: рост — 32,3 м, вес — 42 т.

Сентябрь: рост — 35,1 м, вес — 56 т.

Октябрь: рост — 37,2 м, вес — 63 т.

Ноябрь: рост — 38,4 м, вес — 75 т.

Декабрь: рост — 40,2 м, вес — 85 т.

Чтобы прокормить такого гиганта, требовалось огромное количество пищи. Когда снабжение стало заметно отставать

от его чудовищного аппетита, Дику разрешили забрасывать в море огромные неводы и даже охотиться на китов, если они появлялись близ берегов острова.

Несколько месяцев упорной работы всех научных сотрудников КИРМа принесли наконец первые ощутимые результаты. Джексону удалось вывести культуру прирученных вирусов — возбудителей роста, тех самых, которых Томас Мюррей ввел в кровь своему сыну. По предложению профессора препарат был назван мюрреином. Что же касается антипрепарата, то на этом пути был достигнут лишь частичный успех. Созданный антимюрреин не способен был толкнуть клетки на уменьшение организма, но зато способен был вызвать полное заторможение его дальнейшего роста.

Правительству была тут же отправлена телеграмма о достигнутых результатах. Джексон надеялся на увеличение дотаций и премии для всех сотрудников КИРМа, но реакция правительства оказалась совершенно иной.

В ночь под Новый год Дик был усыплен гигантской дозой снотворного. В его могучее обнаженное тело впились двадцать чудовищных шприцев. Чтобы ввести всю назначенную дозу первого антимюррейна, пришлось пятьдесят раз повторить процедуру уколов.

После этого Дика накрыли одеялом, и толпа людей в белых халатах спустилась по лестнице с высокой кровати великана. Все отправились в общий зал встречать Новый год и праздновать первую победу над неслыханным феноменом роста.

В конце января, когда Дика должны были подвергнуть контрольному измерению и взвешиванию, на остров прибыл генерал Лоопинг. На сей раз в нем не было ни тени прежней покладистости. Он был возмутительно самоуверен и криклив.

Тщательная проверка показала, что рост Дика увеличился на двадцать семь сантиметров, но зато вес резко снизился — на целых пять тонн.

— Медленно, но все же растет! — мрачно заявил генерал Лоопинг, ознакомившись с этими данными.

— Это инерционный рост, генерал. А вообще вы должны согласиться, что успех достигнут. Не будь нашего вмешательства, Дик вырос бы за январь до сорока пяти метров и весил бы не менее ста тонн, — возразил ему профессор Джексон.

Но Лоопинг пропустил его слова мимо ушей.

— За все время существования вашей комиссии, уважаемый профессор, государство израсходовало на изучение Мюррея около двадцати миллионов. Пора подумать и о доходах. Вы сумели создать мюрреин. Это великолепно, ибо может

дать грандиозный эффект в интенсивном животноводстве. Представляете себе — корова величиной с кита! Только из-за этого правительство и взяло на себя расходы по изучению вечно растущего мальчика. Непрерывно растущие люди нам, разумеется, не нужны. А вот расширение продовольственной базы для нормальных людей — это великое дело. Короче говоря, профессор, я имею от правительства полномочия прекратить дальнейшую деятельность КИРМа и увезти отсюда весь ее персонал.

Это был недозволенный удар — прямо в солнечное сплетение. Джексон даже потерял на мгновение дар речи. Он был потрясен, растерян — словом, полностью выбит из седла.

— А как же Дик? — спросил он, немного опомнившись.

Генерал злорадно ухмыльнулся над такой наивностью.

— Нам нет решительно никакого дела до этого несуразно большого мальчика. Пусть остается на острове и заботится сам о своем пропитании. Государство не может больше содержать его за свой счет. Он ест, как десять тысяч безработных!

— Но это же бесчеловечно! Это несправедливо, наконец! Мюрреин открыл не я, а отец Дика Томас Мюррей. Я лишь восстановил его по запискам Мюррея!

— Для нас это не имеет значения, профессор. Никакого Томаса Мюррея мы не знаем. Для нас первооткрыватель вы, профессор Артур Джексон, руководитель государственного научного учреждения.

— Позвольте! Мюрреин принесет государству баснословные прибыли. Неужели нельзя предоставить хотя бы сотую долю процента этих прибылей сыну подлинного автора этого гениального открытия, чтобы обеспечить ему пропитание и в конечном итоге излечение? Ведь это элементарная порядочность!

— Оставьте ваши советы при себе, профессор! Правительство в них не нуждается! — налившись кровью, крикнул генерал.

Но профессор не испугался окрика. Он уже понял до конца всю эту подлую игру. Страшно побледнев и засверкав глазами, он медленно произнес:

— Вы поторопились, генерал. Поторопились раскрывать свои карты. Насколько мне известно, правительство еще не получило мюрреин, и никто, кроме меня, не даст ему этого препарата. А я его отдам только в обмен на полные гарантии дальнейшего существования и работы учреждения, которое я возглавляю. Либо КИРМ будет продолжать работу, пока не будет найден действенный антимюрреин, либо правительство никогда не увидит баснословных доходов от интенсивного животноводства. Доложите о моем решении правительству.

— Мне нечего докладывать! Я облечен достаточными полномочиями, чтобы решить все на месте!

— В таком случае, решайте.

— Я прекращаю работу КИРМа! Немедленно! А что касается мюррейна, то в этом мы разберемся с помощью судебных органов. Не забывайте, что вы сделали открытие, находясь на государственной службе! Прощайте!

И генерал стремительно покинул кабинет профессора.

Дик лежал на полу с поджатыми под себя ногами. Размеры комнаты уже не позволяли ему вытянуться во весь рост. С недовольным, скучающим видом он листал свою единственную большую книгу «Гулливер в стране лилипутов». В зал вошел доктор Кларк. Дик улыбнулся ему и пророкотал:

— Что случилось, доктор? Почему нет никаких занятий?

Кларк приблизился к самому уху великана и крикнул:

— Привыкай, дружок! Они решили бросить нас на остров!

— Кто решил? Почему?

— Генерал Лоопинг решил! Правительству нужен мюрреин, а не ты! Но наш шеф не сдался! Он прямо сказал генералу: не будет КИРМа — не будет и мюррейна! Решать все будут в столице! А пока всем сотрудникам приказано покинуть остров! Все подчинились, а я отказался! У них семьи, им без жалования нельзя, а мне наплевать на деньги! Меня этим не испугаешь!

Голос старика звучал для Дика, как мышинный писк. Но великан давно уже привык к этому. Озадаченный новостью, он сел и обхватил колени руками.

— Значит, никаких занятий больше не будет?

— Ничего больше не будет! Теперь ты должен сам о себе заботиться!

Дик долго сидел в глубокой задумчивости. Потом пророкотал:

— Ну что ж, в таком случае, я иду к морю!..

Весь месяц, в течение которого сотрудники КИРМа готовились к отплытию с острова, Дик почти не появлялся в своем павильоне. Дни он проводил у моря — ловил рыбу, охотился за огромными морскими черепахами; на ночь скрывался в одном из горных ущелий, где соорудил себе примитивный шалаш.

Лишь дважды за весь месяц побывал Дик в павильоне: первый раз забрал свои рыболовные снасти, во второй — кое-

что из инструментов. Сотрудники КИРМа уговаривали его остаться в павильоне, склады которого были доверху набиты продовольствием, но Дик молча отклонял эти дружеские предложения.

За короткое время он сильно похудел и осунулся. Лицо его почернело, а нечесанные волосы придавали ему устрашающе дикий вид.

Даже уговоры доктора Кларка, который часто приходил в далекое ущелье за своим обиженным питомцем, не возымели действия.

Дик не мог простить предательства недавним друзьям.

Накануне отплытия профессор Джексон решил поговорить с Диком по душам. Он нашел великана на берегу моря, в самом отдаленном конце острова.

Дик сидел на прибрежной гальке, обхватив руками колени, и задумчиво смотрел в бесконечный зеленовато-серый простор океана. Издали он был похож на утес, покрытый странной черной растительностью. Профессор Джексон вплотную подошел к «утесу» и похлопал его по обнаженной щиколотке.

— Дик, мальчик мой, посмотри на меня! Я пришел проститься!

Черная вершина утеса медленно колыхнулась, и на Джексона с двадцатиметровой высоты уставились два черных сверкающих озера, полных до краев бездонной печали.

— Это вы, профессор? Что вам нужно от меня? — громынуло сверху.

— Я не хочу, чтобы ты считал меня врагом, Дик! Я твой друг!

— У меня нет друзей, кроме доктора Кларка! Даже Кларенс обманул!

— Не горюй, Дик! И Кларенс вернется, и я тебя не оставлю! Подними меня к себе на плечо, я все расскажу тебе!

Дик помедлил, но все же выполнил просьбу профессора. Очутившись на широком плече великана, Джексон отодвинул прядь его тяжелых кудрей и принялся рассказывать ему о своем столкновении с генералом Лоопингом и о своем твердом решении не отдавать правительству мюрреин, если КИРМ не будет восстановлен. Он горячо уверял Дика, что поможет ему, что не оставит его в беде и обязательно сделает его нормальным человеком. И тогда Дик вернется к тете Клеми и опять будет ходить в школу, и у него снова будут и родной дом, и друзья, и книги, и прежние игры...

Целый час провел Джексон на плече великана и все говорил, говорил — страстно, горячо, убедительно. Кончилось тем,

что Дик поверил ученому. Лед в груди великана растаял, лицо осветилось улыбкой. Бережно придерживая профессора рукой на своем плече, он осторожно поднялся и быстрым шагом пошел к павильону.

Мир был восстановлен,

Первые дни, вернувшись в свой опустевший, но теплый и надежный дом, Дик отсыпался и отъедался за весь месяц добровольных лишений. Доктору Кларку стоило немалых трудов заставить его вновь ежедневно мыться в бассейне, расчесывать волосы и не глотать пищу в сыром виде.

Отдохнув, Дик с еще большим рвением занялся морской охотой и рыболовством. Добыча его не всегда была качественной, но зато всегда богатой и разнообразной. Великан ничем не брезговал — ни акулами, ни кальмарами. Все годилось для его гигантской ухи...

Однажды, выйдя на берег с неводом в руках, Дик увидел в море крупного кашалота. Ружья с собой не было, но упускать добычу не хотелось. Ссадив с плеча доктора Кларка и бросив невод, Дик с одним ножом в руках бросился в волны.

Пробежав немного по «отмели», великан зажал в зубах свой гигантский нож и поплыл. Заметив страшного охотника, кашалот бросился в открытое море, а потом, увидев, что не уйти, нырнул вглубь. Но разве он мог спастись от Дика, который и плавал и нырял лучше любого кашалота.

Трижды зверь и охотник погружались на огромную глубину, уходя при этом все дальше и дальше в океан. Наконец загнанный кашалот всплыл на поверхность совсем неподалеку от Дика. Мощным рывком великан настиг его и прикончил тремя молниеносными ударами своего страшного ножа. После этого он схватил зверя за хвост и, загребая одной рукой, поплыл обратно к берегу.

— Вот нам и жаркое, доктор! На целую неделю хватит! — восторженно прогремел он, сбрасывая с плеча свою добычу.

А доктор с ужасом смотрел то на двадцатиметрового морского гиганта, то на своего «мальчика», который в эту минуту сам походил на грозное морское чудовище.

С жителями острова у Дика сложились самые добрые отношения. Он пользовался каждой свободной минутой, чтобы навестить их и что-нибудь для них сделать. Ему нравилось помогать «маленьким человечкам» в их ежедневных трудах и заботах. А когда однажды в марте, во время шторма, он спас от верной гибели три рыбацких баркаса с экипажами из

двадцати пяти человек, привязанность островитян к нему превратилась в горячую любовь, доходящую до обожания.

— Наш Дик! Наш добрый великан! — говорили о нем эти простые, добрые люди, уверенные, что само небо послало им этого мальчика-исполина.

— Дик идет! Великан идет! Ура-а-а! — восторженно вопили дети, заслышав мерный гул тяжелых шагов и увидев над лесом могучую фигуру своего друга.

Деревья кланялись ему, как травы, а земля глухо стонала под его стопами от изумления, ибо ей никогда не доводилось носить на себе таких колоссов.

Дети с криком и визгом выбегали из поселка навстречу великану, а тот шел к ним с широченной улыбкой, осторожно глядя себе под ноги, чтобы не раздавить ненароком какого-нибудь слишком быстрого и смелого человечка. В поселки Дик не заходил — слишком маленькие тут были лачуги и слишком узкие улочки. Обычно он садился на опушке леса и принимался играть с детворой. Ему приятно было ощущать, как крохотные человечки доверчиво лазают по нем, а дети были вне себя от восторга, что могут так запросто играть с великаном, о котором даже взрослые говорят с глубоким уважением. Для детей это была добрая живая гора.

Спор профессора Джексона с правительством затянулся. Ни одна из сторон не желала уступать другой. Постоянные вызовы в следственную комиссию, в верховный суд и другие инстанции изматывали ученого, отвлекали его от работы по созданию действенного антимюреина. Но, несмотря ни на что, профессор пядь за пядью продвигал вперед свои научные поиски. Он твердо решил вернуть мальчику-великану нормальный человеческий облик. Это стало для него не только делом чести, но и единственной целью всей его дальнейшей жизни.

Утомительная тяжесть и изнурительные ночные бдения в частной лаборатории довели вскоре Джексона до такого состояния, что он как бы полностью оторвался от окружающей его реальной жизни. Только этим можно объяснить, что некая новая идея, всколыхнувшая всю столичную общественность, ускользнула от его внимания. А ведь идея прямо касалась его работы: мюреина и антимюреина. Для профессора Джексона глашатаем этой идеи стал его главный противник, генерал Лоопинг.

После ссоры на острове генерал и ученый ни разу не встречались в интимной обстановке. И вдруг Лоопинг явился к профессору прямо в его лабораторию. Джексон как раз испытывал новую культуру прирученных вирусов и был с головой

погружен в работу. Когда лаборант доложил, что с ним хочет говорить «какой-то квадратный господин с решительным лицом», профессор отмахнулся и проворчал что-то вроде: «Гоните в шею кто бы ни был!» Но когда лаборант вернулся и сказал, что это сам генерал Лоопинг, профессор настоялся. Если к тебе приходит враг, это обязательно означает какой-нибудь важный перелом в событиях. Прогнать его проще всего, но лучше принять и выслушать.

Профессор убрал препараты, вымыл руки и пригласил генерала в маленький кабинет рядом с лабораторией. Лоопинг был в штатском и вел себя с несвойственной ему изысканной вежливостью. Одно это говорило о том, что он пришел неспроста.

Начал генерал издали. Он похвально отозвался о работе КИРМа, высоко оценил заслуги самого профессора Джексона, долго и горячо сожалел о возникшей между ними ссоре. И вдруг, как бы между прочим, спросил:

— Скажите, дорогой профессор, ваш первый антипрепарат, которым вы остановили рост нашего милого великана, не может отозваться пагубно на его здоровье? Не сократит фантастических сроков его жизни?

Не догадываясь, куда генерал клонит, Джексон не счел нужным скрывать истину.

— Первый антимюрреин, генерал, лишь затормозил рост бедного мальчика. Что же касается здоровья, выносливости и предрасположенности к долгому, почти бессмертному существованию, то этих свойств его организма мой первый антимюрреин не коснулся.

— А если бы вы создали этот антимюрреин еще тогда, когда Дик находился в столице и едва достиг пяти-шести метров, вы смогли бы остановить его на этом уровне, профессор?

— Безусловно. Но почему вас это интересует, генерал?

— Сейчас объясню, все объясню, дорогой профессор!

И генерал начал излагать ту самую новую идею, о которой в последние дни так много говорилось в различных кругах столичной общественности. Чем дальше профессор слушал его, тем больше проникался уверенностью, что идея, излагаемая генералом, не только чудовищно абсурдна, но и опасна. Однако он ни разу не перебил Лоопинга и дал ему высказаться.

Ссылаясь на труды известного генетика Морлингтона, генерал пытался доказать, что люди самой природой созданы неравными, что одни по своему генетическому коду одарены способностью к руководству, изобретательству, научной работе, а другие полностью лишены этих талантов и все их потомки в силу железного закона наследственности должны быть столь же бездарны, как и они.

— В очень влиятельных кругах нашего общества, профессор, появилась уверенность, что открытие Томаса Мюррея, столь блестяще вами воспроизведенное и дополненное вашим гениальным антимюрреином, сможет навечно закрепить существующее социально-биологическое равновесие, совершив тем самым эпохальный переворот в истории человечества. Эволюция человека завершилась, ничего нового она принести не может. Дальнейшие смены поколений лишены, таким образом, и цели и смысла. Наступил самый подходящий момент закрепить навечно то положение, которого мы достигли...

В заключение своей пространной и не очень толковой речи генерал прозрачно намекнул, что, если профессор не будет упрямыться, его ждет баснословное богатство, не говоря уж о самом высоком положении в «новом сбалансированном обществе».

Когда генерал кончил и умолк, уверенный, что его речь произвела на собеседника неотразимое впечатление, профессор Джексон долго молчал, рассматривая своего гостя так, словно это был не человек, а неведомое морское чудовище. Потом он улыбнулся какой-то своей мысли, тряхнул пышной шевелюрой и без тени неприязни спросил:

— Господин Лоопинг, вы пришли ко мне как представитель правительства или как частное лицо?

— Разумеется, как частное лицо...

— Но ведь вы не от себя тут выступали, агитируя меня за это странное использование мюррейна? Вас, надо полагать, кто-то направил ко мне?

— Вы не ошиблись, профессор. Меня направило наше... Впрочем, я лично тоже в этом кровно заинтересован!

— Понимаю. Значит, пока правительство носит с идеей интенсивного животноводства, пока ему мерещатся гигантские коровы и всемирная мясная монополия, у кого-то из ваших появилось желание обеспечить себе железное здоровье суперменов и бесконечно долгую жизнь в «новом сбалансированном обществе»? Ну что ж, желание это вполне понятно. Странно только, что для его оправдания в моих глазах вы решили вытаскивать на свет убогие расистские идеи Морлингтона. В свое время их высмеяли и генетики и философы.

— Высмеять можно все, что угодно, профессор.

— Вы правы, генерал. Именно поэтому я постараюсь сначала растолковать вам всю бредовость вашего «нового сбалансированного общества», а уж после этого мы вместе с вами над ним посмеемся.

— Готов вас выслушать,— сухо сказал генерал.

Профессор откинулся на спинку кресла и, глядя в потолок, заговорил медленно и спокойно:

— Идея бессмертия, генерал, толкнула Томаса Мюррея на создание его удивительного препарата. Эта же идея заставила ваших хозяев раскопать расистскую теорию Морлингтона. Независимо от побудительных мотивов обе эти идеи противостоят естественным и опасны. Не может быть родовых человеческих групп, классов и рас, заклеянных навечно со всем своим потомством генетическим кодом бездарности и неполноценности. Не может быть в этом отношении и привилегированных групп. Каждый живущий на Земле человек является представителем некой отдельной эволюционной волны генетического наследства. Эти волны или, если хотите, линии переживают периоды восхождения, зрелости, спада, отдыха и нового восхождения. Потенциально каждый человек, независимо от его классовой или расовой принадлежности, несет в себе зародыши дарования, таланта и даже гениальности. В этом отношении все люди абсолютно между собой равны. Вы заметили, что дети гениев всегда бывают неизмеримо менее способными, чем их отцы? Это генетическая волна идет на убыль, идет на отдых. Для того чтобы появлялись новые гении, необходимо непрерывное и самое разнообразное скрещивание генетических кодов. Без этого человечество деградирует и быстро вернется к животному состоянию. Какое же тут может быть бессмертие, если человечество, напротив, заинтересовано в как можно более частой смене поколений? Закрепить навечно существующий общественный порядок — значит обречь человечество на деградацию и гибель. Вы поняли меня, генерал?

— Я понял вас, профессор, но я не согласен с вами. При чем тут деградация? Вот вы блестящий ученый-биолог. Если вам дать вечную жизнь, то и через десять тысяч лет вы будете все тем же блестящим ученым-биологом, лишь неизмеримо более эрудированным и опытным. Честное слово, вы не превратитесь ни в дегенерата, ни в обезьяну! Те открытия, которые иначе будут делаться сотнями поколений биологов, сделаете вы одни! Чем же вам не нравится наше «новое сбалансированное общество»?

— В ваших рассуждениях есть две ошибки, генерал. Во-первых, если я стану бессмертным ученым-биологом, я не сделаю в течение десяти тысяч лет ни одного нового открытия. Возможно, я не стану дегенератом, хотя и на это нет никаких гарантий, но возможности своего мозга я исчерпаю в лучшем случае в течение ста лет. После этого наступит стагнация. Прогресс человеческой цивилизации прекратится. Возможно, какое-то время мы будем топтаться на месте, но рано или поздно обязательно покатаемся назад. Это во-первых. А во-вто-

рых, закрепить существующее социально-биологическое положение — значит оборвать все генетические линии, лишить миллиарды людей своих новых грядущих воплощений. А это равносильно убийству. Нам, генерал, надо брать пример с наших собственных клеток. Они отказались от свободы и бессмертия, чтобы служить высшей цели — развитию и процветанию человека. Клетка — квант жизни. А человек? Человек — квант общества. И как клетка жертвует собой ради жизни человека, так и человек должен жертвовать собой ради развития и процветания общества. И в том и в другом случае смерть отдельных особей, отдельных квантов, служит продлению жизни целого. Для клетки целое — это человек, для человека — общество и даже все человечество. Надеюсь, теперь вы со мной согласны, генерал?

Лоопинг поднялся и выпятил грудь.

— Я понял, профессор, что вы вновь отталкиваете мою дружескую руку. Я пришел к вам с благородным предложением...

— Напрасно вы обижаетесь, генерал! — весело перебил его Джексон. — Сказанное мною не моя личная выдумка, чтобы досадить вам, а закон природы. Впрочем, я благодарен вам за откровенную беседу. Теперь я вижу, что мюрреин — социально опасное открытие, и что его ни при каких обстоятельствах нельзя превращать в достояние нашего, мягко выражаясь, не очень щепетильного общества. Передайте правительству, генерал, что интенсивного животноводства не будет, даже если мои требования по восстановлению КИРМа будут удовлетворены. Да не забудьте объяснить, что именно вызвало с моей стороны такую непримиримость.

Лицо генерала побагровело от гнева.

— Вы пожалеете об этом, Джексон! Правительство получит мюрреин, даже если придется вашего мальчишку искромсать на эксперименты и анализы. А раз его получит правительство, значит, его получим и мы! «Новое сбалансированное общество» будет, только для вас в нем не найдется даже самого скромного местечка! Время переговоров прошло! Теперь мы будем действовать!

И генерал удалился, крепко хлопнув дверью.

Дик поднимался с первыми лучами солнца. Сначала он отправлялся на берег, где по приказу доктора Кларка делал утреннюю зарядку и купался в море.

Загорелый полубожаженный гигант кувыркался на прибрежной гальке, ходил на руках, швырял далеко в море огромные каменные глыбы и при этом пел и хохотал во все горло,

так что громы разносились над островом. Подурачившись с полчаса, он с разбегу кидался в море и уплывал далеко-далеко, за много километров.

Однажды утром Дик, как обычно, убежал на берег моря, но тут же вернулся к павильону. Его громовый голос наполнил весь обширный павильон и буквально выдернул доктора Кларка из постели. В голосе Дика не было тревоги, скорее, необыкновенно радостное волнение, тем не менее доктор Кларк выбежал из дома полуодетый и крайне испуганный.

— Что случилось, мой мальчик? Почему ты вернулся?

— Корабли, доктор! Три корабля стоят близ острова! — прогремел в ответ великан, радостно сверкая глазами.

— Корабли, говоришь? Это неспроста! Неси меня скорее на берег!

— Есть нести на берег!

Великан подставил своему наставнику ладонь и, когда старик расположился в ней, как в просторной лодке, поднял ее на высоту груди и быстро зашагал к побережью.

Минуты через две доктор Кларк убедился, что близ острова стоят на якорях три больших грузовых судна. К берегу от них уже направлялось несколько катеров и шлюпок, в которых виднелись вооруженные люди. Когда они приблизились, доктор Кларк увидел, что это большой отряд полиции. Сердце его болезненно сжалось в предчувствии беды.

Вот передний катер врезался носом в берег, и из него выскочили трое мужчин в штатском и двадцать шесть полицейских с автоматами. Юный великан смотрел на них с беспечным любопытством. Зато у доктора Кларка при виде их болезненно сжалось сердце.

Посоветовавшись, штатские оставили отряд возле катера, а сами решительно направились к Дикю. Не доходя до него шагов пятьдесят, они остановились, и один из них вынул мегафон:

— Привет тебе, Дик Мюррей!

— Здравствуйте! — прогудел в ответ мальчик.

— Мы прибыли по делу! Нам нужно видеть доктора Кларка!

— Я здесь, господа! Что вам угодно? — слабым голосом отозвался доктор Кларк и поднялся на ладони великана во весь рост.

— Доктор Кларк! Вы немедленно должны отправиться на корабль! С вами хочет говорить уполномоченный правительства!

Это прозвучало как приказ, но доктор Кларк не испугался.

— Кто этот уполномоченный? Генерал Лоопинг? — спросил он.

— Нет, его заместитель. Извольте сойти вниз и следовать за нами! Дик, опусти доктора на землю!

— Не смей этого делать, Дик! — крикнул доктор. — А вы, господа, передайте уполномоченному, что я буду говорить с ним только в павильоне на острове! Я старый, больной человек, мне не к лицу спешить по первому зову неизвестно к кому и неизвестно зачем!

— Если вы откажетесь идти с нами добровольно, мы будем вынуждены арестовать вас! Таков приказ!

— Ну что ж, выполняйте этот приказ!

— Дик Мюррей, именем закона приказываю тебе выдать нам человека, которого ты держишь в руке!

— Зачем? — хмуро прогремел Дик, которому поведение соотечественников совсем перестало нравиться.

— Не задавай глупых вопросов, Дик Мюррей! Ты должен беспрекословно выполнять наши приказания!

— Но доктор Кларк не хочет идти с вами!

— Видите, господа, как просто: я не хочу идти с вами, и всё. А Дик не обязан вам подчиняться. Его здесь бросили на произвол судьбы, и, стало быть, на него ваши законы не распространяются! — крикнул доктор Кларк.

— Значит, отказываетесь?

— Отказываюсь!

Не сказав больше ни слова, штатские повернулись и пошли обратно к катеру.

— Что они будут делать, доктор? — с тревогой спросил Дик.

— Не знаю, дитя мое. Но надо готовиться к самому худшему... — тихо проговорил старик и в полном изнеможении лег на ладонь великана.

— Доктор, вам плохо?! — испуганно загремел Дик.

— Тише, дружок, тише! Сердце у меня слабое, и волноваться мне вредно. Неси меня домой, мне надо отдохнуть!..

Не спуская с доктора тревожного взгляда, Дик огромными шагами покинул побережье.

За весь день в долине, где стоял павильон Мюррея, не появилось ни одного человека. Когда солнце приготовилось нырнуть за горы, Дик, утомленный ожиданием и бездействием, решил украдкой от доктора сходить на берег и посмотреть, что там происходит.

Чтобы остаться незамеченным, он пополз по-индийски, скрываясь за утесами. Добравшись до побережья, осторожно выглянул из-за скалы и замер от удивления.

Широкая береговая полоса, обычно такая пустынная и ди-

кая, походила теперь то ли на ярмарку, то ли на лагерь беженцев. Всюду виднелись группы островитян — с детьми, скотом и бедным скарбом. Мычание коров, лай собак, плач женщин и детей, грубые окрики полицейских и неустанный треск моторов нескольких грузовиков, пополнявших эту сумятицу всё новыми и новыми семьями островитян,— все это производило крайне удручающее впечатление и вызывало тревогу.

Позабыв об осторожности, Дик поднялся во весь рост и вышел на побережье. Косые лучи заходящего солнца ударили ему в спину, и на всю прибрежную полосу упала огромная тень. Сотни голов тотчас же повернулись в его сторону.

— Дик идет! Великан идет! Он спасет нас! — закричали островитяне.

Все еще ничего не понимая, Дик молча смотрел на происходящее. Но одно ему было уже ясно: его друзей постигла беда, и беду эту принесли корабли.

— Зачем вы их обижаете?! — гневно крикнул Дик полицейским, которые бросились к нему навстречу, ошетинившись автоматами.

— Они увозят нас с родного острова! — крикнул один рыбак.

— Почему вы их увозите? Это не ваш остров! — загремел Дик во всю силу своего чудовищного голоса, так что по всему острову пошли гулы, словно это не человек заговорил, а загрохотал проснувшийся вулкан.

Люди с автоматами шарахнулись назад, многие не выдержали и в ужасе побежали к лодкам. Толпа островитян затихла. Тогда из цепи полицейских вышел вперед молодой офицер и поднял руку:

— Стой, Дик Мюррей! Ни шагу дальше! В это дело тебе вмешиваться нельзя!

— Почему? Ведь вы обижаете моих друзей!

— Мы их не обижаем, а перевозим на другой остров! Так надо!

— Но они не хотят уезжать!

— Это приказ правительства, Дик Мюррей! Я знаю, наших автоматов ты не боишься и наши корабли тебе тоже не страшны. Но если ты не оставишь нас в покое, мы вызовем военную эскадру! Она уничтожит тебя из орудий вместе с твоим островом! Лучше отойди и не мешай!

Дик заколебался. В его детское сердце вкрался страх. Он вспомнил могучие орудийные башни «Хэттинджера» и поник. А бедные островитяне снова подняли крик и бросились к нему:

— Спаси нас, Дик! Защити нас, добрый великан!

К горлу мальчика-гиганта подкатил комок, губы задрожали. И вдруг из глаз его хлынули слезы, а из горла вырва-

лись оглушительные раскаты детского плача. Круто повернувшись, Дик бросился бежать обратно к павильону.

Офицер вытер со лба пот и пробормотал:

— Боже мой, да ведь он совсем еще ребенок!.. И тем не менее...— Он не договорил и молча уставился на гигантские следы, оставленные на прибрежной полосе убежавшим великаном.

Когда на другой день утром Дик вышел на побережье, он нашел его пустым. Лишь кое-где на песке валялись вещи, оброненные в спешке островитянами. Корабли исчезли. Океан был пустынен и задумчив, словно и его озадачила совершившаяся здесь несправедливость.

Дик медленно брел по берегу. Вот он нашел рыбацкую шляпу, поднял ее и с трудом натянул на кончик мизинца. Все, что осталось от его друзей!

Покинув побережье, Дик направился в поселки. Здесь тоже было тихо и безлюдно. Двери лачуг были распахнуты настежь, будто в безмолвном крике. Ни из одной трубы не струился дым. Все живое исчезло. Лишь на хуторе скотоводов Дик обнаружил собаку — большую лохматую овчарку. Она сидела посреди двора и жалобно выла. Увидев знакомого великана, пес бросился к нему навстречу и радостно заскулил.

Дик осторожно взял собаку двумя пальцами и посадил к себе на ладонь. На обратном пути к павильону он снова обливался горячими слезами.

Столкновение с полицией окончательно подкосило доктора Кларка. Он жаловался на боль в груди, был бледен и не вставал с постели. Кровать его стояла теперь на огромном столе — так Дику удобнее было ухаживать за больным наставником.

Когда над стариком склонилось большое, мокрое от слез лицо Дика, доктор с трудом открыл глаза и чуть слышно спросил:

— Ну как... они... там?

— Их увезли! Всех увезли! Мы остались одни на острове!

— Боюсь, дружок, что Лоопинг затеял что-то нехорошее...

— Против меня?.. Почему? Разве я ему мешаю?

— Кто знает... А я вот свалился и долго теперь не протяну...

— Не надо, доктор! Не говорите так! Я боюсь оставаться один!

— Эх, Дик, Дик! Думаешь, мне легко покидать тебя в такое время? Одна теперь надежда... на профессора Джексона...

Доктор умолк и закрыл глаза. Он чувствовал себя очень плохо.

Дику стало страшно. Полными ужаса глазами смотрел он на крошечного старичка, который был меньше его мизинца и вместе с тем заполнял для него всю Вселенную. Лицо доктора Кларка было бледно, на лбу и лысине блестели капельки пота.

Стараясь не шуметь, Дик вышел из своей комнаты и долго с собакой на ладони бродил вокруг павильона. Потом снова осторожно прокрался в комнату и склонился над столом. Доктор Кларк по-прежнему лежал с закрытыми глазами и дышал прерывисто, с хрипами. Дик шепотом окликнул его. Старик не отозвался — он был без сознания.

Дик сел на стул и до самого вечера просидел неподвижно возле постели наставника. Было уже совсем темно, когда он снова попытался заговорить с больным. Не услышав в ответ ни малейшего звука, торопливо зажег свечу и увидел, что доктор Кларк мертв.

Новое страшное горе не только не сразило Дика, но, наоборот, заставило его собрать всю энергию и твердость духа. Он понял, что ему не на кого больше опереться, не с кем больше посоветоваться, что вся его дальнейшая судьба будет зависеть только от него самого. Совершая над своим старым другом печальный обряд погребения, он не уронил ни единой слезы.

Могилу доктору Кларку он выдолбил на вершине самого большого утеса. Гробом послужил футляр из-под флейты, выложенный внутри пенопластом и оклеенный синим бархатом. Крепко запечатав могилу песком и огромными каменными глыбами, Дик прямо на утесе нацарапал ножом надпись:

**«САМЫЙ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ
ДОКТОР СЭМЮЭЛЬ КЛАРК».**

Лучшей эпитафии он придумать не смог.

Теперь Дик Мюррей остался на острове совсем один. Но он не предавался отчаянию. Чувство полного одиночества и безраздельной власти над островом наполняло его даже какой-то мрачной, безрадостной гордостью.

Весь во власти невеселых дум, Дик отправился со своим маленьким четвероногим другом на берег океана. Его гнала туда неведомая прежде тоска по людям. По пути он вспомнил, что не знает, как зовут собаку. Решил придумать ей имя.

— Хочешь называться Пиратом?

Пес радостно запрыгал на ладони и залаял.

— Ну, ну, вижу, что согласен! Значит, теперь ты Пират!.. Эх, Пират, Пират, плохи наши дела!..

До глубокого вечера просидел Дик на берегу океана, разглядывая в бинокль пустынные воды... О, как бы он был счастлив теперь, если бы произошло чудо и на остров приплыл лейтенант Кларенс!..

Томительное одиночество продолжалось семнадцать дней.

Все это время на острове царил тоскливая тишина. Не было слышно ни песен, ни хохота, ни громовых криков. Дик молчал. Целыми днями бродил он с Пиратом на ладони от одного берега к другому и до боли в глазах всматривался в океанские просторы. Напрасно! После эвакуации островитян ни один корабль не появлялся поблизости этих всеми забытых берегов.

Припасы на складе подходили к концу, пора было подумать об их обновлении, но Дик никак не мог вернуться к занятию рыбной ловлей и охотой. Тоска по людям, ожидание их прибытия полностью истощивали его душевные и физические силы.

На восемнадцатый день океан сжалился над Диком.

В два часа пополудни на юго-восточной стороне горизонта Дик увидел в бинокль дымки — один, второй, третий... целых двенадцать сизо-белых султанчиков дыма. Они вырастали за чертой горизонта, словно их рождала бездонная синева океана, и, приближаясь, становились крошечными корабликами.

Дик вскочил как ужаленный, взобрался на утес и стал жадно глядеть на море. Да, да, никаких сомнений — к острову идут корабли!

— Ура-а-а!!! — загрохотало над островом, будто лопнули и разрушились прибрежные скалы.

К небу, словно белый салют, взвились бесчисленные стаи перепуганных птиц. А Дик, не переставая кричать, спрыгнул с утеса и помчался к лесу.

Он не знал, как выразить свою радость, и сделал первое, что пришло в голову: натаскал на вершину горы сотни вырванных с корнем деревьев и устроил гигантский костер. Пусть люди видят, что он жив и приветствует их от всей души.

Над островом поднялся величественный столб дыма и пламени. Безобидная гора превратилась в действующий вулкан.

А Дик поспешно вернулся к берегу и снова взобрался на утес. Что такое? Почему корабли не приблизились? Почему они по-прежнему маячат у самой черты горизонта и, вместо

того чтобы плыть к острову, расходятся в разные стороны?

Загадочные корабли в самом деле расходились по кругу. Некоторые уже скрылись за выступами гор. Радость Дика погасла, в душе проснулась тревога. Снова и снова всматривался он в едва различимые силуэты и вдруг похолодел от ужаса — в одном из кораблей он узнал авианосец «Хэттинджер».

Чего же испугался Дик? Ведь на этом корабле служит его друг лейтенант Кларенс, а командует им добрый и благородный капитан Стейнхейл! Да и сам он, Дик Мюррей, был особым приказом объявлен почетным членом экипажа этого корабля на вечные времена! В чем же дело?

А дело было в том, что не о Кларенсе подумал Дик, когда узнал очертания знакомого военного корабля, а об угрозе того полицейского офицера, который крикнул ему: «Мы вызовем военную эскадру, и она уничтожит тебя вместе с островом!» Раз это «Хэттинджер», значит, всё вместе — это военная эскадра, которая прибыла сюда, чтобы уничтожить Дика вместе с островом! Нажаловался все-таки полицейский офицер, хотя Дик и не помешал ему увозить бедных островитян!.. А Кларенс? Неужели и Кларенс будет стоять у орудия и давать команду «огонь»?.. Наверное, будет... Ведь он обманул, не вернулся...

Ослабевший, Дик спустился с утеса и сел на горячий песок. Что делать? Куда спрятаться? Броситься в море и попытаться проскользнуть мимо кораблей? Бесполезно! Все равно заметят и убьют. Такого большого нельзя не заметить!.. Эх, если бы стать маленьким, как все!..

Дик в отчаянии закрыл лицо руками. На палец его ноги прыгнуло что-то пушистое, живое. Пират! Бедный глупый Пират! Дик взял собаку на ладонь и поднес к глазам.

— Пропали мы с тобой, песик! Сейчас грянет залп, и нас убьют! — прошептал он дрожащими губами и беззвучно заплакался.

Долго, мучительно долго тянулся этот кошмарный день. Дик несколько раз выглядывал из-за утеса и смотрел на далекие грозные корабли. Они по-прежнему виднелись на горизонте, и трудно было понять, что они собираются делать.

Когда наступили сумерки, Дик поднялся и, еле волоча ноги, полпелся к своему павильону. Костер на горе все еще разбрасывал снопы ярких искр, но Дику противно было смотреть в его сторону.

Ничто не могло разуверить великана в злых намерениях военной эскадры. Ведь если бы на ней были друзья, они давно бы уже высадились на остров, чтобы встретиться с Диком. А раз не пришли, раз окружили, значит, это не друзья, а враги!.. Почему не стреляют? Это подлая хитрость: ждут ночи,

ждут, когда Дик уснет, чтобы покончить с ним одним залпом. Да, да, это так! Он разгадал их предательские планы! Но, в таком случае, в павильоне нельзя оставаться ни одной минуты!

Наспех схватив на складе кое-что из продовольствия, Дик ушел в горы и засел там в ущелье, которое уже однажды послужило ему пристанищем.

Сумерки быстро сгущались. Поднялся ветер. Многодневная жара притянула, по-видимому, отличную грозу с ливнем. На небо, заслоняя звезды, надвинулись тяжелые черные тучи.

— Это хорошо! — сказал Дик Пирату. — Это они потому и не стреляли, что заметили приближение грозы. Хорошо бы еще шторм, большой шторм, чтобы он расшвырял эти дурацкие корабли и потопил их вместе с пушками!

Ветер крепчал и пронзительно выл в длинном ущелье. Быстро наступила полная темнота. Со стороны побережья донесся яростный рокот волн. Ветер подул с такой силой, что где-то жалобно застонало и рухнуло большое дерево.

— Сильнее! Давай! Еще сильнее! — крикнул Дик ветру, и, словно в ответ на его громоподобный призыв, по небу хлестнула длинная ослепительная молния и прокатились первые гулкие раскаты.

В ту же секунду хлынул ливень, и все смешалось: рев океана, раскаты грома, вой ветра и яростный плеск дождя. Это была великолепная сокрушительная буря.

— Пойдем домой, Пират! Сегодня уже больше ничего не будет, — сказал Дик своему маленькому лохматому другу, свернувшемуся в его закрытой горсти, как в просторной будке, и, выбравшись из ущелья, пошел сквозь непогоду обратно к павильону.

Страх прошел. Омытый ливнем, Дик чувствовал себя бодрым и решительным. Появилась надежда, что шторм разгонит эскадру, расшвыряет ее по океану, а пока она завтра снова соберется, можно будет удрать с острова — на плоту или даже просто так, вплавь.

Буря нарастала, сотрясая могучие стены павильона. Под ее неумолчный грохот Дик стал засыпать, уложив в уголке возле подушки перепуганного Пирата. Он совсем было погрузился в сон, когда ему послышалось, что к шуму бури стал примешиваться какой-то тонкий, едва слышный голосок, зовущий его по имени. Из-за подушки яростно залаял Пират.

С трудом открыв глаза, Дик прислушался.

— Дик! Дик Мюррей! Отзовись, Дик! Ты здесь? — доноси-лось откуда-то с пола возле самой кровати.

Дик замер и перестал дышать. Сонливость мгновенно исчезла. Пират, получив толчок пальцем, затих. В комнате было темно, как в подземелье.

— Кто тут? — загремел Дик и, выхватив нож, сел на кровати.

— Это я, Кларенс! — послышалось с полу.

— Что? Кларенс?! Не может быть!

Дик торопливо нашарил толстый огарок свечи, зажег его и, склонившись с кровати, осветил пространство вокруг нее. У ножки гигантской койки, под самым изголовьем, стоял крошечный человечек в черной штормовке и махал ему рукой. Дик всмотрелся в его лицо и чуть не задохнулся от радости:

— Кларенс! Кларенс вернулся! Ура-а-а!

Лейтенант Кларенс расхаживал по столу в кольце огромных рук великана и не спускал глаз с гигантского, расплывшегося в счастливой улыбке лица. Он был взволнован встречей не меньше Дика.

— А ты вырос, дружище! Гром и молния, ты стал таким большим, что на тебя смотреть страшно!

— А как ты попал на остров, Кларенс? Ведь такой шторм!

— На вертолете! Это было опасно, но другого выхода не было!.. У нас очень мало времени, Дик! Надо спешить!

— А что, разве они будут стрелять из орудий?

— Они совсем не собираются стрелять из орудий. Все обстоит гораздо хуже! Слушай! Профессор Джексон не договорился с правительством. Дела сложились так, что ему вообще пришлось скрыться. А правительству позарез нужен препарат твоего отца, мюрреин. У них там какие-то грандиозные планы по животноводству. Когда стало ясно, что Джексон мюрреин не выдаст, правительство решило найти секрет этого препарата в твоём теле...

— А почему профессор не выдаст мюрреин? Он ведь...

— погоди, великан! Теперь все стало по-другому! В столице какие-то типы, вероятно, из самых богатых, которым нечем заняться, сколотили полулегальную организацию под названием «Новое сбалансированное общество». Они все хотят стать большими, здоровыми и долговечными.

— Такими, как я?

— Не совсем, но в этом роде. Для этого им нужен мюрреин и антимюрреин. Они втянули в свою организацию генерала Лоопинга и послали его к Джексону. Генерал должен был уговорить профессора выдать организации секрет обоих пре-

паратов. Предлагали огромные деньги. Но профессор отказал им. Лоопинг ушел ни с чем, и теперь «сбалансированные» решили приняться за тебя. Не прямо, конечно, а через правительство. У них всюду свои люди. Они наскоро собрали группу ученых, способных ради денег на любую жестокость. Это настоящие фашисты! Им приказано подвергать тебя любым экспериментам, хоть на куски искомсать, лишь бы найти в твоём организме секрет мюррейна.

— Но в моём организме давно и следов не осталось, потому что мюрреин — это особые прирученные вирусы, которые очень быстро исчезают.

— Молчи, Дик, молчи! Если люди Лоопинга об этом узнают, они убьют тебя!.. А теперь вот что. Эскадре приказано окружить остров и отрезать тебе все пути к бегству. А твои ученые палачи должны прибыть завтра утром на вертолете. Недавно, перед самым отплытием, я получил записку от профессора Джексона. Он скрывается в надёжном месте. Второй антимиуреин, чтобы сделать тебя нормальным человеком, у него уже готов. Он ждёт тебя и доктора Кларка...

— Доктор Кларк умер! Когда увезли всех жителей, он заболел и умер. Я похоронил его на вершине утеса...

— Жаль старика... Очень он любил тебя... Но слушай дальше! Ты должен этой ночью покинуть остров. Я знаю, в такой шторм это будет трудно, но ты должен справиться. Завтра уже будет поздно. Тебе придется плыть на юго-восток, пока не достигнешь Скалистого побережья. Это совершенно пустынная и безлюдная местность. Там для тебя приготовлено убежище, и там тебя будет ждать профессор Джексон со своими людьми. Проплыть придется около двух тысяч миль. Если будет трудно, отдыхай на отмели у островов. По пути их будет много. Но нигде не смей выходить на сушу!

У Дика все в голове смешалось: сторожевая эскадра, пытки, профессор Джексон, Скалистое побережье, жуткое плавание по океану в страшный шторм...

— Кларенс, разве я проплыл две тысячи миль? — растерянно прогудел он.

— Проплывешь, Дик! Ты большой и сильный! Ты должен прорвать блокаду возле «Хэттинджера», чтобы с других кораблей тебя не заметили. На «Хэттинджере» не забыли, что ты почетный член экипажа на вечные времена. Капитан Стейнхейл и вся команда за тебя! Профессор Джексон знал, кому доверить твоё спасение. Ну, вперед, Дик! Нельзя терять ни минуты!

Дик вскочил и, пошарив за подушкой, поднял на ладони своего верного Пирата.

— Кларенс, ты возьмешь на корабль моего друга?

— Собаку? Это можно! Ну, пошли, победитель штормов!

Дик сунул в ножны свой гигантский нож, посадил Кларенса на свое загорелое плечо и вышел из павильона навстречу буре.

Вертолет, на котором прибыл Кларенс, было решено утопить, чтобы не осталось следов. Дик зашвырнул его далеко в бушующее море. После этого Кларенс перебрался к великану на шею и крепко обвязал себя прядями его волос. Таким же образом он закрепил и повизгивавшего от страха Пирата.

Дик смело пошел навстречу яростному прибою, гнавшему на берег волны высотой с пятиэтажный дом. Достигнув глубины, он поплыл.

Океан разыгрался не на шутку. Дик плыл вперед, ничего перед собой не видя. Один он ни за что не нашел бы «Хэттинджер» в этой кромешной тьме и бешеной пляске волн. Но Кларенс все время направлял его, крича в самое ухо:

— Левей, гроза кашалотов, левей! Так держать! А теперь право руля! Еще правее, сын Нептуна, еще!.. Так, так! Молодец! Хорошо идем! Скорость не меньше двадцати узлов! Да при таких ходовых качествах ты вокруг света обойдешь, не то что две тысячи миль!.. А вон и наш старик «Хэттинджер»!

Но Дик еще долго ничего перед собой не видел. Гигантские волны хлестали ему в лицо, а порой и накрывали с головой. Наконец совсем неподалеку он заметил огни большого корабля.

— Осторожнее, Дик, подходим! Заходи с левого борта! Там тише!

Дик послушно выполнял все приказы своего маленького друга. Обогнув корабль, он приблизился к нему с подветренной стороны и схватился рукой за борт. Другой рукой он осторожно снял с шеи Кларенса и собаку и поставил их на качающуюся палубу.

К борту тотчас же подошел человек в штормовке:

— Ну как, Кларенс?

— Все в порядке, капитан! Задание выполнено!

Капитан Стейнхейл похлопал Дика по пальцу и, перегнувшись через борт, крикнул в кромешную тьму:

— Привет, Дик Мюррей! Как самочувствие?

Дик сразу узнал Фрэнсиса Стейнхейла. Перекрыв рев бури, он загрохотал в ответ:

— Отлично, капитан! Спасибо!

— Я думаю, такой шторм пустяк для почетного моряка с «Хэттинджера»? Как ты считаешь, Дик?

— Пустяк, капитан! Это даже весело плыть по таким волнам!

— Значит, доплывешь до Скалистого побережья?
— Доплыву, капитан!
— Молодец! В таком случае, Дик, отправляйся. Курс — юго-восток. Сейчас в сторону кормы, а дальше следи по ветру. Волны должны тебя хлестать в правую щеку. Понял?
— Понял, капитан!
— Ну, счастливого плавания, мой мальчик!
— До свиданья, капитан! До свиданья, Кларенс!
— До свиданья, Дик! Будь молодцом, морской волк!
Гигантская рука отпустила борт корабля, махнула на прощанье и исчезла в темноте.

Прошло четверо суток. Океан продолжал бесноваться с ослабевающей силой.

Профессор Джексон и двое его верных друзей вот уже вторые сутки подряд ни на минуту не покидали наблюдательного поста на вершине утеса. Исклестанные ветром, промокшие до нитки, они валились с ног от усталости, а Дик Мюррей все не появлялся.

По расчетам профессора, Дик должен был доплыть до Скалистого побережья за пятьдесят часов. Неужели с ним что-нибудь случилось? Неужели погиб? Или его выследили с воздуха ищейки генерала Лоопинга и с помощью военных кораблей загнали обратно? Но тогда Стейнхейл сообщил бы об этом по радио.

— Что будем делать, профессор? — спросил один из его друзей, молодой биохимик Уилсон, отняв бинокль от усталых, покрасневших глаз. — Может, попытаемся поискать его на островах?

— Наша легкая посудинка не выдержит такого шторма, Уилсон. Выходить в ней сейчас в море — значит обречь себя на верную гибель. Будем ждать и надеяться, — твердо ответил профессор.

Они снова взяли за бинокли и стали напряженно всматриваться в кипящую поверхность океана.

За окном была глухая ночь, наполненная свистом, воем и грохотом бури. Лачуга вздрагивала от порывов ветра, как заезженная кляча от ударов кнута, и жалобно поскрипывала.

Старый рыбак Хуан Перес чинил при свете лампы невод. Жена его лежала на кровати, закутавшись в одеяло, и молча прислушивалась к реву бури.

— Долго штормит, слишком долго! — ворчал старый рыбак. — Давно такого не было с океаном. Разыгрался не ко вре-

мени, а мы из-за него без рыбы сиди... Да еще, того и гляди, баркас унесет! Совсем плохо дело будет...

— А ты бы, Хуан, сходил поглядел,— озабоченно отозвалась жена.

— Ладно уж, схожу...

Хуан Перес отложил сети, закутался в брезентовый плащ с капюшоном и вышел из лачуги. Захлопнув за собой дверь, он несколько минут постоял, привыкая к темноте. Потом вышел из-за укрытия и ощупью побрел по тропинке к морю.

Грохот прибоя становился все яростнее. Перед последним поворотом, за которым до моря оставалось лишь несколько шагов, старик остановился и замер в полной неподвижности. Ему почудилось, будто к реву океана прибавились какие-то новые, столь же мощные трубные звуки. Сначала они казались просто воплем, но, прислушавшись, рыбак стал различать в них отдельные слова:

— Помогите!!! Люди!!! Помогите-и-ите!!! — гремело где-то за утесами с нечеловеческой мощью, словно это сам ураган молил о помощи.

Старик задрожал и откинул капюшон, чтобы лучше слышать. В громоподобном вопле звучали тоска, жалоба, смертельный страх. Рыбака стал бить озноб. Он уже хотел бежать обратно к лачуге, когда новый вопль пригвоздил его к месту.

— Помогите!!! — прогремело где-то совсем рядом.

В этот миг сквозь рваные тучи прорвался месяц и осветил прибрежные скалы. На вершине соседнего утеса рыбак увидел гигантскую руку. Она хваталась за скалу, царапала ее, соскальзывала, наконец вцепилась в нее крепко и тут же к ней присоединилась вторая. Это было похоже на кошмарный сон.

Призывы о помощи прекратились. Вслед за гигантскими руками над утесом показалась страшная исполинская голова с выпученными глазами и перекошенным ртом.

— Земля! Скалистое побережье! — мощно отдуваясь, прохрипела голова.

Месяц снова скрылся за тучами, и страшное видение погрузилось во мрак. Лишь мощное сопение раздавалось все ближе и ближе.

Суеверный рыбак опомнился и, почувствовав, что может двигаться, со всех ног бросился вверх по тропинке. Достигнув своей лачуги, он постоял возле нее, отдышался и пошел дальше, в поселок.

На другое утро шторм внезапно утих. Океан еще гнал к берегу зеленые стены валов, но тучи на небе уже рассеялись, и горячее летнее солнце взошло как ни в чем не бывало.

Рыбак Хуан Перес снова шел по тропинке к морю, только на сей раз не один. Его сопровождал молодой бургомистр острова дон Педро Маркес.

— Я уверен, что тебе померещилось, папаша Хуан! — недобольно ворчал бургомистр, без всякой охоты следуя за стариком.

— Погоди, дон Педро, не спеши...

Рыбак опытным взглядом окинул пустынные утесы и, заметив, что над одним местом с криком носятся потревоженные чайки, свернул с тропинки и повел бургомистра к этому месту.

И вот они увидели живого великана.

Гигантский полуголый мальчик лежал в просторной ложбине, заполнив ее всю своим необъятным телом, и спал крепким сном. Ноги его были поджаты, одна рука под щекой, другая крепко держала рукоять исполинского ножа, висевшего в ножнах у пояса. На великане не было ничего, кроме коротких трусов, сшитых из какой-то кожи. Длинные черные волосы его были рассыпаны по камням.

Чтобы лучше рассмотреть невиданного мальчика-гиганта, рыбак и бургомистр вскарабкались на скалу, которая возвышалась над спящим. Из-под ног у них неожиданно сорвался камень и с грохотом устремился вниз. Оба так и присели от страха.

— Я знаю, кто это, — тихо сказал бургомистр. — Это знаменитый великан Ричард Мюррей. О нем много писали в газетах. Но как он попал сюда?..

— Заблудился, поди, во время шторма... — неуверенно сказал рыбак.

— Что ты, папаша Хуан! Знаешь, где он последний год находился? На острове, до которого от нас пять тысяч миль!..

Снизу вдруг раздался громкий зевок. Рыбак и бургомистр осторожно выглянули из-за скалы. Бургомистр набрался смелости и громко крикнул:

— Эй ты, большой человек! Ты кто? Дик Мюррей, да?

Великан продолжал лежать неподвижно, но его огромные черные глаза были открыты. Казалось, он не слышал окрика. Бургомистр сложил ладони рупором и крикнул еще раз. Великан медленно повернул голову и посмотрел на скалу. Увидев людей, он болезненно сморщился и прохрипел:

— Да, я Дик... Мюррей... Мне холодно... Все тело болит... Хочу пить... пить и есть...

— Как ты сюда попал, Дик Мюррей? — спросил бургомистр.

— Я плыл... к Скалистому побережью... заблудился в шторме... А это что?.. Скалистое побережье, да?..

— Скалистое, да не то, Дик! Тебя отнесло в сторону! Наш

остров лежит далеко от Скалистого побережья! Но ты не отчаивайся! Будешь нашим гостем! Мы напоим и накормим тебя, а твоим друзьям мы о тебе сообщим! Понял?

— Понял! Большое спасибо!..

Дик снова закрыл глаза, а бургомистр и старый рыбак быстро спустились со скалы и со всех ног бросились обратно в селение. Вскоре о принесенном бурей гигантском госте узнали все жители маленького острова.

Профессор Джексон тайно навестил госпожу Мюррей. Он застал бедную женщину в глубоком трауре и в слезах. Уже десять дней назад узнала она из газет, что «мальчик-великан Дик Мюррей заплыл во время купания слишком далеко от острова и, застигнутый десятибалльным штормом, погиб в морской пучине». Выходило, что Дик погиб по собственной неосторожности, а правительство лишь понесло из-за этого огромные расходы, потому что бросило на поиски великана весь свой военный флот.

Госпожа Мюррей поверила этой версии, так как слишком хорошо знала неумный характер своего племянника. Но профессор Джексон не оставил ее в этом заблуждении. Он рассказал ей всю правду.

Узнав, какая страшная участь ожидала Дика, если бы он не бежал с острова с помощью военных моряков с авианосца «Хэттинджер», Клеми вытерла слезы и гневно воскликнула:

— Пусть он лучше утонул в океане, чем остался бы в руках этого живодера Лоопинга! А газеты-то наши тоже хороши! Заплыл слишком далеко!.. Нужно, чтобы весь мир узнал правду о гибели моего милого великана! И о Лоопинге, и об этих сбалансированных негодях, и о нашем правительстве, которое не умеет их приструнить! И эту правду должны рассказать вы, профессор!

— Дика мы этим не вернем, сударыня, а неприятностей из-за этого может быть немало,— устало проговорил профессор.— У меня нет никаких доказательств, и меня легко обвинят в клевете на правительство. Вряд ли нам это что-нибудь даст!.. Вот если бы Дик остался жив!.. Я сделал бы его нормальным человеком в течение десяти лет... А теперь... теперь мой антимюрреин никому больше не понадобится. Ни первый, который останавливает рост, ни второй, который может из великана сделать нормального человека. Великанов больше не будет! Опасное открытие вашего брата я навеки похоронил в своем мозгу. Все документы о нем я сжег. А повторить такое открытие вряд ли кто-нибудь сможет...

Клементайн хотела что-то возразить, но тут в окно сильно

постучали, и с улицы послышался звонкий мальчишеский голос:

— Госпожа Мюррей! Госпожа Мюррей! Новости!

Профессор и Клеми одновременно посмотрели на окно и увидели за стеклом взволнованное лицо незнакомого десятилетнего мальчугана... Он размахивал газетой и изо всех сил барабанил по стеклу.

Клементайн открыла окно.

— В чем дело, мальчик? Что тебе нужно?

— Госпожа Мюррей, я услышал разговоры возле киоска и сразу купил газету и побежал к вам! Большая новость! Ваш Дик жив! Он не погиб в океане! Он доплыл до какого-то острова!

Клементайн ахнула, схватилась за сердце и медленно опустилась на пол.

Сообщение, опубликованное в газете, было поразительно, однако не верить ему не было никаких причин.

Корреспондент столичной газеты сообщал из-за границы, что во время недавнего шторма к берегу острова, принадлежащего нейтральной стране, прибило великана Ричарда Мюррея. Великан был жив, и жители острова оказали ему радушное гостеприимство. Представитель нейтральной страны сделал для печати заявление, что его правительство предоставило Ричарду Мюррею политическое убежище. Согласно показанию мальчика-великана, со стороны властей его родины ему угрожала серьезная опасность: его хотели сделать предметом бесчеловечных научных экспериментов. Именно поэтому он вынужден был покинуть свой дом на острове и пуститься в опасное плавание по бушующему океану. Ему лишь чудом удалось избежать гибели. На время пребывания Ричарда Мюррея на острове нейтральной страны туда полностью закрыт доступ для туристов, научных экспедиций и прочих посторонних лиц.

Приведя госпожу Мюррей в чувство, профессор Джексон прочел ей вслух это радостное сообщение. Она смеялась и плакала от счастья и как безумная целовала газету. Когда первый порыв радости миновал, Клементайн посмотрела на профессора сияющими глазами.

— Ну что, дорогой профессор, вы и теперь будете молчать о подлых намерениях генерала Лоопинга и его покровителей?

Профессор усмехнулся, поцеловал Клементайн руку и ответил:

— Теперь тем более. Я буду нем, как рыба. Не стоит дразнить гусей, пока Дику не возвращен нормальный человеческий облик. Борьба и так будет достаточно опасной. А что касает-

ся разоблачения, давайте договоримся так: я сделаю его в самой широкой форме, когда полностью вылечу Дика. А пока нам придется довольствоваться сознанием, что мы победили, хотя и понесли потери. Жизнь доктора Кларка — вот единственная жертва, которую они вырвали из наших рядов. Бедный доктор Кларк, он любил Дика до полного самозабвения!..

— Не надо, профессор, не омрачайте моей радости. Все эти десять дней я оплакивала их обоих — и Дика и доктора Кларка. Пусть же мои слезы принадлежат одному ему, нашему доброму старому другу. Я всегда буду помнить, какое у него было золотое сердце и как много он сделал для моего мальчика...

После всех пережитых злоключений жизнь на гостеприимном острове показалась Дику приятным и спокойным отдыхом. Правда, у него не было здесь такого великолепного павильона, как на прежнем месте, — жить пока приходилось под открытым небом, — но зато обитатели острова окружили его такими заботами, таким вниманием, словно уход за великаном был для них самым радостным занятием.

Через месяц к берегам острова подошли два корабля. Их флаги были уже знакомы Дику — он видел такой же в поселке, на доме бургомистра дона Маркеса.

На одном из кораблей приехали профессор Джексон со своими двумя ассистентами и, к великому удивлению и радости Дика, лейтенант Кларенс. Только теперь его следовало называть бывшим лейтенантом. Впрочем, штатский костюм шел ему ничуть не меньше, чем форма морского офицера.

После бурной встречи, во время которой Дик сплясал от радости какой-то дикий танец, начались расспросы и разговоры.

— Кларенс, милый, почему ты ушел с «Хэттинджера»? Кончился твой контракт, да?

— Нет, брат океана, контракт мой еще не кончился, — ответил Кларенс, расположившийся, по привычке, на плече у друга. — Меня просто-напросто списали на берег.

— За что?

— За потопленный вертолет. Ты знаешь, что там, на острове, творилось, когда ты удрал? Плач акул и крокодилов! Сам Лоопинг прилетел из столицы. Началось расследование. Ну, и пронюхали как-то, что на «Хэттинджере» не хватает вертолета. Тут вспомнили, что это мы везли тебя на остров, вспомнили и про то, что Стейнхейл сделал тебя почетным членом экипажа. Лоопинг добивался суда над капитаном, но доказательств у них не было, так что до суда дело не дошло.

А вертолет я взял на себя. Самовольно, говорю, летал в шторм на прогулку и утопил. Едва, говорю, сам спасся. Меня за это дело и офицерского звания лишили, и к военным кораблям запретили подходить на пушечный выстрел. А Стейнхейла разжаловали. Он теперь служит старпомом на одном ржавом корыте, которое по недоразумению до сих пор называется крейсером. И Пирата твоего с собой прихватил в память о тебе! Трудно старику. На «Хэттинджере» он был первым после адмирала!.. А мне ничего. Я даже рад, что так получилось. Отыскал я твоего профессора Джексона, и он меня взял к себе. Главным опекуном вместо бедняги доктора Кларка...

— И теперь мы всегда будем вместе, Кларенс?

— Всегда не всегда, а несколько лет нам придется по дрейфовать вместе на этом клочке земли. Гром и молния! Я уверен, что скучать мы с тобой не будем. Верно, я говорю, морской волк?

— Верно, Кларенс! Мне так с тобой хорошо, что я согласен остаться здесь на всю жизнь, лишь бы ты не уезжал!

— Всю жизнь? О могучий потрошитель китов и кашалотов! Разве ты знаешь, что такое *в с я ж и з н ь*? Это очень-очень много, и не будем загадывать на такой долгий срок!..

Новый штат профессора Джексона был гораздо меньше, чем в КИРМЕ, да и материальная часть была скромнее. Но все же правительство нейтральной страны нашло средства, чтобы снабдить гостя-великана самым необходимым.

На остров был доставлен вместительный надувной дом для Дика, удобные разборные домики для обслуживающего персонала, множество разнообразной утвари и инструментов, сотни тонн продовольствия, а главное — пять драгоценных ящиков с многолитровыми ампулами, содержащими новую культуру прирученных вирусов под названием «Антимюрреин-2».

Профессор без промедления приступил к лечению Дика от «великанства». В организм мальчика-гиганта была введена первая огромная доза антимюрреина-2.

Вначале Дик не ощутил в себе никаких перемен. Но прошла неделя, и препарат дал о себе знать. Мальчик-великан, всегда поглощавший целые горы пищи, потерял вдруг аппетит и заметно похудел. Вместе с тем он стал вялым, сонливым, апатичным. Спал по двенадцать — четырнадцать часов в сутки; нехотя, через силу, поддаваясь лишь на веселые уговоры Кларенса, совершал обязательный моцион по острову; как только его оставляли в покое, тут же снова ложился в постель. Есть он стал раз в десять меньше обычного и лишь непрерывно пил воду, все время жалуясь на сухость во рту и неутоли-

мую жажду. Пресной воды было на острове достаточно, а к еде Дика не принуждали — голодовка была основой всей лечебной процедуры.

Когда миновало три месяца, профессор решил ввести Дикю еще одну дозу лекарства. Вирусная культура антимюррена-2 была очень неустойчива и малоактивна. Ей нужно было периодически давать подкрепление. После второй дозы Дик еще резче сократил свою потребность в еде, но зато к нему вернулись подвижность, веселое настроение и интерес к окружающему миру. От еды он отказывался еще упорнее, но пить стал умеренно. Его худоба тревожила профессора Джексона, однако никаких мер для возвращения великану прежнего аппетита он не принимал. В общем и целом, процесс превращения, как уверял профессор Джексон, протекал в пределах нормы. Оставалось только ждать кризиса.

И вот долгожданный кризис наступил. На шестом месяце при очередном измерении было обнаружено, что рост Дика уменьшился на тридцать пять сантиметров. Это была огромная победа. С этого момента все клетки огромного тела великана стали работать по новой программе.

— Поздравляю, укротитель буры! Скоро ты станешь как все и поступишь матросом на «Хэттингджер»! Клянусь трезубцем Нептуна, ты все равно будешь в любом строю правофланговым! — сказал ему по этому случаю Кларенс.

А профессор Джексон и бургомистр дон Маркес устроили на радостях маленький праздник с обильным угощением для всех обитателей острова.

Проходили месяцы, проходили годы...

Дикю еще несколько раз впрыскивали в кровь антимюррена-2. Он свыкся с ним и отлично на него реагировал. Худоба его постепенно исчезла. Из костлявого, долговязого гиганта с обвисшей кожей и худым, морщинистым лицом Дик снова превратился в отлично упитанного мальчика-великана, стал веселым, озорным, любознательным, лишь несколько уменьшенных размеров. Это означало, что его клетки под действием антимюррена полностью переориентировались и теперь дружно и слаженно работали на уменьшение, учитывая особенности отдельных органов и тканей.

Гигантский аппетит к Дикю больше не вернулся. С каждым месяцем он ел все меньше и меньше.

— Гром и молния! Почему же он не худеет? — удивлялся Кларенс. — Почему он такой крепкий и толстощекий при такой совершенно убийственной диете? Вы понимаете что-нибудь, профессор?

Профессор, конечно, все понимал и с удовольствием объяснял это Кларенсу:

— Тут нет никакого чуда, друг мой. Антимюрреин-два восстановил в генах Дика информацию о видовых размерах человека. Клетки принялись работать на уменьшение тела, и для этого им пришлось в организованном порядке обрывать себя на гибель. У Дика как бы происходит рост наоборот — сверху вниз. Ежедневно в его организме накапливаются десятки килограммов отработанного вещества из погибших клеток. Незначительную часть их организм выбрасывает, но основную массу усваивает и использует для своей жизнедеятельности. Дик сейчас питается за счет собственных огромных накоплений...

Когда Дик у исполнилось семнадцать лет, он вытащил однажды из-под своей кровати тот самый нож, который когда-то носил у пояса и которым так легко справлялся с кашалотами. Удивившись размерам этого ножа, много лет провалявшегося без дела под кроватью, юноша воскликнул:

— Кларенс, посмотри, какой огромный заржавленный меч! Я с трудом поднимаю его обеими руками!

— Эх ты, гроза кашалотов! Разве это меч? — со смехом ответил Кларенс. — Это же твой «ножичек», с которым ты переплыл через бушующий океан и которого так боялись все твои знакомые киты!

Присутствовавший при этом профессор Джексон пристально посмотрел на Дика и тихо сказал:

— Теперь уже скоро, мой мальчик...

— Что скоро, профессор?

— Скоро ты вернешься к своей тете Клеми!

Высокая белокурая девушка лет шестнадцати стремительно вбежала в гостиную и крикнула:

— Тетя Клеми, к нам гости!

Госпожа Мюррей, сильно располневшая, но, в общем-то, мало изменившаяся за прошедшие двенадцать лет, поднялась с кресла и направилась в переднюю.

— Что еще за гости? — ворчала она недовольно.

Открыв дверь, она остолбенела.

Перед ней стоял седой, сгорбленный старик, в котором она с трудом, но все же узнала профессора Джексона; рядом с профессором — незнакомый, спортивного вида мужчина лет тридцати пяти, с мужественным загорелым лицом; а за ними, за этими двумя, возвышался чуть не под самый потолок юный

гигант: смуглый, стройный, черноволосый, с веселыми глазами.

Двое первых молча смотрели на госпожу Мюррей и загадочно улыбались. Она уже раскрыла рот, чтобы поздороваться с профессором Джексонсом, но высокий юноша вдруг шагнул вперед и весело пробасил:

— Здравствуй, тетя Клеми! Не узнаешь? А ведь это я, твой Дик!

— Боже мой, Дик! — прошептала госпожа Мюррей, не веря своим глазам, и тут же крикнула на весь дом: — Дик! Мальчик мой!

Юноша раскрыл объятия и подхватил на руки метнувшуюся к нему женщину. Не замечая, что племянник держит ее на руках, она целовала его в глаза, щеки, губы.

Войдя со своей ношей в гостиную и увидев незнакомую девушку, Дик смутился и опустил тетку на пол. Повернувшись к вошедшим вслед за ним профессору Джексону и Кларенсу, он сказал:

— А тут, кажется, прибавление семейства!

— Дурачок! — сказала госпожа Мюррей. — Это же Мери, моя воспитанница. Мы уже десять лет живем вместе. Познакомься с ней!

— С удовольствием! — прогудел Дик и направился к девушке.

Госпожа Мюррей повернулась к гостям:

— Ах, профессор, простите, я даже не поздоровалась с вами!

— Ничего, ничего, госпожа Мюррей, здравствуйте! А это главный опекун Дика господин Кларенс. Прошу любить и жаловать!

— Боже мой, вы и есть Кларенс?! Самый большой друг моего Дика! Я рада, очень рада вас видеть!

— И мне приятно познакомиться с вами, госпожа Мюррей. Именно такой я и представлял себе тетю Клеми, о которой Дик мне так много рассказывал, — галантно раскланялся Кларенс и, лукаво улыбнувшись, спросил: — А как Дик, госпожа Мюррей? Молодец, не правда ли?

Госпожа Мюррей искоса глянула на Дика, который в это время старался убедить Мери, что с ним не опасно поздороваться за руку, и покачала головой:

— Все еще великоват! Не бывает таких людей!

— Не бывают, — значит, будут, — рассмеялся Кларенс. — В нем ровно два с половиной метра.

— По всей вероятности, сударыня, это и есть допустимый предел человеческого роста, — вмешался в разговор профессор. — Ниже этого барьера мы никакими средствами не могли

уменьшить Дика. Впрочем,— улыбнулся он,— если вы его не принимаете, мы попытаемся еще поработать. Боюсь только, что, если мы сломаем этот естественный барьер роста в направлении сверху вниз, то наш милый Дик без конца пойдет на убыль, и лет через десять я привезу вам его в спичечной коробке!..

— Ах, что вы, профессор! Не говорите таких ужасов!..

Во время обеда Клеми наклонилась к профессору Джексону и доверительно спросила:

— Вы говорили про уменьшение, профессор. Неужели это серьезно?

— Да, госпожа Мюррей. В процессе лечения меня очень беспокоило это обстоятельство. Но, к счастью, барьер оказался крепким, как и все созданное природой. Дик-лилипутик — ведь это было бы не менее ужасно, чем Дик-великан?

— Еще ужаснее, профессор, еще ужаснее!..

— Зато с Диком-лилипутиком легче было бы управляться. Уж я-то знаю, как трудно воспитывать великанов! Лилипутиков куда легче! — с деланной серьезностью заметил Кларенс.

— Что вы, господин Кларенс, что вы! — воскликнула госпожа Мюррей. — Пусть лучше Дик остается как все... или хотя бы почти как все!

— Вот именно «почти», — задумчиво сказал профессор. — В нем ведь много осталось от прежнего гиганта. За все десять лет он ни разу ничем не болел, и я сильно сомневаюсь, подвержен ли он вообще старости и смерти, как мы с вами и как бедный доктор Кларк...

— Как жаль, что доктор Кларк не дожил до этой счастливой минуты... — вздохнула госпожа Мюррей и украдкой вытерла слезу.

Обед подходил к концу. Уже успевший подружиться с Мери, Дик попросил разрешения пройтись по саду.

— Ступайте, дети, ступайте! — сказала госпожа Мюррей, которой нужно было еще очень о многом поговорить с профессором Джексонem и Кларенсом.

Молодые люди выбежали в сад. При их появлении со стороны садовой стены раздались приглушенные возгласы, полные восхищения и ужаса:

— Смотрите, смотрите! Дик Мюррей идет! Великан идет!

Вся стена была облеплена детворой. Для них, для малышей, Дик и теперь еще был удивительным сказочным великаном.

Скорчив страшную гримасу, Дик погрозил малышам пальцем и грозно рявкнул:

— А ну кыш со стены!

Малышей словно ветром сдуло. Визжа от восторга и страха, они убегали прочь во все лопатки и при этом продолжали кричать пронзительными голосами:

— Великан приехал! Дик Мюррей! Великан!..

А Дик посмотрел на Мери, улыбнулся и сказал:

— Ну какой же я теперь великан? Я самый обыкновенный человек. Правда, Мери?..

ЧЕРТИ В КУЗНИЦЕ

Приключенческий рассказ

1

Когда-то в деревне Грашке была не только кузница, но и замечательный кузнец-молодец, на все руки мастер. Потом, после организации сельскохозяйственной артели, кузнец этот, крепко поссорившись с правлением, выбыл со всем своим семейством в город и поступил на завод, а кузница надолго осиротела. Первое время, правда, кое-кто из местных умельцев пользовался покинутыми инструментами и прочим кузнечным инвентарем: разжигал горн, раздувал мехи и пытался мастерить немудрящие железки молотком на наковальне. Но позже в кузнице поселились черти, и тем самым она стала для артели окончательно потерянной.

Надо сказать, что кузница эта находилась не в самой Грашке, а в некотором отдалении от нее, при заброшенном про-

селке, на полпути между последним деревенским двором и опушкой леса. Очень может быть, что именно из-за столь уединенного положения черти и выбрали ее местом своего земного пребывания.

О вселении чертей в кузницу первой узнала ближайшая к ней соседка, хозяйка крайней грашковской усадьбы, тетушка Луиза, женщина старая, одинокая и богомольная.

Это было весной, при первой зеленой травке. У старухи, помимо прочей живности, была коза Бетка, животное глупое, но с характером. Однажды козе надоело пастись близ старухина двора; она выдернула колышек, к которому была привязана, и пошла с ним гулять в лес. Когда хозяйка хватилась, Бетки и след простыл. А дело уже клонилось к вечеру. Тетушка Луиза знала характер своей козы и потому, не мешкая, кинулась в лес. Но разыскала она Бетку не сразу — пришлось побегать и покричать, а когда наконец беглянка нашлась, было уже совсем темно, хоть глаз выколи.

Путь старухи и козы лежал мимо заброшенной кузницы. Тетушка Луиза не придавала этому обстоятельству ровно никакого значения, а про Бетку и говорить нечего. Они шли себе в темноте по проселку и потихоньку переругивались; точнее говоря, старуха ворчала, а коза изредка вполголоса блеяла. Им оставалось до кузницы шагов тридцать, а до дому — шагов триста, когда тетушка Луиза вдруг заметила неладное и остановилась как вкопанная. Неладное заключалось в том, что в кузнице мерцал зловеющий красный свет и раздавалось бряцание железа по железу. Надо отдать справедливость проныцательности тетушки Луизы: она сразу догадалась, что это не грашковские любители огня и металла орудуют в столь поздний час, а сам нечистый.

Впоследствии старуха уверяла, что, подкравшись поближе, увидела даже поганое рыло нечистого с бородищей и длинными рогами. Но в этом пункте ей никто особой веры не давал, так как уж чем-чем, а храбростью тетушка Луиза отнюдь не отличалась. Скорей всего, она быстренько осенила себя крестным знамением, прынула в сторону от дороги и, отскакав здоровенный крюк по некошеному лугу, примчалась к себе домой без ума от страха. Дома она, надо полагать, заперлась на все засовы, затеплила лампадку перед старинным деревянным распятием и всю ночь провела в молитве.

На другой день о своевольном вселении чертей в кузницу знала уже вся Грашка. Молодежь над этой новостью хохотала до упаду. Взрослые и степенные артельщики разводили руками и говорили с недоумением:

— И откуда они взялись, черти эти? Спокон веку их в Грашке не бывало...

А сверстники тетушки Луизы, грашковские старики и старики, сползались в кружки и обсуждали событие с самым серьезным видом. При этом они, конечно, во всем винили артель и бубнили, что пока, мол, жили все по-христиански да не забывали бога, то и чертей никаких в Грашке не водилось. В заключение они кивали седыми головами и сокрушенно вздыхали:

— То ли еще будет!..

Словом, ночное приключение тетушки Луизы и козы Бетки взбудоражило всю Грашку. Однако вне зависимости от того, верили отдельные грашковцы в случившееся или смеялись, никто из них даже среди белого дня не осмелился произвести расследование на месте. А уж с наступлением темноты к злополучной кузнице никого и калачом было не заманить. Ее обходили подальше. Прежде, бывало, хоть дети пользовались старым проселком — ходили в лес по грибы да ягоды, — а теперь и они протоптали себе тропку стороной.

Что же касается тетушки Луизы, то она не пожалела многолетних своих сбережений и окружила усадьбу со стороны кузницы высоким глухим забором. По ночам, не надеясь на один забор, она горячо молилась о спасении души. Но чертям все это нисколько не мешало. Они чуть ли не каждую ночь ковали что-то в заброшенной кузнице и вели себя чем дальше, тем развязней. Из чердачного слухового окна над домом тетушки Луизы можно было увидеть, как с наступлением ночи кузница озаряется вспышками багрового пламени, как во дворе ее мелькают какие-то страшные черные тени, и жутко звучал при этом в темноте лязг и грохот адского железа.

У этого чердачного окна провели многие волнующие часы все грашковские любители острых ощущений. Молодежь даже облюбовала этот темный чердак для своих сходок. Парни и девчата забирались сюда с гитарами и, наслаждаясь таинственным зрелищем оккупированной чертями кузницы, то впадали в меланхолическое настроение и под монотонные аккорды гитары пели хором заунывную песню про «Старую Оклахому», то, напротив, загорались буйным весельем и затевали на чердаке такие лихие пляски, что над тетушкой Луизой потолок ходил ходуном, и отваливались куски штукатурки. В иное время тетушка Луиза ни за что не допустила бы такого издевательского обращения со своим старым домом, но в теперешнем положении она была рада людям, лишь робко просила плясать полегче, чтобы потолок, не дай бог, совсем не обрушился.

Побывали на знаменитом чердаке и грашковские представители власти: председатель местного народного комитета Вацлав Слипка, председатель сельскохозяйственной артели

Бедржих Врана, агроном Цыбулька, счетовод Фоусек, учитель местной начальной школы Добеш и другие. Убедившись воочию, что факт с чертями именно факт, а не миф и не галлюцинация, представители власти в ту же ночь заперлись в единственном грашковском ресторане и до третьих петухов обсуждали удивительное явление. При этом они выпили изрядное количество пива и спорили до хрипоты. Было высказано много дельных предложений, как, например: сжечь кузницу и место перепахать; отправить папе римскому письменный протест от имени грашковских атеистов и требовать немедленного отзыва чертей; переоборудовать кузницу под молодежный клуб, и тогда черти сами удержат из нее; послать к чертям депутацию и просить их по-доброму удалиться из Грашки; заявить на чертей в районную милицию, и пусть милиция сама наводит порядок в кузнице, и т. д. и т. п. Но восторжествовало в конце концов мнение председателя артели Бедржиха Враны. Этот хитрый мужик сумел убедить собравшихся, что к районному начальству во избежание позорной огласки обращаться ни под каким видом нельзя. Это раз. Во-вторых, что изгнание чертей из кузницы следует поручить патеру местного прихода, ибо это по его части, а потому именно он и обязан избавить деревню от поганого соседства. Предложение Враны было единодушно принято. После недолгих препирательств был утвержден и состав делегации, которой надлежало завтра же отправиться к патеру, чтобы привлечь его к сотрудничеству. В делегацию вошло три человека: тетушка Луиза, единственный очевидец и первооткрыватель чертей (утверждена заочно), учитель Добеш, человек интеллигентный и известный своим красноречием, и, наконец, счетовод артели Фоусек, заядлый атеист и враг всякой потусторонней нечисти. На этом собрание закончилось, и все разошлись по домам с чувством исполненного долга и уверенные в том, что теперь-то чертям будет крышка. Эту уверенность поддерживали, с одной стороны, авторитет председателя Враны, прославившегося своей сметкой и хозяйственностью, с другой — известность патера как человека горячего и энергичного.

Грашковский патер преподобный Халупа был человек молодой и пришлый. Службу свою он знал досконально, но во всем остальном был начисто лишен благолепия и требуемой его священным саном солидности. Он любил выпить пивка в шумной компании, побалагурить с молодежью и даже не прочь был поддать ногой футбольный мяч, проходя мимо играющих на деревенской улице мальчишек. О прошлом его никто в Грашке ничего не знал, а сам о себе он не любил рассказывать. Жил он на своем подворье один с престарелой

стряпухой, унаследованной им от его недавно скончавшегося предшественника. На девчат патер любил заглядываться и некоторых в шутку приглашал к себе в экономки. Девчата не обижались на него, так как из себя он был парень видный, но на предложения его лишь весело скалили зубы и говорили:

— Вот ежели бы вы, ваше преподобие, трактористом были, а не священником, тогда и разговор был бы другой!

Но шутки шутками, а дочка председателя артели двенадцатипятилетняя Анежка Вранова, воспитательница артельного детсадика, смотрела на преподобного Халупу всегда с какой-то грустной задумчивостью, и это, конечно, было неспроста.

2

Делегация из трех человек явилась к патеру пополудни. Жара стояла ужасная, и во всей Грашке не было видно ни единой живой души. Все отсиживались где-нибудь в спасительном холодке — и люди, и звери, и птицы. Это был тот короткий период затишья в полевых работах, когда сенокос уже завершен, а уборочная кампания еще не наступила.

Подворье патера находилось на небольшой горушке, тоже несколько на отшибе. Оно представляло из себя добротную, крепкую усадьбу с амбарами, клетями и сараями, с просторным домом под шатровой черепичной крышей, с богатым фруктовым садом и огородом. Тут же рядом, на открытой лужайке, красовалась недавно отремонтированная церковь, а за ней по склону холма тянулось небольшое грашковское кладбище, обнесенное ветхой кирпичной стеной.

Делегация не застала патера дома. Ворчливая стряпуха сказала, что их преподобие находится в саду, а чем там занимается, ей неизвестно. Делегация, предводительствуемая счетоводом, двинулась в сад. Заядлому атеисту Фоусеку его миссия не нравилась. Он был зол, но одновременно горел желанием сразиться со служителем культа и разбить его на его же территории. Фоусек был уверен, что патер в саду просто спит в гамаке. Он высказал это предположение вслух, но учитель Добеш не нашел в нем ничего предосудительного. А тетушка Луиза, весьма довольная порученным делом, лишь вздыхала и вытирала мокрое лицо платочком.

Когда делегация вошла в сад и обнаружила, что патер не отдыхает, а в одних трусах и майке обрызгивает деревья химическим раствором против вредителей, счетовод Фоусек еще больше обозлился. Он первым приблизился к трудолюбивому служителю культа, напоминавшему теперь скорее борца с арены, чем священника, и раздраженно сказал:

— Привет, гражданин Халупа! Мы к вам по делу.

— Добрый день, пан патер! — приветствовал Халупу учитель.

Последней приблизилась тетушка Луиза и умильно пропела:

— Бог помочь, ваше преподобие! Трудитесь в поте лица? Это хорошо, очень хорошо! Бог любит труды праведные!

Преподобный Халупа осмотрел странную делегацию с приветливой улыбкой, отложил свою брызгалку и, обтерев обильный пот с загорелого лица, ответил:

— Добро пожаловать, друзья! Чем могу быть полезен?

— У нас к вам дело, — холодно сказал Фоусек.

— Очень щекотливое и деликатное дело, пан патер, — присовокупил Добеш.

— Избавьте нас от проклятого сатаны, ваше преподобие! Житья от него нет, окаянного! Почитай, каждую ночь орудует в кузнице!.. — заголосила тетушка Луиза.

— Погодите, мамаша, успокойтесь! — остановил ее преподобный Халупа и обратился затем к счетоводу и учителю: — Значит, вы пришли по вопросу о чертях в старой кузнице? Я слышал эту побасенку, но не придавал ей значения. Неужели эти слухи основаны на фактах?

— Да, именно на фактах! — загремел Фоусек. — На самых достоверных фактах! И это тем более возмутительно в наше время, гдажданин Халупа. Я хотел сказать — в наше просвещенное время. Как старый атеист и убежденный безбожник, я заявляю вам самый категорический протест и требую немедленного...

— Ах, что вы, Фоусек! — воскликнул Добеш и схватил счетовода за руку. — Что вы такое говорите? Разве можно так?.. Извините, пан патер! Мы, так сказать, официальные лица, уполномоченные довести до вашего сведения некоторые странные факты, имеющие место в заброшенной кузнице и вызывающие брожение умов среди нашей грашковской общестственности, и одновременно просить вас принять меры для устранения оных, согласно вашим полномочиям и сану и, так сказать...

Тетушка Луиза, по-видимому решила, что учителю ни за что не закончить начатой фразы, и поэтому она поспешила ему на помощь, заголосив еще более истошно:

— Я сама его, проклятого, видела, ваше преподобие, сама и первая! Мы с Беткой его видели! И рога и борода у него, и кует там цепи для грешников! И воеет ужась как! С самой весны я ни одной ноченьки глаз не сомкнула! Избавьте нас, ваше преподобие, от такой напасти! Освятите поганое место! Век за вас будем бога молить всей артелью!..

— Понимаю, друзья, — сказал Халупа серьезно. — Все по-

нимаю!.. Но чего же нам стоять на солнцепеке? Пойдемте в беседку и там все обсудим. Вы, тетушка Луиза, уже не раз мне рассказывали на исповеди, как видели нечистого. Я знаю вашу историю с козой. Вы ничего мне не скажете нового. Ступайте к моей стряпухе и скажите ей, что я велел вам подать кофе и сладких булочек.

— Но ведь я, ваше преподобие, тоже уполномоченная! — воскликнула тетушка Луиза, огорченная столь бесцеремонной отставкой.

— Ступайте! — нахмурился патер. — Вы и так взяли грех на душу, когда подглядывали за дьяволом. Нечего вам еще говорить о нем!

— Иди, иди, старая, не артачься! И без тебя управимся! — приказал Фоусек, считавший себя главой делегации.

— В самом деле, пани Луиза, идите себе, отдохните, кофейку попейте. А потом мы зайдем за вами, — ласково сказал учитель.

Тетушка Луиза покорилась и, бросив на мужчин испепеляющий взгляд, ушла в дом отводить душу за кофе с булочками. А счетовода и учителя патер повел в глубь сада.

В прохладной зеленой беседке патер усадил гостей за врытый в землю стол и выволок из-под скамьи ящик с пивом. Откупорив три бутылки, он сказал:

— Стаканов тут не употребляю. Будем пить из горлышка. Потому я и отправил тетку Луизу, чтобы она сплетен по деревне не разносила... Ну, будем здоровы, друзья!

— Будем здоровы! — сказали Фоусек и Добеш, дружно взявшись за бутылки.

С минуту в беседке лишь булькало холодное пиво. Осушив свою бутылку до дна, Фоусек удовлетворенно крикнул и принялся рассматривать бутылочную этикетку. Потом примирительно заметил:

— Отличное пиво, гражданин Халупа! Настоящее пильзенское.

— Да, пиво на редкость приятное. И где вы его только достаете, пан патер? — сказал Добеш, вытерев губы платочком.

— Из Пильзена, друзья, прямо из Пильзена! — весело подмигнул преподобный Халупа, но тут же посерьезнел и добавил: — Однако приступим к делу. Насколько я вас понял, друзья мои, слухи о том, что в кузнице близ леса поселились черти, оказались правдивыми и наши грашковские власти решили избавиться от них при моем содействии. Так обстоит дело?

— Так, — сказали Фоусек и Добеш.

— Кроме того, — продолжал патер, — я догадываюсь, какие мотивы заставили ваше руководство отказаться от вме-

шательства районного начальства, милиции, суда и прочего. Мотивы эти — боязнь огласки и скандальной известности в районном масштабе. Так?

— Да, да, именно так!

— И, наконец, насколько я понял, черти в кузнице представляют для населения Грашки прямое неудобство. Они не дают спать тетушке Луизе, развращают воображение детей, совращают молодежь, отвлекают хлеборобов от работы и настраивают стариков против артели. Короче говоря, черти безусловно мешают прогрессу в Грашке и как элемент реакционный и темный подлежат полному и немедленному уничтожению. Так я вас понял, друзья мои?

— Так, так! — закричали оба делегата, дивясь уму и догадливости этого служителя культа.

— Хорошо, — сказал преподобный Халупа. — А теперь прошу ответить на ряд вопросов. Вопрос первый: видел ли кто-нибудь чертей в кузнице, кроме тетушки Луизы?

— После тетушки Луизы, пан патер, никто из Грашки не подходил так близко к кузнице ни днем, ни тем более ночью, — ответил учитель.

— Ясно. Вопрос второй: пытались ли грашковские власти установить, что именно куют черти в кузнице?

— Нет, не пытались! — отрезал Фоусек, начинающий подозревать, что патер просто над ним издевается, и приходя от этой мысли в озлобление. — Не пытались! Но мы все видели с чердака тетки Луизы, что в кузнице по ночам кипит работа, пылают горн, звенит железо! Это знают все, и поэтому я категорически...

— Минутку, пан Фоусек, только одну минутку! А потом можете протестовать сколько вашей душе угодно, — остановил его преподобный Халупа. — Я хотел еще вот что спросить: как в артели обстоит дело с подготовкой машин к уборке урожая?

— Что? При чем тут машины, гражданин Халупа?!

— Вы несколько отвлеклись от главного пункта, пан патер!

— Ничуть не бывало, друзья мои, — возразил преподобный Халупа озадаченным делегатам. — Мой вопрос имеет прямое отношение к делу. Сейчас все поймете. Вы не знаете, что именно куют черти, а хотите от них избавиться. Это неразумно. Более того, это нехозяйственно. Это совершенно неправильный подход к делу! А вдруг эти черти могут приносить пользу? Вдруг они умеют ремонтировать машины и даже согласятся делать это бесплатно, так сказать, из любви к искусству? Смелаете, к чему я клоню?.. Ведь нам, друзья, ни об этих чертях, ни о чертях вообще ровным счетом ничего не известно. Вы их

хотите прогнать, а они, возможно, очень покладистые парни и с удовольствием возьмутся за настоящую работу. Конечно, если вы будете настаивать, я устрою крестный ход с пением псалмов, отслужу в кузнице молебен и окроплю святой водой и горн, и мехи, и наковальню, и весь набор инструментов. Я уверен, что после этого черти оставят кузницу в покое. Но кто от этого выиграет? Выиграю прежде всего я, ибо непомерно поднимется в Грашке и далеко за ее пределами мой авторитет священнослужителя, равно как и авторитет святой католической церкви. Кроме того, выиграют наши старики и старухи, так как их неприязнь к артели возрастет еще больше и получит твердую почву. А грашковские власти понесут урон: их привлекут к ответственности за попустительство религиозному культу, за неумение справиться с задачей собственными силами, за утайку факта от официальных органов. Я, друзья мои, честный партнер. Вы это сами видите. Я не хочу злоупотреблять своим положением во вред общим интересам. Именно поэтому мой вам совет таков: прежде чем открывать против чертей наступательные действия, попытайтесь завязать с ними дружбу и сотрудничество. Скажем, так: отвезите днем к кузнице поломанную жатку, а на другой день посмотрите, что с ней произошло. Если черти ее починят, смело давайте им любую кузнечно-слесарную работу. Вы согласны со мной?.. Погодите, не спешите с ответом. Подумайте сначала. А чтобы лучше думалось, выпьем еще по бутылочке пива!

Преподобный Халупа извлек из ящика еще три бутылки, откупорил их и поставил на стол. Счетовод и учитель охотно к ним присосались. Потом Фоусек сказал:

— Мне кажется, вы дело говорите, гражданин Халупа. Только нет ли тут подвоха с вашей стороны?

— Какого подвоха? — удивился патер.

— А очень даже простого. Насколько мне известно, гражданин Халупа, служители культа обязаны всегда и везде бороться с дьяволом. Это они спокон века делали. А вы вдруг отклоняете наше предложение по ликвидации этой нечисти. Я, как атеист, не придаю, конечно, всей этой чепухе никакого значения. Я, может быть, даже пошел бы в эту кузницу ночью и взял бы этого так называемого черта за рога, но не считаю это своей обязанностью, да и недосуг мне. А вот ваше нежелание кажется мне странным!

— Вот именно странным, пан патер! Именно странным и крайне нелогичным, ежели учесть ваши убеждения и ваше общественное положение! — подхватил Добеш.

— Напрасно вы так, друзья мои! — улыбнулся преподобный Халупа и почесал под майкой свою широкую волосатую

грудь.— Напрасно вы так... Объяснять вам все досконально было бы слишком долго, а ведь мы все люди занятые. Скажу поэтому лишь вкратце, что религия в настоящее время претерпевает большие сдвиги и изменения. Это относится и к нашей католической церкви. Передовые теоретики и богословы ищут для христианства новое, более прочное место в современном мире, берут на вооружение науку, пересматривают устаревшие догмы и каноны. В отношении дьявола уже раздаются голоса, что он архаичен, что пора его перевести в область мифов. В этом пункте уже намечается согласованность с научным атеизмом. Не исключено, что когда-нибудь таким же образом будет устранен и бог, а сама религия превратится в некую социально-философскую доктрину. Так что пусть вас не удивляет мое компромиссное отношение к рогатым трудягам в вашей кузнице. Время теперь такое, друзья мои, что я имею полное право не считаться с чертами и отдавать их в распоряжение новых общественных начал. В этом нет ничего нелогичного и ничего противоречащего моим убеждениям и моему положению. Тут у нас с вами, пан Фоусек, может образоваться полное согласие и взаимопонимание. Не правда ли?

— Пожалуй, вы правы, гражданин Халупа,— задумчиво проговорил счетовод.

— Я тоже склонен принять вашу точку зрения, пан патер,— сказал учитель и поднялся.— Позвольте поблагодарить вас за дельный совет. Мы изложим его нашему руководству, и я очень надеюсь, что оно примет его и осуществит. А засим разрешите откланяться!

Делегаты сердечно попрощались с патером и удалились прочь, прихватив попутно тетушку Луизу, которая успела за это время одолеть три чашки кофе и умять целое блюдо сладких булочек.

3

О результатах своей миссии делегаты докладывали все в том же ресторане. Грашковское руководство выслушало странное предложение и поддалось новому приступу скептицизма.

Опять в ресторане разгорелись страстные дебаты, опять высказывались здравые и дельные суждения, доказывавшие на сей раз, что в совете патера скрыты бесчисленные опасности, что патер не знает дела и отлынивает от своих прямых обязанностей, что патера следует призвать к порядку и заставить силой подчиниться воле представителей народа. Но,

как и в первый раз, верх одержало мнение председателя артели Бедржиха Враны. Он заявил, что ему дела нет до каких-то там подозрений, что совет патера поможет ему вовремя подготовиться к уборочной, а это теперь самое главное. Значит, этот совет надо осуществить, и никаких гвоздей! На том в конце концов и порешили.

В тот же день к кузнице отправилась экспедиция, состоящая из начальства, грашковских организаций и огромной толпы любопытных. Впереди пыхтел трактор, влекущий за собой старенькую, искалеченную на трудовом фронте сноповязалку. Возле кузницы экспедиция остановилась. Тракторист хотел втащить сноповязалку в кузнечный двор, но председатель Врана запретил ему это делать:

— Хватит с них, с чертей полосатых! Дальше пусть сами управляют. Айда отсюда!

Сноповязалку отцепили, и трактор покатил обратно в деревню. За ним повалила гомонящая толпа.

Руководство операцией председатель Врана взял полностью на себя. На чердаке у тетушки Луизы он организовал постоянный, круглосуточный наблюдательный пункт. Там должны были чередоваться все ответственные работники артели, начиная со счетовода Фоусека и кончая помощником кладовщика. Молодежь, радуясь возможности развлечься, добровольно взяла на себя обязанности связных. Сам председатель Врана расположился в ресторане и каждый час принимал свежие донесения.

Далее для краткости приведем отрывки из протокольной записи председателя о развитии последующих событий:

«17.00 ч. Сноповязалка стоит перед кузницей на самом солнцепеке. Кругом полное безлюдье и тишина. 20.00 ч. Без перемен, но солнце уже закатилось. Наступают сумерки. 21.00. Густые сумерки. Кузница и сноповязалка перед ней чуть виднеются. 21.07 ч. Экстренное донесение! При очень плохой видимости было замечено, как со стороны леса к кузнице приблизились две черные фигуры — одна огромная, другая значительно меньше. Фигуры, о сущности которых не может быть двух мнений, скрылись во дворе кузницы. Через минуту едва видимая в совсем уже густых сумерках сноповязалка сама по себе тронулась с места и вкатилась во двор кузницы со зловещим скрежетом. 21, 22 ч. Второе экстренное донесение! Со стороны кузницы стали слышны звонкие удары, из трубы ее вырвался сноп искр, а маленькие окна засветились красным светом. Работа, по всей видимости, началась. Вопрос лишь в том, ремонтируют черти сноповязалку или, наоборот, ломают ее себе на потеху. 22.00 ч. Работа в кузнице продолжается с нарастающими темпами. Звон и грохот такой, что тетуш-

ка Луиза наверняка опять не уснет... При проверке выяснилось, что она и не думала ложиться, а стоит на коленях перед распятием и молится богу о том, чтобы черти провалились со своим ремонтом. Ввиду того, что такая молитва нарушает общественные интересы, тетушке Луизе было сделано строгое внушение. Теперь она поумнела и молится за то, чтобы господь послал чертям удачу на пользу людям. 23.00 ч. Работа в кузнице кипит, как никогда. Тетушка Луиза все еще молится за успех чертей. 01.00 ч. следующего дня. Работа в кузнице продолжается. Тетушка Луиза улеглась спать. Наблюдатели на чердаке подкрепились черным кофе с ромом. 02.00 ч. Темп работы начинает спадать. Полчаса назад к ударам молота и скрежету железа присоединилось раскатистое пение густым басом. Слов песни не разобрать, но, кажется, что-то знакомое. Тетушка Луиза спит. 03.00 ч. Черти поют и работают. Скоро рассвет. 03.27 ч. Экстренное донесение! Пение чертей прекратилось, грохот и удары тоже. С последним ударом молота послышался адский хохот, продолжавшийся целую минуту. Вслед за тем из ворот кузнечного двора стремительно выкатилась на дорогу сноповязалка. Уже достаточно развиднелось, но еще трудно определить, в каком она состоянии. Свет в окнах кузницы погас, из трубы рванулись клубы дыма и пара. Вероятно, черти залили огонь в горне. Молодцы, знают порядок! Потом и сами они удалились к лесу. Их по-прежнему было двое: большой и маленький. По-видимому, бес и его бесенок. Судя по походке, ночная работа их нисколько не утомила. 04.00 ч. Совсем рассвело. В кузнице тихо. Сноповязалка, кажется, отремонтирована, насколько можно судить с такого расстояния. 05.00 ч. Руководство артели направило к кузнице трактор с водителем и прицепщиком. Им дано указание доставить сноповязалку на деревенскую площадь».

Черти поработали на славу. Несмотря на ранний час, для освидетельствования сноповязалки собралась вся деревня. После тщательного осмотра было единогласно решено, что сноповязалка отремонтирована на «отлично» и хотя некоторые узлы сделаны довольно грубовато — видно, у чертей не было всех нужных инструментов, — но зато крепко и надежно. Толпа радостно заахала от изумления, мальчишки заорали «ура».

Тут на сноповязалку взобрался председатель местного народного комитета Вацлав Слипка. Он обратился к собравшимся с короткой, но выразительной речью. Сделав ряд потрясающих разоблачений о жесточайшей эксплуатации чертей религиозными мракобесами в отдаленном прошлом, оратор плавно перешел к их современному положению. Он подчеркнул,

что черти явно остались без работы по своей специальности и сами стараются переквалифицироваться. Потом он в теплых и сердечных выражениях рассказал о трудолюбии чертей, вспомнил поговорку «Работают как черти» и в заключение предложил принять чертей в артель, с тем чтобы честно отдавать им заработанные трудовни. Речь Вацлава Слипки была одобрена бурными аплодисментами.

Потом выступил председатель артели Бедржих Врана. Он тоже коротко сказал о пользе чертей и предложил доставить им в кузницу полный набор новых инструментов, кузнечных и слесарных. О трудовнях он скромно умолчал. Ему тоже восторженно хлопали.

Не успел председатель слезть со сноповязалки, как от женщины поступило предложение послать чертям записку и спросить их, не нуждаются ли они в чем из еды и питья. С четверть часа после этого все спорили, питаются ли черти, а если питаются, то чем. Тетушка Луиза крикнула своим пронзительным голосом, что черти питаются исключительно душами грешников, но это замечание было встречено дружным хохотом и немедленно отвергнуто как устаревшее и для чертей оскорбительное. Наконец согласились предоставить решение этого щекотливого вопроса самим чертям. Записка тут же была составлена и через час привязана к очередному техническому инвалиду — хлебной жатке с поломанными крыльями.

Вновь образовалась многолюдная процессия, в сопровождении которой хлебная жатка была торжественно доставлена к кузнице.

С тех пор черти стали работать на артель каждую ночь не покладая рук. В течение десяти дней они отремонтировали все сельскохозяйственные машины, необходимые для уборки урожая. На запрос о своих нуждах они ответили ближайшей ночью запиской углем на обрезке жести. Их ответ состоял из двух слов: «Кофе, пиво». И ни малейшего намека на души грешников. Тетушка Луиза была окончательно посрамлена, а чертям стали давать требуемое.

Грашка ликовала. В ней теперь только и разговоров было, что и как сделали черти и сколько они за ночь выпили пива и кофе. Председатель Врана ходил именинником, потирал руки и ежедневно отправлял в район сводки о ходе ремонтных работ к началу уборочной. В каждой сводке он хвастливо подчеркивал, что ремонт машин артель выполняет собственными силами и почти без затрат.

Да, это была замечательная декада! Черти работали, а грашковцы жили, словно в каком-то веселом полусне.

Дети забросили все прежние забавы и играли теперь исключительно в чертей-кузнецов. Молодежь придумала новый танец — «чертов вальс» — и ежедневно отплясывала его на лужайке близ кузницы. Грашковцы постарше и посолиднее невылазно пребывали в ресторане, где выпили за здоровье чертей сорок бочек пива, чему сами впоследствии удивлялись. Даже старики и старухи говорили о чертях не иначе, как с уважением. А тетушка Луиза, позабыв свои прежние страхи, окончательно зазналась и всюду трубила о том, какое великое благодеяние она оказала артели тем, что обнаружила в кузнице чертей.

Словом, радость была всеобщая и полная.

Лишь двое из обитателей Грашки не принимали участия в общем ликовании: патер Халупа да председателя дочка Анежка Вранова. Патер сразу после визита к нему трех уполномоченных сказался больным и никого из грашковцев к себе не допускал. Все богослужения, все требы были временно отложены. Вначале это вызвало недовольство и даже нехорошие подозрения, но потом грашковцы, увлеченные чертями, забыли о больном патере.

Что же касается Анежки Врановой, то она в период сотрудничества артели с чертями ходила сама не своя: сонная, исхудавшая, усталая. В детском садике она сплошь да рядом засыпала где-нибудь в тени на лавочке, несмотря на громкий смех и крики расшалившихся малышей. Заведующая детсадом, строгая пани Слипкова, не раз заставляла Анежку в таком состоянии. При этом она замечала на руках уснувшей воспитательницы неотмывшиеся пятна машинного масла и следы свежих ожогов. Пани Слипкова с ужасом смотрела на эти изувеченные руки, хмурилась и строго приказывала детям не шуметь.

Но вот наступил день, когда вся эта история с чертями в кузнице взорвалась, как бомба, и взлетела на воздух.

Это было в тот самый день, когда черти сдали артельщикам последнюю отремонтированную машину: самоходный комбайн — самую надежную артиллерию Бедржиха Враны в предстоящей битве за урожай. Он и доверил его чертям лишь в последнюю очередь, окончательно убедившись в их способностях. Комбайн, украшенный полевыми цветами, шел от кузницы своим ходом. За ним валила ликующая толпа. Снова был митинг, снова говорили речи, кричали «ура», прославляли чертей.

После митинга председатель Врана со своим штабом удалился в правление и засел за разработку плана уборочной кампании. Тут-то и взорвалась упомянутая бомба.

В правление пришла Анежка. Но боже мой, в каком виде! Грязная, в прожженном кожаном фартуке, в мужской кепке. Председатель Врана прямо остолбенел, когда узнал в этом прокопченном работяге свою родную дочь. Анежка же, насколько не смущаясь, прошла прямо к его столу и с усталой, но счастливой улыбкой заявила:

— Дорогой папочка! Черти помогли тебе, можно сказать, выручили тебя в самый критический момент, а отблагодарить их за это ты и не подумал. Но не беда, об этом позаботилась я. Как? Очень просто: я выхожу замуж за главного черта!

— Что? Что такое?! Ничего не понимаю!.. Ты больна, что ли? Почему ты так одета? Где ты была...— бормотал председатель в полной растерянности.

— Не волнуйся, папочка! Я была у черта. И одета я так потому, что черту такой наряд больше нравится!

— Да что, собственно, случилось? Говори толком, Анежка!

— Хорошо, скажу толком. Дорогой папочка, я выхожу замуж!

— Теперь понятно. За кого же, дочь моя?

— За мастера кузнечного и слесарного дела Антонина Халупу!

— Не знаю такого. Что это еще за мастер Халупа? — нахмурился Врана.

— Не знаешь? Стыдно, папочка, не знать мастера Халупу. Ведь он починил тебе все машины! Да, да, мастер Халупа, бывший патер грашковского прихода, славно потрудились для артели и честно заслужил руку и сердце твоей дочери!

Это и была бомба. Оглушенные ею, все присутствующие вместе с председателем долго сидели с разинутыми ртами и выпученными глазами. А когда опомнились, то все разом накинулись на Анежку с расспросами. Девушка охотно им обо всем рассказала.

Патер Халупа с юных лет тяготел к «железной работе», но родители его, люди набожные и обремененные предрассудками, и слышать не хотели о черном ремесле. Они направили единственного сына по духовной линии, потому что ранее, еще при его рождении, дали богу такой обет. Юный Тоник не противился воле папы и мамы, но при каждом удобном случае удирал в кузницу или слесарную мастерскую, где и отдавался любимому занятию. Окончив духовную академию и получив сан священника, Халупа водворился в Грашке и очень скоро влюбился в Анежку Вранову. Он ей предложил, что откажется от сана и поступит на гражданскую работу. Анежке это

пришлось по душе, но она сомневалась, умеет ли он делать что-либо иное, кроме церковной службы. Патер разгорячился и заявил, что вполне прилично знает кузнечное и слесарное дело. Анежка решила проэкзаменовать его. Так появились черти в заброшенной кузнице. Позже, когда патер косвенным образом вызвался отремонтировать артельную технику, Анежке пришлось поступить к нему в подручные. Патер оказался отличным мастером кузнечного и слесарного дела.

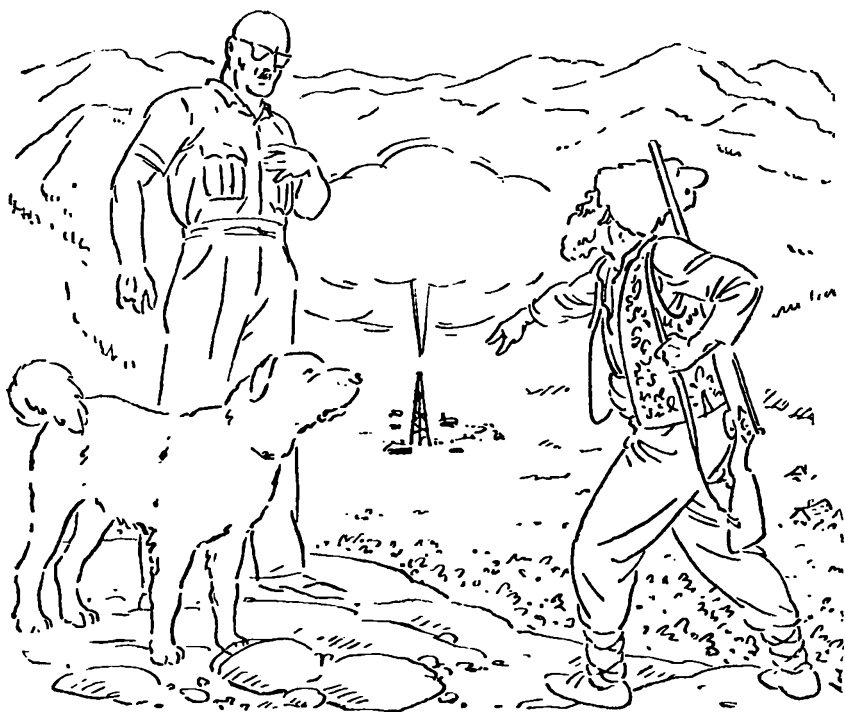
История о чертях была, таким образом, ликвидирована, но на ее место всплыла новая, не менее удивительная история о патере-кузнеце, патере-отступнике, патере, влюбившемся в дочку председателя артели и решившем жениться на ней.

Преподобный Халупа в самом деле отказался от своего сана и поступил в грашковскую артель в качестве кузнеца и слесаря. Оставив богатое подворье, он поселился в доме председателя, а позже, после свадьбы, они с Анежкой должны были перебраться в собственный новый дом, который силами артели ускоренно воздвигался возле кузницы.

Однако самое интересное открылось осенью, когда в Грашке справлялась свадьба Анежки Врановой и Антонина Халупы. Подвыпивший кузнец стал во всеуслышание подтрунивать над своим новоиспеченным тестем, председателем Враной, похваляясь, что, мол, здорово он его провел с чертями в кузнице. Но тут Бедржих Врана не выдержал и тоже во всеуслышание заявил:

— Это еще вопрос, сынок, кто кого объегорил — ты меня или я тебя. Если хочешь знать, я всю эту чепуху с чертями раскусил с самого начала. Я не раз бывал ночью возле кузницы, когда вы еще только начинали, и слышал, о чем ты сговариваешься с моей дурехой. Но я молчал, потому что мне срочно требовалось отремонтировать технику к уборке. Вот как было дело! Теперь рассуди, кто кого обставил?

Ответом был общий хохот, к которому не замедлил присоединиться густейший бас бывшего патера, а ныне кузнеца. Халупа умел ценить хорошую шутку. Кроме того, теперь возле него сидела молодая жена, и, уж конечно, он не чувствовал себя в накладе.

ПОСЛЕДНЕЙ УМИРАЕТ СОБАКА

Фантастический рассказ

1

В Тарольгу ехать — семь перевалов одолевать. Да каких перевалов! На ином так закружит снежная круговерть, что не знаешь, куда и податься. Про все забудешь: и в какую сторону ехать забудешь, и что внизу, в долине, персики зреют, тоже забудешь. Крут бывает «поднебесный Ардилан», крут и капризен.

Никогда в жизни не думал мастер Кальдис Бронк, что придется ему на старости лет посетить Брикольскую долину и расположенное в ней горное селение Тарольгу. А вот пришлось.

Геологи два года шныряли по всему Ардилану и в результате черными крестами на карте припечатали Брикольскую долину: здесь бурить сверхглубокие скважины. И поползли че-

рез перевалы сотни тягачей, потащили оборудование, горючее, рабочих... Давно это было, больше года назад. Четырнадцать скважин пробурил за это время мастер Бронк, четырнадцать ран по десять километров каждая нанес покрову родной планеты, и все напрасно. Маху дали геологи! Начальство это поняло, но пятнадцатую, последнюю по плану скважину все же приказало довести до конца.

Большинство рабочих и основное оборудование уже увезли. Оставили самое необходимое. Инженеры тоже уехали. Последнюю скважину мастер Бронк бурил самостоятельно. Интерес к ней особого он не испытывал — знал, что и эта будет пустышкой. Спешил докрутить последний километр и убраться из Бриксольской долины, пока не проснулись осенние муссоны. Не успеешь проскочить через перевалы — сиди потом всю зиму в Тарольге. Хорошо, если позволят бросить до весны оборудование и вывезут людей на вертолетах. А если не позволят? Зимуй тогда с тарольгцами в этой богом забытой Бриксольской долине!

От такой перспективы у мастера разыгрывалась печень и надолго портилось настроение.

Разных людей повидал на своем веку мастер Бронк: и угрюмых лесовиков Варенги, и веселых удальцов-рыбаков Марабранского побережья, и охотников Бористанских дебрей. Много их прошло перед его глазами — пахарей, золотоискателей, лесорубов, шахтеров, скотоводов. Но таких, как жители Бриксольской долины, нигде не встречал. И откуда они только взялись посреди такой великолепной и благодатной природы!

Дикие, злые, вредные люди собрались в Тарольге. Сами себе добра не желают. Грызутся между собой, как собаки бездомные. Что ни день — в селении драки, поножовщина, крик, вой. И как не надоест людям! Право, хоть не ходи в эту проклятую Тарольгу. А ходить надо: то продовольствие прикупить, то подсобных рабочих нанять. Да мало ли что...

Но хуже всех действовал на большую печень мастера старик Пханд Сум-Иркей, владелец участка, на котором бурили последнюю скважину. Ох и вредный же этот Пханд, чтоб ему пусто было! Ведь заплатили ему за убытки, да еще как заплатили! За всю жизнь он не выжал из своего паршивого каменистого поля столько суремов, сколько ему зараз отвалили за скважину. Так нет же, мало ему! Ходит, надоедает, ворчит, даже ружьишком своим допотопным грозит. Сына у него, видите ли, сманили! Да кто сманивал? Арголь сам напросился на работу. Парень ловкий, сильный, смысленный — почему не взять? А папаша Пханд все ходит, все зудит... Хорошо еще, что мастер Бронк шагу не делает без верного своего друга Тора, а то бы не миновать беды...

Мастер Бронк проснулся чуть свет, вышел из палатки.

На буровом участке привычно грохотал движок. Ажурная вышка четко рисовалась на фоне синего неба. Верхушку ее украшал султанчик легкого сизого пара... Все как нужно.

Умывшись в ручье, мастер сунул в карман ломоть хлеба с сыром и кликнул Тора. Огромная ардиланская овчарка дымчато-серой масти вылезла из-за груды ящиков, сладко зевнула и степенно подошла к хозяину.

— Гулять пойдем!

Тор махнул хвостом и облизнулся.

Сначала пошли на буровую. Старший рабочий смены, широкоплечий, никогда не унывающий здоровяк Огр, доложил:

— Все нормально, ведеор мастер. За ночь прошли двадцать метров. Ничего нового, сплошной базальт...

— Еще бы! Тут везде базальт... Ну, валяйте дальше. Будешь передавать смену, никаких остановок. Надо спешить. Не снимемся через неделю — застрянем. Ясно?

— Ясно, ведеор мастер!

Бронк посмотрел для порядка на глинистый раствор и тяжелым шагом побрел к лесу на склоне горы.

«Разомнусь, грибов поищу...» — устало думал он.

Не доходя до горы, оглянулся на усадьбу Сум-Иркея. На хуторе уже, видно, тоже поднялись: из трубы над черепичной крышей валил дым. Во дворе кто-то возился с мотоциклом. Присмотревшись, мастер узнал Арголя Сум-Иркея.

«Смена у него послеобеденная, в Тарольгу, должно быть, нацелился. Заказать разве что-нибудь...» — Подумал и тут же прогнал эту мысль: — Сам схожу, если надо будет. Невелико расстояние — семь километров...»

Вошел в лес. Тор зарыскал по кустам, весь охваченный охотничьим азартом. Грибы попадались редко. Медленно, шаг за шагом, мастер поднимался все выше в гору.

А вот и знакомая поляна на середине склона. Отсюда отличный вид на всю Бриксолевскую долину. Вон сады и красные крыши Тарольги, вон хутор Станса, где бурили весной седьмую скважину, вон веселая горная речушка Бриксолев с тремя мельницами, а вон и дорога в горы, на перевалы...

Тор оглушительно залаял и бросился в заросли орешника.

— Назад, Тор! Назад!

Пес послушно вернулся к ноге хозяина, но продолжал рычать со вздыбленной на загривке шерстью.

В кустах зашуршало. На поляну вышел старик — этаким разлапистый пенек с куском бурой коры вместо лица. Из-за плеча торчит длинный ствол старинного ружья.

«Боже мой, каналья Пханд! Ну, значит, опять весь день испорчен!» — с отвращением глядя на старика, подумал мастер. А вслух сказал:

— С добрым утром, ведеор Сум-Иркей!

Не отвечая на приветствие, старик проскрипел, словно дерево под напором ветра:

— Собаку держите на поводке, мастер Бронк. А то пристрелю когда-нибудь невзначай!

— Чем вам собака-то помешала?

Мастер не был расположен к ссоре, говорил миролюбиво.

— Собака? Собака тут ни при чем. Собака глупый зверь. А вот вас и всю вашу компанию я с удовольствием бы начинил свинцом! И рука бы не дрогнула...

Бронк поморщился, словно его заставили жевать лимон.

— Ну и кровожадны же вы, папаша Пханд! С чего бы это?..

— С чего? Землю всю испоганили, сыну голову задурили... Изверги вы, а не люди! Перестрелять бы вас сразу, и делу конец!

На сей раз мастер хотел резко осадить старика, но Пханд вдруг протянул корявый палец, показал куда-то вниз и злобно прокаркал:

— Доигрались, мерзавцы! Вишь, что творится!

Мастер Бронк обернулся, глянул в указанном направлении и схватился за сердце.

Из буровой вышки, которая была отсюда видна как на ладони, хлестал мощный фонтан какого-то странного розового газа. Он собирался в плотное облако, увеличивавшееся с поразительной быстротой на высоте в 200—300 метров. Солнце, еще спрятанное за горой, доставало до облака лучами и высекало из него ослепительную россыпь розовых искр. Под вышкой виднелись суetyащиеся фигурки людей. Разрастаясь, облако медленно оседало. Через две-три минуты оно неизбежно накроет людей.

Мастер бросился вниз по склону. Тор огромными прыжками мчался впереди. Их сопровождал злорадный смех старого Пханда, который остался на поляне.

3

Облако стремительно расползлось по всей долине, спускаясь все ниже и ниже. Скоро оно накроет не только вышку и хутор Сум-Иркея, но даже Тарольгу и самые отдаленные хутора Бриксольской долины.

Это был не газ, а какой-то странный розовый туман, состоя-

щий из мельчайших, как пыль, капелек неизвестной маслянистой жидкости. Одежда от нее становилась тяжелой и мягкой, кожа на теле смуглела, приобретала непривычную эластичность и упругость. Зеленые растения становились голубыми или фиолетовыми.

Мастер Бронк даже не подумал, что розовый газ может быть опасен для жизни,— хотелось поскорее добраться до вышки. Спускаясь по склону неуклюжими прыжками, он с разбегу погрузился в розовый туман и лишь через несколько мгновений остановился, ослепленный и полузадохшийся. Ему казалось, что легкие его залиты водой.

Его качнуло. Взмахнув руками, он вцепился в подвернувшийся ствол дерева и только поэтому не упал. Тор скулил и чихал, прижавшись к его ноге.

Только теперь мелькнула мысль: «А вдруг эта розовая мерзость смертельна!»

Сердце сжалось. Захотелось броситься назад, вверх по склону, но тут же подумалось: «Поздно. Надышался. Теперь уже все равно...» От этой мысли стало вдруг спокойно. Сердце замедлило удары, дыхание уравнилось.

Розовый туман заслонял все вокруг. Однако, привыкнув, в нем можно было кое-что различить: неподвижные силуэты деревьев, темное пятно — собаку. Вверху, над головой, на фоне неба, туман был ярок, искрился всеми оттенками розового цвета.

Подождав, не приближается ли его кончина, и убедившись, что она не наступит, во всяком случае, в ближайшее время, мастер Бронк ощупью двинулся вниз, к буровой.

Пока он добирался до вышки, рабочим общими усилиями удалось приладить на трубу клапан и остановить розовый фонтан. Но воздух еще был полон розового тумана, и видимость поэтому была очень плохая.

— Где Огр! Позовите Огра! — крикнул мастер, тяжело одуваясь.

Из розовой мглы вынырнула рослая фигура старшего рабочего. Он был тут, поблизости, и услышал, что его зовет мастер.

— Огр, ты бурил без предохранительного клапана?!

— Да, ведеор мастер. Прошу прощения, но вы сами приказали спешить, а установка клапана отнимает полчаса.

— Я приказал спешить, но я не разрешал тебе нарушать правила безопасности!

— Ну кто мог подумать, ведеор мастер? Да и не случилось ничего. Все в порядке, никто от этого газа не околел...

Лица Огра не было видно, но мастеру показалось, что он смеется. Он заорал, срывая голос:

— Идиот! Еще неизвестно, чем все это кончится! Лучше бы ты сам окошел, чем подводить под удар всю бригаду!

Резко повернувшись, мастер направился к себе в палатку. Но он не сделал и пяти шагов — дикий вопль и тупой удар заставили его обернуться. В чем дело? Он бросился назад и тут же наткнулся на безжизненное тело.

Гигант Огр лежал на земле, широко раскинув руки. Глаза его выкатились из орбит, челюсть отвисла, грудь была неподвижна.

Мастер упал на колени, принялся тормошить его, громко призывая на помощь. Сбежались рабочие. Огра перенесли в палатку. Все попытки привести его в чувство оказались напрасными. Огр был мертв.

4

Смерть Огра перепугала рабочих. Ее, конечно, приписали действию розового газа. Каждый в ужасе ожидал своей очереди. Все разбрелось по палаткам и затихли. У тела Огра остался один мастер.

Тор забился за ящики и принялся жалобно выть. Его никто не сдерживал. Считали, что пес чувствует беду и потому воет.

Но прошел час, второй, туман полностью осел на землю, открыв яркое голубое небо, и никто не последовал за гигантом Огром в небытие смерти. Все были живы, здоровы и чувствовали себя превосходно. Это вселило надежду. Рабочие вновь собрались у тела Огра.

— Что будем делать, ведеор мастер?..

— Бедняга Огр... Это не от газа? Как вы думаете, ведеор мастер?

Вопросы сыпались со всех сторон. Тор продолжал выть.

Мастер Бронк провел ладонью по лбу и внимательно всмотрелся в лица рабочих. Что-то в них изменилось. Они и прежде были загорелыми от жаркого летнего солнца, но теперь к их загару примешался какой-то новый, красновато-бурый оттенок. Они стали похожи на индейцев.

— Огра отвезем в Тарольгу. Пусть его посмотрит доктор Фоск. Но сначала приказываю всем помыться. Основательно, с мылом, чтобы этой дряни не осталось на теле и следа. Идемте!

Всей толпой направились к ручью. Разделись догола и принялись старательно тереться мочалками.

Но красновато-бурый цвет с кожи не смывался.

— Быть нам, братцы, до смерти индейцами! — мрачно пошутил один рабочий.

Шутку никто не поддержал. В души людей снова прокралось тревожное сомнение.

Тор продолжал выть. Мастер позвал его и попытался успокоить ласковыми словами. Но пес не желал покидать свое убежище и не умолкал ни на секунду. Пришлось его оставить в покое.

Для перевозки покойника взяли грузовик. Тело положили в кузов и накрыли брезентом. Водитель включил мотор. Прежде чем сесть в кабину, мастер еще раз позвал Тора. На сей раз пес послушался и, прекратив вой, подбежал к хозяину.

— Поедешь со мной. Прыгай!

Тор прыгнул в кабину. Мастер забрался вслед за ним и приказал трогать.

Ехали молча, на малой скорости. С удивлением смотрели на голубые кустарники и деревья, на фиолетовые луга. Минувая деревянный мост через Бриксолю, повстречали мотоциклиста. Увидев машину, мотоциклист резко затормозил и принялся отчаянно махать руками. Мастер узнал Арголя.

— Стой! — приказал он водителю.

Грузовик остановился. Арголь бросил мотоцикл у обочины и подбежал к кабине. Мастер открыл дверцу.

— В чем дело, Арголь?

Лицо юноши было красновато-бурого цвета, глаза полны испуга.

— Беда, ведеор мастер, страшная беда! Этот газ... Все надышались, все стали медного цвета, и уже трое мертвых!

— Что? Трое мертвых?!

— Да, мастер! В Тарольге паника! Мужчины собираются на площади с ружьями, палками, ножами — хотят идти громить вышку и расправиться с вами! Не ездите туда, ведеор мастер!

— Погоди, Арголь. Кто умер?

— Один ребенок, одна женщина и один старик. Аб Ганолиус служит в храме заупокойную мессу по всем жителям Тарольги. Но там одни старухи... А что на площади творится, подумать страшно!..

Мастер нахмурился.

— Вот что, Арголь. Поезжай на буровую и предупреди рабочих. Пусть садятся в машины и в случае опасности пробиваются в горы, к перевалам. А сам потом приезжай за мной. Я буду у доктора Фоска. У нас тоже беда: умер Огр.

— Огр! Великан Огр?!

— Делай, что приказано! — крикнул мастер и захлопнул дверцу.

Грузовик пошел дальше, в Тарольгу, а мотоциклист помчался к буровой.

Понимая, что ехать через площадь Тарольги рискованно, мастер приказал обогнуть селение и подъехать к дому врача с другой стороны.

Над Тарольгой разносился медленный погребальный звон. К нему примешивались шум и крики, которые слышались со стороны площади. Вzbивая тучи пыли, грузовик мчался мимо садов, сараев и выгонов для скота. Наконец свернули в проулок, миновали несколько приземистых домишек, еще раз свернули и остановились возле двухэтажной виллы Фоска.

Оставив Тора и водителя в машине, мастер бросился к калитке. Она оказалась открытой. На крыльце дома стояли люди — мужчины, женщины, дети. Слышалась громкая ругань, плач, причитания. Мастера Бронка встретили угрозами и взмахами кулаков. Он с трудом пробился в приемную. Здесь тоже было полно народу. Тут же метался худощавый, длинноногий доктор Фоск. Он что-то объяснял, разводил руками. Увидев мастера, сразу бросился к нему:

— Какое несчастье, ведеор Бронк! Ваша буровая...

— Минутку, доктор. Мне необходимо поговорить с вами.

— Пойдемте, пойдемте!

Фоск провел мастера в кабинет. Сели.

— У нас умер старший рабочий Огр,— сказал Бронк без всякого вступления.

— У нас умерло уже двенадцать человек! — крикнул доктор.

— От газа?

— Черт его знает! Наверно, от газа. Но прямая причина смерти во всех случаях одна и та же: инфаркт миокарда. Даже у детей!

— Вы можете посмотреть Огра, доктор? Он здесь, в машине.

— Могу. Заранее, впрочем, уверен, что и он умер от инфаркта.

Врач покинул кабинет и пошел к машине. Минут через пять он вернулся.

— Какой гигант! Ему бы еще жить да жить!

— Отчего он?..

— Как я и думал: инфаркт миокарда. По-видимому, ваш газ не только окрашивает кожу в бурый цвет, но и губительно действует на артерии.

— Доктор, меня мучает одна мысль. Возможно, это нелепость, но... Скажите, при каких обстоятельствах произошли эти смертные случаи в Тарольге? Вы не расспрашивали об этом очевидцев?

— Еще бы! Конечно, расспрашивал. Одна женщина крикнула своему пятилетнему ребенку, который не в меру расшалился: «Чтоб ты сдох, поросенок неумытый!» — и ребенок тут же упал и умер.

Мастер насторожился.

— А в других случаях тоже кричали что-нибудь подобное? Я хочу сказать, не происходит ли смерть всякий раз, когда кто-нибудь кому-нибудь пожелает смерти? С Огром ведь знаете как было...

Он торопливо и сбивчиво рассказал, как было с Огром. Доктор выслушал его и, не сказав ни слова, бросился в приемную. Вернувшись через полчаса, он устало опустился на стул.

— Вы правы, мастер Бронк. Во всех случаях смерть наступала после пожелания, высказанного в той или иной форме.

— Значит, розовый газ, доктор...

— Да, да, выходит, что розовый газ не ослабляет организм человека, а, напротив, дает человеку силу убивать простым словом. Такая сила в человеке опаснее любой эпидемии холеры, любой атомной войны. Тут возможно полное самоистребление людей... Мы должны немедленно известить об этом всех жителей Бриксольской долины!

— Как мы их известим?

— Пойдем к старосте, он что-нибудь придумает...

К старосте Тарольги, жившему на центральной площади, отправились пешком. Водителя мастер оставил в машине, Тора прихватил с собой.

6

Староста Марвейл уже знал о стихийном бедствии, свалившемся на Бриксольскую долину. К приходу врача и мастера Бронка он успел созвать всех членов Совета старейшин. Не хватало только старого Пханда Сум-Иркея, который представлял в совете два самых отдаленных хутора. Хотели за ним послать, но тут как раз подоспел на своем мотоцикле Арголь, искавший мастера.

Юноша сказал, что на буровой все в порядке, рабочие сидят в машинах, но новых жертв среди них нет. На вопрос старосты об отце, Арголь сказал, что отца с раннего утра нет дома и никто из домашних не знает, куда он ушел.

Мастер вспомнил, что рано утром видел старика Пханда на горе близ хутора.

— Некогда его искать по лесам! — заявил староста Марвейл и открыл заседание Совета старейшин.

Прежде всего было выслушано сообщение мастера Бронка о том, как по неосторожности Огра розовый газ вырвался из-под земли. Потом один из стариков перечислил жертвы среди населения Тарольги и предложил немедленно арестовать мастера Бронка и всех его рабочих. Тут же взял слово доктор Фоск. Он огласил страшную догадку мастера Бронка о том, что неведомый подземный газ сделал людей способными убивать друг друга одним лишь усилием воли, одним лишь пожеланием смерти, высказанным в любой словесной форме.

Члены Совета старейшин зашумели, никто не хотел верить такой неслыханной чепухе. Больше других возмущался аб Ганолиус:

— Это абсурд, ведеоры! Бог со дня сотворения определил силу человека. Ее нельзя ни увеличить, ни уменьшить! Если бы люди, вопреки воле божьей, обрели столь чудесный дар, они истребили бы друг друга в течение нескольких дней. Это был бы конец света! А что касается жителей нашей богоспасаемой Тарольги, то им для полного самоистребления понадобятся считанные часы!

— Так оно и будет, если их вовремя не предупредить, — веско заметил мастер.

— Предупредить можно. Но ведь нас подымут на смех! Слышите, какой шум на площади? Там собралось все мужское население Тарольги. У них ружья, ножи! Я не рискнул бы выступать перед ними с таким нелепым заявлением... Да и чем вы докажете, мастер Бронк, что ваша догадка правильна? — сказал староста Марвейл.

Мастер поднялся и хмуро посмотрел на старосту:

— Может быть, я должен пожелать смерти вам, ведеор староста?

— Нет, нет, что вы! И думать об этом не смейте!

— А может быть, вам, ведеор аб?

— Бог с вами, мастер, не надо!

— В таком случае, что же делать? Ждать новых жертв?

Совет старейшин ответил настороженным молчанием.

— Ничего, я сумею убедить вас, ведеоры старейшины! — мрачно сказал мастер и, выглянув в коридор, крикнул: — Тор, ко мне!

Пес стремглав бросился к хозяину, стуча когтями по деревянному полу. Бронк вывел его на середину комнаты.

— Ведеоры! Я очень люблю эту собаку. Очень люблю! Она мне дороже, дороже...

Он задохнулся и умолк. Старейшины смотрели на него во все глаза. Собравшись с силами, мастер продолжал:

— Но пусть лучше умрет эта ни в чем не повинная собака, чем будут новые человеческие жертвы. Смотрите! Этот

зверь живее, чем можно себе представить. Смотрите, как он ласкается ко мне, какой у него прекрасный вид! А теперь смотрите...

Мастер Бронк погладил собаку и вдруг крикнул:

— Тор, умри!

Пес замер, покачнулся, медленно опустил голову, захрипел, упал на бок и, дернувшись несколько раз, затих навеки.

— Доктор Фоск, прошу вас засвидетельствовать смерть ардиланской овчарки Тора, — чуть слышно проговорил мастер и тяжелыми шагами прошел на свое место.

Доктор Фоск недолго осматривал Тора.

— Собака умерла от разрыва сердца, — сказал он.

Потрясенные старейшины еще долго молчали...

7

По хуторам разослали нарочных. Тарольгу оповестили по радио. Перед микрофоном один за другим выступили все члены Совета старейшин. Они заклинали жителей прекратить распри и обращаться друг с другом вежливо и деликатно.

— Матери! Не желайте своим детям смерти в порыве гнева! Не делайте этого ни ради красного словца, ни в шутку! Ваше слово может убить их! Так умер пятилетний сын Аладисов! Так умерли и другие дети!.. Соперники в делах, соседи и соседки и все враждующие между собой! Прекратите ссоры и перебранки! Не желайте друг другу смерти! Высказать такое пожелание теперь равносильно убийству и будет караться по закону как убийство! Слово убило на буровой рабочего Огра, слово убило ведрис Аною Лоркен, слово убило престарелого жителя Тарольги ведеора Таролиса Триска и многих других! У нас на глазах слово убило ардиланскую овчарку Тора!.. Будьте осторожны! Будьте благоразумны!

Репродукторы гремели на всех перекрестках Тарольги. Похоронный звон умолк. Воинственная толпа, собравшаяся на площади и готовившаяся громить буровую, тихо рассеялась. Люди спрятались по домам, закрыли ставни, замкнули двери. Тарольга опустела.

И тут старейшины увидели в окно, как через площадь ковыляет Пханд Сум-Иркей. Он размахивал руками и кому-то грозил.

— Этот сумасшедший старик может черт знает что натворить! — с беспокойством сказал мастер Бронк.

Не успели ему ответить, как старый Пханд уже ворвался в помещение Совета старейшин. Он тяжело дышал и смотрел на всех маленькими, налитыми кровью глазками.

— Значит, можно убивать словом? — прохрипел он со зло-
радством.

— Успокойтесь, всдеор Сум-Иркей! — крикнул староста Марвейл.

— Не мешай, а то и тебе достанется! — огрызнулся Пханд. — Пока мне нужен только мастер Бронк!.. Ну что, мастер, рассчитаемся, что ли, за все сразу?

— Негодяй! Я мог бы опередить тебя, но я не хочу убивать! Слышишь? — в бессильной ярости прорычал мастер, с ненавистью глядя на старика.

— Не хочешь? Ха-ха-ха! А я хочу! Хочу! Хочу!

Сум-Иркей бесновался с пеной у рта. Его никто не унимал. Староста Марвейл и старейшины стояли, не смея шелохнуться.

Бронк пошел на старика, засунув руки в карманы брюк.

— Ну, чего ж ты медлишь? Давай, говори свое слово!

— Не подходи! — Пханд попятился к двери и вдруг рывкнул: — Сдохни! Околей сейчас же!

Мастер остановился. Все с ужасом смотрели на него, ожидая, что он вот-вот грохнется на пол замертво. Но он стоял.

— Сдохни, проклятый! Сдохни! — еще раз проревел Пханд Сум-Иркей.

И тут мастер вдруг расхохотался во все горло. Потом он показал пальцем на лицо старого Пханда и крикнул:

— Смотрите! Его лицо не изменило окраски! Он просидел на горе, пока облако газа не рассеялось! Он не дышал розовым газом! Он не может убивать словом! Ха-ха-ха!

Все старейшины тоже расхохотались, крича наперебой:

— Он не может убивать! Он не дышал газом! Ха-ха-ха!

Выкрикнув какое-то проклятие, старик выбежал из дома и засеменял через площадь, поминутно оглядываясь и грозя кулаком.

8

Ночью Пханд Сум-Иркей тайно покинул Бриксолевскую долину и ушел в сторону перевалов. Он не мог оставаться среди людей, получивших от природы грозную и опасную силу слова. Лишенный из-за собственной осторожности этого чудесного дара, он возненавидел лютой ненавистью всех меднолицых жителей Бриксолевской долины, не исключая жены и сына. Добравшись до столицы, старик рассказал властям о неслыханном происшествии в родной долине в расчете, что против меднолицых будут приняты самые крутые меры. Но его надежды не оправдались.

Узнав о происшествии в Бриксольской долине и удостоверившись в его правдивости, правительство ограничилось тем, что строжайше запретило всем, кто надышался розового газа и приобрел способность убивать словом, покидать пределы долины. На перевалах были поставлены воинские кордоны. Бриксольскую долину называли Долиной Смерти и порвали с ней всякую связь. Правительство решило подождать, пока опасные люди полностью истребят друг друга, и лишь после этого заняться изучением розового газа.

Но правительство просчиталось. После смерти ардиланской овчарки Тора в Бриксольской долине больше никто не умирал. Сильные великодушны, сильным не нужно убивать себе подобных. Козни, раздоры, убийства — это удел слабых, безвольных, завистливых.

Мастеру Бронку так и не пришлось больше преодолевать опасные перевалы «поднебесного Ардилана». Он навсегда остался в Тарольге и нисколько не жалел об этом...

КОНЕЦ КОРОЛЯ КРОКОДИЛОВ

Фантастический рассказ

1

Палатка стояла на берегу моря. В нескольких шагах от нее начинались непроходимые мангровые заросли.

Вернер Штарк, худощавый молодой человек невысокого роста, нетерпеливо расхаживал перед палаткой, то и дело поглядывая на часы. На его красноватого оттенка лице с выгоревшими на солнце бровями и ресницами блестели крупные капли пота. Штарк изнемогал от жары, но в сторону палатки с ее спасительной тенью даже не смотрел. Он нервничал, ожидая возвращения проводника Салима, который с утра ушел в соседнюю деревню нанимать лодку и гребцов.

Наконец из чащи леса вынырнула маленькая фигура малайца. Штарк бросился к нему навстречу и крикнул:

— Где ты пропадал так долго? Почему вернулся пешком? Где лодка? Где гребцы?

— Зачем молодой оранг путтих¹ так сильно кричит? Лодки нет, гребцов нет. На Пулау-Буайя² плыть нельзя. На Пулау-Буайя плохо, очень плохо.

Маленький юркий малаец Салим с острова Бали произнес эти слова совсем тихо, но с глубоким внутренним убеждением.

— Это еще что за новость? — возмутился Штарк и, обернувшись к палатке, крикнул: — Вы слышите, профессор, что говорит этот плут? На Пулау-Буайя нельзя плыть!.. Профессор! Господин Рихтер! Вы слышите?

Но палатка безмолвствовала. Штарк подбежал к ней и заглянул за полог. Профессор Пауль Рихтер, рослый и грузный мужчина в летах, лежал на своем тюфяке и мирно вкушал послеобеденный сон, издавая носом тонкие, свистящие звуки.

— Спит. Опять спит! Всегда спит! — проворчал Штарк и, вернувшись к Салиму, раскричался громче прежнего: — Ты что же, решил вымотать у меня последние нервы? Говори толком, почему нельзя плыть на Пулау-Буайя!

— Не надо кричать, господин. Не надо сердиться. Можно плыть на другой коралловый остров. Вокруг Сумбавы их очень много...

— Нет, ты, я вижу, хочешь, чтобы я немедленно умер у тебя на глазах!.. Кто тебя спрашивает про другие острова? Я тебя спрашиваю про Пулау-Буайя! Нам нужно на Пулау-Буайя! Тебе это понятно или нет?

Полог палатки зашевелился, и показалась заспанная физиономия профессора Рихтера.

— Опять ты кричишь, Вернер? Опять надрываешь голосовые связки? И чего ты только вечно хлопочешь! Горе мне с тобой...

— Но посудите сами, профессор! Этот ваш хваленый Салим с самого утра проторчал в деревне, а теперь явился и заявляет: лодки и гребцов нет, на Пулау-Буайя плыть нельзя. Как же тут не кричать?

— Ну и ну! — удивился профессор. — Это правда, Салим?

— Да, господин, это правда.

— Почему же на Пулау-Буайя нельзя плыть?

— На Пулау-Буайя очень худо, господин, — быстро зататорил малаец. — Я был в деревне долго. Я говорил с Умаром Самсури. Это очень умный Оранг Туа³, сильно умный

¹ Оранг путтих (индонез.) — белый человек.

² Пулау-Буайя (индонез.) — Остров Крокодилов.

³ Оранг Туа (индонез.) — старик.

старик. Его все знают и все слушаются. Умар сказал, что никто из всей Сумбавы не поплывет на Пулау-Буайя. На Пулау-Буайя очень плохо. На Пулау-Буайя живет раджа-буайя, король морских крокодилов, злой Оранг Хидьжоу, Зеленый Человек...

— Понятно, профессор? — возмущенно крикнул Штарк. — Вот и работайте с такими людьми!.. Оранг Хидьжоу! В жизни не слышал подобной чепухи! И вы еще удивляетесь, что я кричу? Да тут не кричать, тут...

— Помолчи, Вернер. Так мы ничего не добьемся. Нужно во всем разобраться.

Профессор Рихтер вышел из палатки, взял Салима за подбородок и, слегка приподняв его голову, сверху вниз посмотрел ему в глаза.

— Это старик Умар рассказал тебе про Зеленого Человека?

— Да, господин. Умар очень умный старик. Он говорил правду.

— И ты веришь этой сказке, Салим?

— Верю, господин. Про Оранг Хидьжоу я слышал и у нас на Бали. Мне рассказывал про него один рыбак. Его звали Абдуллах. Он своими глазами видел Зеленого Человека, короля крокодилов. Он сильно потом болел, этот рыбак Абдуллах... Старик Умар Самсури тоже видел Зеленого Человека и тоже чуть не умер от страха.

Салим честно смотрел в глаза профессору и был заметно взволнован.

— Хорошо, мой друг. Ты сегодня же приведешь ко мне этого старика Умара. Я хочу поговорить с ним. Ступай назад в деревню и пригласи его к нам в гости.

Малаец кивнул в знак согласия и, повернувшись, быстро скрылся в мангровых зарослях.

— Что же мы будем делать, господин профессор? — с ядовитой усмешкой спросил Штарк.

— Пока ничего. Послушаем, что нам скажет этот старик Умар. — Профессор вытер платком лицо и вздохнул: — Какая зверская жара! Никогда я не привыкну к тропическому солнцу... Удивляюсь тебе, Вернер, как ты переносишь это пекло и не теряешь способности кричать, суетиться... Иди-ка лучше искупайся в море. Холодная вода тебя освежит и успокоит. Только смотри, чтобы тебя не подцепил какой-нибудь раджа-буайя... А я еще вздремну немного.

Профессор Рихтер снова скрылся в палатке, а Вернер Штарк вскинул на плечо ружье и отправился в мангровый лес на охоту. Купание в море, кишасщем крокодилами, нисколько его не прельщало.

Поздно вечером пришли гости.

Большой костер сыпал искрами в чернильную темноту. На вертеле жарился бок косули, которую днем добыл в лесу Штарк.

Старик Умар Самсури пришел не один. Он прихватил с собой трех своих сыновей — крепких, рослых парней. Гости расположились на теплом песке вокруг костра. Салим поднес им коньяк в маленьких походных стаканчиках из пластмассы.

Раздражительный Штарк отказался сидеть с гостями. Заявив, что слишком устал за день, он удалился в палатку. Беседа с Умаром вел сам профессор Рихтер.

Он не сразу приступил к делу, а сначала долго расспрашивал старика о здоровье, о семье, об урожае риса и саго, об успехах рыбной ловли. Лишь после ужина, профессор осторожно завел разговор о коралловом атолле Пулау-Буайя. Умар сразу насторожился и нахмурился.

— Пулау-Буайя совсем плохой остров. Хорошему человеку не нужно ходить на Пулау-Буайя,— сказал малаец.

Салим тщательно перевел его слова профессору.

— Скажи ему, Салим, что нам обязательно нужно плыть на Пулау-Буайя. Скажи ему, что мы изучаем морскую звезду, которая пожирает коралловые рифы и острова. Колония таких морских звезд появилась на Пулау-Буайя. Это очень важно. Скажи, что мы хорошо заплатим гребцам и за лодку.

— На Пулау-Буайя смерть,— с мрачной категоричностью заявил Умар.— На Пулау-Буайя живет Оранг Хидьжоу, король крокодилов. Он жестоко накажет всякого, кто посмеет нарушить его покой...

— Пусть расскажет про Зеленого Человека все, что знает,— попросил профессор Рихтер.

Умар Самсури выслушал желание чужеземца, вздохнул и, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, принялся нараспев рассказывать:

— В лагуне на Пулау-Буайя всегда было много морских крокодилов. С тех пор как начал дымиться неугасимый Тамбора¹, а может, и еще раньше, крокодилы начали жить на Пулау-Буайя. Их там много-много! Мне рассказывал мой дед Идрус, что там у них должен быть раджа. Но никто не видел его. Раджа-буайя никогда не показывался людям. Рыбаки там часто видели очень больших крокодилов, но раджу не встречали. И вот случилось, что пришли двое белых. Проклятых голландцев тогда давно уже не было в нашей стране. Двое бе-

¹ Тамбора — действующий вулкан на острове Сумбава.

лых пришли из Бима-Бей¹, куда их привез большой пароход. Это были охотники. Они сильно смеялись, когда узнали, что на Пулау-Буайя живет много крокодилов и сам раджа-буайя. Они не поверили, что это опасно, и сказали, что не боятся крокодилов и их короля. Они поплыли на Пулау-Буайя одни в пироге, и больше их никто не видел. Их съел раджа-буайя. С тех пор он стал открыто жить на своем острове. Иногда он принимает образ человека. Но это не простой человек. Это Оранг Хидьжоу, совсем зеленый человек, как лист папоротника. Борода зеленая, и волосы зеленые, и сам весь зеленый. Это и есть злой Оранг Хидьжоу. Кто его увидит, может умереть от страха. Я не верил этому, потому что я никогда не знал страха. Я взял лодку и поехал посмотреть на Зеленого Человека. Но только я приблизился к острову, как начал весь дрожать от страха. Еще ничего не видел, а страх уже сковал мое сердце. А потом появился Оранг Хидьжоу. Он бежал ко мне, размахивал длинными руками и кричал страшным голосом. Его зеленая борода летела за ним по ветру. Я понял тогда, что он хочет меня съесть. Свет померк в глазах моих, и кровь в жилах застыла. Я начал громко молиться аллаху, и аллах помог мне. Он дал мне силу схватить весло и погнать лодку прочь от острова. Только в открытом море я пришел в себя. Все тело мое дрожало, как в лихорадке, ибо я посмел заглянуть в глаза смерти. Никому не советую повторять это...

Не успел Салим до конца перевести рассказ Умара, как из палатки выскочил Штарк.

— Вранье! — заорал он. — Я не верю ни одному слову этого старика! В Берлине нас поднимут на смех, господин профессор, если узнают, что мы поверили такой чепухе!

— Тише, Вернер! Ради бога, тише! Разве ты не видишь, как ты перепугал наших гостей? — замахал на него руками профессор.

— Почему так кричит этот молодой оранг путтих? Не укусила ли его кобра? — заботливо спросил Умар Самсури у Салима.

— Он не верит, что ты видел Зеленого Человека, Умар-Туа, — ответил Салим.

— Он еще молод и глуп, — с достоинством ответил Умар. — Спроси седого господина, поверил ли он старому Умару, не солгавшему ни разу в жизни.

— Я верю тебе, Умар. Спасибо за предупреждение. Мы не поплывем на Пулау-Буайя. А на моего друга ты не сердись, он еще слишком молод и неопытен.

Штарк так весь и вскипел от этих слов, но промолчал и

¹ Бимá - Бей — гавань на Сумбаве.

скрылся в палатке. А старик Умар, выслушав профессора и весьма удовлетворенный, стал прощаться и благодарить за угощение. Потом, сопровождаемый молчаливыми сыновьями, он бесшумно удалился в темноту ночи.

Профессор кряхтя забрался в палатку и стал готовиться ко сну. Вернер Штарк уже лежал на своем тюфяке и делал вид, что спит.

— Не сердись, Вернер,— сказал профессор.— Конечно, я не верю ни в какого Зеленого Человека. Но зачем же зря обижать старика?.. А что касается атолла Пулау-Буайя, то что поделаешь, придется нам обойтись без него. Уж коли у местных жителей с ним связаны такие поверья, то их ничем не переубедишь. Придется нам искать колонию акантастер планци¹ на других коралловых атоллах или рифах.

От этих слов Штарк подскочил на своем тюфяке, словно его подбросило пружинами.

— Никогда! Ни за что! — возмущался он.— Завтра, профессор, я один поплыву на Пулау-Буайя и привезу вам шкуру этого раджи крокодилов. Но если там ничего нет, я сумею заставить отказаться этих олухов от своих нелепых сказок и переправить нас на остров со всем нашим снаряжением!

— Ты серьезно, Вернер?

— Совершенно серьезно. Наши исследования мы будем вести на атолле Пулау-Буайя, не будь я Вернер Штарк. Завтра с утра пусть Салим наймет рыбачью пирогу и пригонит ее сюда. До атолла не более пятнадцати километров. Я успею обернуться в один день.

— Хорошо, Вернер. Завтра ты отправишься в разведку на этот таинственный Пулау-Буайя. А теперь давай спать.

И профессор задул свечу.

3

На море господствовал полный штиль. Утлая малайская пирога скользила по сверкающей зыби, подгоняемая ударами весла. Утреннее солнце уже вошло в силу.

Непривычный к физическому труду, Вернер Штарк быстро натер себе ладони и взмок от пота. Но он был зол и упрям. Позволив себе небольшую передышку, он лишь попил из фляги воды и снова взялся за весло.

Постепенно зеленые берега Сумбавы слились с горизонтом. Лишь дымящийся конус вулкана Тамборы был все еще виден.

¹ Акантастер планци (*Acanthaster planci*) — научное название разновидности морской звезды, пожирающей коралловые отложения.

Через четыре часа плавания пирога приблизилась к цели.

В кабельтове от Пулау-Буайя Вернер опустил весло и долго всматривался в таинственную резиденцию короля крокодилов. Но ничего особенного он не заметил. Атолл казался издали заброшенным, безжизненным клочком земли. Местами на нем виднелись пальмовые рощи. Внешние берега были круты и обрывисты. На подступах к ним, в белых шапках пены, торчали многочисленные рифы. С этой стороны пристать невозможно. Придется поискать вход в лагуну. Вернер снова решительно взялся за весло и погнал пирогу вперед.

Когда до атолла оставалось не более сотни метров, Штарк почувствовал вдруг, что сердце его начинает странно замирать. Что это? Неужели страх?.. Память тут же восстановила весь рассказ старика Умара о таинственном Зеленом Человеке.

— Чепуха! — громко произнес Вернер и еще энергичнее заработал веслом.

Но страх не проходил. С каждым ударом весла он все сильнее овладевал сердцем, наполнял его каким-то томительным трепетом. Вернер почувствовал, как все внутри у него начинает мучительно сжиматься, как слабеют и дрожат натруженные руки. Никакой причины для страха он не видел. Что за чертовщина!.. В нем вскипело неистовое бешенство. На несколько минут ощущение страха отступило, размылось. Движение пироги ускорилось. Она как птица летела по волнам вдоль крутого берега, старательно обходя отмеченные бурными рифы.

А вот и вход в лагуну. Лодка свернула в узенький проливчик, с почти сомкнувшимися коралловыми берегами. Еще с десяток ударов веслом, и лодка заскользила по совершенно спокойной зеленоватой поверхности просторной лагуны.

Размышлять и выбирать было некогда. Увидев удобное для высадки место, Вернер изо всех сил погнал к нему пирогу. Словно одержимый, выскочил он на берег и выхватил флягу с водой. Он с трудом разжал сведенные челюсти, чтобы напиться. Зубы его несколько раз лязгнули о горлышко фляги. Расширившиеся зрачки блуждали по сторонам, ничего не видя. Ноги в коленях подгибались, руки дрожали, проливая воду.

Вода принесла некоторое облегчение. Во всяком случае, мозг снова начал работать. Но беспричинный страх не проходил. Во рту мгновенно снова пересохло, лоб покрылся холодной испариной.

Схватив ружье, Вернер диким взглядом обшарил сонную поверхность лагуны, ослепительно сверкавшую в лучах полуденного солнца, затем быстро повернулся к зеленой пальмовой роще. Все вокруг мирно дремало в полном безветрии, но Вер-

неру казалось, что какая-то неведомая чудовищная опасность неумолимо надвигается на него со всех сторон. Ему стоило огромных усилий вытащить пирогу на берег и заставить себя двинуться в глубь острова.

Роща встретила Вернера глубокой тишиной. Даже не верилось, что эти пальмы, кустарники и травы настоящие. Они, словно каменные, оцепенели в полной неподвижности.

Пройдя несколько шагов по опушке, Штарк увидел тропинку, которая вела в глубь рощи. Еле передвигая ослабевшие ноги, он пошел по этой тропинке. С каждым шагом страх возрастал. Внутренний голос кричал: «Назад! Опасно!» Сердце било в набат. Но, собрав всю волю, закусив до крови губу и обливаясь холодным потом, Вернер продолжал идти вперед. Каждый шорох в чаще, вызванный падением созревшего плода с пальмы, каждая треснувшая под ногой ветка больно хлестали по нервам, заставляли вскидывать ружье и замирать в тревоге.

Пустынная безжизненность рощи была непонятна и лишь увеличивала болезненное томление. Хоть бы одно насекомое затрещало крыльями! Хоть бы одна птица чирикнула в зеленой листве!..

Думал ли Вернер в эту минуту о загадочном Зеленом Человеке? Скорей всего, нет. Он не думал вообще ни о чем. Весь его разум, вся его воля были без остатка мобилизованы на борьбу с неотступно нарастающим животным страхом. Он шел вперед, как заведенный автомат.

Но вот тропинка кончилась, и Штарк очутился на краю небольшой поляны, посреди которой стояла убогая хижина из бамбуковых палок и пальмовых листьев. Вернер замер, еле переводя дух. Он стоял, прислонившись спиной к стволу пальмы, и не спускал широко раскрытых глаз с хижины.

Внезапно томительную тишину разбил резкий каркающий голос. Вернер вздрогнул. Ноги его подкосились, и он упал на колени. Из помертвевших рук выпало ружье. Кто-то в хижине или за ней пел отвратительным голосом по-немецки:

— Настанет день, настанет день, придет моя победа!..

«Оказывается, Оранг Хиджоу — соотечественник!..» — мелькнула мысль и тут же погасла.

В это время из-за хижины показался и сам певец. Это был Зеленый Человек — именно такой, каким его описывал старик Умар Самсури: зеленые волосы, длинная зеленая борода, худое зеленое тело на тощих зеленых ногах. Вся одежда чудовища состояла из нескольких пальмовых листьев.

Оранг Хиджоу шел приплясывая и нес на плече палку со связкой вяленой рыбы. Он направлялся к себе в хижину. Случайно взгляд его упал на неподвижную фигуру Вернера. На

мгновение остолбенев, Оранг Хидьжоу тут же отбросил палку с рыбой и крикнул резким, скрежещущим голосом:

— Человек!

Большими прыжками он подбежал к Штарку и склонился над ним. Вернеру показало, что к нему приблизилась сама смерть. Он почувствовал на себе ее ледяное дыхание. Сердце его затрепетало и замерло. В глазах поплыли зеленые круги. Без единого звука Вернер Штарк свалился к ногам Зеленого Человека, лишившись чувств...

4

Беспамятство длилось долго. Когда Вернер пришел наконец в себя, он вновь ощутил наплыв ужаса.

Широко раскрыв глаза, он озирался по сторонам, но ничего не видел. Его окутывал непроницаемый мрак. Где-то, совсем рядом, кто-то громко храпел и чмокал. Вернер попробовал пошевелиться и тотчас же понял, что связан по рукам и ногам. Это было нестерпимо. Ужас его превзошел все допустимые разумом границы. Из его горла вырвался дикий, нечеловеческий вопль, и он забился, извиваясь, как червяк, и ударяя головой о землю. Кто-то невидимый навалился на него. Крепкие руки прижали его к земле. Над самым ухом раздался повелительный каркающий голос:

— Спокойно, спокойно, малыш! Твой страх скоро пройдет, и все будет в порядке! Лежи!

Слова эти были произнесены на родном для Вернера немецком языке, но ужас его от этого несколько не ослабел. Он опять завопил и забился как сумасшедший. Но продолжалось это недолго. Нервы его не вынесли напряжения, и он вновь погрузился в спасительное беспамятство...

Когда Вернер снова открыл глаза, был уже день. Смутно припоминая все случившееся, он осмотрелся по сторонам. Зеленого Человека нигде не было. Это значительно успокоило Вернера и вернуло ему самообладание.

Осмотревшись, он понял, что лежит внутри хижины. Через открытое входное отверстие были видны синева неба и зелень пальмовой рощи.

От ночного ужаса не осталось и следа. Лишь удивительная слабость чувствовалась во всем теле да порой его сотрясала нервная дрожь. С радостью Вернер обнаружил, что больше не связан, и быстро вскочил на ноги. Первая мысль была о ружье. Где оно? Завладел им Оранг Хидьжоу или оно осталось там, у подножия пальмы? Он вышел из хижины, огляделся и со всех ног бросился по тропинке к роще. Но не успел он

сделать и десяти шагов, как за спиной у него раздался отвратительный голос Зеленого Человека:

— Стой! Назад!

Вернер быстро обернулся и невольно попятился. Возле жижины стояло зеленое чудовище и целилось в него из ружья. Как это ни странно, но теперь Вернер не ощутил ни малейшего страха. Напротив, он мгновенно вскипел от ярости.

— Опусти ружье, зеленая обезьяна! Как ты смеешь мне угрожать? — заорал он.

— Немец! — восторженно прокаркал Оранг Хидьжоу и тотчас же повесил ружье на плечо.

Некоторое время они стояли молча, с жадностью рассматривая друг друга. На лице Зеленого Человека было написано восторженное умиление. В глазах Вернера еще горела неостывшая злоба. Он первым нарушил молчание:

— Кто ты такой? — спросил он резко. — Отвечай! Только не вздумай мне плести небылицы про Оранг Хидьжоу, короля крокодилов!

Зеленый Человек разразился громким смехом и крикнул:

— Какой там, к черту, король! Я Ганс Миллер из Франкфурта-на-Майне. А ты кто, приятель?

Вернер несколько мгновений медлил с ответом.

«Не стоит этому чучелу открывать, что я из ГДР», — подумал он и с достоинством произнес:

— Я Генрих Шульц из Мюнхена, охотник и поставщик зверей для всех зоопарков Европы. Вам не знакомо мое имя, господин Миллер?

— Нет, не слышал, — ответил Зеленый Человек и, быстро подойдя к Штарку, протянул ему руку: — Рад видеть соотечественника, господин Шульц. Какая приятная неожиданность!

подавив отвращение, Вернер пожал зеленую руку.

— Вы что же, господин Миллер, современного Робинзона разыгрываете? А если так, зачем вам этот нелепый маскарад?

— Робинзона? Маскарад? Что вы, господин Шульц, что вы! У вас глаза вылезут из орбит, когда я расскажу вам, в чем тут дело... А пока давайте пообедаем. Вы ведь со вчерашнего дня не ели...

Пообедавать Штарк не отказался. Он действительно чувствовал зверский голод. Зеленый Человек отправился за припасами, а Вернеру приказал собирать хворост. Вскоре они сидели у пылающего костра и закусывали жареной рыбой. Миллер протягивал к огню скрюченные зеленые пальцы и, блаженно осклабясь, бормотал:

— Огонь... Огонь... Как это хорошо! Вы не можете себе представить, господин Шульц, как трудно человеку без огня.

Я его не видел пятнадцать лет! Целых пятнадцать лет я питаюсь устрицами, сырой рыбой, сырыми плодами...

— Ничего себе! А сколько вы всего тут торчите? — спросил Вернер с набитым ртом.

— Девятнадцать лет! — каркнул Миллер. — Ведь, если я не ошибаюсь, у нас семьдесят четвертый год?

— Нет, пока еще только семьдесят третий.

— Тогда, выходит, восемнадцать лет... — уныло сказал Миллер.

— И все это время в полном одиночестве?

— Да, господин Шульц.

— Не завидую вам. Но почему же вы не попытались уйти отсюда? До Сумбавы тут рукой подать. Хороший пловец и без лодки доберется, если его, конечно, не слопает крокодил или акула.

— Я должен тут отсидеть положенный срок, господин Шульц. Я не могу показаться людям в таком виде. Моя зеленая окраска не маскарад и не болезнь. От меня исходят невидимые волны ужаса. Их не выносит ни одно живое существо. Вчера и вы, господин Шульц, чуть не помешались от страха, когда высадились на моем острове. Признаться, я опешил, когда увидел вас на этой поляне. Вы молодец, господин Шульц! Будь вы хлюпиком из этой восточной зоны, вы бы тут же протянули от страха ноги!

— Не зазнавайтесь, господин Миллер! — с холодной неприязнью возразил Штарк. — Я не верю в ваше излучение ужаса. Я просто от природы впечатлительный человек. Я приехал сюда, чтобы поймать парочку крокодилов, и ваш пустынный остров подействовал на меня несколько удручающе. Да и ваше неожиданное появление потрясло мои нервы. Что ни говорите, а вы похожи на какую-то чудовищную помесь обезьяны с лягушкой!

— Моя внешность тут ни при чем! — зло прокаркал Миллер, дернув себя за зеленую бороду. — Теперь-то вы меня не боитесь. Но почему? Потому что за сутки вы привыкли к моему излучению и оно перестало на вас действовать. А вчера вас спасло только то обстоятельство, что вы настоящий западный немец. Любой паршивец из красной зоны...

— Вы забываетесь, господин Миллер! — закричал Штарк в порыве негодования.

— Э-э-э, бросьте! Я знаю, что говорю. К вам это не имеет отношения. Не подсакивайте, а лучше сядьте и выслушайте мою историю, тогда вы будете иначе ко мне относиться.

— Ладно, рассказывайте, — согласился Штарк, овладев собой и снова усаживаясь поудобнее. — Только не вздумайте плести небылицы!

По правде говоря, Вернера разбирало жгучее любопытство. В душе он не мог не признать, что вчера его действительно потрепал наплыв какого-то непонятного страха. Интересно, какую тайну скрывает эта зеленая обезьяна!..

Оранг Хидьжоу намотал на руку свою длинную бороду и уставился зелеными глазами на огонь.

— Не беспокойтесь, господин Шульц. Мой рассказ будет правдив от начала до конца...

И Зеленый Человек принялся излагать свою удивительную историю.

5

Был у меня когда-то друг, инженер-химик, по имени Фердинанд Бер. Жил он во Франкфурте-на-Майне, Бисмаркштрассе, восемь. Там у него была небольшая лаборатория, в которой он занимался какими-то научными изысканиями. Семьи он не имел и был довольно беден, так что мне часто приходилось оказывать ему помощь. Мне это ничего не стоило: моя жена держала большой магазин музыкальных инструментов, дававший отличный доход.

Однажды весной пятьдесят четвертого года Бер позвонил мне и попросил немедленно приехать. Я был уверен, что он опять нуждается. Прихватив немного денег, я поехал к нему в своем «мерседесе». Свернув на Бисмаркштрассе, я увидел вдруг толпы людей, охваченных чудовищной паникой. Мужчины, женщины, дети бежали по тротуарам и прямо по мостовой с дико вытаращенными глазами и вопили, как звери. Некоторые падали под колеса автомашин, их давили, но никто не обращал внимания на искалеченных и убитых.

Не зная, что и подумать, я повел машину навстречу этому обезумевшему людскому потоку. С огромным трудом мне удалось проехать несколько сот метров. Дом моего друга был уже виден, но тут меня задержал полицейский кордон.

— Что случилось? — спросил я жандармского офицера. — Пожар? Прокаженный? Бомба замедленного действия?

— Хуже, господин, хуже, — ответил мне офицер. — Мы не знаем причин этой паники. Жители десятка домов покинули вдруг свои квартиры и бросились бежать по улице. Паника охватила и всех тех, кто проходил или проезжал мимо этих домов. Отряд полиции попытался проникнуть в дома, но с позором отступил. Все мои парни бежали, побросав оружие. Они вопили как одержимые. К домам невозможно подойти. От них исходит непонятный ужас...

У меня тотчас же мелькнула догадка. Не дослушав до кон-

ца рассказ полицейского, я бросился к ближайшему телефонному автомату и набрал номер Бера. В трубке раздался его спокойный голос:

— Инженер Бер слушает.

— Привет, Ферди! Что случилось? Почему вокруг твоего дома такая паника? Почему все убежали, а ты сидишь дома как ни в чем не бывало?

— Это ты, Ганс?

— Конечно, я!

— Замечательная история, Ганс! Это действует мой «Бериоль»! Я принял всего одну капельку и весь позеленел. Я излучаю неодолимые волны ужаса. Мой кот Нигер умчался от меня как сумасшедший... Но до вечера все пройдет, Ганс! Приезжай ко мне вечером, тогда поговорим. Привет!

К вечеру действительно «дома ужаса» на Бисмаркштрассе успокоились и стали вновь обитаемыми. С первыми же людьми, возвращавшимися домой, я ворвался к Беру. И тут я услышал поразительную новость.

Мой друг, державший до этого свою научную работу в строжайшей тайне, открыл мне, что он искал состав, способный защитить организм человека от любых бактерий и вирусов. Я не силен в биохимии, но, помнится, это средство должно было возбуждать в организме какие-то особые биотоки, отпугивающие любых микробов. Совершенно неожиданно для самого изобретателя у него получился состав, отпугивающий не только микроорганизмы, но и вообще все живое, не исключая человека. Так на свете появился «Бериоль».

Фердинанд заявил мне, что будет дальше работать над составом, пока не ограничит его действие одними бактериями. Но я помешал ему это сделать. Я вспомнил панику на Бисмаркштрассе, и у меня зародилась замечательная идея: «Бериоль» — оружие!

Мне тотчас же представились победоносные дивизии бундесвера. У солдат зеленые лица, они идут завоевывать мир. Враг в ужасе бежит от них по всему фронту. Самолеты, танки, ракеты — все бессильно перед «Бериолем»!..

У меня захватило дух от таких перспектив. Но я лишь очень осторожно намекнул Беру о своей идее. И что бы подумали? Бер ответил решительным отказом! Он заявил, что не желает слышать ни о каких войнах. Мне стало стыдно за моего друга, оказавшегося таким интеллигентским слюнтяем. Но я не подал виду. Я решил отнять у него «Бериоль» силой.

Несколько недель я уговаривал Бера отправиться вместе со мной в путешествие по тропическим странам, прельщая его невероятными возможностями экспериментальной работы. Бер

долго отказывался. Ему не терпелось переделать свой «Бериоль». Но я был упорен, и Бер наконец сдался. Мы быстро собрались и выехали в Гамбург. Летом пятьдесят четвертого года на пароходе «Гельголанд» мы прибыли на Суматру.

У меня был план: заманить Бера на охоту и где-нибудь в непроходимых джунглях разделаться с ним без свидетелей. Человека, погибшего на охоте в тропиках, никто искать не станет. Но Бер уже начал относиться ко мне с недоверием и наотрез отказывался участвовать в охоте. Так мы и тащились, как двое туристов, от острова к острову по всей Индонезии. Мы посетили Яву, Мадуру, Бали. И вот однажды высадились в Бима-Бей на Сумбаве. От туземцев я узнал, что атолл Пулау-Буайя кишит морскими крокодилами.

— Давай, Ферди, сделаем доброе дело местным рыбакам — очистим островок от этих тварей, — предложил я Беру.

Решительно уклонявшийся от охоты ученый чудак легко попался на эту удочку: доброе дело соблазнило его. Мы купили у малайцев пирогу и вдвоем отправились сюда, на Пулау-Буайя...

6

Это было восемнадцать лет назад, но я помню все, как сейчас. Мы прибыли на атолл после полудня. Из всех вещей мы взяли с собой лишь запас воды и провизии на два дня, ружья с боеприпасами и поллитровую бутылку с «Бериолем», которую Бер носил в дорожной сумке и никогда с ней не расставался.

Когда мы вошли в лагуну, нам на первый взгляд показалось, что она совершенно необитаема. Но стоило нам нарушить ее поверхность ударами весел, как показались коричневые спины, выпуклые глаза и ноздри огромных чудовищ. Обнаружив нашу лодку, они со всех сторон двинулись к нам. Признаюсь, мне стало не по себе.

— Что будем делать, Ферди? — спросил я Бера.

— Гребь к берегу, — ответил он. — Вряд ли эти твари осмелятся напасть на лодку.

Но Бер ошибся. Крокодилы окружили нас и сразу перешли в наступление. Они лезли в пирогу, грызли ее зубами, старались перевернуть своими длинными рылами. Мы оказались всецело в их власти.

— Давай скорей «Бериоль»! — закричал я Беру.

Но он был ненормальный, этот Бер.

— Гребь к берегу, трус несчастный! — ответил он мне и начал палить в крокодилов из ружья.

Во мне закипело бешенство. Этот тщедушный книжный червяк, всю войну проторчавший в тылу, посмел назвать меня, оберштурмбанфюрера СС, рыцаря двух Железных крестов, несчастным трусом! Такое оскорбление можно было смыть только кровью.

Над лодкой снова показалась страшная пасть. Я разрядил в нее ружье и кинулся к Беру:

— Давай «Бериоль», скотина, черт тебя побери!

Мне удалось сдернуть с его плеча сумку, но Бер успел за нее ухватиться. Между нами завязалась борьба. Несколько раз лодка зачерпнула воды. В нее снова начали лезть чудовища. Вдруг Бер с силой дернул к себе сумку, потерял равновесие и свалился за борт. Сумка осталась у меня в руках. Бер лишь на секунду погрузился в воду. Тотчас же вынырнув, он стал карабкаться обратно в лодку.

— Ганс, друг, помоги! — орал он с перекошенным от ужаса лицом.

И тут я показал ему, как опасно оскорблять героев третьего рейха.

— Я не друг врагу моего отечества! — крикнул я Беру в лицо и с размаху ударил его прикладом ружья по голове.

Бер залился кровью, руки его отпустили борт пироги. Он не успел пойти ко дну — на него набросились сразу два крокодила. А потом к ним присоединились и другие. На какое-то время путь к берегу был свободным. Я не стал мешкать и схватился за весло.

До берега мне добраться удалось, но тут меня подстерегала новая опасность: на отмели грелись несметные полчища крокодилов. Путь к роше был отрезан. Нельзя было терять ни секунды. Я выхватил из сумки бутылку с «Бериолем», откупорил ее и сделал несколько больших глотков. Затем я разрядил ружье в ближайшего крокодила. Зверь свалился замертво, но других тварей это не остановило. Они упорно подбирались ко мне со всех сторон.

Сердце мое стучало, как молот. Я боялся только одного: вдруг «Бериоль» не сработает! Тогда погибло все: и я, и мечты о великом будущем фатерлянда...

Но «Бериоль» не отказал. Ровно через пять минут, которые мне показались вечностью, мои руки позеленели. Крокодилы остановились в замешательстве. Тогда я сам перешел в наступление. Я принялся колотить их прикладом ружья и пинать ногами. словно послушное стадо чудовищных свиней, крокодилы поспешно поползли к воде. Это был величайший момент в моей жизни! Я стоял над лагуной победителем и смеялся над крокодилами. Страшный для всех, я сам никого не боялся.

Успокоившись, я стал думать о своей дальнейшей судьбе. Я вспомнил все, что рассказывал Бер о свойствах и дозировке «Бериоля». От страха я выпил из бутылки гигантскую дозу: четверть всего ее содержимого. Не без труда мне удалось считать, что действие «Бериоля» на мой организм будет продолжаться свыше двадцати лет.

Сначала это открытие повергло меня в уныние. Но потом я взял себя в руки и решил мужественно выдержать это новое испытание.

«Что такое двадцать лет? — рассуждал я. — Когда они пройдут, мне будет всего лишь пятьдесят восемь. Я еще успею перевернуть мир по-своему. А пока пусть он себе остается в слепом неведении, пусть даже не подозревает, что где-то на юге, на атолле Пулау-Буайя, ждет своего часа его неотвратимая судьба!»

Так я стал жить на этом острове.

За время первых суток атолл покинули все его прежние обитатели: птицы, змеи, ящерицы, насекомые. Я уверен, что даже бактерии, занесенные сюда ветром, старались тут не задерживаться. Во всяком случае, за восемнадцать лет я ни разу ничем не болел.

Крокодилов в лагуне тоже сильно поубавилось. Они продолжали в ней жить, но старались не появляться на суше, довольствуясь прогретой солнцем отмелью. Я установил, что «волны ужаса» действуют в воде на очень незначительное расстояние. Впрочем, этого было достаточно, чтобы я мог купаться в море, не опасаясь ни акул, ни крокодилов.

Первые три года я ухитрялся сохранять огонь. Но потом, во время длительного периода дождей, я потерял его. Пришлось перейти на сырую пищу...

Проходил год за годом. Несколько раз к острову навдывались малайские рыбаки. Однако все мои попытки заманить на остров хотя бы одного и добыть таким образом огонь кончались неудачей. «Бериоль» действовал безотказно, его невидимый барьер был практически непреодолим. Я потерял всякую связь с внешним миром и не знал, что в нем происходит. Но я не унывал. Я спокойно ждал своего часа: «Настанет день, настанет день, придет моя победа!»

А пока я вел непрерывную войну с крокодилами. Они сильно мне досаждали: рвали сети, крали из них рыбу. Долго я с ними возился и только в прошлом году меня осенила идея, как от них избавиться раз и навсегда.

Я облюбывал на отмели великолепного восьмиметрового самца. Это был поистине гигант среди крокодилов! Я решил приручить его и сделать невосприимчивым к действию «Бериоля». Это была трудная и кропотливая работа. Поначалу

даже рыбу, побывавшую у меня в руках, мой Зигфрид (так я назвал своего питомца) отказывался принимать. А меня он подпускал к себе только до границы действия «Бериоля». Но я упорно добивался своего, по сантиметрам, по секундам приучал Зигфрида к «Бериолю». В конце концов он привык к моему излучению и стал брать пищу прямо у меня из рук. И вот две недели назад я осуществил свой план: в широко раскрытую пасть Зигфрида я плеснул небольшую дозу «Бериоля». Крокодил проглотил состав, не моргнув глазом. Ровно через пять минут он стал восхитительно зеленым и уполз в лагуну.

Расчет мой был прост: Зигфрид выгонит из лагуны всех своих сородичей, а потом в поисках пищи уберется и сам. Мой первый солдат оказался очень деятельным. Уже вчера я не видел в лагуне ни одного крокодила...

7

Вернер Штарк был потрясен рассказом Зеленого Человека. Он понял, что перед ним сидит очень опасный преступник. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы сдержаться и не броситься на бывшего эсэсовца с голыми руками.

— Теперь вам понятно, господин Шульц, кто я такой? — величественно спросил Ганс Миллер и потряс своей длинной зеленой мочалкой.

— Да, теперь мне понятно, господин Миллер, что вы из себя представляете... — сказал Штарк сквозь зубы. — Но скажите, раз уж вы так мне доверились, мне можно посмотреть на этот самый «Бериоль»?

Зеленые глаза Миллера хитро сощурились:

— Я не так прост, как вам кажется, господин Шульц. Бутылку с «Бериолем» я укрыв в очень надежном месте. Я покажу вам ее лишь тогда, когда мы оба будем покидать этот остров.

— Как это — оба? — удивился Вернер. — Насколько я понял, вам тут сидеть еще целых два года.

— Именно потому, что два года! — самодовольно каркнул Миллер. — Не таращите глазенки, мой птенчик! Неужели вы думаете, что я оставил вас в живых и рассказал вам свою историю лишь для того, чтобы отпустить вас отсюда с миром? Как бы не так! Я был бы последним идиотом, если бы сделал это! Нет, дорогой Генрих, вы проживете здесь два года вместе со мной. Если хотите, я могу вас угостить двухлетней дозой «Бериоля». Оба зеленые, мы славно проведем время! А вернувшись в фатерлянд и взяв в руки бразды правления, я предоставлю вам любое министерское кресло. Вам не при-

дется больше ловить зверей для зоопарков. Вы будете другом и соратником нового фюрера!.. «Хайль Миллер!» — ведь это звучит совсем неплохо, как вы думаете?

В первую минуту Штарк был совершенно ошеломлен таким неожиданным поворотом дела. Но потом он быстро собрался с мыслями. Не оставалось никаких сомнений: перед ним не только убийца, но вдобавок еще и сумасшедший, одержимый манией величия. Это делает его вдвойне опасным. Нужно, стало быть, подпевать ему, чтобы усыпить его бдительность. А дальше видно будет.

Штарк вдруг вскочил, поднял правую руку в нацистском приветствии и заорал во все горло:

— Хайль Миллер!

Из глаз Зеленого Человека хлынули слезы восторга. Он тоже поднялся и заключил Штарка в свои объятия.

— Наконец-то ты понял меня, Генрих! Спасибо тебе!.. Подожди здесь, я покажу тебе «Бериоль»!

Растроганный Миллер быстро скрылся в пальмовой роще. Однако ружье Штарка он не забыл прихватить с собой. Штарк вновь сел у костра и задумался.

Все это кажется скорее нелепым и смешным, чем опасным и страшным... Но что, если этот сумасшедший в самом деле вернется с «Бериолем» в Западную Германию?..

Его мысли были прерваны вернувшимся Миллером.

— Вот «Бериоль»! — воскликнул Зеленый Человек, держа в вытянутой руке бутылку, до половины наполненную маслянистой зеленой жидкостью. — Вот, Генрих, оружие, которое положит к моим ногам весь мир!

Штарк сделал изумленные глаза и снова заорал:

— Хайль Миллер!

— Хайль, — небрежно ответил будущий фюрер, приняв это уже как должное.

Потом он опустился на землю, зажал бутылку между руками зелеными коленями и спросил:

— Хочешь, Генрих, принять двухлетнюю дозу «Бериоля»?

— С удовольствием и радостью, мой фюрер! Но боюсь, я не заслужил, чтобы вы тратили на меня столь драгоценный эликсир.

— Заслужил, Генрих, вполне заслужил.

— Но ведь у вас его очень мало, мой фюрер!

— Не так уж мало. Для одной хорошей атаки его хватило бы на целую дивизию.

Мозг Вернера лихорадочно работал. Как уклониться от этой «высокой чести», не вызвав подозрений? Сумасшедшие обидчивы. Разве что... Правильно! Только этим его и проймешь!

— Скажите, мой фюрер, вам известен секрет изготовления «Бериоля»?

— Секрет изготовления крокодилы сожрали вместе с этим проклятым Бером.

— А что будет, если не удастся раскрыть его, мой фюрер? Того, что есть в бутылке, будет маловато для завоевания мира!

— Ученые Германии раскроют секрет и дадут мне «Бериоль» в любом количестве! — веско возразил Миллер.

— Правильно, мой фюрер! Но для раскрытия секрета придется проделать огромное множество химических анализов. Тут каждая капля «Бериоля» станет дороже тонны золота! И вот представьте себе, мой фюрер, что к открытию секрета останется сделать лишь несколько шагов, а «Бериоль» кончится. Из-за дозы, которую я проглочу, рухнут все ваши великие планы... Лично я не переживу такое. Я убью себя, мой фюрер!.. Нет, нет, не толкайте меня на страшное преступление! Я и так проживу здесь с вами два года и буду считать себя счастливейшим из арийцев!

Миллер вновь прослезился.

— Спасибо, Генрих! Я поражен твоим умом. Ты действительно достоин быть другом фюрера!

— Моя жизнь принадлежит вам, мой фюрер!..

В таком духе они вели беседу часа два. Миллер становился все напыщеннее и надменнее. А Вернер дошел в своей лести до того, что предложил новому фюреру выбрать на острове место, где ему в будущем воздвигнут гигантский монумент.

— В память о вашем историческом пребывании на этом острове, мой фюрер, статуя должна быть ярко-зеленого цвета, с такой же прекрасной зеленой бородой и с пальмовыми листьями, как у вас! — восторженно сказал Вернер и пригласил Миллера на прогулку по острову.

— Да, да, Генрих, меня нужно увековечить! Пойдем выберем место! — захлебывался Миллер.

Они отправились по тропинке через рощу и вскоре вышли на берег лагуны.

— Стой, Генрих! — закричал вдруг Миллер, охваченный внезапным бешенством.

— Что случилось, мой фюрер?

— Смотри туда! Ты видишь?.. Негодяй! Лодырь! Дрыхнет где-нибудь в тине, а его приятели разгуливают по моей лагуне!

Только теперь встревоженный Штарк понял, что речь идет о Зигфриде и что Миллер пришел в бешенство, обнаружив в лагуне посторонних крокодилов.

— Да, да, мой фюрер, я вижу! Какое безобразие! — вскричал Вернер, хотя не видел в лагуне ни малейших признаков крокодилов.

— Подожди меня здесь, Генрих, я только расправлюсь с этими мерзавцами!

Зеленый Человек положил на землю ружье и бутылку с «Бериолем» и с разбегу кинулся в воду.

Штарк прежде всего завладел ружьем. Убедившись, что в стволе есть патрон с разрывной пулей, он спокойно уселся на коралловую глыбу и стал наблюдать за Зеленым Человеком.

Миллер оказался отличным пловцом. В несколько минут он заплыл далеко от берега и вдруг начал кричать и размахивать руками. Он в самом деле напал на крокодилов. Те сейчас же обратились в бегство. Штарк это видел по волнистому следу на поверхности лагуны.

— Свины! Трусливые свины! — ревел Миллер, потрясая кулаками. Потом он повернулся и, отплевываясь, поплыл назад.

Он уже был недалеко от берега, и Штарк крепко сжал ружье, приготовившись встретить убийцу Фердинанда Бера разрывной пулей, когда вдруг наперерез пловцу по поверхности лагуны понесся зеленый перископ. Миллер не видел его, но зато Штарк на этот раз отлично его заметил. Сердце в нем забилося от волнения. Он понял: в атаку на своего фюрера мчался его первый солдат Зигфрид.

Все совершилось в несколько секунд. Зеленый перископ остановился позади Миллера и скрылся под водой. Мгновение спустя над лагуной раздался душераздирающий вопль:

— На помощь! Генрих, на помо...

Миллер ушел под воду, схваченный зубами беспощадного зверя. На месте его погружения всплыло и лопнуло несколько пузырей. Вода окрасилась в розовый цвет...

8

Поверхность лагуны давно уже успокоилась и приняла прежний безмятежный вид, а Вернер Штарк все еще неподвижно сидел на берегу и как зачарованный смотрел на то место, где погиб Зеленый Человек.

— Смерть Фердинанда Бера отомщена; убийца наказан по заслугам! — сказал он наконец со вздохом облегчения. — Пусть эта лагуна вновь превратится в обиталище морских крокодилов, но у них не будет больше такого чудовищного и опасного короля... Впрочем, остался еще Зигфрид. Он тоже

наглотался «Бериоля» и распространяет вокруг себя волны ужаса. Теперь он и есть настоящий раджа-буайя... Как бы и его ликвидировать?..

Словно в ответ на слова Штарка, из воды близ берега высунулась зеленая морда гигантского крокодила.

— Он! — радостно пробормотал Вернер и взял ружье на прицел.

Он был отличным стрелком, этот неуживчивый ассистент профессора Рихтера. К тому же цель была близка. Вот глаз крокодила попался на мушку. Грянул выстрел. Над водой взвился мощный зеленый хвост. Гигант ушел под воду. Но ненадолго: через несколько минут он всплыл на поверхность кверху брюхом.

— Ура-а-а!!! — закричал Вернер, потрясая ружьем, и тут же бросился разыскивать свою пирогу.

Через час морское чудовище было вытащено на берег, и охотник приступил к снятию шкуры. Это непривычное дело отняло у него более трех часов. Уже начало смеркаться, когда он с ним покончил. Ополоснув шкуру в воде, Вернер уложил ее в пирогу и, прихватив бутылку с «Бериолем», отвел лодку на прежнее место. К хижине Зеленого Человека он вернулся совсем уже затемно.

Кое-как поужинав, Вернер бросился в траву и мгновенно уснул как убитый.

Задолго до восхода солнца он был уже на ногах. Его первой заботой было: «Скорее в путь! Старик Рихтер, наверно, извелся от беспокойства...»

Он быстро собрал свои пожитки, уложил бутылку с «Бериолем» в сумку, вскинул ружье на плечо и двинулся к берегу. Уже сталкивая пирогу в воду, Штарк впервые подумал о своем трофее:

«Что же сделать с «Бериолем»? Передать его на родине ученым? Это было бы самое правильное. Но кто поручится, что «Бериоль» снова не вырвется на волю и не попадет в руки какому-нибудь фашистскому молодчику?.. Да и зачем, собственно, людям препарат, отталкивающий все живое? Ведь, по сути дела, «Бериоль» — это эликсир одиночества...»

Вернер вынул бутылку с «Бериолем» и долго в глубокой задумчивости смотрел на зеленую маслянистую жидкость.

— Нет! — сказал он вдруг громко. — Любое дело нужно доводить до конца. Такая мерзость слишком опасна для людей. Пусть же остается среди крокодилов!

Штарк широко размахнулся и швырнул бутылку в лагуну. Раздался тихий всплеск, и «Бериоля» не стало. Он оказался похороненным там же, где столь трагически погиб его гениальный изобретатель Фердинанд Бер.

Через час пирога уже скользила по легкой морской зыби. В сторону Сумбавы дул мягкий бриз. Вернер поставил складную мачту и натянул парус. Потом он уселся на корме и, весело посвистывая, стал править на далекий сизый дымок вулкана Тамборы...

На берегу собралась огромная толпа. Весть о том, что молодой оранг путтих возвращается с атолла Пулау-Буайя, с быстротой молнии облетела все окрестные деревушки. Люди побросали работу и устремились к побережью.

Впереди всех стоял в белой панаме профессор Пауль Рихтер. Около него подпрыгивал от нетерпения юркий Салим. Тут же в глубокой задумчивости стоял старик Умар Самсури со своими сыновьями.

Десятки пирог выплыли навстречу смельчаку. Штарк был смущен. Он не ожидал такой торжественной встречи.

— Мердека! Мердека! ¹ — восторженно кричали сотни людей, размахивая пальмовыми ветками, когда Вернер Штарк выходил из пирога на берег.

— Ну, как поездка, Вернер? Как тебя принял Оранг Хидьжоу, король крокодилов? Что-то ты загостился у него... — сказал профессор Рихтер, крепко пожимая руку своему молодому ассистенту.

— Все в порядке, профессор. На Пулау-Буайя в самом деле жил очень опасный король крокодилов. Но я убил его. Вон в пироге его шкура.

Салим быстро перевел слова Штарка старику Умару. Глаза Умара Самсури радостно сверкнули.

— Оранг-оранг! Люди! — громко закричал он и поднял над головой обе руки. Огромная толпа тотчас же притихла. — Король крокодилов, страшный Оранг Хидьжоу, убит! Его победил в смертельной схватке оранг путтих Вернер Штарк! На Пулау-Буайя больше не опасно! Вы можете все увидеть шкуру Оранг Хидьжоу!

Огромная крокодилья шкура невиданно зеленого цвета пошла по рукам. В толпе раздавались возгласы удивления и ликования.

— Теперь мы будем изучать разбойника акантастер плани на атолле Пулау-Буайя, дорогой профессор... — сказал Вернер и вдруг изменился в лице. — Салим, Салим! Смотри, чтобы шкуру короля крокодилов не повредили! — закричал он громко.

— Опять шумит! Опять... — вздохнул профессор Рихтер. — Экий неугомонный человек!.. Ну, шуми себе, Вернер, шуми. А я пойду спать. Я не спал две ночи...

¹ Мердека! — индонезийское приветствие: «Свобода!»

СКАФАНДР АГАСФЕРА

Фантастический рассказ

1

Когда Дориэль Реджан дошел, что называется, до крайности, иными словами, когда он вынужден был оставить Биолию и маленького Аркифа, чтобы не лишать их последнего куска хлеба, он встретил Вальмоска; в парке встретил, в осеннем холодном парке на скамейке.

У Вальмоска был очень потрепанный вид, еще более потрепанный, чем у самого Реджана.

«Вот существо в тысячу раз несчастнее меня!» — мысленно произнес Реджан, и вместе с естественно пробудившейся жалостью в нем шевельнулось эгоистическое чувство удовлетворенности: «Не я последний в этом мире!»

Старик действительно являл собой убогое зрелище: одежда — сплошные лохмотья, изможденное лицо — в грязных

ключьях давно не бритой бороды, красные, слезящиеся глаза, тощие, жилистые руки, судорожно вцепившиеся в суковатую палку. Можно было без особого труда угадать, что он много дней уже не ел досыта и ночевал где попало. Возраст его был преклонен, но точному определению не поддавался.

С его нищим обликом никак не вязался большой породистый, упитанный дог темно-серой масти, с гладкой, лоснящейся шерстью. Он лежал под скамейкой, наполовину высунувшись наружу и положив свою великолепную умную голову на мощные передние лапы. В том, что он принадлежал старику, можно было не сомневаться. Слишком уж доверчиво прижимался этот гордый пес к рваным и грязным башмакам нищего.

Бегло осмотрев странную пару, Реджан осторожно присел на край скамейки, раскурил только что поднятый полновесный окурок сигареты «Трино» и обратился к старику с обычным в таких случаях вопросом:

— Что, приятель, совсем плохи дела? Да?

Старик медленно повернул к нему голову, внимательно оглядел его от бахромы на брюках до засаленной тульи шляпы и вдруг протянул ему свою дрожащую, со скрюченными пальцами руку.

— Вальмоск... — сказал он при этом глухим, простуженным голосом.

— Как?! — переспросил Реджан.

— Меня зовут Вальмоск, профессор Вальмоск! — настойчиво повторил старик.

Реджан смешался, покраснел, но все же торопливо пожал протянутую руку и назвал свое имя.

— Безработный? — спросил после этого Вальмоск.

— Да, уже больше года, — признался Реджан.

— Бездомный?

— Да... то есть почти... Во всяком случае, я не вернусь домой, пока не устроюсь...

— Голодный?

— Да, да, черт побери! — прорычал Реджан, приходя вдруг в бешенство от этих дурацких вопросов. — Безработный, голодный, бросивший жену и сына! Еще что? Еще злой, злой, как собака!..

На старика эта вспышка бессильной ярости не произвела ни малейшего впечатления. Когда Реджан докурил свою коротенькую сигарету и немного успокоился, Вальмоск снова обратился к нему с вопросом:

— А жить, поди, хочется?

— Бросьте издеваться!.. — буркнул Реджан, уже жалея, что затронул болтливого старика.

— Я не издеваюсь,— прохрипел Вальмоск.— Я для дела спрашиваю. Хотите жить, Реджан?

— Вообще-то надоело... Если бы не Биолия и Аркиф... Но, по совести говоря, хочу. Очень хочу!— с неожиданной для себя искренностью ответил Реджан.

— Тогда пойдете!— Вальмоск навалился на палку и с трудом поднялся.

— Куда?— оторопел Реджан.

— Ко мне. Посмотрите кое-что. Может быть, вам подойдет...

С этими словами чудаковатый старик пошел прочь, шаркая ногами и часто стуча палкой по мокрому асфальту. Великолепный дог вылез из-под лавки и пошел за ним. Несколько мгновений Реджан смотрел им вслед, потом махнул рукой:

— Эх, была не была! Терять уж нечего!..

Он быстро догнал профессора и пошел с ним рядом.

2

Из парка они вышли не через главные ворота, которые вели на оживленную улицу, а через узкую служебную калитку в противоположном конце. За калиткой простирался огромный пустырь, часть которого занимала свалка. А дальше начинался пригородный район с лабиринтом улочек и тупиков. Когда-то здесь жили богачи. Но после войны, во время которой многие дома были разрушены, место пришло в запустение и постепенно покрылось временками городской бедноты.

На пустыре, неподалеку от тропинки, свора бродячих псов рылась в кучах каких-то отбросов. Реджан невольно сравнил их с собакой Вальмоска. Любое из этих облезлых, голодных созданий могло бы составить нищему старику более подходящую компанию, чем его изумительный красавец дог. Реджан еще раз подивился гордой осанке, спокойной царственной поступи великолепного пса. Он уже хотел спросить Вальмоска, где тот взял этакое редкое сокровище, но в это время они приблизились к своре и вызвали в ней переполох.

Завидев дога, собаки разразились яростным лаем. Несколько крупных лохматых экземпляров отделились от своры и подбежали поближе к тропинке, делая вид, что готовы наброситься на дога и разорвать его. Реджан, наблюдавший в этот момент за догом, отметил в нем еще одну странность. Красавец дог даже не обернулся на бешеный лай своих полудиких сородичей. Он смотрел вперед и вышагивал рядом с хозяином с невозмутимостью английского лорда. У него даже уши не дрогнули, а это было уже совсем не по-собачьи. Лишь

когда Вальмоск замахнулся на бродяг палкой, дог тоже взглянул в их сторону, но опять-таки совершенно равнодушно, словно поднятый ими шум не имел к нему никакого отношения. Псы шарахнулись прочь, но продолжали с остервенением лаять, хотя от нападения их, по-видимому, сдерживала не палка старика. Они чуяли в поведении дога какую-то непонятную опасность и поэтому не решались вступить с ним в драку.

Наконец пустырь остался позади. Путь продолжался по узкому, мощенному булыжником переулку.

— Скажите, профессор, почему ваша собака так странно ведет себя? — спросил Реджан у старика.

— Потому что она ничем не интересуется, — коротко бросил Вальмоск.

— Это как же? Может, она глухая?

— Да, и глухая, и немая...

— Какая жалость! Такой великолепный экземпляр! А как звать ее, почтеннейший Вальмоск?

— Когда-то звали Ронги. Давно звали, лет сорок назад. А теперь ее никак не зовут...

— Сорок лет назад? Уж не хотите ли вы меня уверить, что этой собаке перевалило за сорок лет?! — вскричал Реджан.

— Ей сорок шесть лет, — ответил Вальмоск.

— Бросьте говорить чепуху! Собаки не живут так долго!

Старик остановился и окинул Реджана взглядом, полным досады и раздражения.

— Всеу свое время, — проворчал он сердито. — Вот придете ко мне и все узнаете... А пока воздержитесь от грубых замечаний!

— Ну хорошо, хорошо, — успокоил его Реджан, — я подожду, пока вы мне сами все объясните...

После этого они двинулись дальше.

3

Дом, про который Вальмоск не без гордости заявил: «Это мой дом!» — был огромной мрачной развалиной с выбитыми стеклами, провалившейся крышей и прочими следами разрушений, причиненных временем и стихиями. Развалина стояла посреди широкого двора, захламленного и запущенного до изумления.

— Здесь вы живете, почтеннейший Вальмоск?! — воскликнул Реджан, когда они вошли во двор и старик тщательно запер за собой ржавый замок ободранной железной калитки.

— Да, Реджан, здесь я живу, — с достоинством ответил Вальмоск, словно перед ним были не жалкие руины, а шикар-

ный дворец. Затем он добавил: — Полвека назад этот дом был предметом зависти многих богачей нашего города. Его так и называли: «особняк Вальмоска».

— Полвека назад? Это в два раза больше, чем я прожил на свете!.. Но как вы не боитесь в нем жить? Ведь он с часу на час угрожает рухнуть!

— Он крепче, чем вы думаете, Реджан. Не бойтесь, входите.

Старик открыл высокую, обитую ржавыми листами железа дверь, которая зловеще закрипела, и ввел гостя в дом. Ронги спокойно вошел вместе с ними.

Сначала они очутились в высоком вестибюле, который еще больше поразил Реджана видом полнейшего запустения. Здесь царил полумрак. Скучный свет проникал лишь через выбитые стекла высоких окон, на которых кое-где еще уцелели железные ставни. Пол был завален мусором, обломками статуй, ворохами бумаги. С ободранного, когда-то лепного потолка свисали целые гирлянды пыли и паутины.

Не дав Реджану хорошенько осмотреться в вестибюле, Вальмоск повел его дальше. Они вошли в сводчатый коридор, в конце которого светлело овальное окно, совершенно лишенное стекол. Из него тянуло сырым сквозняком. Не доходя до окна, Вальмоск свернул на лестницу, уходящую круто вниз. На первой площадке он нашарил рукой выключатель, и тут же над лестницей загорелись пыльные лампочки. После пятого лестничного марша старик снова повел Реджана по длинному коридору, потом отомкнул литую дверь и, осветив новую вереницу лестниц, пошел еще дальше в подземелье, из которого веяло холодом. Наконец Вальмоск отомкнул последнюю дверь и ввел гостя в небольшую комнату, освещенную старинной хрустальной люстрой.

— Вот и мои апартаменты. Располагайтесь, Реджан! — прохрипел старик, едва дыша от усталости, и в полном изнеможении повалился на старый диван, стоявший у стены.

Ронги улегся возле дивана на голом полу, а Реджан с любопытством осмотрелся и присел на колченогий стул. Пошарив в карманах, он нашел еще один окуроч «Трино» и закурил. Это его успокоило, и он принялся более внимательно осматривать квартиру странного профессора.

Первое, что с удивлением отметил Реджан, была еще одна дверь. Она находилась в конце левой стены. Реджан уже решил, что жилье Вальмоска завершает анфиладу коридоров и лестничных маршей, но теперь убедился, что это не так. Интересно, что там, за дверью? Неужели еще коридоры и лестницы, уходящие вглубь?.. Какой странный дом, этот полуразвалившийся «особняк Вальмоска»!..

Кроме дивана и стула, в комнате был еще стол, заваленный остатками какой-то пищи, черная электроплитка на табуретке, куча тряпья за диваном и шкаф с десятком пыльных книг и папок. На всем лежал отпечаток ужасающей нищеты, до которой докатился владелец когда-то богатейшего в округе дома.

Вальмоск дышал часто, со старческими хрипами. Ронги замер в полной неподвижности и походил скорее на изваяние, чем на живую собаку.

Осмотрев комнату, Реджан занялся догом. Теперь этот удивительный пес внушал ему, кроме жгучего любопытства, какой-то мистический ужас. Вероятно, действовала обстановка. Нервы у Реджана были напряжены, и не удивительно, что он вздрогнул всем телом и чуть не закричал, когда справа от него послышался шорох и из темного угла, где лежала куча старого тряпья, вдруг вышел огромный сиамский кот. Сердце Реджана забилось как сумасшедшее. Чтобы хоть немного успокоиться и подавить приступ страха, он поманил кота.

— Кис-кис-кис! Иди сюда, котик!

Но кот даже не обернулся на зов. Он важно подошел к догу, осмотрел его своими человеческими глазами, потом прыгнул на диван, заглянул в лицо хозяину и тотчас же снова удалился в свой угол. Реджан еще раз попытался позвать его, но тут раздался хриплый голос Вальмоска:

— Не утруждайте себя напрасно, Реджан! Кот Флипп такой же глухой и немой, как и Ронги... Потерпите, я отдохну немного, и тогда приступим к делу...

4

Старик отдыхал не менее часа. За это время Реджан прикончил все свои окурки и табачные крошки, вытряхнутые из кармана. Дым в комнате не скопился. Вероятно, несмотря на отсутствие окон, комната как-то проветривалась. Когда табак кончился, Реджана стал мучить голод. Он поднялся и подошел к столу в надежде найти на нем что-нибудь съестное.

Среди заплесневевших корок хлеба, картофельной шелухи и прочих отбросов валялся ломтик сыра, завернутый в относительно чистый обрывок бумаги. Реджан с жадностью вонзил в него зубы. Но не успел он прожевать первый кусок, как за спиной у него послышалось злобное старческое брюзжание:

— Оставьте мою еду в покое! Я привел вас не на ужин! Мне самому нечего есть!

— Бросьте прикидываться нищим, профессор! — отозвал-

ся Реджан, с трудом прожевывая сыр.— Небось зверюг своих чем-то кормите! Ишь, какие они у вас упитанные!..

Тогда Вальмоск, кряхтя, поднялся с дивана и подошел к столу. Понюхав отброшенную Реджаном бумагу, он спросил с укором:

— Вы съели мой сыр, Реджан?

— Да, почтеннейший Вальмоск, я съел ваш сыр и не чувствую ни малейших угрызений совести. Если вы припасли его для Ронги, то на сей раз вашему красавцу догу придется поужинать без сыра!..

— Ронги и Флипп не нуждаются в пище,— тихо сказал старик.— Уже сорок с лишним лет прошло с тех пор, как они ели последний раз!.. А я?! Трудно даже представить себе ту гору пищи, которую за это время перемололи мои зубы!.. Бывает, Реджан, я завидую этим тварям!..

— Но почему они не нуждаются в пище? — вскричал Реджан, пораженный этим новым открытием.

Старик не ответил. Схватив со стола сухую корку, он с жадностью принялся ее сосать. Реджан смотрел на него, как на помешанного. Да и не удивительно: в поведении и словах старика было слишком много странного, непривычного, ни с чем не сообразного. Понаслаждавшись коркой минут пять, старик вдруг вынул ее изо рта и указал ею на ободранный стул, на котором только что сидел Реджан.

— Это было давно. Очень давно... — промолвил он, мечтательно сощурившись.— Вы и представить себе не можете, Реджан, кто сидел на этом стуле тридцать восемь лет назад! Вам и во сне такое не приснится! На нем сидел сам Эрм Грунзолл, богатейший человек в мире. Да, да, миллиардер Эрм Грунзолл! Только не теперешний Эрм Грунзолл Пятый, а его покойный дедушка, Эрм Грунзолл Третий. Он сидел на этом стуле, как на троне, и все говорил: «Нет, Вальмоск, это мне не подходит!» Потом он ушел, и с ним ушли пятьсот миллионов суремов, которые я по праву считал своими... С тех пор я нищий. Но я еще хочу взять свое! Я еще буду есть на золотых блюдах и разъезжать в самых шикарных автомобилях! Только бы нашелся человек, умеющий по-настоящему желать!.. Вот вы, Реджан, съели у меня последний кусок сыра. Если я спрошу вас: «Можете вы вернуть мне мой сыр?», вы скажете: «Нет, Вальмоск, это невозможно. Я тоже нищий!» А ведь это неправда! Вы можете мне вернуть не только этот жалкий кусок сыра,— вы можете мне вернуть все мои богатства! Вы можете осчастливить всех, кого любите, и наказать всех, кого ненавидите! Для этого вам достаточно сказать одну только фразу: «Да, Вальмоск, мне это подходит!» Одну эту фразу, да...

Оборвав свою странную речь, Вальмоск снова занялся коркой. Но в нем все заметнее росло беспокойство. Почмокав с минуту, он вдруг резким движением отшвырнул корку и поднялся:

— Идемте, Реджан. Я покажу вам кое-какие чудеса. А потом мы с вами поговорим...

С этими словами Вальмоск бесцеремонно пнул ногой свою великолепную собаку. Ронги поднялся, величественно прошел в угол и вытолкнул оттуда кота Флиппа. После этого старик открыл ту самую дверь, за которой Реджан подозревал новые мрачные коридоры и лестницы. Щелкнул выключатель, и проем двери озарился ярким, белым светом. Ронги и Флипп спокойно вошли в нее. Вальмоск торжественным жестом указал на дверь:

— Заходите, Дориэль Реджан! Вас ждет необычайное!

Реджан заглянул в дверь через плечо старика. То, что он увидел, глубоко его поразило.

5

Там оказался просторный зал, залитый дневным светом десятка неоновых ламп. В строгом порядке в нем были размещены шкафы, полные приборов, сверкающих стеклом и никелем, столы с мраморными досками, большие сложные аппараты под колпаками и без них. Все предметы поражали невероятной чистотой. Реджан терялся в догадках: «Что это? Лаборатория? Мастерская? Химический цех?» Однако от вопросов он пока воздержался.

Вальмоск пропустил вперед Реджана и плотно закрыл дверь. Потерев руки, он с довольным видом осмотрел залу и сказал:

— Начнем с Ронги!

Взяв собаку за шиворот, он молча повернул ее мордой к одному из аппаратов, напоминавшему своей конструкцией гильотину. Это был стол с железной стоячей рамой. Внизу рамы зияло круглое отверстие, вверху сверкал устрашающих размеров стальной нож с остро отточенным лезвием.

Собака спокойно прыгнула на мраморную доску стола и просунула голову в круглое отверстие. Сердце Реджана невольно застучало быстрее, ладони вспотели. Вальмоск спокойно нажал рычаг. Тяжелый нож молнией скользнул вниз и обрушился лезвием на шею собаки. Послышался тупой удар. Реджану показалось, что голова собаки отделилась от туловища. Но это был обман зрения — ожидаемое он воспринял как действительное. На самом деле собака даже не дрогнула, так

как нож не причинил ей никакого вреда. Старик рванул рычаг, нож снова поднялся и снова рухнул вниз, но опять безрезультатно.

— А теперь вместо собаки просуньте в отверстие вот это дубовое полено,— приказал Вальмоск.

Ронги слез со стола и даже не отряхнулся. Реджан просунул в отверстие дубовый кругляш сантиметров двадцать в диаметре. Нож, сверкнув, упал вниз и рассек полено, словно оно было из воска.

— Смотрите дальше! — нетерпеливо прохрипел Вальмоск.

Он схватил собаку и потащил ее к большому чану. Собака сразу поняла, что от нее требуется. Она прыгнула в чан и свернулась на его дне в клубок. Вальмоск открыл над чаном кран, из которого хлынула какая-то прозрачная жидкость. Резкий запах ее ударил Реджану в нос и заставил его отшатнуться.

— Отойдите в сторону! Это крепкая соляная кислота! — крикнул Вальмоск и, мучительно закашлявшись, нажал кнопку. В колпаке над чаном засвистел мощный вентилятор и принялся отсасывать ядовитые пары.

Вскоре к чану можно было приблизиться и заглянуть в него. Уровень кислоты быстро поднимался, пока не достиг красной черты. Ронги лежал под ее поверхностью без движения, с широко открытыми глазами. Он спокойно смотрел на наклонившихся к нему людей.

— Хотите убедиться? — криво усмехнувшись, спросил Вальмоск.

Не дожидаясь ответа, он извлек откуда-то живую белую мышь. Зажав ее длинными металлическими щипцами, он на мгновение погрузил ее в жидкость.

— Смотрите!..

Реджана передернуло от отвращения.

Выпустив кислоту из чана, старик обмыл Ронги каким-то раствором и знаком приказал ему покинуть чан. Дог выпрыгнул из смертельной купели как ни в чем не бывало и улегся в стороне.

— А теперь возьмемся за Флиппа,— сказал Вальмоск.— Он может проделать те же операции, что и Ронги, но не стоит повторяться. На Флиппе мы покажем кое-что иное!

Он взял kota и положил его в большой тигель. Сверху сбросил на него множество обломков железа, затем включил рубильник. Тигель начал быстро нагреваться. Через некоторое время железо в нем расплавилось и закипело. Вальмоск подал Реджану защитные дымчатые очки.

— Смотрите! Смотрите!..

Реджан заглянул в тигель и вздрогнул. В кипящем железе,

пышущем в лицо нестерпимым жаром, спокойно плавал гладкий сиамский кот. У него даже усы не загорелись!

Дав Реджану насладиться необычайным зрелищем, Вальмоск выключил рубильник, выпустил жидкий металл в закрытую форму, остудил тигель холодным воздухом и лишь тогда позволил Флиппу из него выскочить.

— Я мог бы вам показать еще целый ряд таких же опытов, Реджан, но думаю, что и эти достаточно убедительны,— заявил потом Вальмоск.

— Да, да, конечно! — поспешно согласился Реджан. — Но я не понимаю, в чем вы меня хотите убедить, почтенный профессор!

— Только в одном, Реджан, только в одном! Я хочу вас убедить, что эти животные абсолютно неуязвимы, что они бессмертны! Их можно бросить в жерло вулкана, на них можно обрушить горы, и они не почувствуют этого. Даже водородная бомба не способна причинить им вред! Они не нуждаются ни в пище, ни в воздухе, ни в тепле. Умрет Земля, погибнет Солнце, распадется в пыль Галактика, а эти двое будут носиться в космическом пространстве такие же, какими вы их видите теперь. Над ними не властны ни случай, ни время, ни стихии. Они бессмертны, и бессмертными их сделал я, профессор Вальмоск!

— Но как вы сумели такое?!

— Как? Хорошо, я расскажу вам об этом...

6

Старик выгнал своих удивительных питомцев обратно в грязную комнату и увел за ними Реджана. Здесь он снова прилег на диван, а гостю указал на единственный стул. В руке у старика снова оказалась хлебная корка, которую он, вероятно, прихватил со стола. Посасывая корку с таким наслаждением, что у Реджана набежал полный рот слюны, Вальмоск принялся говорить:

— Я всю жизнь посвятил этой проблеме, Реджан. Проблеме бессмертия. Мне хотелось разгадать тайну не продления жизни, не относительного бессмертия с возможностью случайной гибели, а бессмертия абсолютного, исключаящего смерть полностью и навсегда. Как же я рассуждал, подбираясь к этой проблеме? А вот как я рассуждал...

Старик задумчиво почмокал губами и продолжал:

— Человек — фиктивная единица. Он единица лишь в собственном воображении, точнее — в собственном сознании. На самом же деле он неразрывно связан со своей биологической

средой, от которой полностью зависит. Смерть заложена в нем самом, ибо смерть — это непреложный закон биосферы, в которой человек развился и в которой живет до сих пор. Чтобы стать единицей фактической, единицей абсолютной, человек должен уничтожить свою зависимость от биосферы, изолироваться от нее. Став абсолютной единицей, человек одновременно обретает и абсолютное бессмертие. Я понятно объясняю, Реджан?..

— Понятно, профессор. Об этом, конечно, можно спорить, но... продолжайте!

— Спорить не о чем! Я доказал свою правоту на деле!.. Впрочем, слушайте дальше. Изоляцию я принял как закон бессмертия. Этот закон, в свою очередь, подсказал мне идею скафандра. Каким образом? Очень просто. Человек, желая проникнуть в чуждую и опасную среду, давно уже пользуется различными скафандрами. Таковы скафандры подводные, огнеупорные, антирадиационные, космические. Поскольку земная биосфера угрожает человеку неизбежной смертью, ее тоже следует рассматривать как чуждую для человека среду, от которой нужно изолироваться скафандром. Конечно, я понимал, что скафандр бессмертия должен быть неизмеримо сложнее и совершеннее любого иного скафандра. Ведь он должен не только изолировать человека от биосферы, но и служить ему неуязвимой броней. Что и говорить, задача была сложная и трудная. Однако, уловив правильно принцип, я довел ее до окончательного решения. В конечном счете скафандр абсолютного бессмертия стал не просто внешней оболочкой, которую можно снимать и надевать по желанию, а неким комплексом сложнейшей обработки живого организма. Такая обработка представляет собой необратимый процесс. Объяснять детали я вам не буду — вы все равно ничего не поймете. Скажу лишь, что доступ в организм для внешней среды закрывается наглухо и навечно. Общение с миром поддерживается только при помощи зрения...

— Значит, Ронги и Флипп...

— Вот именно, Ронги и Флипп стали первыми живыми существами, которые ушли из этой жизни не в тьму небытия, а в абсолютное бессмертие!

7

Реджан был глубоко поражен сообщением Вальмоска. Он даже забыл про терзавший его нестерпимый голод. Еще бы! До еды ли человеку, когда перед ним раскрываются такие изумительные перспективы! Но почему старик, сделав свое

гениальное открытие, впал в такую ужасную нищету? Почему, наконец, он сам себя не сделал бессмертным, как Ронги и Флиппа?..

Реджан облизнул пересохшие от волнения губы и спросил:

— А человека вы не пытались еще обработать таким же вот способом, почтеннейший профессор?

— Человека? Для кого же я это делал, если не для человека? Но... Впрочем, я уже говорил вам про Эрма Грунзолла Третьего... Когда я разработал план конструкции и составил смету, я понял, что генератор бессмертия поглотит все мое состояние. А я был тогда далеко не бедняк, Реджан! Одними наличными у меня было тридцать пять миллионов суремов. Помимо этого, десяток доходных домов, три имения и собственный приборостроительный завод. Однако рисковать я не хотел. Я связался с Эрмом Грунзоллом Третьим и предложил ему абсолютное бессмертие за пятьсот миллионов. К сожалению, я не мог ему показать ничего, кроме планов и сметы. Эрм согласился, но денег вперед не дал. Сказал, что уплатит тотчас же, как только станет бессмертным. Для меня его слова было достаточно. Я начал строить генератор за свой счет. Он создавался в подzemелье этого дома, еще ниже опытной лаборатории, которую вы видели. У меня было занято пятьсот человек, из них более сотни специалистов. Никто не знал, что и для чего тут строится, но платил я щедро, и все были довольны. Постепенно на стройку ушел весь мой наличный капитал, а потом дома, имения и завод. Когда генератор бессмертия был готов и опробован на Ронги и Флиппе, я стал уже фактически нищим. Тогда я пригласил к себе Эрма и все ему показал. Собака и кот подверглись двадцати пяти различным операциям. Двое суток провел у меня Эрм, вникая во все, а потом он сел на этот стул и сказал: «Нет, Вальмоск, мне такое бессмертие не подходит». Это было тридцать восемь лет тому назад...

Старик задумался и, казалось, позабыл о присутствии гостя.

— А потом? Неужели вы ни разу... — начал было Реджан. Но старик тотчас же оживился и перебил его:

— Что — ни разу? Я тысячи раз пытался привлечь клиентов! Я залезал в долги и давал объявления в газетах. Противно вспоминать! Меня либо считали шарлатаном, либо, ознакомившись с моим принципом бессмертия, наотрез от него отказывались. Люди глупы, Реджан! Они падки на всякие удовольствия и бессмертие им нужно такое, чтобы вечно есть, пить, любить женщин, болтать, слушать музыку, обонять цветы! А мое бессмертие не дает ничего, кроме вечной жизни, вечного действия, вечного мышления...

— Но почему же вы себя не сделали бессмертным, почтеннейший Вальмоск?

Задав этот вопрос, Реджан так и впился в старика глазами. Вальмоск ответил не сразу. Он задумчиво сосал корку и смотрел куда-то вверх погрустневшими глазами. Потом он заговорил виновато и тихо:

— Вы имеете право знать правду, Реджан. Я не мог заставить себя принять абсолютное бессмертие. Это предрассудок, но это сильнее меня. Я люблю жизнь со всеми ее радостями и наслаждениями. Приняв абсолютное биологическое бессмертие, я лишил бы себя всего этого... Если вы тоже, тогда оставим это...

— Нет, нет! — поспешно вскричал Реджан. — Я не видел от жизни никаких радостей! Я готов! Но, профессор... Если уж на то пошло... Впрочем, какие тут оговорки! Вы ведь, наверное, не просто так, не ради моих прекрасных глаз подарите мне бессмертие? У вас, наверное, есть условия!..

— Да, Реджан, у меня есть условия. Вы вернете мне то, что я израсходовал на постройку генератора. Пятьсот миллионов суремов — вот цена того ломтика сыра, который вы у меня съели!

— Пятьсот миллионов? Но где же я возьму их?

— Бессмертному все доступно. Все сокровища мира будут ваши! Вы сможете доставать их со дна океана или спускаться за ними в жерла вулканов! Об этом не беспокойтесь, я научу вас, где и как доставать золото.

— В таком случае, я готов, Вальмоск!

— Отлично! Время для нас дорого. Идемте!..

8

Прошла неделя, и Реджан снова сидит на ободранном стуле в комнате Вальмоска. Старик только что привел его из подземелья, где он ровно семь дней находился в генераторе бессмертия. Об этом времени у Реджана не осталось никаких воспоминаний — сознание его было отключено. Когда он возвращался через залу, где испытывали животных, его пошатывало. Вспоминался плававший в расплавленном железе Флипп, и от этого воспоминания его всего передернуло.

Добравшись до стула, он тяжело на него рухнул. Голова Реджана была полна каких-то шумов, но это были внутренние шумы, вызванные резкой перестройкой всего организма. Сердце его болезненно сжималось, все внутренности горели огнем. Ему хотелось кричать, стонать, но рот его был запечатан накрепко и навечно.

Старик взял лист бумаги и, набросав на нем несколько слов, поднес его к глазам Реджана. Буквы расплывались, прыгали, но Реджан все-таки прочел:

«Как вы себя чувствуете, дружище?»

Сжав карандаш непослушными пальцами, он ответил:

«Плохо! Наверно, умру!»

Вальмоск, в свою очередь, написал:

«Мужайтесь! Это естественная реакция. Ронги и Флиппу тоже было плохо сразу после выхода из генератора. Но это быстро прошло. Ощущаете ли вы какую-нибудь потребность? Голод, жажду?»

Реджан ответил:

«Не знаю. Наверное, я слаб от голода. Ведь я ничего не ел перед операцией, кроме кусочка сыра!»

Вальмоск возразил:

«Голод тут ни при чем. Генератор привел ваш организм в полное равновесие: убрал лишнее, добавил недостающее. Со временем энергия у вас будет прибывать за счет ненужных органов. Мозг и нервная система укрепятся и приобретут стабильность. Ваше мышление достигнет необыкновенной ясности и четкости. А пока нужно потерпеть. Помните, что у вас в запасе вечность и что вам ничто уже не может угрожать!»

Реджан пастаивал на своем:

«Мне плохо, старик! Я хочу прилечь! Уступите мне свой диван!»

«Ложитесь на пол,— ответил Вальмоск.— Для вас теперь все равно, где лежать: что на перине, что на булыжниках».

Реджан сполз со стула и растянулся на полу. Глаза его не закрывались и не мигали. Но все вокруг ему виделось расплывчатым, искривленным, словно сквозь текущую воду. К нему подошел Ронги и взглянул ему в лицо. Взгляд собаки был умным и печальным. Реджану даже почудилось в нем настоящее человеческое сострадание. С трудом подняв руку, он погладил дога по голове и мысленно произнес:

«Вот и я стал таким же, как ты, Ронги! Что нас ожидает в будущем?..»

Пес отошел и лег на свое место у дивана.

На Реджана надвинулось странное забытье. Он все видел, но перестал сознавать окружающее. На него наплывали бредовые образы, чередуясь с черными провалами полного безпамятства. Он метался, словно в горячке, потрясал кулаками, стучал головой об пол. Вальмоск не знал, что с ним делать. Помочь ему ничем он не мог. Наконец, схватив из кучи в углу охапку старого тряпья, он накинул его на Реджана. Через несколько минут Реджан успокоился и погрузился в глубокий сон.

Измученный старик улегся на диван и закутался в свое рваное пальто. Он снова сосал корку и с беспокойством наблюдал за Реджаном. Когда Реджан замер в полной неподвижности, старик толкнул рукой собаку и плаксиво спросил:

— Неужели не вынесет? Неужели зря? Эх, Ронги, Ронги, Ронги, почему мы с тобой такие несчастные?!

Дог в ответ даже не стукнул об пол хвостом. Его взгляд был полон глубокого безразличия...

9

Реджан проснулся через пять часов. Первое, что он воспринял сознанием, была глубочайшая тишина и непроницаемая тьма. Но в теле он чувствовал необыкновенную легкость — казалось, оттолкнись и пари в воздухе, как птица. Темноту он приписал ночи и поэтому не испугался ее. Однако лежать без движения не хотелось. Он вскочил на ноги, тряпки с его головы упали, в глаза ударил желтый свет пыльной люстры. Он увидел себя в комнате Вальмоска и разом все вспомнил.

Старик на диване спал. Реджан подошел к нему и бесцеремонно растолкал. Он увидел, как глаза Вальмоска раскрылись, а губы быстро зашевелились, произнося какие-то слова.

«Надо научиться понимать речь по движению губ», — подумал Реджан и, разыскав бумагу и карандаш, размашисто написал:

«Самочувствие отличное! Хочу убедиться в своей неуязвимости, а затем приступить к работе. Вставайте, почтеннейший Вальмоск!»

Старик прочел написанное, удовлетворенно закивал и торпливо написал ответ:

«Поздравляю с бессмертием, Доризель Реджан! Вы увидите необыкновенные вещи! Вы прославите мое имя во всей Вселенной! Через миллиарды лет вы станете властелином Вселенной! А пока, если хотите убедиться в своей неуязвимости, идите в лабораторию!..»

Они прошли в соседнюю залу, и здесь профессор стал указывать Реджану поочередно на все аппараты. От гильотины Реджан отказался, от чана с соляной кислотой тоже. На тигель он ответил утвердительным кивком. Вальмоск выколотил из формы слиток металла, положил его в тигель и включил рубильник. Реджан не отрываясь смотрел, как в тигеле накаляется и плавится железо.

Когда металл закипел, пузырясь и разбрызгивая огненные искры, Реджан стал осторожно подносить к нему руку. Ни ма-

лейшего жара он не ощущал. Все ближе, ближе ослепительная клокочущая поверхность. Вот рука коснулась ее. Ничего — ни боли, ни тепла, лишь чуть заметное сопротивление жидкости. Тогда Реджан окунул в кипящий металл обе руки и принялся их полоскать, словно это была обыкновенная вода.

Сияя от восторга, он отряхнул потом руки, так что взметнулся каскад ослепительных брызг, и бросился к Вальмоску, желая его обнять. Но старик в ужасе от него отшатнулся, указывая на его руки. Реджан понял, что чуть не нанес старику серьезные ожоги. Желая, однако, поскорее высказаться и поделиться своими ощущениями, он взял карандаш и бумагу, но те вспыхнули у него в руках и моментально сгорели. Вальмоск укоризненно покачал головой, принес новую бумагу с огрызком карандаша и написал:

«Не сходите с ума, Реджан! Поверхность ваших рук раскалена до тысячи градусов. Охладите руки водой, прежде чем к чему-либо прикасаться, иначе вы подожжете дом!»

Реджан прочел эти строки и сейчас же направился к сосуду с водой. Когда он погрузил руки в воду, из сосуда рванулся вверх целый столб пара. Охладив руки и удостоверившись, что они больше не жгут, Реджан взял у Вальмоска карандаш:

«Могу ли я ослепнуть от слишком яркого света?»

«Нет, — ответил Вальмоск. — Как вы сами видели, Флипп купался в расплавленном металле, и зрение его от этого несколько не пострадало. Запомните: даже свет сверхгорячих звезд не в силах вас ослепить!»

«Хорошо, профессор, я верю вам».

«Хотите еще подвергнуть себя испытаниям? У меня есть пресс в тысячу атмосфер. Отличная штука! Или, если угодно, вакуумная камера».

«Нет, довольно. Я хочу теперь работать. Научите меня, где взять золото. Я хочу с вами рассчитаться, Вальмоск. Я хочу поскорее отдать вам ваши пятьсот миллионов за ваш ломтик сыра!»

«Слава всевышнему! Кончились мои муки мученические!.. Идемте к столу, Реджан, я должен вам дать подробные указания!»

Они вернулись в комнату. Вальмоск расчистил на столе место и принялся писать руководство по добыче золота. А Реджан занялся пока Флиппом и Ронги. Его очень интересовало, узнают в нем звери себе подобного или не узнают...

Последующие недели Реджан с увлечением выполнял инструкцию Вальмоска. Начали с самого простого: с золота, затонувшего вместе с кораблями на недоступных глубинах.

Реджану нравилось бродить по морскому дну в таких чудовищных безднах, куда не достигали еще даже самые совершенные батискафы. Перед ним раскрывался сказочный мир невиданных доселе животных, сохранившихся без изменений миллионы лет под многокилометровой толщей воды, в царстве вечного мрака и вечной тишины.

Он бродил под трассами старых морских путей в поисках затонувших сокровищ и находил их в несметном количестве. Кое-что для начала он насыпал к себе в железный ящик и выносил на берег, но за главными грузами Вальмоск снарядил потом судно, которое рейс за рейсом отвозило тонны добытого Реджаном золота.

В каждое плавание Вальмоск отправлялся лично и зорко следил за тем, чтобы никто из команды не разгадал цели его предприятия. Лебедка опускала под воду литую батисферу с завинчивающейся крышкой. Стальные тросы достигали порой длины десяти километров. Иногда они обрывались, и тогда, к удивлению матросов, оборвавшийся конец травили под воду со специальным грузилом; концы троса каким-то чудом сами находили друг друга и соединялись в неведомой глубине прочными зажимами, а потерянная батисфера поднималась на палубу. Ее разгрузку в трюме совершали двое доверенных людей Вальмоска.

Последний месяц Реджан вообще не выходил на поверхность. Работа под водой нисколько не утомляла его. Она казалась ему забавой. В промежутках между рейсами он всячески развлекался, наслаждаясь своей полной неуязвимостью. Перед его подвигами бледнели все измышления досужих фантастов, все мифы и легенды о чудо-богатырях и титанах древности. А для него это были не подвиги, а просто шалости от нечего делать.

Он вступал в единоборство с гигантскими кальмарами неслыханных и невиданных размеров и всегда, поиграв с ними, убивал их с помощью обыкновенного кинжала. Однажды он умышленно позволил проглотить себя чудовищной рыбе с тысячезубой пастью, а потом вспорол ей брюхо и вышел из нее невредимым. Вокруг него в полном молчании происходила беспощадная борьба: одни чудовища пожирали других и сами тут же становились жертвой еще более ужасных созданий. Один Реджан был вне этой извечной борьбы и чувствовал себя неограниченным властелином океана.

Когда при одном из очередных спусков батисфера принесла в глубину прикрепленный к крюку небольшой якорь — условленный знак о прекращении работы, — Реджан почувствовал досаду и раздражение. Ему не хотелось покидать подводное царство, которое своим молчанием было очень сродни его собственному вечному безмолвию. Однако он не хотел пока порывать с Вальмоском, так как у него было еще на суше немало собственных дел. Подавив в себе досаду, он вошел в батисферу и задраил изнутри крышку люка.

На сей раз батисферу в трюме не вскрывали. Вальмоск приказал взять курс к порту. Судно развернулось и направилось к родным берегам. В океане разыгрались осенние штормы. Работы у команды было по горло. Про загадочную батисферу забыли. Сам Вальмоск пластом лежал у себя в каюте, страдая от жестокого приступа морской болезни.

По прибытии в порт Вальмоск распорядился разгрузкой судна, щедро расплатился с командой и лишь тогда спустился в трюм, где, заключенный в батисферу, томился Реджан. С трудом отвинтив тяжелую крышку, старик осветил внутренность батисферы карманным фонариком и помог Реджану выбраться.

На бессмертном не было никакой одежды, лишь пояс с кинжалом в ножнах и футляр с электрическим фонарем. Но ему это не мешало — холода он все равно не ощущал. Вальмоск провел его к себе в каюту, где для него было приготовлено отличное платье, соответствовавшее сезону и моде. Реджан быстро оделся и подсел к столу, на котором лежали бумаги и карандаш.

«Какова дальнейшая программа, Вальмоск?» — размашисто написал он.

«Пока никакой, — ответил профессор. — Я займусь восстановлением дома, а вы отдыхайте. Позже мы предпримем путешествие в земные недра. Это будет поинтереснее морских глубин, Реджан!»

«Хорошо, — согласился бессмертный. — Занимайтесь своим делом. Я тоже займусь своими делами. Мне пора уже навесить и устроить семью. Сколько вы можете ассигновать на мои нужды, Вальмоск?»

«Сколько угодно, дорогой Реджан! Десять миллионов в год пока устроят?»

«Устроят. Пока. Пишите чек!..»

Три месяца прошло с тех пор, как Реджан покинул семью. За это время он не подавал о себе ни единой весточки. Биолия кое-как перебивалась на случайных заработках, смотрела за двухлетним Аркифом и терпеливо ждала возвращения мужа. Она знала его характер и понимала, что не даст о себе знать, пока чего-нибудь не добьется.

Однажды ночью Биолия проснулась от стука в дверь. Вскочив с постели, она в одной рубашке бросилась к двери и спросила:

— Кто там?

Никто не ответил, но стук повторился, сначала просто, а потом в темпе «Марша трубадуров», который так любил насвистывать Реджан. Сердце Биолии сразу почувствовало, что это стучит, и затрепетало от радости.

Повернув ключ и сняв цепочку, Биолия распахнула дверь. На пороге стоял Доризель Реджан. Но ее ли это Доризель? Откуда на нем такая богатая, дорогая одежда?! Впрочем, при чем тут одежда! Конечно, это ее родной Дор! Это его прекрасное мужественное лицо, его спокойные любящие глаза!..

— Милый! — тихо простонала Биолия и бросилась на грудь мужу.

Реджан подхватил ее на руки и внес в комнату, прихлопнув за собой дверь ногой.

С минуту он стоял посреди комнаты, держа жену на руках и глядя на нее каким-то странным — и нежным, и вместе с тем грустным взглядом. Потом, так и не поцеловав ее, хотя она именно этого ждала, он бережно опустил ее на кровать, а сам, по-прежнему молча, присел к столу, вынул блокнот, авторучку и принялся что-то писать.

— Дор, что с тобой?.. — с мольбой прошептала Биолия, испуганная непонятым молчанием мужа.

Вместо ответа Реджан протянул ей блокнот. Биолия с недоумением взяла его и прочла следующие строки:

«Не пугайся, Оли! Все хорошо! Я стал богат, как Крез, но за это потерял способность говорить и слышать. Я сделал это ради того, чтобы ты и Арик никогда ни в чем не нуждались. Напиши, как твое здоровье, как наш малыш?»

Он подал ей авторучку, знаками приглашая ее писать. Но Биолия вскрикнула, уронила блокнот на пол и бросилась к мужу. Она стала с лихорадочной горячностью ошупывать его, гладить его по лицу, рукам, иступленно целовать его, заливаясь слезами. Вскоре она заметила, что руки и лицо его холодны, как лед. В сердце ее шевельнулась страшная догадка. Она вдруг рывком распахнула на нем пальто и припала ухом

к его груди, к тому месту, где должно было биться его сердце. Но грудь его была неподвижна, без малейшего признака дыхания, а сердце молчало, словно его не было.

— Ты мертв! Ты призрак! — крикнула Биолия и, отпрянув от мужа, забилась в угол кровати. Глаза ее расширились, наполнились ужасом.

Проснулся в своей постельке и громко заплакал маленький Аркиф. Биолия метнулась к нему и, прижав его к груди, снова укрылась в своем углу. Она громко выкрикивала молитвы и какие-то бессвязные заклинания.

Реджан молча смотрел на нее, взгляд его был полон грусти, недоумения и горечи. Несколько мгновений он стоял в нерешительности, с беспомощно опущенными руками. Он понял причину ее ужаса и сначала совершенно растерялся, так как не ожидал ничего подобного. Но вот он поднял с пола блокнот, снова присел к столу и долго что-то писал.

Биолия тем временем несколько успокоилась. Призрак мужа был все же слишком материален, глаза его были слишком живы и по-земному добры. Нет, Дор не причинит ей вреда! Дор любит ее, любит Арика! Поэтому, когда Реджан вновь подал ей блокнот с густо исписанным листом, она с жадностью схватила его, уверенная, что узнает наконец всю правду.

И она узнала правду.

И тогда снова были слезы, снова Биолия гладила лицо мужа, снова целовала его. Потом она поднесла к нему сына. Мальчик узнал отца и потянулся к нему ручонками, но Реджан не посмел его приласкать, боясь, что ребенок испугается его ледяных прикосновений.

Наконец Биолия схватила карандаш и написала такие слова:

«Мне ничего не надо, милый! Пусть мы будем нищими, пусть мы будем голодными, только будь таким, как раньше. Отдай своему профессору все, но пусть он вернет тебе твой прежний облик, твою прежнюю жизнь!»

Реджан горестно покачал головой и ответил:

«Оли, это невозможно! Когда я согласился на операцию, я думал только о тебе и нашем мальчике. Я думал только о том, чтобы вырвать вас из этой проклятой нищеты! А теперь уже поздно! Но ты не отчаивайся, я все равно люблю тебя, только тебя одну, и никого больше! Я буду приходить к тебе. А потом, когда рассчитаюсь с Вальмоском, я останусь с вами навсегда».

Он писал все это совершенно искренне, сам еще не понимая, что уже не сможет быть для Биолии мужем, не сможет любить ее. А она это уже поняла и поэтому плакала безутеш-

но, словно он в самом деле умер. Для нее он стал просто дорогим призраком, холодным, недоступным и далеким. В этом убедили ее прикосновения его холодных рук, его гробовое молчание, его каменная, бездыханная грудь, в которой она не могла уловить биение его сердца...

12

О доме Вальмоска снова заговорили. Развалина, которую муниципалитет уже занес в списки строений, подлежащих сносу, неожиданно преобразилась.

Всю зиму во двор свозили строительный материал и возводили леса. Весной начался капитальный ремонт, и в самый разгар лета леса убрали, и дом засверкал, как сказочный дворец. Старик Вальмоск, перебравшийся на время ремонта в лучшую гостиницу города, торжественно отметил свое вселение в обновленный дом. На званом обеде присутствовали многие видные горожане и сановники, среди них и Эрм Грунзолл Пятый, самый богатый человек в мире.

Шеренги отлично вышколенных лакеев подавали на серебре и золоте изысканно приготовленные яства. Дорогие вина искрились в хрустальных бокалах.

Профессора Вальмоска трудно было узнать. Он преобразился не менее чудесно, чем его дом: лицо его разгладилось и сияло довольством; он был пострижен по последней моде, гладко выбрит и надушен самыми тонкими духами; черный фрак и белоснежная манишка делали его изящным и ловким; на руках его сверкали перстни с брильянтами.

Открывая торжественный обед, Вальмоск произнес короткую речь, полную загадочных намеков. Он говорил о божественном провидении, которое помогло ему вырваться из полосы неудач и вернуться в высший свет, где он прежде занимал далеко не последнее место. Он вспомнил о дружбе с Эрмом Грунзоллом Третьим и в связи с этим произнес таинственную фразу о том, что прощает дому Грунзолла старый долг чести, который с процентами достиг к настоящему времени семисот миллионов суремов. Гости были удивлены, а Эрм Грунзолл Пятый, сидевший на почетном месте справа от хозяина, презрительно усмехнулся и, наклонившись к своей соседке, сказал довольно громко:

— Наш любезный хозяин, видимо, ошалел от радости. О прошлом у него сохранились весьма туманные представления!

Баронесса хихикнула, а Вальмоск покраснел и скомкал конец своей речи...

Во время десерта и кофе, которые подавались в голубой гостиной и курительном салоне, гости, разбившись на отдельные группы, оживленно обсуждали этот прощенный долг в семьсот миллионов и замечание Эрма Грунзолла Пятого. Самая большая группа собралась вокруг престарелого Висторма, бывшего полвека назад мэром города. Этот девяностолетний крепыш во всеуслышание разглагольствовал о неудачной торговле бессмертием, на которой Вальмоск когда-то давно вылетел в трубу.

— Я ставлю десять миллионов против одного, что Вальмоску удалось-таки всучить свое идиотское бессмертие какому-нибудь доверчивому простаку-иностранцу! — пищал Висторм, брызгая слюной.

Бессмертие, бессмертие, бессмертие... Кто-то что-то слышал об этом, кто-то где-то читал... Висторму поддакивали, но общее мнение склонялось к тому, что Вальмоск просто получил наследство.

Однако, несмотря на это недоразумение, прием прошел благополучно, если не считать странного эпизода, происшедшего под самый занавес.

Вдруг среди гостей появился новый гость, которого никто не знал. Это был прекрасно сложенный молодой человек, одетый безукоризненно, но поведением своим смутивший очень многих. Дворецкий не докладывал о его приходе. Он явился об руку с хозяином, медленно прошел по всем залам, с нескрываемым любопытством осмотрел присутствующих и, не сказав ни слова, никому не поклонившись, скрылся неизвестно куда.

Когда Вальмоск, проводив странного незнакомца, вернулся к обществу, дамы окружили его и принялись наперебой расспрашивать о «прекрасном немом». Вальмоск пожимал плечами, блистал перстнями, расточал улыбки, но ответа так и не дал. Лишь Висторму он ответил более или менее правдиво. Бывший мэр оттащил его в сторону и спросил напрямик:

— Это человек, купивший у вас бессмертие, Вальмоск?

Взяв Висторма доверительно под руку, профессор вполголоса ответил:

— Да, старина, это несчастный, который никогда не умрет, Это единственный из людей, который переживет и Землю, и Солнце, и Галактику, и даже самого господа бога!

— Во сколько же это обошлось?

— Мне это обошлось в один ломтик сыра!..

Висторм выпучил глаза и поспешно отошел от Вальмоска.

Когда гости разъехались, а слуги, прибрав залы, удалились на покой, Вальмоск спустился в подземелье дома, в комнату, которую он недавно занимал сам и в которой теперь обитали Реджан, Ронги и Флипп. Обновление дома не коснулось этого глубокого подвала. Здесь все было по-прежнему: грязь, запустение и полная тишина.

Реджан сидел на диване, закрыв лицо ладонями. Ронги лежал на своем месте и пристально смотрел на пыльную люстру; Флипп, по своему обыкновению, прятался в темном углу, за кучей тряпья.

Входя в комнату, Вальмоск хлопнул дверью. Люстра чуть заметно дрогнула. Ронги отвел от нее взгляд и посмотрел на хозяина. Реджан даже не пошевелился. Он все еще был в вечернем костюме, в котором недавно приходил поглядеть на гостей Вальмоска. Профессор брезгливо оттолкнул ногой собаку и, схватив Реджана за волосы, резким движением запрокинул его голову. Реджан спокойно глянул на Вальмоска и легким кивком дал понять, что принял его приход к сведению.

Тогда Вальмоск заговорил, старательно двигая губами:

— Доризль, слушайте меня внимательно. Вы два месяца провели на дне океана, три месяца в недрах земли и добыли за это время сказочные сокровища. Вы вернули мне в сто раз больше, чем я вложил в генератор абсолютного бессмертия! Что вы намерены делать дальше?

Бессмертный внимательно следил за губами старика. Он понял каждое произнесенное им слово. Вынув из кармана блокнот с золотым обрезом и дорогую авторучку, он написал на чистом листе:

«Я не знаю, Вальмоск, чем мне заняться. С вами я рассчитался сторицей, семью обеспечил. Жена и сын живут в собственной вилле и имеют отличный постоянный доход с капитала, который я положил в банк на их имя. У меня были враги, которых я ненавидел и хотел уничтожить. Теперь я могу это сделать, но у меня пропала охота заниматься врагами. Вальмоск, мне все доступно, но мне ничего не нужно! Когда я был на дне океана, мне нравилось там и казалось, что я смогу провести там многие тысячелетия. А в недрах земли, в причудливом кипении огненной лавы, мне даже миллионы лет не представлялись страшными. Но теперь мне и это кажется утомительно однообразным и недостойным внимания».

Вальмоск на это сказал:

— Равнодушие — это единственная болезнь бессмертного. Гоните его от себя, Доризлы! Разнообразие развлечений для вас неисчерпаемо. Вы можете прочесть все книги, написанные людьми, — у вас хватит на это времени. Вы можете осмотреть все культурные сокровищницы мира и даже сделать их своей собственностью! Более того, вы можете сами стать писателем, художником, скульптором — у вас достанет времени развить в себе любой из талантов! Или займитесь науками и станьте самым ученым, самым мудрым из людей. А если вам хочется почестей, славы, неограниченной власти, вам и это вполне доступно. За двести — триста лет вы можете исподволь выдвинуться и сделаться бессменным, вечным правителем! Словом, займитесь чем угодно, только не предавайтесь меланхолии, безразличию, скуке!

Реджан написал:

«Зачем мне все это, Вальмоск? Я чувствую, как во мне угасают желания. Люди не интересуют меня, и заботы людей мне чужды. Вот я сижу и думаю: кто я? Жив я или мертв? Может быть, права Биолия, которая считает меня призраком? Ведь живым принято называть того, кто двигается от рождения к смерти и стремится за это короткое время сделать как можно больше. Я родился, но я никогда не умру, мне не нужно спешить. Значит, меня нельзя считать живым! Только мертвые пребывают в состоянии абсолютного постоянства. Но я и не мертвый! Я хожу среди живых, я двигаюсь, я мыслю, я чувствую, я вижу окружающий мир, я могу совершать поступки и переделывать этот окружающий мир по своему вкусу! Кто же я?.. Вы тоже ничего не знаете! Вы создали бессмертие, но даже отдаленно не представляете себе, что это такое!.. Знаете, Вальмоск, о чем я вспоминаю? Вы, думаете, о прежней жизни, о похождениях под водой и под землей? Нет, я вспоминаю вкус сыра, который съел у вас, прежде чем стать бессмертным. Это было последнее и самое яркое впечатление моей смертной жизни, и оно осталось во мне навсегда, чтобы преследовать меня бесконечно, миллиарды лет. В настоящую минуту я без колебаний отдал бы бессмертие за возможность съесть кусочек сыру!.. Молчите, ваш генератор несовершенен! Давая бессмертие, он должен одновременно убивать память о прошлом, то есть вынимать из человека его человеческую сущность... Впрочем, теперь уже все равно. Для себя, Вальмоск, я ничего не хочу, но для вас я мог бы еще кое-что сделать. Меня удивляет и забавляет ваша жадность и ваша страсть к обыкновенной жизни, которой у вас осталось не более десяти — пятнадцати лет. Вам нужны богатства, власть, слава? Хотите, я отберу у Эрма Грунзолла Пятого его идиотские миллиарды и отдам их вам?»

Вальмоск подумал:

«Пусть занимается чем угодно, лишь бы не предавался скуке. Эта скука может смениться приступом бешенства, и тогда он натворит такое, что и сам не рад будет. А человечество не много потеряет, если дом Грунзоллов перестанет существовать...»

Вслух он сказал:

— Отлично, Доризель! Эрм Грунзолл Пятый позволил себе на сегодняшнем банкете довольно грубое замечание на мой счет. Его стоит проучить. Действуйте!..

14

Высокое общественное положение несет с собой много неприятных обязанностей. Вальмоск завертелся, как белка в колесе: визиты, приемы, встречи, деловые разговоры. За всей этой сумятицей он на время забыл о новом задании, которое взял на себя Реджан. Вспомнил лишь через месяц и, ужаснувшись своей беспечности, поспешно позвонил своему поверенному в делах:

— Каково положение дома Грунзоллов? Есть ли новости?

— А каких новостей вы ждете? — с любопытством переспросил поверенный.

— Да ничего определенного, я вообще спрашиваю...

— Если вообще, то пока ничего не слышно. Дом Грунзоллов стабилен как никогда.

— Благодарю вас!

Вальмоск повесил трубку и бросился по коридорам и лестницам в подземелье.

Когда он вошел в «убежище бессмертных» (так он теперь называл свое прежнее жилище), он опять увидел Реджана сидящим на диване. Бессмертный смотрел прямо перед собой в одну точку и о чем-то размышлял. На коленях у него на сей раз примостился кот Флипп, а красавец Ронги по-прежнему лежал у ног.

При появлении Вальмоска группа бессмертных даже не пошевелилась. Вальмоск несколько раз тряхнул Реджана за волосы и тут же чихнул от столбом поднявшейся пыли. Реджан с трудом очнулся и вопросительно глянул на профессора.

— Почему вы до сих пор не отправились выполнять свое обещание, Реджан? — заорал старик, неистово двигая губами.

Реджан пожал плечами. В глазах его было совершенно искреннее недоумение.

— Да отвечайте же, черт вас побери! Где ваш блокнот, где авторучка?

Он сам выхватил из кармана Реджана письменные принадлежности и сунул ему в руки. Реджан взял их и написал: «Вы сердитесь, профессор?»

— Вы еще спрашиваете?! Почему вы до сих пор не отправились приводить в исполнение приговор, который сами вынесли Эрму Грунзоллу Пятому? В какое положение вы меня ставите перед светом? Я уже предсказал падение дома Грунзолла! Уже месяц назад предсказал! Вы хотите, чтобы я прослыл лжецом и хвастуном? Что вы тут делали целый месяц?!

«Я не знал, что уже прошел целый месяц,— спокойно написал Реджан.— Я думал, что вы ушли полчаса назад. Как, однако, быстро летит время, Вальмоск! Вы удивили меня. Так ведь недолго прозевать и всю вечность... Но не волнуйтесь, вам вредно в вашем возрасте. Сегодня я обязательно займусь Грунзоллом. Он лопнет, как мыльный пузырь, так что треск пойдет по всем биржам мира! В океане, Вальмоск, я убивал гигантских кальмаров. А помните вулкан, через который я проник под землю? Он бездействовал пятьсот лет. А я разбудил его, и он до сих пор беснуется и клокочет... Так и людей... Я могу раздавать троны, как мелкую монету. Но и могу давить промышленных королей, как тараканов. Ступайте, Вальмоск, не мешайте мне готовиться к выступлению! Ничего, что прошел месяц. Сегодня я наверстаю упущенное время. Не беспокойте меня попусту. Считайте, что Грунзолл у вас в руках».

— Хорошо, Дориэль, я верю вам,— сказал Вальмоск, прочитав эти строки.— Я верю, что вы выполните свое обещание и спасете мою репутацию. Чтобы не стеснять вас своим присутствием, я отправлюсь путешествовать. Надеюсь, к моему возвращению Эрм Грунзолл Пятый будет повален, а его миллиарды станут миллиардами Вальмоска. Я приду через полгода, Дориэль. Желаю вам успеха!

15

Будучи уверен, что на сей раз Дориэль возьмется за дело основательно, профессор Вальмоск в тот же день отправился путешествовать. Благо собираться ему было недолго: поднял трубку телефона, заказал каюту в трансатлантическом лайнере, сунул в карман чековую книжку — и в путь!

Дворецкому он велел временно рассчитать лишних слуг и никого постороннего в дом не пускать. Поверенному прика-

зал зорко следить за положением дел Эрма Грунзолла Пятого.

Вальмоск исколесил весь мир, развлекаясь в полное свое удовольствие. Ровно через полгода он вернулся домой. Теперь ему не нужно было запрашивать поверенного. Он и без того знал из газет, что положение дома Грунзоллов не только не пошатнулось, но, напротив, укрепилось на несколько новых миллиардов.

Предчувствуя недоброе, Вальмоск отправился сначала к жене Реджана. Он застал молодую женщину в глубоком трауре. Описав ей подробно состояние бессмертного, Вальмоск сказал:

— Вы должны помочь мне расшевелить его, Биолия. Он должен чем-нибудь заниматься. Его депрессия таит в себе грозную опасность. Когда-нибудь он поднимется и совершит ужасное! Это может окончиться всемирной катастрофой!

Биолия подумала и ответила:

— Профессор Вальмоск, я считаю вас убийцей моего мужа. Я ненавижу вас! Но я все же помогу вам. Не ради вас, а ради моего сына, ради всех людей.

Вальмоск сдержанно поклонился и повел Биолию к машине.

Сердце молодой женщины болезненно сжалось, когда она очутилась в мрачных подвалах Вальмоска. У нее было такое чувство, словно она входит в могильный склеп. Вальмоск отмыкал дверь за дверью и наконец привел Биолию к «убежищу бессмертных».

В комнате было темно. Все лампочки в люстре, вероятно, перегорели. Профессор вынул сильный ручной фонарь и осветил им внутренность комнаты. Биолия вскрикнула, увидев группу бессмертных.

Они сидели в тех же позах, в каких Вальмоск оставил их полгода назад, но грязь, пауки и мыши преобразили их до неузнаваемости.

Лицо, волосы, одежда Реджана были покрыты слоем пыли. Между его грудью и телом Флиппа повисла густая сетка паутины. На спине Ронги свили себе гнездо мыши.

Глаза Реджана были раскрыты, но на них тоже лежала серая пыль. На свет они явно не реагировали. Вальмоск вынул платок и бережно стер пыль с лица Реджана, словно это был не живой человек, а каменная статуя.

Бессмертный оставался неподвижен, как изваяние.

Вальмоск долго раскачивал голову Реджана и светил ему в глаза фонарем, прежде чем тот стряхнул с себя оцепенение и сознательно посмотрел на пришедших. Он сразу узнал Био-

лию. Но это не вызвало в нем ни малейшего оживления. Медленными движениями он нашарил в кармане блокнот и авторучку. Чернила в авторучке высохли. Реджан бросил ее на пол и достал карандаш.

Жестом приказав Вальмоску светить хорошенько, он написал следующее:

«Дорогая Оли, зачем ты пришла? Тебя привел этот сумасшедший старик, да? Не связывайся с ним!.. А вы, Вальмоск, не беспокойте меня понапрасну! Придет время, я сам позову вас. Эрм Грунзолл осужден на смерть. Разве вам этого мало? Умрет Грунзолл, умрете вы! Бросьте дурить! Вам ничего больше не нужно!»

Биолия прочитала написанное и своим нервным мелким почерком набросала ответ:

«Дор, милый, опомнись! Того, что случилось, не вернешь, но зачем ты бросил меня и Арика? Почему я должна носить траур при живом муже? Идем со мной, Дор! Тебя ждет сын! Ты отец, ты должен помочь мне воспитать Аркифа. Встряхнись, Дор! Ты ведь живой, ты можешь жить добрыми делами, а этого достаточно, чтобы не потерять вкус к жизни!»

Но горячее воззвание Биолии оставило Реджана равнодушным. Его ответ был коротким и категорическим:

«Мне ничего не нужно, Оли. Желания во мне иссякли. Но я не хочу наблюдать, как состаришься и умрешь ты, как состарится и умрет мой сын. Я не хочу бродить по Земле среди сплошного кладбища. Кого мне любить? Все умрут! Все! Прощай, Биолия! Прощайте, Вальмоск!»

Профессор направил луч фонаря на свое лицо и отчетливо произнес:

— Мы больше с вами не увидимся, Доризэль. Извинитесь за меня перед далекими потомками, когда они обнаружат вас здесь через тысячу или через десять тысяч лет. Я убедился, что бессмертие человеку не нужно. Прощайте, Доризэль. Не оставляйте своих товарищей по бессмертию, Ронги и Флиппа, они скрасят вам не одно тысячелетие, когда вам надоест дремать в подземелье и вы отправитесь бродить по нашему столь неустойчивому, но все же прекрасному миру. На то будущее время желаю вам доброго настроения и благих помыслов. А пока приятных вам грез, Доризэль Реджан! Приятных грез и легкой скуки!..

Реджан внимательно слушал эти слова. Но в ответ на них лишь слегка кивнул. Вальмоск стер еще пыль с Ронги и Флиппа и попрощался с ними, грустно заглянув в их широко раскрытые глаза, полные глубочайшего безразличия ко всему на свете.

После этого он покинул подземелье, уводя с собой истерически рыдающую Биолию.

Вскоре Вальмоск приказал наглухо замуровать все входы в подземелье, в котором остался похоронен генератор бессмертия, а вместе с ним Доризель Реджан, Ронги и Флипп.

На Земле о них никто больше не слышал.

СОДЕРЖАНИЕ

НОЧНОЙ ОРЕЛ (<i>Фантастическая повесть</i>)	3
В ТЕМНОМ ГОРОДЕ (<i>Приключенческая повесть</i>)	232
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ДИКА МЮРРЕЯ (<i>Фантастическая повесть</i>)	306
ЧЕРТИ В КУЗНИЦЕ (<i>Приключенческий рассказ</i>)	382
ПОСЛЕДНЕЙ УМИРАЕТ СОБАКА (<i>Фантастический рассказ</i>)	398
КОНЕЦ КОРОЛЯ КРОКОДИЛОВ (<i>Фантастический рассказ</i>)	411
СКАФАНДР АГАСФЕРА (<i>Фантастический рассказ</i>)	433

Для среднего и старшего возраста

Александр Ломм

НОЧНОЙ ОРЕЛ

Ответственный редактор

Н. М. Беркова

Художественный редактор

Н. З. Левинская

Технические редакторы

Т. Д. Юрханова и Е. М. Захарова

Корректоры

Г. Ю. Гнетова и Т. П. Лейзерович

Сдано в набор 19/IV 1973 г. Подписано к печати 28/VIII 1973 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 29. Уч.-изд. л. 29,1. Тираж 100 000 экз.

A09294. Заказ № 607. Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцевский вал, 49.

Ломм А.

**Л74 Ночной Орел. Рис. Л. Фалина. М., «Дет. лит.»,
1973.**

462 с. с ил. в пер.

Сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов.

Р2

*Скан, OCR, обработка
Mouisei 2018 г.*

